Академия наук Абхазии
Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа

ДИАЛОГ ВРЕМЕН

История. Традиции. Культура

АЛЬМАНАХ
№ 2

АбИГИ
Сухум, 2018

УДК 94(5)
ББК 63.3(5Абх)я54
А 11

Утверждено Ученым советом Абхазского института гуманитарных исследований

ДИАЛОГ ВРЕМЕН. *История. Традиции. Культура.* № 2.
АбИГИ. – Сухум: «Дом печати», 2018. – 472 с.

Редакционная коллегия:
Авидзба А.Ф. *(гл. редактор),* ***Авидзба В.Д., Авидзба В.Ш., Агуажба Р.Х., Аргун М.Р., Ашуба А.Е., Возба С.З., Гегия Е.Г., Дбар А.Я.*** *(редактор),* ***Джапуа Т.Ш., Казанба И.О., Куправа А.Э., Рыженкова Г.Н., Саманба Л.Х., Чамагуа В.З.***

«Диалог времен» – историко-культурное периодическое издание, в котором публикуются как новые, так и архивные статьи и материалы. Первый выпуск вышел на абхазском и русском языках. Начиная со второго номера альманах будет выходить отдельно на русском языке и отдельно на абхазском. Нумерация издания будет сквозной.

© АбИГИ, 2018

МАТЕРИАЛЫ ПО БИБЛИОГРАФИИ АБХАЗИИ

Исторические и этнологические россыпи об Абхазии и Восточном побережье Черного моря

Материалы об Абхазии и абхазах встречаются в разнообразных архивных источниках, периодических изданиях и музейных коллекциях на протяжении многих веков. Цель данной публикации – ознакомить читателя с небольшой подборкой материалов по истории и этнологии Абхазии и Восточного Причерноморья.

1. Энциклопедия Иненю. – Анкара, 1947, т. II. – с. 16.

«АБАЗА» – стиль (мода). В первой половине XVII в. Абаза Мехмет-паша создает новый стиль одежды. Абаза Мехмет-паша был человеком, обладающим тонким вкусом, наряды его отличались изысканностью, головные уборы (чалмы-башлык) были разнообразны. Абаза-паша занимался украшением седел. Падишаху Мурату IV очень нравился стиль Абаза Мехмет-паши, он подражал ему и повелел распространить новую моду в народе. Атрибутами этой моды были: новый покрой кафтана, абхазский кавук (вид чалмы-башлык), абхазские седла и оружие (сабли). Стиль (мода), созданный Абаза Мехмет-пашой довольно долго продержался в Стамбуле [и при дворе султана].

2. Абгарян Г.А. Армянские источники об Абхазии и абхазах. Ереван, 1969 (рукопись). Хетум – История монголов. XIII в.

«Это царство разделяется на две части. Одна называется Грузия, а другая Абхазия. Там всего было два царя, один из которых, то есть грузинский царь, подчиняется самодержцу Азии, а абхазский царь силен народами и неприступными твердынями, поэтому ни самодержец Азии, ни монголы не могли взять их под свое иго».

«Затем они [сарацины] взяли и другие города, и поселения, и завоевали большую часть Азии, кроме Абхазского царства, и кроме того района в Армянском царстве, называемом Халойен».

«Третья дорога проходит у большого моря, которую враги никогда не пытались взять, ибо там укреплено царство Абхазское, одолеть которых не следует надеяться».

3. Абхазы // Малая Советская Энциклопедия (МСЭ). – 1933, 2-е изд. Т. 10. – С. 43.

«Общая численность абхазов приблизительно 310 тысяч, из них в СССР 57 тысяч человек (1926), почти целиком живут в Абхазской АССР, за пределами СССР, в Турции – около 250 тысяч».

4. Абхазы // Народы Кавказа. Каталог-указатель этнографических коллекций. Министерство культуры СССР. Государственный музей этнографии народов СССР. – Л., 1981. – С. 152–153.

«Вещевые собрания по абхазам в Государственном музее этнографии народов СССР представлены шестью коллекциями с общим количеством номеров 219. Коллекции собирались в период с 1903–1918 гг. Собирателями были А. Миллер, хранитель фондов отдела Кавказа, большой специалист по археологии и этнографии Кавказа, сотрудник музея А.К. Сержпутовский, имевший большой опыт в собирательской работе. А.С. Пиралов, интересовавшийся кустарными промыслами. Одна из коллекций состоит из вещей, принадлежащих М.Ф. Плюшкину, любителю и собирателю народного искусства».

Коллекция 410. Количество: 4. Собрано А.С. Пираловым в 1903 г. в Сухумском округе.

Коллекция 1247. Количество: 137, абхазы. Собрана А. Миллером в Сухумском округе.

Коллекция 2948. Количество: 75. Собрана А.К. Сержпутовским в 1912 г. в с. Калдахвара и Адзюбжа Сухумского окр.

Коллекция 3804. Количество: 2, абхазы, получена от Н.М. Леушиной в 1918 г.

Коллекция 8145. Количество: 19, абхазы. Собрана и передана в дар Е.М. Малия.

Коллекция 8603. Количество: 1. Получена в дар от В.А. Дмитриева в 1976.

5. Аболтин В. Национальный состав Турции // «Новый Восток». 1925, 1 (7). – С. 121–122.

«Кавказские горцы – черкесы, осетины, абхазы, чеченцы, ингуши и проч. выселялись в Турцию несколькими приемами в течении XIX века. Согласно русской официальной статистике выселилось до 1.800.000. Более компактные поселения сосредоточены на полуострове Чаршамба, на равнине от Токата к Сивасу и в Исмидском санджаке. Их деревни разбросаны также по побережью Эгейского моря и в Армении.

Основное занятие горцев – земледелие и скотоводство, но много их служит в жандармерии, занимаются контрабандой, мелкой торговлей. Из их среды вышло много турецких офицеров.

Горцы-мусульмане-сунниты, и отношения у них с турками сносные. Большими турецкими патриотами они себя, однако, не чувствуют… (Горцы составляют около четверти «черного списка» 150 лиц, объявленных изменниками в 1924 году.)

Отличаясь предприимчивостью вообще, горцы не покидают и своих старых привычек: угон скота, воровство лошадей, грабеж при удобном случае практикуется и ныне, это вызывает конфликт с турецким населением. Горцы чрезвычайно храбры, их боятся даже дерзкие курды».

6. А.В. Поездка на правый фланг Кавказской линии и в Черноморию // «Кавказ». – 1850, № 57.

«Красивейшими племенами Кавказа считаются Абхазы и соседние им племена Черкесские – Абазехи и Бжедуги.

Было время, когда Абхазы и многие им соседние Черкесские племена исповедовали христианскую религию Греческой церкви… В горах есть и теперь язычники, приносящие жертвы в заповедных рощах и ущельях и вместе с тем встречаются обряды христианства и поклонение развалинам древних христианских церквей, хотя настоящих христиан мало и в самой Абхазии».

7. И. Аверкиев. [Мост «Владетель»] // И. Аверкиев. С северо-восточного прибрежья Черного моря. – «Кавказ», 1866, № 77.

«В средние века генуэзцы наследовали места греческих колоний и вели торговлю с внутреннею Азиею и с горскими жителями, сохранившими до выселения память о генуэзцах, – называемых «Игеноах», которые снабжали их хорошим оружием, переходившим из рода в род и сохранившимся часто до настоящего времени. Абхазцы приписывают генуэзцам постройку моста через р. Бзыбь в ущелье, который они называют «Владетель». По рассказам абхазцев, мост этот переброшен с одной стороны ущелья на другую на высоте от земли на ружейный выстрел (300 сажен) и имеет длины семь сажен».

8. Вл. Адлейба. Моим братьям-крестьянам Кодорского участка // «Сухумская Правда», 1918, четверг, 16 мая, № 23, с. 1–2.

«Я не верю этому, но говорят, что Вы с грузинским отрядом воюете против трудового народа – крестьян абхазцев Гагринского, Гудаутского и Гумистинского участков».

9. С. Анисимов. «Абхазские Альпы». Гагры – Сухум – Батум. Батумское побережье. – Госиздат. М. – Л., 1930. – Гл. «Абхазы». – С. 18–20.

«Большую часть Абхазского народа надо считать выселившейся в Турцию. По абхазским источникам число эмигрантов достигло 400 тыс. человек».

10. Аполлоний Родосский. III в. до н.э. // Аполлоний Родосский. – Перевод, введение и примечания Г.Ф. Церетели. – Тб., 1964. – С. 149.

[Воздушное захоронение у колхов]

194. Так он сказал, и одобрила вся молодежь речь Язона,
195. И не нашлось никого, кто б иное советовать начал.
Фрикса сынов он подвигнул тогда вслед идти за собою
И Теламона и Авгия, сам же взял скипетр у Гермеса,
И все они с корабля чрез тростник и стоячие воды
Вышли на сушу затем, где холмом поднимается почва, –
200. Местом Кирки то место звалось. Там росли в изобильи
Ивы речные одна за другой, росли там и вербы.
А на их верхних ветках, к ним привязаны вервием крепким,
Трупы висели. Еще и теперь Колхам ужас внушает
Трупы почивших огнем сожигать, не дозволено также.
205. Им, мертвецов обрядив, на земле насыпать холм над ними.
Нет, крепко их завернув в сыромятные кожи воловьи,
Вешают трупы они на деревьях вне города. Все же
С воздухом равную долю земля получает, – ведь в землю
Женщин они опускают. Таков там закон и обычай!

12. Аполлоний Родосский // Аполлоний Родосский. Аргонавтика. – Перевод, введение и примечания Г.Ф. Церетели. – Тб., 1964. – С. 149, 151.

[Описание дворца Эита]

Гера, для путников дело благое замысля, по граду
Сразу густой напустила туман, чтоб дошли они тайно
Для многотысячной Колхов толпы до Эита чертогов.
Но из равнины когда они прибыли в город, к Эита
Дому, то облако сразу рассеяла Гера богиня.
Стали пред домом они, дивясь и ограде владыки,
И широким вратам, и колоннам, что шли опояской
Тесно вкруг стен. Наверху же над домом карниз поднимался
Каменный, – был он на медных триглифах искусно прилажен,
Молча затем чрез порог перешли они. Неподалеку
Словно в венце из зеленых листьев виноградные лозы,
Ввысь поднимаясь, пышно цвели. А под ними четыре
Вечно-журчащих ключа изливалися. Вырыты были
Богом Гефестом они. Один из них млеком струился,
Рядом другой бил вином, третий маслом бежал благовонным,
Тек же четвертый водой, – она нагревалася сильно
При захожденьи Плеяд, а при их восхожденьи на небо
Светлая, словно кристалл, выбивалась из полой пещеры.
Вот сколько дивных чудес в чертогах Китейца Эита
Ловкий в искусстве измыслил Гефест! Для него же потщился
Он и быков меднорогих создать, были медные тоже
Пасти у них, и оттуда они жгучий огонь выдыхали.
Кроме того смастерил он еще цельный плуг из железа
Крепкого, Гелию в знак благодарности, ибо последний
Взял в колесницу его, утомленного битвой Флегрейской,
Был во дворце посредине и двор, и на нем было много
Сплоченных крепко двухстворных дверей и за ними покоев.
С той и с другой же его стороны был и портик красивый,
С бока ж с обеих сторон тянулся ряд горниц высоких,
В горницах этих, в одной, что всех прочих была превосходней,
Жил сам владыка Эит со своей супругой. В другой же
Сын помещался Эита Апсирт. Его породила
Нимфа Кавказская (имя же ей было Астеродея),
Прежде, чем сделал Эит своею супругой Идию,
Младшую дщерь из рожденных Тефидою и Океаном.
Дали же Колхов сыны Апсирту прозванье «Фаэтон»,
Ибо красою своей выдавался он среди молодежи.
В прочих же горницах жили служанки и дщери Эита,
Обе, Медея и с ней Халкиопа.

Зелье Медеи из «Прометеева цвета»

А той порой из резного ларца Медея достала
Зелье, – она, говорят, «Прометеевым цветом» зовется.
Если кто-либо, склонив к себе единородную Деву
Жертвой, свершенной в ночи, увлажит свое тело тем зельем,

Ни для ударов железа не может он быть уязвимым,
Ни пред пылающим он не отступит огнем. Но и силой
Будет в тот день он и мощью своею пред всеми отличен.
Вырос впервые тот цвет, когда проливаясь по капле
Там на Кавказских горах орлом-кровопийцей: на землю
Кровь Прометея страдальца, бессмертная красная влага.
А из той влаги цветок произрос, длиной в один локоть,
На Корикийский шафран вполне своим цветом похожий,
И на двойном колыхался стебле. А в земле притаился
Корень, его, что подобен куску кровоточного мяса.
Сок того корня, похожий на горного дуба сок черный,
В ракушку с Каспия для волхованья набрала Медея,
Семь раз омывши себя водой, неустанно текущей,
Семь раз призвавши Бримо, что юношей бодрых питает
Мертвых царицу Бримо, подземную, ночью что бродит,
Мрачною ночью призвав, одетая в темное платье
Рев прокатился под черной землей и она содрогнулась.
Корень Титана был срезан когда, и стоном ответил
Сам сын Япета, от боли ужасной душою слабея.
Вынувши зелье, Медея в благовонный вложила
Пояс, что был у нее вокруг персей прекрасных повязан.

Аполлоний Родосский. Аргонавтика. – Тб. 1964. – С. 181, 183

13. Аполлоний Родосский. Аргонавтика. – Перевод, введение и примечания Г.Ф. Церетели. – Тбилиси, 1964. – С. 225.

Песнь четвертая

О ту пору, когда в славе были уже многонивный
Черный Египет, мать молодежи всей древлерожденной,
И та река Тритона, прекрасно текущая коей
Водами он напоен, он, черный, – его ведь от Зевса
Дождь не влажнит: от разливов реки нивы там колосятся.
Говорят, что оттуда всю Азию и всю Европу
Некий муж обошел, положась на дружин своих смелость
И на их силу и мощь, и при этом обходе без счета.
Он городов населил, из коих одни существуют,
Нет уж других, ибо много веков с той моры миновало.
Эя стоит и теперь еще твердо, и внуки живут в ней,
Тех мужей, коих он насадил поселенцами Эи,
И хранят они от отцов столбы с письменами,
А на столбах начертаны тех пути и пределы
Моря и суши пути для всех, кто вокруг света ездит.

14. Симон Апсуа. Горцы Кавказа в Турции // «Отклики Кавказа», Армавир, 1913, № 22.

«Всех выходцев с Кавказа в Турции насчитывается до 900 тыс. душ обоего пола. Огромное большинство из них составляет так называемое западно-горское племя. Делятся они в Турции на три главных ядра: кабардай, адыге и абаза.

Племя абаза (абхазцы) и адыге (черкесы) составляют большинство эмигрантов Кавказа. К племени абаза принадлежат совершенно исчезнувшие на Кавказе народности: джигеты (садзуа) и убыхи. Эти рыцари угрюмого Кавказа, Прометеевы сыны, до сих пор сохранили прежний облик своего грозного величия. Известно, что главную касту эмигрировавших в Турцию горцев составляли лучшие, протестующие, свободолюбивые, сильные народности Кавказа.

Жители Дала и Цебельды, потомки легендарного героя Абхазии – Баталбея Маршани, до единого оставили свою излюбленную родину.

<…>

Будучи в Константинополе мне пришлось беседовать со многими студентами (горцами) турецкой академии; они говорили: «Мы оставили Аснэ (в переводе «страна души», так называется у горцев Западного Кавказа прибрежная полоса от Сочи до Поти), а эти (речь шла о турках) хотят совсем отуречить нас…»

15. Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. Перевод с древнеармянского, предисловие и примечания А.Г. Галстяна. ИВЛ. М., 1962.

С. 36–37.

«В этом же году 718 (1269) высокомерный Такудар пошел в Абхазию и скрылся там. А Сиромон [монгольский военначальник] с войском преследовал его, победил и, захватив, отправил к Абага-хану.

В году [724/1275] землетрясение страшно разрушило города Арчеш и Хлат. Сирамон вторгся в Абхазию и там совершил много разрушений».

С. 82. «Царь Давид вторгся в Абхазию. Берке выступил в поход и по возвращении умер».

С. 84. «Хутлу-буге дали пожизненный титул сургана. Хутлу-буга вторгся в Абхазию и увел с собой сына царя Вахтанга».

16. Археологические богатства Абхазии // «Исторический Вестник», СПб., 1896, ноябрь, отд. «Смесь». – С. 704.

«Шлиман за несколько месяцев до смерти, собирался в Абхазию и был убежден, что найдет в ней больше исторических и художественных сокровищ, чем ему удалось открыть при раскопках Трои и на греческом Архипелаге. Дождется ли Абхазия своего Шлимана?»

17. Ат-Табари. «История пророков и царей» // А.Э. Шмидт. Материалы по истории Средней Азии и Ирана. – Ученые записки института востоковедение АН СССР. Институт востоковедения. Т. XV. М. – Л., 1958. – С. 453.

Гл. XXII. «Затем народ абхазов, народ банджар, народ баланджар и народ алланов объединились для вторжения в страну Хосроя Ануширвана и выступили в Армению, чтобы подвергнуть ее грабежу».

18. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарии под редакцией чл.-корр. АН СССР Г.Г. Литаврина и чл.-корр. АН СССР А.П. Новосельцева. М., I990. Серия: «Древнейшие источники по истории СССР». – С. 175–177.

42. Землеописание от Фессалоники до реки Дунай и крепость Белеград, до Турции и Пачиникии, до хазарской крепости Саркел, до России и до Некропил, находящихся на море Понт, близ реки Днепр, до Херсона вместе с Боспором, в которых находятся крепости Климатов; затем – до озера Меотида, называемого из-за величины также морем, вплоть до крепости по имени Таматарха, а к сему – и до Зихии, Папагии, Касахии, Алании и Авасгии – вплоть до крепости Сотириуполь.

С. 177. «Побережье от пределов Зихии, то есть от реки Никопсиса, составляет страну Авасгию – вплоть до крепости Сотириуполя. Она [Авасгия] простирается на 300 миль».

С. 197. «Об ивирах».

«Но ивиры не согласились сделать это из-за любви к феодосиупольцам и из нежелания, чтобы крепость Феодосиуполь была разорена. Напротив, они возражали господину Роману и нашей царственности, говоря: «Если мы сделаем это, мы можем показаться бесчестными в глазах соседей наших, например, – магистра и эксусиаста Авазгии, Васпараканита и правителей армян».

19. В. Барановский. Кавказ и Польша // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. Под ред. акад. В.А. Рыбакова. – М., 1979.

С. 254.

«Наконец следует упомянуть о значительном импорте в Польшу кавказских лошадей. Во второй половине XVII в. распространилась мода на теплокровных восточных лошадей, привозимых с Кавказа. В магнатских табунах можно было в то время увидеть много кавказских лошадей – черкесских, «георгийских» и др. За них уплачивали огромные деньги. Цены на них были гораздо выше цен на турецких и персидских лошадей. Это были в то время самые дорогие лошади, покупаемые польскими магнатами».

С. 256.

«Польский король Ян Собесский одевался обычно в кавказскую одежду. О том, какая была мода в краю черкесском или в Грузии, он узнавал от специальных посланцев. Седла и конная упряжь тоже изготовлялись по черкесской или грузинской моде. И эти вопросы по сей день не разработаны в польской науке надлежащим образом».

20. В. Бартольд. Абхазы // Новый энциклопедический словарь. Первый том. Издатели Ф.А. Брокгауз (Лейпциг) и И.А. Ефрон (С.-Петербург). – СПб., б. г. – С. 103–104.

«Период между 850 и 950 гг. был временем высшего могущества абхазов; их царям, кроме Абхазии, подчинялась Мингрелия, Имеретия и Карталиния; абхазы оказывали влияние даже на судьбу Армении. В конце X в. Абхазия, вследствие пресечения национальной династии вошла в состав грузинского царства Багратидов. Среди титулов грузинских царей титул «царя Абхазии» оставался на первом месте; в арабских и персидских источниках Багратиды упоминаются только как «цари Абхазов»; такое же значение имеет титул «архонт Абазгиас» у византийского автора Кедрена».

21. Симон Басария. Вымершие народы. Убыхи и садзуа // «Кавказский край», 1909, 27 сентября.

«Если мингрельцы и имеретины отзываются об абхазцах, как о народе воинственном, то у последних убыхи и садзуа являются легендарными рыцаря-

ми: они, по словам их соплеменников – абхазцев, находили неприличным сражаться иначе, как на коне и холодным оружием. Мне рассказывал абхазец, воевавший под русскими знаменами, что садзуа, загнанные в местности Псху и окруженные русскими полками, в отчаяннейших схватках погибают почти все, а оставшиеся, дабы не сдаться живыми в руки врагов, кончали самоубийством».

22. С. Басария. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале, 1923. – С. 104–105.

«Величайшая в мире несправедливость, какую только знает история национальных катастроф на обоих полушариях, постигло абхазскую нацию и с нею черкесский народ. Никакое перо, никакие грамматические степени сравнения недействительны в передаче картин насильственных выселений этих племен; картины их величаво-красивой титанической борьбы с Северным колоссом, с этим грубо-верным орудием самодержцев в удушении народной воли, его чаяний, его идеалов, его свободы».

23. С. Басария. Абазинский аул в Мало-Карачаевском округе (К материалам по изучению абхазских племен). – Сухум, 1929. – С. 21.

«…Обратимся к турецкой Абхазии, где живет до 300 тысяч абхазских племен. Там, правда, дробления нет, наоборот, все кавказцы именуются черкесами, но все же среди абхазского населения есть такое деление: «дал-цабалаа» (вместе), «гумаа», «гаграа», «асадзуа», «абзыпкуа», «абжьыуа», а также сами убыхи причисляют себя к абхазам».

24. Б. Омер Бююка (Омар Бейгуаа). Абхазская мифология древнейшая? – Стамбул, 1971. – С. 37–40 / Перевод с турецкого Аскера Шигальбуддинова.

С. 37.

«Покойный Джелаль Нури в своем исследовании по исторической географии малой Азии отмечал, в переложении на современный турецкий язык: «История Кавказа полна удивительными фактами. Она связана с начальной эпохой развития человеческой цивилизации».

Элизе Реклю пишет: «Кавказ, всегда рассматривается как регион, давший квинтэссенцию, самый чистый образец белой расы. И всегда отмечается красота, изящество и утонченность белых людей Кавказского происхождения. Названия кавказец, ариец или индоевропеец являются синонимами. По существу, до настоящего времени очень многие, даже все специалисты называют Кавказ местом, откуда вышли все белые люди Европы и Азии» («Черкесы». М.Ф. Шуэну). <…>

С. 38.

Все подтверждают правильность этого заключения. Профессор Уэйт пишет: «Кавказ, являясь родиной наиболее одаренных людей мира, имел самые богатые в мире залежи руды, и все выдающиеся роды, божества прошлых времен происходили из этого региона». В любом случае это прошлое было подлинным, многое прояснится, если представители местных народов примут участие в этих исследованиях. Если рассматривать «Колхидо-Пеласгскую цивилизацию, созданную представителями древней кавказской цивилизации в качестве свидетеля прошлых эпох, тогда мы можем смотреть с оптимизмом в будущее. Ни древний Египет, ни Ассирия, ни Древние Афины и Рим не возникли раньше Колхидской цивилизации, возможно, все эти культуры были вторичны по отношению к колхидской» / Политика Халифата и Политика Тюркизма. (Перевел на турецкий Хабиль Эдем).

Хочу кратко пояснить связь упомянутых в цитате терминов Колхидский и Пеласгский: гор. Сухум (Диоскурия = Себастополис) был центром Колхиды и Абхазии, и в Колхиде все было только на абхазском языке. В названии Пеласге есть элемент Асге, означающий «Абхаз». Не случайно многие исследователи указывали на тождественность абхазов и пеласгов. Даже есть указания, что Адыги и Пеласги происходят от Асге-Абхазов» (Северный Кавказ. Кадырджан Кафлы).

К тем же выводам приводят и данные, собранные еще раньше и в большом объеме Эдмоном де Молин. Этот известный ученый в своей работе «Влияние дорог на создание типов общества», отмечал: «В Средиземноморье стали основными прежде всего долинные дороги, но из всех этих долин существует только одна, которая с древнейших времен играла крайне важную роль и возможно даже являлась исходной точкой создания всей сети дорог. Это известная в истории Колхидская долина. Охраняли и защищали Колхиду леса. Согласно древнегреческой мифологии в эти страшные леса входил Язон в поисках золотого руна. Эти леса существуют уже на протяжении 50 веков. Он также указывает, что Колхида являлась исходной точкой развития народов средиземноморского бассейна, и что «древнейшие, всеобщие и наиболее почитаемые обряды, предания и легенды называют Колхиду одной из колыбелей человеческой цивилизации, которая была связана с пастбищами Армении и Азербайджана, соседствующими с восточными странами… Более низкие долины и плодородные долины рек Ингура и Риона служили достаточно привлекательным фактором. В этих долинах на развитие сельского хозяйства влияло два фактора. Прежде всего – добыча золота. Как известно, в древние времена Колхида славилась своим золотом… Поселения, основанные Пеласгами в Малой Азии, в основном, упоминаются как золотые. Это подтверждает и золотой лев, который найден в Микенах, а также известный клад Приама… Золотая лихорадка, вызвав значительную миграцию населения в этот район, породила необходимость прокормить большое количество людей, что и обусловило развитие земледелия здесь…»

Вторым фактором развития сельского хозяйства явилось его легкость и, прежде всего, садоводство. Выращивание фруктов, не требовавшее значительных трудовых затрат, стало преобладающим. Действительно, фруктовые деревья стали в этом благодатном уголке основой существования. Колхида, судьба которой сложилась наиболее счастливо, чем судьба Сицилии, на сегодняшний день не потеряла былого изобилия. Более всего здесь [с. 39] поражают пространства, занятые фруктовыми деревьями. Кандюль и другие ученые-растениеводы даже называют Колхиду родиной фруктовых деревьев. По их мнению, груши, яблоки, сливы, черешня, тутовник, миндаль и другие фруктовые деревья, а также красная смородина, виноград, редис и множество видов овощей именно отсюда, из этих долин распространились по всему миру и только здесь в естественных условиях они произрастают и плодоносят без вмешательства человека… и остается только ежегодно собирать созревший урожай с деревьев… Эта особенность обусловила во многом преобладание городского типа общества. В долине возникла структура, при которой общество не ограничиваясь селениями, стало насколько это возможно сосредоточиваться в городах и имело тенденцию к

постройке укрепленных городов. Основная обращающая на себя особенность здесь – стремительно развивающаяся городская жизнь».

Колхида, возбуждающая алчность соседей, имея выгодное положение для обороны и систему укреплений, была надежно защищена от возможных нападений. «Вместе с тем, несмотря на надежную защищенность, она была окружена горцами, как маленький оазис, среди обширной пустыни. Колхида, оставаясь замкнутой не только потому, что соседствовала с кочевниками, но и из-за резкого отличия природных условий, прилегающих районов. Ввиду этого она не имела возможности расширять свои границы, создавая новые поселения на окраинах из беглых и ссыльных, которые затем могли бы быть объединены в мощный союз городов или же породить новую полноценную цивилизацию».

«Чтобы преодолеть подобные препятствия пеласги древней Колхиды стали распространяться во вне единственно возможным путем. Исследуя остатки древних культур равнин Средиземноморья, мы попытаемся описать существо и особенности этого пути».

«Пеласги выходят на арену в самый начальный период истории культуры Средиземноморского бассейна… Судя по всему, что Пеласги захватили часть Малой Азии, Греции, Италии. На захваченных землях оставленный ими язык явился основой для древнегреческого и латинского, так же, как и их боги были восприняты эллинами и италийцами… Расселение пеласгов по районам Средиземноморья шло морским путем… Они пришли из Колхиды в Малую Азию… Пеласги были земледельческим народом, расселявшимся морскими путями и основавшим свои поселения на равнинах побережья».

«Красота, утонченность и творческие способности уроженцев Колхиды, их садоводческая культура стали основой для формирования характерных особенностей пеласгов и эллин… Пеласги делали длительные привалы в Миссии и Лидии».

«…Пеласги, переправившись через море, были вынуждены высадиться в Греции. Считается, что это было первое переселение из Миссии, где расположена Троя».

«Начиная с самых древних веков, Пеласги расселялись из Колхиды по узким долинам, расположенным по берегам Средиземного моря и затем сохранялись здесь в качестве малых, независимых и полностью земледельческих народов».

«Пеласги не стали основателями Средиземноморской торговли. Они выходили в море как Эней в Энеиде в поисках новых земель. Средиземноморскую торговлю основали финикийцы».

С. 40.

«Пеласги, как этруски и ионийцы (греки) были переселенцами. Утверждая это, можно сказать, что этруски и ионийцы были Пеласгами». (Перевел с турецкого Ахмет Саних.)

Профессор Н. Марр относил эту обширную древнюю цивилизацию, называемую им яфетической, кавказской по происхождению и в созданной им теории яфетологии самый обширный материал был получен по материалам абхазского языка. Слова, используемые им в качестве примеров, являются абхазскими словами, которые используются вплоть до настоящего времени. Например: (Аԥеи Аԥсы цқьеи = Сын и Святой Дух).

«Этрусский язык в большей степени относится к группе Кавказских языков». (История турецкого исторического общества). Греция называлась Пеласгия (проф. А. Мюфет Мансель. «Основные этапы истории Древнего Востока и Древней Грецни». – С. 86).

Верность этих выводов подтверждает Абхазский язык, являющийся автохтонным языком Колхиды. Название продуктов земледелия: мысыр (апш), пшеница, просо, ячмень, редис, перец, лук, чеснок, репа, огурцы, арбузы, дыни, яблоки, груши, инжир, персики, виноград, черешня, тута, слива, рябина, мушмула (абацә), грецкий орех, фундук, дуб, бук, сосна, пихта, ива, можжевельник, платан, дерево, лес, ветка, лист, цветок, роза, почка, зерно, сад, рай, огород, вода, мельница, мука, хлеб, пирожок, лепешка, трапеза… и других подобных понятий, а также много связанных с ними названий животных: собака, корова, бык, теленок, баран, коза, кошка, овца, лошадь, принадлежности для верховой езды; пчела, мед, молоко, йогурт…; металлов: золото, серебро, медь, олово, железо, бронза и изделий из них, эти слова являются в абхазском составными и обнаруживаются во многих древних языках. Сюда не отнесены те слова, абхазское происхождение которых может оспариваться. Название продуктов земледелия в абхазском языке, которые являются заимствованными, также легко отделить от этих слов.

Приверженность абхазов долинам проявляется в том, что они до настоящего времени предпочитают жить в долинах. Слово «долина» в абхазском языке выражается составным ԥс – ҭа (ԥсҭа), имеющим значение «место жизни». Оно используется в разных фонетических формах в разных языках. Слова абхазского языка, связанные с сельской и городской жизнью, являются по своей структуре составными и перешли во многие другие языки. Эти составные протослова абхазского языка приводятся ниже.

С. 71. «И в мореходстве абхазы сильны и бесстрашны… Пиратство (корсарство) у абхазов было развито вплоть до последнего времени. Даже во времена правления Ферух Али-паши и приобщения их [абхазов] к исламу, пиратство оставалось основным в их коммерческих отношениях. Итак, во времена правления Махмуда II-го, чтобы защитить торговые суда Оттоманской империи от абхазских пиратов, по рекомендации правителя Трапизонда Хасан-паши, принимались меры предосторожности, всем капитанам судов рекомендовалось пойти вначале в Анапу, чтобы получить дальнейшее задание и охрану от абхазов». – «Мухитул маариф («Океан знаний»).

С. 79. «Абхазская генеалогия: генеалогия автохтонного народа Колхиды Абхазов (асгов) является подтверждением правильности выводов Эдмона де Молина и профессора Уэйта о том, что цивилизация Колхидских Пеласгов была прародительницей древних цивилизаций Передней Азии, Средиземноморья и Запада. С этой генеалогией связано и множество предков, упоминаемых в мифах и священных писаниях этих цивилизаций».

С. 87. «Более всего привлекает к себе внимание и удивляет поразительное совпадение Абхазской Космологии со Священным Писанием и данными науки, о чем мы упоминали выше. Это свидетельствует о том, что и в древнейшие времена абхазы имели высокий уровень представлений о Земле и Небе. Сейчас уже известно, что Кавказские народы в эпоху своего единства интеллектуально доминировали в Передней Азии… В этих абхазских мифах и культах, как это будет видно дальше, нет ничего, что могло бы рассмешить или противоречило бы современной этике. Их отличительное свойство – благородство, которое было присуще их творцам».

С. 124. «Убедившись, что все эти религии, философии и Священные писания соответствуют абхазским представлениям, хочу еще раз напомнить: абхазские верования были значительно древнее Месопотамской, Финикийской, Древнегреческой цивилизаций, Ветхого Завета и Корана, о чем убедительно свидетельствуют данные лингвистических сопоставлений».

25. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. М., 1888, кн. 3. – С0Х17.

«В состав этого царства Абхазо-Карталинских Багратидов входили следующие области: Абхазия, под которой разумелась нынешняя Имеретия, Мингрелия, Гурия, Абхазия, Сванетия и часть Месхии, нынешний Ахалцигский уезд до Черного моря и до границ Трапизонда, Кахетия и Герет, последний лежит между Курой и Алазанью».

26. Жан Шарль де Бесе. Путешествие по Крыму, Кавказу, Грузии, Армении, Малой Азии и поездка в Константинополь в 1829 и 1830 годах. Материалы для изучения истории Венгрии. Париж, 1838. Книжный магазин Делона в Пале-Руаяль / Перевод с франц. Р.Г. Крючкова.

«Мне впервые пришлось увидеть абазинцев; я заметил, что этот народ, отличается от черкесов, их нынешних соседей… Живут они в северо-западной части Кавказа, где занимают обширную территорию: их одежда и образ жизни такие же, как у черкесов. Они выращивают овощи, разводят много лошадей, много домашней птицы и пчел, дающих белый вкусный мед, который так хвалят, мне его любезно принесли, но он так понравился моим путникам, что весь запас этого меда сразу исчез».

[Священная гора у черкесов]

«Черкесы рассказывают о горе, в которой таится чудо, и по этой причине они посвятили ее Богу; они называют ее Великим Храмом… Эта гора расположена среди очень высоких гор, … она образует прямоугольник между Анапой и берегами Кубани и находится почти на одинаковом расстоянии, примерно в двенадцати милях от этих двух точек.

Вершина этой горы покрыта густой чащей, окружающей небольшое плато, посреди которого есть пещера, а ее вход находятся в тени единственного дерева, которое видно в этом месте, скот туда никогда не подходит, а дичь, которую преследуют охотники, предпочитает скорее попасть им в руки, чем укрыться в этой чаще. Недавно трое черкесов осмелились пройти через эту ограду и проникли в пещеру; двое из них стали жертвой своего мужества; третий, которому удалось возвратиться, рассказал о том, что он увидел, и через несколько дней потерял рассудок.

У подножья этой горы есть античные золотые, серебряные, медные и терракотовые предметы, но к ним строжайше запрещено прикасаться, и суеверие заставляет соблюдать этот предмет».

27. Иоганн Бларамберг. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа (Составлено в 1834 году офицером Генерального Штаба Российской империи, служившем в отдельном Кавказском корпусе). – Нальчик, 1999. Серия «КЛИО». Раздел «Этнография». Выпуск 2.

С. 65–75. Описание Восточного берега Черного моря от устья Кубани до реки Чорох или Акампсис. Анапа. Суджук-Кале, Геленджик. Кодос. Субаши. Мамай. Гагры. Пицунда. Анакопия. Сухум-Кале. Дандар. Искурия. Редут-Кале. Поти. Форт Святого Николая. Кинтриш. Батум.

С. 76–106. Краткий очерк истории Абхазии. Границы. Расположение. Характер местности. Климат. Заливы и гавани. Реки и потоки. Озера. Минеральные воды. Рудники. Каменные карьеры. Равнины, горы и леса. Дикие животные. Фрукты. Внешний вид и характер абхазов. Жилище. Одежда. Число вооруженных людей. Животноводство. Пчеловодство. Промыслы. Торговля. Подати. Религия. Законы. Деление населения на классы. Влиятельные семьи. Подразделения абхазов. I. Самурзаканское племя. II. Абживское общество. III. Цебельдинское общество. IV. Абхазское общество. V. Бзыбское общество.

С. 126, 129–130, 133, 135. Тубинцы. Браки или Баракаи. Башильбаевцы, или бесельбеи. Оташи. Казбеги, казылбеки или кызылбеки. Медазинги.

С. 132.

«Что касается племен, населяющих горные долины, большинство их именуется по названию мест, где они раньше проживали, как, например, убыхи – по местечку под названием Убых и т. п.».

С. 135.

«Они, черкесы, приобретают лучшие кольчуги в ауле Кубачи, в Дагестане; некоторые, правда, утверждают, что кольчуги очень хорошего качества делают также в Абхазии, на побережье Черного моря».

С 191.

«Убыхи, чепсуи и гусие, занимавшие устья речек Пейсва, Шиаке и Зуазе, впадающих в Черное море, научились у своих соседей, абхазов, заниматься пиратством».

С. 285–289. Алты-кесеки. Перечень алты-кесеков. 1. Клычевцы. 2. Трамовцы (Трамкт). 3. Лоовцы. 4. Асланкт. 5. Дударуковцы. 6. Бибертовцы. Народонаселение.

28. Богданов А.П. О черепе из Кавказских дольменов и о черепах из Кавказских курганов и могил. Из протоколов Антропологической выставки 1879 г. – М., 1882. Типография И.Н. Лаврова. – С. 15.

«Абхазцы: настоящие брахицефалы (61 %), высокоголовые все, прямо-затылочные (71 %), узколобые у низшей границы лба (50 %), средней ширины в затылочной части (69 %), узкохребетные (55 %), мало развитые по горизонтальной окружности (65 %), так как большеголовых по этому измерению совсем не встречается; малых измерений, но вертикальной окружности (малых 50 %), среднего по поперечной (средних 54 %, больших 31 %), узкоскулые (47 %) или среднескулые (39 %), высокоорбитные (50 %), узконосые (60 %), все широконебые».

29. Богишич Бальтазар (1834–1908) // Энциклопедический словарь под ред. проф. И.Е. Андриевского. Том IV (Битбург – Босха). СПб., изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. 1891. – С. 168.

Богишич Б. – знаменитый юрист-этнограф, кодификатор Черногории. Изучал правоведение, философию, историю в университетах Вены, Мюнхена, Берлина и Парижа, доктор государственного права. В 1869-70 гг. в Одесском ун-те возглавлял кафедру истории славянского права.

Б. Б. занимался историей обычного права черногорцев. В 1872 г. «побывал на Кавказе и изучал быт тамошних народов, и значительно расширил свой взгляд на исследуемый предмет. Достаточно сказать, что, посетив Абхазию, Самурзакань, Грузию и Сванетию, и встретившись там с народными обычаями, весьма важными для сравнительного изучения обычаев славянских, он увеличил число своих вопросов до 1.000».

30. Фридрих Боденштедт. По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии. Серия: «Письменные источники об Абхазии». Вып. 2. – М., 2002. – С. 15–18.

Пицунда и ее древние руины

«Долго стоял я в немом восхищении, пройдя мимо стражи в ворота. Передо мной высился сказочной красоты храм, построенный в простом, но благородном стиле.

Но среди всех памятников прошлого, которые я посетил в своих странствиях по Азии, ни один не произвел на меня такого потрясающего впечатления и не запомнился так надолго, как древний храм в Пицунде.

…Громадный купол с разноцветными стеклами в оконных проемах поддерживается четырьмя мощными колоннами высотой в шестьдесят футов. Таким образом, внутреннее помещение здания делится на четыре части, которые расположены так, что хоры, освещенные через огромные окна, находятся с восточной стороны, а неф – с западной. С большим трудом я поднялся на галерею, идущую вдоль узких боковых стен, откуда открывается широкий обзор во все стороны. В центре здания мы обнаружили множество доспехов, металлические предметы, ружейные стволы, панцири и оружие всех видов – все это было аккуратно рассортировано. Как объяснил сопровождавший нас офицер, это древние священные дары, которые воинственные абхазы приносили своим богам, возвращаясь из удачных походов с богатой добычей. К залу примыкает небольшой придел с непонятными греческими письменами…»

С. 77–79. О воине Азамате, павшем в бою:

«Он играл и пел
О деяниях героев народа Апсуа!
Слава роду,

Взрастившего его,
Род Псху!
Где он похоронен
В священной земле».

31. Евгений Болховитинов. Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии. Составлено в Александро-Невской Академии. – СПб., 1802. – С. 65–66 // С.Г. Шанидзе. Евгений Болховитинов – первый русский руставелог. – Тб., 1978.

«Грузинские летописи утверждают, что Грузины в древние времена говорили все Армянским языком; потому что они с Армянами одного Таргамосианского поколения. Но когда де Персиане завоевали Грузию, Армению, Сирию и все восточные Греческие провинции, то в Грузии говорили на пяти языках: Армянском, Козарском, Ассирийском, Еврейском и Греческом. Из смеси-де всех сих языков составили они свой язык, который ныне во всех Грузинских областях употребляется, с некоторыми однакож отличиями в Мингрелии и Саатабаго».

32. К. Бороздин. Омер-паша в Мингрелии. (Рассказ очевидца) // «Военный сборник». – СПб., 1873. №№ 6 и 7. – С. I84.

Дадиан, или правильнее Дадиана, не есть ни его прозвище, ни фамилия, а титул владетеля Мингрелии. Владетельских династий было несколько; там в XVII веке царствовала династия из рода Бедиа, она сменилась династиею из фамилии Гошуа; за ней идет род Липартиани, его сменяет род Чиладзе и, наконец, за этим родом идет последняя династия из фамилии Чиковани. В прошлом веке первым владельцем из Чиковани был Кация. Все эти династии, за время своего царствования, безразлично носили титул Дадиани».

33. К.Э. Босфорт. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. Перевод с английского и примечания П.А. Грязневича. М.: «Наука», 1971. – С. 100–103.

Приведена династия черкесских мамлюков, династии Бурджитов – 784–922 (1382–1517 гг.).

«Мощь и успехи мамлюкского государства были весьма внушительны. В 658/1260 Кутуз разгромил монголов Хюлегю при Айн Джалуте, а его преемник Байбарс закрепил победу и поставил на ноги государственное управление; правда, и после этого угроза со стороны монголов не прекращалась в течение нескольких десятилетий. К концу XIII века города на сиро-палестинском побережье были очищены от крестоносцев, а в следующее столетие прекратило существование и царство Рубенидов в Малой или Киликийской Армении. Благодаря этому мамлюки приобрели во всем мусульманском мире громкую славу сокрушителей язычников-монголов и христиан.

Правление мамлюков в Египте и Сирии отмечено подъемом экономического благосостояния и расцветом культуры и искусства, в особенности таких областей, как архитектура, гончарное производство и обработка металлов. К эпохе мамлюков восходит, по всей видимости, зарождение геральдики. Существовали тесные торговые связи с христианскими державами Средиземноморья».

34. Броссе М. История грузинских Багратидов до XI в. по письменным сведениям армянских и греческих авторов. СПб., 1843, с. 3. (на франц. яз.). – Папаскир А.Л. Обезы русских письменных источников… Сухум, 2007. – С. 56.

Опираясь на средневековые армянские и византийские источники, М. Броссе дал блестящую характеристику абхазским воинам X века. В частности, он сообщает, что абхазский царь Георгий II (929–957) оказал армянскому царю Ашоту «любезный прием… предоставил в его распоряжение всех его всадников, закованных в латы, у них были каски, увенчанные султанами, железные надбедренники, а на плечах – оборонительные доспехи, покрытые железными пластинами, щиты, которые не могли пробить копья и стрелы, и кроме всего этого, они были вооружены большими и прочными луками и стрелами. Привожу эти подробности, – отмечает М. Броссе, – только потому, что они представляют интерес для истории военного искусства той эпохи…, и, может быть они говорят о величии, которым пользовались абхазы, воинственный народ, игравший огромную роль в истории Грузии».

35. Брун Ф. Сборник исследований по исторической географии южной России (1852–1877 гг.). Ч. II. Сборник Черноморье. – Одесса, 1880. – Статья: «Черноморские готы и следы их долгого пребывания в южной России». – С. 208.

«В новых своих жилищах закавказские Готы, узнав, что, к ближайшим их соседям Абасгам был послан епископ из Константинополя, отправили туда же в 547 году четверых посланников с просьбою, чтобы император и к ним послал нового епископа, разумеется православного; должно думать, что и крымские их предки никогда не были приверженцами Ария, хотя Прокопий оставляет этот вопрос нерешенным».

36. Валерий Брюсов. Учителя учителей. Древнейшие культуры человечества и их взаимоотношения // Валерий Брюсов. Собрание сочинений. Том седьмой. М., 1975. – С. 383.

«Вполне возможно, что троянско-эгейский царевич Парис, когда похищал Прекрасную Елену из дворца отсутствовавшего царя Менелая, был подпоясан таким самым поясом, какие носили яфетические вельможи на отдаленном Кавказе.

Но украшение поясов состоят не из одних геометрическим форм – разного рода кривых линий, спиралей, зубцов, крестов, розеток; в орнамент входят также элементы растительного и животного мира, еще более подчеркивающие связь яфетического мира с Эгейей и Египтом… Но всего изумительнее – изображения животных фантастических. Так, кавказские художники изображали то зверя с двумя головами на двух концах тела, то зверя, хвост которого заканчивался треугольными листками или змеиной головой, то еще зверя, у которого концы ног были не с когтями и не с копытами, а с головами грифонов. Совершенно такие же звери изображены на некоторых памятниках доисторического Египта, а очень на них похожие – на цилиндрах хеттов, на изделиях эгейцев и в искусстве этрусков. Изображение чудовища на одной эгейской пластинке, считаемое Минотавром, близко напоминает зверя с одного из кавказских поясов. Трудно допустить, чтобы «игра воображения» привела художников двух разных стран к одним и тем же фантастическим образам».

37. Вержбицкий Н. Курорт Псырцха. – Тифлис, 1925. – С. 12–13.

«До переписи 1923 года в Абхазии насчитывалось всего 17.000 городского населения и 157.000 сельского населения, т.е.всего 174.000 чел. Из этого количества абхазцев – 87.360 чел., грузин – 30.741 чел., армян – 17.707 чел., греков – 12.203

чел., русских – 3.497 чел. Остальные 20 тысяч (эстонцы, латыши, турки, немцы, поляки, албанцы, молдаване, осетины, персы, болгары и др.)».

38. Е.Б. Вирсаладзе. Грузинский охотничий миф и поэзия. М.: Главная редакция восточной литературы, 1976. – С. 164.

Песнь о юноше и барсе.

…

Барс на скале повис, окрасил кровью песок,
Сам на скалу прилег юноша, дух испускающий,
Кто решится сказать его матери, – пришли к ней гадалки –
Даром не тратятся ведь стрелы наших абхазов!

39. Вис и Рамин. Висрамиани. Перевод с древнегрузинского С. Иорданишвили. – Тб., 1989. – С. 158.

I. «Ресницы ее были меткими стрелами абхазских лучников».

II. «Посмотришь, как абхазский лучник смелый,
она из глаз прекрасных мечет стрелы».

Фахреддин Гургани. Вис и Рамин. Поэма /
Перевод с персидского Семена Липкина. – М., 1963. – С. 352.

40. [Волней]. Путешествие Волнея в Сирию и Египет, бывшие в 1783, 1784, 1785 годах. – М., 1791. Часть I. Перевад с немецкого. – С. 166–170.

«По мнению всех найдено, что он [Али-бек] рожден между Абацанами, в том народе, который населяет Кавказскую страну, и которого невольники из всех охотнее покупаемые бывают».

Али-бек, Али-бей, мамлюкский султан, в 1769 году объявивший независимость Египта и Сирии.

Абаца = Абаза = Абхаз.

41. Н. Воробьев. О неосновательности притязаний грузин на Сухумский округ (Абхазию). – Ростов-на-Дону, 1919. – С. 12.

«И вот мы видим, как свободная и молодая Грузия, не успев получить еще признаки своей самостоятельности, проповедуя о правах малых народностей на самоопределение, прилагает все силы к тому, чтобы инкорпорировать – включить в свои границы – целую страну, поглотить целый, совсем не родственный Грузии, народ абхазский.

Под флагом выставляемых высоких девизов справедливости и самоопределения, в Грузии во всю ширь развертывается измена, насилие и грабеж.

Несчастный грузинский даровитый, но темный народ сделался игрушкой в руках кучки шовинистов».

42. [Воробьев Н.]. Журнал совещания представителей Грузинской Республики, Краевого Кубанского Правительства и Добровольческой армии. 25 сентября 1918 года // Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. – Тифлис, 1919. – С. 407–414.

[Вопрос о Сочинском округе и Абхазии]

«Воробьев, представитель Кубанского правительства: «За Гагринским округом имеется еще Абхазия, которую отдавать на съедение мы не можем. Грузия дожна начинать свои границы за Абхазией, стремление которой к са-

моопределению нельзя игнорировать только потому, что там живет несколько сот грузин».

43. Всеобщее воззвание черкесской нации к великим державам и цивилизованному человечеству // Г.В. Чозиев. Северокавказские (черкесские) организации в Турции (1908–1923 гг.). – Владикавказ, 2009. – С. 180–185.

11 октября 1921 г.: «Мы, нижеподписавшиеся, полномочные представители черкесского населения находящейся в настоящее время под греческой военной оккупацией Западной Анатолии, в частности Балыкесира, Бандырмы, Эрдека, Генана, Биги, Кирмасти, Михалыча, Бурсы, Инегеля, Енишехира, Айдына, Манисы, Измира, Эскишехира, Кютахьи, Афьон-Карахисара, а также Измита, Адапазары, Хендека, Дюздже, Болу и их окрестностей, и учредители утвержденного греческим правительством «Общества обеспечения прав ближневосточных черкесов», основываясь на принятом и провозглашенном в результате мировой войны великими державами принципе наций и своих очевидных национальных правах, собрались на конгресс в Измире и заявляем о том, что черкесы обращаются за защитой к взявшим на себя обязательство добиться от побежденных держав признания прав национальных меньшинств великими державами Антанты и их союзникам, в особенности к высокому правительству Греции, и просят их о реализации своих национальных требований».

44. Гакстгаузен. Закавказский край. – СПб., 1857. Ч. I. – С. 133.

«В Генуэзских архивах, конечно, находится богатый материал для истории и этнографии Кавказских и Северо-Малоазийских стран и племен; но кому суждено вывезти эти сокровища на свет».

45. Гакстагаузен. Закавказский край. Ч. 1. – СПб., 1857. – С. 5.

[«Пицунда. Библиотека]

«На следующее утро мы достигли Пицунды… Это самый блестящий пункт Восточной империи. Сюда был сослан в ссылку Св. Златоуст, но он умер дорогой. Развалины прекрасной церкви в Византийском вкусе отчасти еще сохранились: они повсюду обросли виноградником и заслуживают более полного исследования, чем то, которое я мог сделать. На сводах и по сторонам видны древние фрески; в соседней часовне Гробница Христова. Неподалеку на север, в горах, находится Армянская церковь и небольшой монастырь, в который часто отправляются и Абхазы для поклонения. Говорят также, что здесь есть и библиотека».

46. Г.А. Гейбуллаев. Топонимия Азербайджана. – Баку, 1986. – С. 9.

«Вардан Великий (XIII в.), отмечает в Албании «область Гаргар», «округ Париос», «Гагское поле», Гороз, Капан, Севордин. Он также сообщает, что Абхаз – это страна маскутов на берегу Каспийского моря и перечисляет племена в Албании – утии, гаргары, цавдеи».

С. 124. «В Азербайджане есть ойконимы с компонентом абас (абаз) – Абаслы – в Шамхорском районе, где по арабским источникам были поселены хазары в IX в., Авазлар – в Лачинском райне. Одно из родовых подразделений племени кебирли, восходящего к хазарскому племени, называясь евазлар».

47. Геродот. История: в девяти книгах. Перевод и примечания Г.А. Стратановского. Под общей ред. С.Л. Утченко. Ред. перевода Н.А. Мещерский. – Л., 1972.

Книга первая. Клио

С. 11–12. «Так-то говорят персы, Ио попала в Египет. Эллины же передают это иначе. Событие это послужило первой причиной вражды. Затем, рассказывают они далее, какие-то эллины (имя они не могут назвать), прибыли в Тир Финикийский и похитили царскую дочь Европу. Должно быть, это были критяне. Этим они только отплатили финикянам за их проступок. Потом эллины все-таки снова нанесли обиду варварам. На военном корабле они прибыли в Эю в Колхиду и к устью реки Фазиса. Завершив там все дела, ради которых прибыли, эллины затем похитили царскую дочь Медею. Царь колхов отправил тогда в Элладу посланца с требованием пени за похищенную и возвращение дочери. Эллины, однако, дали такой ответ: так как они сами не получили пени за похищение аргвитянки Ио, то и царю ничего не дадут».

С. 110. Книга вторая. Евтерпа

«103. Так Сесострис прошел по материку, пока не переправился из Азии в Европу и не покорил скифов и фракийцев. До этих-то народов – не дальше – дошло, по-моему, египетское войско, так как в этих странах есть еще такие столпы, а дальше – уже нет. Отсюда Сесотрис повернул назад к югу, и когда подошел к реке Фазису, то оставил там часть своего войска. Я не могу точно сказать, сам ли царь Сесострис поселил в этой стране часть своих воинов, или же некоторые из них, удрученные долгим блужданием, самовольно поселились на реке Фасисе».

104. Ведь колхи, по-видимому – египтяне: я это понял сам еще прежде, чем услышал от других. Заинтересовавшись этим, я стал расспрашивать [об этом родстве] как в Колхиде, так и в Египте. Колхи сохранили более ясные воспоминания о египтянах, чем египтяне о колхах. Впрочем, египтяне говорили мне, что, по их мнению, колхи ведут свое происхождение от воинов Сесострисова войска».

Книга четвертая. Мельпомена

С. 231. [Псиллы, племя, обитавшее в Ливии].

«173. Соседи насамонов псиллы. Племя его погибло вот каким образом: южный ветер дул с такой силой, что водоемы [у них] высохли и вся страна, лежащая внутри [Сирта], стала совершенно безводной. Тогда псиллы единодушно решили идти войной против южного ветра (я сообщаю только то, что передают ливийцы). И когда они оказались в песчаной пустыне, поднялся южный ветер и засыпал их песком. После гибели псиллов землей их владеют насамоны».

48. Поль Гибаль, 21 мая – 24 декабря 1820 года. Сведения Поля Гибаля об Абхазском княжестве // Материалы по истории Абхазии XVIII–XIX века (1762–1859). Т. II. Сост. проф. Г. А. Дзидзария. – Сухум, 2011. – С. 88.

«Через час мы прибыли в Келасур. Я давно знал, что абхазцы, среди которых мы собрались жить, являются нацией совершенно отличной от натухайцев по языку и обычаям, но я не могу себе представить, что между этими народами, живущими вдали друг от друга и вступающими во взаимное соприкосновение только во время разбойничьих набегов…, может быть такое сходство в песнях и танцах, которые я увидел, прибыв в Келасур».

49. Иоганн Антон Гильденштедт. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. – СПб., 2002. РАН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Петербургское Востоковедение.

С. 127. «Внутренние стены были расписаны [изображениями] многих святых и грузинскими надписями, в главной церкви висело также 8 картин. На первой изображен царь Давид, создатель этого [храма] и других многочисленных монастырей. В грузинской хронике он считается 56-м царем, правившим, вероятно, в одиннадцатом столетии. Рядом с этим Давидом висит [изображение] абхазского католикоса Евдемона – это абхазский патриарх Евдемон. Рядом с ним висит [картина] с мепе, или царем, Баградом, рядом с ним Елена, – его жена, потом мепе Георгий, юноша Баград – сын висящей рядом с ним царицы Русудан, которая была дочерью царицы Тамар. На пилястре есть изображение патриарха с надписью:

«Гмерто шеискале дидиса сагдариса, генатиса
Метрополити, далс Абхазетиса, да Картвелиса дидиса
Бичвинтиса каталикоси, Закарил Квариани».

Эта надпись означает: «Захарий, митрополит, который [этой большой церкви в Гелати] и патриарх Большого Бичвинта [монастырь в Абхазети] в Абхазети и Картвели [или всей Грузии]». Эта [надпись] может служить для толкования истории».

С. 201. География Мингрелии.

«…[село] Апсили».

С. 226. «Абхазиты настроены довольно мирно, и если они пускаются в набеги, то это большей частью, чтобы отомстить за обиды, которые они претерпели. Такая ватага, [готовая] к нападению, собирается под старым дубом, в который они вонзают сабли, несколько раз обходя его, и говорят на своем языке: «Мы снова идем, враги (которых они называют), пусть мы их поймаем и убьем. Их оружием являются ружья и сабли, но также луки, стрелы».

50. А. Гюльденштедт. «Собрания сочинений, избранных из месяцеслова на разные годы». – СПб., 1790, Ч. IV. «Географические и исторические известия о новой пограничной линии Российской империи, проведенной между рекою Тереком и Азовским морем». II. Извлечения из «Собрания сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы». – С. 176–180.

Абазины и их расселение

С. 176. «Третья малая часть Абхазского народа есть та, которая в прежнем столетии на северную сторону гор перешла, где она между черкесскими уездами Кабардою и Безленом, реку Куму и верхние части Кубани и впадающие в Кубань реки Инджик и Уарпа или Арпа занимают и живет на линии от Георгиевской до Ставропольской крепости на полдень параллельно.

…Язык сих северных абхазов с языком полуденных совершенно сходствует».

51. [Ксаверио Главани – итальянец, французский консул в Крыму. 1724 г.] // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик, 1974. Под ред. Гарданова В.

С. 168. «За кадаками находятся 24 независимых абазских бея. Владения их простираются от большого моря до залива Геленджик-лиман в Черкесской земле».

52. А.К. Глейе. К преистории северо-кавказских языков // СМОМПК. – Тифлис, 1907. – Вып. 37. – С. 49.

«Если спросить, какой язык может рассматриваться как потомок колхидского языка, то прежде всего следовало бы остановиться на племени абхазцев».

53. Парсадан Горгиджанидзе. История Грузии. Перевод Р.К. Кикнадзе и В.С. Путуридзе. Исследование и указатели. Р.К. Кикнадзе. Источники по истории Грузии. Вып. 66. – Тб., 1990. – С. 33.

«Хондкар и шах поделили между собой Грузию: Самцхе, Картли и Кахети отошли к шаху, Имерети, Одиши и Абхазия, Гурия и страна лазов достались хондкару».

С. 54–55.

Государь Тимур поставил атабага Иванэ и брата царя Константина во главе войска и отправил из Самцхе в Абхазию.

Атабага Иванэ и брата царя Константина, с войском тюрок и месхов отправил в Абхазию. Кто узнал вовремя и укрылся, спасся, а кто не укрылся, тех частью перебили, а частью взяли в плен. Абхазию пожгли, опустошили и с победой возвратились, явились к государю Тимуру и доложили, что царь Георгий вел себя похвально – уступил дорогу и выдал продовольствие».

Поход шаха Аббаса на царя Луарсаба и царя Теймураза, увод царя Луарсаба, разорение и пленение Кахети.

«Шах прибыл в Никози и оттуда послал отряды разорять Осетию. А царю Георгию он написал грозное письмо: «Наши подданные пришли к вам, верните их обратно, в противном случае я пошлю на вас войско». Тот написал в ответ просительное письмо: «Если слуга боится господина, это надо зачесть ему за преданность. Эти люди боятся вас. Если я им откажу, они уйдут в Абхазию. А Имерети, если даже будете разорять, кроме мамалыги, ничего не достанете здесь».

54. Г. Грове. По азиатской и европейской Турции. – М., 1904. – С. 14–15.

[Описание р-на Исмид – озеро Сапанджа – Адапазар

«Черкесов можно издали отличить по одежде и манерам от остальных довольно однообразно одетых мужчин магометанского населения Малой Азии. Большая барашковая или меховая шапка – папаха; темный сборчатый кафтан, плотно обхватывающий тело (так называемая «черкеска»), изредка расшитый красными шнурами; узкие облегающие штаны придают что-то смелое, крепкое военное. Он кажется сросшимся со своей небольшой ловкой лошадкой, на которой всегда готов проделывать головоломные наезднические трюки. Нам не раз приходилось видеть черкеса, который горячил свою лошадь и для собственного удовольствия некоторое время скакал наперегонки с поездом. Самый бедный черкес отличается каким-то горделивым достоинством в манерах и выражении лица».

55. Гроссман Л. Достоевский. – Л., 1962. – С. 167.

«Кавказцы омского острога не были уголовными преступниками, грабителями или конокрадами. Это были политические заключенные, отважные патриоты, бесстрашные партизаны, выступавшие в одиночку или легкой кавалькадой против форпостов регулярной и несметной армии. Подвигу горских племен выражали сочувствие в своих стихах величайшие поэты России – Пушкин («Так ныне безмолвный Кавказ негодует, так чуждые силы его тяготят…») и

Лермонтов («Горят аулы, нет у них защиты… Горит черкесской вольности костер»). Освободительная война в Чечне, Дагестане, Черкесии порождала энтузиастов и героев».

56. Грузино-персидские этюды. III. – 1979. Резюме. – С. 201–205.

«В уникальном и еще неизданном списке Тебризской публичной библиотеки «Тарассол» («Письмовник»), составленном для практики и письмоводителей, специально зафиксированы самые ранние (нач. XIII в.) и редкие сведения об эпитетах, титулах и владениях грузинских царей и государственных деятелей того периода. Они следующие:

47. Малек ал-вазара ал-Абхаз уа ал-Хазар.

48. Малек ал-Молук ал-Абхаз.

49. Малек ал-Молук ал-Кордж уа ал-Алан уа ал-Шакки уа ал-Хазар.

51. Малек ал-Омара ал-Абхаз уа ал-Хазар уа ал-Шакки уа ал-Алан.

56. Малек-е Абхаз.

60. Малек молук ал-Абхаз уа ал-Шакки уа ал-Алан уа ал-Рус.

63. Марзбан-ал-Алан уа ал-Абхаз.

75. Мокаддам-е Абхаз.

91. Носрат ал-молк ал-Абхаз уа ал-Алан.

94. Пахлаван ал-Абхаз уа ал-Рум уа ал-Арман уа ал-Хазар уа ал-Шакки уа ал-Алан.

97. Пахлаван-е Абхаз [ва]Шакки.

106. Сахеб-е Абхаз.

113. Тадж ал-Омара ал-Абхаз.

114. Тадж ал-Омара ал-Абхаз уа ал-Шакки уа ал-Алан.

«Тарассол» переписан в 1219 году, еще при жизни некоторых из адресатов и адресантов. Поэтому эти титулы, в основном, можно считать официальными.

В «Тарассол» включено «Клятвенное письмо абхазов», которое царица Грузии Тамар (1184-1210) дает гарантию Саладдину (1169-1193) в том, что она не покорит определенную провинцию его государства и что вообще станет (или: останется) «другом его друзей и врагом его врагов».

57. Л. Гукасянц. Поземельное дело в Сухумском округе // «Кавказское сельское хозяйство», Тифлис, 1898, № 78. – С. 1344.

«Агруа – рабы – составляют полную собственность владельца, который имел над ними неограниченную власть. Он мог их продавать и менять, как вещь, по собственному желанию. Но по укоренившемуся обычаю, рабы обыкновенно обязаны были работать три дня в неделю на своего владельца, а остальные дни они работали на себя. Сословие рабов составлялось из арабов, беглых мингрельцев, пленных горцев и т. д.».

58. Д.И. Гулиа. Родословная царей Абхазии по греческим и грузинским спискам. Список царей Абхазии по работе Д.З. Бакрадзе. Сравнительная таблица царей Абхазии по обоим спискам. Диван Абхазских царей // Дмитрий Гулиа. Собрание сочинений Т. VI. История Абхазии. – Сухуми, 1986. С. 175–199.

С. 178–179.

«В рукописи этой более 77 статей. Приведем вслед за Такайшвили содержание "Дивана царей", или так называемой у Досифея "Истории Абхазии царя Баграта":

«Во имя Бога, я царь Константин, сын блаженныя памяти Баграта, царя абхазского, нашел в кутаисском казнохранилище кутаисский «диван (список) царей». В нем записаны были имена царей, но он был уже в состоянии ветхости, и я приказал заново его переписать».

«Первым царем Абхазов был Анос; вторым – сын его Гозар; третьим – сын его Иствинэ; четвертым – сын его Финиктиос; пятым – сын его Барук; шестым – сын его Димитрий; седьмым – сын его Феодосий; восьмым – сын его Константин; девятым – сын его Феодор (Теодорэ); десятым – сын его Константин; одиннадцатым – брат его Леон, который прожил в царствовании своем сорок пять лет; двенадцатым (сын его) Феодосий, который прожил в царствовании своем двадцать семь лет; тринадцатым – брат его Деметрэ, царствовал тридцать шесть лет; четырнадцатым – брат его Георгий, который владел в качестве старшего сына (наследника) Агцупом, и потому был назван Георгием Агцупским (Агцупели), он царствовал семь лет; пятнадцатым – сын Деметрэ Баграт, царствовал двенадцать лет; шестнадцатым – сын (его) Константин, царствовал тридцать девять лет; семнадцатым – сын его Георгий, царствовал сорок пять лет; восемнадцатым – сын его Леон, царствовал десять лет; девятнадцатым – брат его Димитрий, царствовал восемь лет; двадцатым – брат его Феодосий Выжженный Глаз, царствовал три года. И после сих царей угодно было Богу и я Баграт Багратид, сын блаженныя памяти Гургена, и сын дочери Георгия, царя абхазского, покорил страну Абхазскую, материнское свое наследство, и сколько лет я проживу в своем царствовании, это ведает Бог».

Потом прибавлено: «А царствовал этот Баграт тридцать шесть лет, и после него царствовал Георгий тринадцать лет и пять месяцев».

59. Д. Гулия. Что нужно Абхазии // Сотудник закавказской миссии. – Сухум, 1912, № 10. – С. 152–155.

С. 152. «Со времени же владычества России, т.е.с 1810 г. сюда стали стекаться в качестве духовных пастырей и проповедников Слова Божия исключительно грузины, не знавшие ни полслова ни местного, ни Государственного языка и даже малограмотные на своем родном языке. Подобные священники только занимали штаты, получали жалованье и были заняты лишь переделкой Абхазских фамилий и названий сел и деревень, напр.: Маан – Маргания, Ачба – Анчабадзе, Инал-ипа – Иналишвили, Шат-ипа – Сотишвили и т. п.

60. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М., 1967. – С. 108.

«Конец тюркито-византийской войны датируется началом гражданской войны в каганате, т.е.началом 584 года. После неудачного вторжения в Крым тюркиты ограничились Кавказом. Северная граница Лазики или царства Эгриси проходила по кавказскому хребту; Абхазия составляла часть этого царства. Тут, видимо разворачивались военные действия тюркитских князей. Вряд ли они смогли проникнуть далеко на юг. О сопротивлении лазов не сказано ничего, а только сообщается об убийстве 300 тыс. человек, трупы которых лежали вдоль дороги длиной около 160 км (четыре дня пути). Это похоже на убийство пленных, которых отступающая армия не могла увести с собой. Значит, наступление тюркитов на Крым и Кавказ захлебнулось, и война была ими проиграна и в самом деле, в 588 г., Византия вернула Боспор, чем было восстановлено исходное положение».

61. Аракел Даврижеци. Армянский историк XVII в. / Книги историй. Перевод с армянского, предисловие и комментарий Д. А. Ханларян. – М., 1973. Памятники письменности Востока. – С. 425–426.

1623 г. «В это время находился в городе Эрзеруме Абаза-паша, очень мужественный и храбрый воин, имевший множество всадников; он, чтобы отомстить за кровь царя [султана], начал убивать янычаров».

С. 492.

«В 1076 (1627) году Халил-паша стал визирем, пришел в Эрзерум против Абазы, а Абаза поднял голову и еще раз разгромил янычаров, захватил шестерых пашей – двоих убил у ворот, а четверых отвел в крепость и запер ворота; [Халил-паша] два с половиной месяца осаждал крепость, седьмым приступом велел открыть [ворота], но все же крепость взять не смог, собрался и ушел. На полпути оставил пушки, а Абаза бросился за ним, захватил 80 вьючных верблюдов и 60 вьючных мулов – все с грузом – и множество людей; много людей было перебито».

62. Т. Дадешкелиани. Военная организация и боевой порядок грузинского войска в период 1089–1322 гг. // Известия кавказского общества истории и археологии. – Тифлис, 1884. Т. I, вып. второй. – С. 50–51.

«Вторую линию составляли главные силы, имея на правом фланге абхазо-имеретинские, а на левом – войска эриставств, находящиеся к востоку от Лихийских гор или Сурамского перевала. Этот порядок тоже был ненарушим, т.е. абхазцы не стали бы на левом фланге. Вообще перемена мест в общем порядке не допускалась. Вторая линия в 5–6 раз превосходила авангардную линию и служила непосредственно ее поддержкою».

63. С.А. Дбар. Обычаи и обряды абхазов, связанные с охраной здоровья детей и лечением детских болезней // Известия. Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. – Тб., 1989. Вып. XV.

С. 124. Лечение оспы. Информатор: Багапш Дина Киагуровна, 73 г., с. Джгерда:

«Мне было 9 лет, – рассказывала она, – когда мне приснился такой сон: Золотой Зосхан приехал к нам в гости со своими друзьями на белом коне, в белых сапогах. Он попросил снять с него сапоги. Я нагнулась и начала стягивать с него сапоги и порвала у щиколотки. Золотой Зосхан вскочил на коня, сказав, что через пятнадцать дней будет гостить у нас, и галопом выехал со двора со своими друзьями. Так и случилось, прошло пятнадцать дней, и вся наша семья заболела оспой. Затем, когда я стала взрослой, меня водили к больным оспой и я пела им песни и ухаживала за ними».

64. И. Дебу. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию и о соседственных горских народах. – СПб., 1829.

Различные исторические замечания, относительно соседственных с Линией народов. – С. 117–134, 157.

§ 92. «Сперва обитали они [абазины] по ту сторону Кавказских гор, занимая пространство от Елборуса до Анадолии, устраивая свои селения по ущельям и в неприступных местах».

§ 101. «Река Кубань разделяла тогда Абазинцев от Кабардинского народа, уступающего им во многолюдстве и богатстве, не занимающегося, по их при-

меру земледелием, ненавидящего труд… Кабардинцы, сделавшись соседями сих изобилующих всеми потребностями Абазинцев, употребляли, по природной своей склонности, все возможные средства, чтобы их обворовывать. Но по вышеозначенным причинам не смели отважиться на явную с ними вражду. При том же, видя, что не могут противиться силе и многочислию сих соседей, и что часто происходившие взаимные споры всегда оканчивались в пользу абазинцев, употребили хитрость, и заключили между обоими народами союз. Потом, ознакомясь короче, породнились с ними, отдавая и получая дочерей из одного народа в другой; от такой связи они приобрели лучшее понятие о земледелии и скотоводстве…»

65. А.И. Деникин. Очерки русской смуты. Белое движение и борьба добровольческой армии. Май – октябрь 1918 г. Воспоминания. Мемуары. – Минск, 2002. Глава VII. Закавказье. – С. 73–96.

«Состав населения Сухумского округа в 1916 году в %: абхазцев – 61, грузин – 18, русских –11, армян –10, прочих – 5». – С. 81.

66. Деникин – Юденич – Врангель. – М. – Л., 1927. – С. 92–100.

«I/14 февраля 1919 г. от имени ген. Деникина на имя генералов Форестье Уоккера и Мильна была послана следующая телеграмма:

«Ко мне обратились официальные представители Абхазского народа с нижеследующим прошением, подписанным членами Народного Совета:

«…грузины ввели в Сухумский округ свои войска, поставили свою администрацию и, своеобразно обычным своим приемам, начали вмешиваться в внутренние дела и повели самое беспощадное гонение против выдающихся влиятельных и политических деятелей абхазского народа. <…>

Доводя до вашего сведения о такой просьбе официальных представителей абхазского народа, со своей стороны добавлю следующее:

1) Ненависть абхазцев к грузинам так сильна, что никакое совместное жительство этих народов невозможно, и все равно путем кровавой борьбы абхазцы добьются своей свободы, а потому всякое промедление в удалении грузин из пределов Сухумского округа только ухудшит дело и вынудит прибегнуть к вмешательству посторонней вооруженной силы для восстановления порядка.

2) Сухумский округ необходимо теперь же объявить нейтральным, немедленно вывести оттуда грузинские войска и администрацию и возложить поддержание порядка на абхазские власти, свободно ими самими выбранные и на военные отряды, сформированные из абхазцев.

3) Грузины должны быть отведены за реку Ингур, т.е. за бывшую границу Кутаисской губернии. Их претензии на район, лежащий между реками Кодор и Ингур, ни на чем не основаны, ибо население этого района относится к грузинам с ненавистью еще большей, чем население остальной Абхазии.

Я особенно настаиваю на точном выполнении указанных трех пунктов, ибо в случае промедления в их осуществлении я предвижу, что английской армии и Добровольческой придется проливать свою кровь для умиротворения края, доведенного бессмысленной политикой грузин до последней степени возмущения против его поработителей».

67. Джавахишвили И.А. Древнегрузинская литература // И.А. Джавахишвили. Соч. в XII томах, изд. ТГУ, Тб., 1977. – С. 429–484.

С. 430. «Около 992 г. было написано также ныне утерянное сочинение «Цховребай Абхазтай» («Жизнь или история абхазов»), которое принадлежит перу царя Баграта III и заключала в себе историю 22 царей».

68. М. Джавахишвили. История грузинского народа. Книга вторая. Тб., 1948. – С. 165 (на груз. яз).

[Сыновья Абазы].

«Кроме Липарита у царя Баграта были и другие противники, именно пять известных сыновей Абазы, один из них был эриставом Картли. Эти сыновья Абазы, люди сильные и представительные, помимо богатства похвалялись могуществом (досл. «десницей) своей и многочисленной ратью возгордившиеся, настолько осмелели, что намеревались взять в руки царя».

69. К.Ф. Дзамихов, Ш.Ш. Хуранов. Из истории взаимоотношений абазин и кабардинцев в XVI – первой половине XIX века // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1985. – С. 69.

«В своем прошении императрице Елизавете Петровне от 1753 г. владельцы баксанской группы кабардинцев Магомет Кургокин и др. отмечали, что претензии Османской Порты на абазин несправедливы, ибо «издревле абазинцы наши суть». Далее они отмечают, что «абазинский народ произошел из гор, сначала с именуемыми Хаджи Ахмедом две фамилии вышли, одна называется Манугх, другая Хохона; а потом по две и по три фамилии из гор к нам выходили и неоднократно паки от нас отходили».

70. С.Х. Джанайты. Три слезы Бога. Владикавказ, 2007. – С. 105.

«Одной из причин поражения алан от татаро-монголов стало проникновение в аланскую степь христианской идеологии, развалившей на идеологически враждующие стороны единый когда-то в патриотизме, непоколебимости, самоотверженности и вере народ. Можно сказать и так: возрождающаяся Нартская идеология Асов не успела укрепиться в аланской степи, ввиду распространения среди «пастушеского народа» христианской «покаянной идеи» организованно внушаемой миссионерской пропагандой».

С. 5. «…Далеко смотрели посвященные древности. Они понимали, что народы приходят и уходят, что империи возникают и погибают, что золотой век науки, искусства и идеализма сменится темными веками суеверий. Имея это в виду, мудрецы старых времен, пошли на крайние меры для того, чтобы быть уверенными в сохранности знаний. Они выписали их на горных склонах и замаскировали колоссальными размерами изображений, каждое из которых было геометрическим чудом. Знания в химии и математике они скрыли в мифах, которые невежественные будут хранить вечно, или в арках и переходах, которые пожалело время. Они рисовали такими буквами, которые ни вандализм людей, ни безжалость стихий не могли стереть полностью. Сегодня люди с изумлением и почтением смотрят на колоссов Меммона, на странные террасы пирамид в Паланке. Они стоят молчаливыми свидетелями утерянных искусств и наук античности, и мудрость их будет скрыта до тех пор, пока нынешняя раса не научится читать на универсальном языке символизма…» Мэнли Полмер Холл.

71. Г.А. Дзидзария. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке (До крестьянской реформы 1870 г.). – Сухум: Абгосиздат, 1958. – С. 473.

«В конце 1867 года начальником Сухумского отдела вместо генерала Толстого был назначен генерал В.А. Гейман. О характере этого царского администратора можно судить хотя бы по письму жителей сел. Бзыбской Абхазии на имя наместника в ноябре 1868 года. «Просьбу нашу, – писали они, – которую приносили генералу Гейману, при сем представляем и всепокорнейше осмеливаемся изложить о бедственном нашем положении, что мы на генерала Геймана не имеем никакой надежды о благополучном нашем сожитии и водворении, к тому причины: что при первом его прибытии, когда весь Пицундский округ представился к нему в Сухум, он не затрудняясь объявил нам следующие, слова: «Хотя государь простил вам за преступления ваши [1866 г.], но я не прощу…» Мы услышали от него слова эти, удивлялись и пришли в большой ужас…»

72. Дигенис Акрит // Памятники византийской литературы IX–XIV вв. – М., 1969. – С. 121.

«Двенадцать леопардов дал, испытанных в охоте,
Птиц ловчих из Абасгии – двенадцать белоснежных,
Двенадцать малых соколов и столько же обычных».

«Стратит дарит жениху… двенадцать охотничьих гепардов, двенадцать белоснежных ловчих птиц из Абасгии, по двенадцати малых и обычных соколов» // Сыркин А.Я. Поэма о Дигенесе Акрите. М., 1964. – С. 182, 184.

73. А. Друг. По Абхазии и Самурзакани // «Русский мир», 1877, 18 декабря, № 345.

«Вот суша, наконец, а вот абхазцы. На маленьких длинношерстных лошадках мимо нас промчалось несколько всадников. У одного на голове башлык, а у другого ничего нет; рост прелестный, тальи тонкие, как у андалузских испанок, у всех на обеих сторонах груди патронташи, а левого бедра весьма почетной наружности кинжал, у двух-трех за спиной в лохматых чехлах длинные азиатские ружья».

74. Друг. Начало отчуждения Абхазии. 1917–I921 гг. // «Кавказский акцент», Тб., 2000. №№ 3, 4, 5.

«Абхазы сидели тихо. В конце попросил слова один крестьянин. Этого крестьянина в Абхазии называли мудрым и, действительно, славился он умом и красноречием. Вообще, я слышал от старых людей, что абхазы – народ очень умный и красноречивый, я хорошо помню его слова и, должен признаться, они запали мне в душу. Я ясно увидел разницу между его мудрыми мыслями и болтовней драных интеллигентов.

«…Россия пала, слава Богу, к нам пришла свобода, но что это за свобода, она только для вас [грузин], а нам [абхазам] вы не даете возможности ее почувствовать. С русскими мы по возможности боролись, противостояли им, но если на вас посмотреть хорошенько, то среди ваших отцов и дядьев много найдется таких, чья грудь украшена медалями за покорение Абхазии. И о том можно сказать, что русские пришли к нам через Дарьяльское ущелье (подразумевается Грузия). Вы заслужили доверие России, а мы до нынешних дней были объявлены "неблагонадежной нацией". Нас никто не может научить любить свободу. Абхазия – каш край, и разве мы не имеем права сами решать наши дела…»

75. Магомед Ечерух. Роль кавказских горцев в политической и общественной жизни Турции // «Мусульманин». Париж, 1910, № 6. – С. 143.

«В это время каждый турок с гордостью заявлял, что он черкес, потому что настоящий турок отличается редкой тупостью и непонятливостью в сравнении

с выходцами с Кавказа. Облагородив тип оттомана, горцы и черкесы внесли живую струю и в государственное управление. Кто не знает, что лучшие и способнейшие военачальники исключительно черкесы».

76. Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности. – М., 1986, XVI, с. 89.

«Мы же знаем многие народы, что владеют искусством письма и возносят хвалу Богу каждый на своем языке. Известно, что таковы: армяне, персы, абхазы, грузины, согдийцы, готы, аварцы, турки, хазары, арабы, египтяне, сирийцы и иные многие».

77. Жузе П. Грузия 17 столетия по изображению патриарха Макария // «Православный собеседник». Казань, 1905, январь. – С. 117–119.

«По истечении же этого времени антиохийским патриархом сделался благочестивый Стефан (740–744), а после него эдесский священник Феофилакт (744–750). Во эти дни патриарха Давид, царь абхазский, послал в Антиохию для рукоположения во епископы много лиц; но дорогой напали на них разбойники, отняли у них все подарки и убили всех, за исключением только двух, которые, убежав от разбойников, прибыли в Антиохию и сообщили упомянутому патриарху Феофилакту о постигшем их и их товарищей на пути несчастиях. Они же сообщили также, что их страна [Абхазия] сильно страдает от неимения такого лица, который бы рукополагал для нее епископов. По этому поводу патриархом Феофилактом был созван собор из большинства архиереев антиохийского патриархата, на котором было постановлено рукоположить для них [абхазцев] самостоятельного католикоса, который бы рукополагал у себя архиереев для [абхазского] народа, но с тем, чтобы он продолжал поминать при богослужении антиохийского патриарха… Обо всем этом патриарх вручил им [двум приехавшим в Антиохию абхазцам] грамоту; затем бросив жребий между ними, он одного из них, по имени Иоанн, рукоположил в католикосы с постоянным жительством в Абхазии. Это был первый католикос, назначенный для [абхазцев]. Рукоположив второго из абхазцев в епископы, патриарх отправил их обоих домой в Абхазию. <…>

Историк Евагрий пишет, что соборная церковь в Абхазии выстроена [императором] Юстинианом и что при дворе этого императора жил какой-то абхазец, по имени Ефрата, которого Юстиниан послал в Абхазию собрать несколько детей и привезти их в Константинополь, где названный император устроил школу для обучения их грамоте и разным наукам. До принятия абхазцами христианства римские императоры убивали всех преступников из них, но после этого события Юстиниан дал им слово, что отныне он никого из них не будет подвергать смертному наказанию. Из этих же абхазцев [абазгов] состояла внутренняя стража Юстиниана. И в последнее еще время католикос Иоанн послал в Константинополь несколько священников и диаконов для получения там религиозного воспитания и ознакомления с науками».

78. Ф. Завадский. Абхазия и Цебельда // «Кавказ». 1867, № 60.

«Со времени распространения исламизма в Абхазии, жители деревни Лыдзаа, соседней с Пицундою и принадлежавшей Пицундскому храму, избрали из своей среды одного пожилого в должность старосты к пицундскому храму. На обязанности этого лица лежало держать храм и ограду в надлежащей чистоте и иметь

присмотр за иконами, книгами и всем, что было в храме. Он же приводил, в случае надобности, жителей к присяге.

До занятия Пицунды нашими войсками, в храме этом был алтарь, иконы, ваянное распятие и большой металлический крест в рост человека. Кресту этому поклонялись и перед ним принимали присягу. Когда войска наши заняли Пицунду, жители деревни Лыдзаа выстроили в своей деревне часовню, и перенесли туда этот крест.

Из числа книг, хранившихся в Пицундском храме, известны два Евангелия: одно с надписью, что пожертвовано одним из владетелей Абхазии в знак благодарности за победу, одержанной над Дадианом; а другое от европейца Ман, предка и родоначальника абхазской фамилии Маргани, прибывшего с слугой в Абхазию.

Последнее евангелие утеряно; первое хранилось при Черноморском № 2-м батальоне, занимавшем прежде Пицунду, с тем чтобы было доступно каждому любопытному.

Евангелие во время восточной войны отправлено в Тифлис».

79. И.Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. – М., 1898. – С. 55.

«Занимаясь с абхазскими мальчиками в школе, я с своей стороны тоже должне заявить, что значительное большинство их отличаются недюжинными способностями; при этом очень правильная форма с прямыми углами лобной кости и большоей объем черепа учеников невольно останавливают на себе внимание. Вообще, по моим личным наблюдениям, все горские племена в умственном отношении стоят несравненно выше плоскостного населения».

80. Исарлов Л.И. Письма о Грузии. – Тифлис, 1899. – С. 57.

«Вся местность сухумских высот по течению реки Карантинки [река Беслетка] до Келасур, представляет обширное поле для археологических изысканий. Там в лесах очень часто встречаются остатки каменных строений, поросших деревьями, свидетельствующих о большой населенности когда-то того места. Курюкдарский и Баш-кадикларский герой последней войны с турками, покойный генерал, князь Василий Осипович Бебутов рассказывал, что в бытность его полковым командиром в двадцатых годах, полк его был расположен в Мингрелии и Абхазии, и поэтому он очень часто бывал как у тогдашних владетелей Мингрелии и Абхазии, кн. Дадиани и кн. Шервашидзе, так и тамошних князей, и что он слышал от стариков, что в народе существовало предание, по которому по течению речки Карантинки в Сухуме, на высотах и далее к Келасурам был когда-то большой город, который занимал все окресности и ущелье, что жители были так богаты, что у них стаканы и тарелки, подносы и проч. были все золотые. В какой мере это достоверно – неизвестно, во всяком случае, предание это свидетельствует о богатстве края и о том золоте, о котором упоминали древние, описывая восточные берега Черного моря вообще» (газ. «Тифлисский вестник», 1875, № 6).»

81. В.А. Истархов. Удар Русских Богов. – М.: «Русская Правда», 2007. – С. 360–361.

«Личность не только выше нации, личность вообще не может сформироваться ВНЕ НАЦИИ. Это невозможно, и вот почему. Нация дает личности феноменальные богатства, которые имеет только она одна, и только она одна может дать их личности.

Это богатство начинается с ФЕНОМЕНА ЯЗЫКА. Язык не принадлежит никакой личности, язык – атрибут нации и расы. Если личность живет около 70 лет, то нация – долгоживущее образование и может жить десятки и сотни тысяч лет. Национальный язык формируется тысячелетиями многими поколениями людей данной нации и постоянно развивается. Он является универсальным и самым мощным инструментом познания и самовыражения. Язык – это основной элемент коллективного разума народа. Взяв у нации язык, личность вместе с языком автоматически берет от нации огромные богатства, не созданные личностью, а созданные многими тысячами поколений, живущих прежде людей. Литература, поэзия, культура, традиции, знания, опыт, религии, система воспитания, менталитет – все это богатство нации. Это огромные пласты ценностей, вне этих ценностей личность не может сформироваться.

[С. 361] Конечно, взяв у нации такие богатства, талантливая личность сама может дальше обогощать и нацию и через нацию все человечество в целом. Но все идет только через нацию. И вход, и выход. Нация – это контекст личности. А личность – это часть длительного исторического процесса жизни нации. Мы, сегодня живущие, всего лишь третья часть нации, причем наименьшая. Первая необъятная часть (наших предков) – в прошлом, третья (наших потомков) – в будущем. И все три времени активно взаимодействуют. Не бывает настоящего без прошлого. Не бывает будущего без прошлого и настоящего. Так и все три части нации взаимосвязаны, существуют и живут совместной духовной жизнью. Создают единое духовное и генетическое целое – нацию».

82. С.С. Какабадзе. Грузинские документы института Азии. – М.: «Наука», 1967. – С. 351.

«575. Синодики из ущелья Мачахели (прежнее название Мичихиани) в Шавшетии (юго-восточная часть Мачахели), ныне в пределах Турции.

…Основная часть синодиков составлена ок. 1100 г.

Основной слой содержит поминания всех жертвователей церкви, в которой составлялись и хранились синодики, из Зедваке и Чикунети, Чхукунети и Апхазети, Эвпрати и Хертвиси».

83. Закарий Канакерци. Хроника. Перевод с армянского, предисловие и комментарий И.О. Дербикян-Мелик. – М., 1969. – С. 244. Гл. X.

О постройке притвора

«В то время появились из страны гуннов племя стелков [монголов], что зовется татарами, и овладело Арменией и Грузией. Ослабело царство Грузинское; оно находилось в руках женщины по имени Рузукан, дочери Тамары, о которой упоминали выше, сестры Лаши, внука грузинского царя Георгия. Когда увидела она, что не может противостоять им, вручила страну свою Шахиншаху, а сама бежала в Абхазию».

84. И.И. Кальф-оглу. Древнейшие известия о Батуме // ИКОИРГО. – Тифлис, т. XVI. – С. 54–46.

«С 1866 г. в Батум начинают переселяться абхазцы, которым турецкое правительство уступило здесь много земель. Но после взятия Батума русскими абхазцы ушли в Турцию.

Абхазская деревня стояла на месте нынешних торговых рядов на Нурийской площади и называлась Нурие. Местность эта, занимающая центр города, лежала некогда далеко за его чертою».

85. М. Касторский. Экстраорд. Проф. С. Петербургского Унив. Исторические судьбы русского «Закавказья в древние времена. (Читано на торжественном акте С.-Петербургского Университета 8 февраля 1852 года) // ЖМНП, часть LXXVI. – СПб., 1852, октябрь-декабрь. – С. 15.

«В Греции до того времени, пока Критская династия мифологических правителей, имея во главе Зевса, не заняла Олимпа, господствовала древняя династия божеств Титанов. Греки выводили свою общую родословную от Титанов Япета и Прометея, которых древнейшие предания помещали в земли Кавказские. От Кавказа пришла Титанская колония к автохтонам Греции и научила их употреблению огня и искусству сохранять его.

…Урмия, Ариема, Ариемат, по Зендавесте, источник всякого благословения, произвела Зороастра. Она лежит при подошве горы Альбора (Кавказ), который есть основание и корень всей Вселенной; от него в течение 200 лет произошли все горы».

86. Квирильское ущелье // Грузинская ССР. Квирильское ущелье. – Кавказ. Справочник-путеводитель. С 11 картами, 9 планами, 3 схемами и 4 таблицами. Под редакцией Э.С. Батенина. М., 1927. – С. 423.

«Долмены на левом берегу р. Квирилы, вблизи д. Чолы, на холме Квирике; памятники частью каменного (бронзового ?) века; имели погребальное назначение; составлены из огромных каменных плит; имеют форму стола, оттого и получили свое название («долмен» – слово кельтского языка, – предполагалось, что погребение такого рода принадлежит кельтам)».

87. Мустафа Кемаль. Путь новой Турции. Т. III. – М., 1934. – С. 80.

[Восстание абхазцев и черкесов]

«Восстание в районе Дюзджи было весьма серьезно: 4 тысячи человек черкесов и абхазцев ворвались в Дюздже. Эта толпа заставила раскрыть тюрьмы и в результате боя обезоружила наш местный кавалерийский отрад. Государственные офицеры и чиновники были арестованы. Мы выслали против повстанцев наши части. Находившаяся в Гейве наша 24-я дивизия была двинута нами на Дюздже во главе со своим командиром, подполковником Махмуд-беем. Но как только Махмуд-бей выступил из Хендека в Дюздже, Хендек тоже восстал. Это произошло в самый день открытия меджлиса, т.е. 23 апреля 1920 г. Мятежники завладели и Ада Базаром. 25 апреля обманутый мятежниками Махмуд-бей попал в засаду на дороге от Хендека в Дюздже и был убит первым же выстрелом. Его начальник штаба Сами-бей, его адъютанты и некоторые другие офицеры также были убиты. В результате 24-я дивизия была полностью взята в плен повстанцами без боя. Она потеряла все орудия и вообще все оружие».

88. Адиль Гирей Кешев. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора-Бекмурзин Ногмовым. Рецензия // «Терские ведомости». 1869. № 32. – В кн.: Избранные произведения адыгских просветителей. Вступительная статья, подготовка текстов и комментарий Р.Х. Хашхожевой. – Нальчик, 1980. – С. 162–163.

«Перечисляя племена, подчинявшиеся в разное время численному превосходству кабардинцев, автор говорит, будто алты-кесек абазинцы платили дань князьям кабардинцам наравне с ингушами, назрановцами и карабулаками, и поступали с ними в наказаниях и штрафах также как с последними. Но это мнение только кабардинцев. Сами же абазинцы, не отрицая того, что им приходилось иногда терпеть от вдесятеро сильнейших кабардинцев, никогда, однако, не признавали над собою их власти, и не только во время автора, но и прежде не платили им никакой дани. При этой последней кабардинцы очевидно разумели добычу, какую их шайкам удавалось иногда разбойническим образом захватить в наездах своих на абазинские аулы, преимущественно в рабочее время, когда мужчины находились в поле. Поговорка самих кабардинцев: «абазере мезгедре», т.е.«абазинец и фазан», употребляемая в том смысле, что их одинаково невозможно сделать ручными, указывает на истинные отношения абазинцев и кабардинцев».

89. М. Фахреттин Кирзиоглу. Османская империя и Кавказ. Документы и фетвы (1451–1590). – Анкара, 1976. – С. 13. (на турец. яз.).

В особом приказе султанского правительства, изданном на основе докладной записки батумского [гонийского] санджакбея Искандера эрзерумскому бегларбею читаем:

«Батумский санджак представлюсь границу страны Гуриели…

[Каждую весну] всегда приходит Абаза и нападает на вилайет Гуриели. Сообщаешь, что и сейчас Абаза напал на вилайет Гуриели и разорил. Также сообщаешь, что они готовятся напасть на наш край, что сипахи Батумской ливы рассеяны и не собираются в нужное время, поэтому вы испытываете трудности; когда вы предложили [сипахам] собраться, [они] ответили, что, если не будет специального султанского приказа, не соберутся, и оказали нам сопротивление. Приказываю: если не соберутся в нужное время, когда приходит Абаза и причиняет стране ущерб, пусть не отбирает у них пропитания, но они заслуживают порицания и наказания».

…Через некоторое время абхазы на четырех судах напали на окрестности Архаве, полностью разорили и увели в плен 47 человек. Кроме этого абхазы на двух судах напали на чанетскую деревню Макриал и разграбили ее. Мусульманское население этого района охватила паника, когда пришло сообщение, что «корсары Абаза», вновь вышли в море, оно готовилось бежать из этого края.

С. 16. «Из-за морских набегов и нежелания принять ислам, турецкий султан объявил абхазам народу блокаду. И тогда в те времена на абхазском побережье стал ощущаться недостаток в изделиях из железа, меди, и особенно, котлов для варки пищи. В семьях абхазов издревле часть семьи могла придерживаться христианства, часть следовала исламу, а другие поклонялись древним Богам. И вот когда в стране ощутилась нехватка котлов, то в семьях, в одном котле, разделенном перегородкой, одновременно, в одной части варилась баранина или говядина, а в другой – свинина».

Эту историю в 1957–1961 годах в вилайете Адапазар/Сакарья в одном из абхазских сел рассказывали мне старики-абхазы, слышанную ими от своих дедов.

90. Климент Александрийский (II–III в. н.э) // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. – СПб., 1890, с. 556.

§ 42. «…В старину Скифы поклонялись мечу, Арабы – камню, Персы – реке…».

« Очень многие племена, как мне кажется, воткнув в землю один меч, приносят ему жертву как Арею; это в обычае Скифов, как говорит Евдокс во второй книге "Землеописание". Из числа скифов, как говорит Икесий в соч. "О мистериях", почитают меч…».

91. Евг. Ковалевский. Очерки этнографии Кавказа // «Вестник Европы», 1867, т. III. – С. 83.

«Убыхи жили на юго-западном склоне главного хребта, между реками Псезуапсе и Саше; по берегу Черного моря, они составляли смешанные общества с шапсугами и абхазами, носившими разные наименования, и между прочим, имя Вардан, напоминающее реку Кубань, которая у эллинских и римских писателей называлась «Вардан».

С. 103. [Ахчипсоу].

«Ахчипсоу живут в верховьях рек Псху и Мздымты. Никому не подвластные, они отличаются духом воинственности и свирепостью. Со своими соседями, убыхами, они находились в тесной связи и учавствовали в их предприятиях. Высокие горы и неприступные ущелья, занимаемые Ахчипсоу, и недоступность к ним со стороны моря представляли большие затруднения для покорения этого общества, которое было в свое время из всех абхазов самым вредным для России».

92. П.К. Козаев. Эпос и проблемы древней истории народов Кавказа и Индии // Кавказ и цивилизации древнего Востока (Материалы всесоюзной научной конференции). Северо-Осетинский научно-исследовательский институт истории, философии и экономики при Совете Министров СО АССР. – Орджоникидзе, 1989. – С. 73–75.

С. 74–75. «Страну Картов населяли индоарии, хурриты-субарту, халибы-амазонки, кашки, хатты, дандары/дарданы и другие представители северокавказцев. Эпос о нартах включает фольклор этих народов. Из первоначального ядра Нартиады вычленяются цикл сказаний о Гильгамеше, сюжете гомеровской Илиады (разрушение Трои – Трипури – Уарпа), Энеиды и т.д. Хронологически формирование древнейшего махабхарато-нартовского ядра следует ограничить временем ухода индоариев на Деканский полуостров…

Даже первичный анализ эпосов Индии и Кавказа о сынах солнца Рама и Амра (Мхер) доказывает их общее происхождение и уход носителей рамаяновских эпических традиций с Кавказа, отражает историю могущества некогда значительного этноса рама – амра, поклонявшегося великому божеству Вишну – Шивине – Мамашу – Хамышу».

93. Петр Козаев. Аланы-арии. Происхождение и древнейший период истории. – Владикавказ, 1998. – С. 91.

[Зарождение Нартиады]. «У нас нет никаких оснований, исходя из индоарийских параллелей в Нартиаде, объявлять осетинскую версию более поздней, и, тем более, отрывать ее от абхазской, с которой они являются половинками одного целого. Выявленный пласт в свете новых археологических данных относит дальше в древность нижнюю дату формирования эпоса – к IV тыс. до н.э., тем более, что время появления носителей майкопской культуры на Центральном Кавказе также возводится к началу второй половины IV тыс. до

н.э. древнейшее общее индоарийоко-кавказское ядро Нартиады оформилось еще до ухода части индоариев на нынешнюю территорию обитания в XXIII–XVIII вв. до н.э.».

94. [Д. Коларуссо. Вести.ру. Надписи на древней керамике].

«Эдриен Мэйр из Стенфордского университета и Дэвид Сондерс из Музея имени Пола Гетти изучали древнюю керамику периода 550–450 годов до новой эры. На двенадцати античных ваз были нанесены надписи и рисунки, изображающие амазонок – легендарных воительниц – во время охоты или битвы.

Фонетические транскрипции этих надписей ученые предоставили лингвисту Джону Коларуссо из университета Макмастер в Канаде. Он же выяснил, что надписи имеют имена амазонок: Принцесса, Непобедимая, Прекрасная Талия и тому подобное.

Статья об этом исследовании, вышедшая в журнале Hesperia, дает лингвистам новое представление о языках, на которых говорили жители побережья Черного моря более 2500 лет назад, большую часть этой территории занимали скифы, военные противники и торговые партнеры античных греков.

Авторы новой работы полагают, что надписи на вазах, которые по большей части оказались бессмысленными, представляют собой попытки греков записать речь скифов. Тем не менее, имена амазонок оказались первыми осмысленными фонетическими сочетаниями, которые ученым удалось распознать.

Сами воительницы-амазонки долгое время считались мифическими персонажами. Но однажды археологи обнаружили скифские захоронения настоящих женщин-воинов. Для античного мира такое явление было крайне необычным, поскольку половая сегрегация в те времена была в самом расцвете. Женщины по большей части жили отдельно и были весьма ущемлены в правах, поэтому дамы в мужской одежде и обладающие умениями сильного пола вызывают у историков недоумение.

Коларуссо обнаружил различные интересные имена и соотнес их с изображениями героинь на вазах: лучница носила имя Боевой Клич, всадницу звали Героиня Доспехов, а Прекрасная Талия, судя по всему, была самым чувственным из персонажей. На одной из ваз, где были изображены две амазонки на охоте с собаками, осталась надпись, оказавшаяся греческой транслитерацией абхазского выражения «спустить собак».

«Все эти необычные клички на самом деле были боевыми прозвищами, а не настоящими именами воинов. В то время редко представлялись своим именем, важнее было показать свою репутацию, чем происхождение», – поясняет Коларуссо.

Добавим, что с V–VI веков до новой эры, когда процветала торговля керамикой на побережьях Средиземного моря, сохранилось около полутора тысяч ваз. Многие из них были украшены боевыми сценами с участием героев (Геракла или Ахиллеса, например), а также подписаны ничего не значащими буквосочетаниями.

Амазонки были очень популярной темой для живописи, но в каждый период изображались по-разному. Так, к примеру, после скифского вторжения во Фракию, воительниц стали изображать облаченными в скифские туники, брюки и головные уборы, они сидели верхом, стреляли из луков и метали топоры.

Насчет бессмысленности надписей на вазах историки уже начали сомневаться. Вполне вероятно, что смысл у этих слов был, просто пока у ученых нет возможности понять какой.

Так Колоруссо однажды расшифровал надпись на вазе 400 года до новой эры, на которой изображен блюститель закона с мертвым гусем в корзине. Это произведение искусства хранится в музее Метрополитан в Нью-Йорке, и историки попросту переписали надпись с нее, не показывая лингвисту содержания рисунков.

Оказалось, что фраза, записанная на вазе, переводится как «Этот воришка крадет гуся у того человека» с древнего черкесского языка, что вполне согласовывалось с рисунком. Примечательно, что Афины в ту эпоху охранялись скифскими «полицейскими», чью речь, судя по всему, и попытался запечатлеть художник.

В исследовании было использовано 12 ваз из 1500, которые сохранились да наших дней. Чтобы узнать больше о том, как греки записывали своим алфавитом иностранные слова, необходимо будет проанализировать гораздо больше образцов. Более того, ученые уверены, что такой анализ позволит пролить больше света на историю античных стран и их взаимоотношений с соседями».

95. А.В. Комаров. Краткий обзор последних археологических находок в Кавказском крае // Известия Кавказского общества истории и археологии. Тифлис, 1882, том I, выпуск первый (Сообщено в Заседании 9 декабря 1881 г.). – С. 1.

«При разработке дороги от Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря на гору, на которой устраивался виноградник, открыто древнее кладбище. Покойники зарыты прямо в землю и при них найдено много железного оружия: мечей, кинжалов и копий; несколько бронзовых колец и бронзовый козлик с ушком для привески, а также стеклянные бусы и монета императора Адриана, чеканенная в Кесарии. Последняя определяет время могильника около III–IV века по Р.Х. Никто из археологов не осматривал этой местности, по-видимому, довольно богатой археологическими останками. Монахи говорили мне, что в лесу, близ развалин древней крепости Анакопии, лежащей на отдельной горе, над монастырем имеются древние каменные гробницы».

96. Н.П. Кондаков. Древняя архитектура Грузии. – М., 1876. – С. 34–35.

«Важнейший же пример представляет пресловутый храм из Пицунды, которого три абсиды, выступающие полукругом, служат наглядным свидетельством собственно византийской системы постройки этого храма и того, что Абхазия держалась общевизантийской архитектуры в своих церквах, быть может именно потому, что, не выработав своих форм, предпочла основной тип производству грузинскому, а отчасти потому, что ее памятники предшествовали несколько развитию архитектуры в собственной Грузии. Указываем на это обстоятельство особенно в тех видах, что среди теорий о происхождении грузинской архитектуры и такая, которая производит ее из Абхазии…»

97. Н. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. Вып. IV. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. – СПб., 1891. – С. 36.

[Пицундский храм]

«Древнейший храм в Абхазии в Пицунде, построенный Юстинианом, сохранился в немногих плитах и кусках; тогда как сохранившаяся доныне церковь Пицунды по своим формам, по своему даже плану купольной церкви на четырех

столбах с прибавлением нартекса и т. п., относится ко времени установки византийского канона, т.е. не ранее X столетия».

98. Корзухина-Воронина Г.Ф. Рязань в сложении архитектурных форм XII–XIII вв. // Сборник-бюро по делам аспирантов. Государственная Академия истории Материальной культуры. – Л., 1928. – С. 81–82.

«Новейшие работы пытаются установить более точно район на Кавказе, культурно связанный с Русью. В этом отношении внимание было обращено главным образом на Абхазию и притоки р. Кубани… Роль Кавказа в сложении культуры средней России XII–XIII вв. получает подтверждение и в материале Рязанских памятников. Исторически ясная связь по донскому пути Кавказа с Рязанью началась значительно раньше возвышения Рязанского княжества. Просачивание Кавказской культуры подготовило почву для восприятия в XII веке уже более сложной и могучей волны архитектурных усвоений».

99. К. Кудрявцев. Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухум, 1922 (1926). – С. 72.

«В это время абхазцы славились своими набегами и морскими разбоями даже в такой стране каким являлся Кавказ и Малая Азия в XVII и XVIII веках. Топот коней лихих абхазских джигитов приводит в страх и трепет жителей всех соседних стран, а их мелкие суда иногда бороздили воды Босфора и смелость их набегов знало все Черноморское побережье. Они нападают, не разбирая, на горские, грузинские и турецкие области».

100. Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. – Орджоникидзе, 1977. – С. 172.

«Особого внимания заслуживают большие крестовокупольные храмы – единственные на Северном Кавказе того времени. Наиболее крупным и монументальным из них является северный Зеленчукский храм, типологически примыкающий к Лыхненскому храму X в. в Абхазии и Шоанинскому храму на Кубани. Анализ зданий крестовокупольной и крестообразной композиции приводит нас к выводу о ведущем для Западной Алании восточно-византийском влиянии, шедшем непосредственно через Абхазию (северный храм Зеленчука, Шоана). Участие абхазских зодчих, прошедших византийскую выучку, в строительстве монументальных храмов Западной Алании кажется несомненным».

101. А. Ламберти. Описание Колхиды… // СМОМПК. – Тифлис, 1913, вып. 43. – С. 182. «И действительно: греки, армяне, турки, русские и абхазцы заносят сюда больше пороков, чем товаров и настолько заразили страну Мингрелию, что здешний народ не похож на людей, и с полным основанием их можно назвать исчадием всех пороков. От греков они усвоили коварство, от армян ложь и обман, от русских разнузданность и пьянство, от абхазцев жестокость и воровство, от турок измену и этими разными пороками окончательно уничтожили в себе добродетель».

С. 188–189. «На север от Мингрелии живут абхазцы, которых турки называют абаза. Страна их очень красивая и привлекательная, вся она разделена на плодородные возвышенности, воздух у них здоров и сух: оттого и народ прекрасной крови, имеют красивые лица, белую кожу и благородное происхождение; они храбры, подвижны и ловки. Молодежь никогда не сидит без дела, а проводит время, то упражняясь в употреблении пики, то для подкрепления сил бросая в воздух тяжелые вещи, то перепрыгивая через канавы, чтобы приучиться к ловкости».

102. В. Латышев. К истории христианства на Кавказе // Сборник археологических статей, посвященных Графу А.А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской Археологической Комиссии. С многими таблицами и рисунками в тексте. – СПб., 1911. – С. 180.

«При Юстиниане Ринотмите Авазги являлись врагами Византийцев, причем протоспафарий Лев (будущий император Лев Исавр) действует Авазгии, Лазики и Иверии при помощи Алан. В IX веке при Феофиле и сыне его Михаиле III византийские армии трижды терпят от Авазгов жестокие поражения».

103. Л. Лебедев. Будет ли рай на Земле? // Наука и религия. 1991, декабрь, № 12. – С. 33.

«И все же чаяние земного рая оказалось на Руси очень живучим. И сейчас можно услышать его отголоски в народных преданиях и легендах. Одна из таких легенд утверждает, что земной рай – под Иверской горой (в Новом Афоне, близ Сухума). Предание выдержано вполне в духе апокрифов 17 века: там имеется подземный ход до самого Иерусалима, вокруг горы скоро «все православие соберется, а когда придет Христос, то рай прорастет сквозь гору и заполнит всю Землю…»

104. Летопись Картли. Перевод, введение и примечания Г.В. Цулая. – Тб., 1982. – С. 66–68.

[Баграт IV, события 1039–1046].

«Великий Фадлон дурно поступил и привередничал во всеми предводителями его [Баграта] царства. И покуда был отроком Баграт, собрали войско его царства, сговорились с Липаритом и Иванэ Абазас-дзе [Абаза]; пришел и великий Квирике, – царь ранов и кахов; Давид – царь армян; Джафар – эмир тбилисский. По уговору Квирике все они собрались против Фадлона в Эклеце. Обратили они в бегство Фадлона, перебили войско его, захватили добычу и большие сокровища. Отныне и до самой смерти злокозничал Фадлон.

В эту пору малолетнего царя Баграта Липарит – сын Липарита – и Иванэ Абазас-дзе, – эристав картлийский, – заманили тбилисского эмира Джафара в Мухатгверди, схватили его там и [затем] долго держали его в заключении да изъяли у него Виртвиси. Сжалился над ним царь абхазов и отправил его эмиром в Тбилиси. И отныне возникла вражда между Липаритом и эмиром».

105. Г.К. Лукомский. О древнерусском зодчестве Чернигова. – СПб., 1912. – С. 12.

«Застроенные в ширину пятью-семью апсидами, храмы Киева, Чернигова, Новгорода, по мысленной очистке всех позднейших апсид и наслоений (первоначально было 3 апсиды, что вызывалось требованиями обрядности: жертвенник, алтарь, дьяконник), в плановом смысле вполне совпадают с памятниками абхазскими (церкви Лыхны, Мокви, Никорцменды); с византийскими же храмами второго периода сходство у них значительно меньшее: апсиды абхазских и русских храмов очерчены всегда круглыми линиями, в Византийских (II-го периода) церквах эти выступы, подобно сирийским церквам, часто многогранны. Нет никакого сходства цервей Чернигова с Афинскими и Афонскими церквами.

…Сходство с абхазскими церквами видно даже у новгородских соборов. Если в св. Софии, отбросив позднейшие наслоения, выделить древнейшие части, мы получим полное совпадение плана с абхазским приемом, напр., в церкви Мокви».

106. В.Б. Луцкий. Новая история арабских стран. М.: «Наука», 1965. – С. 29–30.

С. 29. «В 1769 г., воспользовавшись началом войны с Россией, мамлюкский правитель Египта Али-бей аль Кабир объявил о своей независимости от турок. Этот мамлюк абхазского происхождения, который долгое время симпатизировал России и скрывал свою ненависть к Порте, провозгласил себя суверенным государем, приняв в 1770 г. титул «султана Египта и обоих морей». Его имя произносилось в хутбе и мечетях Египта и Хиджаза, который в 1770 г. был присоединен к его владениям».

107. Стенли Лэн-Пуль. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими сведениями. Перевел с английского с примечаниями и дополнениями В. Бартольд. – СПб., 1899. – С. 62–65.

Бурджи – «династия крепости» – «черкесские мамлюки». 734 – 922/1382 – 1517. Приведена таблица мамлюкских султанов.

С. 62. «Мамлюки правили Египтом и Сирией до начала XVI в. Несмотря на кратковременность царствования, на частые междоусобия и убийства, их управление вообще отличалось благоустройством, и Каир еще теперь полон доказательствами их уважения к искусствам и их страсти к постройкам. Столь же замечательна военная доблесть, проявленная ими в успешной борьбе с крестоносцами и с татарами, которые наводнили своими войсками Азию и угрожали Египту».

108. Люзиньян. История возмущения Али-бея против Оттоманской Порты с различными новыми известиями о Египте, Палестине, Сирии и Турецком государстве, також о путешествиях из Алеппа и в Бальзору. Перевод с немецкого. М.: В Университетской типографии у Н. Новикова, 1789.

С. 43. «Али-бей родился в княжестве Абасца или Амасия от хорошей фамилии. Отец его священником Греческой церкви, которая в сей земле смешана с магометанской религией. Он назывался Даут (или Давид), а Али-бей «в крещении назван Иосуфом (или Иосифом). Даут имел двух дочерей, из которых младшая называлась Фахут или Рубия».

109. [Жан де Люк]. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. Жана де-Люка, монаха Доминиканского ордена (1625 г.) // ЗООИД, Одесса, 1879, т. IX. Перевод П. Юрченко.

С. 492. «Абхазы населяют горы, простирающиеся до страны черкесов. На Запад от них лежит Черное море, на восток Мингрелия. Абхазия подчиняется двум князьям, из которых один называется Пузо (Puso), а другой Кара-бей (Carabei). Она простирается на 150 миль. В ней нет городов, но много селений на горах, самых высоких, какие я когда-либо видел. Абхазы рассеяны до морского берега. Их образ жизни таков же, как у черкесов… Они выделывают много вина.

…Я встречал в Абхазии много крестов».

Интересный факт сообщается выше данным автором в другом описании: «Когда он в 1629 г. посетил Пицунду, то в здешнем храме увидел большую чашу, наполненную золотыми и серебрянными монетами. На вопрос о происхождении этих денег священник ответил, что они были пожертвованы Пицундскому храму донскими и днепровскими казаками в виде благодарности за благополучное возвращение из турецкого похода. Причем священник добавил, что казаки поступали так всякий раз, когда возвращались на родину» / М. Тамарашвили.

История католичества среди грузин. Тб., 1902, с. 144 (на груз. яз.) // З.В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.). – Сухум, 1959. – С. 273–274.

110. Магомеддадаев А.М. Мухаммед-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40–60 гг. XIX века. (Сборник документов и материалов) / Составитель Магомеддадаев А.М. РАН. Дагестанский научный центр РАН. Институт истории, археологии и этнографии. Международный фонд Шамиля. – Махачкала, 1998. – С. 177.

Иззет Айдемир. Мухаммед-Амин

«О личности Мухаммед-Амина существует две точки зрения. По первой, наиб (правитель) родился в Дагестане, там вырос, позднее завоевал очень высокое доверие имама Шамиля. По другой версии он – абхазец, который приехал в Дагестан для религиозного обучения, и, т.к. хорошо знал адыгейцев и абхазцев Западного Кавказа, был послан Шамилем в те края. В основном исходя из хода развития событий, превалирует точка зрения, что он по происхождению абхазец. Подтверждением этой версии служат такие факты, что во время своей деятельности на Западном Кавказе он поддерживал близкие отношения с абхазами, они ему не противились, когда состоялось переселение на территорию Османской империи, между ними опять установились очень тесные связи. Деятельность наиба в Адыгее была в интересах широких народных масс. Эта его работа продолжалась с небольшими перерывами 12 лет. Среди возможных направлений его деятельности были: обеспечение черкесам внешней помощи, поиск самостоятельных путей решения стоящих проблем, осуществление возможностей ознакомления стран с черкесским вопросом. Но самый большой его успех – это получение впервые в истории черкесского общества статуса государства, что дало возможность образовать национальную армию, состоящую из отряда всех черкесских народностей. Так, Мухаммед-Амин стал самым опасным для царского руководства человеком».

111. Майкопская находка. (Телеинтервью Амирана Гамгиа с проф. Г.Ф. Турчаниновым о дешифровке древнеабхазской письменности) // «Абхазский университет», Сухум, 1989, 17 февраля, № 5, с. 2–3.

Академик Струве:

«Исследование Турчанинова представляет собой, несомненно, крепкое научное открытие в области истории Кавказа и древнего Ближнего востока. А я, как историк Древнего мира, весьма заинтересован в его скорейшем обнародовании».

112. Мариньи = Тэбу де Мариньи. Поездки в Черкессию / Перевод с французского Мальбахова К.А. – Нальчик, 2006. – С. 25.

«Натухайцы, являющиеся абазским племенем, живут к западу от шапсугов. Их территория простирается вдоль Кубани с запада на восток и охватывает 8 лье до ручья Кудака. На юге она граничит с Большой Абазой, что начинается за Пшатом, а на левом берегу Кубани поселились татары и черкесы, древние жители Тамани, ими покинутой после захвата Крыма русскими».

Население	Количество семей
Черкесы	51130
Абазы	53898
Ногайцы	9480
Осетины	33915
Мицджеги	35850
Лезги	138700
Турки и тюркоязычные племена	79914
Край грузин	125000
Всего	527887

113. Евгений Марков. Очерки Кавказа. Изд. третье. М., б.г. – С. 302.

«Когда черкесская дележка была закончена, захотелось абхазской; равно в Абхазии рай земной, растительность чуть ли не тропическая, плодородие почвы баснословное, вся страна – один сплошной сад… Сами абхазцы – отличный народ, даровитый, тонкий, изящный, – французы Кавказа, как их величают в Грузии; они большей частью христиане и притом старинные христиане, со времен Андрея Первозванного и Симона Хананейского. У абхазцев великолепные сады и плантации на берегу моря. И их, и сады их бросили на произвол судьбы, не оставив на защиту ни одной роты войска. А когда турки забрали их имущества, жен и дочерей, и потребовали, чтобы они стали на их сторону, абхазцев, ненавидящих турок, сделали бунтовщиками. Собственной непредусмотрительностью мы убили чудную страну, которая долго теперь не оправится, которую уже ничем не вознаградить. Все пусто там до сих пор, как передают очевидцы. Зато сколько сложилось удобных поводов, чтобы отделаться от этого беспокойного племени, как отделались мы уже от многих кавказских племен, чтобы бросить на растерзание нашей чиновьей корысти новые десятки тысяч десятин земли, так кстати присовокупляемые к двойным окладам».

114. Н.Я. Марр. Крещение грузин, абхазов и аланов святым Григорием (Арабская версия). СПб., 1905. – С. 114–115.

«И царь Тирдат, когда достиг города Валарсапата, приказал писцам своего царства явиться и велел написать письма ко всем жителям его царства, чтобы предстали вожди, вельможи, начальники и князья царю в городе Валарсапате, – письма [царю абхазов], царю грузин, письма царю аланов, и объяснил им в письмах все, что случилось с ними, и сказал: «поэтому нужно, чтобы вы пришли ко мне поскорее».

И как только прибыли письма, пришли к нему три царя: царь абхазский, царь грузинский и царь аланский, и вместе с ними собрание князей».

115. Н.Я. Марр. Кавказоведение и абхазский язык. [1916] // Избранные работы. Т. I. М. – Л., 1933. С. 59.

«Но и устная литература носит в себе все качества созидательницы общего языка. В частности, в Абхазской устной литературе и сейчас, когда работа только начата собиранием ее памятников, мы находим, очевидно, давно сложившийся литературный язык; что же касается содержания, то оно отражает древнейшую религию кавказских коренных народов, астральный культ с поразитель-

ной жизненностью. Вообще абхазская живая старина, не только словесная, но и реальная, дает такую беспримерную полноту об этой древнейшей религии не одного Кавказа, а всего древнего Востока, колыбели европейской цивилизации, что одно это обстоятельство должно было бы обеспечить за Абхазоведением самостоятельное существование в ряде исторических научных дисциплин, входящих в состав Кавказоведения».

С. 77. «Трудность состоит в том, что, если черкесы или адыгеи еще сохранили с абхазами в речи более близкое сравнительное родство, оба они, с одной стороны, и горские языки Восточного Кавказа, с другой, значительно разошлись. Лингвистически сейчас устанавливается, что названные народы и племена непрерывно занимали всю полосу от Черного моря до Каспийского, распространяясь на юг и север от хребта. Не только карачайцы-турки и осетины или ироны-арийцы, но и грузины яфетиды в этой полосе новые сравнительно с горцами обитатели».

116. Марр Н.Я. Абхазский язык // Н.Я. Марр. О языке и истории абхазов. М. – Л., 1938. – 395–396.

«Родовитые абхазские дома своими названиями восходят до эпохи культа светил. Архаичность абхазской речи поддерживалась древним хозяйственным укладом, древним общественным строем в быту и соответственными бытовыми верованиями. В массовой гуще абхазского населения родная религия – языческая, с ее некогда богатой речью, располагала понятием также [с. 396] отвлеченным, представлением об едином общем боге, выражающемся словом an в форме мн. числа (ан-цәа). Культовая речь родного язычества сохранялась, однако, не в сословной прослойке, с международными ее интересами и соответственным легким приобщением к чужой речи, а в массах. Этот фонд родной культуры в устах народа служил источником, поддерживавшим общественную роль абхазской речи, материал для исключительного развития ораторского искусства, развертывавшегося на народных вечевых судах. Тот же фонд в среде приверженного старине жреческого слоя из кузнецов-магов содействовал также консервации архаических черт абхазской речи».

С. 396. «Южные абхазские наречия изжили восемь оттенков наиболее сложных абхазских согласных».

С. 397–398. «Несмотря на богатство грузинских звуков (согласных) абхазский язык превосходит его вдвое. Особенно же он превосходит сохранением диффузных звуков. У абхазов по [с. 398] языку намечаются порой тесные связи с языками восточного Кавказа, причем типологически настолько яркие, что абхазы с ними представляются частями, разлученными клиньями позднее вторгшихся в горные части грузин и осетин».

117. Игорь Марыхуба. Страницы истории Абхазского народа. Акуа (Сухум), 2011. – С. 68–69.

Г. Кикодзе / газ. «Сакартвело», 1917, № 47:

«…До сих пор не установлено, кто мы и откуда мы, поскольку на земле у нас нет родственных народов. Мы не знаем, куда нас ведет наша судьба. Правда, говорят, мы жили на берегах рек Тигр и Евфрат, но и там нас не любили, не давали жить соседи, они ненавидели нас. Мы не знали куда нам податься. Вот так мы проводили наши дни в одиночестве, словно мы спустились с неба. Наш язык отличается от языка других народов, отличается наше мировоззрение, наш ха-

рактер, у нас есть свои особенности и традиции. Правда, мы были изгнаны из наших земель нашими соседями, они ничего не оставили нам, а аланы пожалели нас и приютили в Колхидской долине, дали нам земли, приласкали, обучили нас военному делу, привили нам свою культуру, свои обычаи, защитили нас от внешних врагов…»

С. 68. М. Церетели. Нация и человечество. – Тб., 1990. – С. 229–232.

«…Как видим, грузины проникли в Закавказье, поселились здесь в древнейшее время. Только та территория, которая известна как наша территория, постепенно закреплялась в результате постепенного продвижения на север. Трудно судить о времени проникновения грузин на Кавказ. Независимо от этого, нет смысла искать на Кавказе древние следы грузин. Раньше грузин здесь жила другая раса – длинноголовые, которая на этой территории прошла обе эпохи камня и бронзы…»

118. К. Матвеев, А. Сазонов. Земля древнего Двуречья. Мифы, легенды, находки и открытия. – М., 1986. – С. 65.

[Царь Агума]

«Борьба вавилонян с касситами продолжалась сто пятьдесят пят лет и закончилась победой касситов, которые и стали править Вавилоном.

Их царь Агума I (1593–1574 годы до н.э.) и его потомство продолжали завоевательную политику вавилонских царей и подчинили ряд стран и народов.

Касситская династия правила в Вавилонии около 500 лет, и за это время касситы заимствовали язык, религию, обычаи, традиции и культуру вавилонян и полностью ассимилировались с ними».

119. Махабхарата. Книга пятая. Удьйогапарва или Книга о старании. Перевод с санскрита и комментарии В.И. Кальянова. – Л., 1976. – С. 14.

«В тот же день сын Кунты и Панду – Джананджая тоже отправился поспешно в прекрасную столицу (страны) Анарты. И оба потомка Куру, те мужи-тигры, когда прибыли туда, увидели, что Кришна спит, приблизились к нему спящему».

С. 179–180.

«Когда мы удалились в изгнание, она, несчастная, из любви к нам побежала всед (за нами). Но оставив ее, рыдающую, мы ушли в лес. Но от горя необязательно умирают, раз она живет еще, о Кешава! Ведь она была с радушием принята анартами, хотя и мучилась столь глубокой печалью о своих сыновьях».

С. 439. Комментарии:

123. Анарта (anarta) – название древней страны, отождествляемой с Сураштрой (Садраштрой). Она занимала области нынешнего Катхиявара на побережье Гуджарата. Столицей ее была Анартапура или Анартанагари, отождествляемая с Дваракой, где пребывал Кришна… Народ, населявший эту страну назывался анартами (anartah)».

Примечание 123. С. 439:

«Анарты (anartah) – название народа, населявшего древнюю страну Анарту, отождествляемую с Ояураштрой (Саураштрой)».

120. Махабхарата. Книга восьмая. О Карне (Карнанапарва). М.: «Наука», 1990. Перевод с санскрита, предисловие и комментарий Я.В. Василькова и С.Л. Невеловой. – С. 23.

«Житель Анарты, сын Хридики, великоколесничий боец, наилучший из сатватов, сам Бходжа Кратаварман искусно владеющий оружием стоит непоколебимо (на ноле брани), желая биться за тебя!»

С. 286. «Анарта – страна в Западной Индии, на территории Гуджарата и частично Мальвы».

121. К. Мачавариани. Некоторые черты из жизни абхазцев // СМОМПК. Тифлис, 1884, вып. IV. – С. 60–61.

«Абхазцы в прежние времена всегда обращали покоренных в рабов и рабынь. В Абхазии насчитывается пять сословий… и к пятому относились настоящие крестьяне-земледельцы, на которых лежала самая тяжелая работа. Но абхазцы упорно настаивали, чтобы контингент пятого сословия состоял не из коренных абхазцев, а из пленных, набранных во время нападения на Мингрелию, Имеретию, Гурию и даже Грузию. Этим объясняется, почему в крестьянском сословии в Абхазии можно встретить фамилии мингрельские, имеретинские, сванетские, гурийские и др., как например, Абашидзе, Микеладзе, Ахведиани, Дадашкелиани, Эристовы и т.д. Эти фамилии в Имеретин, Сванетии, Гурии и Мингрелии пользуются правами князей и дворян, а в Абхазии находятся на степени рабов».

122. К.Д. Мачавариани. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. – Сухум, 1913. – С. 326–328.

«…В Абхазии можно встретить не только гипнотизеров, медиумов, но и также субъектов, которые умеют воровать «душу». Воровство души состоит в том, что избранные натуры могут оставаться без движения и без всяких признаков жизни в течение одного и двух дней, причем придают своему лицу и, вообще всему телу, вид трупа. К воровству души прибегают и те, на которых нападают медведи».

123. М.А. К «трагической истории» (в порядке обсуждения) // «Трудовая Абхазия», 1926, 13 июня, № 132.

«История абхазского народа заслуживает серьезного внимания, ибо это история гибели целого народа, история его стихийной смерти, быль эпической эпопеи о том, как народ сильный, мужественный разом почти исчез с лица Земли, как исчезает дым, развеваемый ветром, как исчезает тень от тучки, пробежавшей по небу, как исчезает зыбь на морском просторе.

Это не сказка и не легенда, а быль, свидетелями которой остались трагические страницы истории.

Одна десятая часть народа, оставшаяся в этом редком уголке обломками большого целого, эти молчаливые гордые вершины свидетельствуют о великом прошлом абхазского народа».

124. М.Д. Трагическая страница истории. (Абхазцы-переселенцы) // «Трудовая Абхазия», Сухум-Кале, 3 июня 1926, № 123.

«Насильственное выселение абхазцев (до 400 тысяч человек) из Абхазии в Турцию относится к 80-м годам прошлого столетия и составляет самую печальную страницу, рисующую бесчеловечный произвол царских сатрапов.

…Было опустошено все поморье, от Сочи до р. Ингур; исчезли целые абхазские племена: джигеты, убыхи, гечь, цан, гуи, дал, цабал, чегем. Исчезли они поголовно, не осталось от них ни души. Часть погибла в войнах; остальные были выселены в Турцию».

125. Минай Медичи (Минас Бжишкян). «История Понта, который есть Черное море». Венеция, 1819 // «Советская этнография», 1950, № 2. – С. 172–173.

«Абхазское государство делится на две части, при 2-х беях. Один из них сидит в районе Анапы, а другой в Сухуме, последний правит племенами сих мест до Анапы.

Абазы славятся ловкостью. Из их среды вышло много выдающихся и образованных людей. Также и среди османцев известны начитанные и разумные паши, выходцы из этого народа».

126. Г. Мерцбахер. К этнографии обитателей Кавказских Альп // ИКОИРГО. Тифлис, 1905–1906, т. XVIII, вып. 2. – С. 94.

«В настоящее время мы находим на Кавказе лишь незначительную часть древнейшего Абхазского народа, который сплоченной массой живет к Ю. и В. от Сухум-кале. Настоящие горские абхазцы, говорящие на наречии, немного отличающимся от абхазского языка, живут на прежних своих местах, в ущельях с.-з. притоков Ингура, затем в труднодоступных горно-лесных трущобах бассейнов Кодора и Бзыби, притом в весьма небольших и разбросанных поселках. Большая часть обитавшего некогда здесь оседлого интересного народа, в числе 120.000, примерно душ, после 1864 г., когда с покорением черкесов должны были наступить в крае более строгие порядки, выселились в Турцию, главным образом в Малую Азию, не желая подчиниться новому положению вещей…

Это массовое выселение прискорбно в том отношении, что сведения о происхождении этого древнего народа, погруженные в глубокую тьму, грозят полным исчезновением, между тем, как новая его история и знакомство с древнейшими обрядами, древними названиями родов и местностей, могли бы служить связью с неизвестным прошедшим».

127. [А.А. Миллер]. Этнографические и археологические исследования // «Кавказ», 1908, 20 апр., № 90.

[Раскопки в Цебельде]

«Местом дальнейших исследований была Цебельда – горная котловина в 35 верст от Сухума. На крутом берегу р. Кодор, на предгорье Адаго, А.А. Миллером обнаружены были развалины большой крепости с башней, несколькими рядами стен, цистерной, подземным ходом, двумя храмами. В одном из храмов были фрески, раскопки в другом дали резную капитель прекрасного стиля, древнюю кадильную цепь и обломки арабских стеклянных сосудов. В этих развалинах А.А. Миллер видит древний Тцибилиум (Цебельда) – крепость, известную по византийскому описанию войн Хозроя с Юстинианом. Автор говорит: «в стране апсилов (абхазцев) есть в неприступном месте крепость, которую туземцы называют Тцибилиум».

128. Миллер Вс. О некоторых древних погребальных обрядах на Кавказе // «Этнографическое обозрение». 1911, кн. 88–89. – С. 126.

«В области верований горцы остались закоренелыми язычниками-политеистами, хотя считают себя – одни – христианами, другие – мусульманами. Обе религии коснулись их только внешней обрядностью, как, вероятно, во времена, еще более ранние, могли проникнуть к ним некоторые внешние черты учения, приписываемые Заратустре».

С. 128–128. [О «воздушном» захоронении у абхазцев].

«Как бы то ни было, отметим любопытнейший факт, что погребальный обряд колхов, существовавший в 3 веке до Р.Х. продолжал соблюдаться на Кавказском побережье в Абхазии еще в XVII-м столетии, что свидетельствует о необыкновенном консерватизме кавказских горцев. Вот что сообщает один правдивый турецкий путешественник – Эвлия Челеби-эффенди, посетивший в 1641 году все кавказское побережье от Гонии до Анапы, в свите гонийского начальника артиллерии, которому поручено было участвовать в осаде Азова, взятого казаками в 1637 году. Упомянув об абхазском племени, живущем возле береговой крепости Субиш, где ему пришлось провести ночь, он отмечает в своем дневнике: «Этот абхазский народ странным образом хоронит своих беков (князей); тело усопшего кладут в деревянный ящик, который прикрепляется к ветвям высокого дерева; над головой в ящике оставлено отверстие, дабы бек мог, как они говорят, видеть небо». Вспомним, что абхазцы во время путешествия Эвлия-эффенди называли себя мусульманами и принимали турецкого чиновника радушно, как единоверца и союзника. Раньше в течение целого ряда столетий абхазцы были христианами, под влиянием сначала Византии… и что же? Требованиям обоих религий они сделали на пространстве 20 веков лишь ту уступку, что вешали на деревья трупы не всех и каждого, а только своих князей (беков), соблюдая относительно их древние языческие обряды».

129. Проф. С.С. Мильман, А. Фадеев. Новые документы по истории Абхазии // Труды АБНИИК, вып. второй. – Сухум, 1934. – С. 165–167.

«Историко-этнографический институт Академии Наук СССР заключил договор с Наркомпроссом АССР Абхазии, Абхазским научно-исследовательским институтом краеведения о подготовке к печати двух томов истории колонизации Абхазии царизмом. Работа будет вестись по материалам, хранящимся в Московском, Ленинградском и Тбилисском архивах…

Работа по выявлению материалов ведется в ряде архивов Москвы и Ленинграда одновременно, выявленные материалы обеспечивают успех изучения… ведущих проблем истории Абхазии XIX века».

130. [К.А. Милютин]. Воспоминания генерал-фельдмаршала Милютина. 1843–1856. Под редакцией д.и.н., профессора Л.Г. Захаровой. – М., 2000. – С. 245.

«Также и касательно Абхазии, Его Величество, хотя и не усматривало еще необходимости преждевременного очищения этой части края, однако ж предоставляет решение и этого вопроса местному начальству.

Имея, таким образом, развязанные руки относительно Абхазии, кавказское начальство не замедлило привести в исполнение свое предложение. Оно считало небезопасным даже и заблаговременный вывод войск из этой страны, а потому признаю нужным поручить общее руководство операциею владетелю Абхазии генерал-лейтенанту князю Михаилу Шервашидзе, которому приписывалось личное влияние на соседние непокорные племена джигетов, убыхов и других». [1854 г.]

131. Д.А. Милютин. Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. I863–1864 / Под ред. д.и.н., профессора Л.Г. Захаровой. – М., 2003. – С. 507.

«В последние года войны на Кавказе мы должны были держать в этом крае громадные силы: пехоты – 172 батальона регулярных, 13 батальонов и 7 сотен

иррегулярных, при 242 полевых орудиях. Общий годовой расход на содержание этих войск достигал 30 миллионов рублей».

132. В.Ф. Минорский. История Ширвака и Дербента X–XI веков. – М., 1963. – С. 46.

«Мухаммед вернулся в ал-Баб, а Буга провел зиму в городе Дабил, а затем совершил ряд походов на грузин и абхазцев».

С. 209–210. Мас'уди о Кавказе.

§ 22. «Народ соседний со страной Алан, называется Абхаз и исповедует христианство и сейчас имеют своего царя».

С. 222. Посещение ибн ал-Азраком Дербента в 549/1154 году.

Затем Ибн ал-Азрак продолжает:

«Я увидел их в 549/1154 году, ввиду того, что я отправился в город Тифлис и провел там зиму. Затем я послужил на службу к абхазскому царю, владетелю Тифлиса, и вместе с ним учавствовал в походе его войска. Царь передвигался с одного края до другого в пределах своих владений. И я был с царем и мы провели несколько дней в области [вилайет] Дарбант-и Хазаран [в рукописи Хайзуран «тростинка»], который, говорят впервые был построен Хосровом, сыном Кубада. Царь остановил свое войско в долине (мардж или «башне» – бурдж?) около горы. И малик Дербенда эмир Абу-л-Музаффар вышел, чтобы выразить свое почтение абхазскому царю, и привел ему слуг [с вещами, необходимыми для] его пребывания и пиров, так как он был зятем (сихр) абхазского царя. А абхазским царем был Дмитрий, сын Давида, Давид, имеющий титул Хусам ал-Масих («Меч Мессии»). Царь и его войско расположилось в долине (башне?) и я с ними».

133. Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму / Перевод с французского Н.А. Данкевич-Пущиной. – Сухум: Абгиз, 1937. АН СССР. Грузинский филиал. Труды института Абхазской культуры им. акад. Н.Я. Марра. Выпуск IV. – С 12.

«Что истинного таят в себе эти мифы?

Уже с древних времен Европа, заимствуя культуру из Греции, привыкла воспринимать все иллюзии, которые создавали себе греки из-за своего тщеславия; по их убеждению, Греция является светочем мира; ослепленные своей гордостью, они хотели бы чтобы все просвещение, вся наука, вся цивилизация, все системы религий исходили из недр Греции. Эллинисты наших дней стараются часто поддерживать такие воззрения.

Между тем мифы, расказанные греками, часто опровергают эти гордые представления. Кто читает Гомера, кто изучает историю аргонавтов Фрикуса и Геллы, историю похищения Европы в трудах Геродота и многое другое, тот склонен часто к обратным мыслям, а именно, что Греция получила цивилизацию, в большей или меньшей степени, от тех, кого они называли варварами. Народ и царь Колхиды, оказавшие радушный прием аргонавтам, а также тирийцы, трояне и другие – все стояли на значительно высшей ступени цивилизации, чем те искатели приключений и их войска, которые приходили к ним, подобно норманнам средних веков, грабить, нарушая все законы гостеприимства.

Кажется, что все древние поэты и историки избрали Черное море ареной подвигов своих героев. Во всех своих повествованиях они относят своих героев к Востоку, как источнику цивилизации и богатства».

134. Д. Мордовцев. Наши окраины. Апатии юга // «Дело». – СПб., 1876, № 8. – С. 282.

«Почти невероятно, но вместе с тем достоверно, что в 1803 году в Тифлисе считалось до 2.700 домов, из которых только четыре дома принадлежали собственно грузинам и пятнадцать грузинским князьям, остальные же все принадлежали армянам; таким образом, столица Грузии составляла тогда армянскую собственность».

С. 303–304.

«Вот уже более года на юго-востоке Европы сводятся кровавые национальные счеты, и кто знает, когда и как подведутся национальные итоги? Кто знает, не будет ли и Россия впутана в эту кровавую национальную бухгалтерию? Кто знает, не считают ли на текущем счету и России черкесы, татары и турки очень внушительные суммы… Ведь настоящее славянское дело может прямо отразиться на спинах наших мужичков, когда турки и возбужденные ими черкесы представят чеки по их текущим с нею счетам».

С. 306–307.

«…г. Зиссерман предостерегательно говорит, что теперь «туркам ничего не стоит набрать из переселившихся с Кавказа десяток другой мулл, снабдить их несколькими английскими гинеями и благословениями самого шейх-уль-ислама и отправить их на Кавказ, а если им удастся заварить кашу… нетрудно набрать и несколько шаек черкесских головорезов для высадки в кочермах на восточный берег Черного моря, где они, знакомые с местностью и могущие встретить сочувствие в оставшихся соплеменниках, пожалуй, наделают немало кутерьмы…»

С. 228.

«Что-касается вообще виноградников в Абхазии, то там почва для них драгоценна. Есть виноградные лозы, толщина которых, на расстоянии двух аршин от корня, достигает пол-аршина в диаметре: ведь это не лоза, а целый дуб».

135. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей / Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г.В. Цулая. – М.: «Наука», 1979. – С. 33.

«118. В ту пору царствования Адерки пришли в Абхазию и Эгриси Андрей и Свимон Кананит – двое из двенадцати апостолов. Святой Свимон Кананит представился там же, в городе Никопсии, на рубежах Греции».

136. Муджири. Письмо тов. Муджири, индуса, коммуниста, профессора // «Советская Абхазия», 1934, 27 октября, № 248.

«Между Кавказом и Индией издавна существовали дружеские связи. Через Абхазию в древние времена лежал торговый путь из Индии в Европу. В индусских легендах часто встречаются рассказы о Кавказе, и в частности, об Абхазии».

137. [Надпись на стенах Кутаисского храма] // И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. Вып. IV. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. – СПб., 1891. – С. 53.

На уцелевших стенах [Кутаисского] храма сохранилось несколько надписей, в которых упоминается царь абхазский и карталинский Баграт. Особенно интересна одна надпись, состоящая из арабских цифр 223, соответствующая 1003 году: в Грузии это первая по времени надпись арабскими цифрами».

138. Находки нумизматов // «Бзыбь». Гудаута, 1975, № 107.

«В тушинском селе Шенако при раскопках найдена монета из серебра эпохи царя Баграта IV (XI в.). На ее лицевой стороне написано: «Христос, возвеличь Баграта – царя абхазов». На обороте – изображение Влахернской богоматери. Подобные две монеты хранятся в Московском историческом музее и в Эрмитаже».

139. В.И. Немирович-Данченко. Мертвое поморье // «Молва». – СПб., 1876, № 19. – С. 340–344; № 20. – С. 358–361; № 21 – С. 373–376. – Абхазия. Страна души. Том II. – Нальчик, 2011. – С. 378–380.

«Вот здесь недалеко первые села абхазцев начались. Севернее прежде джигеты жили, выселившиеся отсюда. Эта местность густо населена была.

– А теперь?

– После "замиренья" – безлюдье. Где аулы были, там только папоротник глушит луговники… Голосу теперь не услышишь!

Г-н Владыкин, объездивший эту местность, не находил уже и следа от прежних построек. Бывшие горские селения сожжены и разрушены. По дороге на всем этом пространстве ему попался только безоружный солдатик, лениво переобувавшийся на страшном берегу, где еще лет десять назад можно было показываться не в одиночку, а сильными командами. Г-н Верещагин, в свою очередь, свидетельствует, что со времени выхода горцев из края горные котловины и скаты, которые были богаты покосами, а равно и хлеборобные места заросли кустарниками и папоротником. Держи-дерево (черт-дерево – на местном арго) вместе с колючими растениями, каковы, например, терновник, сассапарель, размножились до того, что приходится прилагать массу труда для расчистки пахотных земель и покосов. Эти же растения и подобные им, вместе с вьющимися, каковы дикий виноград, плющ, хмель, расположились в лесах и на местах, где прежде были аулы. В лесных местностях они образовали непроходимые чащи, в бывших аулах заглушают фруктовые деревья. Нынешнее состояние края хуже даже того, в каком он был в XIII веке. Мы таким образом более чем на восемь столетий отошли назад. В то время Черноморское побережье сплошь было покрыто генуэзскими факториями, производившими длительную торговлю в громадных размерах с горскими племенами. Теперь только многочисленные развалины храмов и замков свидетельствуют о бывшем блестящем времени этого края!.. С корнем вырвали отсюда могучее горское племя: не осталось никого, даже, чтобы пересказать легенды, связанные с этими урочищами и ущельями. Точно никто не жил в этой девственной пустыне, точно она не имела несколько веков богатейшей событиями истории. Только буруны гремят свою вечную песню да ветер, пробегая в листве раскидистых каштанов, нашептывает [с. 379] чуткому сердцу дивные сказки про былое время!

– Костей много попадается. В одном месте, видно, целая семья померла. Клочья от одежды остались да скелеты…

И кому дело до старых властителей края! Еще более невежественный наследник его, молдаванин-переселенец, с корнем вон вырывает розовые кусты, рубит миндалевые деревья, топором сваливает священные некогда ореховые рощи… По примеру древних христианских храмов у горцев-магометан заведены были так называемые священные рощи, расположенные на вершинах закругленных гор. Часто в этих рощах встречаются надгробные памятники из гранита с надпи-

сями. Много их, этих рощ, пало теперь под цалдой (местный топор). Оголенные горы некрасивыми пятнами выделяются в пейзаже, лучшей частью которого они прежде были. Деревья, выхоленные с таким тщанием, распилены и вывезены за границу, кунацкие белолистки также погибли под топором! Точно моровая язва, проходит невежественный переселенец по ущелью, и вслед за ним ширится и растет всюду запустение… Что ему за дело, разве эти леса ласкали его детство, разве под этими розами задумывалась его милая, разве юноша, ожидая ее с сильно бьющимся сердцем, ощущал на себе всю бесконечную негу этого густого аромата жасминов… И глубоко врезывается плуг в кровью пролитую землю, и если из нее выглянет [с. 380] чей-нибудь череп, небрежно швырнет его в сторону колонист… Будут нивы, будет, может быть, богатство, но не будет моей поэзии!

И пусть это солнце еще обильнее сыплет искрами на зеленые поморья, пусть эти теплые лазуревые ночи еще ласковее охватывают их своим сумраком и негой – не до них грубому валашскому крестьянину…

Да не будет той поэзии, что свивала некогда здесь свое гнездо!..

– Сейчас Гагры!

Старый кавказец пристально всматривается вперед. Лицо оживилось, глаза вдумчиво блестят под седыми щетинистыми бровями.

– Да… уголок, – бормочет он… – Сколько тут наших побито, поди, и счета не найдешь. Так и ложились… Умели умирать!

– Точно умели!– сочувственно отозвался такой же старик-солдат…

– Эх, время было… И точно жалко ему стало!..

– Вот и Гагры!

Я оглянулся и замер от восторга.

Только тут я понял действительную красоту кавказского пейзажа. Если бывают виды, в одно и то же время грандиозные и полные прелести чисто идиллической, то это Гагры».

140. В.И. Немирович-Данченко. По берегу // В гостях. – СПб., 1880. – С. 123–124.

«Джигетский владетельный князь Гечь Решид, когда ему было разрешено вернуться из Турции на Кавказ, с отчаянием увидел, как в бывшей его вотчине, под топором невежественного колониста-молдаванина, валятся превосходные плодовые деревья, выписанные издалека и взращенные с таким тщанием и издержками! На месте своего благоустроенного дома он нашел поляну, уже заросшую дикими колючками…

…Там, где некогда кипела жизнь, где выросли целые поколения, храня в своей среде заветы и обычаи отцов, теперь в развалинах, обвитых дикими лозами, гнездились змеи; в порубленных и заглушенных вредными порослями жили кабаны. Лучшие деревья, передававшиеся сотни лет от отца к сыну, питавшие не одно поколение, были срублены – на костры. В мечети жили совы, а сквозь ее пробитую кровлю вырывались на свет белые кусты какой-то колючей дряни».

141. Низами. Пять поэм / Искандер-наме. – М., 1968. – С. 663.

«…Тогда в бой бросился Дувал, правитель Абхазии».

142. В.П. Новицкий. Английский наблюдательный пункт в Закавказья. (Из моих странствий) // «Колосья». – СПб., 1885, № 5.

С. 148–149. «В Сухуме, где пришлось первый раз высадиться на берег Кавказа, мы застали большие толпы горцев, готовых сесть на турецкие беспалубные лодки (кочермы, чактырмы) и навсегда покинуть свою дорогую родину. Несколько лодок было уже битком набито этим молодцеватым, красивым народом, и, смотря на этот живой груз, сердце мучительно сжималось при мысли о тех лишениях и опасностях, которые представляло плавание на утлых лодках по водам изменчивого Черного моря. По главной и, надо полагать, единственной улице Сухума и даже собственно не улице, аллее, усыпанной великолепными мимозами, стояли группы других горцев, выселенных из своих аулов и ожидавших своей очереди, чтобы сесть на кочермы и отправиться в изгнание.

Все они были хорошо одеты и имели здоровый вид, чрезвычайно напоминания зажиточных крестьян наших средних и южных губерний. Ничего свирепого не было во взгляде этих горцев. Но в выражении глаз нельзя было не заметить глубокой тоски по оставляемой родине. Да и было о чем тосковать: вдоль всего обезлюденного берега, насколько можно было видеть с моря, везде на плоскогорьях виднелись среди лесов желтые поля поспевающей уже жатвы. Эти оставленные поля принадлежали еще вчера покидавшим их владельцам».

143. Нодия И.М. Грузинские материалы о византийской императрице Марфе-Марии [«абасгиянке Марте» – сост.] // Византиноведческие этюды. – Тб., 1978. – С. 155.

«В заключительной части текста Уложений Руис-Урбанисского собороа, прогрессивный церковный деятель того времени монах Арсений посвящает Давиду Строителю восхваление, в котором с царями Георгием и Давидом упомянута и Марфа:

«Благодетельного и Богом береженого, царя царей нашего Георгия и Кесаря всего Востока и Запада, многая лета.

Благодетельной и боголюбивой нашей августы Марфы, многая лета.

Богом почитаемому и Богом береженному нашему Давиду, самодержцу, царю абхазов и грузин, ранов и кахов, многая лета и времена». [1103 г. н.э.]».

144. А. Нордман. Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю // ЖМНП. 1838, ноябрь. – С. 411.

[Дудрипш]

«Несколько вправо, вблизи этой горы, находится другая, Дудрипш, о которой все говорят, как о неприступном месте. Князь Михаил и абхазцы сообщили мне странные и баснословные известия о ней: в непроницаемой чаще, окруженной скалами и обрывами, бродит, по их мнению, дух, который от времени до времени дает знать о своем присутствии пушечным выстрелом. Идет молва, что каждый, кто отважится приблизиться к этому месту, должен погибнуть. Князь Михаил [владетель Абхазии] объявил решительно, что он ни под каким видом не может нам дать туда проводников. Даже, когда отправляясь на хребет Хырчы, мы старались уговорить наших абхазцев, провести нас через Дудрипш, то они все содрогнулись от ужаса».

145. С.Х. Нунуев. Нахи и священная история. – Ярославль, 1998. – С. 490. «Иностранный путешественник де-ля-Мотрей, посетивший горцев в начале первой половины XVIII века [в том числе и Абхазию], пишет, что «их женщины

такие же хорошие всадники, как и они, настоящие джигиты… Подобно мужчинам ходили на охоту и не менее ловко стреляли из лука». И далее он указывает: «Это достаточно подтверждает истинную или ложную историю амазонок. Действительно, я в дальнейшем видел множество всадниц с колчанами за плечами и с луком в руке или с хищными птицами на руках. Всадницы мчались галопом, сидя верхом, как мужчины».

146. Джеймс Олдридж. Последний изгнанник. – М., 1963. – Т. I.

«Наша фамилия – Мамун – черкесская… Уж не знаю, утверждаю я о себе что-нибудь или отрицаю, но мой прадед родом с Кавказа. Он был черкес, но переселился сюда много позже древних черкесов, которые когда-то правили Египтом. Сначала он отправился в Аравию – это было сто с лишним лет назад, – а потом переселился сюда, и тогда мы стали египтянами. Моя бабушка была из египетских коптов, так что у моего деда текла в жилах смешанная кровь черкесов-христиан и коптов. А моя мать была суданка…

– Я всегда думал, что египетские черкесы – мусульмане.

– Только богатые. Те, кто победнее, остались христианами, и мусульманам так и не удалось их покорить. Так что я не мусульманка».

147. М.Я. Ольшевский. Записки М.Я. Ольшевского о 1854 по 1866 г. // «Русская старина». СПб., 1895, октябрь. – С. 140–141.

«Эти пятьдесят всадников и составляли депутацию от абадзехов, шапсугов и убыхов и других обществ Западного Кавказа».

Встреча депутации горцев Зап. Кавказа с императором Александром I в 1861 г.

148. Э. Оман. Окончание завоевания Кавказа // «История XIX века» под ред. профессоров Рависса и Ламбо. Том IV, глава «Политика и колониальные завоевания». Перевод с французского. – М., 1938. – С. 99–101.

«Затем пришел черед абхазцев. С 1862 по 1864 год большая часть абхазцев (полагают, что 300.000 человек) покинула свои поля, которые сейчас же были заняты русскими переселенцами-крестьянами или казаками-станичниками. В 1864 году эмиграция произошла столь внезапно, что новые пришельцы нашли все приготовленным, и им оставалось собрать жатву с полей, засеянных местными жителями, которые в это время тысячами погибали в турецких портах Анатолии от тифа и голода».

149. А.М. Павлинов. Путевые заметки // Материалы по археологии Кавказа (МАК). – М., 1893. Вып. III. – С. 14–15.

[Надпись в Моквском храме]

«Иерусалимский же патриарх Досифей, посетивший Мокви в 1659 г., упоминает о надписи следующего содержания: «Расписана при императоре Алексее Комнене и при великом абхазском царе Давиде». Так же как Алесей Комнен царствовал с 1081–1125 гг., то храм должен был быть расписан между 1089–1118 годами».

150. Павсаний (173 г.) // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. – СПб., 1890. – С. 572.

III, 19, 7. «…из всех храмов, построенных на этой дороге [ведущей из Спарты в Ферапну], самым древним является святилище Арея, стоящее на левой стороне дороги; статую говорят, привезли сюда Диоскуры из Колхиды. Арея на-

зывают здесь Фиритом от Фиро, которая считается здесь кормилицей Арея. Очень может, что название Фирита заимствовано от Колхов, так как Еллины не знают Ареевой кормилицы Фиро, мне кажется, однако, что прозвище «Фирит» [т.е.зверский] дано Арею не от кормилицы, а потому, что, выступив на бой, нельзя иметь чувства кроткости к врагу, подобно тому, как у Омира [Гомера] сказано об Ахилле: «как лев, о свирепствах лишь мыслит».

11, 3, 10. «Евмил говорит, что Илий дал Алоею Асопсскую область, и что Эит перед отъездом в Колхиду заложил свою землю Вуну».

151. П.С. Паллас. Путешествие по провинциям Российской империи в 1793 и 1794 гг. т. I // В.М. Аталиков. Страницы истории. – Нальчик, 1987. – С. 165–169.

«Все абазины, или Абсне (самоназвание этого народа Абсне) на русском, татарском и черкесском языках – Абаза, по-грузински Абхазети. Шесть племен Алтыкесек называются черкесами Табанта, а все другие Куш-Хасип, т.е., люди, живущие за горами. Мингрелия и Одиши называются черкесами и абазинами Дал, а Грузия – Гурджир, выделяются своим национальным характером: у них узкие лица, сплющенные с боков головы, выдающиеся носы и их характерные темно-коричневые волосы, общие почти для всех. Они являются, по-видимому, коренными жителями северо-западного Кавказа. Из словаря всех языков становится очевидным, что их язык, за исключением нескольких черкесских слов, не имеет аналогий ни с одним из европейских и азиатских языков…»

152. Пароход на крейсерстве у абхазских берегов // «Библиотека для чтения». – СПб., 1843, т. 56, отд. 7. – С. 17–18.

«Вооружение абхазца состоит из ружья, шашки и кинжала; многие сверх того носят сзади за поясом пистолет. Они стреляют метко, дерутся большею частию пешие, и избегают открытых и ровных мест. Для морских разбоев у них в употреблении длинные и остроконечные галеры, чрезвычайно быстрые на ходу, в двенадцать или двадцать четыре весла».

153. А. Пахомов. Очерки Абхазии в сельскохозяйственном отношении // ЗКОСХ. – Тифлис, 1867–1868. – С. 34–35.

[Бзыбцы]

«Такое богатство почвы обусловливает удивительную роскошь растительности, а легкостью обработки объясняется сравнительное благосостояние жителей, сгущенность народонаселения и его… честность и сила характера, которую мы встречаем в жителях Пицундского округа. В этой благословенной части Абхазии с незапамятных времен был центр народного управления (в селении Лыхны) и можно сказать с уверенностью, что только упомянутые мной геологические причины имели последствием нравственное и политическое преобладание жителей бывшего Бзыбского (ныне Пицундского округа), не только перед другими округами Абхазии, но даже влияли на страны довольно отдаленные, как весь Лазистан до Трепизонда и Черноморье до Новороссийска, которые как говорят история и предания в прежние времена подчинялись князям дома Шервашидзе…»

154. В. Пачулиа. «Абхази шахин» из Гурджистанского царства // «Советская Абхазия», 27 марта 1962, № 62, с. 4.

«Недавно из дружественного Афганистана возвратился видный советский специалист афганской филологии, почетный член Афганской академии наук Н.А. Дворенков (институт Азии Академии наук СССР). Ученый сообщил мне любопытный факт, имеющий отношение к истории Абхазии.

«Изучая творчество афганского поэта-классика Хушхаль хана Хаттака (1613–1689 гг.), я столкнулся с фактом, мимо которого не мог пройти равнодушно.

Выдающийся поэт середины XVII века Хушхаль был вождем племени хаттаков, селившихся по реке Инд. Он вошел в афганскую историю не только как поэт, но и как замечательный полководец и патриот, успешно боровшийся против империи Великих моголов и мечом и пером. В перерывах между сражениями с императором Аурангзебом Хушхаль увлекался соколиной охотой – в ту эпоху своеобразным «военно-прикладным видом спорта». Соколиной охоте он посвятил свой труд «Баз-нама», который являлся как бы наставлением по этому виду спорта в стихах. В 25-й главе произведения, повествующей о разновидностях ловчей птицы, Хушхаль воспевает замечательные охотничьи свойства «абхазского сокола» (или коршуна) – «абхази шахин» из Гуджинстанского царства, необычайно ценившегося в ту пору. Вероятно, хорошо обученные в Абхазии соколы через Грузию и Иран доходили до берегов Инда.

Соколиная охота, очевидно, в то время процветала в Абхазии, раз слава о соколах из этих мест разносилась так далеко. В будущем году будет отмечаться юбилейная дата – 350 лет со дня рождения Хушхаля».

155. В. Пачулиа. Абхазский марафон // «Советская Абхазия» 12 апреля 1979, № 71, с. 4.

«В Абхазии, как и во многих других уголках Кавказа, исстари увлекались спортивными соревнованиями и народными играми. Это были не только состязания по конному спорту – традиционные и любимые у местного населения, но и по стрельбе из лука, а позже – из огнестрельной кремневки. В Абхазии с ее пересеченной местностью в зимнее время устраивались и пробеги на большие расстояния на абхазских лыжах – ашава. Соревнования на этих лыжах (длиной 30 см, шириной около 25 см) организовывались чаще всего в Западной Абхазии, где жили абхазы и садзы.

А более двухсот лет назад здесь устраивался своеобразный марафон на гору Арбжьба, расположенную примерно в 20 километрах от берега моря. Эти соревнования проводились раз в год, перед началом перегона скота на горные пастбища. Склоны близлежащих вершин Чамхачха и Арбжьба, которые в летнее время покрывались густыми сочными травами, считались священными, особенно гора Арбжьба, где якобы обитал абхазский демон. По преданию он появлялся из глубокой пещеры горы Арабика (Арба) ночью в красной бурке и вихрем проносился вдоль этих гор, унося с собой все живое, что встречал на пути. Чтобы ублаготворить его, садзы отправляли к священной горе неженатых быстроногих юношей. Перед этим люди собирались в Гагра на площади Абаата-ашта ночью, разводили костер, юноши и девушки пели песни, посвященные великим Ажвейпшаа. А рано утром юноши отправлялись в поход. Они преодолевали большое расстояние по головокружительным тропам, тянувшимся через обрывистые скалы и ледники к горе Арбжьба, единственными обитателями которой были горные козы и серны.

Тот, кто первым убьет зверя и доставит его тушу на Бамбей-иашта, считался победителем. Мясо первого убитого зверя охотники-спортсмены съедали, а сердце и печень оставляли горному духу. Еще до захода летнего солнца участники марафона во главе с победителем, с песнями возвращались домой.

В памяти старожилов нашего края сохранилось немало имен быстроногих абхазских «ахиллесов», которые с большой быстротой преодолевали многокилометровый путь. Особой ловкостью отличались жители высокогорного села Псху, урочищ Дал и Цабал. Один из жителей этих мест – Д. Маршан был рекордсменом среди абхазских марафонцев. А житель села Кындыг Хапара Киут, отправляясь рано утром из своего села в Сухум и закончив дела в городе, успевал до захода солнца вернуться и подоить буйволиц. Значит, он преодолевал по бездорожью более 70 километров!»

156. Пейсонель. Исследование торговли на черкесско-абхазском побережье Черного моря. – Краснодар, 1927. – С. 29.

[Границы Абхазии]

«Начиная от Суджука до Анаклии, где кончается берег абазинцев, существует еще несколько бухт, куда пристают большие суда для торговли с абазами».

157. Е. Перминов. Три эпизода из истории русско-арабских связей в XVIII веке // «Азия и Африка сегодня», 1987, № 7. – С. 54–59; № 8. – С. 56–58; № 9. – С. 51–54.

[Из письма графа. Орлова, от 26 апреля 1772 г. к Али-бею, Правителю Египта и Сирии].

«Мы, Алексей, граф Орлов, Ее Императорское Величества Екатерины II, Самодержицы Всероссийской, уполномоченный генерал, главнокомандующий в Леванте Российскими морскими и сухопутными силами, шеф и всех российских орденов кавалер, славному победами Али-бею, великолепному обладателю Египта и Сирии, во всей Палестине и отдаленных странах сильному и страшному врагам своим, как лев оленям; победителю неприятеля и храброму защитнику Иосифова царства, желаем от дружеского нашего сердца здравия, счастия, великолепия и славы оружию, которое Всевышний непрерывно да венчает победами».

158. К.И. Подозерский. Санчарская тропа через Главный Кавказский хребет и урочище Псху // ИКОИРГО. – Тифлис, 1903, т. XVI, № 2. – С. 31–32.

Выселение псхувцев

«Из горцев Западного Кавказа псхувцы покинули свои жилища последними…

В том же рапорте относительно выселения псхувцев читаем: «Всего отправлено псхувцев 3.642 души, в том числе 738 душ ахчипсхувцев и 64 души аибговцев. (За перевоз бывших между горцами грудных детей – 351 – деньги не уплачивались.) От переселенцев отобрано пленных и беглых разного звания 77 душ».

159. Алексей Позднеев // Алексей Позднеев. Становление абхазской профессиональной музыки / Аида Ашхаруа. Музыка и жизнь. – Сухум, 2002. – С. 66–68.

«…Абхазия должна быть известна, прежде всего своей музыкальной культурой, представляющей «исключительное явление, которому невозможно подыскать что-либо соответствующее не только среди музыкальных культур народов СССР, но и среди музыкальных культур зарубежных стран».

«Показательным и более красноречивым, чем любые слова, является тот факт, что в абхазской народной музыке устным преданием на протяжении более двух тысяч с половиной лет вплоть до наших дней сохранились древнегреческие лады и среди них такие, которые давно вышли из употребления во всем мире.

Таков, например, гипофригийский лад с уменьшенной квинтой, строящейся на первой ступени, – писал он [Позднеев А.] далее – Мы знаем об этом ладе исключительно по свидетельствам историков. В современной жизни гипофригийский лад является живым анахронизмом, подобно мамонту или птеродактилю в животном мире.

Между тем в абхазской народной музыке гипофригийский лад сохранился во всей чистоте и продолжает активно жить в живом пении живых людей.

С. 67. Именно в гипофригийском ладе построены широко поющиеся в настоящее время и известные каждому абхазцу песни: «Напха Кягуа», «Хамсада», «Махаджир иргоз ахучи иан».

Центральное место среди древнегреческих ладов, вошедших в состав абхазской народной музыки, занимали и занимают до наших дней фригийский и дорийский лады. Этот отбор не случаен. Он вполне совпадает со строгим и мужественным характером абхазского народа.

Нельзя не отметить еще одного замечательного обстоятельства.

В абхазской народной музыке полностью отсутствуют какие бы то ни было следы влияния восточных, азиатских ладов с увеличенной секундой. Эти лады обильно проникли в музыку народов Закавказья – Азербайджана, Армении и Грузии, будучи привнесены туда из Ирана и Турции. Как известно, иранцы и турки не раз вторгались в Закавказье в качестве завоевателей, оставив следы своей культуры в среде временно побежденных народов.

Но гордый, мужественный и стойкий абхазский народ категорически отверг чуждую для себя культуру завоевателей. Несмотря на многообразные и частые соприкосновения с иранцами и особенно с турками, в абхазской народной музыке нет ни малейших следов восточных ладов с увеличенной секундой.

По своей ладовой основе абхазская народная музыка является чисто европейской. будучи целиком построена на древнегреческих ладах. Абхазский народ внес много нового в сохраненные им древнегреческие лады. Он активно по-своему развил и разработал их, *создав на этой основе замечательные произведения собственного творчества.*

Абхазские народные песни многоголосны, в большинстве своем – трехголосные. Поэтому абхазское народное творчестве в музыке по природе своей является не мелодическим, но и гармоническим. Именно в области гармонической абхазская народная музыка дает образцы исключительной яркости, смелости, выразительности.

Особенно песни, содержащие своеобразные модуляционные отклонения в тональности особого вида и склада.

Образец песни с «ладовой модуляцией», в которой при сохранении одной и той же тоники «ля» сопоставляются дорийский и эолийский лады, записан мною в 1948 году в селе Дурипш.

Гармоническое творчество подобной яркости и [с. 68] смелости является высокоценным самобытным качеством абхазской народной музыки.

Замечательно, что трудные для точного интонирования, изобилующие хроматизмами во всех голосах произведения, подобные только что приведенным, исполняются в абхазских селениях простыми крестьянами, не прошедшими никакого музыкального обучения, с поразительной чистотой, какой могли бы позавидовать многие профессиональные хоры».

160. [Ян Потоцкий (1761–1815). 1798 г. Польский путешественник]. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. – Нальчик, 1974. Под ред. В. Гарданова. – С. 226.

«Обыхи (Овукh), проживающие к востоку от балкарцев, представляют собой народ, отличающийся от черкесов и абазинцев; они тоже язычники…

…Что касается нынешнего состояния религии абазинцев и сванов, дело обстоит следующим образом: они питают такое большое уважение к своим церквам, что в течении уже нескольких столетий никто не решался приблизиться к ним более чем на тридцать шагов».

161. Прокопий. О постройках // Вестник древней истории. 1939, № 4. – С. 249.

8. «Там мною и рассказано о том, что на противоположной стороне, если идти по направлению к Меотидскому болоту, напротив Лазики были два укрепления – Севастополь и Питиунт; их уничтожили сами римляне, услыхав, что Хозрой спешно посылает сюда войско с тем, чтобы оно захватило эти укрепления. Ныне же император Юстиниан этот Севастополь, который был прежде только крепостью, заново все перестроил, окружил его такими стенами и укреплениями, что он стал неприступным, украсил его улицами и другими постройками; таким образом, и по красоте, и по величию он сделал его теперь одним из самых замечательных городов!»

162. Николай Равич. Война без фронта. – М.: «Советская Россия», 1968. – С. 236–242.

«Договор Грузинского правительства в эмиграции об оккупации Кавказа войсками Антанты во главе о Англией».

«Грузинское правительство вместе со всеми прочими должно явиться на Кавказ одновременно с головными эшелонами оккупационных английских войск».

163. Н. Раевский. О Пицунде. [1840]. ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 61, л. 27–31 од. // А.С. Агумаа. Черноморская береговая линия. – Абхазоведение. № 7. – Сухум, 2012. – С. 178.

«Распространение христианской веры в Абхазии, препоручено Архимандриту, назначенному под влиянием Мингрельского Владетеля. Несмотря на то, что народная ненависть разделяет Мингрельцев от Абхазцев, сей Архимандрит принадлежит первым; несмотря на семейную ненависть, которая разделяет Владетелей Абхазии и Мингрелии, Архимандрит выбран из фамилии Дадьяна. Он не знает ни по-русски, ни по-абхазски и не славится ни познаниями, ни нравственностью. Он через переводчиков толкует то, что по мнению его составляет истины христианства и учит мальчишек повторять молитвы на Мингрельском языке, которого они не понимают и ненавидят. Главное его занятие – питать неудовольствие против Владетеля Абхазии, обещая недовольным покровительство Мингрельского Дадьяна. В мою бытность в Абхазии, он с одним из Дадьянов кн. Петром приехал к Княгине Кесарии, управляющей Абживским округом; княгиня эта имеет семейные несогласия с Владетелем Абхазии. Архимандрит и пору-

чик громогласно объявили народу, что Абживский округ отделяется от Абхазии; что Владетель Абхазии будет сменен; что для сего идут милиция Мингрелии, Имеретии и отряд генерал-майора Симборского. Я немедленно приказал арестовать и вывести под караулом за границу Абхазии поручика, чрез что в самом начале приостановил ропот в народе.

Я полагаю необходимым иметь в Абхазии русского Архимандрита, который бы был довольно молод для изучения языка края. Перевод священных книг на Абхазский язык необходим. *Кроме Абхазии, сим языком, говорят еще Цебельдинцы, непокорные Псхувцы, Джигеты, Убыхи и многие другие племена. Племена эти столь же многочисленные, как и народонаселение Грузии».*

164. [Раевский Н.]. Рапорт ген.-л. Раевского гр. Чернышеву от 28 февраля 1841 года, № 65. – Керчь // АКАК. – Тифлис, 1884. – Т. IX, ч. 1. – С. 504.

Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами; но я не вижу здесь ни подвигов, ни геройства, ни успехов Пицара и Кортеца. Дай Бог, чтобы завоевание Кавказа не оставило в русской истории кровавого следа, подобно тому, который оставили эти завоеватели в истории испанской».

165. В.А. Разевиг. В дебрях Абхазии // Труды общества землеведения при имп. СПб. университете. Т. I. 1906. – С. 61.

«Вообще я вынес впечатление, что здешние абхазцы, как мужчины, так и женщины, народ здоровый, умный, энергичный и способный воспринимать культуру. Местные жители – русские, грузины и мингрельцы – не любят абхазцев и боятся их, считая их коварными и вероломными разбойниками. Такое нелестное мнение сложилось, конечно, под влиянием военных событий и восстания абхазцев. Зато начальник округа правильно оценил их и на мой вопрос, нужно ли во время путешествия по горам и в аулах принимать особые меры предосторожности, ответил: «Нет, не надо; нужно уметь с ними общаться».

166. [Ракинт]. Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен св. Апостолов до XIX столетия / Сочинение генерального штаба полковника Ракинта // Энаят Олла Реза. Азербайджан и Арран (Атурпатакан и Кавказская Албания). М.: Квадрига, 2012. – С. 159–160 169–170.

С. 160. Л. 26. «Византийский летописец Захар, осматривавший Зикхийскую к Аланскую епархии, свидетельствует, что Зикхи (Черкесы) и Аланы (Осетины) чрезвычайно набожны. Христианская вера смягчила их свирепые нравы, церковные книги были переведены на абхазский и осетинский языки». С. 160–161. Л. 27–28. «Абхазское царство с 550 по 786 гг. под властью греческих императоров имело 10 наследственных наместников и разделялось на семь епархий.

С 786 по 1072 гг. Абхазское царство было независимое, богатое, сильное и управлялось наследственными царями, кои владели Мингрелиею, Имеретиею, Гуриею, Сванетию и Северными покатостями Кавказа между реками Кубанью и Лабой. Оно разделялось на 22 епископства, подчиненных независимому Католикосу, пребывавшему в Пицунде. Эта высшая церковная власть сохранялась преемственно с 730 по XVIII ст(олетие).

С. 169.

Список греческих городов на Кавказе:

В Абхазии: Диоскурия или Севастополис, Гэраклея или Анаклия, Питиус или Пицунда, Никопсис или Анакопи, Окваши Геное или Тганое, Маркула, Атанжела,

Археополис, Илори, Бедия, Даранда (Дранда) и много сел. Каменная стена с башнями от Келасура до Ингура, построенная за 300 лет до Р. Х.

167. Рассказ о Романе Галицком // «Галицко-Волынская летопись» / Изборник. Повести древней Руси. М: «Художественная литература», 1987. – С. 164.

«После смерти Владимира у Сырчана остался единственный гудец Орь, и послал его Сырчан к обезам…»

168. Элизе Реклю. Человек и Земля. Том пятый. – СПб., 1908. // – С. 477–479.

«Неизбежность стала еще очевиднее после проведения военно-грузинской дороги, идущей от Тифлиса до Владикавказа через Дарьяльский перевал, вдоль Терека и Арагви и разделившей Кавказский хребет на две части. Вторая дорога через Мамисонский перевал соединила долину Терека с долиной Риона, разделяя вторично Западный Кавказ; впоследствии были проложены в различных направлениях еще дороги, подымавшиеся в горы, через леса и ущелья. Недаром, как пел Лермонтов, задрожал великан Казбек, видя карликов долины, двигающихся к нему с заступами и молотами, оказавшимися страшнее пушек.

…В начале двадцатого века на огромном, ныне пустом пространстве, занимающем 10.000 кв. км., насчитывалось всего лишь – 15.000 жителей. Из их числа 4/5 составляли абхазцы, 600 черкесов, остальные переселенцы различного происхождения, разделенные преимущественно по побережью: глубь страны совершенно пустынна».

169. З. Рихтер. Кавказ наших дней. – М., 1923. Гл. «Патриархальный быт».

«На Кавказе я знаю два таких удивительных и самобытных уголка: В. Сванетию и Бзыбскую Абхазию. Но насколько В. Сванетия дика и сурова, настолько радостна, благодушна Бзыбская Абхазия, «медом и млеком текущая». «… Изумрудные берега Бзыби плодородием, изобилием, светом, красками напоминают нечто библейское, идиллическое. В Бзыбской Абхазии еще не исчезли патриархальные обычаи гостеприимства. Пастухи, зарезав барана, часть вареного мяса развешивают на ветвях у тропы, чтобы путник мог утолить голод. На проезжих дорогах встречаются крытые беседки, в которых абхазы также ставят еду в деревянных чашах и питье для путников…

Не думайте, что медовые реки существуют только в сказке, учителя, возвратившиеся из экспедиции, рассказали мне, что натолкнулись в лесу на ручей из меда. Мед стекал в ручей из пещеры, где роились дикие пчелы. Из этой медовой реки, припав, пил чернобурый медведь».

170. Рукевич А.Ф. Из воспоминаний старого эриванца // «Исторический вестник», 1914, декабрь. – С. 771–772.

«Горцы, населявшие эту часть побережья Сочи принадлежали к племени убыхов, находившегося под властью князя Берзекова, который пользовался, благодаря своим личным качествам, громадным авторитетом не только у своих, но и вообще у других горских племен. Это был рыцарь по своему характеру и в то же время человек большого ума и военных дарований. Он объявил себя открытым врагом России, и все нападения, впоследствии произведенные на наши береговые укрепления, были организованы им, причем он чрезвычайно умело использовал изолированное положение наших опорных пунктов.

В конце концов, мы вынужденно покинули занятую линию, и когда ее вновь заняли, то Берзеков не захотел признать нашу власть и, сломленный силой, но не покоренный, гордо покинул родину и выселился со своим племенем в Турцию…

Старик Берзегов дожил до глубокой старости. Сыновья его живут в Турции и до сих пор пользуются большим почетом у турок и большим влиянием среди бывших кавказских горцев. Старший из Берзеков, может быть, войдет со временем в историю своим классическим ответом кавказским революционерам, которые в 1905 или 1906 году, в угаре революционного возбуждения, послали депутацию турецкому султану с предложением воспользоваться временным ослаблением России и занять своими войсками Кавказ. Соблазн был велик, но страх перед возможностью воздействия великих держав вынудил султана отказаться от прямого участия. Тем не менее, он указал просителям на Берзекова, который мог бы поднять своих черкесов и хлынуть всею ордою на Кавказ. Берзеков принял делегацию, выслушал их, но затем дал ответ, полный гордого достоинства:

«Я могу не любить Россию, я враг ее, могу воевать с нею, но воспользоваться ее временным ослаблением я считаю подлостью».

Впоследствии этот ответ стал известен кавказскому наместнику князю Воронцову, и он написал письмо Берзекову, в котором оценил все рыцарское благородство его ответа».

171. Г.А. Рыбинский. Абхазские письма. XVIII // «Кавказ», 1894, № 12.

[Дальцы]

«Едущий рядом со мной абхазец-милиционер запел такую грустную, захватывающую за сердце песню, повторяя часто слово «Латы», что я невольно его спросил, о чем он поет. «Эта песня, – сказал он со слезами на глазах, – была сложена абхазцами, удалявшимися в Турцию. 5 тысяч душ Дальского ущелья оплакивали свой родной уголок, каждое деревцо, взращенное ими».

Абхазцы дальского ущелья – эмигранты – славились в былые времена воинственностью и грабежом, они были грозой не только для врагов, но и для владетельного князя Абхазии. Это была отчаянная вольница, их недоступное ущелье было в своем роде Запорожье для Абхазии».

172. Г.А. Рыбинский. Абхазские письма». VII // «Кавказ», 1893, 5 июля, № 186.

«Мингрелец при каждой удачной каверзе радуется ей как дитя и «бахвалится» этим среди односельчан, точно совершил подвиг, рекомендующий его высокий ум, силу, достойную удивления а подражания. И действительно, в производстве каверз мингрельцы соперничают друг с другом. В таких подвигах хитрость и ум мингрельца поразительные. Измышляя ловкую проделку, он над нею изощряет все свои интеллектуальные силы – лишь бы она вышла почище, чем подвиг соседа. Каверзное бахвальство и все свои фокусы он применяет не только в деле коммерции, в промышленности, но и во всем.

…Благодаря этой напускной порче, в Гурии сложилась поговорка: «Ты поступил как мингрелец!»

173. Г.А. Рыбинский. Абхазские письма. VII // «Кавказ», 1893, № 187.

«Наше мнение, что на свободные земли в Абхазии из чувства справедливости могут претендовать только абхазцы, но уже никак не протежируемые «газетой»

мингрельцы, которые в пору независимости Абхазии не смели и ноги поставить чрез пограничную между ними р. Ингур».

174. Г.А. Рыбинский. Сухумский округ, Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. – Тифлис, 1894. – С. 11–12.

«Но, когда я, налюбовавшись вдоволь показной стороной их [мингрельцев] жизни, ознакомился с их нравами и обычаями, ничем с виду не отличающимися от абхазских, то был поражен той крайней разницей, какая разделяет душевные особенности этих двух народов. Абхаз сохранил во многом чистоту горских народов, мингрелец ничего общего с этим не имеет, по натуре – это торговый, чрезвычайно пронырливый, эгоистичный человек, хитростный и беспокойный ум. Абхазы стерегутся их, называют их аршинниками, духанщиками, надувалами… На каждого гостя абхаз смотрит как на божью благодать и ухаживает за ним с известным церемониалом. У мингрельца-крестьянина не всякий встретит гостеприимство, а если встретит, то оно ожидается расчетом, в ожидании какой-нибудь для себя выгоды».

175. С. Сафонов. Поездка к восточным берегам на корвете «Ифигения» в 1836 году. – Одесса, 1837. – С. 37–38.

[Пицунда]

«Много есть прекрасных стран и прелестных местоположений; но что может сравнится с тою невыразимо-очаровательной картиной, какую представило нам Пицундское укрепление! Кажется, природа истощила все силы, чтобы составить из этого места один из завиднейших уголков на земном шаре! Вообразите себе величественные развалины храма, остаток прекрасно сохраненной Византийской архитектуры, обнесенной каменною стеною, расположенные среди очаровательной долины, где столетние дубы и величественные платаны перевились диким виноградом; представьте себе эти окна с разноцветными круглыми стеклами и этот смелый купол… и эти арки, поражающие нас смелостью архитектуры; представьте все это покрытое яркой зеленью, – и вы будете иметь слабое представление о Пицундском укреплении…»

176. М. Селезнев. Руководство к познанию Кавказа. – СПб., 1847. кн. II. – С. 135–136.

[Самурзаканцы]

«Но Самурзаканцы не слушались и, ненавидя вновь поставленную власть, били, прогоняли чиновников присылаемых Дадианом. «Мы Абхазы, а не Мингрельцы, зачем ставить над нами власть, которой мы не знаем и не хотим знать; пусть законы Дадиана делают несчастными его подданных, довольно ему и тех, русские верно не пойдут в наши горы; впрочем овраги, леса нас скроют». Уверяя так друг друга, они спешили через Ингур в Мингрелию, к Зугдиди, отгоняли стада Дадиана и захватывали людей в неволю. Словом, они самовольно объявили войну Дадиану… Дадиан только грозил, но наказать Самурзаканцев был не в силах; они же смеялись над его слабостью и говорили: «Пусть придет попробовать наши шашки и пули, первые остры, вторые верны».

177. М. Селезнев. Руководство к познанию Кавказа. – СПб., 1847. кн. II. – С. 204–205.

«Абхазы неимоверно легки в ходьбе, выдерживая стужу и непогоду без жалобы, закрываются буркой и башлыком, питаясь одной кукурузной лепешкой или куском гоми, сваренной в воде; бурка с камнем или пнем под изголовьем, есть почти всегдашняя их постель.

…Крепкие, античные их члены обрисовывают новых Аяксов и Ахиллесов. Спросите у прохожего абхаза что-нибудь, и он, опершись руками и подбородком на ружье, ответит вам с суровой важностью. Смотря на чрезвычайный стан, грозно-военное положение, приличное только самому образованному воину, и нисколько на дурную чоху и изорванный башлык, вы невольно засмотритесь, и переберете в памяти своей всех мифологических героев Греции, Рима и рыцарей средних веков».

178. Адмирал Л.М. Серебряков. Дорога из Сухума к Кубани через Главный Кавказский хребет // «Морской сборник», 1865, № 6 (июнь). – С. 92–93.

[Цебельдинцы]

«Под управлением их [князей Маршан] состоит послушный, терпеливый и воинственный народ, привыкший к умеренности и к перенесению величайших трудов и лишений, замечательный по хорошей нравственности и во всех отношениях лучший из народов, населяющих край береговой линии. Следуя во всех переходах жизни за своими князьями, народ принимает невольное участие в их распрях и часто от того терпит. Цебельдинцы вообще хорошо вооружены, но одни только князья и небольшое число дворян имеют лошадей, а прочие составляют отличную пехоту. С ловкостью и без утомления пробираясь по трудной горной местности, с помощью палки с окованным острым наконечником, которая также служит сошкою для стрельбы, они совершают переходы по 40 и более верст и после того весело поют и пляшут вокруг бивуачных огней. Ближе ознакомясь с цебельдинцами, нельзя их не полюбить. Народ этот заслуживает того, чтобы для блага его озаботиться о постепенном усовершенствовании общественного его устройства…»

179. Смоленский С. Воспоминания кавказца. Экспедиция в Псхоу. (Выписка из походного дневника) // «Военный сборник», 1874, № 5. – С. 162–163.

[Псхоу = Псху]

«Псхоу, известное более с обществом Ахчипсоу и Аибга, под общим названием медовеев (по местному названию – Медозюэ); лежало в углу Абхазского хребта с главным Кавказским; селения этого общества были разбросаны между каменистыми утесами, окруженными лесами, по лужайкам речек, составляющих притоки Бзыби, и на долинах этой реки. Примыкая к подножию Главного хребта, оно со всех сторон окружено грядами гор, вершины которых входят в пределы вечных снегов; только некоторые перевалы, с трудно доступными путями, были возможны для перехода туда в немногие летние недели; остальные места, покрытые скалами, а ниже девственными лесами, были непроходимы».

180. В.Д. Смирнов. Турецко-османские сказки // Тюркологический сборник. 1973. – М., 1975. – С. 255–257.

«Женщины горцев, у нас зауряд именуемые черкешенками, как они сами себя вовсе и не называют, составляли главный контингент турецких харемов и

вносили, очевидно, наибольший вклад в сказочный фонд турецких семей. И вот откуда произошло то, что турецко-османские сказки имеют наибольшее сходство со сказками кавказских горцев».

181. С[оболев]. Письма о войне с закубанцами // «Московский телеграф», 1831, № 3. – С. 402.

«…Славный Темиргоевский князь и разбойник – Джембулат. Этот необыкновенной храбрости человек и страстный любитель наездничесих дерзостей, очень много делал вреда для Кавказской линии и храбро сопротивлялся нашим, по большей частью метеорных отрядов, являвшимся за Кубань, можно сказать за барантой! Вот один из дерзких подвигов Джембулата: «Во время моего командования за Кубанью, – говорил мне К.В.Ч., – один из сподвижников Джембулата был убит и свалился со своего коня близ нашего фронта; Джембулат подлетел к фронту, соскочил с лошади, схватил своего убитого сподвижника, вспрыгнул на коня – и ускакал!..» «Джембулат был росту маленького и с болезненным, как желчной горячки лицом; но глаза орлиные».

182. «Сокращение книги о "памятниках" и чудеса царя могучего» / Издание текста, перевод, примечания и предисловие З.М. Буниятова. М., 1971. – С. 85.

«/2/ АРРАН – область между Азербайджаном, Арминией и страной Абхаз».

183. Г. С[оллогуб]. Возвращение // «Кавказ», 1852, № 76.

«О, когда-нибудь в другой раз, судьба приведет меня в этот чудный край [Абхазию], которого я видел только берег и то через дождевую пелену, я приеду не с тем, чтобы торопиться с отъездом, а с тем, чтобы погостить под гостеприимным княжеским кровом, чтобы побывать в Бедии, и в Илоре, и в древних храмах, которыми так богата Абхазия; и в чудных ее ущельях и горах, я прислушаюсь к народным поверьям, где язычество смешивается с христианским учением, и попирую на княжеских охотах и полюбуюсь широкими размерами неприкосновенного феодализма. Тогда я вам представлю не беглый путевой очерк, а целую картину страны, которой нет подобной в Европе, и о которой живописный Пьемонт может дать только слабое понятие».

184. «Сообщения о Сельджукском Государстве». Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях» / Издание текста, перевод, введение, примечания и приложения З.М. Буниятова. – М. 1980. – С. 54–55; 190, 194.

«В 460 году (11 ноября 1067 – 30 октября 1068 г) царь Абхаза по имени Бакрат совершил набег на ал-Барда'а, а это был один из городов в стране мусульман. Тогда султан укрепился в своем намерении и устремился в страну Абхаз».

С. 190. Прим. к главе 13:

«Ал-Бундари (31) сообщает следующее: «Алп-Арслан вынудил царя Абхаза Баграта сына Георгия просить мира и выдать свою дочь за него (у Сибта ибн ал-Джаузи, ихд. Севима, 136: «султан женился на дочери сестры даря Абхаза») и, приняв его подношения даровал ему аман. Затем он выдал грузинскую принцессу за Низам ал-Мулка». См. также Histoire (328, 342), где говорится о выплате Грузией дани (хараджа) Алп-Арслану.

С. 194. Прим. к главе 18:

4. Ал-Бундари (39) перечисляет в составе византийского войска – руссов, кипчаков, грузин, абхазов, хазар.

185. Эдмунд Спенсер. Описание поездок по Западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию

в 1836 году Эдмундом Спенсером, эсквайром, автором «Описание поездок в Черкесию» / Пер. с англ. К.А. Мальбах. – Нальчик, 2008.

С. 165. «Абазинцы называют себя «абсне», тогда как на русском, татарском и черкесском языках они именуются «абаза», а их соседи грузины нызывают их апхазет».

Предполагается, следуя древним письменным упоминаниям и преданиям, что абазинцы, несомненно, принадлежат исконным племенам Кавказа и когда-то они являлись могущественным народом».

С. 174. «Некоторым из моих читателей может показаться неправдоподобным, но убийство и разбой или даже мелкие кражи почти неизвестны среди союзных племен Кавказа в их отношениях друг с другом; и это несмотря на то, что нет никакой полиции, тюрем или иного контроля за их порочными наклонностями, кроме сурового порицания их старейшин и страха быть оштрафованным и изгнанным».

С. 185. «Черкесские витязи, будучи великолепными знатоками оружия, обычно добывают себе мечи и кинжалы у абазов, в высшей степени искусных как оружейников».

С. 178–180. «Абазы также похожи на черкесов в своей привязанности к священным рощам, где каждый воин, в какой-то отдельной роще, присваивает себе дерево, которое он украшает некоторыми трофеями своих побед, а также жертвоприношениями, свидетельствующими о его признательности Богу за полученные блага. Перед тем как отправиться в сражение, все воины привыкли собираться в этих священных рощах, где самый опытный, самый мудрый и самый храбрый среди них старейшина берет меч и, ударяя им но престарелому буку, призывает своих молодых спутников к храбрым деяниям; упоминая имя противника, с коим абазы намеревают сразиться, убеждает их того или убить, сразить, уничтожить без всякого на то сострадания, или покорно смотреть, как отбираются у них поля, захватываются в плен их жены, и сами они оказываются в цепях. Затем, обращаясь [с. 179] к буку, он продолжает: «Священное дерево, ты было с незапамятных времен свидетелем исполнения этого ритуала нашими отцами! Они победили! Пусть их благословенные души парят над нами, их детьми, и направляют наши мечи к победе!»

Если нападение готовится на русских, он заключает словами: «Помните, человек, умирающий в этой борьбе, сразу же переносится в рай».

Эта вера в счастливое бессмертие: когда они гибнут в сражении против России, имеет универсальный характер среди кавказских племен.

Срубить дерево в этих священных рощах или лишить их висящих на них приношений считается богохульством – отвратительным преступлением, и по закону человек, совершивший подобную кражу, наказывается смертью. Некоторые из этих священных рощ близ побережья время от времени вырубаются русскими в ходе их продвижения [с.180] через край, вне всякого сомнения, в целях облегчения перехода войск, а также чтобы разрушить убежище, откуда горцы могли бы без риска для себя совершать нападения».

С. 187. «Абазы, подобно черкесам, считают презрение к жизни добродетелью и скорее убьют себя, чем примирятся с рабством, несчастьем и бессилием. Эти чувства не являются преобладающими более среди мужчин, нежели у женщин,

которые часто, не успев стать пленницами своих врагов, бросаются на острие их оружия. О нескольких таких случаях мне поведал атаман черноморских казаков, которого я встретил путешествуя в Крым – Татарии».

С. 195. «Однако мы были рады встретить в Адлере другого местного вождя, сопровождавшего нас в свой дом, расположенный приблизительно в двух милях от побережья, и угостившего нас с истинно черкесским гостеприимством. Здесь мы увиделись также с несколькими другими князьями и узденями соседних племен вместе с Курчок Али, кузеном моего юного друга Бейзруко, сыном одного из вождей барракаев, воинственного племени, живущего в той части снежных гор, где Хоц, Лаба и их притоки начинают свои течения. Эта область называется черкесами Шикилбулуком и простирается на расстоянии двухдевной поездки через внутренние от Адлера территории. Говорят, что отец его является одним из самых храбрых князей и одним из самых решительных противников России на Кавказе; и, если нам дано судить по обличию сына, он похоже имеет достойного наследника. Он в самом деле был изящным, благородно выглядящим малым со взглядом подобно тому, что имеют горные орлы, и облаченным подобно иным абазским князьям в полные доспехи (что соответствует общепринятому на Кавказе правилу, когда встречают важных гостей). Он демонстрировал военную выправку, что, вероятно, была у какого-нибудь древнеримского воина во времена величайших триумфов этой державы.

С. 196. «Так как наш хозяин живет близ русских крепостей Пицунда, Бомбора и Сухум-Кале, у него и его племени вместе с союзниками-кубиханами, казилбегами, бесленеями, безуббехами и т.д. мало времени для покоя, так как они постоянно заняты отражением вылазок гарнизона в поисках провизии, фуража воды. Он развлекал своих братьев князей повествованием в деталях о разных своих схватках с врагами и ловушках, с помощью которых ему удалось завлечь и захватить их. Он, казалось, смотрел на близкое соседство с ними с той же невозмутимой решительностью, что и опытный охотник на загнанного льва, ибо скалистые лощины его края в любое время обеспечивали ему и его племени безопасное укрытие от всякого серьезного нападения, образуя укрепление, откуда они могли удобно производить смертоносные выстрелы, оставаясь в абсолютной для себя безопасности.

Он вырыл траншеи вокруг маленького села, в коем проживал со своими вассалами, и защищал их парой латунных пушек, захваченных у русских, несколькими железными гаубицами, им самим сделанными, – изобретением, которым он немало гордился. В дополнение к этому он также укрепил каменными стенами некоторые узкие ущелья; но порох – порох был в недостатке и желаемым».

186. Сталь. Этнографический очерк черкесского народа. Составил Генерального штаба подполковник барон Сталь в 1852 году // «Кавказский Сборник». – Тифлис, 1900, т. XXII. – С. 65–66.

[Абазинцы]

«…Наконец последними по времени переселенцами считаются абазинцы, постепенно переходящие из Абхазии в течении нескольких столетий через горные перевалы, на пространстве между рр. Тебердой и Белой и явившиеся впоследствии, как самостоятельные общества: Там, Башилбай, Баракъ-ай, Баго,

Кизилбек, Шагирей и прикубанских и кумских абазинцев. Постепенное переселение абазы из Абхазии продолжается и доныне».

187. Проф. И.Я. Стеллецкий. Археологические разведки в Сочинском районе и Абхазии летом 1925 года // Бюллетень Абхазского научного общества. Сухум, август, 1925, № 8. – С. 23.

«Местонахождение Трахеи автор относит к устью р. Келасура. Исследует и датирует памятники в Гаграх, Питиусе, Новом Афоне, Отхарах, где отмечает, что «в районе той же местности [Отхара] докладчиком обнаружен разрушенный дольмен, что следует признать примечательной находкой, т.к. до сих пор дольмены на территории нынешней Абхазии в литературе обнаружены не были»; 7) В Гаграх докладчику удалось проследить явственные остатки двойной стены, шедшей от горы к морю, чем подтверждается точность сообщений об этой стене».

188. Страбон. География: в 17 книгах / Перевод и комментарии Г.А. Стратановского. Под общей редакцией троф. С.Л. Утченко. Редактор перевода О.О. Крюгер. АН СССР. – Л.: «Наука», 1964. – С. 53–54.

«39. Ведь, как все согласны, первоначальное плавание в Фазис по приказу Пелия, возвращение и занятие островов (как бы продолжительно оно ни было) во время плавания вдоль берегов содержит какой-то элемент правдоподобия. Я утверждаю, что и еще более далекое странствование Иасона (как и странствование Одиссея и Менелая) также в какой-то степени правдоподобно, как это доказывается существующими до сих пор и заслуживающими доверия памятниками, а к тому же и словами Гомера. Так, например, около Фазиса показывают гору Эю и признается достоверным, что Эет царствовал в Колхиде, а имя Эета часто встречается среди местных жителей той страны. Далее, волшебница Медея является исторической личностью, и богатства тамошней страны, состоящие из золотых, серебряных, железных и медных рудников внушают мысль об истинном мотиве похода, что заставило и Фрикса еще раньше [с. 54] предпринять такое путешествие. Кроме того, существуют памятники обоих походов: святилище Фрикса, расположенное на границах Колхиды и Иберии, и святилища Иасона, которые показывают во многих местах в Армении и Мидии и в соседних с ними странах. И, кроме того, как говорят, есть много доказательств похода Иасона и Фрикса в область Синопы и примыкающего к ней побережья, а также в районе Пропонтиды и Геллеспонта, вплоть до Лемносской области. Существуют следы похода Иасона и преследовавших его колхов в обширной области вплоть до Крита, Италии и Адриатического моря; на некоторые из них указывает Каллимах:

Видел Эглета, Анафу, соседнюю с Ферой Лаконской, в элегии, которая начинается словами:

Я воспою, как герои из царства Китейца Эета
Плыли назад возвращаясь в древнюю Гемонию.
В другом месте Каллимах говорит о колхах:
Весла они опустили у Иллирийского моря,
Где златокудрой Гармонии камень могильный лежит,
Там городок основали, что назвал бы «изгнанников градом».
Грек, а на их языке Полы ведь имя ему.

Некоторые утверждают, что Иасон и его спутники даже поднялись вверх по Истру на значительное расстояние; другие же говорят, что они достигли

Адриатического моря. Первые высказывают такое мнение по незнанию этих местностей, а по утверждению последних, река Истр берет начало из большого Истра и впадает в Адриатическое море, впрочем, в их высказываниях нет ничего невероятного и невозможного».

189. Виктор Стражев. Песнь о голубоглазом // В. Стражев. «Горсть». – Сухум, 1923. Тип. ВСНХ Абхазии им. Ленина. Издание Наркомпроса ССР Абхазии. – С. 23–28. Поэма об Абхазии и абхазском народе.

…
Гости хищные с Сидона,
Грек с «Арго» и воин Рима.
Дикий скиф и перс-воитель,
И ромей, политик зоркий,
И лукавый генуэзец –
Много-много приходило.
Уходило, будто волны…
Будто волны, что на берег
Набегают с пенной гривой,
А глаза над морем те же.
Голубые голубели.
И все те же песни пел он,
Что певал далекий предок.
И глядел голубоглазый,
В даль немую молчаливо
И чему-то улыбался
Тихо-тихо, будто тайну
Разгадал и будто понял,
Для чего живет на свете.

190. Сукунов Х.Х., д.ф.н., Сукунова И.Х. (Москва). Образ черкешенки в литературе как этно-лингво-культурная проблема // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения (По материалам международной научной конференции 14–19 октября 1991 г. Черкесск). – Черкесск, 1993. – С. 259.

«В настоящее время черкесы проживают в Египте, на Ближнем и Среднем Востоке, в странах Запада – в 51 государстве и насчитывают более трех миллионов человек.

Черкесы [Горцы Кавказа] живут в Турции (3 млн), Иордании (80 тыс.), Сирии (120 тыс.), Египте (52 тыс.), ФРГ (35 тыс.), США (4 тыс.), Ираке (15 тыс.), Ливии (14 тыс.), Мадагаскаре (8 тыс.), Югославии (1 тыс.), Израиле (5 тыс.), Иране (5 тыс.), Болгарии (5 тыс.), Японии (2 тыс.), Албании (1 тыс.), Ливане (1 тыс.), Голландии (1 тыс.), Австралии (1 тыс.), Саудовской Аравии (500 чел.).

Черкесы в небольшом количестве проживают во Франции, Чаде, Марокко, Тунисе, Кувейте, Судане, Мавритании, Вьетнаме, Йемене, Афганистане, Англии, Канаде, Италии, Греции, Польше, Румынии, Сингапуре, Ватикане, Кипре.

Отдельные семьи черкесов живут в Мексике, Китае, Корее, Чехословакии, Финляндии, Австрии, Танзании, Эфиопии, Бразилии, Аргентине, Швеции, Новой Зеландии, на Гавайских островах».

191. [Е.С. Такайшвили]. «Что заключала в себе так называемая История царя Баграта, которою пользовался иерусалимский патриах Досифей для своей «Истории иерусалимских патриархов» // Известия Кавказского отд. Московского археологического общества /(ИКОМАО), 1913, вып. 3, протоколы. – С. 70.

«Недавно докладчику попал в руки рукописный сборник XVIII века, в котором имеется перечень абхазских царей, во всем сходный с каталогом Досифея, но этот перечень нельзя в строгом смысле назвать историею Абхазии. Это скорее акт, изданный грузинским царем Багратом I, который в 978 г. воцарился в Абхазии, а в 985 г. в Грузии, и таким образом соединил Грузию и Абхазию в одно царство, воцарившись в Абхазии, Баграт особым актом или манифестом объявил о своем вступлении на Абхазский престол и привел список 20 своих предшественников. Этот манифест хранился в Кутаисском казнохранилище, от времени пришел в ветхость, и царь Константин, сын Баграта V, умерший в 1414 г. обновил его».

192. М. Тамаришвили. История католичества среди грузин. – Тифлис, 1902. – С. 204–205 (на груз. яз.).

Итальянский миссионер Цампи сообщает (80-е гг. XVII в.): «Мингрелии уже нет, так как из-за непрерывных войн она впала в состояние крайней разрухи… Сейчас ни один человек не может чувствовать себя в безопасности, все пребывают в постоянном страхе, в ожидании нападения со стороны абхазов. Страх этот настолько велик, что люди бегут даже от собственной тени, принимая ее за абхаза».

193. А.М. Тариа. Абхазские соколы в небе. – Сухум, 2006. – С. 104.

«В 1942 г. на Санчарском перевале Темур Язычба во время боевого вылета в паре, отвлекая внимание противника и прикрывая командира Бориса Шишкова, сбил два вражеских самолета.

Его командир вспоминал:

«После посадки Тимур подошел ко мне и сказал:

– Товарищ командир, неплохой получился у нас совместный полет, правда?

– Да уж точно неплохой, но скажи мне – вы все, абхазцы, такие же храбрые, как и наш командир [Аргун Виктор]?

– Товарищ командир, нас ведь немного, и поэтому мы просто не можем не быть храбрыми, мы все отчаянные, ничего не боимся.

– Даже смерти?

– Как сказать, смерти все боятся, но не надо думать о ней, а просто воевать насмерть. Тогда она тебя испугается».

194. Титулатура Абхазских царей.

«Т.н. Яхъя Антиохийский Гиоргия I называет «царем абхазов» (малик ал-абхаз), а его царство – «Билад ал-Абхазийа (Страна абхазов), «билад ал-абхази» (страна абхаза) или «Кулк ал-абхази» (царство абхаза). 56».

56. В. Силагадзе. Сведения Яхьи Антиохийского о взаимоотношениях Грузии и Византии в последней четверти X и первой четверти XI вв. // Грузинское источниковедение», VI. – Тб., 1985. – С. 116–118 (на груз. яз.).

Г. Джапаридзе. Арабские названия грузин и Грузии // Иностранная и грузинская терминология, обозначающая понятие «Грузия и грузины». – Тб., I993, с. 132 (на груз. яз.).

«По словам Садр ад-дина ал-Хусейни, Алп-Арслан преследовал царя абхазов Баграта IV в Куржистане» // Н. Шенгелия. Садр ад-Дин о походе Алп-Арслана в Грузию и страны Закавказья // Разыскания по истории Грузии и Кавказа. – Тб., 1976, с. 192–193 (на груз. яз.).

«В сочинении Ибн ал-Асира известный грузинский деятель и эристав клдекарский Липарит Багваши назван «маликом Абхазии-Карит» // В. Силагадзе. К уточнению одного места сочинения Ибн ал-Асира «Тарих ал-Камил» // Грузинское источниковедение. III. Тб., 1978. – С. 68 (текст с грузинским переводом).

По сообщению Имад ад-Дина Испахани, в 1154 г. наследник сельджукского престола женился на дочери грузинского царя («малик ал-Курдж»», которая являлась «абхазской госпожой» («хатун ал-абхазийа») // Г. Джапаридзе, там же, с. 133.

«По словам персидского историка XII–XIII вв. Ибн-Испандиара: «Тамар падишах Тбилиси и Абхазии» // Г. Берадзе. Материалы по истории Грузии XII в. – в сочинении Ибн-Испандиара. – «Восточные материалы по истории Грузии». – Тб., 1976, с. 70.

«В сочинении сельджукского хрониста Ибн-Биби царица Тамар (Тамар-ханум) названа «малика Гурдж» (царица Грузинская), которая правила «мамлакат-абхаз» («Страна абхазов») и дар ал-Мульком (столицей) Тифлис // А.П. Новосельцев, В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнин. Пути развития феодализма. М., 1972, с. 37.

Титулы царей абхазов:

«Великий соборный, возвеличенный царь, представитель знатного рода, могущественный правосуд; превеличия страны и государства, защитник христиан, покровитель последователей Иисуса, садержавец наследственных престолов и корон, стефанос Востока и Запада, хранитель веры Бога, царь царей абхазов, шаков, алан, помощник мессии…» // Грузино-персидские этюды, III (на груз. яз.). Текст перевел, снабдил комментариями и издал Магала Тодуа. – Тб., 1979. – С. 28. – Е.К. Аджинджал. О титулатуре Абхазских царей. – Сухум, 2014. – С. 11.

«Доброжелательный владетель, эмир и главнокомандующий, великий правоверный, прославленный победитель, государь страны, оплот божественных учеников Христа, прославляющий страну обитателей христианства, укрепитель христианской веры, защитник царства абхазов и алан, богатырь, рыцарь и герой Армана, цари эмиратов, шахов, половцев и хазар…» // Грузино-персидские этюды. III (на груз. яз.). Текст перевел, снабдил комментариями и издал Магала Тодуа. – Т., 1979. – С. 29. – Е. К. Аджинджал. О титулатуре Абхазских царей. – Сухум, 2014. – С. 11.

195. Ген. Тормасов. Отношение ген. Тормасова к гр. Румянцеву, от 31-го мая 1811 года, № 76 // АКАК. – Тифлис. 1870. – Т. IV. 1870. – С. 430.

«Абхазия, приобретенная в подданство Е.И.В., простирается вдоль по берегу Черного моря от границ Мингрельских до самой Анапы, составляя один на-

род, не вся однако же находится в непосредственной зависимости кн. Георгия Шервашидзе, Всемислостивейше утвержденного законным владельцем Абхазии, но есть в горных местах несколько небольших обществ, не признающих ничьей зависимости и управляемых собственными их князьями».

196. Рамазан Трахо. Черкесы. – Мюнхен, 1956, – С. 6.

Мадам Хоммаре де Хелл:

«Храбрость, ум, замечательная красота: природа им [кавказским горцам] дала все, и в чем я в особенности восхищалась в их характере – это холодное и благородное достоинство, которое никогда не опровергалось и которое у них сочеталось с чувствами наиболее рыцарскими и с горячей любовью национальной свободы».

197. Труды V-го Археологического съезда в Тифлисе в 1881 г. Под ред. графини Уваровой. – М., 1887. – С. XXIII.

«2) Обычай народной сходки, наблюдаемой в среде абхазцев.

Отличие абхазской сходки от наших мирских сходок состоит в том, то у абхазцев каждое дело обсуждается не толпою, не скопом, а группами или кучками народа, начиная с 3-х человек каждая (именно в Очемчирском округе), или пофамильно (в Пицундском), и затем постепенно увеличиваемом собрании сошедшагося народа, пока вопрос не получит последнего своего рассмотрения во всей толпе собравшихся людей. Находя такой способ обсуждения дел на сходках более совершенным, чем на наших сходках, так как он дает возможность каждому человеку в полной обстоятельности знать, о чем идет дело, он, г. Проценко выразил предложение, что обычай именно такого порядка обсуждения дел, может быть, ведет свое начало от глубокой древности, когда по абхазскому берегу Черного моря существовали греческие и генуэзские колонии.

3) Обычай, наблюдающийся в Абхазии в случае развода между несогласными супругами. Особенности этого обычая состоят в том, что кроме исполнения того договора, который был постановлен при заключении брака, разводимые должны были в особом собрании местного народа, на котором должны присутствовать родители и родственники обеих сторон, произнести еще клятву, приблизительно подобного содержания: клянусь, что если бы при таких обстоятельствах и условиях, как настоящие, разводилась бы моя дочь, сестра или мать, то я не признавал бы себя оскорбленным. Подобную же клятву произносит и другая заинтересованная сторона.

По заявлению г. Проценко, г. Бошшич не встречал обычая подобной клятвы ни у одного из европейских племен и признавал за ними высокогуманное значение».

198. Г.Ф. Турчанинов. Н.Я. Марр – абхазовед. // «Язык и мышление». VIII. Языки Евразии в работах Н.Я. Марра. – М. – Л., 1937. – 163.

«Вошедшие с самых первых лет его работы в лингвистический арсенал Н.Я. Марра абхазы продолжали оставаться боевым оружием его гения до самой смерти, и едва ли найдется в последние годы жизни Н.Я. Марра такая работа, в которой в той или иной постановке абхазский язык не находил себе места. Я сказал бы даже более – абхазский язык плотно вошел не только в научное мышление Н.Я. Марра, стал одним из неиссякаемых источников его аргументации, он не менее цельно захватил его общественно, ибо едва ли найдется какой-либо

другой народ, которому Н.Я. Марр оказал бы столько внимания в деле его культурного подъема, начиная с кропотливого и заботливого интереса к выработке его алфавита, создания его письменности и кончая собиранием фольклора и организацией и подготовкой кадров, вплоть до основания ученых учреждений, как это было с Абхазской академией языка и литературы.

Абхазы и абхазский язык на протяжении всей научной деятельности Н.Я. Марра постоянно волновали его, он отдал им много своих лучших сил и вправе ожидать вознаграждения сторицей со стороны молодых абхазоведных кадров».

199. Графиня Уварова. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые записи графини Уваровой. – М., 1891. Часть II. – С. 24.

[Цемес]

«Вечер провели в семье Гейдука в расспросах и рассказах о крае и его нуждах. Невольно чувствуешь себя здесь в гостях, временно пришлыми для заселения этого чудного края: никто – ни чехи, ни казаки, ни хохлы-поселенцы не знают ни преданий, ни даже названий тех рек, долин и гор, между которыми мы движемся, которые проезжаем, которые кормят и поят их. Нет той поэзии, той томительной тоски и ласки, которые чувствуешь в рассказах Казбека о его родных ущельях и прежних насельниках…»

200. П.К. Услар. Древнейшие сказания о Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1881. – Т. X. – С. 378.

«…Когда, вглядевшись повнимательнее в обитателей юго-восточного берега Черного моря, римляне открыли, что там живут не колхи, а лазы, и что, притом, эти лазы, по крайней, дикости своей, вовсе не соответствуют высокому понятию, которое весь классический мир имел о колхах. Позже, в византийскую эпоху, название Лазики сменило название Колхиды, но последнее оставалось классическим для страны даже до нашего времени. Впрочем, как ни странным это должно казаться, но во все времена древние имели весьма сбивчивое понятие о том, какую собственно часть восточного берега Черного моря почитать принадлежащую к Колхиде, некоторые, как напр. Ксенофонт[1], считали, что Трапезос (Трепизонд) и даже Керазос (Керасмунд) находятся в Колхиде, что особо замечательно, так как Ксенофонт лично посетил эти места. В другую сторону Колхида уходит далеко в нынешнюю Абхазию, потому что Диоскурия (поблизости Сухума) и даже Питиус (Пицунда) причислялись к Колхиде[2]. Думали некоторые, что Диоскурия прежде называлась Эя и была столицею царя Эетеса; откуда видно, что Абхазия столько же может почитаться театром подвигов Аргонавтов, сколько и Мингрелия. Вообще надобно сказать, что искони блуждающая география Колхиды и в юго-восточном углу Черного моря продолжает блуждать по-прежнему».

С. 427. «Оставляя в стороне фантастические рассказы о колхах, находим положительные доказательства их цивилизации. Классики хвалят их гостеприимство, пособие, которое оказывали они претерпевшим кораблекрушение у их берегов, причем выдаваемы были путникам деньги для дальнейшего пути[3]; со-

[1] Anabasis, IV, 8; V, 3.
[2] Uckert: Skythien, 505.
[3] Героклида Понтийского, de Dolitiis, ed. D. Heinsii. 1621, p. 994.

хранились воспоминания о колхском философе Марсиасе[1]; рассказывают, что в Колхиде по дорогам расставлены были каменные таблицы, на которых для сведения путешественников объяснены были направление путей и расположение ночлегов. Эти особенности, как совершенно чуждые грекам, возбуждали их внимание, но нет сомнения, что они подсмотрели одни лишь уцелевшие остатки цивилизации, находившейся уже в состоянии полного упадка».

С. 542–543.

«Из числа азиатских народов Гиппократ говорит, что он упомянет только о тех, которые значительно отличаются от остальных. Таковы суть макрокефалы, долгоголовые. Нет людей, говорит Гиппократ, кроме их, которые имели бы такие головы. Первоначально это удлинение головы было следствием обычая, теперь сама природа помогает обычаю, основанному на понятии, что долгая голова составляет признак благородного происхождения. Черепу младенцев искусственно и насильственно придаваема была такая форма, но, потом, от долгоголовых родителей пошли сами собою долгоголовые дети, конечно, при современном состоянии науки, мнение Гиппократа об этих долгоголовых людях не может быть допущено: природа не потворствует людским прихотям. Но эти долгоголовые люди несомненно существовали некогда на восточном берегу Черного моря, как ни мало вероятным кажется предание о них. Таковые необыкновенные черепа отрываются в древних могилах, находящихся поблизости Босфора Киммерийского. На всем остальном протяжении восточного берега, никогда не было производимо никаких разысканий и потому нельзя знать, находятся ли в других местах подобные черепа. Впрочем, некоторые особенности в устройстве черепа, а именно несоразмерный избыток длины над шириною замечены многими путешественниками у абхазцев[2], хотя и далеко не в той степени, как то обнаруживается на черепах макрокефалов. Нет сомнения, что последние искусственно образованы с целию, придать преувеличенные размеры характеристической черте народного типа. Этот тип вероятно господствовал на Кавказском перешейке, весьма в отдаленные времена; Гиппократ говорит, что в его время уже не встречается таких долгоголовых людей, потому что обычай сдавливать черепа вывелся вследствие сношений с другими народами».

201. Утверждение наше в Абхазии // «Кавказский сборник», Тифлис, 1889, т. XIII. – С. 132.

«Им [российским войскам] предстояло много препятствий в стране малоизвестной, девственной…, среди населения озлобленного…, у которого даже и юноши умели владеть оружием. Численность этого населения была нам известна по тем сведениям, доставляемые владетелями уделов, по которым в абживском округе насчитывалось 18 деревень и до 1.750 дворов, в Сухумском – 15 деревень и до 1.350 дворов, а в бзыбском – 33 деревни и до 3.120 дворов. Вооруженная сила этих 66-ти населенных пунктов простирается до 12-ти тысяч человек, а при полном и всеобщем содействии цебельдинцев и самурзаканцев до 20-ти тысяч человек».

202. Ухтанес. История Армении. – Вагаршапат, 1871. Ч. 2 / Абгарян Г.А. Армянские источники об Абхазии и абхазах. 1969, № 69.

---

[1] Eusebii chronic; I, 32.

[2] Pallas: Voyages dans…… (Paris, 1805), I, 424.

«…После того, как поселили их на берегу Понтийского моря, развился народ этот, распространился по разным берегам моря, дошел до границ Армении и Агвании, стал народом очень многочисленным. Название этой страны Абхазия…»

203. Ушаков П.Н. Народы и языки Кавказа // «Народы Кавказа». – Тифлис, 1921. № 1. – С. 26–27.

«Итак, появление басков в Европе относится к V веку Хр. эры. Их история тесно связана с историей расселения кавказских племен. Во времена глубокой древности, за 15–18 веков до нашей эры племена абхазо-черкесской группы занимали все пространство Западной половины Кавказа от Черноморской губернии через всю Колхиду (Поти – Батум) сплошной массой до истоков Евфрата и делились на четыре ветви: народ митанни, колхи, абазги (абхазцы) и убыхи-алане.

Убыхи-алане состояли из четырех родов: соча, похи, аланы в собственном смысле слова и варданы. Вскоре после начала христианской эры – алане и варданы двинулись на север и заселили Придонские степи, оттуда, увлеченные потоком переселения народов, соединившись с некавказскими племенами и, видимо, отчасти со своими сородичами – абхазцами, ушли на запад. В Пиренеях часть их укрылась от вестготов, другая часть уйдя в Африку, основала Вандальское царство, которое, может быть, правильно было бы назвать варданским, так как весьма вероятной является мысль, что само имя вандалы произошло от имени вардан. Если это верно, то первое переселение убыхов имело место еще в эпоху Аврелиана (270 г. до Р.Х.). Племя Соча дало имя Сочинскому округу.

Колхи с древних времен слились с картвельцами и ныне, после ухода убыхов в Турцию, только несколько десятков тысяч абхазцев и абазинцев напоминают нам о группе народов, язык которых в разных наречиях победоносно пытался распространиться от реки Евфрата до Пиренейских гор. Царство Митанни, некогда славное и могучее, погибло бесследно, и мы даже ничего не знали бы о нем, не будь найдена по счастливой случайности Тель-Амарнская переписка.

Другая группа кавказских народов – картвелы. Но будем ли считать их родиной берега Геллеспонта, как полагает профессор Л.Г. Лопатинский, или Балканский полуостров, на что есть указания даже у Тацита, во всяком случае во времена исторические они жили сплошной полосою в Малой Азии от Синопа до Александритского залива, а южные их группы: тубал (тибарены), каски и месхи, постоянно тревожили своими набегами приефратское царство Митанни. Эта южная часть картов в 7-ом веке до Христа была истреблена без остатка знаменитым нашествием скифов; северная же группа перекочевала постепенно на запад, осела в Лазистане, затем поглотила и ассимилировала колхов, заняла Кутаисскую и Тифлисскую губернии, а последнее время в лице меньшевистской Грузии пыталась ассимилировать и последний осколок некогда великого племени – абхазцев в Сухумском округе.

Баски – другой осколок ушедшего далеко от кавказской родины того же племени».

204. Феодорит [ученик св. Иоанна Златоуста; епископ сирийского города Кира], первая половина пятого века н.э. // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. – СПб., 1890. – С. 783.

«Речь 9-я. О законах… Многие, даже приняв узду рабства, не могут жить по законам своих поработителей. Ведь ни пограничные с египетскими Фивами Эфиопы, ни многочисленные племена исмаильские, ни Лазы, ни Санны, ни Авазги, ни прочие варвары, подчинившиеся господству Римлян, не заключают друг с другом договоров по римским законам».

205. [Феофан] Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийский царей, 2-е изд. СПб., 2009. – С. 93.

[830 г. н.э.] «А в Авазгии Феофов и брат Феодоры Варда, посланный туда с войском, испытали великие беды, и мало кто оттуда вернулся». [843 г. = 853 г.?]. Второй поход имел место при Михаиле III:

«И когда случилось два солнечных затмения, он [Феоктист], назначенный стратигом против авазгов, вкусил по несчастию гнева Божия: попавшие в кораблекрушение несчастным образом лишились жизни, а шедшие по суше разделили их злую судьбу. Таким образом погибло это войско».

206. Феофилактова Т.М. Источники о внешней политике России на Северо-Западном Кавказе и ее взаимоотношений с местными народами во второй половине XVIII века // Источниковедческие разыскания. 1982. АН ГССР. Комиссия по источникам Грузии. 40. – Тб., 1982. – С. 193.

«С помощью статьи французского историка А. Беннигсена удалось установить наличие богатых материалов, относящихся к истории Крымского ханства и Кавказа второй половины XVIII в. в турецких архивах».

207. [Филипсон]. Письмо ком. войсками правого крыла Кавказской линии ген.-лейтенанта Филипсона к начальнику главного штаба Кавказской армии свиты е. в. ген.-м. Милютину от 13 мая 1858 г. № 128 // АКАК. – Тифлис, 1904. Т. XII. Ч. II, № 655. – С. 776.

«Сколько мне известно, положение Абхазии не изменилось к лучшему с тех пор как я ее оставил: так же точно наш солдат не может отойти от своего укрепления на версту не подвергаясь опасности быть убитым или взятым в плен, также точно внутренние раздоры главных фамилий вызывают наше в них участие и порождают ряд действий, в которых видно только, что мы ни на одно сословие в Абхазии положиться не можем. *Одним словом, мы занимаем Абхазию, но не владеем ею.* В случае повторения несчастных событий 1854–1866 годов мы опять потеряем эту область, а еще прежде будем принуждены оставить все наши заведения по предполагаемому пути чрез хребет в Сухум».

208. Фрик. Жалобы (XIII в.) // Антология Армянской поэзии с древнейших времен до наших дней / Под ред. С. С. Арутюняна и Б. Я. Кирпотина. – М., 1940. – С. 240.

Тот – джууд, или, иначе, еврей,
Тот – агарянин, сын степей,
Другой – алан, что солнце чтит,
А тот – абхаз, поклонник змей.

209. Хавжоко Шаукат Муфти. Герои и императоры в черкесской истории. – Нальчик, 1994. – С. 33.

Абазы

«Самыми древними соседями черкесов после осетин являются абазы… Они, вероятно, являются древнейшими обитателями Северного Кавказа. Кроме того, их незнакомый язык содержит много черкесских слов, совершенно отличных от

европейских и азиатских языков, и на нем говорили в Мингрелии» (см.: Клапрот Г. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. Берлин, 1812. т. II, с. 451. – на немецк. яз.).

210. С.М. Хасиев. Чеченцы // С.Х. Нануев. Нахи: священная история. – Ярославль, 1998. – С. 400–401.

«Сейчас кавказские языки считаются входящими в енисейско-кавказско-сино-тибетскую семью языков, где сино-тибетская отделилась от основного ядра в 8 тыс. до н.э. Сама дефиниция названной группы еще не устоялась, так как в последнее время выявляются материалы, говорящие о связях этрусского языка и языка калифорнийских индейцев с кавказскими языками, и поэтому возможны в ближайшее время изменения в названии этой семьи».

211. Исам Хатк. Изгнание // Ж-л «Аль-Ваха». – Амман, 1992, № 51. – С. 10–15. Перевод Шога Рами / «Хасэ». – Нальчик, 1998, 10 сент., № 18 (187), с. 6.

«По поводу выселенных с территории Кавказа, в период с 1864 г. по 1865 г., существует различная информация. Приведем ее в таком виде, в каком она есть.

I. Газета «Гуазз» (1911 г.) – 1.750.000 человек.

II. «Кавказ в истории» – более 1.000.000 человек.

III. «Дагестан и Дагестанцы» – более 1.000.000 человек.

IV. Турецкая энциклопедия. – 1.500.000 человек.

V. Журнал «Северный Кавказ» – 2.500.000 человек.

VI. Словарь мира. – 1.000.000 человек.

VII. Исламская энциклопедия. – 1.500.000 человек.

VIII. Журнал «Восток» (Австрия, 1877 г.) – 600.000 человек (дошедших до берегов Турции).

IX. «Блокноты генерала Фадеева» – 600.000 человек.

X. Журнал «Дулари» (Франция) – 750.000 человек.

XI. Месье Юраси (1863-1884 гг.) – 400.000 человек (добравшихся до берегов Турции).

XII. Журнал «Правдивые случаи» (№ 670) – 600.000 человек.

*** В заключение приведу современные статистические данные. В 1989 году в СССР насчитывалось:

абазинцев – 32.483 чел.

абхазцев – 98.088 чел.

адыгейцев – 95.439 чел.

кабардинцев – 363.494 чел., включая моздокских

черкесов – 40.241 чел.

А все остальные черкесы численностью более 4-х миллионов человек проживают в 45 странах мира».

212. Хонелия Р.А. Некоторые историографические и источниковедческие разыскания по истории Абхазии и абхазов по данным армянского историка X. в. Иованнеса Драсханакертци // Вестник Академии наук Абхазии. № 2. – Сухум, 2007. – С. 224.

[Царь абхазов Константин – X в.]

«Царь абхазов Константин, «встретив Ашота многочисленными подарками и приняв его очень дружелюбно, полностью, всем сердцем, душою и мощью

своею, присоединился к нему. Он оказал ему большую помощь, собрав многочисленное войско на конях, словно по воздуху летящих в железных доспехах и устрашающих шлемах, в скрепленных железными гвоздями нагрудниках и с прочными щитами, снаряженные и вооруженные острыми копьями, – дал все это войско ему, дабы с помощью его, он отомстил врагам».

213. С.Х. Хотко. Черкесы в средние века и в новое время. – СПб., 2001. – С. 455.

[Ипшир-паша]

«Ипшир-паша или Мустафа-паша, также выходец из Абазии, сыграл главную роль в подавлении мятежа Варвар (Вардар) Али-паши в 1647 г. В отличии от большинства других абаза известно, к какому именно абазскому племени или клану он принадлежал. Имеются даже два указания: Челеби говорит, что он принадлежал к племени хиси, а Альфред Шмуэли цитирует османский документ, где говорится, что «Ипшир-паша происходит из племени Апсил из Абхаса».

214. Хурш. Боевые действия 1840–43 годы // «Горцы Кавказа». Орган народной партии горцев Кавказа. – Париж, 1932, февраль, № 27. – С. 8–16.

Военные действия на Черноморском побережье Западного Кавказа. Упорное сопротивление кавказских горцев царским войскам.

С. 16. «С прибытием в Сочи неприятель привел в оборонительное состояние разрушенное укрепление Навагинское и стал готовиться к новому походу в Убыхию. Однако, все его попытки кончались неудачей и далее пяти верст в глубь края он не смог продвинуться. Так стоял, вернее был прикован искусственными действиями Хаджи-Берзека, ген. Анреп до 1 ноября, после чего отказавшись от дальнейших операций, решил по добру по здорову покинуть негостеприимный убыхский берег… Солдаты насмешливо называли эту экспедицию – «нашествием двудесяти языков на землю убыхов».

215. Ахмет Хазар Хызал. Северный Кавказ. – Анкара, 1961 (на турецк. яз.). – С. 47.

«Кавказская война, длившаяся 270 лет, нанесла России огромный ущерб, как экономически, так и числом погибших солдат и офицеров. От кинжалов кавказских горцев погибло 9 миллионов российских военнослужащих».

216. Г.В. Цулая. [Рецензия]: А.А. Глонти. Топонимические разыскания. Вып. I. Тб., 1971 г. (на груз. яз.) // «Советская этнография». – М., 1972, № 2. – С. 156.

«В книге А. А. Глонти зафиксирован ряд топонимов, таких как «Абхазаши га» («Абхазский холм») и «Наабхазу» («Место бывшего поселения абхазов») в Гегечкорском районе, а также «Абхазаши нохори» («Бывшее абхазское селение») в Абастуманском районе, свидетельствующих о пребывании в Западной Грузии абхазцев».

217. 1987 [Г.В. Цулая]. Летопись Картли / Перевод, введение и примечания Г.В. Цулая. Источники по истории Грузии. 29. Памятники грузинской исторической литературы. IV, АН СССР. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Комиссия по источникам истории Грузии. – Тбилиси: «Мецниереба», 1982. – С. 77.

[Характеристика царей Абхазов]

После этого сел царем сын Баграта Георгий куропалат // 315. И даже куры замерли в царстве его (в траурном) безмолвии. С великими почестями понесли (Баграта) и погребли в Чкондиди. Сей Баграт стал царем в девять лет и преста-

вился в возрасте пятидесяти шести лет. Баграт спервоначала был куропалатом, затем стал новелисимосом, а потом севастом. Был он ликом совершеннейшим из людей, полон мудрости, философ речью, осчастливен судьбой, богатейший из всех царей Абхазии, милостив к согрешившим, щедрый на пути своем. В пору его (царствования) в стране не было (суетной)праздности: о судьбах церквей и крестьян, азнауров и бедняков не сумятился никто.

А царь Георгий был милостив и правосуден с убогими, муж грозный и паче щедрый из всех царей Абхазии, хлебосол, лучший среди всех людей, наездник и лучник отменный».

218. Д. Чачхалиа. Самобытный стиль абхазской архитектуры. «Этот стиль – благородный и смелый…» Дюбуа де Монпере // «Советская Абхазия, 1986, 29 мая, № 104, с. 3.

Дюбуа де Монпере: «Вот я стою перед лицом одних из самых грандиозных и живописных руин, какие только я когда-либо знал. Мне говорили об этом [Пицундский храм] здании с восхищением, но впечатление, которое он производит, превзошло все мои ожидания. Этот стиль – благородный и смелый…»

«Кровную связь с абхазской архитектурой, с политическим и культурным влиянием Абхазского царства обнаруживает группа храмовых сооружений Северного Кавказа. В своих книгах «В верховьях Большого Зеленчука», «Зодчество феодальной Алании» В. Кузнецов, говоря о северном Зеленчукском храме пишет: «А построил его, очевидно, образованный абхазский зодчий, прошедший хорошую выучку у греко-византийских мастеров».

Абхазы в арабском источнике. – «Советская Абхазия», 1989, 18 окт., № 200.

«Арабский писатель первой половины X века Саид-ибн-аль-Батрик пишет, что в вавилонском столпотворении участвовало пятнадцать народов: «Турк, Баджнак, Тагазгаз, Тибет, Яджнудж и Маджнудж, Хазар, Алан, Абхаз, Санариа, Джузран, Большая Армения, Малая Армения…»

219. Князь Александр Чачба (Шервашидзе). Статьи об искусстве. Отрывки из писем и записных книжек. – СПб., 1998 / Сост. Б. Аджинджал.

Отрывки из писем и записных книжек:

«В Абхазии не называют Шервашидзе, а Чачба. Абхаз всегда скажет Александр Чачба, Георгий Чачба. Шервашидзе же называют нас грузины…»

«…Сухум, Диоскурия, город вежливых людей. Абхазы дают весь тон всему населению, абхазская вежливость, изящество движений и общение друг с другом влияют на всех, даже на русских солдат. Женщины и дети вечером могут идти куда угодно. На улице не слышно крика и брани…»

С. 103–104.

«…Вместо заботы об Абхазии вижу всех князей и дворян в г. Сухуме, занимающихся коммерческими делами в городе. Нужно думать о Родине прежде всего. Богатство Родины – Ваше богатство. Образование техническое, прежде всего, но с первого шага – дисциплина духа. Прежде у нас в Абхазии в душевный мир детей прежде всего вливался культ Родины. Были крепкие, стойкие люди. Мне чрезвычайно грустно, когда думаю о том, что может исчезнуть все то, что так дорого ценишь в абхазцах, вообще, в горцах наших. Я представляю себе их,

стройных, ловких, очень выносливых, с большим достоинством, молчаливых, умеренных во всем, стойких и твердых… Приезжающие из глухих горных сел мне милее сухумцев. У них много того, что описано Толстым в «Хаджи-Мурате», что так дорого, что прекрасно и заставляет с радостью сказать громко: «Я горец, я абхаз!»

4 сентября 1917 года, «У Георгия, в Сухуме». (Из записной книжки), с. 104–105.

«Юным абхазам, детям Страны Души. Апсны – твой древний клич звучит, как звук далекий и тихий, как эхо, как шелест листьев, как далекое и сладкое воспоминание. О мать моя Абхазия – каким глубоким сном спят твои усталые сыны! Пьянящий мед твоих лесов, уклон холмов, украшенных цветами диких роз и близких гор синеющая даль, и снег далекий, и шумный бег твоих потоков, и гладь озерных вод, лесов душистая прохлада и топких берегов зеленая оправа – о мать моя Абхазия! – иди туда, к снегам, там виждь и внемли и живи, чтоб каждый камень, каждый лист, упавший и сухой, чтоб каждый поворот протоптанной тропинки, чтоб каждый новый облик родного смуглого лица, как смена утреннего неба, роняли свет свой благодатный в душе твоей и жадной, и пытливой».

(Из записной книжки).
С. 106–107.

220. Эвлия Челеби. Описание прекрасной области, то есть страны Абаза // Эвлия Челеби. Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века / Перевод и комментарии. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. – М., 1983. – С. 47–54.

«1841 г. О благоустроенных племенах в стране Абаза.

Племя Чач… Они имеют сильное войско – около десяти тысяч… Это разбойники, отважный народ.

Племя Арлан. Имеют около десяти тысяч бахадыров.

Племя Чанда. Храбрый народ. Их численность около пятнадцати тысяч. Они и есть настоящие абаза.

Племя больших чандов. У них около двадцати пяти сел, есть пятнадцать тысяч воинов и свои беи.

Племя Кечи. У них подобная райским садам плодородная область, состоящая из семидесяти сел, есть только вооруженных ружьями около двух тысяч воинов и один бей [князь].

Племя арт. Правдивый народ. Их около тридцати тысяч.

Область Садз. Их семь тысяч храбрых, сильных бахадыров.

Племя Камыш. У них один бей, их около десяти тысяч, храбрых и отважных.

Племя Соча. У них тоже есть бей и около десяти тысяч, стяжавших славу пеших воинов.

Племя Джамба. У них есть бей и две тысячи пеших воинов.

Племя бузудук. Их десять тысяч человек. У них тоже есть бей.

Племя усвиш. Их три тысячи человек и все носят ружья.

Племя ашагалы. Их около двух тысяч человек… они очень храбры и отважны.

Племя Соуксу. У них есть бей и три тысячи храбрецов.

Племя Кутаси. У них есть бей, а воинов общим счетом семь тысяч.

Племена абаза, расположенные в горах.

Племя пушерхи. Семь тысяч непокорных людей. Имеют бея.

Племя Ах-чепси. У них тоже есть бей. Народу десять тысяч.

Племя Беслеб. У них есть бей. Семь тысяч пятьсот храбрых людей.

Племя Меклис. Трехтысячный смелый народ с одним беем.

Племя Вай-пига. У них есть бей. Их тысяча человек.

Племя Багрис. Имеют бея. Восемьсот человек.

Племя Алакурейш. Пятьсот человек и один бей.

Племя Чимакуре. У них есть бей. Их три тысячи человек.

Племя Маджар. Имеют бея. Всего две тысячи человек, но отважные мужчины.

Племя Яйхарш. У них есть бей. Четыре тысячи человек.

Здесь окончилось описание двадцати пяти племен народа абаза, проживающих на побережье моря и в горах.

Говорят, что в этой стране [Абаза] две тысячи сел…

С. 47–48. «Началом расположенной целиком на северном берегу Черного моря страны Абаза является река Фаша [Рион], а конечный предел – гавань Анапы, расположенная в сорока двух переходах, к западу [от нее], вблизи Таманского полуострова, и находящаяся под управлением эйялета Кафы».

221. [Евлия Челеби]. Перевод сведений Евлия Челеби из книги Омара Бейгуаа «Первобытное общество по кавказским источникам. Кавказская действительность». Стамбул, 1986. В двух томах / Перевел на русский Владимир Авидзба // Владимир Авидзба. Абхазы: четыре века назад их было миллион. – «Республика Абхазия», 2000, 31 октября – 1 ноября, № 122 (1193), с. 2.

«У фамилии Чач (Чачба – В.А.) до десяти тысяч сильной армии. Парни великолепные, красивые. Род Арлан располагает 10 тысячами храбрецов. Род Чанда (Цанба – В.А.) имеет до 15 тысяч храбрецов отважных. Они достойно носят настоящее имя абхазца. На местном абхазском языке их называют жандаа. Владение рода Гечба богато как сказочный сад. Владение объединяет 70 деревень. Располагают до 10 тысяч войск, в основном кавалерии. По территории владения протекает река Псоу, по которой ходят суда. По обеим сторонам реки сады. Гостили у одного абхазца в селе Хавка, звали его Занырха. Он порезал десять голов овец. Ели сызбал, ашыла, ахырцәы, абыста. Род Арды многочисленнее, чем род Гечба, но не такие храбрецы. Большинство из них охотники, коммерсанты. Религию и грамоту не знают. Шутники. Население составляет около 80 тысяч человек. Имеют владетеля. Порт их называется Ардлар (Адлер – В.А.). На севере от них в горах Садзское владение.

Садзская губерния. В связи с тем, что они (ее жители – В.А.) находятся в тесном контакте с северными соседями – черкесами, очень хорошо владеют черкесским и абхазским языками. Располагают до 7.000 отважных храбрецов…. Род Хамыш располагает до 10.000 отважных храбрецов. Род имеет покровителя…

Род Котаси располагает 7.000 храбрецов, имеют покровителя. И далее на побережье живут абхазцы, с которыми мы встречались. Протяженность абхазского побережья равна 40-дневному переходу, в глубину – 6-дневному переходу.

Псху располагал 7.000 непокорных войск. Ахчыпсы – 10.000, Халцыс – 3. 000…»

222. Эвлия Челеби. Гази Сейди Ахмед-паша // Эвлия Челеби. Книга путешествий. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века. Перевод

и комментарии. Выпуск 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. – М., 1983. – С. 229–232.

Гази-Сейди Ахмед-паша, абхаз, отважный воин Османскэй империи, полководец (середина XVII в.).

С. 229. «Он [Гази Сейди Ахмед-паша] сам так рассказывал о себе. Между абхазами и черкесами живет народ, называемый «садзы». Они знают как черкесский, так и абхазский языки. По большей части они смешаны и связаны с абхазами. Даже своеобразие их выговора показывает, что они ведут происхождение от этого народа. Этот народ нуждается в абхазах, так как у них есть пристани на берегу Черного моря…

С. 232. «Действительно, это [Гази Сейди Ахмед-паша] был щедрый без притворства и обмана, без злобы и ненависти, непосредственный, спокойный, радушный, веселый, простодушный, чистосердечный, любимый всеми человек, который привлекал к себе и подчиненных и солдат, и военачальников, и даже врагов. Хотя он не был мужем учености и совершенства знаний, но обладал чрезвычайной силой, властным характером и был отважным пехливаном. Это была достойная личность, не знающая никаких запретов, человек чистой веры, острослов. Да облегчит Аллах его затруднения».

223. Черкесы и турецкое национальное движение // Мустафа Кемаль. Путь новой Турции. – М., Т. II. Приложение. – С. 379–381.

«Судя по данным, приводимым различными царскими администраторами XVIII и XIX вв. черкесов было более двух миллионов душ. После нашествия царизма на Кавказ, а также в результате переселения в Турцию, происходившего в ужаснейших условиях (десятки тысяч погибли от лишений, эпидемии и т.д.), общее число черкесов, из которых только самая незначительная часть осталась в царской России, а огромное большинство проживало в Оттоманской империи, составляя не более 900 тыс. – 1 млн душ…

Известны многие случаи, когда виднейшие государственные деятели Оттоманской империи были отуречившиеся черкесы. Многие из них играют виднейшую роль и в турецком национальном движении. Так известный по содержанию первого и данного томов Юсуф Иззет-паша, состоявший, между прочим, в 1918–1919 гг. председателем «Черкесского благотворительного общества» в Константинополе – черкес по происхождению. Он оставил после себя несколько трудов, из которых наиболее замечательным является трехтомная «История Кавказа» и книга «Старые фракийцы и черкесы». Известные читателю Али Фуад паша и Гуссейн Реуф бей – тоже черкесы» [убых и абхаз – сост.].

224. Вл. Чернявский. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно // Пятый Археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета. – М., 1879. – С. 22.

[«Гробница Нарта Сосрукво]

«Среди альп Абхазии в самых недоступных теперь трущобах лежат остатки древних замков, храмов византийской постройки, следы дорог и проч. Таковы, напр., в урочище Айцера красивый замок среди квадратного двора, обсаженного орешником и принадлежащий к нему более древний фундамент византийского храма, с каменною гробницею Нарта Сосрукво посредине, имевшего рост

высокого человека и плоский лоб. Место это в 50 верст от Сухума (в прямой линии около 20)».

Прим.: «Когда путник спускается с горы Дзыхва и попадает в Цумурское ущелье, он километров десять идет по приречной дороге, заросшей грабовой чащобой. А ведь на этом месте было когда-то большое селение с садами, огородами и строениями. В верховьях Цумура отдельные грабы достигают возраста 200 лет, их толстые и уже дряхлые стволы, напоминают сплетение тысячи змей. Ни одна порода деревьев не имеет такой странной, крученой и жилистой формы.

В нижнем течении Цумура возраст граба меньше – около ста лет. Вероятно, верховья реки были оставлены населением раньше, чем низовья. А в центре бывшего селения сохранились развалины древней церкви, окруженной крепостной стеной. По данным В. Чернявского, здесь был захоронен герой нартского эпоса Сасрыква. Судя по обломкам найденной здесь посуды, это сооружение относится к XII–XV векам, а пастушеская дорога, идущая по ущелью, была известна уже в середине первого тысячелетия. Сейчас здесь организован заповедник, и прогон скота через Цумурское ущелье прекращен». – «Сов. Абх.», 1980, № 196.

225. В.И. Чернявский. Ответ на замечания А.Н. Введенского по поводу моей записки «О памятниках Западного Закавказья» и дополнения // Труды V Археологического съезда в Тифлисе в 1881 г. – М., 1887. – С. 353–254.

С. 254. «Притом на расстоянии 15 верст от Пицундского храма находятся развалины далеко не одного храма. Что же касается утверждения А.Н. Введенского, что библиотека и все ценности Пицундского патриархата действительно целиком перевезены в Гелатский монастырь, то это неосновательно потому, что патриарх Максим не оставил добровольно Пицунду, а был изгнан турками во время войн Екатерины Великой: он должен был бежать, а не заботиться о сокровищах, весьма обширных, древнего Пицундского монастыря, которые, разумеется, не легко было спасти: в короткое и смутное время, в бездорожном и полудиком краю. Что вещи Пицундского храма далеко не были вывезены, – это говорят единогласно все путешественники, бывшие после того в Пицунде, нашедшие там церковную утварь всю на тех же местах и в том же виде, как ее покинуло священнодействующее духовенство многие десятки лет тому назад. Абхазцы их охраняли, как зеницу ока от дерзкой руки, и только в наши просвещенные дни местные представители русской власти наложили на них руку, разбирая их без всякой надобности. Я видел часть их в Сухуме и это должно быть еще более известно А.Н. Введенскому, как старожилу. Еще ранее одному из путешественников, кажется барону Гакстгаузену, абхазцы указывали на армянские монастыри в горах близ Пицунды и на эти им непонятные свитки – «ни кожа, ни бумага». Как могли они указывать на эти свертки, если бы они их не видали?»

С. 261. «Жители Абхазии и Джигетии указывали мне на горах бассейна р. Псоу – явление для них загадочное: остатки морского судна, кажется, в роде кочермы и якорь, лежащие на вершине высокой горы».

226. Ян Чеснов. У чеченцев Америки // «Вайнах». – Грозный, № 1. – С. 23.

«Фридрих Гегель размышлял не только воле абсолютного духа, реализующего себя в устремлениях отдельных народов, но и о личном духе, духовности отдельного человека. Гегелю принадлежит такое определение аристократи: "им является тот, кто рискует жизнью". Гегель говорил не о зряшнем риске, а по-

дытоживал всю историю развития человеческого духа, начиная с античности; Там было положено начало сосредоточению героической морали у свободного человека. История Европы, особенно западной, с ее феодализмом, только часть всемирной истории. Кавказ, который тоже знал феодальные структуры, остался тем не менее страной, где осязаемо гегелевское положение о сущности аристократизма. Здесь мы еще наблюдаем аристократию личности, у которой риск не самоцель, а средство накопления нравственности. Такова жизнь Хамида Озбека [чеченца из США]».

227. Заза Чичинадзе. Летопись, созданная светом // «Абхазский меридиан» Тб., 2007, № 5 (67), с. 7.

Статья об известном кавказском фотографе Дмитрии Ивановиче Ермакове (1846–1916). Вышли два каталога Д. Ермакова (1896, 1901). В 1902 г. вышел в свет роскошно изданный альбом с иллюстрациями автора. В 1903 г. Кавказским этнографическим отделом при Петербургском музее Е.И.В. Александра III у Д. Ермакова были приобретены 500 фотоснимков.

В 1892 г. он принимал участие в археологической экспедиции в Абхазии под руководством Дм. Бакрадзе.

«Со свойственным ему чувством долга фотограф запечатлел раскопки и обнаруженные в Абхазии археологические материалы. Но этим его работа в экспедиции не ограничилась. Будучи истинным художником Дмитрий Ермаков снимал красивейшие морские и горные пейзажи Абхазии, исторические и культурные памятники и достопримечательности. На основе некоторых, наиболее удачных из этих снимков, впоследствии был выпущен филоматериал, проще говоря, почтовые открытки, которые сегодня составляют большую коллекционную ценность. Насколько мне [хранитель фондов Гос. музея Грузии – Н. Матахадзе] известно, в фондах нашего музея имеются экземпляры всех этих открыток. У нас хранятся также снимки и негативы, отображающие особенности культуры, быта, обычаев жителей Абхазии, края, к которому Дмитрий Иванович сердечно привязался. В письмах супруге, дневниковых записях он пишет, что не встречал природы красивей и богаче, чем в Абхазии, называя этот край «раем на земле».

228. Бекир Чкуа. Апсуаре – нет альтернативы // «Гагра», 1995, 24–28 июля, № 29, с. 2–3.

«Апсуара ставит человека превыше всего, а не его идеи и религию – и в этом наивысшая демократия. Апсуара дает всем религиям возможность сосуществовать мирно в одной семье. Об этом поведал всему миру немецкий ученый Карл Кох, специалист по народам Северного Кавказа, который с восклицанием заметил, что он был свидетелем того, как в одной абхазской семье мирно уживались три религии, если альтернативой христианства может быть мусульманство, то Апсуаре нет альтернативы».

229. А.Н. Шенгелия. Османские источники XVII–XVIII веков об Абхазии // Источниковедческие разыскания. 1982. АН ГССР. Комиссия по источникам Грузии. 40. – Тб., 1985. – С. 186–189.

С. 186–187. «Среди этих фондов большой интерес представляет Сухумский фонд (ф. 321а), который состоит из 100 т.н. кутий, содержит свыше двухсот документов. Это, в основном, фирманы, бераты, кючюк бераты, арзухалы, себеби тахрири хюкюм, сурет-и тахвил, иджмал дефтер и др. Эти материалы в основ-

ном содержат сведения о господстве османов в Абхазии, об отношении османских военных сил к абхазам, об их действиях и дислокации как в крепостях Сухум и Анакопия, так и в других крепостях Причерноморья. В этой же коллекции предоставлен материал о расквартировке и состоянии османских военных сил в отдельных крепостях и городах Западной Грузии в XVII–XVIII вв…

Почти в каждой коллекции можно встретить документы, касающиеся не только Абхазии, но и отдельных регионов Кавказа. Представлены письма абхазов, черкесов, дагестанцев, адресованных турецкому правительству…

Документы, касающиеся действий османских вооруженных сил на территории Абхазии, обнаружены в разных фондах. Почти в каждом из них мы находим интересный материал об абхазах, черкесах, дагестанцах. Так, например, в фонде Великого визиря обнаружен список черкесских мухаджиров, составленный в 1861 г.».

230. Г. Шервашидзе [Г. Чачба]. Так пишется история // «Закавказье». – Тифлис, 1910, № 125, 5 июля.

«Абхазцы народ простой, бесхитростный и по атавизму многовековой свободы у них выработалась прямота в характере, что на душе, то на языке. Они со всяким человеком, независимо от его общественного положения, говорят одинаковым языком, как равным с собой, но без всякого подобострастия и приниженности – говорят громко и смело, без обиняков и утайки выражают свои нужды. Они земледельцы и овцеводы. Последняя отрасль хозяйства сильно пала с тех пор как земли у них были отобраны казной – не стало пастбищных мест. Кроме того, они занимаются пчеловодством, плодоводством и виноградными садами. А раньше у них процветали кустарные изделия хлопчатой материи, шелка и шерсти, словом все то, что требовалось для домашнего обихода, ничего они не покупали, но зато ничего покупать не приходилось. Был народ зажиточный, не было богачей, но в стране нельзя было встретить ни одного бездомного бедняка. Любой приезжий мог заехать в первую попавшуюся крестьянскую избу, где встречал радушный прием, вкусную пищу и постель с бельем необычайной чистоты. Кто задумал бы предложить плату за прием, он оскорбил бы хозяина: «бог дает мне не для того, чтобы я ел и пил один», – отвечали они. При таких условиях библейской простоты жизни они пребывали в довольствии, ни в чем не нуждаясь».

231. Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К. Земля адыгов. – Майкоп, 2004. – С. 184.

«Ислам раньше всего и в наибольшей степени получил распространение в Чечне и Дагестане, однако 90% населения северо-восточного Кавказа остались на исторической родине. Напротив, племена, практически незнакомые с исламом, а также христиане подверглись изгнанию на 9/10».

232. Е.М. Шиллинг. В Гудаутской Абхазии. (Из поездки осенью 1925 г.) // «Этнография». М. – Л., 1926, № 1–2. – С. 61–62.

«Гудаутская Абхазия, собственно Гудаутский уезд, один из 5 уездов, на которые делится нынешняя Абхазия.

Коренное абхазское население, кроме Гудаутского уезда (24 тыс. чел.) занимает еще уезды Кодорский (26 тыс. чел.) и Гальский (35 1/2 тыс. чел.), причем в последнем, иначе называемом Самурзаканским, население сильно омингрели-

лось, и молодежь уже перестает говорить по-абхазски. Таким образом, если не считать гальских абхазцев, нередко именуемых самурзаканцами, на долю чисто абхазского населения приходится лишь два уезда, каковое обстоятельство как бы делит нынешнюю коренную Абхазию на две части: Гудаутскую и Кодорскую, что касается крайнего (на север) Гагринского и центрального Гумистинского (с г. Сухумом), то эта территория занята пришельцами (греками, мингрелами, армянами, русскими, эстонцами, немцами), исконное же абхазское население, жившее здесь раньше, благодаря национальной политике тогдашнего русского правительства, принуждено было во второй половине XIX века, наряду с другими западными горскими племенами, эмигрировать в Турцию».

233. Иван Шильтбергер. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. (пер. с нем. Ф. Бруна) // Записки Новороссийского университета. – Одесса, 1867. Т. I. – Вып. 1–2. – С. 102.

«Кстати, замечу на каких именно языках служат Богу по греческому вероисповеданию: 1-й язык греческий, на котором написаны священные книги последователей сего вероисповедания; Турки это язык называют урум. 2-й русский; по-турецки орос. 3-й болгарский – у язычников булгар, 4-й венедский – у язычников арнаут. 5-й валахский – у язычников ифлак. 6-й ясский – у язычников ас. 7-й готфский – у язычников тат. 8-й зихский – у язычников черкесс. 9-й абхазский – у язычников апкас. 10-й грузинский – у язычников джурджи. 11-й мингрельский, который этим же языком означается у язычников».

234. Ф. Шмит. О Тмутаракани // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. – Симферополь, 1918, № 54. – С. 3–4.

«И мы видим, что по своему плану и замыслу черниговский Спас никоим образом не может быть связан с константинопольским зодчеством, но имеет ближайшие аналогии в Абхазии и на Кубани. Если иметь в виду все только что изложенные факты, это никого не может, конечно, нас удивить.

И вот что удивительно: ни киевская св. София, заложенная еще в 1017 году, гораздо раньше появления Мстислава в Чернигове, тоже не может быть возведена ни к херсонесским, ни к константинопольским образцам, а только к тем же абхазским и кубанским, и тоже становится вполне понятной только как звено в эволюции не цареградской архитектуры, а кавказской. Что же это значит?

…Я сказал только, что не Мстиславом кавказское культурное влияние закончилось. В самом деле, есть один удивительный текст, который до сих пор, как будто, не оценен по достоинству, – я говорю о рассказе Киево-Печорского патерика и о создании росписи Лаврского собора… художники оказываются уже «греками и обезами» и в дальнейшем [в Патерике] говорится о «греках и обезах». Обезы – абхазцы; это совершенно недвусмысленно устанавливается, между прочим, повестью о нашествии татар (1224), где обезы названы вместе с Яссами и др. племенами, живущими между Каспийским и Черным морями.

Основание Киево-Печорского собора Патерик относит к 6581 (1073) году. Итак, после 1073 года, в конце XI века, абхазцы художники являются в Киев и привозят с собой мусию, «ею же святый алтарь устроиша». Именно XI век – век процветания мозаичной живописи на Кавказе».

235. Г. Шухардт, проф. Грацкого университета. О географии и статистике южнокавказских языков // СМОМПК. – Тифлис. Вып. XXVI. – С. 60.

«В Кутаисской губернии имеются один или два абхазских островка к югу от Батума; в Соуксийском сельском обществе Батумского округа Кинтришского участка – 393 д., и в Эргейском сельском обществе Гонийского участка – 121 д., в самом Батуме из 14.803 д. – 554 абхазца».

236. Эдгар Эванс. Кейси об Атлантиде. – М., 2000. – С. 72.

«Мисс N (по ее просьбе скрываем ее имя) пришла к заключению, что «Тексты Пирамид» Самьюэла Б. Мерсера (т. IV, 27) указывает на то, что Ра и его последователи, возможно, пришли в Египет с северо-востока, по всей видимости с Кавказа, и характеризует этих Вождей или Богов, расселившихся в верховьях дельты Нила, как высокоразвитых людей в ментальном и культурном отношении.

20 октября в Literary digest (т. 118. 18) был опубликован отчет Петри об обнаруженном им свидетельствах повторных, начиная с древнейших времен истории Египта, миграционных волнах с кавказского региона.

В ряде «чтений жизни» описывается внешность некоторых египтян за 10.500 лет до н.э. Для многих из них были характерны голубые или серые глаза и светлые волосы. Традиционно считается, что большинство египтян – смуглые, темноволосые, с карими глазами. Однако Мисс N утверждает, что на стене гробницы между Сфинксом и Пирамидой в Гизе изображена женщина с желтыми волосами. Цвет ее волос удивил многих археологов. В Египетском музее г. Каира есть небольшая деревянная статуэтка человека с голубыми глазами, а также несколько других раскрашенных статуэток людей, у которых глаза серо-голубого цвета. В этом же музее имеются четыре скульптурных портрета с кавказскими чертами лица».

237. Эйрие. Путешествие по Азии. – М., 1830. Т. VI. – С. 73.

«Абхазы живут отчасти по берегу нескольких рек, притоков Кубани, но всего более на Черноморском берегу, к югу от Западного Кавказа. Они походят на черкесов нравами, одеждой и обычаями. Между языками этих двух народов есть также сходство. И Абхазы обрабатывают землю, но содержание свое получают преимущественно от скотоводства. Известна крупная и красивая порода коней их. Они много разбойничают на море… Абхазки прекрасны собою…»

238. Энаят Олла Реза. Азербайджан и Арран (Атурпатакан и Кавказская Албания). –М.: Квадрига, 2012. – С. 126.

«Прежде всего, Кавказ справедливо называют одной из колыбелей человечества. Но без изучения Кавказа невозможно представить себе историю древнерусского государства. Без истории Северного Кавказа и его народов мы не можем обойтись, говоря о Русском централизованном государстве. Да и история нашей страны всех последующих веков, так или иначе связана с Кавказом».

239. С. Эсадзе. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказекой войны. – Тифлис, 1914. – С. 159.

«Замечательно красивую картину представляло это пребывание почетных убыхов среди русского лагеря. Переговоры происходили на виду у всех. Офицеры и солдаты с напряженным вниманием наблюдали за представителями последнего непокоренного племени. В осанке, во взгляде каждого убыха проглядывало сознание полного достоинства; ни капли унижения или боязни. Было, однако, ясно, что такие минуты испытывают они в первый и последний раз в жизни. Было видно, что они задеты за самую слабую струну – за самолюбие. Гордые и

богатые, зашитые в галуны и серебро, убыхи вынуждены были признать себя бессильными».

240. Е. Эшба. Асланбек Шерипов. – Грозный, 1927. – С. 6–7.

«В 17-ом году он [Асланбек Шерипов] становится ярым сторонником "Союза горцев Сев. Кавказа", создан клерикальными (панисламистами), интеллегентскими и имущими слоями горцев (напр. Тапа Чермоев, князь Тарковский, Коцев Пшемахо, Нажмутдин Гоцинский и т.д.), едет в качестве представителя союза в Абхазию – агитировать абхазцев присоединиться к последнему. Характерна была встреча молодого, пылкого горского националиста с грузинскими меньшевиками в Сухуме на 1-м абхазском съезде (Чхенкели и др.). Обладая выдающимися ораторскими способностями, Шерипов в своей блестящей речи обрушилея на Чхенкели и др., бросив им в лицо название "националистов, прикрывающихся социал-демократическими фразами", открыто назвал себя горским националистом, поддерживающим лучшие традиции борьбы горцев с самодержавием под знаменем Шамиля, и звал абхазцев именно под эти знамена. Нам, горстке коммунистов, тогда работавших в Сухуме, пришлось, естественно, выступать и против Чхенкели, и против Шерипова, и против замаскированных и откровенных националистов, и поддерживать большевистский лозунг – "власть – советам рабочих и крестьянских депутатов", но, признаться, нам импонировало откровенное, честное выступление Шерипова куда больше, чем лисье, половинчатое выступление социал-шовинистов».

241. Н. Яковлев. Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков // Записки Северо-кавказского краевого горского научно-исследовательского института. – Ростов на Дону, 1928, т. 1. – С. 118.

«Племя убыхов в момент завоевания Кавказа целиком выселилось в Турцию, материал же приводимый П.К. Усларом для решения поставленного вопроса, совершенно недостаточен. Вообще, следует отметить, что не только убыхский язык, но и многие черкесские наречия и говорившие на них племена в настоящее время могут быть изучены лишь в пределах Турецкой республики. Их изучение является в настоящее время первоочередной задачей кавказоведения. На этом основании я прошу Горский Краеведческий институт обсудить вопрос о необходимости снаряжения специальной научной экспедиции по изучению турецких черкесов».

С. 125.

«Из этих аулов Кичмай, Божьи Воды и Красно-Александровское населены потомками племени хакучей, говорящих на особом хакучском говоре шапсугского наречия; кроме того, здесь попадаются отдельные семьи абадзехов и убыхов, уже потерявших родное наречие».

242. В. Ян. Собрание сочинений в четырех томах. Том 4. Глава: «Голубые дали Азии. Записки всадника. – М., 1989. – С. 491–494 – Мерген-ага.

Мерген-ага – Маан Малахий Клавдиевич, генерал-майор царской армии. Владел абхазским, русским, туркменским и персидским языками. На туркменском языке издал книгу. Выполнял ряд важных дипломатических миссий в Персии.

Мерген-ага

«Кроме того меня познакомили еще с одним "старым закаспийцем", подполковником Малахием Клавдиевичем Маргания, родом с Кавказа, возможно аб-

хазцем, влюбленным в туркменский народ; туркмены прозвали его Мерген-ага (отец-начальник).

В молодости он служил в отряде Скобелева и отличился в знаменитой битве при Кушке (18 марта 1885 г.), за что получил офицерский чин и Георгиевский крест. Теперь он был полным Георгиевским кавалером, его грудь украшали солдатские и офицерские георгиевские кресты.

Маргания – Мерген-Ага – командовал одним из кавалерийских туркменских дивизионов. Он заботился о породе, красоте, подборе, масти коней своих джигитов, и на парадах его дивизион отличался особой лихостью и выправкой. Все офицеры дивизиона были туркмены».

Составитель Р.Х. АГУАЖБА

ГАРИК САНГУЛИЯ[1]

ЦАРЬ АБХАЗИИ АХЫ САУЛАХ

Древние цари Абхазии, тираны, скептухи и другие должностные лица высшей политической власти, а также служилое сословие, рассматриваемые здесь нами в историко-археологическом аспекте, представляют большой научный и академический интерес. По этим вопросам выполнены ряд комплексных абхазоведческих работ, в виде докладов и публикаций в международных форумах, в которых непосредственно рассматриваются проблемы политогенеза и политической истории, от вождеств мегалитической эпохи до позднеколхидской (античной) эпохи включительно.

Активизация передовых сил гениохо-фасианского общества происходила в эпоху бурных процессов пограничной истории и была связана с меотами, синдами, боспорянами, скифо-сарматами, кобанцами, ахеменидами, греками. Она выдвинула на первые роли выдающихся личностей общенационального масштаба. Такие политические лидеры не могли не быть отмечены особым образом не только в анналах истории, но и в героических сагах, священных мифах, в том числе в местных древних летописях иероглифического типа, сохранявшихся от древних предков (как описывают современники). Такие государственные деятели, конечно, были примером для подражания, гордостью всего этноса и считались достойнейшими потомками самого могущественного правителя Айета (Хайта). С их властью никто не мог сравниться (как ее описывают), и они считались отпрысками этнархов Фасиса, Колха, Гениоха, даже самого Гелиоса (Солнца).

В этом отношении представляет интерес исторический образ царя Саулаха, запечатленный в ряде достоверных первоисточников. В частности, известный историк, географ и энциклопедист Плиний Секунд в своем замечательном со-

[1] Гарик Сангулия – археолог, преподаватель памятниковедения АГУ, преподаватель истории Абхазии аспирантуры Академии наук Абхазии.

чинении «Естественная история» упоминает славного потомка и наследника Айета царя Саулаха. Описание его деятельности соответственно носит героизированный характер, присущий только правителям эпохи египетского фараона Сесостриса. Творческое начало его строительной активности отмечено шедеврами дворцовой традиции, изумительно украшенные колоннами и пилиастрами. Описание его несметных богатств дополняется сообщением о том, что царь Саулах еще и добыл много золота и серебра у горских племен. Существуют и другие источники, которые освещают его активную деятельность и подчеркивают авторитет в решении ряда международных вопросов, как это дано, в частности, у известного историка Полибия. Здесь, наряду с участниками переговоров, с сарматским царем Гаталой упоминается царь Саулах. Причем его официальный титул – аки-ахы (Аки-Силох), с передачей абх. бзыпского Х (голова, главный) через греч. каппу. Перед нами, конечно же, верховный правитель (царь) страны Ахы Саулах, поскольку у гениохов, предков абхазов, было несколько царей, один из которых был главным (верховным) правителем и представителем своей страны. Это зафиксировано в сочинении каппадокийского легата, историка Флавия Арриана, упоминающего одних басилевсов апсилов, абасгов, санигов, власть которых была признана и санкционирована Римской империей. Представляет интерес и упоминание его имени на монетных легендах, отчеканенных им, в частности – «Басилевс Сау(л) (аха)», полное чтение этой надписи среди нумизматов и археологов считается спорным и весьма проблемным по сей день.

Тем не менее, учитывая краткосрочность появления на исторической арене боспорянина Савмака, отсутствие каких-либо заметных фактов в его биографии и его ничтожную роль в торгово-экономических отношениях причерноморского региона, на наш взгляд, он не мог принимать участие в монетном процессе и вообще эмиссии монет. Полагая, при этом, что в качестве такового мог выступить именно выдающейся местный царь Саулах, положительно отмеченный всеми этими чертами. Антропоморфное изображение в солнечной короне, и священное животное, показанное в виде протомы быка на монетах также указывают на потомка Айета (Хайта), выступающего в абхазской религии в образе сильного морского царя (Д.И. Гулиа, А.Н. Грен). Что касается надписи на монетах (7 экз.), 4 из которых найдены в Абхазии, в том числе с «колхидками», то в ней дается имя признанного и законного царя-басилевса Савлаха, где в сокращении имени верно читается лямбда, указывающая на царское имя Саулаха, а не на временного предводителя восставших Савмака (108–107 гг. до н.э.). Свои монеты чеканили и остальные фасиане-апсилы, местные колхидские цари, даже те, кто находились в условиях трудных международных отношений, как, скажем, Аристарх Колхидский. Указание первоисточника на статус и этого царя как на правителя над (epi) Колхидой также указывает на верховенство (Ахы) его власти, как владетеля и самодержца. Представляет большой научный интерес и недавнее нумизматическое открытие (опубликовано: А.В. Гаврилов, И.В. Шонов), сделанное местным жителем с помощью металлоискателя в районе самого крупного укрепления Куру Буш городской хоры Феодосии. Найденная здесь монета диаметром 11 мм, весом 1,60 г. из биллона или низкопробного серебра по своему номиналу относится к гемидрахме (см. илл.). На лицевой стороне изображена голова Афины в шлеме, на оборотной стороне помещен орел с головой,

повернутой назад, и нанесена надпись полного имени царя Савлака, без сокращения вообще, что лишний раз опровергает все прежние предположения. Эта находка, опубликованная сразу же после моего доклада 2005 г., и не известная авторам учебников и монографий по истории Абхазии, дополняются и другими ценными источниками. Сюда же относится определение нами совмещенного знака (лигатуры) на одной монете не как надписи, указывающей на стоимость (ахьы 1//акы), а как царский знак Саулаха, монетой которого она является. В согласии с таблицами «майкопского», псевдоиероглифического и финикийского письма и эта монограмма читается Ахы-ah (верховный правитель//царь).

Как мною обосновано в ряде работ, активизация гениохов в международных отношениях того времени, дружественное принятие ими Митридата в Диоскурии (г. Сухум) и его проводы по подконтрольной территории вплоть до Скифских запоров (проходов), а также предоставление им рынков боспорскими царями при известной гениохской талласократии (Страбон, Аппиан), верно указывает на широкий исторический фон тех археологических открытий, ставших теперь достоянием науки, и имеющих статус исторического факта. Верховный царь Саулах («Савлак», «Силох») или Ахы Саулах второй половины II в. до н.э., как доказывает историко-археологическое исследование не составлял исключения среди царей солнцеподобных айетидов, которые продвинулись далеко в кавказской региональной политике, в области экономического развития, военного сотрудничества и международных отношений. Его образ является достоянием всей абхазской нации и мировой истории.

Р.О. АРГУН, А.Б. ШАНАВА

К ВОПРОСУ О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ИОАННА И ЕГО СЫНА АДАРНАСЕ К «РОДУ ШАВЛИАНИ»

Работа исследователей средневековой истории Абхазии осложняется крайней скудностью источников. В этих условиях проблема верификации результатов, полученных при истолковании летописных текстов, стоит весьма остро. Вопрос о преемственности власти и порядке престолонаследия в абхазском раннесредневековом государстве представляется важным. В «Диване абхазских царей» отсутствуют имена двух правителей Абхазского царства – Иоанна и Адарнасе, известных по «Летописи Картлии». По сообщению анонимного автора, царь Иоанн пришел к власти в результате заговора. Законный наследник престола – старший сын царя Дмитрия II был убит, младшему удалось бежать в Византию. «Летопись Картлии» умалчивает о каких-либо волнениях и недовольствах, которые могли бы сопровождать приход к власти Иоанна I, если бы он не принадлежал к дому Леонидов. Немаловажно и то, что Иоанну удалось без помех передать престол своему сыну Адарнасе, правление которого было прервано возвращением из Византии Баграта, младшего сына Дмитрия II. Вместе с тем следует заметить, что имена Иоанн и Адарнас не входили в набор династических имен царей абхазов и никогда более не воспроизводились ни Леонидами, ни Багратидами. Известно, что институциональное лидерство монархов утверждалось в том числе через имя собственное. Имя и власть находились в тесной взаимосвязи. Тем самым, Иоанн и Адарнас, по-видимому, были исключены из истории царства абхазов. Причиной тому могла быть не только узурпация власти, но и участие Иоанна в убийстве наследника престола. Показательно, что Баграт, вернув себе отцовский трон, умертвил Адарнасе, а не использовал какой-либо иной вид наказания (заточение, ослепление), учитывавший бы принадлежность последнего к правящей династии. Вероятно, тяжесть преступных деяний Иоанна была такова, что позволила поставить его отпрыска вне закона. На наш взгляд, Иоанн и Адарнас были связаны с династией Леонидов, однако вынести однозначное суждение о характере этой связи, в силу лапидарности источников, невозможно. Также недоказуемым представляется тезис о том, что царь абхазов Иоанн и Иоанн Шавлиани – два разных лица. Иоанн Шавлиани либо иные носители указан-

ного оттопонимического прозвища Шавлиани (по Амичба Г.А.) по другим источникам неизвестны.

Нельзя не согласиться с авторами представленной ниже статьи в той части, что отход от устаревших схем истории средневековой Абхазии, дискуссии, критический анализ текстов, обновление методологического инструментария необходимы для поступательного развития отечественной медиевистики. Ведь современное абхазское общество переживает сложный процесс переосмысления своей истории. На фоне этих изменений проявляется внутренняя потребность в воссоздании исторической правды о прошлом нашей страны.

Наала Касландзия, кандидат исторических наук

Перед современной исторической наукой Абхазии стоит множество нерешенных вопросов. Большинство из них связаны с периодом становления и расцвета Абхазского царства, охватывающего более пяти веков. Главной проблемой в изучении этого исторического периода, является недостаток источников, что не позволяет объективно реконструировать многие значимые для историографии Абхазии события. Другой немаловажной проблемой является некритический подход историков к изучению имеющихся материалов по истории Абхазии, что главным образом приходится на историографию советского периода. В эту эпоху абхазские историки были лишены возможности проводить объективные исследования имеющегося материала. Главным образом это касается грузинских летописей свода «Картлис Цховреба» (далее «КЦ»), а также многих других сочинений, в которых содержатся сведения по истории Абхазии второй половины первого тысячелетия. В результате, важные события из истории Абхазского царства были намеренно искажены, а некоторые из них остались без внимания. К числу таких вопросов следует отнести мнение историков о захвате власти в Абхазском царстве представителем «рода Шавлиани», Иоанном.

В историографии принято считать, что после смерти абхазского царя Георгия I власть в царстве захватывает Иоанн Шавлиани, а после него правит его сын Адарнасе. Данное мнение прочно укрепилось в историографии, но есть ряд объективных причин, доказывающих, что Иоанн и его сын Адарнасе не были представителями «рода Шавлиани». К большому сожалению, к этому вопросу современная историческая наука Абхазии до сих пор не обращалась. «Источником», на который ссылаются историки, говоря об узурпировании власти в Абхазском царстве Иоанном Шавлиани, является анонимное сочинение под названием «Матиане Картлиса» (далее «МК»). Отметим, что «МК» не являлось самостоятельным произведением и входило в свод летописей «КЦ». Но, в начале XX в., И.А. Джавахишвили выявил в составе «КЦ» ряд самостоятельных памятников грузинского историописания и указал на необходимость их отдельного издания (1). Так, в советское время появляется «МК» и многие другие сочинения, а также их переводы на русский язык.

Исследуемый отрывок летописи «МК» содержится во всех имеющихся изданиях и переводах «КЦ» (2). В данной работе будет использована летопись «МК» (перевод на русский язык М.Д. Лордкипанидзе) под редакцией З.В. Анчабадзе,

изданная в 1976 г. В этой работе учтены тексты «КЦ» списка царицы Анны (XV в.) и царицы Марии (XVII в.) (3), являющиеся самыми ранними сохранившимися копиями, протограф которых считается утерянным.

В решении поставленного вопроса необходимо рассмотреть извлечение из текста «МК», на который ссылаются историки, говоря о захвате абхазского престола Иоанном Шавлиани. Анонимный автор летописи пишет: «В это время выступил Гиорги, царь абхазов, брат Теодоси, сын Леона, захватил Картли и оставил эриставом в Чихи сына Деметре, и, когда скончался Гиорги, царь абхазов, остался сын Деметре малолетним, которого звали Багратом и который известен изгнанием. А жена царя (Георгия I. – *А. Р., Ш. А.*) убила сына Деметре, эристава Чихи, обманула она Иване, мтавара Шавлиани, и бросили Баграта в море. Но бог спас его, и достиг он города Константинополя. А царь Иоване привел сыну своему Адарнасе в жены дочь Гуарама (сына) Ашота. И скончался Иоване, царь абхазов, и царствовал вместо него сын его Адарнасе» (4).

В представленном тексте говорится о заговоре жены Георгия I с мтаваром Иоанном Шавлиани, который был направлен на устранение детей Дмитрия II, Тинена (отметим, что Тинен не фигурирует в историографии Абхазии) и Баграта I. Как видно из текста «МК», автор не дает никаких указаний на то, что мтавар Иоанн Шавлиани захватывает престол в Абхазском царстве. Но это происходит в связи с упоминанием далее в тексте абхазского царя Иоанна, который женит своего сына Адарнасе, на дочери Гуарама. Представленное сообщение «МК» является единственным упоминанием о мтаваре Иоанне Шавлиани. Ссылаясь на это сообщение источника, историки приписали Иоанну Шавлиани захват власти в Абхазском царстве, выдав его за исторический факт.

Так, М.Д. Лордкипанидзе, во втором томе коллективного труда «Очерки истории Грузии», пишет: «В 60-х гг. IX в., после смерти царя Георгия, престолом завладел Иованэ Шавлиани, представитель другой династии, а законный наследник престола царевич Баграт укрылся в Византии и вернуть себе трон сумел лишь в 80-х гг. IX в. (приблизительно в 881 г.)… Интересно, что у Баграта и после смерти Георгия отняли престол, но на этот раз представители Шавлианов, и Баграт, как уже отмечалось, лишь с помощью Византии вернул его» (5).

З.В. Анчабадзе, в своих исследованиях, ссылаясь на «МК», пишет: «После этого, сообщает автор «Матианэ картлиса», абхазским престолом сумел завладеть мтавар Шавлиани Иоанн» (6). Данное заключение З.В. Анчабадзе является грубой фальсификацией оригинального сообщения «МК». Особо хотим обратить внимание на то, что З.В. Анчабадзе, цитируя «МК», ссылается на работу Вахушти Багратиони «Жизнь Грузии» (1913 г., на груз. яз.). Эта работа была издана З. Чичинадзе в 1913 г., и являлась переизданием истории Грузии XV–XVIII вв. Д. Чубинишвили (1854 г.). Благодаря огромной работе С.Г. Каухчишвили, географическая, историческая и хронологическая части труда Вахушти, были изданы в качестве IV тома «КЦ» в 1973 г. В 1976 г. Н.Т. Накашидзе перевел на русский язык историческую часть труда Вахушти Багратиони (7). И в этой работе Вахушти мы не находим упоминаний об Иоанне Шавлиани, и о том, что им был захвачен абхазский престол, что в свое время отмечал Г.А. Амичба (8).

Г.А. Амичба в своих исследованиях пишет: «В смутное время правителю Шавли («Шавлиани») Иоанну удалось воцариться. Однако неизвестно, в каких обсто-

ятельствах он оказался у власти и сколько лет царствовал. После него, как известно, воцарился его сын Адарнас… Отец и сын управляли Абхазским царством в течение свыше двадцати лет (около 868–889 гг.)» (9). Г.А. Амичба, так же как и З.В. Анчабадзе не приводит прямых свидетельств источников, высказываясь о захвате царского престола Иоанном Шавлиани. В данном случае оба историка утверждают о «захвате власти», но не дают никаких разъяснений относительно сообщения «МК», на которое при этом ссылаются.

К большому сожалению, современная историография не обращалась к этому вопросу, хотя он имеет огромное значение для истории Абхазии. В связи с чем, в первую очередь необходимо обратиться к историкам и исследователям прошлого, и проанализировать их мнения на этот счет.

Вахушти Багратиони считал Иоанна сыном, а Адарнасе внуком Георгия I (10). М. Броссе, в «Histoire de la Georgie», упоминает мтавара Иоанна Шавлиани, а далее говорит об абхазском царе Иоанне, при этом в сноске уточняет, что он сын Георгия I (11). К.Д. Кудрявцев также упоминает Иоанна, как сына Георгия I. Он пишет: «Сын Георгия I Иоанн начал царствовать по смерти своего отца в 875-ом году, а по другим источникам в 877-ом году. Его короткое царствование ничем не ознаменовалось в жизни страны. Преемником Иоанна на абхазском престоле был его сын Адарнасе» (12).

С. Баратов, так же как и С.М. Ашхацава (13), считал Иоанна сыном Георгия I. А о захвате абхазского престола мтаваром Шавлиани он не сообщает. Ссылаясь на «КЦ», С. Баратов пишет: «Из «Картлис-цховреба» не видно также, кем в это время была занята Карталиния, Иоанном или Давидом. Хотя в одном месте этой летописи сказано, что двоюродный брат Иоанна Тинен управлял ею в течение семи лет…» (14). Архимандрит Леонид, в генеалогической таблице указывает, что Иоанн был сыном Георгия I, а Адарнасе – сыном Иоанна (15). Представленные мнения исследователей, в основе которых лежит объективный и непредвзятый анализ исторического материала, дают основания считать, что Иоанн и его сын Адарнасе не были представителями рода Шавлиани.

Помимо вышеуказанного сообщения, в «МК» есть еще одно упоминание об Иоанне и его сыне Адарнасе. «Баграт, сын царя абхазов Деметре, находился в Сабердзнети, в Константинополе, и дал царь бердзенов войско, выслал морем, и вступил (Баграт) на корабле в Абхазети, убил Адарнасе, сына Иоване, и завладел Абхазети» (16).

В этом сообщении нет уточнений летописца о том, что Адарнасе, занявший престол после смерти своего отца Иоанна, ровно так же как сам Иоанн, были представителями рода Шавлиани. Думается, что, если бы на самом деле абхазский престол был занят представителем другого рода, то это событие было бы резонансным, на что автор летописи должен был сделать акцент.

Сопоставление всего материала по рассматриваемому вопросу дает основание утверждать, что упомянутый в «МК» мтавар Иоанн Шавлиани не имеет никакого отношения к царю Абхазии Иоанну, сыну Георгия I, который приходит к власти после своего отца, путем убийства законного наследника – своего двоюродного брата Тинена. Как было отмечено выше, после сообщения «МК» о заговоре вдовы Георгия I, направленного против детей Дмитрия II, в источнике сообщается об абхазском царе Иоанне. В связи с тем, что рассматривае-

мый отрывок летописи, информативно сжат, мы не знаем подробностей данных событий. Но, как мы полагаем, объективный анализ представленных сообщений летописи «МК» не дает оснований историкам заключать, что мтавар Иоанн Шавлиани и абхазский царь Иоанн одно и то же лицо. Более того, историки, считавшие, что это именно так, не приводят никаких аргументов в пользу данного отождествления и игнорируют представленные выше мнения.

Нельзя не обратить внимания и на то, что у историков и исследователей XIX и первых десятилетий XX в., изучающих текст «КЦ», не возникал вопрос, связанный с захватом престола в Абхазском царстве представителями «рода Шавлиани». Однако, как показывает исследование, этот вопрос остро ставится в советский период, когда политические и идеологические процессы постепенно приобретают оттенки национализма. Если в то время были определенные ограничения, то сегодня фактически нет преград для исследований этого и многих других актуальных для историографии Абхазии вопросов.

Исследуя рассматриваемую проблему важно определить, кем было внесено в историографию отождествление мтавара Иоанна Шавлиани с абхазским царем Иоанном, сыном Георгия I. Всесторонний анализ, главным образом работ абхазских историков, показал, что в целом они содержат идентичную информацию по рассматриваемому вопросу. «После смерти бездетного Георгия власть в его царстве на 20 лет была узурпирована представителями рода Шавлиани, а законный наследник престола, сын Дмитрия, Баграт, скрывался в столице Византии Константинополе» (17). Эта же информация содержится в работах Ю.Н. Воронова (18), в «Истории Абхазии» 2007 г. (19), в «Хрониках абхазских царей» Д.К. Чачхалиа (20), а также в новом школьном учебнике «История Абхазии. С древнейших времен до наших дней» (21). Некоторые абхазские историки (М.М. Гунба, Г.К. Шамба и др.) аккуратно обходят стороной эти события. Информация об этом также отсутствует в «Очерках истории Абхазской СССР» 1960 г., где о борьбе за абхазский престол в IX в., практически ничего не сказано (22).

Ссылаясь на «Летопись Картли» из первого тома «КЦ» 1955 г., И.Ш. Агрба пишет: «Абхазским престолом завладел мтавар Иоанн Шавлиани» (23). Примечательно то, что «КЦ» 1955 г. не сообщает такой информации. «Супруга царя Георгия умертвила сына Деметрэ, эристава Чихского, соблазнила мтавара Иованэ Шавлиани и тело Баграта выбросили в море. Но господь спас его, и он достиг града Константинополя. И женил царь Иован сына своего Адарнасе на внучке Ашота и дочери Гуарама» (24). Информация о захвате престола мтаваром Иоанном Шавлиани отсутствует и в «Летописи Картли», изданной и переведенной на русский язык Г.В. Цулая в 1982 г. (25).

В «Истории Абхазии» Д.И. Гулиа 1925 г. и в «Кратком очерке истории Абхазии» А. В. Фадеева 1934 г. информации о том, что мтавар Иоанн Шавлиани узурпировал власть в Абхазии, нет. Этой же информации нет в армянском варианте «КЦ», которая была издана Робертом Томпсоном в 1996 г. (на англ. яз.) (26). В генеалогической таблице А.В. Фадеева сообщается, что Иоанн является сыном Георгия I, а Адарнасе – его внук (27). М. Селезнев указывает на то, что Иоанн приходится братом Тинену (28), а т.к. Тинен – сын Дмитрия II, то, соответственно, Иоанн является сыном Георгия I.

Но, в работе З.В. Анчабадзе «Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.)» 1959 г. впервые появляется информация о захвате престола Абхазии представителем рода Шавлиани мтаваром Иоанном. На основе анализа указанного выше материала, следует сделать заключение, что в абхазскую историографию информация о захвате власти мтаваром Иоване Шавлиани была внесена З.В. Анчабадзе. Это способствовало прочному укреплению данной позиции в трудах современных абхазских историков, которые, без дополнительных исследований, приняли мнение З. Анчабадзе. Согласившись с этим, абхазская историография стала считать царя Георгия I бездетным (29). Также это мнение З.В. Анчабадзе способствовало утверждению в абхазской историографии позиции, что «шавлианская династия правила в Абхазском царстве около двадцати лет» (30). По всей вероятности, говоря о годах правления Иоанна и Адарнасе, З.В. Анчабадзе опирается на работу Вахушти Багратиони «Описание царства грузинского», где говорится о том, что они правили двадцать два года (31).

Г.А. Амичба, исследовавший историю Абхазского царства, допускал, что Иоанн и Адарнасе, вероятнее всего являлись если не прямыми потомками Георгия I, то представителями той же абхазской династии Леонидов, одной из ее боковых ветвей (32). Предположение Г.А. Амичба не подтверждает анализ исследуемого им источника, а дополнительный материал по этому вопросу отсутствует. Следовательно, все косвенные доводы историков на этот счет необходимо исключить из историографии и руководствоваться сообщением «МК», не выходя за рамки объективности. При этом важно учитывать реальное положение Абхазского царства в ту историческую эпоху, когда происходило усиление и расширение его политических границ на восток.

Анонимный автор «МК» сообщает, что вдова Георгия I «обманула Иоанна мтавара Шавлиани и бросила Баграта в море». Анализ сообщений «МК» о политическом положении Абхазского царства, а также представленный материал из работ исследователей, дают возможность приблизительно воссоздать картину событий, связанных с рассматриваемым вопросом. После того как Георгий I захватывает Картли (33), он назначает старшего сына своего брата Дмитрия II, Тинена, правителем Чихской области и, в качестве резиденции, выбирает Уплис-цихе (34). В связи с влиянием детей Дмитрия II на государственные дела Абхазии (или же стремление Тинена завладеть отцовским престолом, т.к. он был старше Иоанна, и вероятнее всего должен был занять престол после смерти Георгия I), жена Георгия I, при помощи мтавара Иоанна Шавлиани, организовывает внутрисемейные расправы, чтобы возвести на престол своего сына Иоанна. По приказу вдовы Георгия I, Тинена арестовывают и убивают в темнице, а малолетнему Баграту I помогают спастись неизвестные люди, и отправляют его в Константинополь (35). Устранение законных наследников абхазского престола дает возможность сыну Георгия I Иоанну беспрепятственно воцариться в Абхазском царстве.

Подробности спасения Баграта I в источнике не освещены. Но, как мы думаем, информация об этом содержится в «Истории царей Абхазии» (или «Истории Абхазии царя Баграта»), из которой делал выписки Иерусалимский патриарх Досифей Нотар (36). Этот источник считается утерянным, но в XIX веке его компиляцию видел М. Броссе (37). На мысль о том, что информация о спасении Ба-

грата I может содержаться в этом источнике, наталкивает сообщение «МК», где о борьбе детей Константина III за престол говорится: «И была между ними борьба яростная, о чем подробно повествует их история» (38).

Из «МК» и научных работ известно, что в конце IX века Баграт I, при поддержке византийских императоров, «вначале Василия Македонянина (867–886 гг.), а после его смерти, его сына, Льва VI Мудрого (886–912 гг.)» (39), а также своего шурина Нарсира (40), организовывает военный поход против Адарнасе, сына Иоанна, который приходит к власти после смерти отца. Поддержка Византией Баграта I, вероятнее всего, свидетельствует о том, что абхазский престол был захвачен Иоанном незаконно. В результате этого похода, Баграт I берет Адарнасе в плен, официально объявляет его свергнутым и убивает в 887 году (41).

Утверждение историков о том, что Иоанн Шавлиани и абхазский царь Иоанн, сын Георгия I, одно и то же лицо, несет негативные последствия для историографии Абхазии. В результате это дает возможность говорить грузинским историкам о том, что правление династии абхазских царей от Аноса до Баграта II, которые представлены в «Диване абхазских царей», не было непрерывным (42). Отсутствие Иоанна и его сына Адарнасе в этом источнике, дает основание Г.А. Амичба считать этот факт одним из его недостатков (43). Но, как мы думаем, «Диван абхазских царей»» является историческим документом, в котором отражены имена царей, официально владевших Абхазским престолом, и которые являлись прямыми предками Баграта II. Это, собственно, и является главной целью составления документа, который подтверждал права Баграта II на абхазский престол по материнской линии. В связи с тем, что Иоанн незаконно пришел к власти, а его сын Адарнасе, продолжил правление отца, их имена не были внесены в «Диван абхазских царей». Это в свою очередь дает основания считать, что правление царей Аносидов, от Леона I до Баграта II, которые представлены в «Диване абхазских царей», не прерывалось.

Объективный анализ источника и существующих в научной литературе мнений, дает возможность заключить, что Иоанн и его сын Адарнасе не являются представителями рода Шавлиани. Иоанн является сыном Георгия I, а Адарнасе – его внуком. Данное мнение разделяет абхазский историк, языковед, доктор филологических наук В.Е. Кварчия. «Некоторые же исследователи умышленно или ошибочно умалчивают о существовании у Георгия сына Иованэ, называя Георгия I бездетным. Они же, как мы считаем, отождествляют имя сына Георгия Иованэ с именем некоего князя Иоанна Шавлиани, приближенного жены Георгия, матери его сына Иованэ. Более того, Иованэ Шавлиани приписывается захват абхазского престола и узурпацию власти в Абхазском царстве, на что нет прямых указаний в первоисточнике» (44).

Что же касается Иоанна Шавлиани, то о нем практически ничего неизвестно. В источнике он титулуется мтаваром и, согласно заключению Г.А. Амичба и С.Г. Каухчишвили, является владетелем территории, именуемой Шавли. К этой скудной информации необходимо добавить то, что Иоанн должен был быть близким и доверенным человеком царской семье. Не будь он таким, вдова Георгия I не поручила бы ему осуществить переворот, устранить законного наследника абхазского престола Тинена, что способствовало воцарению ее сына Иоанна.

Что касается упоминания в тексте летописи термина Шавлиани, то у историков бытуют разные мнения по поводу его значения. З.В. Анчабадзе считал, что термин «Шавлиани» является династическим именем Иоанна и Адарнасе (45). В отношении данного мнения интересно исследование термина «Шавлиани», которое приводит в одной из своих работ Г.А. Амичба. Он приходит к заключению, что данный двухэлементный, сильно спаянный термин (Шавли-ани) означает «обладатель Шавли» и представляет собой ситуативное прозвище оттопонимного определения (46), что исключает его принадлежность к династическому имени. С.Г. Каухчашвили слова летописи «МК» «Мтаварса Шавлианса» переводит как «правитель Шавли» (47), что дополнительно подтверждает мнение Г.А. Амичба.

В решении поставленного в данной работе вопроса был исследован огромный материал по истории Абхазии и Грузии. В некоторых изданиях авторы высказывались о национальной принадлежности Иоанна Шавлиани. Известный британский литературовед и историк, профессор колледжа Королевы Марии Лондонского университета Дональд Рейфилд, в книге «Грузия. Перекресток империй. История длиной в три тысячи лет», пишет: «Престол спокойно переходил от отца к сыну, за редким исключением, когда брат унаследовал трон вместо сына или после смерти царя Георгия I Агцепели в 868 или 878 году, когда власть захватили два свана Шавлиани – Иоанэ, а потом его сын Адарнасэ. (Адарнасэ Шавлиани женился на дочери тао-кларджетского феодала Гуарама Багратиони и сражался на стороне своего тестя против местного куропалата Давита)» (48). О сванском происхождении Иоанна Шавлиани писали Г. Гасвиани и Ш. Бадридзе (49). Более того, Ш. Бадридзе считал, что у «Иоанна Шавлиани в Абхазском царстве была опора в лице своих соплеменников» (50).

Мнение исследователей о сванском происхождении Иоанна Шавлиани является ошибкой. Во-первых, сам источник – «МК» не сообщает ничего о происхождении Иоанна, и его принадлежности к какому-либо этносу. Необходимо также отметить тот факт, что «МК» не сообщает о принадлежности Адарнасе к так называемому «роду» Шавлиани. Во-вторых, смысл слов источника «Иване мтаварса Шавлианса», заключается в том, что Иоанн являлся правителем или обладателем территории именуемой Шавли. Как говорилось выше, данного мнения придерживались Г.А. Амичба и С.Г. Каухчишвили.

Г.А. Амичба писал: «А в связи с "династией" Шавлиани и ее так называемом сванском происхождении отметим, что, на наш взгляд, ошибаются те исследователи, которые грузинский термин источника Шавлиани считают династическим именем, более того, неправы те историки, которые ее рассматривают фамилией сванского происхождения… Установлено, что грузинский формант иани/ани в древности обозначал происхождение от кого-то, чью-то наследственность. Со временем данный суффикс расширяет свои функции и стал добавляться ко многим именам, для обозначения имения, наличия чего-то, обладания чем-нибудь (цолиани "женатый", чквиани "умный" и т.д.)… Шавлиани – индивидуальный, персональный, но не наследственный титул Иоанна. Он, став обладателем местности Шавли, был прозван «Иоанн Шавлиани»… Таким образом, термин Шавлиани («имеющий Шавли», «тот, кто владеет Шавли») не является ни династическим и ни сванским фамильным именем» (51).

Далее Г.А. Амичба пишет: «Система фамильных имен сванов, как и ряда других соседних кавказских народов в VIII–IX вв., все еще не сложилась, она образовалась в более позднее время (см.: Н. Бердзенишвили). В антропонимической модели ряда народов Кавказа, в том числе сванов, в эпоху раннего средневековья, из-за отсутствия пока настоящих фамилий – наследственных имен, в двухкомпонентных именованиях личное имя считается, как правило, прозвищной "фамилией" топонимного или этнонимного определения» (52).

Думается, что этого достаточно, чтобы отбросить теорию о сванском происхождении Иоанна Шавлиани, опираясь лишь на схожесть форманта иани/ани с идентичными формантами современных фамилий сванов (Хецуриани, Геловани, Маргиани и др.).

Решение поставленного в данной работе вопроса дает возможность объективно представить политическую ситуацию в Абхазском царстве второй половины IX века. После расширения политических границ Абхазского царства до Сурамского хребта, Георгий I захватывает почти всю нижнюю Карталинию с известным пещерным городом Уплис-цихе (расположен приблизительно в 50 км к западу от Тбилиси, на левом берегу реки Кура). Этот город становится резиденцией сына Дмитрия II, Тинена. Данные события характеризуют Абхазское царство, как сильное политическое государство в Западном Закавказье. Опираясь на отсутствие прямых сообщений источника, а также учитывая политическую ситуацию в Абхазском царстве, считаем невозможным захват власти представителем «рода Шавлиани» Иоанном. Следовательно, правление абхазских царей от Аноса до Баграта II по «Дивану Абхазских царей» и далее до царицы Русудан (1245 г.), было непрерывным. И, как в любом другом средневековом государстве, в Абхазском царстве не раз возникала борьба за власть между представителями абхазского царского рода.

Объективный подход к изучению исторического материала дает возможность для дальнейших исследований имеющихся вопросов истории Абхазского царства. Надеемся, что данная работа будет полезна, и возродит былую актуальность к историческим проблемам нашего прошлого.

Список источников и литературы

1. Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала. Перевод Г.В. Цулая. Тбилиси, 1986. – С. 8.
2. Матиане Картлиса. Перевод М.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1976. – С. 16.
3.Там же. – С. 25
4. Там же. – С. 31.
5. Очерки истории Грузии. Т. II. Тбилиси, 1988. – С. 293–294.
6. Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухум, 1959. – С. 124.
7. Вахушти Багратиони. История царства грузинского. Тбилиси, 1976. – С. 12.
8. Амичба Г.А. Историческая антропонимия абхазов. Сухум, 2010. – С. 45–46.
9. Там же. – С. 40–41.
10. Вахушти Багратиони. Указ. соч. – С. 222–223.
11. Brosset M. Histoire de la Georgie. SPb., 1849. – С. 269–270.
12. Кудрявцев К.Д. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 2009. – С. 114–115.

13. Ашхацава С.М. Пути развития абхазской истории. Сухум, 2006. – С. 30.
14. Баратов С. История Грузии. Тетрадь III. С.-Петербург, 1871. – С. 17.
15. Архимандрит Леонид. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симона-Кананитский монастырь. Москва, 1898. – С. 162.
16. Матиане Картлиса. Перевод М.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1976. – С. 32.
17. История Абхазии. Гудаута, 1993. – С. 78.
18. Воронов Ю.Н. Очерки истории Абхазии. Научные труды в 7 томах. Т. 4. Сухум, 2014. – С. 119.
19. Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. Сухум, 2007. – С. 124–125.
20. Чачхалиа Д.К. Хроника абхазских царей. Москва, 2000 . – С. 21.
21. Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. 10–11 класс. Сухум, 2015. – С. 143.
22. Очерки истории Абхазской АССР. Ч. I. Сухум, 1960. – С. 67–70.
23. Агрба И.Ш. Абхазское царство и Византия (VIII–X вв.). Сухум, 2011. – С. 110.
24. Картлис Цховреба. Т. I. Под редакцией С.Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1955. – С. 258.
25. Летопись Картли. Перевод Г.В. Цулая. Тбилиси, 1982. – С. 50.
26. Robert W. Thompson. Rewriting Caucasian history. Oxford, 1996. – С. 262.
27. Фадеев А.В. Краткий очерк истории Абхазии (с древнейших времен до крестьянской реформы 1870 г.) Часть 1. Сухум, 1934. – С. 178.
28. Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Книга 3. С-Петербург, 1850. – С. 26.
29. Анчабадзе З.В. Указ. соч. – С. 123.
30. Там же. – С. 124.
31. Вахушти Багратиони. Указ. соч. – С. 222–223.
32. Амичба Г.А. Историческая антропонимия абхазов. Сухум, 2010. – С. 46.
33. Матиане Картлиса. Перевод М.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1976. – С. 31.
34. Кудрявцев К.Д. Указ. соч. Сухум, 2009. – С. 114.
35. Ашхацава С.М. Указ. соч. Сухум, 2006. – С. 30.
36. Броссе М. Взгляд на историю и литературу Грузии. Журнал Министерства Народного Просвещения. Часть XII. С.-Петербург. 1883. – С. 283.
37. Там же. – С. 283.
38. Матиане Картлиса. Перевод М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1976. – С. 34.
39. Кудрявцев К. Д. Указ. соч. Сухум, 2009. – С. 116.
40. Там же. – С. 116.
41. Ашхацава С.М. Указ. соч. – С. 30.
42. Амичба Г.А. Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. Тбилиси, 1988. – С. 23–24.
43. Амичба Г.А. Историческая антропонимия абхазов. Сухум, 2010. – С. 39.
44. Кварчия В.Е. Из этнической истории абхазского (апсуа//абаза) народа, или о языке и истории абхазов и абазин. Сухум, 2015. – С. 337.
45. Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухум, 1959. – С. 124.
46. Амичба Г. А. Указ. соч. – С. 43–44.
47. Каухчишвили С.Г. Грузинские источники по истории Византии. Т. I. Тбилиси, 1974. – С. 72.
48. Дональд Рейфилд. Грузия. Перекресток империй. История длиной в три тысячи лет. Москва, 2017. – С. 78.
49. Амичба Г.А. Указ. соч. – С. 42.
50. Там же. С. 43.
51. Там же. С. 43–44.
52. Там же. С. 44–45.

ГЕОРГИОС ГРИГОРИАДИС[1]

ГОДОНИМИЯ СУХУМА, ИЛИ ИСТОРИЯ НАЗВАНИЙ СУХУМСКИХ УЛИЦ

История названий улиц любого города представляет особый интерес для людей, интересующихся историей, и является важной составляющей летописи каждого города.

Названия улиц – непременный атрибут каждого населенного пункта и являются элементом его специфики. Они могут много рассказать об его истории и современности.

Для обозначения названий улиц, в том числе проспектов, бульваров, аллей, набережных, проездов, переулков, шоссе, тупиков и других типов улиц, используется термин «годóним» или «одóним», который происходит от греческих слов ὁδὸς «улица, дорога» + ὄνομα «имя, название». Этот вид урбанонима широко используется в почтовых адресах для кодификации и нахождения объекта, расположенного в наземном пространстве. Годонимия или Одонимия – это совокупность годонимов – составная часть исторического и лингвистического портрета города. Для изучения и описания площадей города используется термин агоронимы (от греч. ἀγορά «площадь» + ὄνομα «имя, название»), а для значительных по размерам частей городской инфраструктуры – кварталов, районов, микрорайонов, парков и т.д. используется термин хоронимы (от греч. ὅρος – «межевой знак, граница, рубеж» + ὄνομα – имя, название).

Согласно классификации современных городов, Сухуми до последней войны 1992–1993 гг. являлся большим городом (таковыми считаются населенные пункты от 100 до 250 тысяч), а сегодня Сухум является средним по численности (50–100 тысяч).

Как известно, строение каждого города подразумевает наличие дорог, которые внутри самого города называются улицами или проспектами. Вдоль улиц размещаются разного рода здания, в том числе жилые дома, магазины, банки, театры и другие постройки. Комплексы зданий объединены в жилые и деловые кварталы. Вокруг домов проложены тротуары, по которым передвигаются люди.

В основу регулярной планировки центра Сухума лег проект землемера Воринкова, который опирался на принцип европейской застройки, имеющей в своей основе древнегреческую градостроительную теорию, изобретенную милетским архитектором Гипподамом (498 год до н.э. – ок. 408 года до н.э.), хотя

[1] Георгиос Григориадис – исследователь-сухумовед. Уроженец Сухума; ныне проживает в г. Афины (Греция).

геометрические приемы разбивки планомерно создаваемых городов, несомненно, возникли ранее, еще в VIII–VII вв. до н.э., в период интенсивной греческой колонизации. Первые элементы регулярного города были реализованы, например, в прямоугольной уличной сети Селинунта на Сицилии и в аналогичной планировке одного из районов милетской колонии в северном Причерноморье – Ольвии и, предположительно, аналогично и в милетской колонии – Диоскурии, находившейся на территории сегодняшнего Сухума. По прошествии веков от красивых улиц Диоскурии (а Диоскурия описана как очень красивый город древности) и сменившего ее Себастополиса, практически не осталось и следов, но основной принцип, заложенный еще с античных времен и сохраненный в более позднем средневековье остался – это его ориентировка квартальными лучами от гор к морю.

Большая часть города находится на приморской равнине, защищенной с северо-востока горными хребтами, преграждающими доступ холодным ветрам, а его улицы располагаются относительно моря либо параллельно, либо перпендикулярно. Сухум пересекают реки Басла (Беслетка) и Сухумка (Хакипсы), Адзяпш, и с двух сторон его ограничивают реки Келасур и Гумиста. Глядя на карту города, или прогуливаясь по нему, можно констатировать, что Воринковым профессионально, грамотно и вдумчиво распланированы улицы, площади, парки, то есть, создана прекрасная и удобная планировка города, которая гармонично взаимодействует с его береговой линией. Перед ним стояла непростая задача, ведь город имел только одну улицу – набережную, и до гор Трапеция и Чернявского надо было создать удобную сеть улиц и площадей.

По плану город был разделен на так называемые строительные участки, а места с буйной растительностью, где позже были построены дачи и сады – санитарные участки, называемые так, поскольку они были созданы для улучшения климата города.

Дома строились согласно плана застройки, улицы составляли городские кварталы.

Сухум стали отстраивать по прошествии некоторого времени после присоединения Абхазии к Российской империи.

«В 1830-х годах город состоял из базара, то есть из двадцати грязных духанов-кабаков» – так описывает Сухум очевидец, посетивший его в 1835 г.

В 1846 г. Сухум-Кале получил сначала статус торгового порта, а затем портового города, который с 1866 г. перестал именоваться просто «сухумской крепостью», а получил название Сухум. Население города в 1849 г. составляло всего 365 чел., в 1886 г. – 412 чел. По переписи 1897 г. – 7.998 чел.

Если взглянуть на фотографии города 60–70-х годов XIX века, то можно заметить, что в нем еще почти нет улиц.

На правильную сетку улиц Сухум был разбит в 1868 г. Образовывались городские или иначе строительные кварталы, количество которых в 1868–1892-х гг. составляло 47, а уже в 1892–1906-х гг. значительно увеличилось и достигло 98. В 1912 году их стало 144.

К 1870 году Сухум значительно изменился к лучшему. По свидетельству посетившего его некоего Владыкина, город был разбит на правильные четырехугольники широкими шоссированными улицами с водосточными каналами по бокам.

Первая улица будущего города появилась в начале XIX века, хотя есть предположения, что она существовала еще с середины XVII века или ранее. Более правильным было бы назвать ее подобием улицы, и шла она вдоль берега моря. Так появилась Приморская улица. На ней расположились и первые дома и лавки. Сами административные здания в то время были размещены внутри крепости Сухум-Кале.

На рубеже 1820–30-х годов появилась вторая улица, а к середине века в городе их насчитывалось уже более десяти.

Вначале улицы не имели официальных названий. Их называли жители города по наличию на той или иной улице какого-то главного ориентира, бытовым особенностям улицы (например, Набережная), по географическому расположению и т.д.

К примеру, улица, ведшая к базару, величалась Базарная, улица за рекой Беслетка – Забеслетской и т.д.

Судя по почтовым открыткам и письмам, названия улиц зачастую не использовались.

Было время, когда для почтовых отправлений достаточно было указать имя владельца того или иного дома, так как количество жителей города сначала составляло всего сотни, несколько тысяч, а потом уже достигло десятков тысяч. Эта практика прослеживается все еще в начале XX века. И даже после появления у улиц названий, эта традиция еще долго сохранялась.

Позже, когда улицам стали давать официальные названия, многие первоначально данные им народом наименования закрепились за ними уже на бумаге.

Иные улицы получили свои имена по фамилии того или иного известного лица на ней проживающего, например, одна из них – Чапаровская, в честь известного купца С. Чапарова и Котляревская – в честь сухумского городничего, штабс-капитана В. Котляревского.

Вообще, со времени присвоения улицам названий, в их наименованиях предпочтение отдавалось именам великих князей, наместников на Кавказе, военачальников, а позже – с приходом советской власти можно видеть увековечивание имен вождей мирового пролетариата, партийных функционеров, полководцев Красной армии, дат или событий коммунистического значения, писателей, ученых и т.д. путем переименования улиц и площадей.

В целом, советское время привнесло некий стандарт в наименования улиц, проспектов, переулков и площадей. Как и в любом другом советском городе можно было найти улицы Ленина, Орджоникидзе, Кирова, Калинина, Куйбышева, Фрунзе, Маркса, Энгельса и т.д.

Много улиц Сухума носило имена выдающихся писателей – А. Пушкина, Н. Гоголя, А. Чехова, В. Маяковского, Т. Шевченко и т.д. Но, тем не менее, для каждого города характерны свои, только ему присущие названия улиц.

Вернемся, однако, ко времени изначальных наименований улиц Сухума.

Первой в городе улице-набережной было присвоено название «Михайловская набережная». Произошло это в 1864 году, после того, как 6 декабря 1862 г. наместником Его Императорского Величества на Кавказе и командующим Кавказской армией стал великий князь Михаил Николаевич Романов (1832–1909). Само же строительство сухумской набережной началось в 1871 г. для укрепле-

ния берега и воспрепятствования его размыва. Проект и строительство берегоукрепления сухумской набережной от начала и до конца принадлежит исключительно сухумскому инженеру Панайоту Николаевичу Метакса. Его инициалы и сегодня сохранились на каменном барельефе этого укрепления. К 1900 году эти работы были завершены, а 15 марта 1903 г. городские власти приняли решение вымостить булыжником всю Михайловскую улицу.

Развитие сети улиц города в конце XIX – начале XX века шло достаточно стремительно. На карте города 1915 г. приведены названия около сорока сухумских улиц, не считая безымянных, которым были присвоены собственные названия позже. Помимо набережной и бульвара уже в 1830-х годах четко прорисовывается улица, названная с 1850-х годов Колюбакинской, что видно на старинных фото.

Сначала жители города величали ее Центральной, или Главной, поскольку на ней располагалось большинство правительственных учреждений и культурных заведений.

Хочется обратить внимание на то, что она очень часто фигурирует как Колюбякинская, хотя более правильно писать это название через букву «а». Пусть не смущается читатель, если ему попадутся дореволюционные открытки с видом этой улицы и надписью «Кулебякинская улица». Это все та же Колюбакинская улица. Как видно, ее переиначивали на разный лад.

Так кто же такой был Колюбакин, что его именем назвали столь важную дорогу, ведущую от моря к горе Трапеция?

Николай Петрович Колюбакин (1811–1868 гг.) являлся Кутаисским губернатором (в 1860–1863 гг.). А несколько ранее (в 1850 г.) Кутаисским вице-губернатором, а в 1851 г. начальником III отделения Черноморской береговой линии и находился в Сухуме.

Название этой улицы оставалось за ней еще 45 лет после его смерти, последовавшей в Москве в 1868 г.

В 1913 году вся страна отмечала 300-летие царствования дома Романовых, и эту главную улицу города было решено переименовать в Романовский проспект. Но Колюбакина не забыли. Его именем переименовали другую, ранее носившую название Адмиралтейская (ныне ул. Званба). Однако, названию Романовский проспект не было суждено продержаться долго. После отречения Николая II от престола и последовавшей за ним революцией, эта улица в 1917 г. получила новое название – Свободы. Как улица Свободы она просуществовала еще несколько лет до прихода в Абхазию советской власти в 1921 г., которая переименовала ее в ул. Октябрьской революции. Иногда можно встретить на открытках и документах упрощенный вариант: «улица Октябрьская» (просьба не путать с другой улицей, носившей это имя позднее).

Судя по одной открытке, она некоторое время носила имя Нестора Аполлоновича Лакоба – руководителя Абхазии (председателя ЦИК Абхазской АССР), хотя, возможно, что это может быть ошибкой. В августе 1935 года было принято решение присвоить ей имя вождя мирового пролетариата – Владимира Ильича Ленина, которым она называлась до 1993 г., когда во время войны грузинской администрацией названа улицей Давида Агмашенебели (Строителя). Но это название не закрепилось, и после войны она продолжала именоваться улицей

Ленина. А в 1996 г. властями Абхазии была переименована в Проспект Леона (в честь первого царя независимого абхазского царства Леона II – годы жизни 767–811 гг.), имя которого носит и по сей день.

На этой улице были выстроены многие магазины и монументальные здания: гостиницы «Ориенталь» (позже «Ткварчели»), 1908 г., «Сан-Ремо» («Рица»), 1914 г., здание общества взаимного кредита и редакции газеты «Сухумский Вестник», 1911 г., здание К.Н. Алафузова (Алафузоса), театр и биограф-иллюзион А.И. Самуриди, 1911 г., дом и магазин Г.Ф. Зографопуло, мебельный магазин Пичелиди, мануфактурный магазин Иосифиди, магазин часов и бриллиантовых изделий Мосткова, гостиница «Ривьера», 1904 г., мебельный магазин П.Ф. Германос, здание хозяйственного магазина купца А.А. Текмичева (Текмеджоглу), 1902 г., дом коллежского регистратора А.Г. Метакса, здание банка Абхазии, 1935 г., дом и табачная фирма потомственного почетного гражданина Г.К. Месаксуди, здание С. Стефаниди, в котором помещалась табачная фирма «Мир» и аптека К.И. Баумана (сегодня – городская администрация), здание полицейского управления Сухумского округа и жандармерии, 1881 г., здание конторы центральной электростанции Сухумского общества «Электричество», 1907 г., здание Сухумской женской гимназии (ныне 2-я средняя школа), 1870 г., православный кафедральный собор во имя Александра Невского, снесенный в 1937 г., архиерейский двухэтажный дом, в котором помещалась консистория и архиерейская церковь, дом абхазского географа и картографа, полковника князя М.Л. Чачба (Шервашидзе), городской парк и далее выше – Акклиматизационный ботанический сад и т.д.

Вернемся, однако, к Михайловской набережной. Это самая старая улица города. Шла она вдоль моря, и так образовалась Приморская улица. Ее часто неофициально называли просто Набережной улицей и Бульваром. Проследим ее историю. Она тянулась от сухумской крепости до ул. Гейманская (позже Энгельса, акад. Марра). Далее улица носила другое название – Котляревской. Сама эта улица возникла еще в 1850-е гг., однако долго не имела названия. Шла она от нынешней улицы Званба и тянулась на северо-восток до Красного моста. Лишь с 1880-х годов за ней закрепилось это название в честь проживавшего на ней Сухумского городничего, штабс-капитана В.И. Котляревского. Как уже упоминалось выше, имя Михайловской набережная получила в 1864 году в честь наместника Его Императорского Величества на Кавказе и командующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича Романова.

С приходом советской власти Михайловская стала «Набережной улицей Ленина». С переименованием бывшей улицы Колюбакинской-Романовской-Свободы в улицу Ленина, набережную переименовали в 1937 году в улицу Руставели, в честь грузинского поэта средневековья Шоты Руставели. Так, хорошо известная жителям предвоенного (1992–1993 гг.) города набережная Руставели распростерлась от Красного моста до района Маяка, включив в себя и бывшую улицу Котляревского, носившую с приходом советской власти имя российского революционера, советского военачальника, государственного и партийного деятеля СССР Климента Ефремовича Ворошилова (1881–1969 гг.).

Но в начале 1980-х годов она была ограничена на западе пересечением с хорошо известной последним поколениям сухумчан улицей Октябрьская, а ее продолжение получило иное название – сквера им. Иуа Когониа.

После трагических событий последней войны, в 1994 г. было решено переименовать улицу Руставели в Набережную Махаджиров – в память об абхазах, депортированных в XIX в. в Османскую империю.

А именем Иуа Когониа стала называться бывшая ул. Цулукидзе. Бывшая же часть набережной, носившая имя И. Когониа стала называться Набережной Диоскуров, в честь мифических основателей города – сынов Зевса – Кастора и Полидевка. Там, где на западе заканчивается Набережная Диоскуров начинается ул. В. Адлейба – бывшее Бзыбское шоссе.

Бывшая ул. Котляревская (Ворошилова) с 2009 года вновь была выделена из набережной и сегодня носит имя Читанава, в честь Артура Николаевича Читанава (1949–1993 гг.) – героя Абхазии.

На набережной были возведены в разное время одни из самых красивых зданий и сооружений города: Дом с куполом братьев С.И. и Г.И. Ксандопуло, 1906 г., здания Русского и Российского пароходства и торговли, большой дом семьи П.Н. Метакса, гостиница «Россия», Почтово-Телеграфная контора, образцовая фотография Л.И. Пименидиса, дом М.Н. Сухановой и ресторан «Париж»; разнообразные кофейни, гостиница «Метрополь», гостиница «Франция», вторая гостиница «Франция» А.А. Цирипова, первоклассная кондитерская Цуладзе, гостиница «Ориенталь» (на углу Колюбакинской улицы), ресторан «Биржа» с кофейней, первоклассная парикмахерская «Жан», кондитерская «Голландия», гостиница «Гранд-Отель» и театр Алоизи на пересечении с Ольгинской улицей, подворье Ново-Афонского монастыря, обширное здание Василия Метакса, несколько пристаней, две деревянные будки русского и российского обществ пароходства и торговли для продажи билетов пассажирам. Здесь же раскинулся бульвар с ротондой на нем, киоск для продажи газет, открыток и почтовых марок. В 1914 г. на пересечении с ул. Колюбакинской была построена гостиница «Сан-Ремо», а уже в советское время гостиница «Абхазия» (1935 г.), здание Абхазского обкома партии в 1958 г.

Улица Колюбакинская (в будущем ул. Ленина, пр. Леона)

Но вернемся в XIX век, когда Сухум дважды разрушался во время русско-турецких войн (1853–56 гг. и 1877–78 гг.). Так, в 1878 г. здесь осталось всего 20 жителей и несколько уцелевших домов, были вырублены все деревья.

Поэтому город стал отстраиваться после войны, и нынешний его облик начал формироваться на рубеже XIX–XX веков.

Постепенно был отстроен красивейший город средиземноморского типа культуры с прямыми и просторными улицами с красивыми перспективами.

Улица Октябрьской революции (в будущем ул. Ленина, пр. Леона)

В городе восстанавливаются или появляются, помимо вышеупомянутых Михайловской Набережной, Колюбакинской и Котляревской, улицы: Георгиевская, Торговая, Воронцовская, Лорис-Меликовская, Гейманская, Ольгинская, Завадская, Инженерная, Барятинская, Екатерининская, Адмиралтейская, Церковная (Соборная или Монастырская), Кондукторская, Морская, Базарная, Мариинская, Федоренкина, Полицейская, Рыбная улица, Рыбный переулок, а также Остроумовское шоссе, которое вело в село Михайловское (Гума), Афонское шоссе, Венецианское шоссе и другие. Неискушенному читателю, не сталкивавшемуся, или специально не интересовавшемуся историей города или сухумских улиц, эти названия чужды и ничего ему не говорят. Тем не менее, можно догадаться, что, например Афонское шоссе получило это название потому, что вело в сторону Нового Афона, Венецианское шоссе – вело к Беслетскому мосту, в то время называвшемуся Венецианским, Соборная – имела отношение к собору, Торговая – характеризовалась наличием на ней торговых предприятий, Полицейская – размещением на ней полицейского управления и т.д.

Продолжим рассмотрение истории переименований улиц Сухума с параллельных морю улиц, а затем перейдем к перпендикулярным.

Первой, хотя и не совсем параллельной улицей с левой стороны, если смотреть с моря, была ул. Федоренкина (в честь отставного подполковника А. Федоренко), которая фигурировала и как Федоренковская.

Она возникла в 1880-х годах, но долго не имела наименования, и упиралась справа в Воронцовскую улицу (ул. Орахелашвили, сегодня – Конфедератов) и там заканчивалась. Потом уже наискосок правее шел Рыбный переулок, длиной в один квартал (между сегодняшними улицами Конфедератов и Аидгылара), названный так из-за наличия на нем торговых рядов со свежей рыбой.

На Рыбном переулке купцом греком И. Горгор-оглы в 1907 году было воздвигнуто здание «Турецких бань» (в будущем – грязеводолечебница). Здесь же находился дом владельца пассажирского корабля, ходившего по маршруту Сухум – Орду, Е.А. Сирганиди.

В первые годы советской власти ул. Федоренкина была переименована в Портовую, включившую в себя и бывший Рыбный переулок, а в период проведения политики грузинизации топонимики, в 1937 г. ей было присвоено имя революционера Александра Григорьевича Цулукидзе (1876–1905 гг.). Она также включала в себя и бывший Рыбный переулок. Сегодня (с 1996 г.) эта улица носит имя Иуа Абасовича Когониа, абхазского поэта (1903–1928 гг.).

На этой улице разместились табачные склады, Ферментационная табачная фабрика И.Н. Яхиопуло, 1914 года основания, дом купца Д.К. Саркисянца, 1911 г., здание табачной фирмы Д.К. Комнино, 1907 г., а также жилые дома.

Между ул. И. Когониа и набережной находится короткая, идущая наискосок улица Аргун-Коношок. Названа она в честь народной артистки Абхазии Анны Аргун-Коношок (1914–1980). Эта улочка появилась в конце XIX века на месте засыпанного северного рва Сухумскоǐ крепости. Улица получила название Тюремной из-за расположенной в западной части крепости тюрьмы.

В советское время улочку переименовали в Крепостную. В 1950-х годах она изменила название на Окумский переулок, в честь села и реки Окум в восточ-

ной Абхазии. С 1980-го года – года кончины драматической актрисы – это улица Аргун-Коношок.

Между сегодняшними набережноѓ Махаджиров и улицеѓ Лакоба, недалеко от моря, существовал с 1860-х годов, несохранившийся Музыкантский переулок, который начинался от Ольгинской ул. (ныне ул. Пушкина) и длился в один квартал на восток до Гейманской ул. (ныне ул. Академика Марра).

Назвали его так потому, что здесь находился дом председательницы Сухумского музыкального кружка С.А. Введенской, в котором располагался сам кружок.

Поднимаясь выше улицы Федоренкина (И. Когония), перед нами – Базарная улица, начинавшаяся на западе от Первой Новой или Шервашидзевской улицы (ныне улица Ю. Воронова). Возникла она в 1880-х годах и была названа так, поскольку вела к базару, тогда располагавшемся на месте будущего парка им. Сталина – сегодня Аллеи Славы. Там эта улица и прекращалась, упираясь в строения на всем нам знакомой бывшей ул. Фрунзе (ныне ул. Аидгылара), в то время носившей название «Торговая улица». От Торговой улицы до Романовского Проспекта (ул. Ленина, Проспект Леона) были строения, которые в 1948 году были снесены. И таким образом, бывшая Базарная улица «смогла соединиться» со своим продолжением – бывшей улицей Лорис-Меликовской (сегодня ул. Лакоба), которая изначально начиналась от Романовского проспекта и тянулась до Беслетской улицы (позже – им. Шевченко, сегодня – ул. В. Ардзинба).

Михаил Тариэлович Лорис-Меликов (1824–1888) был российским генералом и государственным деятелем, начальником войск в Абхазии.

Позже базар был перенесен на место, где после его нового переноса на запад города, разместился парк им. Орджоникидзе, и это название потеряло смысл, который в него был заложен. Обе улицы, как упоминалось выше, были объединены, и уже много лет эта улица носит имя Нестора Аполлоновича Лакоба (1893–1936).

Лорис-Меликовская улица появилась еще в 1860-х годах. Во времена Грузинской Демократической республики, в 1918 г. она была переименована в улицу Джугели, в честь одного из лидеров грузинских меньшевиков. С приходом Советской власти, в 1921-м году улица получила название 4-го Марта, в ознаменование дня установления этой власти. В 1936-м году переименована в улицу Кагановича (в честь советского партиѓного деятеля Л.М. Кагановича (1893–1991)). В связи с исключением его в декабре 1961 года из рядов КПСС, в 1962 году улица получила свое сегодняшнее название – Нестора Лакоба – бывшего руководителя Советской Абхазии.

На этой улице были построены следующие знаковые здания и учреждения: дом княгини А.Н. Аваловой-Метакса, 1902 г., дом торговца А.Х. Васкерчьяна, 1903 г., дом купцов братьев И.Н., К.Н., и Е.Н. Давидовых (Давитиди), 1910 г., здание табачной фабрики и складов фирмы «Дукат» 1914 г., здание канцелярии Сухумского 258 пехотного полка, 1913 г., здание Сухумского греческого женского училища (дом купца Д.К. Комнино) 1880-х годов постройки, дом купца Д.И. Чавчанидзе, 1904 г., дом О.И. Бостанджогло и рядом его же здание 1910 г., в котором располагалась аптека Д.И. Френкеля, Сухумское отделение Азовско-Донского коммерческого банка, помещавшегося на верхнем этаже здания, принадлежавшего Христофору Самуриди, 1912 г., дом Г.Х. Ксандопуло, 1912 г.,

пансион доктора А.Д. Мачавариани, дом купца Х.П. Азвестопуло, 1913 г, здание меблированных номеров А.М. Петровой (Александровской) «Флорида», 1908 г., здание Сухумского отделения Госбанка (дом купца П.Ф. Зографопуло), 1881 г., здание меблированных номеров «Византия» и кафе-ресторан Хафиза Авидзба, 1903 г., здание причта Сухумской епархии, Сухумская Горская школа, подворье Драндского монастыря и другие.

Следующая параллельная улица в левой стороне центральной части города, довольно короткая, носила название Ново-Афонское или просто Афонское шоссе. Она возникла в 1880-х годах. Можно предположить, что отсюда отправлялся транспорт в сторону Нового Афона. С 1911 г. по 1925 г. на этой улице шло строительство школы, и она получила название Школьной. С 1937 г. эта улица носила имя известного грузинского педагога и общественного деятеля Якоба Семеновича Гогебашвили (1840–1912), а в 1996 году она была переименована в честь просветителя, краеведа и писателя Константина Давидовича Мачавариани (1857–1926). Здесь интересно здание вышеупомянутой школы Абхазского общества распространения грамоты 1911–1925 гг., в котором позже размещалась средняя школа № 11.

Несколько выше, в сторону гор – одна из главных улиц города – Георгиевская, возникшая в 1880-х годах. Она носила это имя в честь младшего брата императора Александра III – светлейшего князя Георгия Александровича (1872–1913). В 1918 году была переименована меньшевиками в улицу Чхенкели – в честь Акакия Ивановича Чхенкели (1874–1959), грузинского политика, меньшевика, председателя правительства Закавказской Федеративной Демократической Республики и позже министра иностранных дел Грузинской Демократической Республики.

С приходом советской власти в 1921 г. она получила новое название – III-го Интернационала. В 1937 г. этой самой длинной улице центральной части города было присвоено имя первого лица советского государства того времени, советского политического, государственного, военного и партийного деятеля Иосифа Виссарионовича Сталина (1878–1953). На эту улицу выходил парк с одноименным названием, где был установлен памятник Сталину. После десталинизации улица получила новое название – «Проспект мира» – в начале 1960-х годов. Тогда же был снесен и памятник.

Это было время после проведения VI Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве (1957 г.), и во многих городах Советского Союза, провозгласившего себя борцом за мир во всем мире, стали появляться улицы с таким названием.

После грузино-абхазской войны 1992–93 гг., сначала использовалось старое название улицы, но позже, в 2010 г., она была переименована в честь победы абхазского народа в этой войне и названа «Аиааира», то есть, в переводе на русский язык – Проспектом Победы. Парк, который выходит северной стороной на эту улицу, получил название «Аллея Славы» (это бывшая территория первого городского базара, позже – парка имени И. Сталина).

Здесь было построено много магазинов, отелей и зданий интересной архитектуры, среди которых можно выделить: здание мирового суда Сухумского округа (дом Алферовых) конца XIX века, дом купца Н.П. Метакса, 1912 г., дом

Н.Л. Ямандопуло, 1915 г., Дом Г. Калианиди, 1910 г., здание горской школы 1863 г., дом братьев Х.Г. и Д.Г. Читыр-оглы (Читириди) 1910 г., здание бани Т.Я. Каменского 1891–1902 гг., здание меблированных номеров «Европа» и бани «Стамбул» Мурата Бениат-оглы, 1913 г., дом негоцианта Василия Шаинова (Шаиниди) (на пересечении с Торговой ул.), дом купца Н.И. Лазариди, 1913 г., здание С.П. Стефаниди 1914 г. (сегодня – Администрация города) на пересечении с Романовским проспектом (Проспект Леона), дом Стефаниди, 1910 г., дом семьи Георгия Гераки, дом торговой фирмы А.Н. Богданова и К^0, 1904 г., здание кафе-ресторана «Паллас», 1913–1914 г. г., особняк промышленника С.П. Стефаниди (меблированные номера «Орду»), 1912 г., подворье Драндского монстыря, новое здание Сухумской почтово-телеграфной конторы, 1915 г., дом купца Г. Туркия, 1910 г. (разрушен), построенный в советское время кинотеатр «Сухуми» и т.д.

Следующая улица в сторону гор – ул. Инженерная. Сегодня она носит имя Владислава Ардзинба. Восточная часть этой улицы возникла в 1860-х годах. В то время она называлась Церковным переулком. На этой улице в 1864 г. была построена церковь во имя Александра Невского, отчего ее величали и Александровской, а также Монастырской. Поскольку церковь, очевидно, была разрушена турками в Русско-турецкую войну 1877–78 гг. и более не находилась здесь, ее официально переименовали в Инженерную, так как на ней располагалось военно-инженерное ведомство. В 1918 г. улица была переименована в улицу Жордания, в честь председателя правительства (1918–1921) грузинских меньшевиков Ноя Николаевича Жордания (1869–1953).

С приходом советской власти в 1921 г. она получила название улицы Коммуны, а с 1934 г., после убийства советского государственного и политического деятеля Сергея Мироновича Кирова (1886–1934) стала носить его имя. Это название было закреплено за улицей много десятилетий. В 1996 г. она была переименована в улицу Аиааира (Победы), в честь победы абхазских вооруженных сил над грузинскими в 1993 г. Но, в связи с кончиной Первого Президента Абхазии Владислава Григорьевича Ардзинба (1945–2010), для увековечения его памяти, депутаты Сухумского Городского Собрания на заседании 22 апреля 2010 г. приняли решение переименовать улицу Аиааира в улицу им. Владислава Ардзинба, а Проспект мира – в Проспект Аиааира.

На этой улице можно выделить следующие здания: дом купца П.Н. Метакса 1879 г. (сегодня гостиница «Атриум-Виктория»), здание частной школы (дом Г. И. Гегенава) 1880 г., здание пансиона Сухумского общества борьбы с туберкулезом Е.Ф. Симоновой (дом купца П.С. Вафиади) конца XIX в., дом работников Сухумской гидроэлектростанции, 1939 г., дом мирового посредника Сухумского округа полковника А.М. Лакербай, 1912 г., здание театра филармонии 1947 г., дом председателя сухумского Эллинского общества доктора К.Д. Спиранти, нач. XX в., здание Товарищества братьев Нобель (дом купца Г.П. Туркия), нач. XX в., дом купца Ф.А. Кириакиди, 1912 г., дом священника армянской церкви Аветиса Тер-Мкртчян, дом лесничего Сухумского лесничества А.И. Родичева 1880-х г. (разрушен) и др.

Немного выше с 1890-х годов находился Управский переулок, длиной в 1 квартал, застроенный в 1950-х годах и сегодня более не существующий. Он так назывался, так как на нем было построено здание Сухумской городской упра-

вы. Проходил он между зданиями Сухумской женской гимназии (сегодня 2-я средняя школа) и находившимся прямо за ней бывшим Детским садом, где в то время располагалось здание Городской управы, которое не сохранилось).

Далее мы имеем опять 2 улицы, впоследствии ставшие одной – это улицы Полицейская и Завадская. Раньше они разделялись так называемой Зеленой площадью и площадью без названия. Позже из двух площадей сделали одну (в советское время – площадь Ленина, сегодня – площадь Свободы), а две улицы соединили для удобства транспортного сообщения. Сегодня – это улица Д. Гулиа.

История этих улиц несколько запутана. Восточная часть появилась в конце 1860-х годов, и была так названа, поскольку на ней располагалось Полицейское управление.

В 1880-х годах появилась и западная часть сегодняшней улицы Гулиа, за которой закрепилось название Полицейская. К тому времени восточная получила новое название – Завадская, в честь попечителя Кавказского учебного округа Михаила Ромуальдовича Завадского (1848–1926).

С приходом советской власти, в 1920-х гг. обе улицы были переименованы: Завадская – в улицу Миха Цхакая – советского государственного и партийного деятеля. Полицейская же – в Советскую, с 1931 года – в улицу Лаврентия Павловича Берия (1899–1953) – советского государственного и партийного деятеля. В 1937 г. эти обе улицы были объединены в одну улицу имени Берия. После его ареста и расстрела в 1953 г. эта объединенная улица носила имя Ильи Григорьевича Чавчавадзе (1837–1907) – известного грузинского поэта, философа, публициста, а в 1993 г. – переименована в честь народного поэта Абхазии, основоположника абхазской письменной литературы Дмитрия Иосифовича Гулиа (1874–1960).

По ул. Гулиа примечательны: дом М.Ф. Швецова начала XX века, дача А. Баскаковой конца XIX века, вилла купца И.М. Алоизи (1896 г. – 1904 г.), дом горного инженера С.И. Серебрянникова, пансион Ковальской (с 1916 г. – Сухумское общество сельского хозяйства) конца XIX века, комплекс дома правительства 1935–36 гг,. дом братьев П. и И. Ламбрианиди,1912 г., дом государственного и общественного деятеля Абхазии князя А.Г. Чачба (Шервашидзе), дом Телиди, дом Д.И. Гулиа, в котором расположился его музей и др.

На пересечении нынешней ул. Гулиа и Шотландской наискосок вверх на Сухумскую гору или вдоль нее идут сегодня улицы Чернявского (ранее – Ниношвили), Папаскир (ранее – Горийская), Ласурия. Следует отметить, что в царское время ул. Завадская продолжалась и занимала территорию сегодняшней улицы Ласурия.

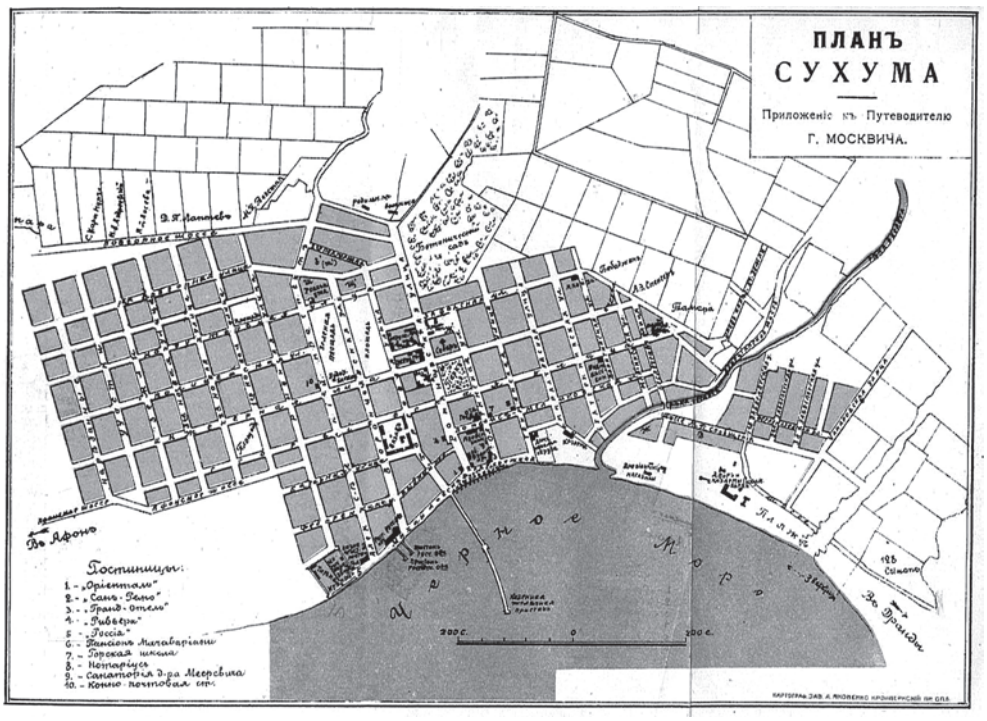
Нынешняя улица Ласурия возникла в конце XIX века во времена интенсивной застройки Сухумской горы. Как и многие соседние улицы, она первоначально не имела официального названия. Из близлежащих дач недалеко располагалась дача Ковалева, а эта улица проходила ниже ее, поэтому сухумчане назвали ее Нижне-Ковалевской. На дачу Ковалева с севера можно было попасть с Курортной улицы (бывшей Верхне-Ковалевской, ныне – улица Папаскир) и с юга – с Нижне-Ковалевской (нынешняя улица Ласурия). Однако в официальных документах Нижне-Ковалевская улица фигурировала как Завадская, то есть была продолжением последней. В 1912 г. она была выделена из Завадской и получила

Георгиевская улица (позже – Проспект Мира, Пр. Аиааира)

Торговая улица (позже – ул. Фрунзе, ул. Аидгылара)

официальное название – Пушкинская улица, в честь выдающегося русского поэта, драматурга и прозаика А.С. Пушкина. В конце 1959 года была переименована в улицу Ласурия, в связи с кончиной известного абхазского поэта Алексея Едгиевича Ласурия (1927–1959), для увековечивания его памяти. Один из тупиков ул. Ласурия, названный так в 1959 году, с конца XIX в. носил название Короткой

Ул. Завадская (позже – ул. Чавчавадзе, ул. Д. Гулиа)



План Сухума, 1915 г.

улицы, поскольку она была очень короткая, и на ней находилось всего две дачи. В 1996-м году этот тупик улицы Ласурия получил новое имя – ул. Чачба, в честь абхазского поэта и драматурга, светлейшего князя Георгия Михайловича Чачба

(Шервашидзе) (1846–1918), который проживал с 1906 по 1918 гг. в доме, стоящем на этом тупике.

Часть нынешней улицы Ласурия, на спуске к Красному мосту, в конце XIX в. именовалась Водовозной, поскольку воду на гору доставляли специальные водовозы-телеги с баками питьевой воды, запряженные буйволами.

На ул. Ласурия и ее переулках и тупиках были возведены: дача егеря Сухумского лесничества Г.М. Шабранова, нач. XX в., дом абхазского поэта и драматурга, светлейшего князя Г.М. Чачба (Шервашидзе), 1905 г., здание санатория аптекаря К.Я. Тарло, 1900–1909 гг., здание пансиона В.Ф. Преображенского, 1914 г., здание пансиона С. Георгиадис и Празалидис, 1912 г., и др.

История улицы Папаскир такова: возникла она конце XIX в., когда шло интенсивное строительство на Сухумской горе. Изначально она не имела названия, но поскольку на ней находилась дача Ковалева, народ придумал ей название – ул. Ковалевская или Верхне-Ковалевская. Так как на ней находились разные курортные учреждения – пансионы и санатории, в 1912 году ее переименовали в Курортную улицу, а в 1937 году она получила новое название – Горийская. Улица Горийская, названа так не потому, что вела в гору, как может сначала показаться, а в честь родины Иосифа Сталина – города Гори, поскольку на Сухумской горе, тогда носившей имя Сталина, планировалось воздвигнуть памятник этому советскому вождю. В 1980 г., для увековечения памяти скончавшегося в том году народного писателя Абхазии Ивана Георгиевича Папаскир (1902–1980), ее переименовали в улицу Папаскири.

На сегодняшней ул. Папаскир было выстроено немало очень интересных, с архитектурной точки зрения, зданий: дача В.Ф. Преображенского, начала XX в., дача доктора Е.А. Спиранти, конца XIX в., здание отель-пансиона «Эллада» Д.К. и Е.П. Комнино (с 1915 г. учительская семинария), 1902 г. постройки, здание санатория доктора В.Н. Зауера, начала XX в., дача промышленника Д.К. Комнино и председательницы Сухумского благотворительного общества Е.П. Комнино, 1907 г., дача офицеров Советской Армии (генеральская дача) 1946 г., дача секретаря и казначея Сухумского общества сельского хозяйства В.Ф. Германа конца X1X в., дача управляющего Сухумского общества взаимного от огня страхования А.С. Юрлова «Са-Матто», 1914 г., дача попечительницы Сухумской церковно-приходской школы Л.А. Даль, 1904 г., здание санатория старшего врача Сухумского военного лазарета С.С. Кошко, 1903 г., дача доктора медицины В.Г. Преображенского, отель-пансион «Русская Ривьера», 1910 г., дача подполковника А.С. Аверкиева, санаторий доктора Гамбашидзе,1905 г., и др.

По соседству располагается улица Нартаа, которая начинается от арки и идет до телевышки. Она соединяется с ул. Пантеонной, названой так в честь Пантеона, находящегося на Сухумской горе.

Следует отметить, что Сухумская гора (Самата) в царское время, и еще долго в советское, носила название Чернявской, в честь краеведа, натуралиста-зоолога Владимира Ивановича Чернявского (1846–1915), поселившегося здесь в 1872 г.

В конце XIX века, в связи с интенсивным освоением Сухумской горы, наряду со многими улочками этого района города, появилась и улица, изначально не имевшая названия, но называвшаяся горожанами улицей Чернявской, поскольку на ней проживал этот известный в городе человек. В 1940-е годы она была

переименована в ул. Ниношвили в честь грузинского писателя Эгнате Фомича Ниношвили (1859–1894). В 1996 г. улице было возвращено имя Чернявского.

На улице Чернявского также много интересных зданий, в основном дач, таких как: дача инспектора народных училищ А.И. Измайлова, 1910 г., дача зоолога, историка и археолога В.И. Чернявского, 1872 г., дача учителя математики Л.Я. Семенова, 1910 г., дача архитектора Чагина, 1912 г., дача доктора П.С. Горбачева, 1906 г., дача доктора И.М. Персидского, нач. XX в., здание санатория «Азра» (дом Е.П. Чипуровой), 1913 г., дача Епархиального наблюдателя Сухумской Епархии С.А. Алферова, 1913 г., дача доктора Войцеховича, 1912 г.

Рядом с ул. Чернявского в начале XX в. возник нынешний переулок Чернявского, носивший в старое время название Дмитриевский переулок, поскольку здесь находилась дача Дмитриева, которую он построил здесь в 1901 году.

Выше сегодняшней ул. Гулиа расположилась улица Кондукторская (здесь размещалась конно-извозничья станция), которая сто лет назад была намного короче сегодняшней улицы имени Симона Петровича Басария (1884–1942) – видного абхазского общественно-политического деятеля, ученого-краеведа (название с 1996 г.). В советское время, с 1938 года она носила имя советского партийного и политического деятеля Валериана Владимировича Куйбышева (1888–1935). Эта улица на западе соединяется с ул. Джамала Харания, которая идет до ул. Ардзинба. На Кондукторской в 1904 г. было построено здание Реального училища, в котором позднее разместился Сухумский индустриальный техникум.

Мы добрались почти до предгорья. В связи с этим, несколько улиц, расположенных вокруг, имели эпитет «подгорная». Здесь имеется довольно короткая улица, носившая изначально название Нижняя Подгорная. В 1880-х годах она была переименована в 3-ю Подгорную. С установлением советской власти в 1920-х годах она получила название Дарьинская, а в 1931 году ей было присвоено имя Михаила Григорьевича Цхакая (1865–1950) – советского государственного и партийного деятеля. С 1996 г. носит новое имя – Варвары Дмитриевны Бубновой (1886–1983) – русской художницы, педагога, искусствоведа, с 1959 по 1979 год проживавшей и творившей в Сухуме.

Далее шла Средняя Подгорная улица, которая в 1880-х гг. была переименована в 1-ю Подгорную улицу. Часть ее в начале XX века фигурировала как Тупой переулок из-за трапециевидного, тупого угла. Но, это название позже не использовалось. Во второй половине 1930-х, вся 1-я Подгорная была переименована в улицу 4 Марта – в честь дня установления советской власти в Абхазии.

А другая улица, до 1936 г. носившая это же название, стала именоваться улицей Кагановича. Сегодня – это улица Героев 4-го марта. Здесь расположены: дом промышленника Ибрагима Искандер, 1903 г., здание высшего начального училища, 1900 г., дом Ольги Гвасалия, 1911 г., и др.

Недалеко наискосок – улочка в один квартал между 1-й Подгорной улицей и Подгорным шоссе – 2-я Подгорная улица. Во время Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. она получила называние Марухской – в честь освобождения Марухского перевала от немецко-фашистских захватчиков.

На ней были построены: дом братьев Н.П. и П.П. Симеониди, 1900 г., дом дворянки Е.М. Маргания, 1903 г. и др.

Не мешало бы отметить, что 1-я Подгорная улица в старое время продолжалась и тянулась вверх, включая будущий Олимпийский тупик или Олимпийскую ул. (сегодня ул. Карачаевская).

Выше нее протянулось Подгорное шоссе. Название связано с находившейся еще с 1830–1840-х годов под горой Трапеция, так называемой Подгорной слободы, в которой проживали военные, имевшие семьи. В середине XIX века вдоль их домов возникла улица, названная Верхней Подгорной. Ниже ее, то есть южнее, прошли Средняя Подгорная улица, и еще ниже – Нижняя Подгорная улица.

В 1880-х Верхнюю Подгорную переименовали в Подгорное шоссе. Это название она носила около 70-ти лет, после чего, в 1950-х годах была переименована в Привокзальную улицу, поскольку вела к построенному в те годы железнодорожному вокзалу. А в 1960-х годах ее переименовали в улицу Чочуа – в честь советского государственного и партийного деятеля Андрея Максимовича Чочуа (1879–1965). С 1996 года – носит имя выдающегося абхазского историка-кавказоведа и видного общественного деятеля Георгия Алексеевича Дзидзария (1914–1989), который проживал на этой улице с 1956 года.

Левее улица Дзидзария плавно переходит в ул. Эшба, названную в честь Ефрема Алексеевича Эшба (1893–1939) – государственного деятеля, одного из руководителей борьбы за установление советской власти в Абхазии. Улица Эшба (бывшая некогда Афонским шоссе) далее соединяется с Сухумским шоссе.

Перечень улиц за ул. Дзидзария, Гумской, Эшба, Нового района и других будет дан ниже.

На Подгорном шоссе были возведены следующие интересные здания: дача В.А. Дундер, 1899 г., особняк купца С.Д. Нинуа, 1914 г., дача садовода Л.О. Малани, 1890-е гг., дача М.Т.Ломакиной, пансион Н.С. Гюль-Азизовой «Монрепо», 1890-е гг., а в советское время, в 1951 г. – здание Сухумского вокзала.

После описания улиц, распланированных горизонтально на плане города, перейдем к расположенным вертикально.

Если посмотреть на карту города столетней давности, опубликованную в «Иллюстрированном практическом путеводителе по Кавказу» Г.Г. Москвича в 1915 году, то можно заметить, что на западной его стороне были уже нарезаны участки, вычерчены улицы, идущие перпендикулярно набережной, но им еще не были присвоены названия. Здесь мы видим 1-ю, 2-ю и 3-ю Новые улицы. Первой с западной стороны улицей фигурирует 3-я Новая, получившая такое название в 1910 году, возникшая тремя годами ранее, в 1907 г. как одна из «вновь нарезанных улиц». Позже она довольно часто меняла названия: с 1912 г. – Багратионовская ул. (в честь известного российского генерала Петра Ивановича Багратиона (1765–1812), с 1931 г. – ул. Сталина, с 1937 г. – ул. Советская, а позже – ул. Карла Маркса. В 1995 г., в связи с кончиной известного абхазского историка, этнографа и литературоведа Шалвы Денисовича Инал-Ипа (1916–1995), для увековечивания его памяти улица была названа его именем.

Эта улица не похожа на остальные. Посередине ее раскинулся бульвар Инал-Ипа.

Далее левее от нее – 2-я Новая, возникшая в 1907 г., но сначала без названия. Стала 2-й Новой в 1910 году, а два года спустя, в 1912 г. ей было присвоено официальное название Гоголевской улицы, хорошо известной позже как улица

Гоголя, в честь классика русской литературы Николая Васильевича Гоголя (1809–1852). Это название улицы никогда не изменялось вплоть до второго десятилетия XXI века, практически продержалось почти от изначального наименования этой улицы. Сегодня она носит имя героя Абхазии, генерал-лейтенанта Сергея Платоновича Дбар (1946–2002).

После нее идет 1-я Новая, возникшая в 1907 году как «вновь нарезанная улица». Свое первое название она получила в 1910 году как 1-я Новая. С 1912 г. названа Шервашидзевской (в честь генерала русской армии Г.А. Шервашидзе (Чачба)), но после прихода советской власти была переименована в честь известного грузинского большевика и видного советского государственного и партийного деятеля Григория (Серго) Константиновича Орджоникидзе (1886–1937). После убийства археолога, кавказоведа и государственного деятеля Абхазии Юрия Николаевича Воронова (1941–1995) эта улица в 1995 г. получила его имя для увековечения его памяти. Из старой архитектуры на этой улице сохранились следующие дома: дом купца П. Бураса, начала XX века, дом управляющего Кодорским лесопильным заводом Максимова И.З. Цецхладзе, начала XX в., дом купчихи А.Х. Папаскир, 1910 г., дом торговца фуражем А.Г. Кирьяко, 1914 г., дом оптового торговца И.Г. Кирьяко, 1911 г., дом мещанина С.М. Сущенко, 1909 г., здание подворья и домовая церковь Каманского Иоанна Златоустовского женского монастыря, 1904 г. и др.

Далее на восток идет улица Рыбная, возникшая в 1880-х годах. Называлась она жителями города Рыбной улицей, т.к. вдоль нее располагались рыбные ряды. Это неофициальное название закрепилось и в официальных документах. В 1908 г. она была переименована в Воронцовско-Дашковскую, в честь Наместника (1905–1916) Его Императорского Величества на Кавказе и Главнокомандующего войсками Кавказского военного округа генерал-адъютанта графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова (1837–1916), в честь его 50-летия. В 1924 г. была переименована в улицу Лакоба – в честь Н.А. Лакоба. С 1931-го года носила название улицы 1 Августа. В 1944 г., в связи с гибелью советского военачальника, генерал-полковника, Героя Советского Союза Константина Николаевича Леселидзе (1903–1944) стала носить его имя. После грузино-абхазской войны 1992–93 гг. она была переименована в Абазинскую. Здесь были возведены культовые учреждения и дома: Католический костел, в 1908 г., Лютеранская кирха, в 1913 г., Греческая церковь, в течение 1909–1915 гг., здание табачной фирмы «Лаферм», в начале XX в., дом промышленника С.П. Стефаниди, в 1902 г., дом купца Г.Ф. Караяниди, в 1905 году, здание греческой школы, в 1909 г., дом Зам. начальника Сухумского округа, подполковника Г.П. Навроцкого, в 1913 г., дом торговца Н.Д. Еркомайшвили, в 1890 г., здание табачной фирмы В.И. Асмолова, в 1900 г., Городской футбольный стадион и др.

Далее, ближе к центру города, шла Морская улица, возникшая в 1880-х годах. Была переименована в Алексеевский проспект в 1904 году, в честь родившегося 30 июля 1904 г. наследника цесаревича Алексея, единственного сына императора Николая II.

После советизации Абхазии этой улице было присвоено имя Карла Либкнехта (1871–1919) – деятеля германского и международного рабочего и социалистического движения. Но, впоследствии улица получила новое название – ул.

Маленкова, в честь советского государственного и партийного деятеля Георгия Максимилиановича Маленкова (1902–1988). После участия его в так называемой «Антипартийной группе», в 1957 г., он был выведен из состава ЦК КПСС и в 1961 г. исключен из партии. Улицу переименовали в Октябрьскую в честь Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 года. В 1996 г. ей было присвоено имя академика АН СССР, общественного деятеля, диссидента и правозащитника Андрея Дмитриевича Сахарова (1921–1989). На улице Академика Сахарова следует отметить следующие строения: дом купца И.П. Мураханиди, 1902 г., здание табачной ферментационной фабрики табакопромышленника И.Н. Яхиопуло, дом семьи Политидис, 1905 г. (снесен в 2016 году), дом Х.К. Ефремиди, дом директора синематографа «Ренессанс» К.Г. Димитриадиса, нач. XX в., два дома семьи Пархариди, 1900 г. и 1908 г., казначейство, канцелярию податного инспектора Сухумского округа, дом И.Г. Софьянова, 1912 г., дом Ф. Софьянова, 1913 г., Торговый Дом Сухумского отделения Товарищества А.А. Кушнерева, 1914 г., и др.

Параллельно, с правой стороны от нее, идет улица, возникшая в 1850-х годах и выходящая к главной пристани города. Ее первоначальное название – Воронцовская, в честь князя, генерал-фельдмаршала Михаила Семеновича Воронцова (1782–1856) – главнокомандующего кавказских войск и наместника Его Императорского Величества Николая I на Кавказе.

В советское время эта улица часто изменяла названия. Она побывала и улицей Зиновьева, и Приморской, и улицей 1 Мая, и улицей Молотова, и улицей Орахелашвили.

Григорий Евсеевич Зиновьев (1883–1936) – российский революционер, советский политический и государственный деятель. Названа Приморской, так как шла прямо от моря; 1 Мая – в ознаменование праздника – Международного дня солидарности трудящихся.

Когда Вячеслав Михайлович Молотов (1890–1986) – российский революционер, советский политический и государственный деятель возглавил так называемую «Антипартийную группу» в 1957 г., был выведен из состава ЦК КПСС и исключен из партии в 1961 году, улица была переименована в Орахелашвили.

Иван (Мамия) Дмитриевич Орахелашвили (1881–1937) – грузинский большевик и советский партийный деятель. Это название продержалось более 30 лет, после чего получило нынешнее наименование – ул. Конфедератов в честь субъектов межэтнического объединения – Конфедерации (горских) народов Кавказа, в 1992–1993 гг., пришедших на помощь Абхазии, сражавшейся с грузинскими войсками. Здесь мы видим тоже много интересных сооружений: здание табачной фирмы И.В. Стамболи, 1902 г., здание отеля «Бристоль» – дом купчихи С.Х. Катаси, 1904 г., дом представителя Одесской фирмы Шаманского и Янгродского в Сухуме С.И. Карагезова, 1902 г., дом владельца шлюпок и лодочной странции в порту Г.С. Яхиопуло, 1880 г., дом председателя Сухумского общества Магометан-суннитов, купца Мухарема Буюк-оглы, 1905 г., здание меблированных номеров «Лондон», 1904 г. купца А.П. Качарава, дом негоцианта П.Ф. Петриди, дом семьи негоциантов Диамантопуло, конец XIX века, новое здание Сухумской телефонной станции 1910 г., здание Товарищества Шапшал, 1912 г., здание частной больницы докторов Н.Г. Рукина, К.Д. Спиранти, Е.А. Спиранти и А.Л. Григолия, 1915 г., и др.

Отель-пансион «Эллада» на современной ул. Папаскир и санаторий «Тарло» на ул. Ласурия

Двигаясь на восток города, мы сталкиваемся с улицей «Торговая», возникшей в 1880-х годах. Эта улица ближе к морю шла под углом, поскольку при создании плана города, в том месте, очевидно, уже существовали постройки. Как бы ее продолжением являлась казенная железная пристань.

Понятно, почему она так называлась – здесь были многочисленные торговые ряды, лавки, магазины, сюда выходил своей восточной стороной базар. Советская власть в начале 1920-х годов присвоила ей имя видного революционного деятеля, советского государственного и партийного деятеля Льва Давидовича Троцкого (1879–1940). В 1929 г., когда последний был выслан за пределы СССР, ей было дано имя советского государственного и военного деятеля, Михаила Васильевича Фрунзе (1885–1925). Это название улица носила в течение многих лет, до переименования ее в 1993 г. грузинской администрацией в улицу Пальмовая, и позже, в 1996 г. – абхазской в ул. Аидгылара, в честь Общественно-политического движения «Аидгылара» («Единство»), возглавлявшего борьбу абхазского народа за независимость в 1980–1990-х годах.

На этой улице были возведены интересные здания, но не все из них сохранились. На пересечении с набережной – здание гостиницы «Абхазия», 1936 г., здание гостиницы «Венизелос», 1871 г., перестроенное в 1912 г., снесенное в 2010-х годах, здание мануфактурного магазина братьев Богарсуковых (дом купца С. Оганесова), нач. XX в., гостиница «Европа» и бани «Стамбул» (промышленника Мурата Бениат-оглы), 1913 г., дом купца А.П. Качарава, 1915 г. (по другим данным, дом купца А. Энфианджанц, 1915 г.), дом купца А.В. Абакшина, 1890 г., дом купцов: А. Топчана и В. Муратова, начала XX века, особняк Председателя Сухумского Эллинского общества, купца Х.К. Самуриди, 1912 г., дача академика

С.Н. Джанашия, 1947 г., сегодня несуществующая гостиница «Империал», 1900 г., купца Х.А. Фуруджи-оглы и другие.

Двигаясь далее на восток города, мы попадаем на вышеописанный Романовский проспект, первоначально носивший название Колюбакинской ул. и впоследствии неоднократно менявшей свои названия: Свободы, Октябрьской Революции, Ленина, Давида Агмашенебели (Строителя), Леона.

Далее шла, возникшая в 1860-м году, довольно короткая – из четырех кварталов улица Ольгинская (в честь Великой княгини Ольги Федоровны (принцессы Баденской), супруги Кавказского наместника Великого Князя Михаила Николаевича Романова). В советское время она, как ни странно, не сразу была переименована. В 1925 г. ее назвали улицей Мясникова — в честь Александра Федоровича Мясникова (Мясникяна) (1886–1925), революционера, советского государственного и партийного деятеля, заместителя председателя Совнаркома ЗСФСР, члена Президиума ЦИК СССР, литератора, трагически погибшего в авиационной катастрофе 22 марта 1925 г. при полете из Тифлиса в Сухум. Тем не менее, старое название можно встретить и в путеводителе по Кавказу 1928 г., где эта улица все еще упоминается как Ольгинская. Поскольку Мясников был соратником Н. Лакоба, хоть уже и ушедшим в мир иной, в 1937 г., когда соратники последнего были репрессированы, улицу переименовали в Театральную, поскольку на ней располагался Гостеатр Абхазии. А в 1960-х годах эта улица получила имя великого русского поэта и названа Пушкинской, или улицей Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837), которое сохраняет и по сей день. На ней следует отметить следующие, находившиеся здесь в старое время, а также существующие сегодня здания: гостиница «Гранд-Отель», театр Алоизи и кинотеатр «Олимпия», 1912 г. – сегодня – Абхазский государственный драматический театр им. С. Чанба, здание санатория доктора А.С. Мееровича, 1877 г., перестроенное в 1907 г. – снесенное в 2010-х годах, дом генерал-лейтенанта П.А. Полякова,1902 г., дом надворного советника А.В. Меркушева 1900 г., дом инженера А.В. Даля, 1896 г., дом князя А.К. Инал-ипа, 1900 г., здание Епархиального женского училища, 1890 г., дом доктора Е.Л. Фишкова, 1932 г. – бывшее здание картинной галереи и некоторые другие. Многие их них сегодня утрачены.

Далее идет Гейманская улица, иногда искаженно называвшаяся Геймановской, в честь начальника Сухумского военного округа генерала Василия Александровича Геймана (1823–1878), возникшая в 1860-х годах. После революции, в 1920-х годах, ей было дано имя Фридриха Энгельса (1820–1895) – немецкого философа, одного из основоположников марксизма. После десоветизации, с 1996 г., улица носит имя Академика Н.Я. Марра (1865–1934) – российского и советского востоковеда и кавказоведа. На этой улице, по которой протекает речка Сухумка (Хакипсы), выделяются следующие здания: дом купца Азвестопуло, позже – Синагога европейских евреев, дом купца И.П. Бостанджогло, 1904 г., дом титулярного советника Х.С. Кара-Мурзы, 1899 г., дом промышленника К.Д. Метакса, конца XIX в., дом торговца Асанова, конца XIX в., дом купца Г.Х. Ксандопуло (позже дом княгини А.С. Инал-Ипа), 1886 г. Также здесь ранее располагались Военная церковь, обширное здание доктора Войцеховича, помещение начальника Сухумского округа.

Выше, от конца ул. Ак. Марра, начинается ул. Академика Гиви Айба (1931–2002), бывшая ул. Ботаническая.

Восточнее нее – Адмиралтейская ул., возникшая еще в 1850-х годах. Названа так, потому что у устья реки Беслетки, откуда она начиналась, планировалось построить коммерческое адмиралтейство.

Поскольку в 1913 г. главная улица города – Колюбакинская – была переименована в Романовский проспект, Адмиралтейская улица была переименована в Колюбакинскую.

С 1925 г. она – ул. Атарбекова, в знак увековечивания памяти участника борьбы за советскую власть на Северном Кавказе, одного из руководителей органов государственной безопасности Георгия (Геворка) Александровича Атарбекова (Атарбекяна) (1892–1925), погибшего в авиакатастрофе 22 марта 1925 года около Тбилиси вместе с Мясниковым и Могилевским на самолете, направлявшемся в Сухум.

В 1937 г. ул. Атарбекова была переименована в Ворошиловскую, в честь К.Е. Ворошилова, советского партийного и государственного деятеля, поскольку бывшая улица, носившая его имя, стала частью улицы Руставели в том же году. В начале 1960-х годов была переименована в улицу Церетели, в честь Акакия Ростомовича Церетели (1840–1915), видного грузинского поэта, писателя. После грузино-абхазской войны 1992–93 гг. эта улица была переименована в ул. Званба, в честь Соломона Теймурковича Званба (Званбай) (1809–1855) – ученого, этнографа, представителя абхазской интеллигенции XIX века. Здесь были построены следующие строения: здание Сухумской таможни (дом купца Д.И. Валуйского), 1911 г., дом доктора А.И. Мосткова, 1900 г., здание пансиона Исаджановой, 1910 г., дом князя И.Г. Чачба (Шервашидзе), 1870-е гг.

Далее перед нами – Екатерининская улица, названная в честь Российской императрицы Екатерины II Великой (1729–1796), возникшая в 1860-х годах.

В 1925-м она была переименована в улицу Могилевского – в честь Соломона Григорьевича Могилевского (1885–1925), председателя Закавказской Чрезвычайной Комиссии, начальника Иностранного отдела ВЧК – ГПУ, советской внешней разведки, погибшего 22 марта 1925 года в авиационной катастрофе. В 1937 г. улица была названа именем советского государственного и партийного деятеля Михаила Ивановича Калинина (1875–1946). С 1996 г. – это улица Чочуа. Андрей Максимович Чочуа (1879–1965), как уже упоминалось выше, – советский государственный и партийный деятель, известный абхазский педагог и просветитель.

Улица Чочуа до войны находилась на месте сегодняшней ул. Дзидзария, и это название «переехало» на место улицы Калинина. Ул. Чочуа пересекает справа переулок Чернявского, а в своем завершении она «встречается» с ул. Харазия справа и ул. Гастелло (в честь советского военного летчика, Героя Советского Союза (1907–1941)) слева. Улицу Гастелло пересекает несколько тупиков с его именем. На ул. Чочуа следует отметить: дом и пекарню С.Х. Алхазова, 1902 г., дом кондитеров братьев М.А. и А.А. Захаровых, 1906 г., дом председателя Сухумского общества Магометан-шиитов, купца Яхьи Аббас-оглы, 1899 г., дом адвоката Б.Н. Захарова, 1904 г., здание Сухумского отделения Индо-Европейского телеграфа, 1912 г., жилой дом сотрудников Сухумского отделения Индо-Европейского телеграфа, 1912 г., дачу попечителя Кавказского учебного округа К.П. Яновского,

пансион Е. Мироновой, 1895 г., три дома купца, управляющего Сухумским отделением табачной фирмы «Богданов и Ко » и гласного городской думы П.С. Вафиади, начала XX века, и др.

Следующей, параллельной Екатерининской, на дореволюционной карте города лежит ул. Барятинская. Возникла она в 1860-х годах и была названа в честь Главнокомандующего Кавказской армией, наместника на Кавказе, генерал-адъютанта князя Александра Ивановича Барятинского (1815–1879).

С приходом советской власти, в начале 1920-х гг., Барятинская улица была переименована в улицу КИМ (Коммунистического интернационала молодежи), затем названа просто Комсомольской улицей.

Для увековечивания памяти, скончавшегося в 1960-м году народного поэта Абхазии, основоположника абхазской письменной литературы Дмитрия Иосифовича Гулиа (1874–1960), улице было присвоено его имя. После присвоения в 1996 г. его имени другой улице – бывшей Чавчавадзе, эта стала носить название Шотландская, в честь шотландского города-побратима Сухума – г. Килмарнок. На этой улице вызывают интерес следующие строения: дом губернского секретаря В.К. Чхамалия, конца XIX в., дом доктора Е.Я. Руссо, 1912 г., дом князя А.П. Дзапш-ипа, 1900 г., дом командира 203-го Сухумского полка, подполковника князя К.Г. Чачба (Шервашидзе), 1896 г., жилой дом сотрудников Госбанка ССР Абхазии 1926 г., дача профессора госпитальной клиники Московского университета Л.Л. Левшина, конца XIX в., дача М.Ф. Швецова 1901 г., здание пансиона Данилевич (дом А.И. Арзамасовой), 1902 г., дача Сухумского городского головы, врача М.Н. Дмитриева (с 1913 г. – дача Л.И. Шотт), 1900 г., дом К.П. Яновского и др.

Восточнее Барятинской – ул. Мариинская, возникшая в 1860-х годах. Она названа в честь Марии Александровны (принцессы Гессенской и Прирейнской) (1824–1880), супруги Российского императора Александра II.

В 1930-х годах была переименована в улицу Джанашия. Николай Семенович (Николоз Симонович) Джанашия (1872–1918) – краевед, историк, просветитель, публицист. Эта улица небольшая по длине. Начинается от современной ул. Читанава, являющейся продолжением Набережной Махаджиров в сторону Красного моста, и завершается у ул. Ардзинба. Несмотря на ее малую длину, здесь есть несколько исторических зданий: дом необычной формы в стиле эклектики, построенный для гофмейстера двора Его Императорского Величества Г.Д. Шервашидзе (Чачба), возведенный в конце XIX века, в 1908 году проданный сухумскому фотографу Л.И. Пименидису, дом купца Х.П Мавропуло, конца XIX века, дом князя Б. Ачба (Анчабадзе), 1883 г., дом садовода М.Ю. Шраплау, кабинет доктора В.С. Келина, начала XX века (варварски снесен новым хозяином в 2014 г.) и др.

И последней перпендикулярной морю улицей в восточной стороне города была ул. Беслетская, возникшая в 1860-х годах и названная так, поскольку начиналась у реки с одноименным названием. Она носила это название без малого 100 лет. Но в 1954 г. была переименована в ул. Тараса Шевченко в честь 150-летия со дня его рождения. Тарас Григорьевич Шевченко (1814–1861) – украинский поэт, прозаик, художник, этнограф и революционер-демократ.

После грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. она перестала быть отдельной улицей, став продолжением бывшей улицы Кирова, переименованной сначала в ул. Аиааира, а затем в ул. В.Г. Ардзинба. Тем не менее, улица с названием Шевченко не перестала существовать в Сухуме. Это название было «перенесено» на идущую почти параллельно начальной части улицы Чанба. То есть, находится недалеко от бывшей улицы с таким же названием. Ранее она именовалась Тупым переулком.

На ул. Беслетской выделялись дом купца П.Н. Метакса, 1879 г., дом Г.И. Гегенава (частная школа), 1880 г.

Барятинская улица (позже – ул. Д. Гулиа, ул. Шотландская)
(открытка из коллекции Александра Орлова-Кретчмера)

На этом улицы центральной исторической части города заканчиваются.

Хочется только отметить совсем небольшую улицу, начинавшуюся здесь, на пересечении с ул. Беслетской, которая носила название Карантинной, а позже стала частью ул. Чанба, то есть ее началом у Красного моста. На углу Беслетской и Карантинной улиц стоит бывший дом П.Н. Метакса – сегодня гостиница Атриум-Виктория.

Прежде чем пересечь реку Басла, рассмотрим еще несколько неупомянутых выше улиц, которых 100 лет назад еще не существовало. Пойдем левее 3-й Новой улицы (Багратиона, Советской, Карла Маркса, Инал-Ипа). Первая слева от нее – ул. Джонуа (бывшая ул. Джгубурия). Назовем ее условно 4-й Новой, так по логике вещей, она должна была бы называться. Эта улица была «нарезана» без названия в 1914 г. Но, после того, как 1-я, 2-я и 3-я Новые улицы получили «полноценные» названия, следующие после бывшей 3-й Новой улицы стали 1-й, 2-й и 3-й Новыми новоиспеченными улицами. По мере роста города и появления здесь зданий, они превращались в обычные улицы. В 1960-х годах эта 1-я Новая полу-

чила название – ул. Джгубурия, в честь организатора колхозного производства, партийного деятеля Георгия Гуджаевича Джгубурия (1897–1950). Спустя более 20-ти лет, в 1996 г., ей было присвоено имя абхазского поэта, государственного и общественного деятеля Алексея Нестеровича Джонуа (1920–1989).

Следующая на запад – улица 2-я Новая (по логике первоначальных названий должна была именоваться 5-й Новой). Она, как и предыдущая ей улица, возникла в 1914 году. В 1960-х годах ей было присвоено имя одного из крупнейших поэтов XX века Владимира Владимировича Маяковского (1893–1930). В 1997 году переименована в улицу Калмыкова, в честь Юрия Хамзатовича Калмыкова (1934–1997) — российского политического деятеля, юриста-цивилиста, первого председателя Всемирного конгресса Черкесского народа.

Далее на запад шла 3-я Новая (по логике первоначальных названий должна была именоваться 6-й Новой). «Нарезана» тоже была в 1914 году. В 1960-х годах ей дали более конкретное название. Она стала именоваться улицей Шервашидзе – в честь основоположника хирургии в Абхазии Варлама Александровича Шервашидзе (Чачба), в 1996-м переименована в улицу Чачба – в честь абхазского княжеского рода, владетелей Абхазии – Чачба.

Далее, западнее идут улицы, которые в царское время еще не были размечены и не имели старых наименований: Имама Шамиля (бывшая ул. Тархнишвили), в честь Имама Шамиля (1797–1871) – знаменитого вождя и объединителя горцев Дагестана и Чечни в их борьбе с Россией за независимость, Вардания, Амичба (бывшая Заводская, в честь Георгия Александровича Амичба (1936–2003) – видного абхазского ученого, историка-кавказоведа, этнолога), Агумаа (бывшая Парковая улица), в честь абхазского писателя, поэта, драматурга Кязыма Карамановича Агумаа (1915–1950). Перпендикулярными улице Агумаа являются Спортивная и Эмухвари.

Здесь, левее, уже за пределами исторической части города проходят улицы: Титова (в честь советского космонавта Германа Степановича Титова (1935–2000), Бейгуаа (бывшая ул. Багратиони, в честь историка-кавказоведа Омара Байрамовича Бейгуаа (1901–2001), разные Проезды улицы Титова, Железнодорожная, Заречная, Почтовая, Почтовый проезд, с 1-го по 4-й Шоссейные проезды и другие.

А теперь вернемся и пересечем реку Басла через Красный мост и попадем на шоссе, в царское время называвшееся шоссе Министерства путей сообщения. Оно появилось в 1880-е годы, но являлось частью более древней дороги XVIII в., ведшей от форта Бамбора до форта Дранда. Начиналось оно от Красного моста, и тянулось на восток, до Чапаровской улицы (позже улица Челюскинцев). С конца 1970-х годов этот участок дороги был переименован в улицу Акиртава. Николай Николаевич Акиртава (1894–1937) – советский государственный и партийный деятель. На этой улице в 1909–1913 гг. был построен дом торговца В.З. Габуния. На ней расположено много продовольственных магазинов, ресторанов и кафе, проходная санатория МВО. На территории МВО имеется улица с названием «Центральная аллея», ведущая от проходной прямо к морю.

Продолжением бывшего Шоссе Министерства Путей сообщения является нынешнее Кодорское шоссе, которое существовало с древних времен. Эта дорога была сдана в эксплуатацию министерством путей сообщения в 1892 г., как

шоссейная, и поэтому носила название шоссе Министерства путей сообщения. Горожане называли его и Синопским шоссе. По некоторым данным, одно время, оно именовалось Сухумским шоссе и Сухумо-Зугдидским шоссе.

Начиналось оно от Красного моста и тянулось на восток в сторону села Дранда и далее, отчего и назвали его Драндским шоссе. В 1937 г. Драндское шоссе переименовали в Тбилисское шоссе, а с 1996 года оно – Кодорское шоссе. Сегодняшнее Кодорское шоссе начинается от бывшей Чапаровской улицы (ул. Челюскинцев) и идет на восток. То есть, бывшее Шоссе Министерства Путей сообщения сегодня поделено на ул. Акиртава и Кодорское шоссе.

Следующей параллельной этому шоссе улицей являлась Черномазовская улица, возникшая в конце XIX в. На ней один из первых домов был построен известным пчеловодом, отставным фельдфебелем 35-го Черноморского полка Черномазовым, поэтому горожане стали величать ее Черномазовской. Это название закрепилось и в официальных документах. С 1960-х годов она носит имя репрессированного советского государственного и партийного деятеля Владимира Константиновича Ладария (1900–1937).

Перпендикулярны этим улицам – 1-я Забеслетская ул., 2-я Забеслетская ул., 3-я Забеслетская ул. и 4-я Забеслетская, возникшие в конце XIX века – соответственно переименованные в советское время (во второй половине XX века) в ул. Когония (сегодня – ул. Анчабадзе, в честь Зураба Вианоровича Анчабадзе (1920–1984) – крупного историка, первого ректора Абхазского государственного университета), ул. Чехова (в честь классика русской литературы Антона Павловича Чехова (1860–1904)) и ул. Квициния (Леварса Бидович Квициния (1912–1941) – абхазский поэт, публицист и переводчик). На ул. Анчабадзе находится пожарная часть. 4-я Забеслетская улица возникла тоже в конце XIX в. Она шла параллельно и восточнее 3-й Забеслетской улице. Однако, полноценной улицы из нее так и не получилась и она превратилась в переулок, который назвали Садовым переулком. Сегодня это улица Шакирбая. Георгий Захарович Шакирбай (1904–1977) – языковед.

Шоссе М. П. Сообщения далее пересекала ул. Чапаровская, носившая это название, поскольку здесь проживал купец греческого происхождения С.Г. Чапаров, и сухумчане назвали ее его именем, что закрепилось и в официальных документах. Эта дорога существовала с древних времен, как шедшая из города в село Абжаква. Часть ее находилась в пределах города и в 1890-х годах была выделена в улицу.

После эпопеи челюскинцев (участников арктического рейса парохода «Челюскин», в 1934 г. затертого льдами, высадившихся на льдине и спасенных советскими летчиками), она была переименована в их честь, в том же году и получила название улицы Челюскинцев. Эта улица переходит в Абжаквинское шоссе, как дорога, ведущая из города в упомянутое ранее село Абжаква.

Абжаквинское шоссе пересекается выше с Садовой ул., через которую соединяется с ул. Чехова и Квициния, ул. Ашхацава (бывш. ул. Тавадзе), имеющей 4 проезда этой улицы, с ул. Мушни Хварцкия, имеющей 1-й и 2-й проезды и один переулок этой улицы, с улицей Дермановского, с ул. Очаленко, недалеко от которой проходит 1-й тупик ул. Очаленко. Ул. Мушни Хварцкия соединяется с Комсомольским шоссе. Восточнее от ул. Челюскинцев Кодорское шоссе пересекает-

ся с улицей Горы Баграта, ведущей зигзагом к горе Баграта. Эта улица раньше носила название Генуэзского переулка. Она возникла в конце XIX в. из древней тропы, проходившей к крепости абхазского царя Баграта. Поскольку в то время считалось, что крепость построили генуэзцы, эту улочку назвали Генуэзским переулком. Примерно в конце 1940-х годов Генуэзский переулок был переименован в улицу Горы Баграта. У горы Баграта проходят несколько тупиков улицы Горы Баграта.

Далее Кодорское шоссе пересекает улица Лакербай, возникшая в конце XIX в., которая, в свою очередь, пересекается с Проездом ул. Лакербай.

Ул. Лакербай изначально называлась Алексеевским ущельем, поскольку вела к Алексеевскому поселку, где находилась дача Алексеева. Начиналась улица от нынешнего Кодорского шоссе и тянулась на север, проходя между бывшим городским кладбищем и усадьбой Смецкого, до поселка Алексеевского. В конце 1960-х годов была переименована в улицу Лакербай – в честь видного абхазского писателя, драматурга Михаила Александровича Лакербай (1901–1965).

Параллельно Кодорскому шоссе, севернее его, шла улица, возникшая в конце XIX века, и получившая название Дачный проезд, поскольку проходила мимо дач Синоп, Ноева, Рукавишникова, Колобова, Бобринского и Волковых. В 1937 г. она была переименована в 1-й проезд Тбилисского шоссе, а после грузино-абхазской войны, в 1996-м году – в улицу Введенского. А.Н. Введенский являлся подполковником, основателем дачи «Субтропическая флора» (позже сад «Синоп»).

В микрорайоне Синоп мы имеем улицы: Зеленая, Альбова (быв. ул. Туристическая), Рыбинского (бывший 1-й Цитрусовый пер.), П. Услара (бывш. ул. Цитрусовая). Около Абхазского государственного университета проходит улица Университетская (ранее ул. Кутаисская), пересекающаяся с ул. Вавилова (быв. ул. Кварацхелия), почти параллельно которой идет ул. Мичурина. Далее Кодорское шоссе преобразуется в Абжуйское шоссе.

По левому берегу реки Беслетка (Басла) находилась Набережная реки Беслетки, которую иногда называли и Приречной улицей. Начиналась она вблизи моря и шла на север до границы городской черты. Появилась эта улица в конце XIX века, но, из-за частых разливов реки, она впоследствии исчезла. Осталась только ее южная часть, которую в советское время назвали Красноармейским переулком, из-за размещенной здесь рядом Красной армии (ныне это территория санатория РВСН – бывших санаториев ПВО и МВО). Сегодня переулок не имеет названия.

В районе Белого моста существовала в царское время небольшая улочка, названная по имени, жившего на ней Николаева – Николаевской улицей.

Из-за разливов и изменения русла реки, она более не существует.

По правую сторону течения реки Басла лежит Венецианское шоссе, получившее это название, поскольку вело к Венецианскому мосту, сегодня именуемому Беслетским. Река Басла или Беслетка в старое время носила и другое название – Челбаш.

Венецианское шоссе было проложено в 1880-м году на месте древней дороги вдоль правого берега реки Беслетка к Беслетскому храму и арочному Венецианскому мосту, который получил это название, поскольку был построен во

времена нахождения в Абхазии венецианцев. В 1949 г. Венецианский мост был переименован в Грузинский, а шоссе, соответственно, в Грузинское. Позже мост стали называть мостом царицы Тамары.

Во второй половине 1960-х годов Грузинское шоссе было переименовано в улицу Самсона Яковлевича Чанба (1886–1937) – абхазского драматурга и государственного деятеля.

Вдоль Венецианского шоссе в начале XX века располагались: Сухумская Опытная станция, дача А.А. Скрягина, дача П.Н. Левицкого, кирпичный завод Я.К. Аббас-оглы, кирпичный завод И. Искандер, Завод углекислой воды «Анкара», мельница С. Баркалая, духан, серные источники, Гидроэлектростанция, известковые печи, каменоломня.

Улица Чанба довольно протяженная и ведет к селу Акапа. Ее пересекает множество улиц, тупиков, переулков. Некоторые из них: Безымянная улица (возникла в начале XX века и не изменявшая никогда своего названия), 2-я Тоннельная ул., пересекающаяся с Тоннельной улицей; 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й тупики улицы Чанба, ул. Дзигуа, ул. Щеглова, ул. Соловьева (быв. Сванизде), 4-я Подгорная улица, 1-й переулок улицы Чанба, ул. Асландзия, ул. Адама Хуадэ, 1-я, 2-я Баслетская ул., ул. Матарадзе (бывшая 3-я Фестивальная, сегодня – ул. Патейпа, в честь этнографа-краеведа, просветителя, священника, миссионера Николая Батовича (Соломоновича) Патéйпа (1877–1941), и др.

В свою очередь, ул. Щеглова пересекается с ул. Агрба и проездом Соловьева, идущим почти параллельно улице Чанба. А проезд Соловьева соединяется с перпендикулярными ему и улице Чанба – Первым и Вторым тупикам Соловьева.

Первый переулок ул. Чанба пересекается с Армейской улицей, которая имеет 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й проезды Армейской улицы. 1-й проезд Армейской улицы пересекается также с ул. Братьев Зантария, имеющей 7 тупиков этой улицы и проезды улицы Братьев Зантария.

Теперь рассмотрим улицы, идущие вокруг ул. Дзидзария, Эшба, улицы Нового Района, района Маяка и т.д.

За ул. Дзидзария выше идут уже по горному ландшафту разные улицы, которых в изначальном плане города еще не было и на дореволюционных картах они отсутствуют. Это улицы Убыхская (бывшая ул. Миминошвили, а до 1968 года – ул. Трапеция), ул. Остроумова (бывш.1-й пер. Миминошвили), ул. Карачаевская (бывшая Олимпийская), Черкесская (быв. ул. Казбеги), Дагестанская (быв. ул. Кухалейшвили), Вайнахская (быв. ул. В. Пшавела), Кабардинская (быв. ул. Геловани), Шапсугская (быв. ул. Краснофлотская), Адыгейская (быв. ул. Дзидзария), Аланская (быв. ул. Пилия), Гочуа, Дарсалия и т.д.

Что касается нынешней улицы Кабардинская, то возникла она в начале XX в., когда построивший здесь дачу финансист М.Л. Томарáпродолжил к ней улицу, проведенную другим финансистом Симоновым. Жители города прозвали ее улицей Томара. В 1940-х гг. она была переименована в улицу Геловани – в честь советского военачальника Арчила Викторовича Геловани (1915–1978).

После грузино-абхазской войны, в которой на абхазской стороне принимали участие кабардинские добровольцы, в 1996 г. она была переименована в Кабардинскую улицу, в честь павших в боях за независимость Абхазии представителей этого народа.

Аналогично в честь чеченских и ингушских добровольцев, павших в боях за независимость Абхазии в войне 1992–1993 гг., названа ул. Вайнахская.

Эта улица возникла еще в конце XIX в., но название получила лишь в 1914 году, после начала Первой мировой войны, когда для обороны Сухума здесь на горе была размещена артиллерийская батарея, отчего гору стали называть Батарейной горой, а само ущелье – Батарейным. Улица, которая вела в это ущелье, стала называться Проездом в Батарейное ущелье. С 1950-х гг. она была переименована в улицу Пшавела – в честь классика грузинской литературы, поэта Важы Пшавела (1861–1915). С 1996 г. – Вайнахская улица.

Недалеко от Проезда в Батарейное ущелье, улицу, ведшую на Батарейную гору, стали называть Батарейным проездом. С 1950-х годов – это улица Кухалейшвили – в честь активного борца за советскую власть в Абхазии Севериана Илларионовича Кухалейшвили (1884–1937). А с 1996 г. – Дагестансквя улица – в честь павших в боях за независимость Абхазии в 1992–93 гг. дагестанских добровольцев.

Правее пересечения ул. Дзидзария и Проспекта Леона начинается улица Гумская (бывш. ул. Бараташвили), идущая по направлению села Гума, на которую выходят улицы: 8-го Марта (название в честь Международного Женского дня 8 Марта), Школьная. Несколько правее ее расположены улицы: Санчарская, Кортуа и др.

Дорога, которая сегодня называется Гумской улицей или шоссе, существовала с древних времен. В XIX веке она была расширена и укреплена вплоть до Команского монастыря. Поскольку одним из первых, кто построил дачу на этой территории был профессор Алексей Александрович Остроумов (1844–1908), то горожане с конца XIX в. эту дорогу стали называть Остроумовским шоссе. В 1949 г. Остроумовское шоссе было переименовано в улицу Николоза Мелитоновича Бараташвили (1817–1845) – грузинского поэта-романтика. Его имя было присвоено и железнодорожной платформе, носившей название Минутка (поскольку поезда здесь останавливались на одну минуту), находящемся в начале шоссе. В 1996 г. улица получила старое историческое название: Гумское шоссе.

Далее, после того как ул. Дзидзария переходит в ул. Эшба, с правой стороны от нее находятся улицы: Пачулия, Трапш, Арцах (быв. Нагорная), Героев Пограничников и др. А с левой стороны – в сухумском микрорайоне «Старый поселок» – ул. Семерджиева (в честь Константина Григорьевича Семерджиева (1898–1937) – видного партийного и государственного деятеля), 1-й пер. ул. Семерджиева, Деповская, Станционная, Проезд Авидзба, ул. Назадзе, 1-й, 2-й переулок ул. Насадзе, 1-й, 2-й проспект Деповской ул., ул. Интернационалистов, Северный проезд, Гумистинская улица (бывшая ул. Дзержинского) – главная улица, ведущая от ул. Эшба в Новый район. Здесь, помимо Гумистинской, имеются следующие улицы: ул. Аргун, ул. Картозия, ул. Агрба, ул. Киараз, Северная улица, ул. Герзмава, ул. Аджба, ул. 30-го Сентября (бывш. ул. 60-летия пионерии), ул. Лагвилава, ул. Василия Лакоба, ул. Чалмаз и другие.

Улица Адлейба (в честь Бориса Викторовича Адлейба (1931–1990) – советского и абхазского государственного и партийного деятеля), начинающаяся от Проспекта Аиааира после пересечения с Набережной Диоскуров идет на юго-запад города. Здесь мы видим следующие улицы: с 1-го по 8-й проезды улицы

Адлейба, 3-й Бзыбский проезд, Есенина, Речную, Транспортную ул., Татарскую (бывш. Обводное шоссе), Гобечия, Морскую, Башкортастанскую (бывш. ул. Адамия), Первомайскую, Красноармейскую, Чачхалиа, Чукбар (бывш. 2-я Портовая), Казачью (бывшую ул. Шукура), Славянскую (бывш. Гумистинская) и др. Продолжением улицы Адлейба является улица Братьев Эзугбая.

И в завершение, для полной картины истории улиц приведем переименования названий улиц грузинской администрацией, последовавшей 7 мая 1993 года во время грузино-абхазской войны, за несколько месяцев до ее окончания, согласно сообщению в газете «Демократическая Абхазия» от 16 мая 1993 г. № 24 (49), выходившей в то время в городе: улица Ленина переименовывалась в улицу Давида Агмашенебели (Давида Строителя), ул. М. Орахелашвили – в ул. Конституции, ул. Куйбышева – в улицу Спортивная, Комсомольское шоссе – в улицу Молодежная с соответствующими тупиками и переулками, ул. Фрунзе – на ул. Пальмовая, ул. Н. Лакоба – в ул. Зураба Анчабадзе, ул. К. Маркса – в ул. Аллея героев, ул. Октябрьская – в ул. Кедровая, ул. Ф. Энгельса – в ул. Ботаническая, ул. С. Орджоникидзе – в ул. Платановая, ул. Спортивная – в ул. Спортивный переулок.

Постановлялось восстановить старое наименование улицы Эшба – Афонское шоссе с соответствующими тупиками и переулками, восстановить старое наименование улицы З. Анчабадзе – Забеслетская.

Наименовать парк, расположенный вдоль набережной Ш. Руставели между ул. Гоголя и Алеей героев, Парком ветеранов. В новом микрорайоне на Лечкопском плато было постановлено переименовать улицы в следующем порядке: улицы по направлению восток-запад пронумеровать в следующем порядке – четными цифрами, нарастающим порядком с добавлением наименования «Лечкопская», а улицы по направлению север-юг пронумеровать нечетными цифрами в нарастающем порядке с добавлением наименования «Лечкопская».

Тем не менее, для замены табличек с названиями города необходимы были средства, да и менее чем через 5 месяцев в город вошло абхазское войско.

Эти переименования стали нелегитимными. Но, интересна логика переименования некоторых улиц. Многие из них названы по наличию на них определенных видов деревьев. На ул. Фрунзе, как сухумчане хорошо знают, высажено много красивых пальм, хотя они есть не только на этой улице. Очевидно, что это и стало поводом для названия этой улицы Пальмовой. То же самое, с улицей Орджоникидзе – там произрастает много платанов – ул. Платановая. Улица Орахелашвили шла от площади Конституции, очевидно, поэтому ее так и переименовали. Видно, что переименования готовились в спешке и несколько примитивно.

В этой связи, не мешало бы подчеркнуть тот факт, что по специальному плану, еще в советское время, на многих сухумских улицах были высажены однотипные деревья. Так, на ул. Орджоникидзе и ул. Церетели – платаны (лат. Plátanus), на Фрунзе, Ленина – разных видов пальмы, на ул. Орахелашвили, Октябрьской – Гималайские кедры (или деодары, лат. Cedrus deodara), на ул. Цулукидзе – плакучие ивы (лат. Salix f. pendula), замененные в 1980-х на другие деревья, в начале ул. Руставели у Красного моста – Камфорные лавры (лат. Cinnamomum camphora linaloliferum) и т.д. Не излишне было бы отметить, что по всему городу были рассажены экзотические растения, придававшие ему вид большого города-парка.

Если окунуться в Сухум царского времени, то, как сообщает в своем путеводителе по городу от 1903 г. И. Тези, Колюбакинская улица (ныне Пр. Леона), была обсажена эвкалиптами, красивейшей из акаций – Acacia Julibrissin и другими растениями. Он же сообщает, что до 1877 г., когда Сухум был сожжен турками, улицы города утопали в пирамидальных тополях, перевитыми розами, которые образовывали на улицах целые аллеи.

Говоря собственно о парках, следует перечислить их названия: Парк площади Свободы, Аллея Славы (бывший парк им. Сталина, а затем «Трудовой славы»), парк им. Орджоникидзе, парк у кинотеатра «Сухуми», парк имени Ленина (бывший Александровский парк), парк имени Шинкуба (бывший им. Руставели), парк им. Курченко, Эвкалиптовый парк, на некоторых современных картах фигурирующий как «Парк влюбленных» (у впадении реки Басла в море), называемый в народе «Пятачком» или Эвкалиптовой рощей, а также Ботанический сад АН Абхазии (ранее Сухумский акклиматизационный ботанический сад), Дендропарк и парки санатория МО РФ. Безусловно, к парковой зоне можно отнести Бульвары на Набережной и на ул. Инал-Ипа, а также Парк вдоль набережной Диоскуров и другие места в городе.

Во второй половине XX века были созданы многочисленные сады на выделенных санитарных участках: субтропический сад полковника А.Н. Введенского, впоследствии проданный им великому князю Александру Михайловичу, и позже известный под именем «Синоп», сады Никитина, Бобоедова, Пермыкина, Кравченко, Жудры, Чернявского, Дьячкова-Тарасова и других.

Это о хоронимах.

А что касается агоронимов, то есть площадей, следует перечислить следующие: Площадь Свободы (в начале XX века на этом месте была большая поляна – Зеленая площадь, которая в 1920-е гг. благоустроили и назвали площадью Свободы, позже носившая имя В.И. Ленина), площадь Конституции СССР, переименованная в честь второго Президента Республики Абхазия – Сергея Васильевича Багапша (1949–2011), сегодня не существующая «Базарная площадь», просуществовавшая до 1909 г. (на ее месте сегодня – Аллея Славы) и др.

Как видим, на протяжении всей истории Сухума, названия улиц много раз изменялись. И в последние два десятилетия эта практика не прекращается, что несет определенные затруднения для его жителей.

Вообще, изменение названий улиц любого города вносит зачастую неудобство и путаницу, но особенно сильно запутывает такое явление, как «перемещение» названий одной улицы на другую в пределах одного города. В истории Сухума мы имеем несколько таких примеров. Например, улица 4-го Марта стала называться улицей Лакоба, а название улицы 4-го Марта «переехало» выше на бывшую улицу 1-я Подгорная. Ул. Октябрьская (Октябрьской революции) стала позже улицей Ленина, а ее название было присвоено бывшей ул. Карла Либкнехта. Улица Ленина на набережной, в августе 1935 года «перебралась» на перпендикулярную ей улицу Октябрьской революции. И так далее и тому подобное. Последние примеры – ул. Аиааира в 2010 г. стала называться ул. Ардзинба, а ее название получил бывший Проспект Мира, ул. Дзидзария стала ул. Адыгейской, а ул. Чочуа – ул. Дзидзария. Некоторую путаницу вносит и тот факт, что некоторые улицы, существовавшие самостоятельно, со временем были объединены

в одну, путем разрушения строений, их отделявших, либо просто объединенных в одну. Так, были объединены в советское время бывшие улицы Базарная и 4-го Марта (Лорис-Меликовская), получившие одно название – сегодня ул. Лакоба. Полицейская и Завадская улицы тоже были объединены в одну – сегодня ул. Д. Гулиа.

Что касается табличек с названиями улиц, то они первоначально и вплоть до революции писались только на русском языке. С установлением советской власти – на абхазском и русском. В период проводившейся политики грузинизации Абхазии, с конца 1930-х использовался грузинский и русский язык. После возмущения абхазской общественности в 1967 г., называния стали писать на трех языках: абхазском, грузинском, русском. Сегодня названия улиц Сухума пишутся на абхазском и русском языках.

Просматривая названия улиц на старых открытках иногда можно заметить неточности или неполное название улицы. Например, ул. Октябрьской Революции (позже ул. Ленина) на открытке фигурирует как Октябрьская, Набережная Ленина – как просто улица Ленина. Как уже упоминалось выше, ул. Колюбакинская в царское время на открытке фигурирует как Кулебякинская. Последний случай показывает, что зачастую люди не интересовались настоящим названием улиц, не придавали этому серьезного значения.

Возникали и казусы. Свидетелем одного из них был автор данных строк в середине 1980-х годов. На одном из домов ул. Орахелашвили, хозяева изготовили собственноручно табличку на фанере с названием улицы и номером дома, а название написали так: «ул. Орехашвили».

Улицы в городе в некоторых местах соединялись мостами через реку. В старое время существовали мосты: Деревянный арочный мост 1886 г. и Красный мост 1870 г., которые не сохранились. Сегодня в черте города – Красный и Белый мосты через реку Басла.

Помимо улиц, в Сухуме, как портовом городе, были построены пристани. В начале XX века в городе было пять деревянных и одна железная пристань. Из них: Русского общества пароходства и торговли, 1884 г., Российского транспортного и страхового общества, 1884 г., городская казенная железная пристань (1870 г., перестроена в 1895 г.), позже пристань «Динамо», сегодня – причал ресторана «Амра»). А также причал гостиницы «Россия», Рыбацкая пристань и Лодочный причал 1906 г. Из них, кроме причала «Амра», остальные до сегодняшнего дня не сохранились. На дореволюционных открытках можно видеть и пристань Иоселиани. Скорее всего, это одна из вышеперечисленных.

В наши дни в центральной части города три пристани, если считать главную с ее ответвлением за одну.

Главная из них, строительство которой было завершено к 18 декабря 1930 г., является как бы продолжением улицы Конфедератов (сюда приставали и пристают крупные и средние морские суда и глиссеры), другая – улицы Аидгылара (на ней находится ресторан «Амра») и третья – улицы Леона (ранее использовавшаяся для прогулочных кораблей и для перевозок пассажиров на пляж). До начала 1970-х годов существовала еще одна небольшая железная пристань, немного правее главной.

Описание пристаней, уходящих в море, и своими сваями упирающихся в дно, где ранее, возможно, находилась размытая часть древней Диоскурии, является завершением данного исследования об истории названий сухумских улиц.

Послереволюционная табличка с названием улицы 3-го Интернационала

Название улиц на трех языках в последние десятилетия СССР

Современная табличка

Список использованной литературы

1. Κοκινος καπνας (Сухумская газета на греческом языке). № 7(212),12.02.1936 г.
2. Шаяхметов Р.А. Годонимия как репрезентация малого культового объекта (на примере Сибая) // Уральский регион Республики Башкортастан: человек, природа, общество: материалы региональной научно-практической конференции (16 ноября 2012 г.), г. Сибай. В 2-х частях. Ч. I. – Сибай: Издательство ГУП РБ «СГТ», 2012. – 398 с. С. 379–382.
3. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – С. 50.
4. F. Castognoli. Ippodamo di Mileto e l'urbanistica a pianta ortogonale. Rome, 1956.
5. Joachim Szidat: Hippodamos von Milet. Seine Rolle in Theorie und Praxis der griechischen Stadtplanung. In: Bonner Jahrbücher 180 (1980), 31–44.
6. Charlotte Triebel-Schubert und Ulrike Muss: «Hippodamos von Milet. Staatstheoretiker oder Städteplaner?», in: Hephaistos 5/6, 1983. S. 37–60.
7. И.М. Тези. Сухум. Путеводитель по городу и окрестностям. Харьков: типо-литография М. Зильберберг и Сыновья, 1903.
8. К. Мачавариани. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. Сухум: Издание Н.Д. Гогиджановой, 1913.
9. Г.Г. Москвич. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. СПб., 1915.
10. Г.Г. Москвич. Путеводитель по Кавказу. Москва, 1928.
11. Газета «Демократическая Абхазия». 16 мая 1993 г. № 24 (49).
12. А.С. Агумаа. Старый Сухум. Сухум: Абгосиздат, 2016.

▫

ЛЕВ ВАГНЕР, НАДЕЖДА ГРИГОРОВИЧ

АЙВАЗОВСКИЙ

Лев Арнольдович Вагнер, Надежда Семеновна Григорович – советские писатели, авторы биографической повести о художнике Иване Айвазовском (1817–1900), выходившей в свет неоднократно в разных городах СССР, в т.ч. в Сухуме, в Абгосиздате, в 1961 г. Фрагмент этой книги публикуется нами по изданию: Вагнер Л., Григорович Н. Айвазовский. – М.: Искусство, 1970. – С. 83–88.

<…>Гайвазовский[1] писал на палубе портрет вице-адмирала Лазарева[2]. Лазарев согласился позировать во весь рост. Офицеры издали наблюдали за работой. Так прошло около часа. Лазарев устал и пошел отдохнуть в каюту, пообещав художнику вернуться.

– Далеко пойдете, – пошутил он, слегка потрепав по плечу Гайвазовского, – коль в таких молодых летах вице-адмирала принудили перед собою во фрунт[3] встать.

Как только Лазарев ушел, офицеры подошли и стали рассматривать начатый портрет, оживленно делясь впечатлениями. Эти разговоры были внезапно прерваны появлением офицера с «Колхиды»[4]. Он явился за Гайвазовским, которого звал к себе Раевский[5].

Генерал ходил по каюте, заложив руки за спину. Он хмурился и явно был чем-то недоволен. Перед тем как начать говорить, Раевский несколько раз снимал и надевал очки, оттягивая разговор.

– Одному моему офицеру, – заговорил наконец Раевский, – предстоит отправиться в Сухум. Мне кажется, что вам принесла бы пользу поездка с этим офицером. Он родом абхаз и знает здешние края. Вы увидите места необыкновенные…

При последних словах Раевский оживился.

– Но я как раз приступил писать портрет вице-адмирала, – начал было Гайвазовский.

---

[1] Родители И. Айвазовского были родом из Польши, поэтому какое-то время его фамилия писалась на польский манер: Гайвазовский.

[2] Михаил Петрович Лазарев (1788–1851) – русский флотоводец и мореплаватель.

[3] То же, что фронт; построение шеренгой.

[4] «Колхида» – русский колесный пароход; был построен в 1837 г.

[5] Николай Николаевич Раевский (1801–1843) – русский генерал, командир Черноморской береговой линии.

– Вот и славно, – не дал ему продолжать Раевский, – даю вам два дня. Все равно вице-адмирал не сможет вам позировать дольше. По-видимому, вам хватит двух-трех сеансов. Итак, через три дня отправитесь с поручиком Званбой[1], – почти приказал Раевский.

Гайвазовский вышел от Раевского страшно расстроенный. Лишь недавно Николай Николаевич выражал недовольство, когда Гайвазовского пригласили перейти на «Силистрию»[2], а нынче генерал отсылает его от себя. «За что, про что?» – терялся в догадках огорченный юноша, перебирая в уме свои поступки и не находя ни одного, который дал бы повод отослать его из лагеря.

С поникшей головой, мучительно раздумывая, Гайвазовский собирался уже вернуться на «Силистрию», как кто-то его окликнул. Юноша оглянулся. К нему спешил Пушкин[3].

Лев Сергеевич был озабочен, и, когда пожимал руку Гайвазовскому, на его лице мелькнуло слегка виноватое выражение.

– Фу, насилу догнал вас… А то пришлось бы к вам на «Силистрию» добираться…

Лев Сергеевич увел расстроенного юношу к себе в каюту и рассказал, что кто-то донес Раевскому о посещении декабристов, об их долгой ночной беседе. Раевскому передали даже то, что Одоевский[4] читал Гайвазовскому свои запрещенные стихи.

– Какой-то подлец решил выслужиться, – возмущался Лев Сергеевич. – Мне Раевский передал, что доносчик вспомнил даже немилость государя к вам во время таннеровской истории[5]… Генерал принял решение, – продолжал Пушкин, – отправить вас на некоторое время вместе со Званбой в Абхазию… Это лучше, чем отослать вас сразу в Феодосию. Тогда возникли бы всякие разговоры, а вояж на береговую линию все поймут как свидетельство доверия генерала, его покровительства и желания предоставить вам возможность увидеть и другие живописные берега Кавказа. Каюсь, – заключил Лев Сергеевич, – виню себя в том, что повел вас к Одоевскому.

– Напротив. Я весьма благодарен вам, Лев Сергеевич, за знакомство со столь выдающимися людьми. Я запомню это знакомство и беседу с ними на всю жизнь…

Вторую неделю продолжалось путешествие Гайвазовского со Званбой. Поручик Званба оказался тем самым офицером с кавказской наружностью, который был так внимателен к Гайвазовскому в первый день его пребывания на «Колхиде»[6].

---

[1] Соломон Темрукович (Теймуркович) Званба (1809–1855) – первый абхазский этнограф, профессиональный военный.

[2] «Силистрия» – парусный 84-пушечный линейный корабль Черноморского флота России; был введен в эксплуатацию в 1836 году.

[3] Лев Сергеевич Пушкин (1805–1852) – младший брат А.С. Пушкина, боевой офицер.

[4] Александр Иванович Одоевский (1802–1839) – князь, поэт-декабрист, корнет, писатель.

[5] Айвазовский в 1835 году был помощником французского художника-мариниста Филиппа Таннера. Айвазовский, несмотря на запрет Таннером работать самостоятельно, представил ряд своих картин на выставке Академии художеств 1836 года. Таннер, недовольный этим, пожаловался на Айвазовского Николаю I. После этого царь распорядился картины Айвазовского снять с выставки.

[6] «Колхида» — российский колесный пароход. Построен был в 1837 г. Уничтожен во время Крымской войны в 1855 г.

Званба был интересным собеседником, и путешествие с ним доставляло художнику истинное наслаждение. Офицер-абхазец безукоризненно говорил по-русски и по-французски, отличался широкой начитанностью. Свободное от службы время посвящал литературным занятиям. Его давно занимали история, быт, легенды абхазцев, и он мечтал со временем написать книгу этнографических этюдов о родном народе[1].

Гайвазовский наслаждался видами величественной природы Кавказского побережья и слушал занимательные рассказы своего спутника. На десятый день они прибыли в Бзыбский округ[2] и расположились на отдых в живописных окрестностях Пицунды. Кругом стояла тишина, вековые сосны таинственно безмолвствовали, море застыло в ленивой истоме, открывая взору синюю бескрайнюю даль. Казалось, что никогда не ступала здесь нога человека и корабли не бороздили морскую гладь…

Гайвазовский достал рисовальные принадлежности и углубился в работу. Ему захотелось запечатлеть древние сосны на берегу и необжитое, пустынное море…

В стороне расположился Званба и начал делать записи в своем дневнике. Так прошло много времени. Внезапно Гайвазовский ощутил происшедшую вокруг перемену и на мгновение оторвался от работы: темное облако заволокло солнце, и все краски пейзажа сразу же померкли. Званба тоже перестал писать и подошел к Гайвазовскому.

– Скоро поднимется буря, нам придется уйти в лес и укрыться в палатку.

Тем временем облако, скрывшее солнце, начало быстро расти, подул свежий ветерок, вдали на волнах появились белые гребни.

К Званбе подбежал часовой, наблюдавший с высокой сосны за открытым морем, и доложил, что вдали виден корабль.

Званба достал подзорную трубу и поднес ее к глазам.

– Гляньте, Гайвазовский! – Званба передал юноше трубу.

Вглядевшись, Гайвазовский увидел далеко в открытом море корабль, державший курс на какую-то мелькающую черную точку.

Званба снова взял трубу и начал еще внимательнее всматриваться.

– Это наш военный корабль, патрулирующий берега Кавказа, а дальше в море – черкесская кочерма. Она держит путь к турецким берегам. Уйти ей, правда, не удастся. Корабль настигает ее; да и буря уже начинается в открытом море. Скоро и к нам пожалует…

Как бы в подтверждение слов Званбы с моря налетел ветер, увенчанные белыми гребнями волны стали гулко разбиваться о берег, вековые сосны закачались и тревожно зашумели.

– Как ни досадно, но придется прервать наши наблюдения. Еще немного – и ветер свалит нас с ног, – заметил Званба. Гайвазовскому очень хотелось посмотреть, как будет преодолевать бурю корабль, что станется с черкесской кочермой, но Званба схватил его за руку и увлек за собой в лес, где была их палатка.

---

[1] Работы С. Званба были изданы в виде отдельной книги лишь в советское время: Этнографические этюды / Под ред. и с предисловием Г.А. Дзидзария. – Сухуми, 1955; Абхазские этнографические этюды / Сост. Г.А. Дзидзария. – Сухуми, 1982.

[2] Бзыбский округ, наряду с Сухумским и Абжуйским округами, был образован в конце 40-х годов XIX столетия.

Несколько часов они прислушивались к яростному реву волн, оглушавшему их даже в лесу, шагах в двухстах от берега. А когда грохот разбушевавшейся морской стихии на мгновение умолкал, слышался надрывный стон древних сосен. Потом гневный голос моря снова заглушал все другие звуки.

Постепенно рев волн сменился глухим ворчанием, вскоре перешедшим в громкие вздохи… Море устало гневаться и утихло.

Званба и Гайвазовский побежали к берегу.

Морская поверхность была вся в черных складках, как в старческих морщинах. Растрепанные тучи еще бороздили небо, но уже сквозь них пробивались солнечные лучи. Званба первый достиг берега.

– Скорее, Гайвазовский! – крикнул он отставшему юноше. – Корабль недалеко, а сюда идет шлюпка.

Через несколько минут шлюпка врезалась в песчаный берег. Из нее выскочили офицер и несколько матросов. Матросы несли на руках двух закутанных в покрывала плачущих женщин.

– Фридерикс! – радостно воскликнул Гайвазовский, узнав в офицере своего друга.

Молодые люди обнялись. Тем временем матросы осторожно опустили женщин на траву.

Фридерикс рассказал Званбе и Гайвазовскому, как их сторожевой корабль настиг в открытом море черкесскую кочерму, которая везла пленниц для продажи в турецкие гаремы. Узнав от похитителей, что несчастные пленницы из близлежащего абхазского селения, командир корабля приказал Фридериксу взять матросов и доставить женщин к родственникам. Услыхав, что женщины абхазки, Званба подошел к ним и заговорил по-абхазски. Пленницы встрепенулись и слегка приоткрыли испуганные, заплаканные лица.

Это были две сестры, совсем юные и очень красивые девушки. Когда Званба объяснил им, что скоро они будут дома, девушки опять заплакали, но уже от радости. Только теперь они поверили, что спасены от грозившей им беды.

Постепенно Званбе удалось их успокоить. Узнав от девушек, из какой они деревни, офицер объявил, что это всего в трех часах ходу отсюда, и предложил Гайвазовскому отправиться туда вместе с моряками, чтобы присутствовать при возвращении абхазок под родную кровлю.

К вечеру небольшой отряд достиг горной деревни. Первыми заметили приближающихся моряков мальчишки. А еще через несколько минут добрая половина жителей высыпала из своих домов. Впереди с радостными криками бежали родственники спасенных. Званбу почтительно приветствовали. Родители девушек начали горячо приглашать всех в свой дом.

Званба рассказал, при каких обстоятельствах были спасены юные абхазки, и представил жителям деревни лейтенанта Фридерикса. Рассказ вызвал новую горячую волну благодарности.

Вскоре Фридерикс, Званба и Гайвазовский уже сидели в асасайрта[1] у родителей девушек. На длинном столе появилось вино, вареное и жареное мясо, кайма, пилав, акуакуар и другие абхазские кушанья. Когда гости чуть утолили голод,

[1] Гостиная (абх.).

хозяин дома поведал, что на деревню недавно напал отряд убыхов. Они угнали много скота и взяли в плен несколько женщин. Среди них и двух его дочерей.

Уже поздно вечером Гайвазовский, Фридерикс и Званба вышли погулять. Званба был явно встревожен рассказом старого абхазца.

– Это впервые за последние пятнадцать лет убыхи рискнули напасть на абхазское селение в летнюю пору, – пояснил причину своей тревоги Званба. – Они делали набеги на Абхазию в любое время года только до 1824 года. В июле 1825 года шайка убыхов более чем в тысячу человек под предводительством Сааткерея Адагва-ипа Берзека предприняла поход в Абхазию. При спуске на абхазские равнины убыхи были замечены в горах пастухами. Предупрежденные абхазцы приняли все меры: заняли все горные проходы, через которые враги могли отступить, потом дали убыхам возможность спуститься с гор и уничтожили всю партию. С тех пор убыхи совершают на Абхазию набеги только в зимнее время[1].

Когда на другое утро русский отряд покидал абхазскую деревню, жители вышли провожать моряков. Среди провожающих были и две спасенные девушки.

– Абхазцы видят в русских своих защитников. Обещайте рассказать обо всем генералу Раевскому и вице-адмиралу Лазареву, – просил Званба, прощаясь в этот день с Фридериксом.

...Путешествие Гайвазовского со Званбой продолжалось более месяца. Природа Кавказа пленила его воображение, но самым ярким впечатлением от этого путешествия осталась буря у берегов Абхазии и спасение абхазских девушек русскими моряками.

Сердечно простившись со Званбой, к которому он очень привязался за это время, Гайвазовский отправился домой, в Феодосию.<...>

[1] С. Званба – автор статьи на эту тему: Зимние походы убыхов на Абхазию // Кавказ, 1852 г., № 33.

ИВАН СЛАВИН

МИНУВШЕЕ – ПЕРЕЖИТОЕ

Воспоминания

(Фрагменты)

Иван Яковлевич Славин (1850–1930) – российский адвокат и общественный деятель, гласный Саратовской городской думы. В 1908 г. он купил дачу в г. Гагра, куда наведывался регулярно до 1914 г.; продал ее в 1916 г. в связи с Первой мировой войной. И. Славин был также писателем и журналистом-любителем; один из его псевдонимов – Гагринский. В начале 1910-х он поместил в саратовской газете «Волга» цикл очерков и рассказов под общими названиями «Где море вечно плещет» и «Курортные негативы», в которых поведал саратовскому читателю о новом курорте – Гагре. Абхазии посвящен и ряд страниц в его сборнике «Рассказы и путевые наброски» (1905). На закате жизни И. Славин написал мемуары, впервые опубликованные в 1998–1999 гг. в журнале «Волга» под названием «Минувшее – пережитое» (публикация Н.В. Самохваловой); в 2013 г. воспоминания вышли в Саратове отдельной книгой. Приводим фрагменты из этих мемуаров, где И. Славин подробно рассказывает о гагрском периоде своей жизни. Фрагменты печатаются по журнальному изданию.

<…> Летом 1895 г. я в первый раз посетил наш юг. В июне отправился в Крым, жил некоторое время в Севастополе и Ялте и приблизительно через месяц вернулся в Саратов. Мои «путевые наброски» о путешествии печатались в «Саратовском листке»[1] и затем вошли в сборник, изданный мною в Саратове в 1905 г.[2]

[1] «Саратовский листок» – ежедневная политическая и литературная газета, издавалась в Саратове в 1880–1917 гг.

[2] Славин И.Я. Рассказы и путевые наброски. – Саратов: Типо-литография П.С. Феокритова, 1905. – 229 с.

Знакомство с нашим югом произвело на меня сильное и чарующее впечатление, и я в последующие годы, когда позволяли дела, ездил в Крым и на Кавказ, и меня мало-помалу захватывала мысль перебраться на постоянное жительство на юг. Но в 1896 г. 16 июля скончался мой отец 88 лет, и я сделался собственником трех земельных участков в Новоузенском уезде – в общем около 8000 десятин. Воспитание и обучение моих сыновей и дочерей тоже приковывало меня к Саратову, в котором я еще при жизни отца имел два дома. Но сильная тяга на юг не проходила с годами. Во второй половине первого десятилетия двадцатого века я был близок к осуществлению моей заветной мечты и почти осуществил ее, перебравшись в 1908–1909 гг. на восточное побережье Черного моря – в Гагры. Но об этом после в своем месте <…>

«Где море вечно плещет»[1]

Осуществление мечты. – Гагры. – Принц Ольденбургский[2]. – Закладка дачи. – Расставание с должностями.

Я уже не раз говорил, что еще в 1903 г., после моего первого посещения восточного побережья Черного моря, у меня явилась мысль устроиться «на закате дней» под пленительным небом Колхиды. Эта мысль не оставляла меня во все последующие годы, и я неуклонно стремился к ее осуществлению. Но семейные обстоятельства, а затем, с 1905 г., разные политические и внутренние осложнения стояли на моей дороге. В 1906 г. вышла замуж моя последняя дочь, и я остался совершенно одиноким. Но забастовки, не ликвидированное революционное брожение, а затем выборы в Государственную Думу задерживали выполнение моего заветного желания. Наконец в 1907 г. наступило успокоение, и мне казалось, что явился удобный момент для начала задуманного мною дела. Однако роспуск второй Государственной Думы и последовавшие затем новые выборы, от которых я нравственно и в силу партийной дисциплины был не вправе уклониться, опять вынудили меня отложить задуманное.

Только в 1908 г. я бесповоротно решил поехать на Побережье с целью разведок и ознакомления на месте с условиями приобретения там недвижимости.

Я остановил свой выбор на Гаграх, куда и прибыл в августе. Гагры тогда не были ни городом, ни селом, ни посадом, ни местечком, а назывались лечебно-санитарной станцией, находившейся под «самодержавной» ферулой[3] принца Александра Петровича Ольденбургского, при котором состояло назначаемое им и всецело от него зависящее управление. Стремоухов[4], посетивший Гагры летом 1912 г., называл их «Ольденбургией». Я не был новичком на Юге. Начиная с 1895 г., я почти каждый год, наотрез отказываясь от горячо рекомендуемых мне многими заграничных поездок, посещал Крым и Кавказские воды. Несмотря на это, именно Гагры произвели на меня сильное впечатление. Субтропическая

---

[1] Цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Талисман».

[2] Принц Александр Петрович Ольденбургский (1844–1932) – генерал-адъютант, сенатор, член Государственного совета. Основатель курорта Гагра (1903).

[3] Ферула – бдительный надзор.

[4] Петр Петрович Стремоухов (1865–1951) – саратовский губернатор (1911–1912).

растительность в большом масштабе, чего совершенно не наблюдается в Крыму, придающая экзотический колорит всей окружающей обстановке, яркие полуденные краски (Крым – акварель, Гагры – полотно масляными красками), красота заоблачных высей, синее небо, лазурное море, и над всей этой красотой реют отзвуки античного мира и юстинианской Византии, – все это очаровало меня, загипнотизировало и приковало мое внимание к этому чудному уголку. Это, конечно, поэзия… Но и практические соображения относительно жизненных удобств давали, на мой взгляд, значительный преферанс этому уголку. В самом деле, когда я поближе присмотрелся к Гаграм, то нашел, что в них можно устроиться совершенно изолированно, вполне «по-дачному», даже «по-деревенски» и вместе с тем иметь поблизости, прямо под рукой культурные городские удобства: почта, телеграф, водопровод, электрическое освещение, аптека, врач, библиотека и пр.

Все это вместе взятое повлияло на мое окончательное решение, и я подал в управление заявление об отводе мне избранного мною места мерою около 400 квадратных сажен[1]. Мне назначили 20 рублей за сажень. Я согласился, и в октябре 1908 г. был совершен крепостной акт. Лето следующего года ушло на составление и утверждение плана инженер-архитектора Фельдау (из Новороссийска), а в середине октября я отправился в Гагры для закладки дачи.

На этот раз мне пришлось познакомиться с принцем Ольденбургским. При земляных работах на моем месте рабочие встретили твердокаменный массив значительного размера, который не поддавался никаким усилиям рабочих и никаким землекопательным орудиям и инструментам и мог быть удален только взрывом динамита. Такого способа удаления массива принц, ревниво оберегавший спокойствие и тишину своих владений (пароходам при подходе к Гаграм и отплытии воспрещалось давать обычные свистки, хотя пароходы останавливались на расстоянии почти одной версты от берега, и дальнейшая переправа шла на фелюгах; принц также очень дорожил хорошим, жизнерадостным настроением обитателей Гагр и бывал недоволен, когда рассаживали кипарисы – кладбищенское могильное дерево, которое поэтому считалось в Гаграх почти запретным, «нецензурным»), не разрешал. Фельдау, подрядившийся произвести постройку, заявил, что без удаления этого массива выполнение проекта постройки невозможно и намеченная планировка места неосуществима. Поэтому необходимо ходатайствовать перед принцем об отмене наложенного им запрещения и о разрешении взрыва. Кроме того, мне дали знать, что принц будет очень доволен, если я приглашу его на церемонию закладки, намеченной на 22 октября в праздник иконы Казанской Божьей матери.

Аудиенцию мне назначили в 6 часов утра 21 октября. Я заявил адъютанту принца, что так рано встать не могу; начали торговаться и остановились на 7 часах утра. Надо заметить, что принц всегда вставал в 5 часов утра; к 8–9 часов утра оканчивались приемы, представления, доклады, в 11 он обедал и к 12 часам на автомобиле отправлялся в свое имение «Отрадное», верстах в 12 от Гагр…

Раннее утро 21 октября было прелестное, тихое, ясное, солнечное, жаркое, и я шел во дворец в фрачной паре и наброшенном на плечи летнем пальто. Под-

[1] Сажень – старорусская единица измерения расстояния, равная 2,1336 метра. С введением в 1924 г. в СССР метрической системы мер вышла из употребления.

нимаясь по шоссе, спиралью идущему к вершине горного уступа, на котором в виде орлиного гнезда высился замок-дворец принца, я с величайшим наслаждением вдыхал в себя чистый живительный воздух, согретый утренним солнцем и освежаемый морским бризом.

В приемной я просидел не больше 4–5 минут, как был приглашен в кабинет принца. Там сидел за столом высокий, широкоплечий, коренастый старик лет семидесяти[1] в военной генеральской тужурке. Обстановка кабинета – самая простая, деловая, без малейших намеков на роскошь. На стене висела черная доска, какие обыкновенно употребляются в классных комнатах. Принц встретил меня приветливо, просто, без каких-либо величаво-торжественных знаков и жестов, подчеркивающих покровительственное превосходство и снисхождение к принимаемому. Некоторые губернаторы и чины разных министерств, с которыми мне приходилось иметь дело, куда величавее и пышнее принца держали себя с просителями…

И.Е. Репин. Портрет принца А.П. Ольденбургского

Он усадил меня за стол, открыл свой золотой портсигар и предложил папиросу; я отказался как некурящий. Началась беседа. Я просил его о разрешении взрыва и подробно изложил мотивы ходатайства. Он согласился со мной и отменил свой запрет. Затем он начал расспрашивать, какой системы канализацию я предполагаю устроить в своей даче, какой марки цемент будет употреблен при постройке и т.п. После моих ответов он стал мне пояснять разные системы канализаций, причем на доске чертил мелом их конструкции… Надо заметить, что медицина, санитария, гигиена были любимыми коньками принца. Передо мною был крепкий, бодрый, работоспособный и изучавший серьезно эти ин-

[1] В 1908 г. принцу Ольденбургскому было 64 года.

тересующие его предметы старик. Недаром его всегда командировали на очаги чумной заразы. А в 1910 или 1911 г. Медико-хирургическая академия присвоила ему ученую степень доктора медицины honoris causa. В конце нашей беседы я просил его пожаловать на закладку дачи. Он очень благодарил и заявил, что будет непременно. Мы расстались, крепко пожавши руки друг другу.

На другой день аккуратно в назначенный час он явился с адъютантом на место закладки, когда там находились только мы вдвоем с Фельдау. Священник и полицмейстер явились после. Понемногу стали собираться соседние дачники и любопытные. Кто-то высказал предположение, не имеется ли подпочвенной воды на моем месте? Принц, услышав, попросил дать ему раздвоенный на конце прут от какого-нибудь дерева. Прут немедленно доставили и вручили ему. Он взял обеими руками его верхний конец, а нижний, раздвоенный, наклонил к земле и начал суетливо и быстро ходить по месту в разных направлениях. Совершивши этот обход, принц заявил, что никакой подпочвенной воды на моем месте и поблизости от него не имеется. Ему, конечно, никто не возражал. Но меня очень удивила манипуляция с прутом. Я недоумевал, но находил неудобным просить принца рассеять мое недоумение.

Уже много лет спустя мне попала в руки книга английского профессора У.Э. Баррэта «Загадочные явления человеческой психики»[1]. В ней я нашел разгадки моего недоумения. Баррэт утверждает, что гадатели-водоискатели употребляют с давних лет так называемый волшебный прут (dousing rod), вилообразный, раздвоенный на конце отрезок от дерева. Этот прут будто бы безошибочно указывает местонахождение подпочвенной воды, наклоняясь к земле, и такой способ водоискательства до сих пор часто употребляется в Англии…

Этот способ, очевидно, был известен принцу, и он применил его здесь. При освящении места закладки я заметил одну особенность, которая наблюдается в Греции и Турции и вообще на Востоке. Священник в конце благословляющей молитвы льет на заложенные камни вино и масло. Принц бросил в заложенный фундамент несколько золотых и серебряных монет. Его примеру последовали некоторые из присутствующих. При этом принц спросил, кто рабочие: турки или греки. Оказалось – турки. Тогда он успокоился и сказал, что деньги, брошенные в закладку, останутся целы; а рабочие-греки, наверное, их изъяли бы и присвоили себе… Местный фотограф сделал несколько снимков с церемонии закладки.

В конце было подано шампанское. Я произнес коротенький тост за здоровье принца, указав и подчеркнув его творческую работу по созданию Гагр. Закричали «ура!». Этим все кончилось. Я проводил принца до автомобиля; вернулся в свой номер и переменил фрачную пару на чесучовую – так было жарко…

Подпочвенных вод при дальнейших работах на моем месте, действительно, не оказалось.

На рождественские праздники 1909 г. я опять отправился в Гагры. На торжественной елке, обычно устраиваемой за счет принца в главной гостинице, я опять имел встречу и разговор с ним, и он опять спрашивал меня о цементе и

[1] Уильям Флетчер Баррет (1844–1925) – британский физик, профессор, исследователь паранормальных явлений, связанных с практикой спиритуализма. Автор книги «Загадочные явления человеческой психики», изданной в русском переводе в Москве в 1914 г.

о ходе работ по постройке дачи. На елку приглашались все гагринские дети без всяких исключений и ограничений: дети служащих, рабочих, прислуги, торговок и т.д. На елке 1909 г. их было около 400, и все получили подарки.

Принц был полным, неограниченным хозяином Гагр. Он вникал во все мелочи курорта. Кухня, буфет, столовая, номера – все было предметом его внимания и строгого наблюдения. Замеченные непорядки вызывали строгие репрессии к виновным. Малейшее пятнышко на салфетке, не на своем месте стоящая солонка, пепельница, спичечница и т.п. – ничто не укрывалось от его наблюдения. Плохо приготовленное или поданное блюдо, малейшая неопрятность в коридорах, уборных, на лестницах и т.д. вызывали жесткие кары.

Служить при нем и с ним, очевидно, было очень нелегко, и его «первые министры» (управляющие станцией) менялись чуть не каждые полгода. Большинство из них были военные-гвардейцы. Но за мое время был один штатский – агент Общества русского пароходства и торговли, грек по происхождению и русский по фамилии, бердянский мещанин А.В. Савельев. Это был симпатичный, но хитрый, лукавый и с большой сметкой вполне окультуренный и обрусевший эллин. Долго ли продержалось его «министерство» – не знаю: в начале войны 1914 г. я оставил Гагры. Низший же персонал служащих был очень невысокого качества. Говорили о хищениях, о взятках, о грубом произволе, и, по-видимому, слухи имели более чем веские основания.

На фото: принц А.П. Ольденбургский (в центре) со своей «свитой». Гагра, 2 мая 1912 г.

Кажется, летом 1910 г. недалеко от Гагр было совершено разбойное нападение нескольких злоумышленников, вооруженных и замаскированных, на проезжавших в Гудауту. Оно было расследовано управляющим станцией гвардейским ротмистром Старосельским (из самых порядочных и приличных

«премьеров» принца). Оказалось, что возглавлял бандитов один из служащих управления станцией. Его судили и сослали в Сибирь. При отправлении его в ссылку супруга принца прислала ему «Новый завет», сласти и разные продовольственные припасы.

Принца нередко можно было видеть в парке, на шоссе, на базаре, на набережной делающим хозяйственный обзор в сопровождении управляющего и полицмейстера. Он всегда ходил в форменной тужурке, без всякого оружия, но обязательно с палкой в руках. На поклоны он вежливо козырял, а при встрече с дамами галантно козырял сам первый. Лютеранин по вероисповеданию, он очень радел о древнем (кажется, 7–8 в.[1]) православном храме, который турки когда-то обратили в пороховой погреб. В торжественные службы принц являлся в храм в полной парадной форме со свитой. Я имел случай видеть его мерно шагающим во главе свиты за крестным ходом в день Крещения на иордань, поставленную на горной речке Жоэкваре. День стоял ясный, жаркий. Иордань зеленела, увитая сплошь миртами… Когда какой-то московский купец прислал для гагринской церкви большой колокол, то принц сам лично присутствовал при церемонии его освящения и поднятия на колокольню и сам первый зазвонил в него.

Его супруга и сын были православные. Брак его сына[2] с сестрой Николая II Ольгой Александровной[3] был неудачен. В конце концов они развелись, и Ольга Александровна вышла замуж за офицера Ахтырского гусарского полка[4], шефом которого она являлась. Несмотря на это, принц состоял, по-видимому, в очень хороших отношениях с Николаем II, который, кажется в 1911 г., пожаловал ему титул Императорского Высочества, а до того он был только Высочеством, хотя его супруга всегда носила титул Императорского Высочества.

Но вот что я нашел в письме Государыни Александры Федоровны к Николаю II. Упомянув о свидании с сыном принца, она дальше пишет: «Мне придется повидаться с его сумасшедшим отцом. Я дважды посылала к нему Ломана[5] за различными сведениями относительно наших поездов. Он, принимая его при других, накричал на него, оскорбил и все не так понял, хотя ему была передана бумага, которую я предварительно просмотрела. Он просто невозможен, бегает по комнатам, никому не дает слова сказать и все время кричит»[6].

О вспыльчивых и бурных, гневных порывах принца до меня доходили слухи и в Гаграх. Вполне достоверные люди рассказывали мне, что он нередко допускал палочную расправу со служащими. Прием Петра Великого – основателя Петербурга, а принц – основатель Гагр…

---

[1] Считается, что гагрский храм был построен в VI–VII вв.

[2] Петр Александрович Ольденбургский (1868–1924) – первый муж великой княгини Ольги Александровны, сестры императора России Николая II.

[3] Ольга Александровна Романова (1882–1960) – последняя великая княгиня, младшая дочь императора Александра III Александровича и императрицы Марии Федоровны. Художница.

[4] Николай Александрович Куликовский (1881–1958) – второй муж великой княгини Ольги Александровны.

[5] Дмитрий Николаевич Ломан (1868–1918) – полковник, штаб-офицер для поручений при Дворцовом коменданте, доверенное лицо Императрицы Александры Федоровны.

[6] Письмо от 29 января 1915 г. № 273. «Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1915 гг.». Госуд. Издательство. 1923. Т. 3. С. 109–110. – *Прим. авт.*

Часть зимы 1910–1911 гг. я жил уже на своей даче. Зима выдалась ужасная: с конца декабря повалил снег, выпало его около сажени высоты[1]; понадобились сани, а их никогда не было в Гаграх. Смастерили наскоро какие-то самодельные вроде дровней. Морозы доходили до 5–12 градусов; двойных рам нигде не имелось; во многих дачах не было совершенно комнатных печей. Море в течение нескольких недель страшно бушевало, поднимая волны на десятки сажен в вышину, от удара этих морских громад о берег дрожала земля, вздрагивали аршинной ширины каменные стены моей дачи, отстоящей от моря около 60 сажен. Пароходы не останавливались; снежные заносы прервали сообщение с окрестными селениями и аулами. Почта не приходила; телеграф бездействовал. Мы были как в осажденном городе. Продовольственные припасы подходили к концу. Пернатая дичь, прилетевшая зимовать, спустилась с вершин гор и искала тепла внизу; ее стреляли в парке, стреляли с балконов дач, ловили руками иззябшую, ослабевшую, ставили ловушки-силки около деревьев, дичь забиралась в них, рассчитывая, очевидно, погреться, немало их и замерзало. Старожилы-чужеземцы[2] говорили, что такая зима в последний раз была в 1872–1873 гг., и что такие зимы бывают у них через 40 лет. (Но, судя по газетам, подобное повторилось в 1925–1926 гг.) От больших масс снега и страшного морского прибоя пострадали многие постройки в Сухуме, Батуме и Трапезунде…

С большим трудом и риском я вырвался из Гагр в конце января и в Саратове отогрелся.

О гагринской жизни я поместил в «Волге»[3] длинный ряд корреспонденций под заглавием «Где море вечно плещет» и рассказов под заглавием «Курортные негативы». Некоторые вырезки их из газеты у меня сохранились, и если явится малейшая возможность издать их при моей жизни, я постараюсь это сделать. «Omnia Deo, nihil – fortuna» (все от Бога и ничего от судьбы) значится на жетоне, подаренном мне одной из саратовских губернаторш. Я иногда вспоминаю этот девиз, и хочется верить, что Бог поможет мне осуществить мое намерение. Фортуна изменчива, лукава, непостоянна, шаловлива…

В своих воспоминаниях я всегда с особым удовольствием останавливаюсь на пребывании в Гаграх. В корреспонденциях я изобразил, какие были Гагры, когда их называли «Ольденбургией». А что с ними сталось потом? С той поры, как я сделался гагринским дачевладельцем, я приступил к ликвидации моих служебных и общественных обязанностей по Саратову. В 1909 г. я отказался от должности городского юрисконсульта. (Моим преемником назначили присяжного поверенного М.М. Парли, отбывавшего при мне стаж, а потом ставшего моим фактическим помощником.) В 1910 г. вышел из состава присяжной адвокатуры, и тогда же Саратовское уездное земское собрание единогласно избрало меня почетным мировым судьей, каковым я состоял до января 1918 г.

---

[1] Т.н. «большой снег» в Абхазии, как известно, начался в ночь с 3 на 4 января 1911 года.

[2] Видимо, под чужеземцами автор имеет в виду колонистов, «заменивших» коренное население Абхазии, изгнанное в Турцию в результате махаджирства.

[3] «Волга» – литературная и политическая газета, выходившая в Саратове с 1877 г.

Чтобы закончить изложение фактов и иллюстраций, характеризующих нравы и поведение провинциальных газетных писак, забегу несколько вперед и вкратце изложу пикантную сенсацию, появившуюся в «Листке»[1] летом 1914 г., когда я находился в Гаграх. Фактическим редактором «Листка» в это время был Н.Н. Сиротинин – секретарь кадетского комитета.

Когда в августе 1914 г. после начала войны я вернулся в Саратов, то узнал, что «Листок» напечатал о похищении мною молодой жены одного «помещика», с ее согласия, и увозе ее в Гагры. «Листок» утверждал, что имеется уже дело в Окружном суде и что мне предстоит понести наказание – тюремное заключение до 4 месяцев. Не буду излагать все подробности этой сенсации, в которой была затронута честь замужней молодой женщины, названной в хронике «Листка» en toutes lettres[2]. Конечно, никакого дела по обвинению меня не возникало. Мне лично шел уже 64-й год, и сенсация г. Сиротинина могла доставлять мне «соблазнительную честь». Приехав в Саратов, я застал в обеих газетах («Листок» и «Вестник») фельетонный трезвон на эту тему. Фельетоны, заметки, карикатуры, изображавшие меня лихим гусаром, увозящим в своих объятиях молодую женщину, пестрили столбцы этих газет. Несмотря на «соблазнительную честь», я послал опровержения, которые редакции поместили без урезок. (Обычная некрасивая манера наших газет при напечатании опровержений.) Кроме того, я предъявил обвинение «Листку» в печатной клевете. По получении повестки судебного следователя «Листок» (Сиротинин) прекратил свои рассуждения и фельетонные остроумия на эту тему. Его примеру последовал и «Вестник» <…>

<…> В начале июня я отправился в Гагры. Туда же вскоре приехала одна из моих дочерей с мужем и своей девочкой; следом за нею прибыл мой старший сын. Мы предполагали в тесном семейном кругу пробыть там до конца лета. Но предположениям этим не суждено было осуществиться… Ранним утром в воскресенье 20 июля (3 августа по н. ст.) я по обыкновению отправился на море купаться. В купальном здании я встретил служащего управления, который мне и сказал, что ночью получено сообщение об объявлении нам войны Германией… На следующий день говорили о неминуемом нападении на нас Турции. Началось бегство… Принца на этот раз не было в Гаграх. Во вторник 22 июля мы с сыном выехали в Саратов. Спустя некоторое время Гагры оставила и семья моей дочери. Свою дачу я сдал инженеру Савиничу, а в 1916 г. я ее продал <…>

22 декабря 1926 г. (4 января 1927 г.)
Саратов

Подготовка текста, вступление, примечания – А. Дбар

[1] Имеется в виду газета «Саратовский листок».
[2] Буквально: в полном объеме.

П.В. ЧИКОВ

ТАБАЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО ПЛАНТАТОРА В СУХУМСКОМ ОКРУГЕ

(Отчет инструктора П.В. Чикова по ознакомлению с Сухумским районом табаководства)

Петр Васильевич Чиков (?–?) – автор ряда статей и брошюр по табачному делу. Статья печатается по изданию: Сборник статей и материалов по табачному делу / Под редакцией Старшего специалиста по табаководству при Департаменте Земледелия С.А. Эгиза. Год первый. – Петербург, 1913. – С. 347–354.

Объезжая Сухумский округ и присматриваясь к местному табачному хозяйству, у меня составилось представление о местном табаководстве, которое яснее всего, мне кажется, можно передать, описав типичное хозяйство плантатора.

В Сухумском округе табаководством занимаются преимущественно греки, армяне и турки. Плантаторов можно разбить на три категории: 1) плантаторы, арендующие столько земли, сколько они могут обработать личным трудом и трудом своего семейства; 2) плантаторы, арендующие несколько большие участки и обрабатывающие их не только своим трудом, но и наемными силами; 3) плантаторы, обрабатывающие землю исключительно наемным трудом.

Так как мне приходилось больше всего наблюдать плантаторов второй категории, то остановлюсь на описании хозяйства именно такого плантатора. Считаю не лишним заметить, что способы культуры табака у всех трех категорий одинаковы.

Описываемое мною хозяйство принадлежит плантатору-греку, выходцу из Малой Азии. Им арендуется 4 ¾ десятины на 6 лет по 25 рублей за десятину арендной платы в год. Участок этот он эксплуатирует уже в течение 11 лет.

Все его хозяйство расположено на северо-восточном склоне. Почва довольно каменистая, водопроницаемая, легкая – типичная для самсуна, хотя он разводит немного и трапезонда[1]. Кроме табака, им ежегодно засевается одна десятина кукурузы; ½ десятины у него под выгоном и, затем, имеется маленький огородик, где главным образом растет фасоль и чеснок.

[1] Сорта табака.

Почву под табак он приготовляет таким образом: в феврале-марте перекапывает турецкими вилами («пель»), а в апреле перед самой посадкой перетохивает. Перед последним тоханием, которое производится один раз, разбрасывается по участку предварительно распаренная и отравленная мышьяком кукуруза (на пуд кукурузы берется ½ – 2 фунта мышьяку) для уничтожения медведки (Gryllotalpa). В этом году он хочет дорогую перекопку заменить вспашкой, для чего уже купил плуг Эккерта[1].

К приготовлению рассадника он приступает с января месяца. Первым делом он перекапывает землю, затем разбивает на гряды (4 х ½ ар.); в таком виде рассадник остается почти до самаго посева. Перед посевом вносит перепревший навоз, перетохивает уже землю с навозом, а затем высевает семена и придавливает их сверху дощечкой. Такие операции производит он с рассадником под самсун; под трапезонд же несколько иначе: навоза он не вносит, а вместо него поливает рассаду несколько раз раствором ночного золота. В зависимости от роста рассады раствор меняется: чем старше рассада, тем крепче раствор.

Уход за рассадой самый простой: поливка и полка при помощи палочки, которая заменяет указательный палец. Место для рассадника выбирается самое защищенное, по близости к воде.

Семена он высевает в пророщенном виде, причем проращивание производится в мешочке, который обыкновенно плантатор держит около очага. Семена часто перемешиваются и когда прорастут (через 5–7 дней), смешиваются с землей и высеваются на гряды. Посев делается густой: на 30 гряд – 48 зол. семян, и в разное время, для получения рассады разного возраста: первый посев – в конце февраля или начале марта, второй – в средних числах марта; редко высевает третий раз. Нужно заметить, что наш плантатор на 3% десятины табаку выращивает 50 гряд рассады, т.е. с избытком.

Когда рассада готова, плантатор приступает к посадке. Предварительно он делает лунки (рядки) тохою и уже по лункам садит рассаду с 4–5 листьями. Поливку при посадке редко применяет, большею частью выжидает дождя, давая иной раз немного перерасти рассаде и только в крайнем случае, когда дождя уже очень долго нет, – поливает.

Расстояния между рядами, а также между растениями в ряду, зависят от некоторых условий, главным же образом, – от сорта и почвы. Так например, когда на его участке почва еще не была истощена, он сажал самсун на 14 х 6 верш., а трапезонд 16 х 6, теперь же он первый сорт сажает местами, где получше почва 12 х 6, а где похуже 8 х 6, трапезонд – 14 х 6, а в некоторых местах и 12 х 6 вершков.

Посадка начинается обыкновенно с 1-го мая, иногда продолжается до 12-го июня. Место, оставшееся после рассадника, он тоже старается использовать – засадить его табаком.

Уход за табаком во время роста ничего особенного не представляет. Через 2–3 недели после посадки производится первое мотыжение, затем через следующие 2–3 недели, в зависимости от роста табака, второе мотыжение делается с окучиванием.

---

[1] Г. Эккерт – немецкий изобретатель и промышленник XIX в.

Вершкование[1] он производит рано – с появлением первых цветов, потому что при раннем вершковании урожай получается больше, чем при позднем. Если верить словам плантатора, то при позднем вершковании получается с 1000 восьмиаршинных шнуров 30–35 пуд., при раннем – 45–50 пудов.

Пасынкование[2] производит несколько раз, большею частью дает пасынкам вырасти в вершок, а то и более.

Когда лист становится липок, цвет его из зеленого переходит в темнозеленый и покрывается небольшими желтыми пятнышками, тогда плантатор считает табак зрелым и приступает к уборке. Уборка большею частью начинается с конца июля. Убирает табак в 4 приема: с появлением цветка убирает нижние листья (дипсар), через неделю – хашлама, спустя 8–10 дней – анач и, наконец, торук. Точно определить промежуток времени между этими уборками невозможно: в зависимости от погоды, почвы, склона и т.д. промежуток бывает больше и меньше. При нормальных условиях уборку заканчивают в середине сентября, этот же 1911 год оказался исключительным вследствие холодных дождей; потому уборка закончилась только к 10-му октября.

Сам плантатор при уборке и папушевке[3] в работах не участвует, он за этими работами только присматривает. Работают партии русских, которые убирают и нанизывают сдельно от шнура: за 8-аршинный шнур берут от 6–8 копеек, при чем трапезонд всегда на 1 коп. дешевле. Нанизывают табак сейчас же после уборки, при этом обыкновенно ломают ночью столько табака, сколько могут нанизать за день. При нанизывании употребляют иглы от 12 до 16 верш. длиною. При средней низке идет 6 иголок длиною в 13 вершков на шнур в 8 аршин, а при густой – до 8 иголок. При установившейся погоде практикуется более густая низка, чем в дурную погоду.

Нанизанный табак привешивают к рамам и выставляют на солнце; самсун практикуется оставлять предварительно на ночь, чтобы на него упала роса: тогда он получается красного цвета. С трапезондом этого не проделывают. Сарай для сушки табака у описываемого плантатора расчитан на 4 десятины. Сарай имеет 4 отделения, по местному названию 4 «глаза». Каждый глаз имеет следующие размеры: высота 5 арш., длина 10 арш., ширина 9 арш., высота двускатной крыши 10 арш. В каждом глазе по 32 рамы, размер рамы 8 арш. на 3 ½, на такую раму помещается от 15–18 шнуров самсуна. С каждой стороны сушилки идет корридорчик в 3 арш. ширины, при чем в конце одного корридорчика помещается комната для сторожа.

Сушка обыкновенная: в ненастную погоду, – ветер, дождь и т.д., рамы вносят в сарай, а в хорошую выносят на солнце. Сушка продолжается в зависимости от сорта иногда от 10–15 дней.

Когда табак высох, плантатор подвешивает его в сарае; при этом он составляет хавенки из 3-х шнуров, предварительно сложенных вчетверо.

Через 1 ½ – 2 месяца он нанимает партию рабочих, большею частью русских, и во главе с сортировщиком приступает к папушевке. Собственно говоря,

---

[1] Вершкование – удаление соцветий.

[2] Пасынкование – удаление лишних побегов, которые образуются на растении.

[3] Папушевка – послеуборочная обработка табака; 20–25 листьев связываются в пачки (папуши).

он уславливается с сортировщиком; последний же от себя уже нанимает обыкновенно партию рабочих и платит им от шнура на 1 копейку дешевле, которая идет в его пользу. Хозяин платит за папушевку от шнура – от 6 до 8 коп., при чем трапезонд папушуют на 1 коп. дешевле самсуна.

Папушуют табак на 4 сорта (первый, второй, третий и четвертый) по цвету и величине листьев. Цвета главным образом различают следующие: светлокрасный, темнокрасный, желтый и смешанный.

Перед папушевкой табак приходится отволаживать в особом подвале. У этого плантатора подвал рассчитан на 100 хавенок. Для папушевки существует особая комната, из этой комнаты уже спапушеванный табак относят в сушильный сарай, где складывают папуши в кучи, приблизительно в один аршин высотою, и сверху обкладывают досками. В таком положении табак находится около месяца, а затем плантатор приступает к тюковке. Нужно заметить, что иной раз плантатор продает табак не спапушеванный, а в шнурах.

Что касается урожая, то я могу только указать на урожай этого 1911 г. Относительно же прошлых годов плантатор говорил, что получал больше. В этом году он получил с 3 ½ десят. – 4.500 восьмиаршинных шнуров самсуна, давших спапушеванного табаку 180 пудов, т.е. в среднем 50 пуд. на десятину.

Прежде, чем приступить к дальнейшим операциям с табаком, дополню описание хозяйства.

Постройки: 1) Жилой дом о двух комнатах. 2) Комната для папушевки. 3) Подвал для отволаживания табака. 4) Сарай для кукурузы. 5) Сарай для коровы. 6) Сушильный сарай.

Мертвый инвентарь: 1) 9 больших корзин для уборки табака. 2) Ящик для тюковки. 3) 6 турецких вил для перекопки. 4) 5 сапок для разрыхления земли после перекопки. 5) 5 тох для мотыжения и окучивания. 6) 15 иголок для нанизывания табака.

Живой инвентарь: 1) Одна корова. 2) 4 злых собаки.

Относительно стоимости работ хотя у меня и имеются цифры, но они не характерны, потому что три члена семьи этого плантатора сплошь и рядом принимают участие в работах.

Дальнейшие операции с табаком, происходящие независимо от плантатора

Выдача задатков. Еще когда табак находится в хавенках, к плантатору приезжает купец, который дает ему задаток: большею частью, за 1.000 шнуров – 100 рублей. При этом нужно заметить, что у каждого купца в разных селениях есть агенты, которые заранее узнают и затем знакомят купца с тем, у кого какой товар, и насколько тот или другой плантатор аккуратно исполняет условия.

Условие заключается тут же; а за задатком плантатор приезжает в город. Привожу условие целиком.

УСЛОВИЕ

Месяц, число, год

Мы, нижеподписавшиеся Х и У, заключили сие условие в нижеследующем: 1) Из нас Х продал табак собственной плантации, находящейся в таком-то се-

лении по плантаторскому листу за № таким-то, урожая 1911 года, количеством «n» шнуров, приблизительно «n» пудов, ценою по «n» руб. за каждый пуд чистого табака; в задаток получил «n» руб., а остальные имею получить по изготовлении и сдаче табака в склад. 2) Я, Х, обязываюсь проданный г-ну У табак папушевать сухо и по ломкам, сортировать чисто, не подмешивать филлич, т.е. пасынки, горелый, сырой и зеленый, а также «дип» и градобитый, и тюковать на собственные средства по указанию г-на У. 3) Я, Х, обязываюсь в проданный г-ну У табак не подмешивать табак других плантаций, а также из проданнаго табаку не оставлять себе ничего и не продавать другому лицу, а всецело сдать г-ну У. Проданный г-ну У табак вперед никому не продан и не заложен, по заключении сего договора принят мною на хранение при личном моем риске до сдачи как собственность г-ну У. 4) Если при сдаче проданного табака окажется горелый, сырой и испорченный, зеленый, филлич, а также дип и градобитый, то г-н У имеет право таковой табак не принимать, и сделанный расход я, Х, принимаю на свой счет. 5) Брак (или четвертый сорт), какой окажется на моей плантации, оценен нами по «n» руб. коп. пуд, и его одновременно обязуюсь доставить с хорошим табаком в склад. 6) Приемка табаку должна быть в продолжение такого-то месяца 1911 года, и проданный г-ну У табак я должен доставить в склад на собственные средства. 7) В случае пожара или других несчастий, от которых мог бы пострадать проданный табак, я, Х, обязываюсь г-ну У немедленно все полученные от него деньги возвратить сполна. 8) За нарушение сего условия в чем-либо, виновная сторона платит правой неустойку «n» рублей.

Наш плантатор продал в этом году купцу самсун по 15 руб. I, П и III сорта и по 5 руб. IV сорт.

Покончив с тюковкой, плантатор отвозит приблизительно в январе, феврале табак в склад купца. Перевозка ему обходится 2 рубля за арбу, вмещающую 12 тюков; живет он в 3-х верстах от города.

Обыкновенно же платят таким образом: если плохая дорога – 50 коп. от тюка не дальше 20 верст, по шоссейной дороге – 25 коп. от тюка.

Вместе с задатком плантатор получает из склада купца рядна и веревки, употребляемые при тюковке. На средний тюк идет к 3 арш. рядна и ½ фун. веревки толщиною в карандаш.

При взвешивании высчитывается тара, т.е. купец платит только за нетто – табак без веревок, рядна и палок. Вес тюка для самсуна 2–3 пуда, для трапезонда 2 ½ – 4 пуда.

Перед приемкой купец осматривает табак, причем наблюдаются большие злоупотребления: купец придирается к плантатору, находит тот или иной недостаток в роде того, что табак сырой, не по сортам папушеванный, что обложка не из 3 сорта, а из 4-го и т.д. Основываясь на этих причинах, купец сбавляет ему цену, и плантатор, связанный задатком, обыкновенно соглашается.

Приемка табака продолжается с января по апрель, больше всего табаку поступает в склады в январе-феврале. После приемки купец или тотчас же отправляет табак на фабрики, где и производится брожение, или оставляет его в своем складе.

В последнем случае тюки складываются стоймя в два ряда перед самым брожением, которое большею частью начинается с апреля. На время брожения за-

крывают склад и дают перебродить табаку. Заканчивается брожение обыкновенно к концу мая или к средним числам июня.

Собственно продолжительность брожения зависит от различных условий: погоды, сорта, качества, болезней табака (мозаичная болезнь) и т.д. Так, например, самсун скорее заканчивает брожение, чем трапезонд, но если самсун представляет из себя сильный табак, как говорят, то брожение запаздывает. Мозаичная болезнь отражается на правильности брожения.

Когда главный период брожения прошел, хозяин заходит в склад и осматривает свой табак, при этом сортирует тюки по брожению: тюки с правильным брожением кладутся вниз, со средним в середину, а тюки с неоконченным брожением на верх. Через 10–15 дней перекладываются тюки наоборот.

Клетки для самсуна и трапезонда бывают различные: самсун складывают по три тюка в один ряд: клетка состоит из 9–12 тюков. Трапезонд складывают по 2 тюка в ряд: клетка состоит из 6–8 тюков.

По окончании брожения в некоторых складах табак перетюковывают с целью выделения испорченного табака и более точного распределения по сортам. Так, в складе Гокиелова существует особое сортировочное отделение, в котором крестьянский табак пересортировывается по цвету, приноравливаясь к требованиям заграничных рынков (Каир, Александрия).

При вторичном взвешивании после брожения вес табака уменьшается, что объясняется усышкой. При хорошей папушевке усышка = 6%, не больше 7%; при плохой папушевке, если табак был спапушеван сырым, то усышка = 8–10%. Больше всего усышки падает на 4 сорт.

В складе уже готовый табак прессуют, обшивают и отправляют на фабрики.

Заканчивая свой небольшой отчет, выскажу в нескольких словах свой взгляд на местное табаководство, а главным образом, **какие цели должна преследовать Сухумская опытная табачная плантация**.

Прежде всего, скажу, что способ ведения местного табачного хозяйства ведет к полному истощению почвы, а поэтому опытная табачная плантация должна прийти на помощь табаководам. С этой целью в первую очередь должны быть поставлены опыты с удобрениями и с севооборотами.

Параллельно с этим необходимо заложить коллективные опыты, принимая во внимание разнообразие почвы в Сухумском округе.

Кроме этих опытов, по всей вероятности, придется обратить внимание на культуру табака типа Брайт (конкверор и северная каролина)[1].

Вот, по моему мнению, первые задачи, которые должна выполнить Сухумская опытная табачная плантация. В будущем, безусловно, требования разовьются, а параллельно с этим придется расширить программу.

Подготовка текста, примечания – А. Дбар

[1] Сорта табака.

АРХИМАНДРИТ ДОРОФЕЙ (ДБАР)

К 100-ЛЕТИЮ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НОВОЙ АВТОКЕФАЛИИ АБХАЗСКОЙ ЦЕРКВИ

ПРЕДЫСТОРИЯ

После кончины в 1795 г. последнего Абхазского католикоса-патриарха Максима II, автокефальная Абхазская Православная Церковь (чаще именуемая Абхазским Католикосатом), созданная в эпоху Абхазского царства (VIII–X вв.), фактически прекратила свое существование.

В период расцвета канонические границы этой Церкви охватывали не только территорию самой Абхазии, но и территорию современной Западной Грузии, а также часть территории Краснодарского края Российской Федерации. Если с VIII по XVI в. административным центром автокефальной Абхазской Церкви была Пицунда, то с середины XVI в. он переместился в Гелатский монастырь, в Имерети (совр. Западная Грузия)[1].

[1] Подробно об истории Абхазского Католикосата см.: Brosset M. Essai chronologique sur la série des Catholicos d'Aphakhazeth // Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des sciences, t. 1, № 20–21. St.Petersburg–Leipzig, 1844. – P. 305–324; Жордания Ф. Абхазские католикосы (краткий очерк из истории Абхазской Церкви). Ставрополь, 1893; Дурново Н.Н. Исторический очерк автокефальных Церквей: Иверской и Имеретинской, со списками 120 епархий и католикосов Мцхетского и Имеретинско-Абхазских. М., 1910; Пальмов Н. Некоторые сведения о католикосе Имеретинском и Абхазском Максиме II // Труды Киевской Духовной Академии, 12 (1913), с. 566–588; Тарнава М.И. Краткий очерк истории Абхазской Церкви. Сухум, 1917; Μαξίμου, μητροπολίτου Σάρδεων, Ο Χριστιανισμός εν τη Δυτική Γεωργία / Μαξίμου, Μητροπολίτου Σάρδεων, Η Εκκλησία της Γεωργίας (Ιβηρίας) και το Αυτοκέφαλο Αυτής // Θεολογία, 36 (1965), σ. 529–548; Дбар Д. Из истории Абхазского Католикосата // Духовный мир. Сборник работ учащихся Московской духовной семинарии и академии. Вып. 4. Сергиев Посад, 1997. – С. 68–90; Чачхалиа Д. Абхазская Православная Церковь. Хроника. Прибавления. М., 1997; Аджинджал Е.К. Из истории христианства Абхазии. Сухум: Изд. «Стратофил», 2000. – С. 84–135; Коридзе Т.В., Абашидзе З. Д. Абхазский Католикосат // Православная энциклопедия, 1 (2000), с. 67–72; Дорофей (Дбар), иеромонах. История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. Новый Афон (Анакопия): Изд. «Стратофил», 2005. – С. 199–235; Дорофей (Дбар), иеромонах. Краткий очерк истории Абхазской Православной Церкви. Издание третье, исправленное и дополненное. Новый Афон: Изд. «Стратофил», 2006; Силогава В.И. Древнейшее письменное известие об Абхазских католикосах (колофоны Ахалцихского евангелия конца XI в.) // XVIII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы.

В 1851 г. в пределах Абхазского княжества, входившего с 1810 г. в состав Российской империи, была учреждена Абхазская епархия. Она находилась в ведении Святейшего Правительствующего Синода Российской Церкви через посредство русского Экзархата в Грузии. В 1885 г. Абхазская епархия была переименована в Сухумскую и в ее состав вошла часть территории расформированной Кавказской епархии. Таким образом, с 1885 до 1918 гг. территория Сухумской епархии простиралась от реки Ингур до Анапы.

К 1917 г. в Сухумскую епархию входили четыре монастыря (два мужских и два женских) и 125 церковных общин (приходов). Из них:

- 61 абхазский приход (в том числе и 32 самурзаканских);
- 36 русских приходов (из числа переселенцев из Российской империи);
- 16 греческих (из числа переселенцев из Османской империи);
- 4 мегрело-грузинских;
- 8 смешанных (русско-греческих и русско-мегрельских, также из числа переселенцев).

Численность духовенства Сухумской епархии, по данным на 1912 г., составляла 135 священнослужителей:

- один правящий епископ (с 1851 по 1917 гг. Сухумскую кафедру поочередно занимали 14 епископов, из них пятеро были грузинами и девять – русскими. Все епископы направлялись в Абхазскую епархию либо из Грузии, либо из России);
- один архимандрит (настоятель Новоафонского монастыря);
- один иеромонах (судя по всему, иеромонахи, служившие в Новоафонском и Драндском мужских монастырях, в данном случае учтены не были);
- четыре протоиерея;
- 124 иерея;
- три диакона.

Национальный состав духовенства был следующим:

- абхазы – 12 человек (протоиерей Дмитрий Маан, священники Александр Ажиба, Василий Агрба, Георгий Туманов (Ахан-Ипа), Г. Цишба, Дмитрий Какалия, Елизбар Ачба, Иларион Кучуберия, Иосиф Лакырба, Николай Ладария, Николай Патейпа и Пантелеимон Самаа);
- мегрелы, сваны и грузины (в большинстве – присланные Имеретинской церковной конторой) – 61 человек;
- русские, приехавшие из различных епархий Российской Церкви, – 49 человек;
- греки, мигрировавшие из Османской империи, – 11 человек;
- осетины – один человек.

Подавляющее большинство священнослужителей Сухумской епархии имели только начальное и среднее образование (окончили церковно-приходские, либо монастырские школы и духовные училища). Среди русского духовенства было несколько выпускников высших церковных учебных заведений – духовных академий. Среди абхазского духовенства были выпускники духовных семинарий,

Т. 1. М., 2008. – С. 380–381; Виноградов А., Гугушвили Ш. Абхазский Католикосат. Его возникновение и ранняя история (VIII–X вв.). М., 2013.

но не было ни одного выпускника академии. Кроме того, среди абхазского духовенства не было монашествующих священнослужителей, т.е. не было ни одного потенциального кандидата в епископы. Самое высшее должностное место, которое занимали абхазские священнослужители в структуре Сухумской епархии, была должность благочинного различных участков Сухумского округа (благочинными были протоиерей Димитрий Маан и священник Иосиф Лакырба, оба – дворянского происхождения).

После февральской революции 1917 г. и отречения от престола императора Николая II был созван новый состав Святейшего Правительствующего Синода Российской Церкви. Первое заседание этого Синода открылось 25 апреля 1917 г.

29 апреля того же года новый Синод выпустил послание, в котором говорилось о необходимости скорейшего созыва Всероссийского Поместного Собора для решения насущных задач церковной жизни. Одновременно во всех епархиях Российской Церкви прошли епархиальные съезды, ограничившие епископскую власть созданием особых епархиальных советов (комитетов) из числа избранных представителей клира и мирян. Стал вводиться выборный порядок замещения всех духовных и особенно духовно-административных должностей.

12 марта 1917 г. в Мцхетском храме Двенадцати апостолов состоялся Собор из иерархов, клира и мирян грузинской национальности. На Соборе в одностороннем порядке была провозглашена автокефалия Грузинской Церкви. 23 марта 1917 г. временное управление ГПЦ подает в Тифлисский комиссариат Временного правительства России декларацию, в которой настаивает на признании автокефалии в следующих границах: Тифлисская и Кутаисская губернии, Сухумский и Закатальский округ, Батумская область и Бзыбская (от Пицунды до Гагры) Абхазия, приписанная к Сочинскому округу.

27 марта 1917 г. Временное правительство России принимает постановление по вопросу объявления автокефалии ГПЦ, согласно которому Временное правительство признало за автокефальной Грузинской Церковью характер национально-грузинской Церкви. И хотя она не была ограничена определенной территорией, все русские и другие негрузинские православные церковные общины (приходы) были оставлены в ведении Русской Церкви.

27 марта 1917 г. в Святейший Синод Российской Церкви поступила просьба от клириков грузинского Экзархата, не желавших подчиниться юрисдикции грузинских автокефалистов, о создании на Кавказе русского Экзархата. Абхазские церковные общины (приходы) также не пожелали войти в состав новообразованной автокефальной Грузинской Церкви.

В мае 1917 г. в Сухум приезжает грузинская делегация во главе с бывшим предводителем дворянства Кутаисской губернии князем Давидом Нижарадзе и генералом Василием Габаевым (Габашвили). Они ведут переговоры с представителями абхазского народа о присоединении абхазских церковных общин (приходов) к вновь образованной автокефальной Грузинской Церкви.

«Три дня продолжались, – писал очевидец событий протоиерей Георгий Голубцов[1], – в Сухуме переговоры этой делегации с абхазскими народными

[1] Протоирей Георгий Голубцов родился 19 января 1868 г. в с. Голубино Московской губернии в крестьянской семье. В 1882 г. окончил Синодальное хоровое училище. С 1888 г., по завершении обучения в Московской духовной академии, служил на прихо-

представителями; много здесь было сказано грузинскими представителями сладких речей, на которые способны только грузины, о необходимости – в интересах абхазцев – церковного слияния с Грузией. Абхазцы терпеливо выслушивали все речи грузинских демосфенов, но от церковной унии с грузинами решительно отказались».

Представители абхазского народа принимают экстренное решение о проведении Съезда абхазского духовенства и выборных мирян с целью объявления автокефалии Абхазской Церкви.

СЪЕЗД АБХАЗСКОГО ДУХОВЕНСТВА И ВЫБОРНЫХ МИРЯН

Съезд духовенства и выборных мирян абхазского православного населения Сухумского округа состоялся в мае 1917 г. в Сухуме. К сожалению, мы не располагаем документами, связанными с этим Съездом, поэтому нет сведений о процессе его организации, регламенте работы, не известно, сколько людей принимало участие в нем. Все, что мы знаем, мы почерпнули из небольшого труда Михаила Тарнава (1895–1941) под названием «Краткий очерк истории Абхазской Церкви», изданного Бзыбским комитетом общества распространения просвещения среди абхазцев в 1917 г., и дневниковых записей протоиерея Георгия Голубцова (1868–1948), опубликованных в 1995 г.

Небольшой очерк М.И. Тарнава – это, собственно, один из первых опытов изложения обобщенной истории Абхазской Церкви[1]. По словам самого автора, к написанию данного труда его побудили вызовы времени. «Настоящее переходное историческое время, – пишет М. Тарнава во введении к работе, – переживаемое Российским государством, со своими лозунгами о национальном самоопределении, самоуправлении и т.д., выдвинуло массу вопросов, требующих немедленного переустройства и переопределения общественной и политической жизни народов нашего государства вообще и в частности. Из всех этих вопросов, всплывших на поверхность, прежде всех других в абхазской жизни возник

дах Подмосковья. В 1895 г. перевелся в Абхазию. С 1895 по 1904 гг. – служащий священник Сухумского кафедрального собора св. Александра Невского. С 1904 по 1919 гг. – настоятель Сухумского кафедрального собора. Участник Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. в качестве заместителя Сухумского епископа Сергия. В 1918–1919 гг. член Епархиального совета Сухумской епархии. 15 декабря 1919 г. выслан из Сухума грузинскими меньшевистскими властями, оккупировавшими Абхазию. В 1920 г. эмигрировал с Добровольческой армией на остров Лемнос. С октября 1920 г. по декабрь 1920 г. преподавал в русской Крестовоздвиженской школе в Константинополе. 1 декабря 1920 г. переселился в Болгарию. Состоял в юрисдикции РПЦЗ. Священник при митрополичьей кафедральной церкви в Софии, затем помощник настоятеля Свято-Николаевской русской (бывшей посольской) церкви на ул. Калоян в Софии. С 1922 по 1948 гг. настоятель Свято-Параскевинской русской церкви в Софии. Скончался в октябре 1948 г. в Софии. В 1995 г. в серии «Материалы по истории Церкви» (книга 8) были опубликованы дневниковые записи протоиерея Георгия Голубцова под названием «Поездка на Всероссийский Церковный Собор».

[1] Отметим, что Ф.Д. Жордания в 1893 г. в Ставрополе публикует работу под названием «Абхазские Католикосы. Краткий очерк из истории Абхазской Церкви». В 1913 г. в «Сухумском вестнике» была напечатана статья С.М. Ашхацава под названием «Краткий исторический очерк Абхазской Церкви». В 1994 г. в Москве Православным обществом святого живоносного Гроба Господня было осуществлено сокращенное издание (без введения и приложения) вышеназванной работы М.И. Тарнава под названием «Православная Абхазия».

вопрос о необходимости определения положения Абхазской Церкви среди других церквей свободного Российского государства. Это обстоятельство и побудило создать настоящий очерк в виде доклада при решении названного вопроса на Съезде духовенства и выборных мирян абхазского православного населения Сухумского округа, состоявшемся 24–27 мая 1917 г. в г. Сухуме».

М. Тарнава в качестве приложения к своему краткому очерку об Абхазской Церкви опубликовал и полный текст резолюции, принятой на Съезде абхазского духовенства и выборных мирян.

Что же касается дневниковых записей настоятеля Сухумского кафедрального собора св. Александра Невского протоиерея Георгия Голубцова, то из них мы почерпнули много интересных сведений о церковных событиях в Абхазии 1917 и 1918 гг., а также о том, как объявление автокефалии Абхазской Церкви обсуждалось в кулуарах.

Итак, Съезд духовенства и выборных мирян абхазского православного населения Сухумского округа проходил в течение четырех дней, с 24 по 27 мая 1917 г. в Сухуме. Однако где именно шли заседания Съезда, мы не знаем.

Инициирован Съезд был, судя по всему, абхазскими общественными деятелями того времени, или, как называл их протоиерей Георгий Голубцов, – абхазскими народными представителями, которые в сложившихся в Российской империи новых обстоятельствах, в ответ на суровые вызовы того времени взяли на себя ответственность за дальнейшую судьбу абхазского народа, в том числе и в плане организации его церковной жизни. Церковный вопрос первым всплыл на поверхность, поскольку грузинские общественные деятели, занятые восстановлением автокефалии Грузинской Церкви, уже пытались присоединить к ней и абхазские церковные общины.

В Съезде принимали участие представители исключительно абхазских церковных общин (приходов). Представителей русских, греческих, мегрельских и грузинских церковных общин, существовавших на территории Абхазии, как и насельников всех четырех монастырей Сухумской епархии на Съезде не было. Нам не известно, участвовали ли в этом Съезде представители каждой из 61 абхазской церковной общины (прихода) Сухумской епархии, в которую, как мы уже отметили, входили и 32 самурзаканские.

Председателем на Съезде был Симон Басария (1884–1941) – выпускник Закавказской семинарии, в свое время преподававший в нескольких различных начальных учебных заведениях Российской империи и побывавший с группой народных учителей Московского общества распространения технических знаний в Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии и Италии. Товарищем (заместителем) Председателя – священник Мгудзырхвского церковного прихода, в свое время выпускник Гудаутской учительской школы Василий Агрба (1889–1938). Секретарями Съезда были избраны выпускник юридического факультета Московского университета Михаил Тарнава (1895–1941) и выпускник Драндской монастырской, Сухумской горской и Кутаисской сельскохозяйственной школ Самсон Чанба (1886–1937).

Мы не знаем причины, по которой церковный Съезд не возглавил ни один из старейших по хиротонии и более образованных абхазских священнослужителей, например, протоиерей и благочинный Димитрий Маан (1866–1948) или

священники Николай Ладария (1866–1924), Николай Патейпа (1877–1941) и Георгий Ахан-Ипа (1880–1920). Ни один из них не был представлен даже в качестве заместителя председателя Съезда. Возможно, в том, что именно священник Василий Агрба был выбран товарищем (заместителем) председателя Съезда, сыграл роль решительный настрой последнего. Известно, что священника Василия Агрба в тот период нередко обвиняли в церковном сепаратизме и национализме.

В любом случае, проведение церковного Съезда с мирянином в качестве председателя в присутствии людей в священном сане противоречило церковным правилам. Однако в то время и в Российской Православной Церкви первым лицом был светский чиновник в должности обер-прокурора Святейшего Синода.

Такое несоответствие церковным канонам при проведении подобного рода церковных собраний можно объяснить отсутствием на них епископа. К сожалению, среди абхазского духовенства не было человека в сане епископа – и не только в дореволюционное время, но и задолго до этого. С падением столицы Византийской империи Константинополя в середине XV в. институт Церкви в Абхазии постепенно теряет былую силу: с середины XVI в. – на протяжении почти 300 лет – на территории Абхазии не было ни одного епископа.

Однако вернемся к Съезду. С основным докладом на нем выступил Михаил Тарнава. Доклад представлял собой краткий очерк по истории Абхазской Церкви – от апостольской проповеди в Абхазии в I в. до начала XX в. В завершение своего исторического экскурса М. Тарнава подчеркнул, что все им сказанное «дает полное право Абхазской Церкви в наши дни раскрепощения религиозной жизни граждан свободного Российского государства заговорить о восстановлении Абхазской Церкви в том виде, в каком ей позволяет историческое, нравственное, религиозное и человеческое право. В таком роде должно выразиться наше пожелание в переустройстве нашей религиозной жизни и определение положения нашей многострадальной Церкви в свободном Российском государстве».

Съезд духовенства и выборных мирян абхазского православного населения Сухумского округа принял следующую резолюцию:

«Мы, представители Абхазских приходов (церковных общин. – *прим. в скобках здесь и далее в тексте резолюции архим. Дорофея*) в лице абхазского духовенства и выборных мирян, сочли за благо (для) абхазского народа и его религии образовать отдельную, независимую и вполне самостоятельную Абхазскую Церковь с пребыванием выборного от абхазского народа епископа с предоставлением ему всех прав главы независимой национальной Абхазской Церкви со всеми необходимыми для сего учреждения в г. Сухуме.

О таковом постановлении телеграфно сообщить Святейшему Синоду (РПЦ) и Временному правительству (России); также особо телеграфировать бывшему Сухумскому, ныне Уфимскому епископу Андрею (*особое оповещение епископа Андрея, князя Ухтомского, который с 1911 по 1914 гг. занимал Сухумскую кафедру, было связано с тем, что он, во-первых, всегда симпатизировал абхазам и, неся свое архипастырское служение в Абхазии, сделал для них немало; во-вторых, епископ Андрей на тот момент был членом нового состава Святейшего Правительствующего Синода Российской Церкви и абхазы рассчитывали на его поддержку в решении своего церковного вопроса. Стоит заметить, что епископ Андрей к тому же был одним из немногих русских иерархов, кто искреннее приветствовал объявление*

автокефалии Грузинской Церкви в 1917 г.); послать приветственную телеграмму Временному Грузинскому Католикосату.

Телеграммы Святейшему Синоду (РПЦ) и Временному правительству (России) были следующего содержания: "Многострадальная Абхазская Церковь, претерпевшая ужасы на своем терновом историческом крестном пути, образовала отдельную, независимую, вполне самостоятельную Абхазскую епархию с пребыванием выборного от абхазского народа епископа с предоставлением ему всех прав главы независимой национальной Абхазской Церкви со всеми необходимыми для сего учреждения в г. Сухуме".

Телеграмма епископу Андрею: "Представители Абхазских приходов в лице абхазского духовенства и выборных мирян всей Абхазии молитвенно вспоминают Вас, Владыко, как своего бывшего епископа и как истинного пастыря веры Христовой. Исстрадавшая Абхазская Церковь сообщает, что она признала своим религиозным правом объявить себя независимой, вполне самостоятельной епархией с пребыванием выборного от абхазского народа епископа с предоставлением ему всех прав главы независимой национальной Абхазской Церкви со всеми необходимыми для сего учреждения в г. Сухуме. Сообщая об этом, абхазский народ просит Вашего содействия в разъяснении перед Святейшим Синодом (РПЦ) прав Абхазской национальной Церкви".

Телеграмма Временному Грузинскому Католикосату: "Представители Абхазских приходов в лице абхазского духовенства и выборных мирян всей Абхазии от имени Церкви Абхазской приветствуют многострадальную Грузинскую Церковь и восстановленную ею автокефалию. Святая Грузинская Церковь в муках родила эту независимость и по историческому праву она достойна автокефалии. Судьба одинаково была безжалостна как для Церкви Грузинской, так и для Абхазской, а потому Абхазская Церковь надеется, что Грузинская автокефальная Церковь окажет свою обычную любовь восстановленной, независимой, вполне самостоятельной Абхазской Церкви с пребыванием выборного от абхазского народа епископа с предоставлением ему всех прав главы независимой национальной Абхазской Церкви со всеми необходимыми для сего учреждения в г. Сухуме".

Для выяснения и разработки технических условий, необходимых для скорейшего осуществления постановления Съезда, выбрана комиссия. Выбран также Епархиальный комитет для принятия дел епархии и участия в управлении ею (речь идет о Сухумской епархии)».

Данный документ подписали: председатель Съезда Симон Басария, товарищ председателя священник Василий Агрба, секретари Михаил Тарнава и Самсон Чанба.

После объявления автокефалии Абхазской Церкви организаторы Съезда встретились с протоиереем Георгием Голубцовым, который на тот момент был настоятелем Сухумского кафедрального собора и главным помощником правящего архиерея Сухумской епархии. Протоиерей Георгий разъяснил, что решение Съезда абхазского духовенства и выборных мирян выглядит нелепым, поскольку Церковь не может и одного дня существовать без епископа. Тогда участники Съезда собрались вновь и вынесли дополнительное постановление: считать епископом автокефальной Абхазской Церкви правящего епископа Су-

хумской епархии Сергия (Петрова). Об этом решении Святейший Синод Российской Церкви был поставлен в известность телеграммой.

ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА АБХАЗСКОЙ ЦЕРКВИ

В середине июля 1917 г. протоиерей Георгий Голубцов, находясь в Петербурге, добивается встречи с управляющим канцелярией Святейшего Синода П.В. Гурьевым, разъясняет ему всю запутанность абхазского церковного вопроса и настаивает на необходимости дать абхазцам хоть какой-нибудь ответ на их телеграмму.

21 июля 1917 г. от имени Святейшего Синода Российской Церкви за подписью русского Экзарха в Грузии митрополита Платона (Рождественского) – в Сухум, на имя абхазского князя Александра Чачба (Шервашидзе) (1860–1932) была отправлена телеграмма следующего содержания: «Объявите абхазскому народу, что Святейший Синод считает необходимым вопрос о церковных правах абхазцев передать на решение назначенного 15 августа Поместного Собора. До решения Собора должно сохраняться существующее епархиальное управление».

Тем временем 1 июля 1917 г. Святейший Синод Российской Церкви своим решением за № 4259 не счел себя правомочным признать провозглашенную 12 марта 1917 г. автокефалию Грузинской Церкви, отложив решение вопроса до Всероссийского Поместного Собора.

Еще одним решением за № 4509 от 14 июля 1917 г. Святейший Синод определяет временные правила по управлению русскими церковными общинами (приходами) на Кавказе. Согласно этому документу в Экзархат Русской Церкви на Кавказе с центром в Тифлисе входят православное русское население и другие некартвельские народности, если они выразили к этому желание. В качестве Экзарха от РПЦ в Тифлис направляется епископ Феофилакт – с титулом «митрополит Тифлисский, экзарх Кавказский». Грузинские автокефалисты противодействуют его вступлению в должность. 25 июля 1917 г. Временное правительство России публикует постановление об установлении временных правил правового положения Грузинской Церкви в Российском государстве. Грузинские церковные деятели выражают недовольство этими нормами и правилами.

15 августа 1917 г. открылся долгожданный Поместный Собор Православной Российской Церкви. Представители автокефальной Грузинской Церкви отказываются принимать в нем участие. От Сухумской епархии на Соборе присутствовали: епископ Сухумский Сергий (Петров), протоиерей В. Львов, С.П. Кехиопуло и П.А. Россиев. Представители абхазских приходов на Собор не попали.

13 сентября 1917 г. на Соборе было оглашено прошение епископа Сухумского Сергия отпустить его в Абхазию, а его представителем на Соборе назначить протоиерея Димитрия Маан. Однако по неизвестным нам причинам епископ Сергий, вернувшись в Абхазию, посылает в качестве своего представителя на Всероссийский Поместный Собор протоиерея Георгия Голубцова.

«Вот уже полгода, – писал впоследствии в дневнике протоиерей Георгий Голубцов, – абхазский церковный вопрос висит в воздухе, а абхазцы терпеливо ожидают решения его Московским Собором, которому они, конечно, подчи-

няются. Я удивляюсь, почему епископ Сергий не смог двинуть этого вопроса в Москве. А между тем грузинские автокефалисты не дремлют и продолжают всевозможными интригами добиваться присоединения абхазского народа к своей автокефальной Церкви».

Протоиерей Георгий Голубцов постепенно убеждает влиятельных представителей абхазского народа, что самым лучшим решением абхазского церковного вопроса было бы осуществление следующих шагов:

- добиться выделения Сухумской епархии из состава русского Экзархата на Кавказе в качестве самостоятельной епархии в составе Российской Церкви;
- переименовать Сухумскую епархию в Абхазскую (как это и было с 1851 по 1885 гг.);
- епископ Абхазской епархии должен носить титул «Абхазский и Черноморский» (т.е. в его ведении остается территория до Анапы);
- кафедра епископа Абхазской епархии должна остаться в Сухуме.

Данное предложение протоиерея Георгия Голубцова было вполне реалистичным, даже при том, что у единственного в то время в Абхазии епископа Сергия (Петрова), объявленного представителями абхазских церковных общин главой автокефальной Абхазской Церкви, отсутствовали волевые качества. Через год епископ Сергий (Петров), оставив свою паству в Абхазии, уехал за границу. Однако, как показало время, отказ представителей абхазского народа от автокефалии Абхазской Церкви, объявленной в мае 1917 г., и принятия компромиссного решения, предложенного протоиереем Георгием Голубцовым, оказалось роковой ошибкой. Но об этом ниже.

С февраля 1918 г. протоиерей Георгий Голубцов активно включается в работу Поместного Собора в Москве. Он добивается от 18-го отдела Собора (отдел занимался вопросом устройства Православной Церкви в Закавказье в связи с объявлением автокефалии ГПЦ) следующего постановления: «Чтобы не дать грузинам повода обвинять Собор в решении абхазского церковного вопроса без ведома абхазского народа, ходатайствовать перед Соборным советом о вызове в Москву двух выборных представителей от абхазского народа (одного клирика и одного мирянина) для совместного с отделом рассмотрения вопроса о дальнейшем бытии Абхазии в церковно-административном отношении, предложить этим выборным доставить с собою правильно составленные и законно заверенные приговоры всех абхазских общин, в коих было бы ясно выражена воля абхазского населения относительно того, в составе какой Церкви желают остаться абхазцы – Русской или Грузинской».

По словам протоиерея Георгия Голубцова, все абхазские общины еще до его отъезда в Москву дали письменные заверения, что желают остаться в качестве самостоятельной епархии в составе Русской Церкви. Однако о. Георгий преднамеренно не взял с собой эти бумаги, чтобы иметь повод пригласить на Поместный Собор представителей Абхазии.

18-й отдел Всероссийского Поместного Собора поручает двум представителям Сухумской епархии – протоиерею Георгию Голубцову и С.П. Кехиопуло заранее подготовить проект выделения Сухумской епархии в самостоятельную в двух вариантах: 1) с сохранением в Сухумской епархии приходов Черноморской

губернии и города Анапы Кубанской области; и 2) с выделением вышеназванных приходов из состава Сухумской епархии.

22 февраля 1918 г. от имени Соборного совета Всероссийского Поместного Собора была послана телеграмма на имя Сухумского окружного комиссара князя А.Г. Чачба (Шервашидзе) с приглашением на Всероссийский Поместный Собор двух абхазских делегатов. К сожалению, из-за начавшихся военных действий на юге России приглашенные делегаты прибыть на Собор не смогли.

29 марта 1918 г. протоиерей Георгий Голубцов добивается аудиенции у новоизбранного Святейшего патриарха Московского и всея Руси Тихона (Белавина). В ходе этой встречи о. Георгий доложил патриарху, что 18-й отдел Всероссийского Поместного Собора, от решения которого зависела судьба церковных общин на Кавказе, совершенно прекратил свою работу. Между тем абхазский церковный вопрос, который уже 10 месяцев находится на рассмотрении, надо решать незамедлительно. На вопрос патриарха Тихона, как отнесутся абхазцы к выделению Сухумской епархии из состава русского Экзархата в Грузии, если бы таковое выделение состоялось без их ведома, протоиерей Георгий Голубцов ответил, что даже если ожидаемые в Москве абхазские делегаты не прибудут, а это уже становилось очевидным, необходимо определиться с решением абхазского церковного вопроса исходя из двух предложенных вариантов. Протоиерей Георгий и патриарх Тихон обсудили оба варианта: если оставить Сухумскую епархию в составе русского Экзархата в Грузии, Абхазия будет находиться под постоянной угрозой захвата ее в церковном отношении грузинами; если же выделить ее из состава Экзархата в самостоятельную, тогда эта опасность устраняется. Протоиерей Георгий сообщил патриарху Тихону, что сами абхазцы приветствовали бы выделение Сухумской епархии из состава русского Экзархата в Грузии, но при этом необходимо изменить титул Сухумского епископа, назвав его «Абхазским и Черноморским (или Новороссийским)». Кроме того, о. Георгий проинформировал патриарха Тихона и о том, что вопрос о выделении Сухумской епархии из состава грузинского Экзархата в самостоятельную в свое время рассматривался Святейшим Правительствующим Синодом и дважды (в 1906 и 1915 гг.) был решен положительно. Однако исполнить это решение оба раза не удалось: дело приостанавливалось из-за грузинских происков. Святейший патриарх Тихон поручил протоиерею Георгию Голубцову подробно доложить об абхазском церковном деле вновь назначенному русскому Экзарху в Грузии архиепископу Кириллу с учетом его, патриарха, мнения. Патриарх Тихон усматривал необходимость выделить Сухумскую епархию в самостоятельную в порядке административного управления в соединенном заседании Священного Синода и Высшего Церковного Совета РПЦ.

2 апреля 1918 г. протоиерей Георгий Голубцов снова был принят Святейшим Патриархом Тихоном в Троицком подворье в Москве. И на этой встрече патриарх Тихон подтвердил, что вопрос выделения Сухумской епархии из состава русского Экзархата на Кавказе в самостоятельную епархию с сохранением в ее составе города Анапы и Черноморской губернии, будет разрешен в ближайшее время.

Тем временем архиепископ Кирилл, назначенный на кафедру русского Экзархата на Кавказе (кафедра находилась в Тифлисе), не был допущен в Грузию. Патриарх Московский и всея Руси Тихон выступил с осуждением позиции гру-

зинских иерархов и призвал их вынести решение вопроса автокефалии ГПЦ на рассмотрение Всероссийского Поместного Собора. Однако избранный в 1918 г. католикос Грузии Леонид, ответив, что упразднение автокефалии ГПЦ в XIX в. было совершено насилием светской царской власти и противоречит церковным канонам, отказался от пересмотра решения Мцхетского Собора от 12 марта 1917 г. Так произошел окончательный разрыв канонического общения между РПЦ и ГПЦ.

Что касается абхазского церковного вопроса, то пока в Москве тянули с его решением, положение осложнилось, и осложнилось оно в связи с изменением политической ситуации в Абхазии. В середине июня 1918 г. территория Абхазии была оккупирована войсками Грузинской демократической республики, образованной 26 мая того же года. А в скором времени грузинские автокефалисты создали параллельный церковный институт в Абхазии – Цхумо-Абхазскую епархию, которую возглавил митрополит Амвросий (Хелая). Епископ Сухумский Сергий, которого Съезд абхазского духовенства и избранных мирян выдвинул в качестве епископа автокефальной Абхазской Церкви, уехал за границу. Протоиерея Георгия Голубцова выслали из Сухума грузинские меньшевистские власти. Абхазское духовенство и миряне, принимавшие активное участие в Съезде, на котором была провозглашена независимость Абхазской Церкви, в большинстве своем, не выдержав прессинга со стороны грузинских меньшевиков и автокефалистов, пополнили ряды абхазских коммунистов (например, священник Василий Агрба и Симон Басария). Некоторые другие в конечном итоге становятся клириками Цхумо-Абхазской епархии (например, протоирей Дмитрий Маан и священник Елизбар Ачба).

Сухумская епархия же, так и не выведенная из состава русского Экзархата в Грузии, ослабленная и лишенная большей части духовенства, до конца 20-х годов XX в. продолжает существовать подпольно.

В 1943 г., после того как прерванное в 1917-м году каноническое общение между РПЦ и ГПЦ было восстановлено, все церковные общины, существовавшие в то время на территории Абхазии, окончательно переходят в ведение Цхумо-Абхазской епархии ГПЦ.

Библиография

1. Дбар Д. История вхождения Сухумской епархии в Грузинский Католикосат: правда и домыслы / Дбар Д. Религиозные тенденции в современной Абхазии. М., 1999. – С. 27–63.
2. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. Кн. 1. Вып. 1, 2. М., 1918.
3. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. Кн. 2. Вып. 1. Пг., 1918.
4. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. Кн. 6. Вып. 2. Б. м. и г.
5. Дневник настоятеля Сухумского кафедрального собора протоиерея Георгия Голубцова / Материалы по истории Церкви. Кн. 8. М.,1995. – С. 122–269.
6. Дорофей (Дбар), архимандрит. История вхождения Сухумской епархии в состав Грузинской Церкви / Дорофей (Дбар), архимандрит. Православная Церковь в Абхазии:

прошлое, настоящее, будущее. Том 1. Новый Афон (Анакопия): Изд. Священной Митрополии Абхазии, 2012. – С. 15–34.
7. Егоров В., священник. К истории провозглашения грузинами автокефалии своей Церкви в 1917 г. М., 1917.
8. Мануил (Лемешевский), митрополит. Каталог русских архиереев за последние 60 лет. Чебоксары, 1959.
9. Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 гг. 6 ч. Эрланген. 1979–1989.
10. Отчет совета Сухумского епархиального церковного братства святого благоверного великого князя Александра Невского за 1911–1912 братский год. Сухум, 1912.
11. Тарнава М. Краткий очерк истории Абхазской Церкви. Сухум, 1917.
12. Толстой Ю. Списки архиереев и архиерейских кафедр иерархии Всероссийской со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721–1871). СПб., 1872.

• *биографический очерк* •

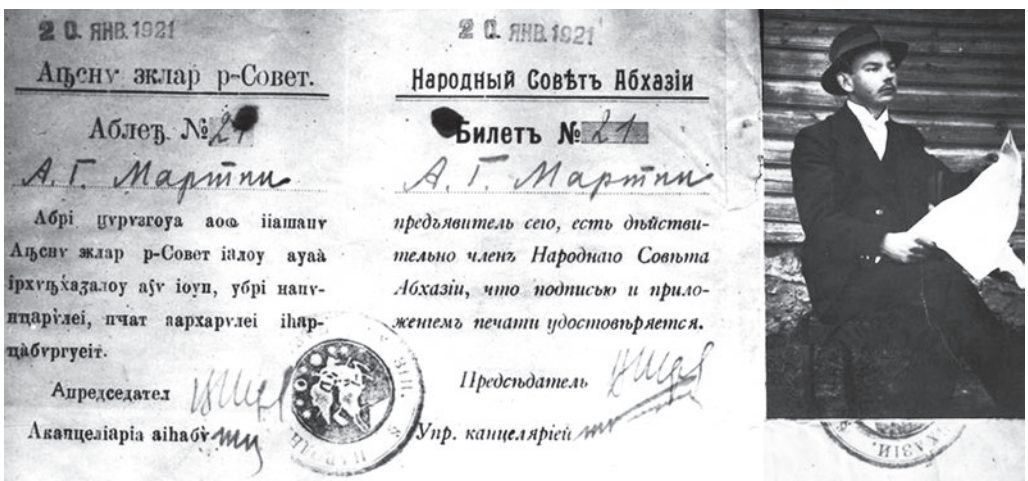
СТАНИСЛАВ ЛАКОБА

АВГУСТ МАРТИН И ЭСТОНСКИЕ МАТЕРИАЛЫ О СОБЫТИЯХ В АБХАЗИИ (1917–1921 гг.)[1]

Кто такой Август Мартин?

В 1915 г. он перебрался из Эстонии в Абхазию, где работал учителем в эстонском селе Верхняя Линда, близ Сухума. Здесь застала его революция и бурные политические события, участником которых он был. Об этом свидетельствует рукопись А. Мартина «Из моих воспоминаний об Абхазии» (1969), хранящаяся в Абхазском государственном музее[2] и архиве Эстонии (г. Тарту).

Интересно, что Август Мартин (1893–1982) в 26 лет был избран от эстонского населения депутатом третьего Абхазского Народного Совета (АНС), который просуществовал с марта 1919 г. по март 1921 г.



Депутатское удостоверение А. Мартина

Как известно, 10 октября 1918 г. грузинскими властями был окончательно разогнан неугодный второй Абхазский Народный Совет, многие депутаты аре-

[1] Все эти материалы любезно предоставила известный эстонский этнолог Марика Миккор, которая неоднократно проводила исследования среди эстонцев Абхазии и издала ряд интересных работ и фотоальбом. Большую помощь и поддержку автору оказали Д. Барганджия, Т. Серегин, А. Дбар, за что приношу им свою благодарность.

[2] АГМ, фонд 3, опись 1, д. 89.

стованы и заключены в Тифлисе в Метехский замок. С этого момента наступил период неприкрытой оккупации Абхазии Грузией.

Для утверждения в крае «твердой власти» правительство Грузинской республики назначило чрезвычайным комиссаром Абхазии В. Чхиквишвили, а «политическим представителем» правительства Грузии был прислан Исидор Рамишвили. С октября 1918 г. по март 1919 г. все гражданское управление Абхазией осуществлялось прямым вмешательством Грузинской республики. В условиях оккупации грузинское правительство приступило к выборам третьего АНС. В результате февральских 1919 г. выборов в новом АНС оказались 40 депутатов, из которых 27 открыто выражали интересы правительства Грузии.

С какой целью Тифлис организовал эти выборы? Дело в том, что в начале 1919 г. генерал А.И. Деникин начал наступление в районе Гагры, а в феврале 1919 г. он и английское командование намеревались объявить Абхазию (Сухумский округ) «нейтральной территорией».

Здесь интересно заметить, что во время волнений в Абхазии 1978 г., бывший глава правительства и министр иностранных дел СССР В.М. Молотов обронил фразу, которая кажется абсурдной лишь на первый взгляд, но, по всей видимости, имела прямое отношение к событиям 1919 года, когда Англия ставила вопрос о нейтральной Абхазии. 16 июля 1978 г. Молотов сказал: «После революции [1917 г.] у определенной части населения там [в Абхазии] было мнение избрать государственным языком английский»[1].

Именно требование «нейтрального статуса» подвигло Ноя Жордания и его правительство организовать новые выборы в третий АНС и предоставить Абхазии бутафорский статус «автономии», чтобы окончательно не потерять захваченную страну[2]. Британское командование потребовало от грузинского правительства изменить свою политику в отношении Абхазии, а 23 февраля 1919 г. в беседе с английским генералом Уоккером Н. Жордания обещал предоставить Абхазии широкую автономию.

Таким образом, спешно были проведены выборы в третий АНС, который открылся 18 марта 1919 г. (в мае 1919 г. переименован в Народный Совет Абхазии).

Первоначально в новом совете, возглавляемом доктором Варламом Шервашидзе, всем заправляли грузинские меньшевики и сторонники центральной власти. Из 40 депутатов, по словам А. Мартина, «группу оппозиции составляли независимцы С. Чанба, М. Цагурия, Д. Алания и И. Маргания, экономическая группа – Какуба и Демьянов, да представитель эстонцев – Мартин, всего 7 депутатов».

Здесь следует отметить, что Мартин был на стороне «независимцев» (С. Чанба, М. Цагурия и др.), в то время, как многие гудаутские депутаты (М. Тарнава, Д. Дзкуя, Базба, А. Чукбар, К. Барциц) были на стороне грузинских социал-демократов (меньшевиков), – и только осенью 1919 г. вышли из их фракции и поддержали «независимцев».

На одном из первых заседаний АНС 18–20 марта 1919 г. депутат от эстонского населения Абхазии прямо и откровенно разъяснил свою позицию по вопросу Абхазии. Август Мартин вспоминал: «Я коротко изложил точку зрения эстонского народа, как на родине, так и здесь, на самоопределение народов бывшей цар-

[1] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М. 1991.

[2] История Абхазии. Гудаута. 1993. С. 306–314.

ской России, приветствовал самостоятельность Грузии, но сказал, что такое же право на самоопределение, какое имеет грузинский народ, мы, эстонцы, признаем и за абхазцами, коренными обитателями этой прекрасной страны, тем более, что предыдущий абхазский народный совет декларировал о намерении свято чтить и права других народностей тут живущих»[1].

Вообще депутат Август Мартин принципиально отстаивал свою позицию относительно того, что абхазы сами должны решать свою судьбу. Как представитель небольшого эстонского народа, он хорошо понимал чаяния местного коренного населения, знал его историю, особенности и традиции. Власти в Тифлисе были раздражены его проабхазскими взглядами и поведением, которые были продиктованы чувством справедливости. Так, в феврале 1920 г., будучи в Абхазии, министр ВД Грузии Ной Рамишвили решил повлиять на позицию строптивого эстонца. Рассуждая на тему самоопределения в рамках автономии грузинский министр заявил, что абхазы смотрят на Север, имея в виду деникинскую Россию. На что А. Мартин ответил: «И это входит в понятие самоопределения, смотреть каждому туда, куда хочется, куда смотреть выгоднее, а не туда, куда приказывают другие, кому это выгодно. Разве это последнее было бы самоопределение, была бы автономия?»[2]

А. Мартин с родными

Вообще с самого начала работы третьего АНС грузинские власти пытались повлиять на А. Мартина и сделать его своим сторонником. В день открытия третьего АНС В. Чхиквишвили пригласил эстонского депутата на собрание социал-демократической партии. «Когда я вошел, – пишет А. Мартин, – собрание уже шло. Чхиквишвили, который руководил собранием, обратился со следующими словами: «Я пригласил на наше собрание представителя эстонцев в надежде, что ему между нами понравится, и он примкнет к нашей фракции, как уже примкнули представители от гудаутских абхазцев (в первом ряду сидели со счастливыми лицами молодые Тарнава и Базба). Я видел их впервые»[3].

Далее он сообщает: но мне «не понравилось на этом собрании, не понравился дух агрессивности в стране, которой на словах давалась автономия, но на деле

---

1 АГМ, ф. 3, оп. 1, д. 89; Мартин А. Из моих воспоминаний… С. 45.
2 Там же. С. 58–59.
3 Там же. С. 43.

этой автономии не давалось, не понравился дух вражды к тем местным группам, которые готовы были бороться за свои права на самоопределение. Когда я после этого собрания прошелся по улицам, я совершенно случайно встретил Михаила Цагурия, которого как учителя встречал и раньше. Я рассказал ему о собрании меньшевиков и что там говорилось, сказал, также, что эстонцы в Абхазии в борьбе за широкую автономию пойдут вместе с абхазцами. Он познакомил меня с воззрениями своей фракции, группы Чанба. Они вполне совпадали с моими. Цагурия дал мне адрес у бульвара, где утром, до собрания в театра Алоизи, соберется их группа. Когда я утром пришел в указанную мне квартиру у бульвара, там уже были все четверо. Чанба я знал как заведующего Адзюбжинской школы, Алания видывал в казначействе… Ивана Маргания видел впервые… Наши взгляды на линию поведения в Совете сходились во всех пунктах. Тут я мог придти к заключению, что мой путь в Народном Совете Абхазии решен. Мне, как и группе, вполне было приемлемо, что я в Совете буду иметь свою фракцию… Это соглашение и осталось в силе в течение тех двух лет, что просуществовал Совет. Ни группе Чанба по отношению ко мне, ни мне по отношению к этой группе, не пришлось разочаровываться. Сложились дружеские, товарищеские отношения и взаимное уважение, в особенности у меня к этой группе… Именно их, вышедших из народа, я считал верными, истинными представителями абхазского народа, кем они на деле и были»[1].

Депутат А. Мартин вошел во фракцию «независимцев», т.к. «широкую автономию» понимал не буквально, а как самоопределение народа и его независимое существование. На практике же автономия существовала только на словах. Взгляды депутата от эстонского населения Абхазии, который, казалось, будет занимать нейтральную позицию, – были неприемлемы для центральной власти в Тифлисе. Такой подход становился опасным и неудобным, тем более, что это было мнение не абхазского народа, а депутата-эстонца, позиция которого отличалась объективностью. О значимости его взглядов говорит и сам факт специальной встречи с ним министра ВД Грузии Н. Рамишвили, которая состоялась в Сухуме 6 февраля 1920 года. В небольшом очерке «Моя беседа с Ноем Рамишвили» депутат Мартин вспоминал:

«Казалось бы, что один голос в Народном Совете Абхазии от эстонцев в пользу оппозиции не мог иметь особого значения. Однако грузинские меньшевики думали иначе. Когда я пришел на собрание Совета, мне сказал секретарь Совета Королев, что министр Рамишвили желает со мной говорить. Разговор происходил там же за секретарским столиком, в углу зала. Ной Рамишвили был грузинский аристократ, не то, что наш Исидор Иванович [Рамишвили]. Высокого роста, красив. Разговор наш был ласков, дружеский.

Министр сказал: "Я учился в Тартусском университете, полюбил Эстонию, считаю ее своей второй родиной. А тут мне говорят, что представитель эстонцев в Народном Совете Абхазии идет против Грузии, как это так может быть?". Я ответил, что познакомился с Грузией еще юношей, туристом почти всю ее прошел, полюбил ее и ее народ. Грузинского языка не знаю, но в переводе читал ее литературу. Никогда я не действовал против Грузии и никогда не думаю это

[1] Там же. С. 43–44.

делать. Но тут надо стать на принципиальную точку зрения. Самоопределение достигнуто многими народами царской России, в том числе Грузией и Эстонией. Будучи принципиальными, мы должны поддержать стремление и абхазского народа к такой автономии, которая ему приемлема, ставит его и др. народности, живущие в Абхазии, хозяином своих земель и природных богатств, дает им самим развивать школы, народное образование и свою культуру. "Но разве вы не замечаете, что они смотрят на Север", – спросил меня министр. "И это, ответил я, входит в понятие самоопределение..." Далее я передал свое беспристрастное личное мнение, «что считаю тактику Грузии по отношению к Абхазии неразумной, вредной для Грузии самой. По моему убеждению абхазцы – народ развитый, свободолюбивый, храбрый, бескорыстная дружба с ними для Грузии необходима, вражда же может кончиться плачевно. Грубой силой абхазца не покорить, Грузии надо заслужить любовь и доверие абхазцев, может быть тогда они будут смотреть на Юг. Этим и кончилась наша беседа... Началось собрание Совета, где у Рамишвили был доклад о работе правительства Грузии»[1].

Как можно расценить эту встречу депутата парламента с главным полицейским Грузии? Ведь еще совсем недавно около двадцати депутатов АНС были арестованы и заключены в Метехский замок из-за того, что они смотрели не в ту сторону, куда хотели в Тифлисе. Ясно, что это был откровенный политический нажим, грозное предупреждение Августу Мартину со стороны министра ВД Ноя Рамишвили.

Нужно сказать, что заседания Совета порой проходили очень бурно. Август Мартин описывает эпизод, связанный с инженером Р. Какуба, который был старше других депутатов и к «молодым депутатам из оппозиции относился по-отечески, давал советы, был верным оппозиции, всегда голосовал с нами, был славным сыном абхазского народа, смелым и мужественным». Вот что произошло на одном из первых заседаний АНС. «Какуба, – пишет депутат Мартин, – выступая с кафедры и остро критикуя действия грузинского правительства в Абхазии назвал чрезвычайного комиссара грузинского правительства в Абхазии Чхиквишвили экспроприатором. Чхиквишвили, который сидел в первом ряду прямо под кафедрой, выхватил револьвер; револьвер вынул и Какуба, но выстрелить не могли, ибо вокруг все вскочили и успокоили разгорячившихся противников»[2]. Вскоре после этого инцидента Чхиквишвили уехал из Абхазии в Грузию.

Мартин особо отмечает своего соратника, депутата от оппозиции, известного юриста, Александра Алексеевича Демьянова, который принял самое деятельное участие в разработке конституции Абхазии. В процессе этой работы стало ясно, что он является «самым видным государственным мужем в Народном Совете Абхазии». Были представлены два проекта конституции, один – грузинских меньшевиков, другой – группы Чанба за авторством Демьянова. В грузинском проекте никаких автономных прав вообще не было. А.А. Демьянов – бывший член Государственной Думы, во Временном правительстве был товарищем министра юстиции (зам. П.Н. Переверзева). Как «превосходный юрист», он сразу заслонил, оставил в тени меньшевистских юристов. Проект конституции, представленный оппозицией, как и сам Демьянов, не устраивали грузинские власти

[1] Там же. С. 58–59.
[2] Там же. С. 56–57.

и они, по словам Мартина, «как оккупанты в Абхазии»[1], решили избавиться от этой сильной личности. По свидетельству Е.Б. Рафальской, дочери сухумского адвоката Б.Н. Захарова (племянник Германа Лопатина) известно, что в этот период в Абхазии находились многие известные деятели Временного правительства. К Демьянову, например, приехал бывший министр юстиции России П.Н. Переверзев, который как адвокат принимал участие в 1918–1919 гг. в громком сухумском судебном процессе в связи с загадочной смертью в августе 1918 г. купца 2-й гильдии Г.Ф. Зографопуло[2]. Здесь же, в Сухуме, жили какое-то время видный деятель Временного правительства, отказавшийся от должности морского министра Н.В. Савич и бывший товарищ министра юстиции России Г.Д. Эристов (он же Сидамон-Эристов, председатель Сухумского окружного суда в 1919 г., в дальнейшем посол Грузии в Польше…). Все они потом оказались в эмиграции, в европейских странах. Объединяло их еще одно немаловажное обстоятельство – почти все они были адвокатами и вместе с их коллегой А.Ф. Керенским с 1906–1907 гг. состояли в С.-Петербурге в одной масонской ложе. Каким же образом Демьянова занесло в Абхазию? Сейчас выясняется, что в Сухуме давно жил и практиковал врач Николай Григорьевич Рукин, а его дочь Вера Николаевна была замужем за братом знаменитого эсера Бориса Савинкова – Виктором. Еще до Первой мировой войны она с ним разошлась и с ней остался сын Коля. Скоро Вера Николаевна, красавица и юрист по образованию, снова вышла замуж – за А.А. Демьянова. Он был крупным адвокатом, председателем коллегии адвокатов Петрограда. После октябрьской революции 1917 г. и ликвидации Временного правительства Демьяновы приехали в Сухум к отцу Веры Николаевны. «Когда мы встречались за чайным столом у Демьяновых, – пишет Е. Рафальская, – разговор, естественно, шел о событиях в стране. Лейтмотив: мы не бежали, мы просто сошли со сцены, т.к. таков поворот истории. Всякое сопротивление бесполезно и бессмысленно – народ не за нас»[3].

Осенью 1919 г. грузинские власти расправились с неугодным Демьяновым, а 18 ноября он был исключен из состава Совета[4], арестован, а затем выслан. По этому поводу Мартин пишет: «Депутата с его неприкосновенностью личности могли арестовать и выслать только попирая закон. Сам Демьянов до своего ареста говорил, что его называют деникинцем, кем он никогда не был. Он будто где-то сказал, что он лично знает Деникина и считает его честным человеком»[5].

В ноябре-декабре 1920 г. он перебрался из Баку в Батум, откуда обратился в Берлин к известному издателю «Архива Русской революции» И.В. Гессену с просьбой об издании его записок «Моя служба при Временном правительстве»[6].

В своих воспоминаниях Демьянов рассказывает, что в 1917 году в Петрограде его посетил А.И. Чхенкели, который предложил ему стать представителем Временного правительства на Кавказе. Но все договоренности о работе в Тифлисе рухнули с приходом большевиков. Теперь путь лежал в Сухум. «История эта

---

1 Там же. С. 47.
2 Наше слово. 1918. 15 августа.
3 РГАЛИ. Рафальская Е.Б. Воспоминания. Ч. 1. С. 102–103.
4 Наше слово. 1919. 20 ноября.
5 Мартин А. Мои воспоминания. С. 56–57.
6 Архив Русской революции. Т. IV. Берлин. 1922. С. 55–120.

поучительна вот в каком отношении, – пишет А. Демьянов. – Грузия провозгласила себя автономной; когда же я в Народном Совете Абхазии, куда был избран Абхазской национальной группой (в состав входила и крайняя левая партия), отстаивал существующую автономию Абхазии, грузинские власти эту автономию свели на нет; игнорируя прежние свои договоры с Абхазией, меня признали врагом Грузии и засадили в тюрьму. В Абхазском Совете представитель Грузии перводумец Ис.Ив. Рамишвили, В. Джугели не стеснялись никакой клеветы в отношении меня; называли меня монархистом, новоиспеченным мартовским социалистом; говорили, что я получаю деньги от ген. Деникина и прочее. Им не было дела до моего честного прошлого…»[1]

В Сухуме в этот период побывала целая плеяда выдающихся политических и государственных деятелей России, адмиралы и генералы, известные поэты, писатели, художники, режиссеры, музыканты.

Воспоминания Августа Мартина интересны и тем, что он дает краткие характеристики депутатам Абхазского Народного Совета, говорит о режиме Грузинской республики как оккупационном. Пишет о притеснениях эстонцев, греков, армян, о грабежах, которые чинили грузинские военные, о терроре в отношении абхазского населения.

Депутат от эстонского населения в АНС описывает и скандал вокруг земельного отдела в Комиссариате (Правительстве) Абхазии. А. Мартин сообщает: «Депутаты Тарнава, Барциц, Чанба и Алания внесли запрос о массовом заселении Абхазии выходцами из Грузии, в то время, как коренным жителям отказывается в наделении землей. Отвечая на этот запрос председатель Комиссариата князь Эмухвари, которому подчинялся земельный отдел, отрицал правдивость приведенных в запросе данных, называя их клеветой. Ревизионная комиссия во главе с председателем Совета Шервашидзе, избранная 19 октября, опечатала двери земельного отдела… Застигнутый врасплох, заведовавший земельным отделом грузин Месхи ничего не стал отрицать и чистосердечно во всем признался. Переписка между переселенческим управлением Грузии и земельным отделом Комиссариата Абхазии происходила исключительно на грузинском языке, работники переселенческого управления Маруашвили и Калантадзе посылали письма лично на имя Месхи. На дело переселения грузин в Абхазию была Грузинским правительством отпущена крупная сумма, десять миллионов рублей, из которых два миллиона уже были получены. Работали два агента. Грузинские письма в Комиссии переводили на русский язык депутаты Берулава и Д. Гулия, последний только что вошел в Совет. В то время из Абхазии уходили греки в Малую Азию, их постройки и должны были скупать агенты Месхи для грузин. В селении Михайловском на этой работе был грек Бумбуриди».

Интересно было при этой ревизии поведение Эмухвари. Когда у Месхи спросили, с ведома или без ведома Эмухвари все это делалось, тот ответил, что Эмухвари во все был посвящен. «А Эмухвари стоял и молчал», – говорится в протоколе комиссии.

В результате в Совете был поднят вопрос об отстранении Эмухвари, но меньшевики большинством голосов оставили его у власти.

---

[1] Там же. С. 119.

Перед историками, писал Мартин, изучающими эту эпоху встают из прошлого «два князя из видных родов Абхазии»: обаятельная личность Варлама Шервашидзе, который «честно служил Абхазии, хотя чрезмерно верил в многовековую историческую дружбу грузин и абхазцев, которой грузины грубо злоупотребляли» и Арзакан (Дмитрий) Эмухвари, который «бесчестно служил враждебным силам и был предателем народа Абхазии»[1].

Оставил Август Мартин и красочное описание последних дней меньшевистской оккупации Абхазии в 1921 году. «Под Сухумом на рейде стоял французский крейсер "Комба", Сухум торопливо эвакуировался. Уезжала вся знать города со своими коврами, драгоценностями, из складов увозился табак. Стоя на пристани, я смотрел как богатства Абхазии нагружались на суда и увозились заграницу.

Третье марта. Вечер. Солнце близко к закату… Я вышел и направился к центру города. По улице маршем шла последняя воинская часть Сухума – учебная команда направлялась к Новому Афону, на подмогу фронту. Все были молодые юноши… Но до фронта отряду не удалось дойти: фронт был прорван, началось отступление, бегство.

Эту ночь я провел в городе, на горе Чернявского. Уже около полуночи, внизу, в городе начал раздаваться треск, звяканье, гром, крики: отступающее грузинское войско ломало и грабило магазины. Утром перед зрителем стояла печальная картина: не было ни одной уцелевшей лавки, унесено и увезено было все… Съестных припасов в городе не осталось»[2].

В советском правительстве Абхазии Август Мартин недолгое время работал под началом Самсона Чанба в Наркомпросе и заведовал отделом национальных меньшинств, которому подчинялись и эстонские школы. В мае 1921 г., после шестилетнего пребывания в Абхазии, он уехал на родину, в Эстонию.

Многие материалы на эстонском языке относящиеся к Абхазии еще ждут своей расшифровки. Работа в этом направлении будет продолжаться. Так, безусловный интерес представляет Дневник 1917–1921 гг. абхазского эстонца Кристиана Трууманна из села Эстонка, в котором освещаются общественные и политические события.

Дневник хранится в Литературном музее в Тарту под названием: «История красных дней с. Эстонка в Сухумском округе. 1917–1921 гг.»[3].

Дневник написан на эстонском языке. Передала мне его эстонский этнолог Марика Миккор в 2015 г., а помощь в переводе отдельных фрагментов оказал доктор философии Айвар Юргенсон, за что выражаю им глубокую признательность.

К. Трууманн упоминает махаджирство (вынужденное переселение абхазов в Турцию в XIX в.), а другой представитель от эстонского населения Абхазии из с. Верхняя Линда (близ Сухума) М. Каарес, выступая на крестьянском съезде Сухумского округа в начале 1918 г., отмечал: «Как известно, эстонцы находятся на земле тех абхазов, которые отсюда уехали».

Трууманн касается бурных событий весны 1918 г., упоминает о военном вторжении Турции в Грузию, которое было остановлено после вмешательства

---

[1] Мартин А. Мои воспоминания. С. 63. См. также Б.Е. Сагария: о скандале вокруг папки 18 в земельном отделе Комиссариата.

[2] Мартин А. Мои воспоминания. С. 67.

[3] KMEKLA. A235 m27:14.L3.

ее союзницы Германии. Он отмечает, что тогда подразделения немецкой армии были и в Абхазии в «каждом городе». В эстонских селах «немецкие солдаты покупали продукты (картофель, молоко, яйца, сало и т.д.) и всегда они платили за продукты аккуратно, как нас устраивало».

Грузинские же офицеры и солдаты реквизировали у эстонцев лошадей (ноябрь 1918 г.) в с. Эстонка. Потом в село въехало много грузинских солдат с двумя пулеметами и отобрали более 20 лошадей.

В феврале 1919 г., накануне выборов в 3-й АНС, в Абхазию из Поти прибыло подкрепление грузинской армии (направлялись в Гагры). Трууманн пишет: «В течение месяца эстонцы должны были предоставить лошадей, но соседи эстонцев армяне не шли с лошадьми, и тогда офицер с 5-ю солдатами явились в армянское село, но армяне за деньги откупились. Потом пошли в с. Эстонку, получили 8 лошадей, из которых 3-х выкупили эстонцы обратно. Потом еще трех выкупили».

Упоминает автор дневника и абхазский десант из Турции в июне 1918 г., который пригласили сюда адзюбжинцы «недовольные грузинской властью».

Очень важно свидетельство о **ликвидации** второго АНС, которое произошло 10 октября 1918 г. Оказывается, в этот Совет только что был избран эстонец И.Я. Михельсон (потом стал депутатом третьего АНС). Вот что пишет Трууманн: «Сын бывшего учителя и бизнесмена с. Эстонка Якоба Михельсона – Иоханнес не смог работать в АНС, так как через пару недель после избрания этот Совет был ликвидирован за договор с ген. Алексеевым, а несколько депутатов арестованы и отправлены на допрос в Тифлис».

В третьем АНС были два депутата эстонца: учитель А.Г. Мартин и ученый-агроном И.Я. Михельсон (вошел в Совет 22 ноября 1919 г. вместо выбывшего депутата А.А. Демьянова). Они отмечены во многим документах абхазского парламента того времени[1].

Во второй половине марта 1919 г. проходили выборы в Учредительное собрание Грузии. Трууманн подчеркивает: «Абхазы бойкотировали эти выборы». Бойкотировали, т.к. «раньше Грузия говорила об автономии Абхазии и самоуправлении, но Абхазия никаких прав не получила». В связи с этим, «грузины и мегрелы радовались, т.к. они получали больше мест, – они агитировали среди разных народностей, но в с. Эстонка выборы шли пассивно».

Эстонцы были недовольны новой властью. Грабежи, вымогательства, поборы со стороны грузинских военных делали жизнь невыносимой. Последней каплей была объявленная в 1919 г. мобилизация. Кристиан Трууманн пишет в дневнике: «Эстонцы не хотели воевать в грузинской армии и народный совет эстонцев в Тифлисе заявил о том, что они являются гражданами Эстонской республики. Эстонский консул Киркманн (работал раньше учителем в Эсто Садок на Красной Поляне) в Тифлисе предоставлял им эстонские паспорта». И далее: «В феврале 1921 г. опять шла мобилизация в грузинскую армию, но жители с. Эстонка апеллировали к эстонскому гражданству. В ответ председатель военной комиссии в Сухуме Сванидзе заявил, что эстонцы родились здесь, и потому должны воевать, а ваши эстонские паспорта недействительны. Из шести юношей взяли пятерых».

[1] См.: Ходжаа Р. Абхазский Народный Совет. 1917–1920 гг. Документы и материалы. Сухум. 2007. С. 262, 268, 274, 278, 282.

Как известно, 4 марта 1921 г. в Сухуме была установлена советская власть, армия большевиков обратила в бегство грузинскую. В воспоминаниях эстонцев есть несколько ценных комментариев на этот счет. «Вечером 3 марта 1921 г., – пишет К. Трууманн, – уехали из г. Сухум члены Абхазского народного совета и городские власти. Ночью 4 марта в городе был большой непорядок, еще до прихода большевиков грабили магазины и др.». Другой свидетель, Мартин Розенкрон из Верхней Линды, писал: «Мародерством занималась отступающая грузинская армия. Многие говорили, что большевики будут еще хуже. 4 марта 1921 г. женщины, которые ходили в город и продавали молоко, услышали, что большевики в большинстве аккуратны и грабежи запрещены, и лошадей не отбирают». Трууманн заключает, что 6 марта 1921 г. большевики пришли на постой в с. Эстонку и заявили, что 30 солдат и лошадей надо кормить, а «солдаты везде требовали вино»…

Краткие подзаголовки дневника Кристиана Трууманна говорят сами за себя: как большевики захватили Сухум в 1918 г.; Кодорский бой; что случилось в Эстонке, когда пришли меньшевики; репрессии против абхазцев в июне 1918 г.; репрессии против греков; грузины грабили армян и эстонцев; выборы в Абхазский Народный Совет в 1919 г. и многое другое.

Вместо послесловия

Сухумская нить судьбы: сын и отец Савинковы

Савинков Николай Викторович (30 октября 1910, Сухум – 9 ноября 1984, Прага, похоронен на Ольшанском кладбище, Чехия).

Родился в Абхазии в семье художника Виктора Викторовича Савинкова (брат известного политического деятеля, эсера Бориса Викторовича Савинкова) и адвоката Веры Николаевны Рукиной. Вскоре после его рождения брак распался. В 1922 г. мать с сыном покинула Россию и уехала к своему отцу, врачу Николаю Рукину, который из Сухума перебрался в Каир. Не получив разрешения на въезд в страну, уехала с сыном в Берлин, а оттуда в 1924 г. – в Прагу. Н.В. окончил Русскую реформированную реальную гимназию в Праге – Страшницах (1928), медицинский факультет Карлова университета. Работал врачом. В 1939 г. по политическим мотивам переехал в Париж. Во время второй мировой войны воевал добровольцем в Чехословацком иностранном военном корпусе. В мае 1940 г. эвакуировался в Великобританию и вступил добровольцем в британскую армию, служил в качестве военврача в Индии, Малайзии, Бирме, на Цейлоне. После войны вернулся в Чехословакию. Отец Савинковой Шанталь (в крещении Мария, Маша, искусствовед, специалист по иконографии; с 1999 г. служит регентом церковного хора и чтецом прихода св. Мартина в г. Тур во Франции). Сохранился личный фонд документов Н.В. в архиве Академии наук Чехии, а также в фондах Дома-музея Марины Цветаевой в Москве.

Савинков Виктор Викторович (24 ноября 1886, Варшава – 5 июня 1954, Бандоль, департамент Вар, Франция).

Живописец, журналист, политический деятель. Мать Софья Александровна Ярошенко (сестра художника-передвижника Н.А. Ярошенко), журналистка, драматург, мемуарист (писала под псевдонимом Шевиль С.А.). После окончания гимназии В.В. поступил в С.-Петербургский ун-т, в 1907 г. лечился от туберкулеза в Швейцарии. Студент Киевского ун-та, получил высшее юридическое образование. В 1910 г. занимался журналистикой и живописью. Показывал натюрморты, пейзажи и рисунки на выставках об-ва «Бубновый валет» (М., 1910–1916; СПб., 1913). В годы гражданской войны воевал. В октябре 1921 г. выслан из Польши и поселился с семьей (другой) в Праге. Летом 1923 г. отошел от политической деятельности. С 1924 г. в теософском кружке А.А. Каменской, в 1925–1927 гг. член Пражского философского об-ва. В 1927 г. переехал в Париж, вступил в Теософское об-во, был членом масонской ложи «Аврора», занимался живописью, переводами. В 1942 г. вызван в гестапо, вместе с третьей женой и сыном укрылся в сельской местности под Лионом, затем вернулся в Бандоль. В 1947 г. получил гражданство Франции. Первая жена Рукина Вера Николаевна (умерла в 1973 г.), от которой был сын Николай Викторович Савинков (1910–1984), д-р медицины. От другого брака с Штомпфе в 1941 г. родился сын Виктор.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ОБ АБХАЗИИ

Документы из личного фонда Р.М. Кабо

Предисловие

Данная публикация является обнародованием документов из фонда Кабо Рафаила Михайловича – его путевых заметок об Абхазии 1925 года, которые повествуют о жизни людей и в сельской местности, и в городах, о развитии хозяйства и способах его ведения.

Эти документы являются актуальными в исследовании повседневной жизни населения Абхазии в 20-е года XX в., а также в изучении проблем сельского хозяйства, которые могут быть учтены в современных реалиях. Документы Центрального архива Абхазии были уничтожены во время грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. Исследований по теме повседневной жизни и истории сельского хозяйства Абхазии недостаточно. После источниковедческого и сравнительного анализа представленные документы могут служить основой для дальнейшего исследования этой научной области.

Как уже сказано, автором документов является Р.М. Кабо. Рафаил Михайлович Кабо родился в 1886 г. в Бердянске. 14-летним мальчиком он сбежал в Одессу, где в 15-летнем возрасте включился в революционное движение.

В годы первой мировой войны Р.М. Кабо работал во Всероссийском бюро труда при Союзе городов, где написал свою первую книгу «Потребление городского населения России» (М., 1918). Одновременно он учился в Городском университете им. А.Л. Шанявского (1915–1917).

В первые дни февральской революции Р.М. Кабо был избран секретарем Московского комитета меньшевиков. Осенью 1919 г., когда армия Деникина подошла к Орлу, московская организация меньшевиков мобилизовала своих членов для работы в Красной армии, и Р.М. Кабо был направлен для педагогической работы в военно-учебные заведения.

В 1920 г. Р.М. Кабо вышел из партии меньшевиков и целиком занялся научно-педагогической деятельностью.

В 1920–1923 гг. Р.М. Кабо преподавал в Высшей Военно-педагогической школе в Москве, в 1922–1924 гг. – в Институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, в 1922–1934 гг. – в Коммунистическом университете трудящихся Востока, в 1924–1927 гг. – в I МГУ[1], в 1927–1930 гг. – в Институте повышения квалификации

[1] С 1918 по 1930 г. МГУ имел название 1-й Московский государственный университет.

педагогов Наркомпроса РСФСР, в 1928–1932 гг. – в Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской, в 1932–1934 гг. – в Коммунистическом университете преподавателей общественных наук.

До 1927 г. Р.М. Кабо преподавал политическую экономию. От этого времени остался учебник «Рабочая книга по обществоведению. Политическая экономия» 1929 г., написанный в соавторстве с Э.Я. Брегелем[1].

С конца 1920-х гг. Р.М. Кабо все больше интересуется экономической географией. Долгие годы он руководил кафедрой экономической географии (1934–1950) и был профессором в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина (1935–1953).

В 1930–1931 гг. Р.М. Кабо принял участие в экспедиции в Тувинскую народную республику, по результатам которой им была написана и издана в 1934 г. книга «Очерки истории и экономики Тувы».

Р.М. Кабо является одним из основоположников российской географии населения. Он впервые создал и читал в МГПИ им. В.И. Ленина курс географии населения (1947–1948), обосновал ведущую роль общественного производства в расселении, наметил разделы изучения географии населения, разработал методику географического исследования населения и населенных пунктов; рассмотрел процесс возникновения и развития системы городов и проанализировал градообразующие факторы.

Рафаил Михайлович Кабо умер 28 января 1957 г. в Москве.

* * *

Документ публикуется по материалам, хранящимся в архиве Российской академии наук. Они публикуются впервые. Для публикации был отобран один документ – «Путевой дневник по Абхазии» 1925 г. Он сообщает о жизни абхазов, об уровне развития сельского хозяйства, о взаимоотношениях абхазов и мегрелов, о памятниках архитектуры и природе Абхазии. В нем представлены его предложения, как привести сельское хозяйство в порядок. В текстуальных примечаниях воспроизводятся все правки (зачеркнутые и вписанные, над строкой, слова и предложения, разъясняются неисправности, пропуски и искажения текста). В примечаниях по содержанию сообщаются дополнительные сведения по истории Абхазии. Восстановленные буквы и фразы даны в квадратных скобках. Слова, буквы и цифры, помеченные курсивом, являются словами, которые автор подчеркивает.

При публикации документа был использован научно-критический способ передачи текста – текст передается нормами современного русского языка, но с сохранением присущей оригиналу стилистики. Археографическая подготовка документа проведена в соответствии с «Правилами издания исторических документов» (М., 1990). Текст передается полностью без сокращений. Публикация

[1] Брегель Энох Яковлевич (1903–1993) – экономист, окончил Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова в 1924 г., с 1926 на педагогической работе в Московском институте Востоковедения, с 1955 – в Московском экономико-статистическом институте. С 1973 – в Израиле, с 1979 – в США. Основные направления научно-исследовательской деятельности: анализ денежного обращения и кредита, экономическое воспроизводство, история экономических учений.

содержит рукописные и машинописные документы. В легенду вошли сведения о местонахождении данного источника (поисковые данные). Часть документа – это записи в тетради, несколько листов приложены к ней, но они дополняют записи, которые сделаны в тетради. Часть документа – это воспроизведенная на основе рукописи машинопись.

ДОКУМЕНТ

Записки в блокноте Р.М. Кабо, сделанные им во время путешествия в Абхазию

1925 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ В АБХАЗИЮ

Лето 1925 года

27 июня

В 1 ч. дня пароход «Севастополь» приближался к Очамчирам. Берег низкий, плоский. На берегу разбросаны домики – часть деревянные, часть каменные. После Сочи, Гагр и Сухума, имеющих вид цветущих садов, после удивительной панорамы гор и ущелий, вид Очамчиры с парохода жалкий, печальный. При посадке в фелюгу у меня произошел спор с каким-то человеком в военной форме, оказавшимся таможенным чиновником, который стремился пробиться вперед, что ему и удалось сделать, несмотря на мои протесты, поддержанные молчаливым сочувствием окружающей публики. Последняя необыкновенно[1] робка в обращении с начальством, но мою остроту, отпущенную по адресу нарушителя порядка, потом долго смаковали на своем языке.

Фелюгу, в которую я сел, бросало волной из стороны в сторону, как качели. Пассажиров сложили (буквально) поверх ящиков и тюков, грузчики (цвет местного пролетариата) ведут себя грубо, дико, женщины ревут и стонут, дети плачут. Благодаря сильному прибою, фелюга не может пристать к берегу. Меня начинало мутить. К счастью, до берега было недалеко. На берегу я увидел своих ребят, которые приветствовали меня маханием рук. Встретили меня ребята с какой-то сердечной радостью. Взяв вещи, мы отправились пешком на квартиру Л.[2] Проходили через торговую часть города. Лавки открыты, но покупателей не видно. Странно, что наибольшая часть торгует обувью, собственно «чувяками»[3]. Много духанов[4]. Но на всем лежит печать большой бедности, неопрятности и неустройства. Пахнет гниющими отбросами. Л. застали дома. Он снимает две комнаты. Окно в первой почему-то без стекол. Дом, как и вообще все дома, построен из дерева, [11]весь в дырах и щелях[5], и стоит на высоких сваях. Лестницы нет, вместо нее лежит доска с набитыми на ней поперечными планками.

---

1 Слово вставлено над строкой.
2 Лицо не установлено.
3 Чувяки – мягкая кожаная обувь без каблуков у народов Кавказа.
4 Духаны – небольшой трактир, харчевня, мелочная лавка.
5 Слова вписаны над строкой.

Стенки кишат клопами и блохами циклопических размеров[1]. Хозяйка – вдова убитого несколько месяцев тому назад в результате родовой мести[2] дворянина-мингрельца, бывшего военного. Неустройство полное. Признаюсь, что оно меня озадачило и даже вызвало на некоторое время подавленное настроение. Поэтому я очень обрадовался предложению Л. ехать на Очамчиры, посетить группу работающих там студентов. В шесть часов (по местному времени) мы выехали на полуразрушенной пролетке в Оч[амчиры]. Дорога недурная. Она вымощена круглой галькой. Мосты, за исключением одного-двух, в удовлетворительном состоянии. По обеим сторонам тянутся обработанные поля, огороженные со стороны[3] дороги живой изгородью. Проезжаем мимо деревень. Отдельные усадьбы отстают далеко[4] друг от друга и состоят большей частью из одной жилой деревянной[5] постройки.

Все они одного и того же типа: крыша четырехскатная, выступает далеко вперед, покрывает фасад дома широким козырьком, образуя с поддерживающими ее столбами подобие веранды.

Обращает внимание отсутствие во дворах какого-нибудь с[ельско].х[озяйственного] инвентаря. В деревнях, где развито гончарное дело, во дворах устроены круглые печи, возле них расставлены кувшины, часть из них правильной цилиндрической формы. Предназначены они для хранения вина.

По дороге навстречу тянутся арбы, запряженные буйволами. Встречаются всадники в бурках. Последние производят импонирующие впечатление.

На половине дороги пошел сильный дождь. Приехали мы в сумерки. Встретили нас студенты во дворе. Мой приезд вызвал сенсацию[6]. Живут они дружно. Комнаты, постели держат в чистоте, особенно женщины, стены увешаны фотографиями, портретами. Среди последних я обратил внимание на портрет Герцена[7] – только знают ли они что-либо о нем[8]?

Вечер прошел в слушании отчета. Два раза ужинали. Второй ужин сопровождался вином. Я отхлебнул несколько глотков и отставил стакан: невкусно.

Улеглись спать в полночь. Я долго не мог уснуть: за стеной шумел ветер и ливень. Тело кусало, но думается, что от мнительности…

28 июня

На следующий день я посетил заседание у народного судьи, который судил в присутствии двух заседателей из среды крестьян. Дело, которое слушалось при мне, незначительно, да и не в нем интерес. Интересно было смотреть, с каким несомненным уважением относились истец, ответчик, присутствующие кре-

[1] Слова вставлены над строкой.

[2] Родовая или кровная месть. Обычно вступала в силу с того момента, когда ее объявляли. Она проходила в несколько этапов. Обычно родственники убитого устанавливали виновного. После этого направляли самого старшего из семьи или со стороны родственников убитого для того, чтобы объявить кровную месть стороне убийцы. Принимала ли сторона обвинение или нет, она уже считалась виновной.

[3] Слово вставлено над строкой.

[4] Слово вставлено над строкой.

[5] Слово вставлено над строкой.

[6] Данное предложение зачеркнуто.

[7] Александр Иванович Герцен (1822–1870) – российский публицист, писатель, философ.

[8] Слова вписаны над строкой.

стьяне к суду, несмотря на то, что он лишен какой бы то ни было внешней чинности. Наблюдать простоту всего судебного ритуала и его соответствие всему в высшей степени элементарному укладу деревни; видеть осанку героев «процесса», из которых один, впрочем, был мелкий дворянин. Судопроизводство (протоколы суда, допроса и т.д.) ведется на русском языке, судоговорение – на мингрельском (в абхазской деревне – на абхазском языке). В судоговорении приняли участие все присутствующие, но когда мимо прогарцевали всадники в бурках, все бросились на улицу во главе с судьей. Чувствуется, что в сфере обеспечения порядка, жизни и достояния людей в крае сделано очень многое. Об этом свидетельствуют многие факты и это же утверждает местное население. Надо принять во внимание, что речь идет[1] о том крае, где каждый вооружен до зубов и где еще недавно (при меньшевистском правительстве[2]) нельзя было безопасно проехать из деревни в деревню.

В тот же день наши ребята за обедом в местном духане инсценировали застольные обычаи мингрельского населения. Я не буду их описывать, но суть их сводится к тому, что каждому приходится выпить уйму вина, и это доставляет много удовольствия духанщику, который стоит тут же, подзадоривая своих посетителей.

К вечеру мы вернулись в Очамчиры.

29 июня

На следующий день, сидя на балконе, я увидел группу женщин, одетых во все черное, завернувших в переулок возле нашего дома. Спустя минут пять я услышал пронзительные крики, которые затем вскоре перешли в[3] громкие причитания и плач. Мне объяснили, что в доме, куда направились женщины, находится покойница и что в продолжение нескольких дней она оплакивается всеми родственниками и знакомыми. Пронзительными криками все женщины городка созываются к покойнику. В течение всего дня из переулка доносились рыдания и причитания нескольких десятков женщин, которые то стихали, то под влиянием плакальщиц усиливались. Вся эта церемония производит на свежего человека гнетущее впечатление.

Хозяйка того дома, в котором я живу, потеряла несколько месяцев назад своего мужа, который был убит у порога своего дома двоюродным братом. В смежной комнате на постели покойного лежит его платье, обувь, а над постелью висит его фотографическая карточка. Стоит только собраться нескольким женщинам, как тотчас же из соседней комнаты раздаются рыдания вдовы под ак-

[1] Слова вписаны над зачеркнутым словом: «и это».

[2] После подавления советской власти в Абхазии меньшевики установили здесь режим военной диктатуры. В крае высадились грузинские войска, перед которыми стояла задача «во что бы то ни стало взять Абхазию». По словам меньшевистских генералов, они должны были освободить ее «от анархии, внесенной большевиками». По словам Н. Лакоба, при меньшевиках в Абхазии царили «анархия, разбой, воровство, насилие, грабежи, самоуправства и т.д.». Агрессивная шовинистическая политика правительства Грузии вызвала крайнее недовольство абхазского, русского, армянского, греческого, значительной части мегрельского народов, что и облегчило установление советской власти 4 марта 1921 года. Утверждение новой власти воспринималось народом Абхазии как избавление от репрессий и вооруженного вмешательства Грузинской Республики.

[3] Слова вписаны над зачеркнутым словом: «сменился».

компанемент мастерицы-плакальщицы при поддержке гостей. Этот «концерт»[1] будет продолжаться целый год. По окончании траура по обычаю следует устроить поминки, во время которых собираются все, кому не лень, а родственники умершего обязаны их кормить и поить.

Мне рассказывали, что этот обычай очень часто до тла разорял крестьян. Советская власть выступила на борьбу с ним. Заручившись согласием крестьянских обществ, местный исполком решительно запрещает устройство поминок. Несмотря на то, что его заваливают просьбами о разрешении их[2].

Когда видишь этих согнутых, одетых в траурные платья женщин, похожих на черных птиц, с их жалкой жизнью, и сравниваешь с ними наших девушек-студенток, вышедших из той же крестьянской и мещанской среды, тогда только замечаешь, какие изменения внесла жизнь последних лет в этот по виду устойчивый, но внутри прогнивший быт.

А ведь на подмогу комсомольскому поколению растет новое поколение – пионеры. Звуки пионерского барабана, которые я сегодня слышал, звучат как-то по-особенному, как глухие раскаты приближающейся бури на улицах этого забытого богом городка.

30 июня

Сегодня мы выехали в фаэтоне (так называется ободранная пролетка) в деревню Моква[3] навестить другую группу студентов, работающих в абхазском районе. В ожидании нашего попутчика мы остановились на торговой улице в центре Очамчиры, именуемой улицей Парижской Коммуны. Весь квартал и справа, и слева уставлен деревянными лавчонками, парикмахерскими, духанам, булочными. Через открытые настежь двери видно их несложное содержание. Покупателей мало. Владелец лавки сидит снаружи и калякает со знакомыми, которому так же нечего делать, или перекидывается словами через улицу с соседом. Взад и вперед бродят крестьяне в башлыках и какие-то франтоватые молодые люди, на которых платье сидит, как облитое, в ярко начищенных сапогах; они хорошо выбриты и очень красивы.

Дорога шла по направлению к Сухуму. Как характерную местность следует упомянуть[4]. Изредка, близко к шоссе, в ямах, наполненных жидкой грязью, лежали буйволы, наслаждаясь ванной, в которую они погрузили все свое туловище, и только одна морда с загнутыми назад рогами высовывалась из воды. По дороге мы обгоняли пешеходов, арбы, запряженные буйволами, пролетки горожан, направлявшихся, как и мы, в ближайшие деревни. Встречные предупреждали нас, что после проливного дождя, шедшего всю ночь, река, пересекающая дорогу в шести верстах от города, переполнена, и нашим лошадям не проехать через нее. Однако мы решили убедиться в этом на месте.

На берегу реки, через которую был раньше перекинут мост (этот мост теперь чинился), столпились лошади, люди, арбы. Река, действительно, сильно взду-

---

[1] Слово вписано над строкой.

[2] Предложение зачеркнуто.

[3] Моква – село в Очамчирском районе Абхазии. Расположено в 15 км к северу от Очамчир. В центре села расположен средневековый православный храм – Моквский собор X века.

[4] Предложение зачеркнуто.

лась. Мутная вода неслась быстро и грозила смельчаку большими неприятностями. Смельчак нашелся. Это был инструктор местного партийного комитета, молодой мингрелец, направлявшийся верхом в деревню. Он пересек половину реки, но в самом глубоком месте, где вода неслась стремительным потоком, лошадь его повернула назад. На своей лошади он был так живописен, что я предложил М. снять его в воде.

Потоптавшись с полчаса на берегу, мы сели в фаэтон и вернулись в город. Если ночью не будет дождя, мы выедем в Мокву завтра на рассвете.

Вчера, разговаривая с нашим азербайджанцем[1], милым Гамидом, я заговорил о положении женщин востока. Он живо реагировал на эту тему и стал мне рассказывать о положении тюркской женщины. Гамид – тюрок, молодой рабочий из Сураканы (под Баку)[2]. Он мне рассказывал на своем ломаном русском языке, как его мать осталась молодой вдовой и как он, Гамид, старший сын, которому подчиняется женщина после смерти мужа, внес революцию в ее быт: он снял с нее чадру, водил под руки по улицам, ходил с нею в кино и наконец предложил выйти замуж.

Да, нет такого уголка на нашей Советской земле, где бы не пробивалась свежая зеленая поросль.

2 июля

Благодаря тому, что я не веду регулярных, ежедневных записей, часть материала исчезает из памяти, а впечатления, в свое время свежие и яркие, тускнеют и забываются.

Четыре дня тому назад я ездил в Мокву, вернее – в Моквинский монастырь[3]. Дорога пересекает широко разлившуюся речку, затем идет вдоль вспаханных и засеянных кукурузой и табаком полей, лесом. Местность холмистая. Иногда сквозь деревья мелькнет долина с раскинутыми по ней клочками полей и одинокими деревянными домами крестьян. День солнечный. В поле виднеются люди, выстроившиеся в ряд и очищающие кукурузные посевы [31]от сорной травы[4] мотыгами (по местному «тохают»).

Но вот после двухчасовой езды в тряском экипаже вдали показалось красное здание монастыря. После этого мы еще долго ехали по извилистой дороге, переезжали бурную горную речку и въехали на холм, возвышающийся над окружающей местностью, на котором раскинулся монастырь с храмом, постройками, огородами, мельницей.

Первым нашим делом был осмотр церкви и монастырских владений. Церковь старинная, кажется, построенная в десятом веке византийцами, но мне она не понравилась, да и вообще храмы, все без исключения, христианские, иудейские, мусульманские, вызывают во мне какое-то физическое отвраще-

---

[1] Слово вставлено над строкой.

[2] Скобка вставлена над строкой.

[3] Моквинский храм – храм Успения Пресвятой Богородицы, построенный в третьей четверти X века Абхазским царем Леоном III (955–957). Моквский собор является единственным пятинефным крестово-купольным храмом, завершающим развитие церковного зодчества раннесредневековой Абхазии, начало которому было положено еще в VII–X веках в Пицунде.

[4] Слова вставлены над строкой.

ние. Поднялись мы на вершину недостроенной башни, откуда осматривали окрестности.

Окрестности очаровательные. Монастырский холм отрезан с трех сторон горными речками, соединяющимися в одну реку. При разливе – а разливы бывают после каждого дождя, – когда речки становятся бурными и глубокими, связь жителей монастыря с внешним миром почти прерывается.

Мое внимание привлекли какие-то ребята, одетые бедно, осматривающие нас с удивлением дикарей и особенно заинтересовавшиеся биноклем. Когда я им предложил посмотреть в бинокль, их восторгу не было конца. Оказалось, что это дети из окрестных абхазских селений, ученики помещающейся в монастыре школы, догоняющие в летнее время своих ушедших вперед[1] товарищей. Занятия с ними ведет один из педагогов школы. Никто из них не понимает ни слова по-русски, но некоторые из них читают печатный текст превосходно. Это объясняется, вероятно, тем, что абхазцы приняли русский алфавит[2].

В монастыре живут, как говорят, остатки прежней женской общины, преимущественно монашки в пожилом возрасте, молодежь разбрелась кто куда. Бродя по монастырским владениям я позднее видел монашек, одетых в простое крестьянское платье, работавших на кукурузном поле. Меня поразила чистая великорусская речь этих женщин, многие из которых десятки лет провели в этом крае среди населения, не понимающего русского языка или страшно его коверкающего, что еще хуже.

Наши студенты рассказывают, что в беседах монашки выражают недовольство деятельностью коммунистов за их непоследовательность: «9 раз взяли за церковь, надо было до конца ее разрушить, стереть с лица земли монастырь». О своей настоятельнице отзываются при посторонних непочтительно, но очень послушны.

Деревня Моква раскинулась по холмам. Каждая усадьба (по-местному «дым») расположена среди своего поля и окружена деревьями. Мы посетили сельсовет. Там мы застали заседание комиссии по распределению среди населения кукурузы, закупленной правительством (последний год был неурожайный и население голодает). Наш фотограф снял комиссию, затем всех крестьян под вековым ореховым деревом, под которым обычно происходят большие собрания, причем для стариков сделаны под деревом скамьи. Крестьяне были довольны, что их снимают, многие из них прихорашивались специально для этого, завязывали вокруг головы башлыки и высовывали оружие: кинжалы, кобуры, в которых, как уверяют злые языки, нет револьверов, а если и есть, то без патронов. В этом крае замечаешь у всех – у молодых и у стариков, у мужчин и у женщин, – эту страсть к оружию, с которой может поспорить только страсть к лошадям и вину, некоторые сюда прибавляют – к мамалыге.

Попрощавшись с крестьянами, мы пошли осматривать деревню. Сперва нас привели ко двору бедняка. О бедности прежде всего говорило жилище, пред-

---

[1] Слова вставлены над строкой.

[2] Первый абхазский алфавит был создан русским ученым Петром Усларом в 1862 году на основе кириллицы. В алфавите Услара было 55 знаков, большинство из них было перенято с русского алфавита, некоторые из них были изменены. Для передачи звуков абхазского языка Услар также использовал латинский, греческий, сербский, старославянский и грузинский алфавиты.

ставляющее хижину без пола, сплетенную из хвороста, но так плохо, что стены сияют щелями. Только тот угол хижины, в котором стоит постель в виде нары с аккуратно сложенными постельными принадлежностями, снаружи обшита досками. Посредине хижины висит котел, под которым тлеет огонь; дым стелется по потолку и уходит в дверь. В котле варится мамалыга. По стенам развешано какое-то допотопное оружие: кремневое оружие, кинжал без рукоятки; у одной стены стоит небольшой столик с кухонной утварью. У очага мы застали женщину с маленькими детьми, один из них – грудной. Наше посещение сначала привело ее в большое замешательство, но нашу просьбу сесть с детьми у очага, для того чтобы снять ее, она поняла и уважила.

После съемки я разделил между детьми коробку с конфетами, чем вызвал у них трудно передаваемую радость. Лацужба (наш студент – абхазец)[1] замечает: «Это будет записано в истории семьи». Дворик чистый, по двору бродят телята, подле через плетень шелестят листья кукурузы.

Затем мы перешли во двор среднего крестьянина. Мы попросили хозяина сняться со своими с[ельско-].х[озяйственным] инвентарем, под этим названием здесь фигурирует жалкая соха, несколько мотыг, ярмо для буйволов. Домик деревянный, впереди его пристройка, что-то вроде веранды. Это украшает крестьянские дома.

17 июля

Не писал две недели. В это время я побывал в Сухуме, снова побывал в Мокве, посетил Моквинский монастырь и Ачичвару[2].

Выехал я в Сухум на дилижансе рано утром, соблазнившись тем, что этим способом сообщения можно лучше наблюдать окружающую природу, людей. Но, к сожалению, он готовил мне горькое разочарование. Началось с того, что в каждом селении, где есть духан, мои спутники требовали остановки под разными предлогами: в одном духане – «замечательное местное вино», в другом – «замечательное кахетинское», и т.д. без конца. Мои протестанты не имели никакого значения. Кроме того, сам возница начал набирать пассажиров. Кого только не подобрал он по дороге. В результате линейка оказалась набитой до отказа. Но когда я пригляделся к встретившемуся нам по пути дилижансу, я убедился, что в нашем совсем просторно. Так ездят в этой стране. Все делается с восточной покорностью. Часть пассажиров пьет вино, задерживая остальных, последние жарятся на солнце и терпеливо ожидают. Возница уходит искать новых пассажиров, несмотря на то, что дилижанс уже полон, – все сидят и так же покорно ожидают. Нечего говорить, что мы продвигались черепашьим шагом. Выехал в 8 часов утра, приехал в 6 часов вечера, – при расстоянии в 52 версты: – все это на жаре, в духоте и тесноте. Приехал я в город совершенно невменяемый. Тотчас по приезде пошел в баню. Выпил кофе, прошелся по набережной. Наступили сумерки. Народ высыпал на бульвар, тянущийся вдоль набережной. Зажглись разноцветные лампочки между столиками. Было очень красиво. Но так как мне стало плохо, я почел за благо уйти спать. Но спать невозможно. Трудно представить себе, какой шум и гам производят уличные мальчики, все эти чистильщи-

[1] Слова вставлены над строкой.

[2] Ачичвара – село в Гальском районе Абхазии.

ки сапог, газетчики, продавцы «сууксу»[1] (холодная вода в кувшине). Шум наших московских улиц – ничего по сравнению с шумом в Сухуме. Сквозь сон я слушал пение, музыку, в глазах мелькали красные, зеленые, синие огни, но затем я куда-то провалился и встал на утро совершенно здоровым.

В Сухуме мне пришлось быть в жаркое время. Днем, начиная с 10–11 часов и до шести часов вечера, я находился в состоянии человека, поджариваемого на горячей сковородке. Главная моя задача – собрать возможно больше впечатлений и, если можно, материала, не была вследствие этого достигнута, от многого пришлось отказаться. Наиболее ярким впечатлением была картина сухумского бульвара и набережной ночью, когда между деревьями зажигаются разноцветные лампочки и живая, темпераментная, разноплеменная южная толпа заливает бульвары и улицу. А рядом плещется, ударяясь о сваи и камни набережной, море, освещенное луной, вдали тихо, как тени, скользят лодки, слышен заглушенный смех и звуки мандолины – и вся эта чудесная картина вставлена в оправу чернеющих вдали гор, по склонам которых то там, то сям блестят огоньки. Должен, однако, признаться, что эта картина очаровывает своей неожиданной красотой и своей экзотичностью не более 2–3 дней, после чего она перестает производить впечатление и скоро приедается, как слишком сладкое, до приторности, кушанье.

Пришлось мне побывать в Нарком[ате] вну[тренних] дел, находящемся в одном здании с Совнаркомом. У дверей наркома стоял довольно-таки грязный милиционер, объяснивший мне, что у наркома посетители и что надо обождать. Сам нарком, брат известного здесь Лакобы[2], средних лет абхазец, вышел вскоре из своего кабинета, и его окружили посетители, из которых добрая половина была, казалось, его приятелями, так шумно и фамильярно они приветствовали его. По неопытности, что ли, но мне трудно с первого взгляда в этих местах определить социальное положение интересующего меня человека. Все одеты одинаково, одни почище, другие погрязнее, разговор, жесты вроде одинаковы. Поэтому определить социальную природу «окружения» этих новых людей, ставших у власти и называющих себя коммунистами, – вещь совершенно невозможная. Но когда я того же наркома встретил вечером за столиком кофейни в беседе с несколькими людьми, мне показалось, что здесь так легко собираются и дружески разговаривают члены правительства, торговцы, молодые бюрократы, что о создании стены между различными элементами нашего общественного строя здесь не думают – и по социально-бытовым условиям это, кажется, невозможно. Так, по-видимому, происходит в жизни взаимное проникновение противоречивых элементов, такова судьба наших мелкобуржуазных окраин, в которых сильно представлено мещанство, растворяющее в себе эти элементы и образующее из них новую смесь… Влияние партии с ее прошедшим огонь и воду ядром революционеров и пролетарским авангардом является как будто очень важным противодействием происходящему здесь химическому процессу, но дыхание партии доходит сюда так слабо и к тому же

[1] Турецкое «холодная вода».

[2] Нестор Аполлонович Лакоба (1893–1936) – государственный деятель Абхазии. С 1922 года председатель СНК, с 1930 – председатель ЦИК Абхазской АССР. В конце 1936 года был отравлен Л. Берия в Тбилиси.

дело ее творится ведь теми же руками, которые так сердечно пожимают руки здешних мещан …

Меня интересует вопрос: существует ли здесь столкновение интересов двух господствующих национальностей – абхазцев и мингрельцев – и в чем оно проявляется? Признаюсь, материал мой ничтожен. Это, конечно, говорит об отсутствии резко выраженного противоречия и тем более борьбы. Наши ребята всегда деликатно обходят эту тему. Но пристально вглядываясь в некоторые факты, видишь, что в междунациональных отношениях здесь не все гладко. Я оставлю в стороне проявление этого конфликта среди мелкобуржуазной «беспартийной» интеллигенции того и другого лагеря. Здесь плохо скрытая вражда чаще всего выражается в литературе. Мне пришлось читать книжку[1] абхазца Басария[2] об Абхазии. В этой курьезной во многих отношениях книжке, изданной Наркомпросом (!) Абхазии, я нашел немало перлов. Самый тон, оборонительный, а не наступательный, правильно выражает существующие национальные взаимоотношения. Я неоднократно отмечал, что и среди наших ребят, т.е. кадров местной коммунистической интеллигенции, замечается недовольство на почве «предпочтения», которое оказывается противоположной стороне при приеме в партийно-советские школы, в комвузы. Мингрельцы, когда спрашиваешь их об абхазцах, всегда немного иронически говорят о претензиях абхазцев на национальную культуру, на политическое управление.

Помню, как один молодой коммунист-учитель, ехавший со мной в Сухум, старательно доказывал мне, что и фамилии абхазцев не что иное, как испорченное грузинское (мингрельское). В прошлом взаимоотношения между этими народами определялись наступлением культурно и экономически[3] более развитых мингрельцев и обороной абхазцев, политикой царского правительства, направленной против последних, и недолговременной властью грузинских меньшевиков, обрушившейся опять-таки на абхазцев[4].

---

[1] Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. – Сухум-Кале, 1923.

[2] Басария С.П. (1884–1942) – общественно-политический деятель, педагог, ученый-краевед, писатель, специалист в области географии, экономики и этнографии. Являлся членом ряда географических обществ, был избран почетным членом Вашингтонского географического общества. Являлся активным участником политических событий в Абхазии в 1917–1921 гг. Стал одним из основателей 1-го абхазского национального совета (АНС), в котором он и председательствовал, также он является автором конституции АНС, которая является 1-й конституцией Абхазии. Арестован сталинско-бериевским режимом в 1941 г., расстрелян в 1942 г.

[3] Замечание некорректное, более того – оскорбительное по отношению к абхазам, что касается экономики, здесь действительно мингрельцы более предприимчивы к торгово-денежным отношениям.

[4] До присоединения к России, во второй половине XIX века, Абхазия состояла почти исключительно из коренного абхазского населения. В считанные годы она превратилась в пестрый в этническом отношении край. С 1864 г., после упразднения Абхазского княжества и введения прямого русского управления, здесь основали свои села греки, болгары, армяне, русские, эстонцы, немцы и другие, но более всего грузины (в основном мегрелы). В конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. на страницах грузинских периодических изданий появляются статьи, в которых видные представители интеллигенции Грузии призывают свой народ осваивать опустевшие в результате махаджирства абхазские земли. В этот период в Грузии начинает формироваться имперское сознание, а народу внушают мысль о его исключительности и особенной роли на Кавказе. В тот же период грузинское духовенство

В настоящем эти взаимоотношения чрезвычайно оздоровлены, но, конечно, следы прошлого дают себя чувствовать на каждом шагу; к тому же самая лучшая политика не может остановить безусловного процесса медленного исчезновения абхазцев, их растворения в среде сильнейшего соседа, о чем свидетельствует положение в Самурзакане[1], в которой относительно ряда селений местные люди затрудняются сказать, живут ли здесь «природные» мингрельцы или принявшие мингрельский облик абхазцы.

21 июля

До сих пор мы видели фасад местной общественности. Теперь она открывается и с другой стороны. Злобой дня являются злоупотребления в Союзе Табаководов. С тех пор, как мы стали знакомиться с этим кооперативом, мы слышим жалобы на действия его сортировщиков, низкой квалификацией табака разоряющих крестьян-табаководов. Об этом крестьяне-плантаторы говорят в один голос. Табаководческие деревни стоном стонут. Наконец, один сортировщик на днях попался. Он низко квалифицировал табак одного крестьянина. Когда последний отказался сдать свой табак кооперативу и продал его частному скупщику, то оказалось, что тот же табак, принятый от скупщика, был оценен выше. Злоупотребление налицо. Казалось, легко предположить, что между сортировщиком и скупщиком существует сговор. Но местные власти (председатель исполкома) пожимает плечами, когда Л. указывает ему на это. Сортировщика арестовывают, но продержав день-два, выпускают. Когда наши ребята покопались в вопросе о том[2], что представляет собой пред[седатель] исполкома, то оказалось, что он – относительно крупный плантатор, сдающий тюркам-табаководам землю исполу. Любопытная черточка: его мы видели на днях угощающимся с местным правозаступником, бывшим князьком, а теперь ярым контрреволюционером. После того, как пред[седатель] исполкома, распрощавшись с ним, вышел, князек, обращаясь к присутствующим в духане, в присутствии Л., сказал: «Все коммунисты – сволочи». Спустя час он полушутя – полусерьезно в другом месте поднимал тост «за здоровье государя-императора». Когда я поднял голову и посмотрел на него, он превратил свой тост в шутку.

Пред[седатель] исполкома – абхазец, бывший учитель, крупный, зажиточный крестьянин, вернее – кулак, в то же время он – член укома… . Вот дела!

Вчера в «Трудовой Абхазии»[3] – разоблачения о деятельности Союза Табаководов. Там, оказывается, совершаются настоящие уголовные дела, в которых замешан весь состав правления во главе с председателем (кандидатом партии). Интересные вещи рассказывают Сам. и Мураб, ездившие в последнее воскресенье на собрании к тюркам в Мокве и в Б. Оказывается, тюрки, лучшие

развернуло бурную деятельность, где абхазскому населению навязывались непонятное грузинское богослужение и грузинский язык, а многие абхазские фамилии мегрельскими священниками записывались на грузинский лад.

[1] Самурзакан – область, находится на востоке страны, включает современный Гальский район, большую часть Ткварчельского, несколько сел Очамчирского района. Названа по имени ее владетеля Мурзакана Чачба, сына Квапу, ставшего правителем этих земель в конце XVII века. В 1864 году Абхазия была переименована в Сухумский военный отдел Российской империи, а в Самурзакане было образовано Самурзаканское приставство.

[2] Слова вставлены над строкой.

[3] «Трудовая Абхазия» – газета, выходившая на территории Абхазии в 1924–1926 гг.

табаководы в крае, совсем не имеют земли, несмотря на то, что многие проживают десятки лет безвыездно в России. До сих пор они вынуждены арендовать землю[1] у местных крестьян исполу. Пахота производилась ими же, но скотом и орудиями сдатчика, которому принадлежат хозяйственные постройки (сараи и т.д.). Он не принимает участие в издержках производства[2]. В результате табаковод получает только половину урожая. Таким образом, съемщик является фактически рабочим, работающим на владельца земли орудиями производства последнего.

Таким сдатчиком земли является и председатель исполкома, и завземотделом. Характерно, что наши ребята долго искали кулака и не заметили, что настоящие кулаки сидят в исполкоме, более опасные, чем обыкновенные кулаки, тем, что они стоят у власти и пользуются ею для своих целей.

Борьба капиталистических и социалистических тенденций (в применении Абхазии)

1. Капитализм, как подготовит[ельная] стадия к социализму. Диктатура пролетариата, как граница между тем и другим обществ[енным] строем.

2. Из каких элементов складывается экономика? 20 мил[лионов] кресть-[янских] индив[идуальных] хозяйств, свободный товарообмен, свобода применения наемного труда и аренда земли. Это с одной стороны. С другой – общественная собственность на орудия и средства крупного пром[ышленного] произв[одства], транспорт и кредиты.

3. Элементы первого рода – почва для развития капит[алистических] отношений среди крестьянства, т.к. развитие благосостояния приведет к дифференциации крестьян[ского] населения.

Но в тоже время этот процесс – источник развития общественной собственности и развития социалист[ического] производства.

4. Как обстоит дело в Абхазии? Экономика Абхазии: развитие товарных отношений, развитие равнинных культур, развитие применения наемного труда (табачные плантации), рост кулака (почва для него).

5. Средства воздействия и регулирования в руках социалистического государства:

А) организация сбыта с[ельско-].х[озяйственного] сырья и организация снабжения деревни продуктами промышленности;

Б) направление кредита;

В) организация и проведение коллективизации хозяйства;

Г) воздействие при помощи путей сообщения;

Д) организация перерабатывающей промышленности (табачные фабрики, спиртоочистит[ельные] и хлопкоочистит[ельные] заводы и др.).

6. Применение труда избыточного населения, пролетарских и полупролетарских элементов деревни на полукапиталист[ических] и советских виноградных, табачных, хлопковых плантациях, с одной стороны. С другой – на предпр[иятиях] крупного промышленного производства, созданных для переработки местного промышленного сырья.

Привлечение населения благодаря улучшению путей сообщения на предпр-[иятиях] Закавказья.

[1] Слово вставлено над строкой.

[2] Предложение зачеркнуто.

7. Наделение землей полупролет[арских] элементов деревни путем перераспр[еделения], но преимущественно путем широкой мелиорации.

8. Наделение живым и мертвым инвентарем коллективы, составленных из пролет[арских] и полупролет[арских] элементов. Последнее осуществляется посредством дешевого кредита, оказываемого [...][1].

Типы хозяйств по основному направлению

Господствующим типом хозяйства являются зерновые (кукуруза), второе место по площади посева занимает табак, третье – виноградники. Посевы хлопка ничтожны, благодаря, глав[ным] обр[азом], ...местному населению семенного материала хлопковый ... .

Рыночность отдельных культур неодинакова. Кукуруза – главный предмет продовольствия. При нормальных условиях одна десятина дает 60–70 пуд[ов] кукурузы. Принимая, что больше половины хозяйств (75–80%) имеют кукурузные посевы, не превышающие 2 десятин (а не менее 1/3 имеют посевы не выше 1 десятины), – следовательно эти хозяйства собирают 100–150 пудов кукурузы. Считая, что на едока приходится 25 пудов в год, и что в семье в среднем имеется 4–5 едока, следует сделать тот вывод, что в большинстве хозяйств или не остается излишек или небольшие излишки (проработав данные бюджетов).

Рыночность табака очень велика. Различие этих двух культур выражается в различии их трудоемкости. Если трудоемкость измерять в десятинном выражении, то валовый доход на руку с одной десятины будет 100–150 (высокая цена), доходность от табака с той же площади будет 700–800 р.

Благодаря высокой своей трудоемкости, производство табака выражено при двух условиях: на основе наемного труда или при наличности избыточного количества трудоспособных членов хозяйства.

Благодаря сильному колебанию цен на табак, с одной стороны, и отсутствию технических навыков среди туземного населения (абхазы, мингрельцы), хозяйство разводит одновременно кукурузу и табак.

Исключением является хозяйство армян, греков и турков.

В развитии табака отдельные операции почти совершенно не механизированы, они основаны на личном умении.

Основные причины отсталости с.х. мерит малоземелье и техника.

Малоземелье – данные поселенных списков.

Техника – инвентарь (соха и мотыги), рабочий скот, техника полеводства, скотоводства, виноградство, отсутствие правильного севооборота, отсутствие кормовых трав ...

Какими методами можно преодолеть отсталость абхазской деревни. Восстановление промышленных отраслей сельского хозяйства (хлопководство, шелководство, табаководства и т.д.).

Более усиленный темп развития товарности, а для этого расширить районы и сделать более устойчивый спрос на с.х. продукты. В основе отсталости деревни лежит острое малоземелье и низкая техника земледелия. Последствия малоземелья следует преодолеть приобщением огромных пространств плодородных земель путем осушения, орошения и максимальном повышении техники путем кооперирования населения и механизация на равнине и путем применения

[1] Неразобранный текст (3 слова).

усовершенствованных орудий производства в районах с неравниным рельефом.

Передел земли необходимо запретить в порядке землеустройства. Революционная законность.

1) Провед[ение] землеустр[ойственных] работ, кредит на землеустройст[венные] работы.

2) пересмотр аренды гос[ударственных] пахотных земель, передача их мест[ному] малозем[ельному] крестьянству, передача крестьянству части [госуд]арственных пастбищ

3) свобод[ный] выбор форм землепользования

4) облегчение условий снабжения крестьянства лесным материалом

5) восстановление ирригаций[1]

5) обеспечение деревни кривым и мертвым инвентарем

6) восстановление и организация новых [...][2] перерабатывающих крестьянско[ское] сырье и улучшение условий хранения и транспорт[ировки]

7) организация сбора крест[ьянского] сырья

8) вопрос о ценах

9) массовое кооперировв[ание] населения и [...][3] соответств[енный] усл[овиям] крест[ьян] хоз[яйственный] кредит

Удлинение срока кредита и удешевление кредита путем привлечения сбереж[ений] населения.

Согласование срока кредита и погашение кредита с моментом напряжения и с допол[нительной] реализ[ацией] прод[уктов].

10) Распр[еделение] [...][4] к мест усл[овия] таких мероприятий как [...][5] пахота, посев трав

АРАН. Ф. 1701, оп. 1, ед. хр. 38. Рукопись и машинопись. Л. 1–42.

Литература

Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии: с древнейших времен до наших дней. – Сухум, 2007.

Абхазия – документы и материалы (1917–1921 гг.) / Сост. Р.Х. Гожба. – Сухум, 2009.

Возба С. О том, каким традициям издревне следовали абхазы, осуществляя кровную месть [Электронный ресурс]. – Sputnik Абхазия. – 08.02.2017. Режим доступа: http://sputnik-abkhazia.ru/columnists/20170208/1020340670/krovnaya-mest-pravosudie-ili-rasprava.html.

Твердый А.В. Топонимический словарь Северного Кавказа [Электронный ресурс]. – Краснодар, 2006. Режим доступа: http://apsnyteka.org/640-toponimicheskii_slovar_kavkaza_a-g.html.

Подготовка текста, предисловие, комментарии – М.Г. Бжания и А.А. Князева

---

1 Предложение зачеркнуто.

2 Неразобранный текст (1 слово).

3 Неразобранный текст (1 слово).

4 Неразобранный текст (1 слово).

5 Неразобранный текст (1 слово).

ЛОВ ДЕЛЬФИНОВ В ЧЕРНОМ МОРЕ[1]

За последние 10–15 лет, в связи с прекращением после империалистической войны[2] дельфиньего промысла, по всему Черноморскому побережью Кавказа, в особенности в районе Абхазии, расплодилось огромное количество дельфинов. В хорошую погоду их всегда можно наблюдать с борта парохода, бесстрашно подплывающих к носу судна, которое они стараются обогнать. В этом году промысел возобновился и дал блестящие результаты: у абхазского побережья было поймано несколько тысяч животных, сало которых пошло на канатно-веревочное и кожевенное производство Союза.

На промысел, организованный абхазским госторгом[3], из Турции была приглашена артель опытных дельфинобойцев, расположившихся станом своих раскрашенных парусников на взморье.

… В солнечные, погожие дни, когда чайки, гоняясь за камсой, стаями носятся по морю, лагерь приходит в движение. – Дельфин пошел! – кричат сигнальщики. Фелюги быстро скатывают на воду, на них погружают большие грузные сети «аламаны»[4], и через полчаса вся эскадрилья мерными взмахами весел устремляется к горизонту, где взапуски, рассекая блестящими плавниками волны и высоко проносясь над водою, плывут за камсой дельфины.

Напав на большое стадо, фелюги съезжаются полукругом и выбрасывают в воду ловко перекидываемые с одного судна на другое тяжелые сети. В это время, чтобы загнать в замыкаемое постепенно кольцо парусников возможно большее количество животных и не дать им прорваться наружу, дельфинобойцы поднимают невообразимый шум, принимаются истошно кричать, стреляют из кремневых пищалей, дико приплясывают на корме и вспенивают волны ударами весел и сбрасываемыми в воду камнями… Наконец, последняя фелюга перехватывает сеть. Круг сужен до нескольких сажен в диаметре. Кому-нибудь из бойцов удается ранить дельфина, на воде появляется первая кровь, и обезумевшие от ее вида, оглушенные всем этим шумом животные, приходят в неистовое движение: в смертельном порыве они в беспорядке перескакивают один через другого, шлепаются гибкими телами о корму парусников, ударяют друг друга плавниками и, издавая какие-то особые хрюкающие, свистящие

[1] Статья (автор не указан) была опубликована в журнале «Вокруг света» (г. Москва). 1928 г. № 32. С. 19.

[2] Первая мировая война (1914–1918 гг.).

[3] Госторг (Государственная экспортно-импортная контора) – организация, осуществлявшая монополию внешней торговли в первые годы советской власти.

[4] Аламан – 1. Вид невода. 2. Лодка для ловли рыбы сетью.

звуки, стремятся вырваться на простор. Бойцы, засучив рукава и вооружившись баграми, перегибаются за борт и одного за другим, как из ковша, вытаскивают дельфинов из сетей и грузно бросают в фелюги.

Через час-полтора две сотни вздрагивающих тел, лежат уже на днищах парусников, и бойцы приступают к убою: дельфина вытаскивают на корму и вонзают ему в голову тонкий и острый, как шило, нож. Из смертельной раны струей хлещет на воду кровь… Несколько вздрагивающих конвульсивных движений, и мертвое тело животного сбрасывают в груду живых еще дельфинов.

Быстро, уверенно работает привыкшая рука; взмах за взмахом блестит красным тонкий стилет, и через какой-нибудь час вымытые, отливающие чернью гладкие туши ровными рядами уже уложены на палубе. Усталые бойцы закуривают маленькие турецкие трубочки, оставляя за собою окрашенное кровью пространство, отправляются на берег.

В удачные дни улов дельфинов достигает иногда 300–400 штук.

Освежеванные на берегу туши очищают от мяса и плавников, а пласты розовато-желтого сала сдают на завод, где через две недели из них вырабатывается прозрачный, золотистого цвета, дельфиний жир. Процедура эта проста и незатейлива: механическая салорезка режет сало на тонкие пласты, которые поступают в автоклавы – большие, герметически закупоренные котлы; через автоклавы по змеевику пропускается горячий пар, и растопленный таким образом жир вместе с отбросами, стекает в бассейн; после этого чистый жир насосами подается в котлы, из которых спустя несколько дней, отстоявшись, он выходит уже в виде готовой продукции.

Жир пойманных у берегов Абхазии дельфинов после фильтрации принимает совершенно прозрачный вид и может вполне заменить лечебный (тресковый) рыбий жир. Пройдя фабричную переработку, жир может служить первосортным смазочным материалом, годен для жировки кож и для варки зеленого мыла; будучи превращен в массообразное состояние, он дает высокопитательный продукт и может пойти для производства всевозможного мыла, стеарина, олеина и глицерина. Из кожи дельфина вырабатывается замша, а из отбросов – землеудобрения. Все эти производства налаживаются госторгом Абхазии, неподалеку от Сухума.

Подготовка текста, примечания – А. Дбар

НИКОЛАЙ ВЕРЖБИЦКИЙ

КУРОРТ ПСЫРЦХА (б. НОВЫЙ АФОН)

Николай Константинович Вержбицкий (1889–1973) – советский писатель и журналист, автор более 500 рассказов, очерков, статей, фельетонов и 14 книг. Очерк Н. Вержбицкого «Курорт Псырцха (б. Новый Афон») вышел отдельным изданием в Тифлисе, в 1925 г., под редакцией К. Барганджия, с иллюстрациями Л. Акишина. В нем подробно рассказывается о положении дел в Новом Афоне по состоянию на середину 20-х годов XX столетия.

I. Абхазия и абхазцы

Кавказ, его горы, непроходимые ущелья, заоблачные долины и стремительные реки – всегда, в течение всей истории человечества, был убежищем для многочисленных и разнообразных племен, искавших здесь защиты у самой природы.

И в настоящее время Кавказ населяют десятки народностей, очень мало имеющих между собой общего по крови и по языку.

Что же касается до абхазцев, то до сих пор ученые исследователи не могут точно сказать: откуда пришли они сюда, какие исторические потрясения бросили их из таинственного прошлого к подножию этих кудрявых гор? Прихотливый, своеобразный и богатый своим звуковым содержанием язык абхазцев не находит себе подобного ни в одном уголке земного шара.

Древнейшие писатели, жившие более двух тысяч лет тому назад, уже упоминают о далеких предках абхазцев – «абезах», населявших восточное побережье Черного моря. Отсюда, будто бы, первые путешественники привезли легендарное Золотое Руно и слитки серебра, которые, с тех пор, не давали покоя многочисленным завоевателям, находившим богатство, славу и гибель у теплых берегов «Страны Души»[1].

Расторопные купцы из Милета везли сюда медь и ткани, открывая торговый путь в Азию; Рим строил здесь свои широкостенные крепости; роскошная Византия слала сюда болтливых монахов; встревоженная Персия пыталась на дымных скалах Абхазии остановить движение с Запада; абхазские княжны украшали терема киевских владык...

Из-за извилистых берегов Абхазии многие годы шел кровавый спор между царской Россией и Турцией. Две тысячи лет «страна абезов» была местом, где скрещивалось оружие колонизаторов всех стран света, но никакие влияния не смогли вытравить богатой самобытности абхазского народа, который четыре года тому назад обрел свою национальную свободу под красными знаменами советов[2].

* * *

Словоохотливый, но не болтун, медлительный, но не ленивый, любитель вина, но не пьяница, сдержанный в пище и в гневе абхазец ревностно хранит в своем быту ряд интереснейших черт и обычаев, которые несут на себе глубокие следы первобытной простоты и душевности.

Общественность, это пестрое сплетение людских отношений – «апсуа»-абхазцы понимают в самом чистом и непосредственном смысле этого слова. Она для них – самое настоящее, живое дело, которое не терпит ни лжи, ни притворства.

Разве не характерен старинный обычай абхазцев ставить по глухим и трудным горным тропам скамьи для усталых пешеходов и, около них, кувшин с водой и кое-какую еду: кусок сыра, ломоть «амгиал» (кукурузный хлеб), пару яиц – кто что может.

По абхазским деревням до сих пор существуют добровольные организации, которые безвозмездно обрабатывают земли сирот, вдов и больных. Такие организации, называемые «кераз», существуют вовсе не как повинность, члены их ходят работать на чужие поля по своей доброй воле. А о том, насколько многочисленны эти трудовые дружины, можно судить хотя бы по тому, что они в борьбе за советизацию Абхазии, сыграли очень крупную роль.

---

[1] Абхазцы называют свою страну «Апсны», что в переводе на русский язык означает «страна Души». – *Прим. авт.*

[2] Напомним, что советская власть в Абхазии была установлена 4 марта 1921 г.

А сельские сходы? Вот где можно поучиться вести собрания и вести себя на собраниях.

Абхазцы – хорошие ораторы, но, вместе с тем, они и прекрасные слушатели. На деловых собраниях крестьян в абхазских деревнях все речи выслушиваются в полном молчании, выступающие говорят по очереди и нигде, наверное, председатели так свободно и легко не чувствуют себя, как на этих собраниях.

Правда, сильна еще здесь старинная традиция, согласно которой седые волосы считаются непререкаемым спутником ума и опыта. Но с тех пор, как собрания старейших сменились заседаниями членов сельсоветов – к голосу молодежи начинают прислушиваться и старики.

Из всех разнообразных форм широкого абхазского гостеприимства хочется отметить обычай, по которому хозяин дома никогда не должен спрашивать у своего случайного гостя ни имени, ни родины, ни чем он занимается. Это не только редкая деликатность, не только уважение к чужой тайне, это, еще, – и умение превозмочь могущественнейшую из всех наших человеческих слабостей – любопытство, в котором так любят уличать малокультурные народы.

Путешественник в Абхазии, обычно, никогда не спрашивает позволения войти в дом. После приветствий, ему дают помыться, стоя у стола всей семьей угощают его, женщины на ночь моют ему ноги и чинят порванную в дороге одежду.

Обычай радушно приветствовать каждого, встречаемого на дороге, в поле, на пастбище – также говорит о сильно развитом у абхазцев чувстве социальной и трудовой солидарности. Считается неприличным пройти мимо пастуха и не сказать ему «убза хвэйт!»[1] («пусть хорошо ест твой скот!») или не встретить крестьянина, выехавшего в поле на работу, восклицанием: «бзиа уйт» («хорошей работы!»).

Абхазец не любит грубой, оскорбительной брани. Тем более брань у него никогда не связывается с жестоким унижением женщины, к которой, кстати сказать, в «Стране Души» относятся с величайшим уважением. Но есть у абхазца одно ругательство, которое бьет иногда сильнее всякой оплеухи: «ажвлар рыллах уооллайт! – пусть накажет тебя народ!»

В абхазских семьях считается совершенно недопустимым, позорным, диким – битье детей. Здесь по отношению к детям, даже к обычной брани прибегают лишь как к исключительному способу воздействия. А посмотрите-ка на абхазских ребятишек – как они сдержанны, как они прекрасно владеют собой, как они умеют отличать шалость от серьезного дела.

С незапамятных времен защита семейных интересов у абхазцев лежала на женщине. Всякое покушение со стороны мужчин на уничтожение этого права всегда вызывало серьезные волнения. Для абхазской женщины не редкость управление общественными делами и даже в годы длительной борьбы за национальную самостоятельность она, сплошь и рядом, сопровождала мужа-воина верхом на коне.

Брак у абхазцев никогда не мог сделаться источником дохода ни для православных священников, ни для мулл. Он и до сей поры сопровождается очень несложным обрядом, в котором главную роль играют взаимные обещания. Муж

[1] Здесь и далее автор абхазские слова в русской транскрипции не всегда дает точно, иногда сильно искажая их.

и жена вольны разойтись в любой момент, при первом желании одного из них. Однако разводы в абхазских семьях встречаются очень редко.

Половая распущенность строго осуждается общественным мнением и в этом отношении интересны многочисленные заявления крестьянских обществ, подававшиеся царским чиновникам с настойчивой просьбой закрыть дома терпимости, которым тогдашнее начальство разрешало существовать в тех районах, где стояли войска. Нечего и говорить о том, что в этих позорных учреждениях совершенно невозможно было встретить женщину-абхазку.

Для характеристики старинных и чрезвычайно устойчивых обычаев у абхазцев нельзя не упомянуть об удивительно своеобразном судопроизводстве у этого народа, остатки которого сохранились до настоящего времени.

Прежде всего, никто из жителей Абхазии не был свободен от привлечения к суду; никакие сословные или родственные отношения не могли служить препятствием для этого: «ахшала» (раб) мог привлечь к суду своего господина, сын – отца, жена – мужа.

Дела решались всенародно, под открытым небом, в тени старого дерева, считающегося священным. Выслушивались обе стороны и многочисленные свидетели. После этого судьи, выбираемые из почетных и пользующихся всеобщим уважением жителей данной местности, удалялись на совещание. После совещания один из судей объявлял приговор. Если обвинение или иск судьи находили сомнительным, они предлагали истцу дать клятву в правильности своих заявлений, а если дело было серьезным, то выбирались еще соприсягатели, число которых иногда доходило до 32-х. В том случае, когда истец отказывался от присяги – то же самое предлагалось сделать ответчику, и если он давал клятву в том, что обвинение против него ложно, – дело решалось в его пользу.

Присяга, обыкновенно, давалась на горе Дюдрюпш[1] (около сел. Ачандара), которая тоже считалась священной. Утверждают, что среди абхазцев не найдется ни одного такого, который решился бы дать на этой горе ложную клятву.

Религиозные верования крестьянской массы в Абхазии представляют собою пеструю смесь обрядового христианства с языческой мифологией. Не останавливаясь на идее о едином всемогущем существе, распоряжающемся вселенной, абхазцы дают ему в помощь целый ряд богов, специалистов в какой-нибудь отдельной области. Богиня «Джаджи» наблюдает, по их мнению, за посевами, «Айтар» – заботится о домашнем скоте, «Шес-шу» – покровительствует кузнечному и слесарному делу, «Афы» – распоряжается громом, молнией, дождем, ветром, всем небесным арсеналом.

Замечательно то, что вы нигде не встретите ни одного изображения какого-либо из этих богов. Для абхазца это – совершенно отвлеченные силы, лишенные даже крупицы материальности. Среди них сильно распространена вера в дурной глаз, в приметы, в заговоры. Они боятся «ведьм» и, иногда, жестоко расправляются с женщинами, на которых падает подозрение в пользовании злыми чарами.

Указав на положительные стороны абхазской общественности, следует, объективности ради, упомянуть и о резко отрицательных явлениях в этой области. Взять, хотя бы, так называемый «долг душе» – поминки.

---

[1] Дыдрыпш.

Этот обряд, существующий положительно у всех народов, у абхазцев, силою каких-то историко-бытовых переплетений, превратился в губительнейшую повинность, от которой страдают, хиреют, гибнут тысячи крестьянских хозяйств.

«Долг душе», это, проще сказать, – долг чреву.

Величайший позор ложится на голову абхазца, какого бы достатка он ни был, если он, вскоре после смерти кого-либо из членов своей семьи, не пригласит к себе на поминальное пиршество всех, решительно всех своих родственников, близких и дальних, вплоть до так называемой «седьмой воды на киселе».

По всей округе, иногда верст на 50, на 100 в сторону, ходит специальный «горевестник» и собирает на поминки всю эту армию родственников. К ним присоседиваются просто знакомые умершего и любопытные.

И вот, в назначенный день к дому несчастного собирается компания гостей человек в двести-триста. Всех он должен накормить и напоить. Режется последняя корова, выкатываются заветные бочки вина, печется хлеб из кровных запасов кукурузной муки. Все это пожирается и выпивается под однообразные беседы о доблестях и талантах покойного. А на утро хозяин встает разоренный, злой, выбитый из хозяйственной колеи, но зато, снискавший любовь и уважение всей округи.

Язык абхазцев заслуживает того, чтобы на нем остановиться несколько подробнее.

В смысле обилия и разнообразия звуков он превосходит любой из индоевропейских языков. Абхазский алфавит, не так давно составленный из русского, потребовал создания около тридцати новых знаков для целого ряда шипящих, свистящих, жужжащих и гортанных звуков, которые бессилен воспроизвести человек, не выросший в Абхазии.

Для того, чтобы вы могли получить хоть некоторое представление об этих особенностях абхазского языка, попытаемся записать (конечно, очень несовершенно) ряд абхазских слов буквами русского алфавита:

Амтцсхфьойт – лгу.

Аккуджмалапсе – волчиха.

Шожзвей жзбава – тридцать.

Есть фраза, которую даже из абхазцев не всякий произнесет совершенно правильно: «Хфюфьк хмахюуцтвак юктоуп» («три голубя сидят на трех ветках»).

Чистота и богатство абхазского языка также достойны внимания исследователей. Маленькое, едва уловимое изменение в одном только звуке и – все слово получает уже совершенно другое значение. У абхазцев есть масса слов, совершенно не переводимых ни на один из европейских языков, даже условно. Часто одно слово, даже один звук их языка соответствует 5–6 словам другого языка.

Письменность у абхазцев существует совсем недавно. Поэтому абхазский язык до последнего времени являлся чисто разговорным языком. Молитвы, заклинания, пословицы, исторические даты, лечебные рецепты, поверья, сказки, песни и целые поэмы заучивались наизусть и передавались от поколения к поколению. Отсюда понятна любовь и величайшее уважение, проявляемое абхазцами по отношению к хорошим ораторам и народным поэтам, среди которых часто устраивались состязания, привлекавшие многочисленных слушателей и внимательных судей.

***

Абхазская Автономная[1] Социалистическая Советская Республика, с главным городом Сухумом, входит в состав Закавказской Федерации как составная часть Грузинской ССР и занимает прибрежную полосу между Черным морем и северными отрогами Главного Кавказского хребта, приблизительно между рекою Псоу (на севере) и Ингуром (на юге).

По переписи 1923 года в Абхазии насчитывается всего 17,000 чел. городского населения и 157,000 чел. сельского, т.е. всего 174,000 человек, населяющих пространство в 8,200,000 кв. верст. (23 человека на одну квадр. версту).

Из этого количества населения, абхазцев насчитывается 87,360 человек, причем ими заселены, главным образом, районы по течению реки Кодор и около уездного гор. Гудауты. Остальное население Абхазии по национальности распределяется следующим образом:

Грузин..... 30,741.

Армян..... 17,706.

Греков..... 12,203.

Русских..... 3,497.

В остальные двадцать тысяч входят люди самых разнообразных наций: эстонцы, латыши, турки, немцы, поляки, албанцы, молдаване, осетины, персы, болгары и др.

Главными отраслями сельского хозяйства во всех районах Абхазии являются: хлебопашество, табаководство, виноделие и садоводство. Из второстепенных можно упомянуть: скотоводство (Очемчирский у.), рыболовство (Гудаутский у.), шелководство и пчеловодство.

Из хлебов коренное население, а за ним и пришлое, сеет, главным образом, кукурузу, которая не требует особого ухода и вполне мирится с песком и суглинком, покрывающим склоны гор, обращенных к морю. Кукуруза сеется примитивным образом и никогда не дает особенно обильных урожаев, тем не менее, до войны один Самурзаканский участок с 20,000 десятин, находящихся под кукурузой, давал урожай до трех миллионов пудов. Из кукурузной муки население печет очень грубый и тяжелый хлеб и варит национальное абхазское кушанье, называемое «абыста», вроде густой каши[2]. Пашут крестьяне самодельными сохами или плугами особого горного типа, которые поднимают почву не более, чем на 1 ½ – 2 вершка. Более совершенные сельскохозяйственные орудия встречаются только в селениях, где живут колонисты.

Узкая береговая полоса длиною в 130 верст и шириною не более 25-ти оказалось весьма удобной для разведения табачных плантаций, и эта выгодная культура привлекла внимание всего пришлого населения еще задолго до империалистической войны[3]. Табачные плантации, возделываемые, по большей части,

---

[1] Интересно, что слово «автономная» мы встречаем в издании 1925 года. Официально Социалистическая Советская Республика Абхазия, имевшая «договорные отношения» с Грузией, стала называться автономной только с 1931 года.

[2] Другим, очень распространенным национальным блюдом в Абхазии является кислое молоко с медом, которое, обыкновенно, едят после обеда. – *Прим. авт.*

[3] Имеется в виду Первая мировая война, начавшаяся в 1914 году.

греками и армянами, росли как грибы. С 1907 г. по 1914 г. количество вывозимого через Сухум табака увеличилось почти вдвое, дойдя до 470,000 пудов. Лучшие сорта шли за границу и даже в Египет (Александрия). Владельцы складов и комиссионеры-скупщики наживали состояния, бешено эксплоатируя мелких табаководов.

Во время войны посевы табака сильно сократились и дошли в 1922 году (первом году после советизации Абхазии) до ничтожной цифры в 600 десятин засаженной земли и 30,000 пудов урожая. Одновременно сильно понизилось и качество табака. Но уже в следующем году, благодаря всеобщему успокоению в стране и настойчивым шагам Наркомзема Абхазии, площадь табачных плантаций сразу увеличилась до 4000 десятин, а урожай дал около 200,000 пудов, ушедших на переработку в Ростов, Москву и Ленинград. 1924 год дал дальнейшее повышение сбора и в этом же году полным ходом была пущена в Сухуме 1-я государственная фабрика, перевезенная из Ленинграда (быв. «Лаферм»[1]). В 1925 г. ожидается урожай в 350,000 пудов.

Сорта табаков, возделываемых на теплых склонах гор Абхазии, являются одними из лучших сортов турецких табаков: «Самсон» и «Трапезонд». Посадка и обработка их производится следующим образом: в начале марта сажается рассада, с начала мая по конец июня она переносится на плантации; «ломка» (сбор листьев) табаку производится с 20-х чисел июля до октября. Сушка листьев, нанизанных на шпагат и развешанных на особых наклонных рамах, длится до конца октября. Дальше идет «попушовка» (сортировка и подборка в пачки) и затюковка в тюки весом до 4 пудов. Весь собранный и высушенный лист разбирается на четыре сорта, причем, нормально, первого сорта должно быть 20 проц., второго – 35 проц., третьего 25 проц., и четвертого – 20 проц. До сих пор для работы по сушке и сортировке табака каждый сезон в Абхазию приезжают с Кубани работницы из иногородних.

Коренное население не всегда бывает довольно развитием табачных плантаций. Часто можно слышать разговоры о том, что табак, как голодная саранча, все пожирает на своем пути, что табачные плантации губят скотоводство, лишая скот пастбищ. Такого рода утверждения могут рассеяться как дым, если вся страна убедится однажды в том, что широко развернутая культура табака может настолько обогатить край, что даже не потребуется сеять своего хлеба. На земном шаре очень не много мест, где бы солнце, земля и воздух, в такой же степени, как в Абхазии, способствовали процветанию этой культуры.

Из винодельческих районов Абхазии самым значительным является район Гудаут. Здесь разводится (правда, довольно несовершенно) до сорока сортов винограда и отсюда до войны вывозилось в Россию до одного миллиона ведер вина.

Гудаутские вина попадали в лучшие погреба обеих столиц. Но, в общем, и разведение винограда и обработка вина оставляют желать здесь многого лучшего. Виноградные лозы вьются по деревьям в полудиком состоянии, за ними никто почти не ухаживает; на рынок выпускаются низкие сорта вин, которые,

[1] Табачная фабрика «Лаферм» – одна из крупнейших в дореволюционной России табачных компаний; была основана в С.-Петербурге в 1852 г. австрийским подданным Йозефом Гоффманом. После установления советской власти и национализации фабрике было присвоено имя М.С. Урицкого.

при надлежащей обработке, могли бы быстро восстановить славу гудаутских виноградников.

Там же, около Гудаут, за последнее время налаживается ловля дельфинов и устриц, а в устье р. Бзыби ловится лосось и форель и когда-то там предполагалась постройка рыбно-консервного завода.

Говоря о неиспользованных природных богатствах Абхазии нужно сказать, что они буквально неисчерпаемы. К сожалению, царское правительство очень мало думало о них, а советская власть пока еще не обладает достаточными ресурсами для того, чтобы приступить к их добыче и обработке.

Горы Абхазии вплоть до альпийских пастбищ, находящихся у края ледников, покрыты необычайно густым и высоким лесом, занимающим, в общей сложности, по всей стране, до 4-х миллионов десятин. Из всех пород деревьев и кустарников, которых здесь насчитывают до 250 (из них 150 совершенно не встречающихся в СССР, вне Абхазии), наиболее распространенными являются: граб, дуб, ольха, карагач, полевой клен, липа, орех. Реже встречаются: каштан и ясень.

Из южных и вечно зеленых пород на каждом шагу встречаются: лавр, инжир, шелковица (тута), хурма, лавровишня, магнолии и др. Из ценных лесных пород Абхазия может гордиться целыми зарослями кавказской пальмы (самшит), грецкого ореха и красного дерева (тисс). Одной казне в царские времена принадлежало около 8500 десятин самшитовых рощ.

Около мыса Пицунды находится знаменитая, единственная на всем восточном побережье сосновая роща, покрывающая несколько сот десятин; здесь самой природой указано место для открытия громадного курорта для слабогрудых. В 70-ти верстах от Сухума, в долине Загдан, находится гигантский дремучий лес, в котором водятся зубры. В Клычском ущельи растут единственные в мире лавровишневые леса.

Из остальных природных богатств следует указать на многочисленные серебро-свинцовые, медные и магнитно-железные месторождения и знаменитые Ткварчельские каменно-угольные копи. Последние залегают на пространстве в 60 кв. верст и содержат, по предварительным исследованиям, не менее 15-ти миллиардов пудов прекрасно коксующегося угля.

По всей стране бьют сотни целебных минеральных источников, из которых некоторые (серные, под Сухумом; накалакевские), еще в глубокой древности привлекали внимание египтян и римлян, приезжавших сюда лечиться. Эти источники, в соединении с чудесным климатом (годовая температура: зимой 7° Ц., летом 23° Ц.,), дадут возможность в будущем всю Абхазию покрыть обширной сетью здравниц и курортов, которые вернут здоровье и жизнь десяткам тысяч больных со всех уголков Союза.

Железнодорожный путь, к достройке которого приступили в 1925 году, и который, соединив собой все культурные участки страны, сразу приблизит Абхазию на несколько сот верст и к хлебородной Кубани, и к промышленному Донбассу, и к политическому центру – Красной Москве, – этот путь поможет сделать грандиозный прыжок в смысле экономического и культурного развития, и если сейчас Абхазию принято сравнивать с жемчужиной, то тогда она превратится в золото, на которое будут расцениваться все ее неисчислимые богатства, щедро рассыпанные в воздухе, на земле и под землей.

***

Много любят говорить о пресловутой лени абхазского крестьянина, и очень трудно иногда бывает убедить людей в том, что это утверждение основано на чистейшем недоразумении, вернее, – непонимании.

Да, абхазец, приученный горькими обстоятельствами к тому, что его любой день могут согнать с обработанного им кукурузного поля, не научился еще крепко любить землю, не имел времени и возможности научиться возделывать ее надлежащим образом. В дыму международной свалки он больше строил чужие крепости, чем свои дома.

Абхазия – лакомый кусок в смысле своих изумительных природных качеств и стратегически важная граница – никому, однако, из налетчиков-завоевателей не нужна была вместе с ее коренным населением.

Ярче всего показала это бесстыдная политика царского правительства, которое добилось переселения из Абхазии в Турцию нескольких сот тысяч абхазцев только для того, чтобы их земли отдать русским магнатам, политически благонадежным профессорам и прославившим себя кровавыми подвигами христолюбивым генералам-погромщикам.

А в это время часть абхазского дворянства незаметно теряла всякую связь со своей страной и превращалась в царских сатрапов.

Наиболее смышленые крестьянские дети обучались в церковных школах, где лукавые монахи, воспитывая их в духе самодержавия, делали из них послушных чиновников. Крестьяне жили у себя на родине, словно в гостях, на них смотрели как на какое-то полудикое племя и с большой охотой поддерживали легенды о т.н «лесных людях» или о «земле людоедов», желая этим оправдать свою бессовестную и жестокую политику.

Вот откуда у абхазца слабая любовь к земледелию, вот почему он жалеет о своих пастбищах и стадах, с которыми он в любой момент мог уйти от насильников в глухие, неприступные ущелья. Вот, наконец, откуда у него жгучая нелюбовь к торговле, ибо духом купли и продажи были проникнуты все действия тех людей, которые по очереди приходили грабить его несчастную родину.

Воинственное дворянство заразило своею ленью и беспечностью все окружающее. Мало-мальски состоятельный крестьянин изо всех сил ринулся за «амыста» и, предоставляя земле зарастать папоротником, лихо гарцевал на лошади, отдавая десятину за десятиной трудолюбивым пришельцам.

Те, кто всего этого не знает, никогда не поймут величайшей трагедии абхазского народа, выросшего с отдаленных времен на традиции: «Земля – трудящимся!» Не поймут они и того, как из года в год, поощряемые разумной агитацией, начинающие верить в плодотворный и мирный свой труд, абхазские крестьяне все более и более обращают свои взоры к земле, которая одна сможет сделать их счастливыми и свободными.

Пройдет немного лет и «Страна Души», страна ароматного вина, песен и конских ристалищ, – сделается воистину «Страной труда», страной напряженного, разумного труда, и тогда: исчезнут первобытные сохи, получит все права гражданства рядовой посев кукурузы, во все стороны протянутся удобные дороги,

загремит кирка в горных теснинах, добывая уголь, серебро, мрамор, азбест и медь, и уже не понадобится больше лазить за виноградом на… ольху[1].

II. Монастырь «Новый Афон»
(Историческая справка)

В мае 1864 года в абхазском урочище Кбаада[2] тридцатитысячное войско русского царя во время торжественного парада приносило благодарственные молитвы богу, за то, что тот помог поработить силой оружия многочисленные кавказские племена, осмелившиеся выступить на защиту своей свободы и независимости.

А в это самое время, десятки тысяч непокорных абхазцев, выселяемых в Турцию, садились в утлые «качермы», увозя с собой щепотки родимой земли и ужасное воспоминание о «молодецких» действиях русских войск, превращавших в дымящиеся обломки целые селения в отместку за одного раненого фуражира.

Спустя два года жители бзыбского округа начали восстание[3], убили начальника края и двинулись из героического селения Лыхны (в 4 верстах от Гудаут) к Сухуму и к Цебельде, где их ждало подкрепление. Восстание было подавлено с величайшей жестокостью, хотя верноподанные летописцы того времени и писали: «великий князь чрезвычайно великодушно отнесся после этого к Абхазии, не подвергая ее *полному разорению*»[4]. В Турцию было выселено еще несколько десятков тысяч повстанцев.

Однако, брожение продолжалось. Население страны не мирилось с режимом штыка и нагайки.

Во всех городах побережья усиливались гарнизоны. Чиновничий аппарат переходил в руки верных царскому престолу людей. Но не было спокойствия в ставке наместника. Призраки нового восстания мешали спать русским полководцам.

И вот тогда-то, в эту эпоху мертвой, предгрозовой тишины (через 10 лет в порабощенной, задавленной Абхазии вспыхнуло новое национальное восстание, поддержанное Турцией)[5], некто граф Н.П. Игнатьев[6], хорошо понимавший всю важность закрепления за Россией пограничной полосы Западного побережья Кавказа, будучи в Константинополе, встретился с митрополитом Макарием[7], жившим тогда в знаменитом монастыре Старого Афона (в Турции) и, беседуя, предложил ему переехать с частью монахов на Кавказ и основать там монастырь.

---

[1] В Абхазии виноград разводится в полудиком состоянии: лозы вьются по деревьям, причем для этой цели предпочитают ольху. Во время сбора винограда крестьянам приходится лазить на деревья, а иногда и трясти их. – *Прим. авт.*

[2] Ныне – Красная поляна.

[3] «Лыхненское восстание» бушевало в Абхазии с 26 июля по первые числа августа 1866 года.

[4] Цитата из книги: К. Мачавариани. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу: с историко-этнографическим очерком Абхазии (Сухум, 1913).

[5] Очередное восстание абхазов произошло в 1877 г.

[6] Николай Павлович Игнатьев (1832–1908) – русский государственный деятель, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. В 1864–1877 гг. был послом в Константинополе.

[7] Макарий (в миру Михаил Иванович Сушкин; 1820–1889) – архимандрит Константинопольской православной церкви, настоятель русского Пантелеймонова монастыря на Афоне.

Бывший при этом другой монах, – Иероним – заметил графу:

– Будет ли на это воля божья?

Граф сказал, что он, как светский человек, в божественных делах ничего не смыслит и что дело самих монахов решить: согласен ли бог на их переселение на Кавказ?

Тогда монахи весьма политично заявили, что они всякое приглашение, исходящее от какого-либо сановного лица, *будут считать волей божьей*.

Спустя очень короткое время кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич[1] вызвал монахов и предложил им поселиться в только что завоеванной Абхазии, на том месте, где когда-то стоял богатый греческий город Анакопия (Никопсия)[2], на берегу горной речки Псырцхи, в 22-х верстах от Сухума. В скором времени, особым приказом царя[3] здесь был отведен им громадный участок земли (даром!) в три слишком тысячи десятин.

Спустя некоторое время сюда приехал из Старого Афона энергичный, настойчивый и талантливый организатор иеромонах Иерон[4], сделавшийся скоро игуменом, под руководством которого, в течении 35-ти лет и была произведена вся громадная работа по возведению многочисленных зданий и служб, по устройству дорог, мастерских, плотин по насаждению садов, виноградников и огородов, составивших обширное и богатое хозяйство монастыря.

Кроме этого, монахами, число которых скоро достигло 700, около Ленкорани[5] были арендованы большие рыбные промысла, вагонами доставлявшие свой улов на склады монастырской трапезной. В крупных городах России были открыты подворья, также дававшие обильный улов в виде пожертвований.

Широко и талантливо поставленная реклама в виде миллионов листков, брошюр и образков, рассылаемых по всей России, привлекала сюда десятки тысяч богомольцев, которые, поражаясь невиданной красотой природы и пышным благолепием храмов, несли сюда свои деньги, платя на каждом шагу: то за листок, то за свечку, то за миропомазание, то за целование иконы или креста.

Иерон был крупный хозяин, но он был, прежде всего – монах. Вся его энергия была направлена в сторону обогащения и прославления монастыря, и здесь он пускался на всякие средства, вплоть до сентиментальных лебедей, прельщавших взоры растроганных богомольцев, и широкой эксплуатации бесчисленных

---

[1] Великий князь Михаил Николаевич Романов (1832–1909) – военачальник и государственный деятель; генерал-фельдмаршал.

[2] В наше время многие ученые считают, что раннесредневековый город Никопсия находился на черноморском побережье древней Зихии, на территории нынешнего поселка Новомихайловский Туапсинского района Краснодарского края. Раньше существовала версия, отождествлявшая Никопсию с нынешним Новым Афоном. В настоящее время это утверждение подвергается сомнению. А Ю.Н. Воронов выдвигал гипотезу о локализации Никопсии между современными Гагрой и Адлером.

[3] Александр II Николаевич (1818–1881) – император Всероссийский, царь Польский и великий князь Финляндский (1855–1881) из династии Романовых. Во время его правления, а в 1874 году в долину реки Псырцхи прибыли русские монахи из Пантелеймоновского монастыря Афона в Греции, которые в 1875 году основали монастырь, названный Ново-Афонским Симоно-Кананитским.

[4] Иерон (мирское имя – Иван Васильевич Носов; он же Васильев) (1829–1912) – основатель Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря.

[5] Ленкорань – город в Азербайджане.

проходимцев и беглых преступников, которые за гроши, тайком от полиции, работали на постройках, в садах и виноградниках.

Ражие монахи, отъевшиеся на жирных харчах и сладких монастырских винах, кружили головы российским купчихам и выманивали у них щедрые пожертвования.

Купаясь как сыр в масле, монахи, вернее их руководители, подобострастно выполняли все указания высшей советской власти и твердо проводили по всей округе самодержавную, русификаторскую линию.

Пользуясь лучшими дарами технической культуры, организовывая образцовое хозяйство, они ни мало не интересовались: как и чем живут абхазские крестьяне, бедные селения которых терялись перед роскошью и величием новоафонских строений. Монахи не стремились распространять хозяйственную культуру среди своих униженных и обнищавших соседей, они не пожертвовали им ни одного черенка винограда, ни одного производителя со своих обширных скотных дворов. Зато они *в первый же год* своего появления на берегах Псырцхи построили школу для абхазских детей и там ревностно готовили из них царских чиновников и попов, создавая будущие кадры абхазских верноподданных бюрократов.

Но не всегда добивались они своей цели. Мы знаем целую плеяду революционеров, горячо и бескорыстно любящих свою маленькую страну, которые, получив знания в этой школе, употребили их как смертельное оружие против самой царской и поповской России. К таким деятелям, между прочим, принадлежит и теперешний председатель СНК Абхазии тов. Нестор Лакоба.

Смерть Иерона (1912 г.), начавшаяся склока при новом игумене Илларионе[1] и война 1914 года значительно подорвали хозяйство монастыря. Этому много способствовали и сами монахи, привыкшие к богатым запасам и дешевым наемным рабочим. Гражданская война и революция поставили монахов перед опасностью вообще лишиться всего хозяйства и у них окончательно опустились руки.

Советизация Абхазии застала Н. Афон в совершенно упадочном состоянии. Монахи слонялись без дела, саботировали, а игумен торговался с властью, не желавшей разгрома культурного хозяйства, и потихоньку припрятывал ценности.

В 1924 году политика монахов вынудила органы советской власти распустить монастырь, конфисковать все имущество, назначить новую администрацию и объявить монастырь со всем его хозяйством государственным образцовым совхозом под названием «Псырцха».

Часть монахов уехала в Россию, часть расселилась по окрестным русским деревням. Незначительная часть, человек около сорока, работает сейчас в совхозе в качестве рабочих.

III. Курорт «Псырцха»

Имея в виду исключительно благоприятные условия жизни в «Псырцхе» в смысле климата, географического расположения и природы, администрация совхоза, в первые же дни своего существования, решила использовать бывшие жилые помещения (кельи) монахов для сдачи их в наем курортным.

[1] Иеромонах Иларион (Кучин; 1842 – ок. 1927).

Приходится только приветствовать эту счастливую мысль, ибо «Псырцха», действительно, является редким уголком, даже на берегу Черного моря, где больной и усталый человек найдет себе и отдых и лечение.

Защищенная от северных ветров, кроме главного Кавказского хребта, еще рядом второстепенных гор, «Псырцха» отличается равномерным, теплым и влажным климатом, почти лишенным ветров. Температура морской воды также свободна от частых и сильных колебаний, что делает купальный сезон весьма устойчивым и продолжительным. Средняя температура воздуха здесь 15° Ц., причем, летом всегда на несколько градусов ниже, чем в Сухуме, где июль и август, в виду жары, считаются внесезонными месяцами. В отношении количества солнечных дней «Псырцха», как и весь район Сухума, является рекордной: в Боржоме их – 76, в Давосе (швейцарский курорт) – 99, в «Псырцхе» – 215! Дождей здесь вдвое меньше, чем в Батуме. Дней с заморозками, в течении зимы, бывает не более пяти, а есть места, защищенные от ветров, где морозов почти не бывает. Этим объясняется то, что только в «Псырцхе», во время студеной зимы 1924–25 года совершенно не пострадали мандарины, апельсины и лимоны. Чистота и прозрачность воздуха иногда доходит до того, что в некоторые дни совершенно ясно видны отдаленнейшие горы кавказского хребта. Явление это обусловливается также незначительной влажностью воздуха.

Все перечисленное уже дает основание думать, что «Псырцха» в течении ближайших лет составит себе громкую славу как первоклассный курорт, в котором, разумно и под руководством врачей пользуясь его благодатным климатом, будут получать облегчение больные катарром бронхов, бронхиальной астмой, страданием легочной ткани, хроническим плевритом и органическими страданиями сердца не в сильной степени.

Морские купанья могут приносить пользу при многих страданиях наружных покровов, при ревматизмах, нервных болезнях и, главным образом, – при золотухе.

Существует мнение, что «Псырцха» неблагополучна в смысле малярии. Следует отметить, что главные очаги малярийной опасности – пруды на берегу моря – бетонированы и наполняются проточной водой из Псырцхи, что не может способствовать размножению комариных личинок, уносимых в море.

Тысячи кипарисов и сосновая роща делают воздух «Псырцхи» особенно полезным для слабогрудых.

***

Центральная часть «Псырцхи» расположена на некрутом склоне холма, упирающегося верхней своей площадкой в подножие горы, сплошь заросшей густым, иногда непроходимым лиственным лесом.

На этой площадке, в настоящее время возвышается центральное здание с комнатами для курортных. Здание расположено четыреугольником, посреди которого стоит большой собор. В двух этажах обширного дома может поместиться до четырехсот человек. Постройка двухэтажная, фундаментальная, со стенами толщиной более, чем в аршин. Большие сводчатые окна выходят на двор и к морю, открывая, в последнем случае, красивейшую панораму. Бывшие кельи монахов переоборудованы, отделены друг от друга капитальными стенами, за-

ново отремонтированы, снабжены необходимой мебелью. Все они выходят в просторные коридоры, ведущие к выходам, в умывальные и уборные, снабженные усовершенствованной французской канализацией – последним достижением жилищной санитарии. В каждом коридоре по несколько водопроводов и, кроме этого, на дворе под каменным навесом – холодная ключевая вода, чистая и вкусная, которую безбоязненно можно пить некипяченой. Всюду обильное электрическое освещение (в каждой комнате не менее двух лампочек). К услугам семейных – небольшие кухонные помещения. Двор мощен камнем, так что о пыли не может быть и речи.

На дворе, прямо против главного входа в бывший собор, под высокой колокольней, снабженной часами отбивающими часы и четверти, – высокая дверь в помещение бывшей трапезной. Здесь когда-то, среди стен, размалеванных доморощенными живописцами сценами из священного писания, относящимися к еде (тайная вечеря, чудо с пятью хлебами и т.д.), трапезовало до тысячи человек ежедневно. А сейчас тут стоят столики ресторана, по вечерам играет музыка и выступают гастролирующие труппы артистов, всегда считающих необходимым остановиться на день, на два в «Псырцхе». Стоит посмотреть обширную и хорошо оборудованную кухню трапезной и громадные продуктовые склады, которые когда-то ломились от запасов рыбы, солений, хлеба и вина и которые выходят на передний фасад узкими окнами, похожими на щели, и небольшими железными воротами. В этих складах (направо от входа) последний игумен монастыря замуровывал в стены спрятанные драгоценности.

Выйдя из ресторана-трапезной, открытой с 8-ми часов утра до 12-ти ночи, вы упретесь прямо в главный вход собора, открытого для осмотра в послеобеденные часы.

Собственно говоря, там и осматривать нечего: по стенам – аляповатая живопись (фирмы братьев Оловянишниковых)[1] с громадным количеством позолоты, богатейшая ризница с грудами парчевых одеяний и дорогих материй, просторное запрестолье темного дерева с величественным креслом, на котором восседали высшие духовные чины, «чудотворная» икона богоматери, усыпанная драгоценными камнями, но в художественном отношении не представляющая ничего интересного – все очень внушительно, ярко, богато (говорят, одна роспись обошлась в 60 тыс. рублей), но совершенно безвкусно. Внешний стиль заимствован у древневизантийских строителей и отчасти напоминает константинопольскую Ай-Софию. Высота собора – 20 сажен. Построен он, как и все здания здесь, из крупных тесаных плит известняка, который ломали тут же в горах.

Выйдя из двора через широкие ворота с изображениями святых, живших в Старом Афоне, минуя тридцать три ступеньки, ведущие вниз, вы выходите на площадку. Дальше ее, за каменным барьером, спускается лимонная рощица, затем сад с декоративными, вечнозелеными деревьями, бьет высокий фонтан,

[1] Оловянишниковы – одна из богатейших фамилий в царской России. В 1901 г. было учреждено Торгово-промышленное товарищество «П.И. Оловянишникова сыновья». Принадлежавшая товариществу фабрика церковной утвари в Москве была основана в 1767 г. Фабрика выпускала паникадила, подсвечники, кресты, гробницы, брачные венцы, лампады и т.п.

вьются дорожки, обсаженные миртом, а еще дальше, почти до самого моря, – все покрыто сероватой листвой бесчисленных оливковых деревьев.

Налево от площадки, полого, зигзагами спускается вниз, к самой пристани, большая дорога, усаженная, как и все здешние дороги, густой, бархатно-зеленой шпалерой вонзающихся в небо кипарисов. У самого начала ее, сворачивает влево дорога, ведущая в механические мастерские и к дому отдыха ответственных работников, в котором раньше останавливались наезжие епископы и вокруг которого монахом Тиверием[1] посажены наиболее интересные в этой местности экзотические растения. Дальше большая дорога проходит мимо больших фруктовых садов и питомника растений.

Направо от верхней площадки, через ворота идет вниз более крутая, но тоже мощеная пешеходная дорога. Она ведет мимо сада, украшающего ее пышно-розовыми цветами олеандров, мимо центральной оливковой рощи, мимо зданий школы и маленькой церкви, крутым поворотом вправо – прямо к воротам, на пристань.

Здесь, внизу, сосредоточена вся административно-хозяйственная жизнь курорта и совхоза: его управление, кооператив, склады, грузовая и пассажирская пристань, экскурсионное бюро, гостиница, аптека, рестораны, базар и около базара здание, в котором находится клуб, отделение милиции и рабочий комитет.

В кооперативе можно приобрести решительно все, начиная от фунта луку и кончая примусом. На базар окрестные крестьяне привозят свои продукты, в ресторанах можно получить недорогие обеды, тут же поблизости находится склад дешевого и очень вкусного совхозского вина, совхозский огород и молочная ферма.

У самого моря расположены пруды с проточной водой, среди которых зеленеют небольшие острова и купы деревьев, а за ними уютный ресторан с кавказской кухней.

Слева у берега моря, по пути к таможне и почтово-телеграфной станции, вы увидите вылезающую из стен гостиницы, громоздкую башню, построенную генуэзцами из дикого камня еще в XII веке. В ней остановились монахи, когда они только что приехали из Старого Афона, а сейчас ее приспособили под гостиницу и снабдили деревянным балкончиком.

На самой пристани, у берега, стоит каменная часовня. Сейчас, вместо креста, кто-то умудрился воздвигнуть на ней большого железного петуха. Когда-то в этой часовне только что прибывшие на пароходе богомольцы расходовались на покупку свечей, которые «по усердию» ставились перед иконами в благодарность за благополучное плавание по морю. В настоящее время здесь бойко торгует по вечерам отделение кооператива, и продавец невозмутимо завертывает вам фунт сахару в листок, где напечатано «О поучительном уроке сластолюбцам» или «О трапезе кающегося Давида».

Направо и налево от пристани простирается пляж, усыпанный крупной и мелкой галькой и кое-где песком. Берег моря весьма отлогий, а саженях в 3-х от берега, когда вода вам будет по пояс, вы во многих местах почувствуете под ногами мягкий, бархатный песок. Администрация совхоза рекомендует женщи-

[1] Иеромонах Тиверий в течение долгого времени заведовал садами Ново-Афонского монастыря. Состоял членом Сухумского сельскохозяйственного общества.

нам купаться налево от пристани, а мужчинам – вправо от нее. Курортные, в своих же собственных интересах, должны строго соблюдать это правило.

У пристани всегда можно найти линейку, которая отвезет вас в Гудауты (17 верст) или в Сухум (22 в.) Отсюда же регулярно ходят в обе стороны удобные пассажирские автомобили Закавтопромторга[1].

Сверху, от входа в главное общежитие, есть еще одна дорога вниз, самая крутая. Она начинается от ворот во двор узкой тропинкой, идущей направо, огибает фасад здания и через каменную лесенку углубляется в рощу камфарного и обыкновенного лавра. Здесь каменная дорожка выведет вас к большой железной калитке с лестницей, за которой прямо вниз идет очень широкая, обсаженная неизбежными кипарисами дорога (монахи назвали ее «царской»; по ней в 1888 г. поднялся наверх Александр III)[2]. Здесь опять по бокам обширные оливковые рощи, а внизу дорога извилистой тропинкой упирается в шоссе, ведущее через мост, к нижнему водопаду.

Тут – сердце совхоза.

Быстрая горная река Псырцха, вытекая из таинственных недр ущелья, преграждается на этом месте высокой десятисаженной плотиной, разливается глубоким озером, очаровательного бирюзового цвета, серебряными каскадами, с бешеным ревом падает вниз, мельчайшими брызгами разбиваясь о бетонные скалы, а по дороге, перехваченная системой труб и акведуков, приводит в движение целый механический городок, расположенный внизу: водокачку, электростанцию, мельницу, пекарню, ледоделку и кожевенный завод.

Наверху, направо от водопада, небольшая железная дверь ведет к узкой, дикой дорожке, вьющейся по необычайно живописному берегу Псырцхи, среди густых зарослей, мимо верхнего водопада и того места, где река бурлящим потоком выбивается из сжавших ее скал и камней – к пещере, в которой, по преданию, жил Симон Кананит, один из первых проповедников христианства в Абхазии, явившийся сюда в IV веке, вслед за апостолом Андреем.

Не доходя до нижнего водопада, около электростанции, на небольшой площадке находится церковь, построенная этим Симоном Кананитом, чрезвычайно древней и строгой архитектуры. К сожалению, реставраторы рядом с спокойным и выдержанным куполом поместили довольно легкомысленную колоколенку.

Характерны для древневизантийского зодчества узкие оконца и округленные своды. На камнях старинной кладки встречаются изображения первохристианского креста. Внутри церкви сохранилась интересная живопись. Под престолом будто бы находится прах Симона Кананита. Рядом с церковью скромная могила игумена Иерона, могучий шатер столетнего ореха, три каким-то образом попавших в субтропики белоствольных березки и наивная затея монахов: чугунный крест, а из его концов сочится водопроводная вода.

---

[1] Закавказское автотранспортное торгово-промышленное акционерное общество (Закавтопромторг); базировалось в Тифлисе.

[2] Александр III (1845–1894) – император Всероссийский, царь Польский и великий князь Финляндский с 1881 по 1894 г. 24 сентября 1888 г. посетил с семьей Новый Афон, прибыв морем на пароходе «Москва». Провел в Новом Афоне один день. В честь этого события была построена недалеко от морского берега часовня, установлена у водопада мемориальная доска с надписью, а вдоль дороги от монастыря до церкви Симона Кананита, по которой царь прошел пешком (т.н. «царская аллея»), были высажены кипарисы.

Из остальных достопримечательностей следует указать на два грандиозных фуникулера (один рельсовый, другой – канатный), которые ползут по крутым склонам двух высоких гор. Правый (рельсовый) взбирается по почти отвесным скалам на вершину горы «Акую» (500 саженей), где еще тянется в виде узкоколейки на расстояние в 8 верст. Там, в чаще лесов, работают дровосеки, срубленный лес грузится на вагонетки, маленький паровоз отвозит их к краю горы до спуска и здесь, силой неустойчивого равновесия громадные кряжи спускают вниз, где их принимают другие вагонетки и отвозят к деревообделочным мастерским. Около фуникулера идет узкая бетонная лестница, по которой можно взобраться на т.н. «Орлиное гнездо».

Вторая подъемка, канатная, на больших чугунных устоях, должна была в висячих вагонетках доставлять на вершину другой (Иверской) горы обработанные камни для постройки церкви, задуманной Иероном. Церковь, недостроенная, стоит наверху; подъемка, естественно, бездействует.

От нижнего водопада, пройдя тропинкой мимо молочной фермы, оставив слева виноградники, а справа пчельник, по широкой мощеной дороге вы можете взойти на вершину Иверской горы, со стороны водопада похожей на колоссальную египетскую пирамиду, поросшую лесом. Первое время путь будет не очень крутой, но когда вы дойдете до первой скамейки, то оставляйте влево от себя ровную дорогу и берите вправо, наверх. Гора высотой не более 150 сажень, но для того, чтобы взобраться на ее вершину нужно пройти около 4-х верст извилистой дороги, несколько раз поворачивающей то к востоку, то к западу.

Почти на полдороге к вершине вы увидите направо от себя развалины крепостной башни, из вершины которой, как громадные оленьи рога, растут два больших дуба. От башни тянется крепостная стена, ведущая к другой, лучше сохранившейся круглой башне, висящей на краю головокружительного обрыва. Войдите в ее середину, и вы увидите необычайно толстые стены, амбразуры, круглые своды над низкими дверями, сложенные из тонкого и широкого кирпича, древнеримского происхождения, массивную кладку стен и, типичные для такого рода сооружений, каменные подпорки для куполообразного потолка, который давно обрушился. Внизу, посреди помещения, полулежит свалившаяся на бок массивная колонна, когда-то подпиравшая потолок. Колонна круглая, из крепкого местного известняка, составляющего массивы всех ближайших гор. Из окон башни стоит полюбоваться редким по красоте зрелищем: бесконечный простор моря, меняющего свой цвет чуть ли не каждые 10 минут, море зелени внизу и далекие берега, туманными полосками убегающие за горизонт.

Все эти крепостные сооружения, включая сюда сторожевую башню на вершине горы (от которой осталась одна стена), все это, по преданию, было сооружено во II-м веке римским императором Траяном[1], которому нужно было здесь защищать горный проход (Трахейский), ведущий вглубь Кавказа, и богатую торговую колонию (Анакопию), лежавшую у подошвы горы.

От башни дорога наверх постепенно суживается и скоро превращается в тропинку, которая и выводит на небольшую площадку, где находятся остатки

[1] Траян – римский император, правивший в 98–117 годах.

сторожевой башни и развалины каменной церкви, которая, судя по найденным там высеченным на камнях подписям и рисункам, была выстроена в начале VI века. В том месте, где должен был находиться притвор этого храма, сейчас видны следы нескольких гробниц. Кости, найденные в этих гробницах, собраны старательным хранителем этих древностей монахом Симеоном (в одиночестве живущим здесь 26 лет подряд), положены для обозрения за решетку и, может быть, его же рука начертала рядом невеселое четверостишие:

«Любовью просим мы вас –
Посмотрите вы на нас.
Мы были как вы,
А вы будете как мы».

Посреди развалин церкви стоит новая часовня, в которой висят иконы очень хорошего письма, но, к сожалению обезображенные ризами. За часовней у стены собраны, по приказанию того же Иерона, все уцелевшие каменные фрагменты (обломки) с изображениями рыб (символ первых христиан), виноградных лоз, равносторонних крестов, с греческими надписями и углублениями для мощей. Исследователь некоторые из этих фрагментов пометил годами, к которым относится их текст.

Пониже развалин церкви новоафонские монахи построили большой бетонный бассейн для стока дождевой воды (источников здесь нет). С крыши этого бассейна, обыкновенно, любуются на широко простирающийся внизу чудесный вид на весь совхоз и на побережье. Отсюда видно как узкой змейкой вьется шоссе, ведущее к Сухуму, отсюда еле виден Пицундский мыс, где находится самая старая христианская древность – знаменитый Пицундский монастырь, к которому экскурсанты и желающие отвозятся на совхозском катере (другой дороги нет).

Из живописных окрестностей «Псырцхи» остается еще указать на так называемое «Ласточкино гнездо», дорога к которому ведет от «Дома отдыха». «Ласточкино гнездо» представляет собою громадный уступ, словно прилепленный к отвесной скале на высоте 30-ти сажень. Некоторые утверждают, что отсюда открывается более красивый вид вниз, чем даже с Иверской горы. Возможно.

Когда вы будете проходить по горным дорогам и тропкам, мимо крутых скал, со всех сторон окруженные буйной растительностью, не забудьте обратить внимание на следующее: зелень растет буквально из каждой щели; достаточно голому, только что обтесанному камню покрыться чуть заметным слоем земли, как по нему уже бегут цепкие щупальца ползучих растений, а через год вы этого камня уже не увидите под сплошным футляром из листьев и перепутавшихся стеблей. Громадные вековые дубы разворачивают своими могучими корнями целые скалы, крошат их и сбрасывают вниз глыбы камней, в поисках за опорой и влагой. Можно видеть железные, выкрашенные масляной краской столбы, сплошь увитые плющом и друг. паразитарными растениями, которые крепко вцепились в железо своими мелкими корешками. Такова флора Абхазии, такой здесь воздух и солнце!

IV. «Псырцха» – образцовый совхоз

Огромное Псырцхинское хозяйство, расположенное почти на 450 десятинах земли, застроенное доброй сотней всевозможных зданий, начиная от трехэтажного, каменного склада для маслин, оборудованного по последнему слову техники, и кончая сторожевой будкой на винограднике, обслуживаемое 170-ю штатными служащими и рабочими и таким же количеством поденных рабочих, – все это хозяйство делится на три основные отрасли: сельскохозяйственную, производственную и торговую, тесно связанные между собою.

Представляя собою своеобразный хозяйственный комбинат, совхоз главной своей целью ставит укрепление и дальнейшее развитие основных отраслей – разведения маслин, виноградарства, цитрусовой культуры и фруктовых садов, – которые и по своему масштабу являются преобладающими. Все остальные отрасли являются или второстепенными, или чисто показательными, или подсобными.

Маслинные рощи занимают в общей сложности около 56-ти десятин. Они тянутся из конца в конец всей территории хозяйства, по южному склону предгорья, перемежаясь с огородами, пустырями, шоссе и застроенными пространствами. По мнению знатоков, это самые обширные маслинные насаждения во всей Европе, а может быть и во всем мире. Ново-Афонский монастырь вывозил деревья из Греции и сажал здесь под наблюдением специалистов.

Маслины дают урожай через год, причем в период цветения чрезвычайно боятся излишней сырости и холода. Черноморские холодные, соленые туманы в апреле месяце являются постоянной угрозой для урожая маслин, понижая его, иногда, чуть ли не на семьдесят процентов.

В лучшие годы здешние маслинные рощи давали до 9 тысяч пудов маслин, славящихся своим качеством не только в России, но и за границей. Обычно же они дают 4–5 тысяч пудов и, расходясь по южным городам России, являются главным источником дохода для хозяйства.

После сбора, который происходит, обыкновенно, в октябре-ноябре месяце, маслины поступают в склады, где подвергаются специальной засолке. «Новоафонская» крепкая засолка, производимая до сих пор старым специалистом, бывшим монахом, славится среди любителей маслин. Здешние маслины продаются на рубль, на два дороже батумских (с пуда) и все-таки их охотнее покупают, чем те.

Правильно поставленная пересадка, подрезка и пр. в маслинных рощах сможет еще более увеличить урожаи, поэтому псырхцинское хозяйство, имея под рукой опытнейших специалистов, все свое внимание сосредоточивает на этой области работ, справедливо рассуждая, что маслины, главным образом, помогут упрочить благосостояние совхоза и сделать его, в полном смысле, образцовой агрономической станцией, способной обслужить всю Абхазию, сильно отставшую в этом отношении.

Виноградники псырцхинского совхоза, находящиеся в трех местах, занимают в общей сложности около 30-ти десятин. Главный виноградник (№ 1), расположенный в западном, приморском углу совхоза, занимает около 16-ти десятин, на склонах холма, обращенного к югу, востоку и западу. (Впрочем, на этой территории, кроме винограда, имеется еще 538 цитрусовых деревьев, – мандари-

новых, лимонных и апельсинных, – и около 500 плодовых деревьев: груш, слив, яблок, инжира и черешни).

Виноградники были приняты от монахов в очень неважном состоянии. Последние годы монахи вели здесь работы спустя рукава. Да и, кроме этого, они никогда не гнались за высокой культурой и, подражая местному крестьянству, предоставляли виноградным лозам виться по сучьям деревьев, понижая этим и качество ягод и урожайность. После усиленных работ в течении 1925 года удалось дикорастущие виноградники (на деревьях) сократить до 7000 корней, а по-европейски (на проволоках, шпалерами) обработано сейчас около 2000 корней. Кроме этого, новой администрацией виноградника на 900 кв. сажень увеличена общая площадь виноградных и мандариновых насаждений, заложен питомник самых устойчивых, американских лоз (около 1000 черенков) и засажен новый участок мандариновыми деревьями. В ближайшие годы виноградник сможет организовать широкое снабжение крестьянских виноградных хозяйств филлоксероустойчивыми черенками лучших сортов.

Разнообразие почвы и в высшей степени благоприятный климат позволяют разводить здесь виноград всевозможных сортов. В настоящее время имеются, пока в небольшом количестве, французские лозы: рислинг, сотерн, мадлен, саперави; есть мускат елизаветпольский, мускат гамбургский, есть, наконец, лучшие местные сорта – изабелла, качич, черкесский и др.

Переходить исключительно на заграничные сорта не имеет смысла, ибо такие местные и распространенные сорта как «изабелла» при посадке шпалерами и надлежащей обработке дают вдвое больший урожай и лучший вкус ягод, из которых можно выделывать вина всевозможных типов и очень высокого качества.

Цитрусовые деревья, находящиеся на этом винограднике, во время зимы 1924–25 года, в то время как на всем побережье мандариновые и лимонные рощи почти погибли от пронесшихся морозов, пострадали едва на три процента. Это говорит за то, что место для их посадки выбрано чрезвычайно удачно, и что здесь данную культуру можно расширить до значительных пределов.

Вообще, все говорит за то, что совхоз в ближайшие годы сможет добиться крупных культурных и коммерческих результатов в этой области: в его распоряжении имеются хорошо оборудованные фрукто-сушилки и печи для вяленья чернослива, склады и обширное пространство около гор, засаженное французскими сливами.

Виноделие, как это ни странно, никогда не стояло на должной высоте в новоафонском монастыре. Монахи любили вина послаще и покрепче, а за вкусом не гонялись. Вина бродили «по божьему соизволению», братия пила за обедом положенную порцию, – по бутылке на каждого – крякала и в обсуждение сортов не входила. (Между нами говоря, они всегда предпочитали «очищенную», сорокаградусную.)

Между тем, обильные урожаи, разнообразие сортов и прекрасное оборудование винодельческой мастерской дают полную возможность выпускать по очень дешевой цене первосортные вина, которые нашли бы себе широкий сбыт даже среди избалованных любителей.

Администрация совхоза, имея все это в виду, пригласила для руководства делом одного из лучших специалистов и предполагает в ближайшем будущем:

наладить выпуск хороших вин с самым разнообразным ассортиментом, уменьшить продажные цены, организовать экспорт вин, пользуясь дешевым фрахтом, и открыть бутылочную продажу.

При винном складе уже открыто и работает отделение по выкурке спирта из виноградных выжимков. Спирт будет употребляться для крепления вин.

Скотный двор и молочная ферма совхоза больше всего пострадали во времена империалистической и гражданской войн. Лучший скот был уведен для обслуживания армий или съеден. Особенно много потрудились в этом отношении меньшевики. Для нужд совхоза пришлось срочно пополнять живой инвентарь скотом местной породы.

В настоящий момент (август 1925 г.) на скотном дворе имеется 6 рабочих лошадей (две из них возят вагонетки по подъездным путям, прорезывающим совхоз по всем направлениям), 24 кубанских вола, обслуживающих весь совхоз и весь день находящихся в работе, 15 коров (13 мелкой абхазской породы), 2 бугая, 10 дойных буйволиц и 1 буйвол-производитель, несколько телят и буйволят, два жеребца-производителя, присланных из Наркомзема и долженствующих обслуживать окрестных крестьян, две свиньи и один хряк.

Совхоз предполагает частично распродать скот местной породы и пригнать из кубанских степей волов и хороших молочных коров. Для этого, очевидно, потребуются обширные посевы кормовых трав, ибо кубанская корова вряд ли будет с большим аппетитом есть абхазскую траву, которая груба и малопитательна.

Оборудование скотного двора сохранилось в довольно приличном виде, но и здесь чувствуется некоторая беспорядочность и чисто коммерческий, вернее, выжимательский уклон. Свинарник, приносивший монахам большие доходы (бесплатный корм – объедки) оборудован блестяще: отдельные «комнатки» для каждой свиньи, отдельный для каждой из них водопровод, масса электрических лампочек, чистота и благолепие. Для рабочих волов, – смирных и неприхотливых тружеников, – монахи также построили обширный, удобный хлев, хорошо освещенный, чистый, удобный и даже с красивой, белоснежной колоннадой внутри.

Зато коровы, от которых монастырь мало имел пользы, содержались как бедные сироты. Им строили дощатые сараи, а то и просто держали в тесном загоне под открытым небом, благо в Абхазии зимы теплые.

В ближайшие годы совхоз предполагает обзавестись скотом лучших пород, хорошими производителями и образцово налаженной молочной фермой с тем, чтобы этот уголок хозяйства служил местом, где абхазский крестьянин мог бы облагородить и укрепить свою скотину, научиться правильному животноводству и использованию молочных продуктов.

Пасеки совхоза в течение последнего года претерпели большие катастрофы. Монахи все 300 ульев держали на горе в 5 верстах от совхоза, недалеко от узкоколейки, в селении Анухва. За последнее время селение очень выросло, пасека оказалась в центре его. Кроме этого вновь разводимые табачные плантации вконец испортили качества меда, который сделался горьким и вонючим, как никотин.

Новое управление совхоза распорядилось переселить пчел и их с величайшими трудами и остановками перевозили, спускали вниз и перетаскивали на новые пчельники. Только терпеливые кавказские пчелки смогли вынести это путешествие, но оно жестоко отразилось на их хозяйстве. Сбор меда был очень слабый.

Вообще пасеки эти требуют коренного переоборудования. Монахи оставили ульи самых допотопных систем и около сорока колод. В этих ульях пчелы томятся от жары и страдают от насекомых.

Пока сделано около пятидесяти ульев Дадана[1].

Плохо дело обстоит и со взяткой. Липы поблизости нет, каштана мало. Фруктовые деревья цветут быстро и то – во время дождей. Овраги и горы сокращают радиус полета. Море губит массу пчел.

Предполагаемый засев кормовых трав (клевера, вики) значительно облегчит вопрос с пчелиной взяткой. По-видимому, весь пчельник будет сосредоточен около «Орлиного гнезда», будут изготовлены ульи новейших систем.

Пчелиное хозяйство, которое, как видите, приходится восстанавливать с самого начала, лишний раз подчеркивает, что монастырская организация велась как говорится «на обум лазаря»[2] и падала с каждым годом.

Производственные мастерские в монастыре были созданы, главным образом, для обслуживания нужд братии. В монастырские времена здесь не починили ни одной крестьянской телеги.

Слесарно-механические мастерские оборудованы настолько хорошо, что могут считаться лучшими во всей Абхазии. Здесь имеется 3 токарных станка (один большой, принимает до 50 пудов), 5 сверлильных, строгальный, 2 прессовальных, 11 тисков и 2 наждачных точила. Кроме этого, при мастерских, в качестве подсобных, имеются отделения: кузнечный, токарный по девеву, жестяничный, медницкий, гальвано, никеллировка и оксидировка и большая литейная, могущая выпустить около 800 пудов литья в день.

Здесь никеллируются хирургические инструменты, вытачиваются из самшита дамские пудреницы, чинятся автомобили, отливаются тридцатипудовые шкивы, лудятся самовары, делаются плуги, обтягиваются шинами колеса и подковываются лошади.

Обладая квалифицированными рабочими, мастерские постепенно расширяют круг своей деятельности. Переходя на самоокупаемость, они берутся за выполнение ряда крупных заказов, вроде дробилок для машин на табачной фабрике и проч.

Необходимо отметить, что мастерскими в этом году была выпущена партия плугов для местного крестьянства, которые вполне удовлетворили последних и невысокой ценой (36 р. 50 к.), и качеством, и приспособленностью к местным условиям пахотьбы. Плугов не хватило.

Можно надеяться на то, что мастерские, обладая теми данными, какие у них сейчас имеются и, увеличив запас необходимых материалов, смогут прочно стать на хозяйственно-производственный путь, широко обслужить окрестных крестьян и сделаться из обслуживающей – преимущественно производящей единицей.

Непосредственно к слесарно-механическим мастерским примыкают деревообделочные мастерские.

---

[1] Улей Дадан – конструкция улья. Название дано по имени американского пчеловода французского происхождения Шарля Дадана (1817–1902), который создал свою систему жилища для пчел.

[2] Наугад.

Тут ведется работа, главным образом, по ремонту мебели, сельскохозяйственных машин и по изготовлению моделей для литейной. На токарном станке вытачиваются всевозможные поделки: пальмовые стаканы, шахматы, трости, коробки и проч. Здесь же изготовляются все деревянные части для предметов, выпускаемых механическими мастерскими.

Оборудование мастерской состоит из 2-х токарных станков, 1-ой ленточной пилы, 3-х круглых пил (одна большая), одного универсального станка (строгальный, фрезерный, пила и бурение) и одного наждачного точила.

У мастерской имеется запас в 1000 кряжей бука, которые пойдут на изготовление досок. Имеющиеся кипарисовые кряжи пойдут на изготовление сундуков (моль не любит запах кипарисового дерева). К сожалению, не имеется сосны, которая больше всего требуется и которую приходится выписывать из России. За последнее время в лесах стало мало каштана (вырубили), который обычно идет на мебель.

При мастерской в ближайшем будущем будет поставлен лесопильный завод, оборудование которого уже привезено из Гагр. Лесопилка сможет широко обслуживать нужды крестьян, у которых большая необходимость в досках.

***

Днем около водопада, если стать к нему спиной, можно видеть кипучую деятельность целого производственного городка. Налево, за широкими окнами, поблескивают шкивы и золотники электрической станции; справа, за мостиком, крестьяне сгружают с арб мешки с кукурузой и относят их на мельницу; немного дальше, белые от муки рабочие наваливают на вагонетку мешки с горячими хлебами, только что вынесенными из пекарни; тут же за окном, виднеются согнутые фигуры рабочих, выделывающих кожи; у самого водопада, под высоким акведуком, через двери небольшого строения, видны плавные движения двух насосов водокачки, снабжающей водой весь совхоз.

Шумит в каналах отработанная вода и седыми каскадами возвращается в родные струи синеватой Псырцхи; с гулом вертится громадный жернов, превращая в горячий порошок неподатливые зерна кукурузы; пышет жаром из узкой щели печи, в которую ловкие руки быстро набрасывают тяжелые комья теста; хрипят буйвола и из помещения ледоделки выходит человек с прохладным бруском льда на согнутом плече.

Вдали, затененная густою листвой огромного ореха, стоит древняя церковь Симона Кананита. От ее седых камней веет тысячелетием. Узкие окошечки с ужасом глядят на всю эту шумную, рабочую кутерьму и с тоской вспоминают далекие времена, когда кругом шумел один непроходимый лес, по ночам плакали шакалы и с испугом шарахались в мрак при виде таинственной фигуры старика-отшельника.

Да… А теперь здесь место, откуда кормят, поят, обувают, освещают добрую тысячу людей ежедневно, рассыпанных по всем 450 десятинам огромного советского хозяйства.

На электрической станции, силой воды, падающей по трубе с десятисаженной высоты, приводятся в движение два турбогенератора, в 60 лошадиных сил

каждый. Они в свою очередь, вращают динамо-машину, рождающую электрический ток в 220 вольт. Этим током питаются сотни лампочек, он приводит в движение десятки приводных ремней.

Около машин вот уже 26 лет подряд возится молчаливый человек, бывший раньше монахом Иувентином, а теперь ставший «товарищем Ярыгиным».

На станции помещен общий телефонный коммутатор на 13 номеров и имеется небольшая ледоделка в 12 сил. Ее поставили нынешним летом: отремонтировали старую, сохранившую только 30 процентов годности.

Мельница работает своей энергией. У нее своя турбина, двигающаяся водой и дающая 12 лошадиных сил. Она перемалывает в час до 10 пудов муки и обслуживает почти исключительно крестьянство, беря за помол по 4 фунта с пуда.

Пекарня заимствует энергию у мельницы. Энергия ей нужна, чтобы приводить в движение две просторные тестомесилки, вмещающие по 10 пудов теста каждая. Включается двигатель, огромная чугунная лапа врезается в упругое тесто, мнет, вертит и валяет его во все стороны и, через десять минут, работа кончена – тесто вымешено так, как этого никогда не сделаешь руками.

Это позволяет пекарне выпекать в день до 80-ти пудов хлеба, который, через кооператив, продается всему населению «Псырцхи».

Водокачка – важное учреждение. В особенности, на берегу соленого моря и в местности, где круглый год стоят жаркие дни.

Ее насосы ежедневно поднимают в большие бассейны, находящиеся на горе, не меньше 30.000 ведер и снабжают оттуда, по трубам водопровода, все население – двуногое и четвероногое, – прекрасной водой, которая, по бетонным трубам, скрытым в земле, идет из верховьев Псырцхи.

Водокачка двигается своей водяной турбиной, не требуя для работы ни капли электрической энергии.

Старичок – заведующий водокачкой – посадил у входа массу огненно-красных тюльпанов и сидит у своих мокрых цилиндров и поршней как гном за изгородью из пылающих факелов.

Давно славятся кожи, выходящие из псырцхинской мастерской. В ней работают отличные мастера. За последнее время ее производство механизировано установкой барабана, в котором мнутся кожи.

Благодаря этому почти вчетверо увеличился выпуск вполне доброкачественного хрома и подошвенной кожи.

***

Торговый отдел псырцхинского совхоза выполняет три основные функции: реализует всю продукцию хозяйства, снабжает материалами (закупка) и торгует чужими товарами через свои магазины.

В распоряжении его находятся огромные склады: для маслин и рыбы (около моря), под водопадом, под главным зданием наверху и много других, более мелких складов, пока сдаваемых в аренду табаководам.

Торговый отдел ведет все операции по продаже маслин, фруктов и вина. В его непосредственном ведении находится универсальный кооперативный магазин в «Псырцхе» (второй, небольшой в Пицунде), где продается буквально все не-

обходимое рабочему, курортному и крестьянину. Курортные дамы найдут здесь помаду для губ, рабочий – прочную обувь, крестьянин – шпагат для низки табачных листьев. В день через этот магазин проходит от 500 до 1500 человек, из них – 60 % крестьян. Оборот магазина – около 200 тысяч в год. В течение десяти месяцев, по июль 1925 г., он принес чистой прибыли – 12000 рублей.

В дальнейшем, попутно с ростом совхоза, попутно с развитием его обширного и разнообразного хозяйства, на торговый отдел ляжет тяжелая и ответственная задача: умело и выгодно продать все, над чем ежедневно, в течении целого года напряженно трудятся сотни рук.

***

Псырцхинский совхоз, как крупнейший в республике очаг сельско-хозяйственной культуры, не может стремиться к тому, чтобы сделать из своего хозяйства первым долгом и исключительно – доходное предприятие.

В стране, где так низко стоит крестьянское хозяйство, – его основной задачей будет: служить образцом для крестьянина, поднимать последнего, внушая ему основные агрономические сведения, снабжать его по мере сил лучшими производителями, лучшими семенами, лучшими черенками лоз и, наконец, вести систематическую подготовку опытных, на практике закрепивших свои знания, полеводов, садоводов и животноводов.

Далеко не располагая излишками, совхоз «Псырцха» в первый же год своего существования взял на себя все снабжение техникума наркомпроса, устроенного на сорок человек. Первый выпуск покажет: насколько работа в этом направлении велась плодотворно.

Что же касается до непосредственных, ежедневных трудов совхоза, то здесь, каждый, желающий ознакомиться с его работой, должен не забывать о том, что величайшей трудности и ответственности задача легла на руководителей этого дела. Повторяем – монастырское хозяйство в последние годы своего существования стремительно падало. Это был глиняный великан, стоящий на золотых ногах. Монастырь лишился «доброхотных пожертвований»; монахов (бесплатные рабочие руки), перестали хорошо кормить и – все пошло прахом.

Инвентарь и оборудование обветшало. Земля не удабривалась. Дороги поросли кустарником.

Больших усилий стоило удержать хозяйство от окончательной гибели. Еще больших усилий потребует возрождение его. Но это будет выполнено общими усилиями, ради благородных задач, стоящих перед совхозом, ради восстановления Абхазии, вырвавшейся из пут поработителей, во имя укрепления в ней власти советов, власти трудящихся.

Подготовка текста, вступление и примечания (за исключением специально оговоренных, принадлежащих автору очерка) – А. Дбар

МАКС ЗИНГЕР

НОВЫЙ АФОН

Очерк

Макс Эммануилович Зингер (1899–1960) – советский писатель-маринист, журналист, путешественник. Автор ряда произведений о героических буднях североморцев, полярниках, мурманских рыбаках и художественных биографий полярных летчиков и подводников. Очерк М. Зингера «Новый Афон» был опубликован в журнале «Красная Нива» (Москва), 1927 г., № 30.

Три года тому назад монастырская братия покинула насиженные места и разбрелась по сохранившимся монастырям и подворьям. От шестисот монахов в Новом Афоне осталось несколько десятков специалистов по различным отраслям, получающих теперь жалованье от совхоза наравне с прочими рабочими и служащими.

Бурливая река Псыртсха[1] приводит в движение мельницу, где перемалывается привозное зерно. На этой же реке мощный водопад дает возможность гидростанции снабжать электротоком всю окрестность. Мельница, электроснабжение и водоснабжение – в руках специалистов, бывших монахов, которым совхоз оказывает полное доверие. Часть оставшихся монахов, сменивших свое длиннополое одеяние на мирское, работает по виноделию, садоводству или сторожит совхозское имущество. А его здесь немало.

Из 500 десятин Псыртсххоза – 200 десятин отведено под различные культуры и хозяйственные постройки. Мастерские, находившиеся при обители (токарная, слесарная, чугунно-литейная и пр.), частью обслуживают совхоз, частью сдаются в аренду.

Аренда и садоводство – вот две основы псыртсхского хозяйства, дающие возможность бездотационного существования.

5.000 корней маслин приносят до 5.000 пудов в год урожая, который поступает в продажу по всему Союзу. Ежегодно псыртсхское садоводство дает совхозу

[1] Псырцха.

30.000 штук лимонов, 30.000 шт. апельсинов, 600.000 шт. мандарин, до 4.000 пуд. винограда и столько же сливы, которая идет на сливокурение (выгонку спирта) и на сушку – для приготовления высших сортов французского чернослива.

Виноград здесь почти исключительно сорта «Изабелла», имеется саперави и рислинг, но в небольшом количестве.

Арендную плату совхоз получает за помещение гостиниц, базарные сооружения, табачные склады, духаны и пр.

На территории Псыртсххоза – только одна трудовая школа, где большинство школьников – дети абхазцев.

Нижняя гостиница, построенная некогда для приема знатных путешественников по святым местам и вобравшая в себя чуть подновленную, бутовой кладки генуэзскую башню XIII века, – ныне гостиница для приезжающих со всех концов Союза – отпускников, рабочих и служащих.

Вымощенные тесаным белым камнем дорожки уходят по тенистой аллее могучих густо-зеленых и терпко-пахнущих кипарисов до самой верхней гостиницы, расположенной на горе. Здесь, в каменном каре[1] монастырской архитектуры, в кельях, кубатуре которых позавидует любой москвич, жили монахи. Теперь за недорогую плату каждый желающий отдохнуть может получить чистые меблированные номера с видом на подтропическую флору и на море.

Одним из руководителей хозяйства, любителем статистики, подсчитано, что за время с 1-го августа по конец сезона 1926 г. в Новом Афоне перебывало из общего числа курортников 65% москвичей, 10% ленинградцев, остальные же курортники приходились большей частью на сибиряков.

В бывшей трапезной, где стены и потолки старательно расписаны картинами из священного писания, соответствующими обеденным настроениям (кормление народа Иисусом Христом, тайная вечеря и пр.), – теперь ресторан – Помощь ребенку. Здесь столуются курортники.

От Нового Афона до Сухума всего 25 верст[2]. На автобусах, фаэтонах, или на дешевых линейках с пестрыми зонтами от дождя и солнца, по зигзагообразной дороге легко добраться не только до Сухума, но и до Гагр или Гудаута. На средине пути из Нового Афона в Сухум стоит духан, достопримечательный своей курьезной вывеской:

Не уезжай голубчик

Духан-станция

Отдих лошадей 25 мину.

Окаймленный с трех сторон горами, заградителями от северных ветров, Новый Афон – прекрасный образец и питомник субтропической флоры и не менее интересный исторический памятник.

---

[1] Каре, в архитектуре – планировка зданий замкнутым четырехугольником вокруг внутреннего двора.

[2] Верста – русская единица измерения расстояния, соответствующая 1066,8 м.

На гребне близлежащей Иверской[1] горы (300 метров над уровнем моря) высятся три башни и развалины крепости Апсара, построенной римлянами в III в. по Р.Х. От некогда хозяйничавших здесь римлян остался отличный резервуар для стока дождевой воды, которая проходит через особый фильтр. Резервуар вмещает до 7.000 ведер вкусной студеной воды. Здесь же можно получить горячий чай, перекусить и даже переночевать у содержателя крошечного «ресторана». Из древних гробниц, находящихся здесь и вскрытых археологами, скелеты помещены под стеклом в каменной стене.

Вид с птичьего полета на масличные рощи – кормилицы Афона – и на снеговые горы, громоздящиеся и ослепительно блистающие на горизонте, не могут не привести в восхищение каждого, побывавшего на Иверской горе.

В ясную погоду на горизонте видны снеговые вершины Трапезундских гор[2].

Прекрасно поставленное еще в древнее время водоснабжение невольно удивляет каждого. Везде, и у подножия, и на вершинах Афонских гор, и в т.н. «Ласточкином гнезде», ютящемся на скалах, вы можете достать отличную питьевую воду. Река Псыртсха и три родника превосходно снабжают водою всю местность. У Ласточкина гнезда – строения, будто прилепленного к скалам, дико растут лавры, винные ягоды и жасмин.

Колючие мексиканские агавы, рододендроны, издали напоминающие нашу сирень, магнолии, с блестящей зеленой крупной листвой, апельсиновые, мандариновые и лимонные рощи и, главное, розы, розы без конца, наполняют воздух ароматом.

Подготовка текста, примечания – А. Дбар.

---

[1] Апсарская, Анакопийская гора.

[2] Понтийские горы (Турция).

▫

МАРИЭТТА ШАГИНЯН

ОЧЕРКИ

Предлагаемые вашему вниманию очерки известной советской писательницы М.С. Шагинян (1888–1982) – «Пальмы и кукуруза» и «Черноморка» – взяты из ее сборника «Советское Закавказье» (Л. – М., 1931. – С. 403–423.). Насколько нам известно, в дальнейшем они не переиздавались. Не вошли они даже во второе издание этого сборника, выпущенного в Ереване в 1946 г. Очерк «Сухумская гора» был впервые опубликован в газете «Известия», в номере от 5 июля 1951 г. Перепечатан в газете «Советская Абхазия» от 10 июля 1951 г. (№ 135).

ПАЛЬМЫ И КУКУРУЗА

Как-то, проходя по кочевкам, я наткнулась на длинную трубочку, положенную в траву. Трубочка была неподвижна, но она жила. У трубочки бродили по лицу два раскосых черненьких глаза, ворочаясь туда и сюда, – это был грудной младенец кочевого племени, туго спеленутый. Вот такую, туго спеленутую и положенную в траву «до времени», «покуда некогда», трубочку напоминает Абхазия, в части Черноморского побережья от Сочи к Гаграм и дальше от Гагр до Сухума.

Но, чтобы почувствовать такое, не совсем понятное, сравнение, надо подойти к нему очень издалека. Надо, пожалуй, стать «отпускником», – особым типом человека, только что вышедшего из санатории. Надо пережить предварительно то социалистическое воспитание, которому подвергся за полтора месяца, особую социализацию организма, приученного к порядку, выработавшего ряд условных рефлексов на точное, солнечное время. Подобно отпускнику-красноармейцу, чьи впечатления, когда он к себе в деревню едет, совершенно не похожи на впечатления старых, дореволюционных солдат, ехавших домой на побывку, – не пассивные чувства роздыха, возврата к исходному началу, успокоения на привычном, а, наоборот, весьма активное чувство суда и пересмотра, вмешательства, переустройства, желание тотчас приступить к применению своих новых знаний, новых навыков, – вот такое же именно чувство «отпускника» (наше октябрьское слово, – человека не «выпущенного назад», а «отпущенного с известным багажом») в точности владеет и санаторным больным, едущим на Черноморское побережье откуда-нибудь из санатория Кисловодска или Ессентуков.

До чего это верно, начинаешь замечать еще в вагоне, где собраны и просто «летние путешественники», и санаторные отпускники. Летний путешественник

живет в вагоне своего рода «дилетантом быта», – ест и пьет, когда вздумается или когда на станциях что попадется; глядит в окошко неразборчиво, больше на «красоту природы» или на «жанр». Но санаторник – он уже во власти очень сильного социалистического перерождения. Его слюнные железы, его перистальтика, его нервная система уже организованы, приучены к порядку, болезненно чувствуют нарушение порядка. Он испытывает физиологическую тоску от выпада из организованного быта в анархический быт, от того, что нет больше звонков, процедур, мертвого часа, определенной порции калорий. И в окошко глядит он особым взглядом, воспитанным на санаторных экскурсиях, лекциях и просто даже одним присутствием «культурника» – человека, который как бы приставлен к санатории для окончательного приведения в порядок внутреннего мира больных и для обучения их не просто «впечатляться», а впечатляться организованно.

Что же видит такой отпускник в окошко и чем он отличается от простого путешественника? Две вещи научился он понимать, – одну через другую, – и эти две вещи стремится наблюсти и во внешнем мире. Эти две вещи – порядок и связь. Иначе сказать, он уже не может довольствоваться простым потоком картин. Невольно, почти всегда бессознательно, он делает им в мыслях своих какую-то «сводку», а свести многообразие к чему-нибудь цельному можно лишь тогда, когда прощупаешь между потоком картин определенную связь.

Игрушечные вагончики Туапсинской дороги, с квадратными окнами, в которые с правой стороны три часа лились потоки солнца и голубое сверканье моря, – эти вагончики подвезли к Сочи. Отсюда вступаешь как бы в особую длительную ванну теплого, влажного, мягчайшего морского климата, и отсюда же начинаются специальные, черноморские, парадоксы, для восприятия которых и нужен «глаз санаторника». Длительная воздушная ванна, – это в сущности – природная оранжерея. Весь этот отрезок Черноморья, выгибающийся к Батуму, так и кажется как бы застекленным; только вместо стекла – барометрическое давление низкого теплого неба над низким влажным берегом. Чудовищнокрупные и новые для северянина растительные формы, – порожденья избытка влаги и тепла, формы, которым приходится приспособляться не к скудости и к ущербу, а к избытку и излишку, – мясистые гигантские листья, хранилища влаги, сочные крупные плоды почти несъедобной красоты, – твердые, лакированные, густо окрашенные.

«Пальмы!» – вскрикивает радостный «летний путешественник» при виде первой тоненькой хамеропсы, распушившей свои перышки из мертвого войлока ствола. Но отпускник задумчиво повторяет: «Да, пальмы» и при этом переводит глаза на газетный сверточек. В газетном сверточке лежит у него желтая, вареная кукуруза, та самая кукуруза, которою ему надоело лакомиться у мальчишек на Минеральных. Та самая кукуруза, которую он видел и видит в руках безработного, беспризорника, отдыхающего на шоссе рядом с киркой и щебнем чернорабочего. Та самая кукуруза, которую казачки бойко зовут «початкой», а сельскохозяйственные отчеты Закавказья «маисом», жалкая, нищая, убогая кукуруза, трудная для пищеварения.

Почему кукуруза? В мире животном козу называют «коровой бедняка». В мире растительном кукуруза – это хлеб бедняка. Она нетребовательна, скромна,

привыкла к неудобствам, к лишениям, на нее можно «не обращать внимания», – словом, кукуруза – это один из тех грубоватых и малоспособных элементов, которых в школе сажают на заднюю скамью, а в огороде засевают по краю, вместе с подсолнухом, на роль естественного заборчика. Пальмы – и кукуруза. Вот первая антитеза для отпускника, которою он занят, и занят уже болезненно. Кукурузу купил он потому, что настал «час обеда», а больше ничего нет поблизости, хлеба нет, ни белого, ни черного, молока нет, яиц нет, фрукты – к ним не подступишься. Крупные персики, еще не так давно под Сочами и возле Туапсе, вдоль линии железной дороги продававшиеся по 3 коп. штука, здесь уже 30 коп. фунт, т.е. 10 коп. штука.

И он купил кукурузу на маленькой стоянке, сойдя с автобуса, и глядит на нее задумчиво. А справа от него блаженная синева моря, где кувыркаются дельфины, а слева от него блаженный покой хамеропсы, странной войлочной пальмы, вывезенной из Японии и Китая. За хамеропсой – густейший мир растительности, пробивающейся из земли с силой пара из кипящего котла: серые, слоновой кожи стволы чудовищных чинар, волосатые ветви сумасшедшей ивы, мелкое беснование драгоценных деревьев самшита, лапы-щупальцы агав, похожих на морского осьминога, и все это залито хаосом «безработной лесной публики» – лиан, ползучих паразитов всех видов и форм.

– Ежели, – так думает, осторожно думает «отпускник», – ежели тут по климату даже пальмы растут, то почему так много драгоценной земли отдано под эту самую дешевую кукурузу? Разве нельзя было бы вместо кукурузы сеять дорогие технические культуры, использовать для этого каждую пядь земли, каждый куб воздуха, каждый луч солнца, – ведь чай, табак, хлопок, виноград, лекарственные растения, ведь все это обогатило бы народ, дало бы ему белый хлеб вместо кукурузы. Слыханное ли дело: расточать на кукурузу богатейший в Союзе климат, богатейшую в Союзе влагу?

Так невольно задумывается отпускник, и это – его первое, организованное впечатление. Чем дальше будет он продвигаться по морскому берегу вглубь Абхазии, тем острее и настойчивее станет его мысль о кукурузе и пальмах. А третья картина, воспринимаемая досужими любителями природы, тоже как «часть пейзажа», как один из живописных элементов дороги, – прибавит к прежней его двоице (пальмы и кукуруза) – необходимое третье звено для того, чтобы таинственная двоица объяснилась и вошла в «сводку». Третья картина… Но мы едем с ним дальше, из пыльных Соч на Гагры.

Автобус бежит по интересному шоссе, делая петли; море то исчезает, то снова вспыхивает голубым пламенем. Шоссе интересно, конечно, не только «видами», – оно интересно главным образом мостами. Весь берег Черного моря на территории Абхазии прорезывается частыми речками с названиями, трудно выговариваемыми по причине множества согласных: пс, бз, пш, мз и т.д. Речки эти сейчас, в начале октября, кажутся едва размазанными по очень широкому, засыпанному галькой ложу или протянутыми тонкой стрункой где-нибудь в одном из углублений этого ложа. Но над такими безобидными струнками, точнее сказать, над их несоразмерно большим ложем, протянуты замечательные мосты, стойкие мосты, кружево-мосты, при этом не стандартные, а более или менее различные. Их стальные пролеты всегда очень широки, их быки (если

есть быки) основательны и мощны, как крепостные башни, но чаще всего это – перекидные мосты с двумя единственными опорами по берегам, зато берега приподняты, устроены дамбы, – в крепчайших каменных корсетах цементированной кладки.

Это на первый взгляд курьезное несоответствие между ничтожеством реки и грандиозностью моста представляет собою целую инженерную науку в образах – науку о мостах над горными реками. Безобидные струнки воды – весной и во время тропических ливней становятся целым «оркестром». Трудно себе представить, во что может превратиться эдакая водяная пигалица. Все широкое ложе в один час наполняется шумящей, воющей, клокочущей пеной, река становится дыбом, и ее страшное полнокровие тотчас изменяет пропорции: солидный мост над канавкой кажется изящным мостиком над бешеной стихией.

По правую сторону от шоссе, пока едешь на Гагры и дальше к Сухуму, – у берега моря, почти в опасной черте размыва, – сопутствует вам то самое слагаемое черноморского пейзажа, то третье звено во впечатлении «отпускника», о котором я упомянула выше. Покуда крутится шоссе, перелетая по мостам, вытягиваясь, разбрасываясь щебнем, и это шоссе чинят и поправляют живые люди, а по нем путешествуют тоже живые люди, – внизу бежит странный, мертвый, призрачный двойник шоссе, минуя те же реки, те же ущелья…

Бежит этот призрак мертвым подобием дороги, которая уже есть и которой все-таки нет. Уже есть, – потому что внизу идет прекрасная, ровная трасса, глаз отдыхает на музыкальной инженерной линии, на том последовательном хроматизме подъема и спуска, какой дается не в природе, а только в человеческой технике, при помощи нивелира[1] и чертежа. Трасса проходит по прекрасной, укрепленной насыпи, настоящей геометрической фигуре бесконечного протяжения. И там, где шоссе проходит по кружевному мосту, там и этот призрак дороги вступает на мост, только большей частью каменный, а не железный. Самые формы этого моста каменной, прямоугольной кладки по бокам, похожие на раздвижной ломберный стол, без ряжей, на очень высоких дамбах, – выдают секрет мертвого призрака: это – не шоссейные, это железнодорожные мосты, мосты полотна, проходящего высоко по насыпи. Тайна разгадана. Дорога, которая уже есть и которой тем не менее нет, это – Черноморская железная дорога. История ее начинается четверть века назад; она перенесла корь японской войны, чуму империалистической, возвратный тиф гражданских войн, и все еще недостроена, все еще стынет мертвым призраком, живым примером того положения в логике, которое называется «contradictio in adjecto» – противоречие в самом себе. Потому что дорога, которая не стала дорогой, это – противоречие в самом себе, это – соль, переставшая быть соленой. Но в строительстве такие начатые и неоконченные сооружения имеют значение вещей, определяемых как «хуже, чем ничего». Перед ними стоит минус.

Дело в том, что сохранить такую начатую вещь (и, значит, сохранить вложенный в нее капитал) нельзя: она безостановочно идет вспять, разрушается.

[1] Нивелир – геодезический инструмент для определения разности высот между несколькими точками земной поверхности.

Ее раскрадывает природа (оползни, подмывы, дожди, сырость, снег, ветры), раскрадывают другие строительные участки (вам сейчас не надо, а нам надо дозарезу), крадут попросту воры-специалисты и воры-любители, кто гайку, а кто бревно. Так исподволь гибнет и разрушается и эта чудесная железная дорога, прямою линией уже вытянутая, – Черноморская.

Вот теперь к двоице *«пальмы – кукуруза»* присоединился образ дороги, которой нет. Ведь создать в молодой, первобытной по укладу стране культурное хозяйство, помочь абхазцу перейти от кукурузы к техническим растениям, распеленать, поставить на ноги могучие промышленные возможности побережья могла бы прежде всего дорога. А нет дороги, – нет и рынка, нет и стимула для развития.

Вот почему, ступив впервые в Абхазию, я как бы на младенца кочевого племени наткнулась: так крепко он спеленут, так неподвижно лежит в траве, и только быстрые глазки жучками бродят по лицу, выдавая в этом неподвижном существе запас будущей двигательной силы.

Но вопрос о Черноморской железной дороге настолько серьезен, так глубоко связан с другими проблемами Абхазии (и всего Союза в целом), например, – с ткварчельской, – что к нему надо вернуться в особом очерке[1].

1928 г.

ЧЕРНОМОРКА

I

Черноморскую железную дорогу[2], как очень красивую женщину, подвела наружность; она так хороша собой, что обыватель не верит в ее серьезность, считает ее «легкомысленной». Помилуйте, что же это за дорога. Справа – конца морю нет, и не на час какой-нибудь, а на всем протяжении многочасового пути; и не белобрысому морю, вроде Азовского, которое под Таганрогом и в окно не увидишь, а яркому, пылающему, синему, – без обмана, морю наивысшей квалификации. Захочешь от него глаза отвести, – и слева полный набор живописнейших скал, гор, ущелий, диковинной растительности, воюющей меж собой из-за каждой пяди земли. На станциях – яркий фарфор магнолий, воздух пьян ароматами, пчелы падают от сладости соков на собственные животы, путаются у вас в волосах. Под ногами – душистый, мягкий, кирпично-красный ковер осыпающейся хвои, длинноволосой, как женщина. Персик на-

[1] Цикл очерков «Ткварчельский уголь» был написан М. Шагинян в 1929 г. См.: «Диалог времен», № 1. – С. 142–165.

[2] Черноморская железная дорога – участок от Туапсе до Ново-Сенаки. Идея проведения железной дороги по берегу Черного моря зародилась еще в 1870-е годы, но серьезное обсуждение вариантов проекта началось лишь в 1890-е годы. Строительство дороги в разные годы то начиналось, то прекращалось. В советское время, в 1922 г., участок от Туапсе до Сочи был передан Северо-Кавказской железной дороге. В 1927 г. началось движение на участке Туапсе – Адлер. На всем протяжении дорога была достроена только во время Великой Отечественной войны – в 1943–1944 гг.

румянен, его красная щека декоративна, это уже не еда, – nature morte[1]. И в такой обстановке, по такому пути проводить железную дорогу, ясно, что это баловство, роскошь, курортная затея. Так думает обыватель, и часто не только обыватель. Возражения, делавшиеся против достройки Черноморской дороги, сводятся к недостаточному представлению об экономическом смысле ее, а наряду с этим к преувеличенному мнению об ее будто бы «единственном» значении, как дороги курортной и туристской. – Вот Туркестано-Сибирская дорога, которую мы сейчас строим[2], это – дело другое, – тотчас же услышишь от противника Черноморки. Это – нужная дорога, она хлопок даст, и не жалко на нее потратить 162 миллиона[3].

А между тем, цифры, официальные цифры, вводят в эту ходячую экономику очень странную поправку. Они говорят о том, что Туркестано-Сибирская дорога, рассчитанная на 1400 километров, может ожидать на каждый километр пути 683 тонны груза, что даст с предполагаемой суммы в 162 миллиона, потраченной на ее постройку, лишь 2,3 проц. дохода («Плановое Хозяйство»[4], 1927 г., № 3, статья инж. Ю.И. Успенского). В то же время Черноморская дорога, протяжением на 207 километров, стоимостью 68 миллионов рублей, по самому скромному подсчету ждет 18100 тонн груза и 3000 человек пассажиров на каждый километр пути, что даст 7,3 проц. на затраченный капитал («Черноморская железная дорога». Издание Экосо Абхазии, 1928 г.[5]). Правда, цифры эти ничего не говорят о дальнейшем росте доходности обеих дорог, о том, какие товары составят грузооборот, – вообще ничего не говорят конкретного. Но они ясно показывают, что в вопросе чистой денежной доходности, тотчас после достройки, Черноморская железная дорога обещает больше прибыли, нежели Туркестанская.

Но я забежала вперед! Читатель, может быть, еще не знаком с этой красавицей и не знает, о чем идет речь.

Что такое Черноморская железная дорога? Это – соединительная дорога между существующими путями, протяжением в 350 километров вдоль побережья Черного моря. С севера и с юга она уже частично достроена: с севера – на 193 километра (до Адлера), с юга – на 40 километров (до Зугдиди), – так что фактически надлежит говорить о 207 километрах железнодорожного пути, проходящих от Адлера через Гагры – Сухум – Очемчиры к Зугдиди.

Но даже и эти 207 километров не являются «пустым местом». Наоборот, они весьма реальны, – они уже готовы, как готов скатанный, сделанный, уложенный на лист пирог, который осталось только допечь: проведена трасса, готова насыпь, сделаны укрепления, построены опоры для мостов и самые мосты, весь остов дороги лежит перед глазами, осталось одушевить его рельсами.

---

[1] Натюрморт (фр. nature morte – «мертвая природа») – изображение неодушевленных предметов в изобразительном искусстве.

[2] Турксиб (Туркестано-Сибирская магистраль) – железная дорога из Сибири в Среднюю Азию; построена была в 1927–1930 гг.

[3] Строительство Туркестано-Сибирской магистрали обошлось в итоге в 203,5 млн руб.

[4] Журнал «Плановое хозяйство» выходил с 1924 г., являлся преемником издававшегося с 1923 года журнала «Бюллетени Госплана». С 1991 г. выходит под названием «Экономист».

[5] Черноморская железная дорога: [Сборник статей и материалов] / Под оконч. ред. Г.Г. Шахбудагова. – Сухум: ЭКОСО ССР Абхазии, [1928] (типо-лит. ВСНХ Абхазии). – 103 с.

Какие районы должна соединить Черноморка? Она создаст транзит между Северным Кавказом и Закавказьем, разделенными Главным Кавказским хребтом. Что будет достигнуто таким транзитом? Сокращение расстояния между обоими районами на 630 километров для тифлисского узла и на 1000 километров для Западной Грузии, а в среднем – на 713 километров. Когда говорят: «путь сократится на столько-то», представляют себе выгоду во времени – скорей будем доезжать. И больше за этим представлением ничего не видят. Но ежели экономика и показывает «время», то вовсе не так, как циферблат часов, а, скорей, как тыловая крышка, за которой прячется часовой механизм: время, переведенное на работу. Уничтожение «крюка» в 713 километров приведет к тому, что проходящие товарные грузы, в размере 466700 тонн, и проезжающие пассажиры, количеством 175000 человек, сэкономят четыре с лишним миллиона, переплачиваемые сейчас за лишние 713 километров. Вместе со сброшенными со счетов километрами сбрасывается и лишний паровозный и вагонный состав; становятся лишними 50 паровозов и 1945 вагонов, товарных и пассажирских. Стоимость их – десять с лишним миллионов. Опять сбережение! А если взять капитализированную на 6 проц. сумму от сбережений по транзиту и прибавить к ней стоимость сбереженного состава, то получится солидная сумма свыше 80 миллионов, превышающая те 68 миллионов, которые необходимы для достройки дороги. Именно из этого расчета вычисляется процентная доходность Черноморки, о которой я говорила выше. Все цифры взяты мной из официального издания Экосо Абхазии и самых последних отчетов и докладных записок по вопросу о достройке дороги, прошедших всевозможные государственные комиссии.

Но цифры – вещь гибкая, и даже неискушенный в экономике человек может оспорить выдвигаемое, например, сравнение между Туркестанкой и Черноморкой; он может резонно сказать, что ведь при исчислении стоимости обеих дорог не принято во внимание, сколько десятков миллионов уже ухлопано на Черноморку, – а если эти ухлопанные миллионы, оставшиеся лежать в готовых элементах дороги, в ее трассе, насыпи, креплениях, мостах и т.д., учесть, то увеличится сумма стоимости, а вместе с этим уменьшится процент доходности, и, значит, картина получится уже другая… На это в свою очередь найдет, что ответить и сторонник Черноморки.

Нам с читателем в этом поединке цифр делать нечего. Если я заговорила о нем, то лишь для разбега к самому важному и самому убедительному обстоятельству, которое учитывается слишком мало.

Обе дороги, конечно, нужны. Одна строится, другая будет достроена. Необходимость достройки Черноморской дороги настолько очевидна, что ряд авторитетнейших инстанций высказался о ней положительно. Транзитная дорога вообще выгодная вещь, достроить соединительное звено между двумя путями, это – все равно, что купить «дело на ходу», дело, обеспеченное заранее и клиентом, и нагрузкой; но за Черноморку, кроме того, что она осуществляет транзит, говорит еще десяток всяческих обоснованных аргументов: она разбудит богатейшую область, вызовет к жизни новые промышленные начинания, даст кровь и жизнь лесному, табачному, фруктовому, угольному хозяйству, вытеснит кукурузу техническими культурами; придвинет рынок и дешевый продукт, создаст курортное дело, которого сейчас почти нет, потому что на лучших курортах

Абхазии нечего есть и жизнь уморительно дорога. Все это повторяется на сотни ладов, инструментируемое, как оркестровая партитура, целым лесом цифр, отчаянно вопиющих всеми своими «точками различной высоты», всем своим контрапунктом на одну и ту же коротенькую мелодическую тему в пять слов: «Черноморская дорога должна быть достроена».

Но, как ни убедительны все эти данные, самое главное и самое убедительное обстоятельство заключается, по-моему, не в них, а как раз в том, что почему-то мало и редко упоминается в проектах. Говорят вскользь, но подлинного, точного учета этому обстоятельству, учета, подобного измерению температуры у туберкулезного, – я нигде и ни у кого до сих пор не нашла.

Это обстоятельство – уже произведенная работа, уже вложенные деньги, уже построенные части дороги, словом, та именно реальнейшая сторона Черноморки, которая вынесена за скобку проекта и уже существует не на бумаге только, а на самом деле.

II

Проект, написанный и обсужденный, имеет свою судьбу. Вещь, достроенная и пущенная в ход, имеет свою судьбу. Мы можем полностью учесть (и мы учитываем) эту судьбу в цифрах пройденных инстанций для первого, в цифрах производительности, доходности, убыточности, роста – для другой.

Но, спрашивается, существует ли точная бухгалтерия, точная система учета для вещей, которые сделаны наполовину, для недоконченного предприятия, оставленного «так»? Ведь сделанная вещь начинает жить, и тот самый процесс, для которого она была сделана, оправдывает, или, во всяком случае, обнажает разумность или неразумность произведенной на нее работы. Но недоделанная вещь жить не начинает. Отсюда получается очень интересная математическая проблема: недоделанная вещь, оказывается, все-таки не остается просто «так», она тоже «начинает жить», но только в обратном направлении, жить вспять. В математике перед такими величинами ставится знак минуса. Если бы бухгалтерия хотела произвести учет этой «жизни вспять», этому обратному развитию недоделанного, какие графы она должна была бы заполнить?

Подсчитать, какой доход принесло бы достроенное дело за все то время, когда оно пребывает «так», недостроенным.

Подсчитать, какую пользу (в цифрах) принесло бы другим предприятиям это дело, будучи достроено, за то же время.

Подсчитать, какой отсюда вытекает убыток и по первой, и по второй графе, поскольку дело осталось недостроено.

Подсчитать, какая ненормальная изношенность получилась от недостроенности, от того, что оборудование осталось «так», на произвол разрушения и раскрадывания…

Но я не хочу утомлять читателя этой логике минус единицы. Достаточно указать только на особенности такого подсчета, чтобы читатель сам представил себе всю многообразную лестницу рассуждений на тему «если бы да кабы». Но в жизни над «если бы да кабы» смеются, а в экономике «если бы да кабы» под-

лежат учету, потому что они имеют свое занумерованное место, реальное содержание и точный смысл.

В Черноморскую дорогу уже вложены огромные деньги, колоссальный человеческий труд, остроумная техническая мысль. Она уже *почти* стала жить: получилось, как если бы пловец с большим усилием, борясь против волн, добирался, напрягая сердце и мускулы, задыхаясь, радуясь до спасительного берега, и берег уже виден, уже камушки под рукой, вот только схватиться, укрепиться, и ты спасен; как вдруг огромная волна отрывает пловца от берега в ту минуту, когда он почти выбрался, и снова втягивает назад, в море. Что получается? Вся огромная, затраченная энергия, оказалась напрасной. Он израсходовал ее впустую. Ему предстоит снова борьба, но уже более *неэкономная*, потому что это будет новая трата энергии *плюс перерасход той, которая рассеялась понапрасну*.

Я привела аналогию. Но я хотела бы, чтоб те, кому предстоит решить судьбу Черноморки, могли бы почувствовать всю справедливость и бухгалтерскую щепетильную «точность» такой аналогии при виде живого и каждому из нас доступного зрелища двух параллельных дорог: шоссейной, доделанной, живущей жизнью оправданного существа, и пониже от нее расположенной железнодорожной насыпи, совершенно готовой, ровной, укрепленной, проработанной, но мертвой. Наверху шоссе живет здоровой бухгалтерией, живет вперед; по нем ездят люди и грузы, оно приносит доход, ремонтируется, поддерживается, оживляет страну; внизу недостроенная дорога живет нездоровой бухгалтерией «обратного счета», она с каждым днем увеличивает цифру убытка от простоя, разрушается сама по частям, и людьми, и природой, она в обратном от себя направлении видит разбег рабочих, расхождение материалов, уход техников, утрату строителей, уплыв смет, – а ведь все это было, напрягалось, боролось, центрировалось вокруг нее.

Вид недостроенной дороги омерзителен. Такого яркого примера траты энергии впустую, как это дает пережить полотно Черноморки, – мне думается, нет нигде в Союзе.

1928 г.

СУХУМСКАЯ ГОРА

I

Предвижу недоуменье читателя: что за гора? В какой горной системе? Сколько метров высоты? И отвечаю: обыкновенная гора в городе Сухуми, меньше двухсот метров над уровнем моря. Маленькая Сухумская гора стала местом высотного человеческого действия – опытом большого показательного значения для всего нашего городского строительства.

Двадцать с лишним лет назад Сухуми был провинциальным городом со старыми одноэтажными домиками, завернутыми – каждый – в зеленый свой садик, словно яблоко в бумажку. По вечерам он затихал. Жила только слабо освещенная набережная с качавшимися от ветра тенями деревьев под ногами; с синими струйками крепчайшего сухумского табака, тянущимися следом за гу-

ляющими; со вздохами моря и духового оркестра из створчатой раковины на бульваре. Осенью на перекрестке темных улиц потрескивали жаровни с печеными каштанами… Еще не был определен и самый «профиль» Сухуми, столицы Советской Абхазии: быть ли ему крупным портом, принимающим на свои причалы пароходы с керченской рудой и вывозящими ткварчельский уголь, или же курортным городом. Но с тех пор надобность в вывозе угля и ввозе железа отпала: ткварчельский уголь пошел внутрь страны, чтоб, сочетавшись с азербайджанской рудой, дать свой грузинский[1] металл. И без всяких споров Сухуми стал тем, чем он должен быть, – городом-курортом огромного для нашего Союза значения. Ведь у нас, кроме Сухуми, по-настоящему нет другого зимнего курорта для больных, которым нужна мягкая, тихая, теплая зима, – для астматиков, для болеющих бронхитом и всеми видами горловых заболеваний, для тех, кого в старину именовали «слабогрудыми» и «слабонервными».

Среднегодовая температура воздуха в Сухуми высокая. А тишина тут такая, что, кажется, вместе с музыкой морского прибоя ты явственно слышишь и биенье твоей собственной крови – так тихо становится не только вокруг тебя, но и в тебе самом. Летом здесь центр туризма по красивейшим местам Абхазии: на Клухорский перевал в красавицу Теберду, в лесистое ущелье голубой Бзыби с ее крохотным синим блюдцем – «Голубым озером» и зеленой чашей озера Рица. Словом, лучшей «кузницы» человеческого здоровья, лучшего места для восстановления творческих сил человека, его рабочей энергии, пожалуй, и не отыщешь.

В августе 1942 года мирный город Сухуми, не имевший ни порта, ни промышленности, подвергся воздушному налету фашистов, и до 70 жилых домов в нем было разбито. И почти тотчас же начался в Сухуми тот процесс восстановления, который придал нашему городскому строительству после войны особые, замечательные черты.

Мы знаем народные стройки в республиках Средней Азии, когда народ строил крупные объекты – гидростанции, большие каналы. Такие стройки связаны с передвижением огромных людских масс, с обеспечением их жильем на новом месте, водою, светом, с организацией снабжения, транспорта. Но народная стройка в городе, – выросшая, быть может, из первого субботника на Московско-Казанской железной дороге[2], а в настоящем своем виде из послевоенных авралов, – никаких предварительных расходов не требует. Она не вызывает людских перемещений и не отрывает людей от их основного занятия. Больше всего она похожа на работу по совместительству.

Разверните комплект газеты «Советская Абхазия» за последние пять лет. В нем, как роман с продолжением, можно прочесть историю реконструкции Сухуми.

Не одна, не две улицы, – десятки их неузнаваемо преобразились. Спланированные, залитые асфальтом, скованные базальтовыми баллюстрадами и тро-

[1] Напомним, что в начале 50-х гг. XX в., когда был написан этот очерк, Абхазия существовала лишь номинально; в республике вовсю шел процесс грузинизации, менялась на грузинский лад топонимика края, грузинское население завозилось из разных районов Грузии в огромном количестве, с целью создания подавляющего численного большинства, была реанимирована старая теория о «пришлости» абхазов в Абхазии, прорабатывался вариант поголовного выселения абхазов в Казахстан и Среднюю Азию и т.д.

[2] 12 апреля 1919 года коммунисты депо Москва-Сортировочная Московско-Казанской железной дороги выступили инициаторами проведения первого в истории субботника.

туарами, обсаженные цветами и деревьями, оформленные на концах, упирающихся в горы, чудесными лестницами, павильонами, постаментами, эти улицы могли бы служить выставкой хорошего «коммунального» вкуса. Архитектура их, как и новых домов в Сухуми, как и нового Беслетского моста, как и строящегося вокзала, – того легкого, ажурного, светлого стиля, какого вы не встретите в больших континентальных городах и какой хочется назвать приморским. Ладность и ажурность его подчеркивает грузинский национальный орнамент[1] в камне, в штукатурной лейке и чугунном литье. Зеленые насаждения выросли за эти годы в Сухуми чуть ли не втрое.

Построенная вблизи гидроэлектростанция дала городу в изобилии свет, – Сухуми по ночам переливается огнями, как брильянт. И все это, за исключением немногих крупных объектов, построено руками народа, методом народной стройки, без правительственной дотации, на коммунальный бюджет. Правда, бюджет не совсем обычный: он увеличен за счет перевыполнения плана. Здесь, в Сухуми, наглядно видишь золотое социалистическое правило: бытовая культура растет из перевыполнения производственного плана, из хорошей, производительной работы. И народ здесь страстно стремится перевыполнить план, поднять производительность труда.

По газетам видишь, как молниеносно обегает новый опыт табаковода, чаевода все республиканские колхозы, на какую большую высоту здесь поставлены обмен опытом, популяризация лучших достижений; в результате – до срока выполненные планы сева; сверх плана полученные урожаи…

Но если одна часть населения с огромным подъемом трудится, чтоб увеличить республиканские ресурсы на строительство, то другая, городская часть населения с таким же подъемом берет на себя, на свои плечи, львиную долю бюджета, заменяя своим добровольным трудом самую большую расходную статью. В Сухуми часто слышишь фразу: «Мы потратили миллион, а построили на десять миллионов». И это – не только фраза.

Разумеется, не сама собой возникла эта особая форма народной стройки. Ей предшествовала большая работа партийных и советских органов города. Была разбужена, поднята инициатива населения. Нашлись сотни и тысячи людей, захотевших в свободное от обычной работы время добровольно взять на себя работу по благоустройству Сухуми. Их горячий порыв был введен в разумное русло: никаких выходов ежедневно, – у каждого свои часы в неделю, в порядке очередности.

И этот добровольный час нового труда на свежем воздухе, труда общественного, в коллективе, привел к неожиданному результату: освоению новых дополнительных профессий, бывших в городе сугубо дефицитными. В Сухуми, например, было раньше всего четыре человека, знающих профессию мостовщика. Сейчас их десятки. В Сухуми только два человека умели укладывать дерн и могли показать, как надо это делать. Сейчас их – сотни. В течение пяти лет тысячи людей освоили в Сухуми дополнительные профессии строителей и создали своеобразную народную армию, охотно идущую на каждую новую стройку, чтобы снова и снова приложить к делу свое новое, выработанное личным трудом уменье.

И тут мы подходим к той самой Сухумской горе, с которой я начала свой рассказ.

---

[1] Об абхазском национальном орнаменте у автора и речи нет.

II

Полгода назад, в декабре 1950 года Сухумская гора еще стояла над городом в полном своем запустении, обглоданная ветрами, покрытая колючим кустарником, никому ненужная и неинтересная. Но было вынесено решение: сделать Сухумскую гору Парком отдыха и культуры. Четверо сухумцев: три архитектора – Цинцабадзе, Мушкудиани и Телия и один дендролог – Алейникова создали проект преобразования Сухумской горы, и это было единственной платной работой, да и то – в порядке обычной заработной платы на городской службе. Парк был открыт 1 мая. Мне довелось побывать в нем в июне, когда внизу, в городе, стояла сильная жара. Наверху веял прохладный горный ветерок. Густое благоухание волнами охватило нас. Огромные деревья, красавцы наших субтропиков, медленно колыхали величавые кроны, штамбовые розы раскрыли свои густые чашки, птицы перелетали через дорожки, фонтаны возносили к небу серебристые струи, – словом, сказка окружила нас, настоящая сказка со свежими следами своего реального советского происхождения.

Еще можно было увидеть в сочной зелени швы от квадратиков дерна, принесенного сюда и руками уложенного на ста двадцати тысячах квадратных метров горы. Еще крепко, на вбитых кольях, с четырех сторон держат каждое дерево толстые проволочные канаты, потому что большие деревья только недавно высажены сюда с землей, без этих канатов ветер не дал бы им укрепиться на новом месте. Еще растянуты полотнища над кустиками зеленого чая, чтоб уберечь их от зноя и ветра, – кустики высажены сюда лишь вчера… Больше ста культур растет по склонам горы, превращенной в сказочный сад. Изящный круглый павильон стоит на одной из ее вершин; фонтаны, лестницы, площадки, длинный прямоугольник розариума, круглые газоны и скамьи выступают из зелени парка. Под решетками на дороге журчит вода; она подана по трубам снизу, обеспечивает поливку и нужды ресторана. По кабелям бежит сюда электрический свет, ночью заливающий парк.

Цементные водосбросы и канавы дренируют гору, освобождают парк от ливневых вод. И вместе с зигзагами гладкого шоссе сюда восходят чудесные дороги для пешеходов.

Ежедневно до полутора тысяч человек, чередуясь, создавало все это. Около сорока тысяч кубометров чернозема и более трех с половиной тысяч кубометров бетона было доставлено снизу наверх, чтоб создать почвенный покров на горе и украсить ее инженерными сооружениями. За шесть месяцев на пустынной горе создан парк, по праву считающийся сейчас лучшим на Черноморском побережье. И создан он любовно руками сухумских граждан.

Смуглая, цветущая женщина с каштановой косой на затылке привстает над тачкой с землей, чтобы ответить на ваши вопросы. Зовут ее Гугу Гегечкори, она – вдова. Работает судомойкой в ресторане. Начала сажать деревья при реконструкции улицы Чочуа, в 1949 году. Полюбила это дело. Научилась, как сажать, какую землю брать под каждое дерево. Может теперь поступить помощником садовода…

Здоровяк, загорелый, с открытым бронзовым торсом приближается к нам. Это кладовщик Самсон Канкава. За ним, в фуражке железнодорожника, идет се-

дой диспетчер Фома Цава. Коренные сухумцы, энтузиасты народной стройки. Что сказать? Много можно сказать. Каждому жителю города Сухуми желают они дойти до этой мысли – отработать часок-другой свободного времени на пользу народа.

К концу дня, проведенного на Сухумской горе, вам кажется, что вы заснули и видите сон про будущее, и вам не хочется просыпаться, так сказочно хорошо вокруг. Но сказка – в собственных наших руках. И каждому советскому городу можно создать у себя вот такую Сухумскую гору.

г. Сухуми

Подготовка текстов, примечания – А. Дбар

Ив. ЕРМОЛОВ

НАЧАЛО ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ АБХАЗИИ

Кто такой Ив. Ермолов – нам неведомо. Скорее всего, это псевдоним. Очерк Ив. Ермолова «Начало индустриализации Абхазии» был опубликован в нью-йоркском русскоязычном «Новом журнале», в 1952 г. (Кн. XXXI. С. 206–215). Этот очерк несколько перекликается с известной работой С. Данилова (тоже, похоже, псевдоним) – «Трагедия абхазского народа», опубликованной в мюнхенском журнале «Вестник по изучению истории и культуры СССР» (№ 1, 1951 г.). Нет сомнения, как С. Данилов, так и Ив. Ермолов очень хорошо знали о положении дел в Абхазии в сталинскую эпоху. Они, возможно, проживали в Абхазии до начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и, в результате военных действий, предположительно, вполне могли оказаться в эмиграции. Судя по намекам автора, действие в очерке происходит в Абхазии в начале 1930-х годов.

В горах, в суровых ущельях Абхазии, где только рокот горных потоков нарушает тишину, где чаще можно встретить медведя, чем человека, – все было таким, каким было сотни лет назад. Везде, в горах и предгорьях, по долинам и по холмам, среди сплошной зелени были разбросаны отдельные домики абхазцев с чистыми дворами, где в дни семейных торжеств со всей округи собирались родственники и друзья, кто пешком, а кто верхом на своих горных лошадках.

Первые приветствия, церемонии с приглашением к столу, нескончаемые тосты, тягучие заунывные песни – все, даже сыр и вино «Изабелла» – все особенное, своеобразное, древнее. Никто не смеет нарушить вековых обычаев и горе тому, кто дерзнул бы изменить то, что вечно, как вечны горы Абхазии.

Уверенные в себе и в неприступности своих гор абхазцы, встретили людей, пришедших со стороны моря, без видимого любопытства или страха и по своей традиции гостеприимства предложили им ночлег и стол. Пришельцы всячески старались отблагодарить хозяев, но всегда так, чтобы не нарушить обычаев народа.

Абхазцы, члены партии и комсомола, приехавшие из города, зорко следили за всем, давая наставления, как надо себя вести и чем можно вызвать сочувствие у населения. Своим же абхазцам комсомольцы разъясняли, что приехавшие, это – ученые, которые интересуются жизнью и природой Абхазии и просили всех,

кто хорошо знает местность, показать им все, что Бог дал Абхазии. Говоря на родном языке, хорошо зная свой народ, играя на национальных чувствах, платя большие деньги и давая подарки, комсомольцам удалось подобрать первоклассных проводников, знавших все горные уголки.

Два года геологи, лесники, дорожники «делали обыск» горам. Много положили они сил и энергии, часто увлекаясь, забывая все, руководимые только профессиональным чувством, в очень тяжелых условиях, а порой и с опасностью для жизни добывали они необходимые сведения. Долгое пребывание изыскательной партии: отъезды одних, приезды других. Тысячи нитей связывали изыскателей с Тифлисом, Харьковом, Москвой. Все это было чуждо и не нужно горцу. И когда какой-нибудь житель гор, проезжая на коне, видел человека, внимательно разглядывавшего кусок камня или глины, на лице его появлялась незлобная, но ироническая улыбка. Отношение к изыскателям со стороны населения было, как к людям, которые занимаются не тем, чем Бог велел.

Но вот наступает день – в столичной абхазской газете большая статья и публикация распоряжения местных властей о том, что в селе В-ни состоятся: грандиозные скачки, джигитовка, танцы, борьба. В состязаниях примут участие, кроме местных жителей, представители других районов. Лучшим участникам будут выданы призы: первый приз – конь 4-х лет и седло, пожертвованные спортивным обществом Закавказья. К началу открытия скачек обещал прибыть сам глава правительства Абхазии[1].

У всех жителей радостно-приподнятое настроение. Что-то необыкновенное творится в округе: от древних стариков до детей – все заняты приготовлением к скачкам. Готовятся лошади, наездники, приводится в порядок плац для скачек и игр; разговоры – только о скачках.

Настал день торжества. Сотни пеших и конных, старых и малых спешат на праздник. Собралось море людей. Все ждут начала празднества. На трибуну поднялись представители власти. Первое слово главы Абхазского правительства. Толпа притаилась, стихла. Глава правительства с подчеркнутой темпераментностью начал речь. Он говорил о прекрасной Абхазии, о ее гордом народе и, делая жест в сторону гор, оратор образно описал красоту этих гор и добавил, что они не только красивы, но и таят в себе неисчислимые богатства и что, благодаря заботам правительства, люди науки при поддержке всего абхазского народа, после долгих и упорных трудов нашли, наконец, в горах: уголь, сланец, гипс и лечебные воды. Все эти богатства ждут нас.

– Я уверен, что теперь Абхазия смело и быстро начнет превращаться в страну индустриальную и порукой тому великий Сталин! – закончил он, объявив о решении правительства начать строительство еще в этом году, ибо все данные для этого налицо, а самое важное, это – непреклонная воля абхазского народа!

После речи представителя правительства вокруг трибуны раздались дружные аплодисменты. Следующим выступил председатель района, с заверением партии и правительства в готовности населения отдать все свои силы за великое дело преобразования родной страны.

---

[1] Очевидно, имеется в виду Нестор Лакоба – первый лидер Советской Абхазии. Напомним, что с февраля 1922 г. он был председателем Совета Народных Комиссаров, а с апреля 1930 г. также занимал должность председателя ЦИК Абхазской ССР.

– В честь великого начала индустриализации родной Абхазии, разрешите сегодняшний праздник с традиционными скачками считать открытым!

Буря аплодисментов и неописуемый восторг были ответом на эту речь.

После праздника долго еще у местных жителей все детали скачек и борьбы были главной темой разговоров и переживаний.

На строительство прибыли первые специалисты и квалифицированные рабочие. Через небольшой промежуток времени начали прибывать рабочие, преимущественно мобилизованные комсомольцы из городов Закавказья. Понемногу налаживалась доставка материала и инструментов. Партийные, комсомольские, профсоюзные организации и техническое руководство – все примеряли с чего начать. Но уже всем стало ясно, что местное население не принимает участия в новом деле. Искали почву для вовлечения молодежи в комсомол и на производство: каждый вечер устраивали киносеансы, доклады, по воскресеньям – игры и танцы. По горящим глазам местной молодежи было видно, что все это их занимает и нравится, но что-то было такое, что сдерживало их; с какой-то завистью смотрели они на танцующих, но сами участия не принимали. Приходили, смотрели и так же молча расходились, но на строительство не шли. Призывы к населению «выделить транспорт» – оставались без ответа.

Из центра шли приказы: «В виду феодальности страны быть очень осторожным и не обострять отношений», и в то же время требование – разворачивать работу. Отсутствие местного транспорта, приспособленного к горной местности, заменить было нечем. Все отдавали себе отчет, что если строительство не получит нужного транспорта, работ производить нельзя. Специалисты: инженеры, техники и квалифицированные рабочие были пришельцы с севера, опыта работы в Закавказье не имели; партийные организации, укомплектованные жителями Закавказья, имея указания своих организаций о «феодальности» и, зная нравы и обычаи населения, не могли найти выхода.

В дело вмешался Тифлис. На строительство приехали матерые партийцы. Как всегда, начали с собраний: закрытое партийное, закрытое комсомольское, техническое совещание и, наконец, техническое совещание с партактивом. В конце концов, остановились на возможности начать дорожные работы, не требующие транспорта и, как одну из больших и трудоемких работ, решили: в первую очередь приступить к подготовке взрыва «Орлиной скалы», для чего требовалось пройти в скате штольни в трех направлениях и целый ряд других работ. С точки зрения последовательности и экономики такая работа шла вразрез с техническим здравым смыслом, но на возражения специалистов против такого порядка работ, представитель Тифлиса ответил:

– Нас в данном случае интересует возможность работы, а не здравый смысл очередности. Ставить сейчас вопрос об очередности – значит не иметь размаха и не понимать обстановки.

Работу по подготовке взрыва решено было производить в две смены. Срок работы определили в 5 месяцев из расчета произвести взрыв 7 ноября. На следующий день в многотиражке строительства появилось сообщение об утверждении производственного плана, в котором главное место уделялось взрыву «Орлиной скалы». – «Пусть в день великого Октября разнесется слава по горам

Абхазии о великих делах партии Ленина-Сталина!» – так заканчивалась многотиражка «Горец на стройке».

В те времена рабочее снабжение было поставлено из рук вон плохо. Для улучшения своего питания рабочие уходили за 10–20 километров и доставали у населения что могли – кто за деньги, а кто способом меновой торговли. В меновом смысле особенно ходким был хинин, который вначале выдавали рабочим на целую неделю, но они предпочитали бороться с малярией при помощи обмена хинина на сало, яйца и вино. Общаясь с рабочими, особенно пришлыми, местное население много узнало о «великих делах», которые уже были проведены на севере страны. Партийные и комсомольские организации такой способ добывания продуктов негласно поддерживали. Уходя в горы, комсомольцы-рабочие брали с собой газеты, заводили с молодежью знакомство, иногда слушали разговоры других меняльщиков. Владея языком, они находили пути сближения с старшим поколением, узнавали о их нуждах, об отношении к строительству, о взаимоотношениях между жителями. Сытые и с запасом продуктов комсомольцы возвращались домой.

На опыте кино, танцев, докладов и меновой торговли – все яснее становилось, что строительство непонятно и чуждо населению, и что молодежь, увлекаемая только внешними формами, не оторвется от векового уклада: еще крепки и нетронуты традиции, где слово старшего было законом. А те, чье слово считалось законом, если не совсем сознанием, то сердцем и чутьем понимали, что чуждое им дело разрушит испытанное, вековое, но взамен ничего доброго не даст. Единственное, что строительство могло бы дать народу – это материальные блага, но та ничтожная плата, которую получали даже опытные рабочие, не давала и на это надежды. Отрицательное отношение стариков было главной причиной неучастия молодежи в строительстве. Привыкшая уважать стариков, молодежь шла за стариками. Для поощрения, крестьянам, работавшим со своим транспортом, ввели дополнительную выдачу промтоваров. Это привлекло немногих наиболее бедных горцев, но это не вело к разрешению вопроса.

Для молодежи устроили экскурсии: в Тифлис, Баку, Батум. Перспектива бесплатных поездок привлекла человек 150, но после возвращения только единицы пошли на работы. А, главное, транспорта – не было.

Прибывшие с севера рабочие в своей массе были те, кто готов был ехать куда угодно, лишь бы сохранить себя. Всех их направляли вглубь трассы, на дорожные работы. Вместе с ними уходили вьючные караваны, нагруженные палатками, инструментами и продуктами. Все чаще в горах раздавались взрывы, но все это по сравнению со всем объемом работ было незначительно. Единственная работа, которая проходила успешно – это работа по подготовке взрыва «Орлиной скалы».

Народные легенды, которыми была овеяна эта скала, шум поднятый пропагандой вокруг взрыва ее, все это вызывало особенный интерес. В местных газетах писали: «Скоро придет время, когда по воле человека, на том месте, где стоит скала, пройдет дорога. И то, что хранят в себе горы, станет достоянием трудящихся. Перед нами стоит огромная задача – провести дорогу. От имени трудящихся Абхазии мы заявляем: дорога будет». Но не только газеты, и на собраниях во всех окружающих селениях все говорили о будущем взрыве. Население молча слушало эти разговоры и ничему не верило, а старики открыто за-

являли, что все это глупые выдумки и смеялись над мыслью построить дорогу на месте скалы.

За месяц до праздника октябрьской революции почти все главные работы по подготовке взрыва были закончены. Дорожники и подрывники чувствовали себя именинниками. Все на них смотрели как на героев дня, а начальство ставило их везде в пример.

Два лагеря стояли друг против друга. Одни – со страшной энергией и упорством, используя все средства, шаг за шагом шли к намеченной цели; другие – против не совсем еще разгаданной опасности выставляли веру в непоколебимость того, что досталось им от природы. Одни – готовились к штурму, другие – с высоты своего векового прошлого с усмешкой смотрели на безумцев. Никто не уступал…

В момент такой напряженной психологической битвы, как гром среди ясного неба, было появление статьи в центральной абхазской газете[1]: «Несерьезные доводы специалистов». В статье писалось: «Несерьезный подход, отсутствие ответственности, никаких доказательств, очковтирательство – все это привело к совершенно резонным насмешкам местного населения по адресу таких специалистов, которые могут море зажечь». После такой статьи на строительстве среди технического персонала и руководящих партийцев началась буквальная паника. Многие начали избегать главных руководителей взрыва, срочно созывали партийные собрания и технические совещания, – все с минуты на минуту ждали арестов.

Через три дня какие-то люди приехали из Тифлиса. Срочно были вызваны специалисты из Москвы. То, что творилось на стройке, в первое же воскресенье стало известно по всей округе. После нескольких дней расследования московская комиссия, главный инженер строительства и его помощник выехали в Тифлис. То недоверие к возможности взрыва скалы, которое было отчасти скрытым, теперь высказывалось всеми и везде, даже в партийных, комсомольских и рабочих кругах, а о населении и говорить нечего – там торжествовали.

Молчал и старался быть незамеченным только технический персонал.

Через пять дней вернулась московская комиссия и помощник главного инженера. Главный инженер был задержан в Тифлисе. На строительстве ходили все, как неживые. За два дня до праздника пришло категорическое решение: «Опыт по взрыву производить». По распоряжению властей об этом были оповещены жители, велись работы по устройству народного гулянья, были приглашены оркестры. Но все это было больше похоже на подготовку к похоронам, чем к торжеству.

Наступил день праздника октябрьской революции. С самого раннего утра все, что могло двигаться, направилось к площади, где стояла трибуна, увешенная флагами и портретами. Местные партийцы, с лицами как у приговоренных, суетились по организации встречи высоких гостей. К десяти утра должны были прибыть: второй секретарь Закрайкома партии[2], Абхазское правительство и старейшие от местного населения.

---

[1] «Советская Абхазия».

[2] По всей видимости, имеется в виду Лаврентий Берия, занимавший пост второго секретаря Закавказского крайкома с 31 октября 1931 г. по 17 октября 1932 г.

На этот раз вся местная партийная власть, технический персонал и старые кадры подрывников переживали вместе ту степень нервного напряжения, которая граничила с потрясением и, наоборот, настроение масс, особенно местного населения, было явно противоположно. По их лицам, особенно знатных стариков, можно было видеть нетерпение увидеть всенародный позор тех, кто рискнул насмеяться над тем, что вечно.

Ровно без пяти десять к площади подъехали высокие гости. На трибуну первым поднялся секретарь Закрайкома; за ним, по рангу, все остальные. Туда же были приглашены старики и самый древний и почетный из них, девяностолетний старик Мисор.

Собрание открыл секретарь местной партийной ячейки и предоставил первое слово председателю ЦИКа Абхазии.

– Товарищи, в день великой октябрьской революции, когда вся страна празднует победу трудящихся, мы здесь, в горах нашей родной Абхазии, собрались, чтобы видеть торжество рабочих и крестьян. Наше строительство вступило в восьмой месяц своего существования. В нашей работе будет много трудностей, но мы их преодолеем. У нас могут быть неудачи, но они нас не остановят, а научат. Мы собрались сюда, чтобы присутствовать при великом опыте взрыва колоссальных масштабов! Предлагаю просить старейшего из нас взять на себя эту высокую миссию. Его старая, опытная рука пусть даст начало великим делам нашей родной Советской Абхазии!

Закончив свою речь, председатель ЦИКа попросил старика Мисора принять на себя эту почетную миссию. Старик долго смотрел на видневшуюся вдали скалу, потом перевел взгляд на маленькую динамку, посмотрел на всех окружающих, и у него было такое смеющееся выражение лица, как будто он хотел сказать, что он уже давно вышел из детского возраста. Инженер-подрывник, волнуясь, старался объяснить, как надо вращать ручку. Старик как видно понял всю технику этой игрушки и, улыбаясь, дал согласие.

Председатель ЦИКа призвал к вниманию и просил сохранить спокойствие, а со стариком условился, что как он скажет – «три», старик должен прокрутить ручку.

– Раз, два…

Толпа замерла… Одни ждали торжества; другие – позора дерзких.

– Три!

Взрыв… Но такой необычайной силы, что он сотряс все окружающее. Все стояли в оцепенении. Взгляды всех были устремлены на горы. На месте взрыва стояла огромная туча пыли. И когда ветер унес пыль в ущелье, то на месте, где была скала, виднелось ясное небо.

На трибуне председатель ЦИКа сделал жест, чтобы пожать руку старика, но, старик как бы в оцепенении устремил взгляд туда, в горы, куда он чуть ли не столетие смотрел по утрам и его взгляд всегда упирался в скалу орлов. Теперь он ее не видел. Он сам похоронил то, что считал вечным; может быть, он думал, что лучше было бы ему умереть с тем, что было дорого ему с раннего детства, а он сам, своей старой рукой убил то, во что верил и дал жизнь тому, что было противно его сердцу и разуму; он сам убил то, что звалось свободой, и открыл ворота тому, что несет его родному народу – рабство. И, как бы по-

няв свое бессилие перед чем-то новым, непонятным и страшным ему, старик негромко сказал:

– Дорога будет…

Председатель ЦИКа тряс его руку, за ним, все стоявшие на трибуне, подходили к старику и тоже жали руку, как бы благодаря его за то, что он собственной рукой убрал с дороги скалу орлов и самого себя. Старик ничего не говорил. Говорило его лицо, что теперь ему все безразлично и все кончено. Понимали это и все старики, стоявшие в толпе; понимали это и представители власти.

Следующим оратором был секретарь Закрайкома партии. На его неприятном, энергичном лице было выражение опытного игрока, который про себя говорил: «Игра сыграна!» Его речь началась с того, что он предложил в честь победы, в честь великого Сталина – ура! Раскаты ура пронеслись по толпе. Радостно кричали те, кто еще несколько минут тому назад готовил себя к расправе. Кричала молодежь, потрясенная виденным и не обращавшая уже внимания на своих стариков, которые теперь потеряли свое, веками нажитое, право на то, чтобы им подчинялись.

– Товарищи, – говорил секретарь, – в великий день октября поздравляю с победой на трудовом фронте. Враги народа всеми способами подрывали авторитет великого дела. Это они хотели радоваться неуспехам стройки, это они саботировали и подбивали других саботировать великое начинание трудящихся Абхазии. Но, карта их бита! Трудящиеся Абхазии с братской помощью всего Советского Союза, вместе с партией великого Ленина-Сталина добьются досрочного окончания стройки!

Оратор предложил от имени собравшихся послать телеграммы: тов. Сталину, ЦК партии Закавказья и Абхазской республике.

Много еще выступало ораторов. Предпоследним выступил начальник строительства Ор-швили, предложивший от собравшихся послать телеграмму главному инженеру, одному из виновников торжества, который из-за болезни задержался в Тифлисе и не мог присутствовать на празднике. На этот раз особенно бурно аплодировали инженеро-технические работники и рабочие стройки: профессиональная радость за коллегу, за себя – все было в этих аплодисментах.

Последний оратор объявил о начале торжеств по случаю взрыва «Орлиной скалы».

С трибуны начали сходить представители власти и гости. Старику Мисору помогли сойти вниз. Он стал как будто меньше. Лицо его было безжизненно. Медленной походкой он подошел к группе стариков, те по обычаю поклонились ему. На предложение присутствовать на торжествах, Мисор ответил благодарностью и тихой походкой с помощью двух других стариков, направился в сторону от толпы. За ним ушли все старики. Расстояние между стариками и массами все увеличивалось. Никто из молодежи не пошел за ними – все остались на торжестве.

На другой день газеты были полны описанием взрыва и торжеств. Речь секретаря была выделена особо, и опытные люди говорили: «Сигнал дан!» И как бы в оправдание этих слов через два дня: – «За оппортунизм и неверие в силы рабочего класса» исключены из партии два человека, из комсомола – три; и дальше: – «В целях нормального и справедливого распределения отменить до-

полнительную выдачу промтоваров работающим на собственном транспорте и оплату производить согласно тарифному справочнику».

Через пять дней стало известно об аресте восьми человек видных местных жителей. В тот же день: для создания квалифицированных кадров из местного населения объявлен набор в Фабзауч[1], с двухгодичным обучением в школах Тифлиса и Донбасса. Количество записавшихся в Фабзауч ежедневно увеличивалось; но до нормы было еще далеко. Транспорт, хотя и медленно, но прибывал… По дороге от моря прошло несколько партий заключенных. Они направлялись в горы, туда, где нашли уголь[2] и где уже с начала лета управление лагерей Зак-ГПУ[3] начало работу.

Возвращение главного инженера из Тифлиса и представление его к награде внесло успокоение в ряды инженерно-технического персонала, увеличилось поступление материалов, немного улучшилось питание. Строительство набирало темпы…

Недели через две деловое спокойствие было нарушено слухами о том, что жители собираются устроить сбор-демонстрацию по поводу арестов. В ответ на это были произведены массовые аресты местных жителей. Стало как-то тревожно. Вскоре прибыла полурота внутренних войск Зак-ГПУ и не направилась дальше, как обычно, в горы, где были лагеря, а разместилась на ночлег в доме выселенного князя Ш-зе[4]. А в воскресенье, в день предполагавшегося сбора-демонстрации, командир прибывшей полуроты, молодой и красивый грузин, вывел внутренников на занятия. Промаршировав около получаса, полурота направилась к крутому берегу реки, где устроил стрельбище. Постреляв немного из винтовок и дав несколько очередей из пулемета, полурота вернулась на обед. Четко отбивая ногу, внутренники шли с песнями:

«Мы войско Гепеу
Чутко ухо, зорок глаз
Не уйдут они от нас!..»

Кругом все было тихо…

Через день, видно, «осознав правоту политики Партии и Правительства», население в первый раз полностью предоставило строительству транспорт. Вскоре закончился набор и в Фабзаучи. А из ближайшего города вернулись родственники арестованных, куда они возили передачу. Передачу у них не приняли, свидания не дали…

Подготовка текста, вступление и примечания – А. Дбар

---

[1] Фабзауч (фабзавуч) – фабрично-заводское ученичество; школа фабрично-заводского ученичества при предприятии, готовящая рабочих массовых профессий (в 1920–1940 гг.).

[2] Видимо, имеется в виду Ткуарчал (Ткварчели).

[3] Государственное политическое управление (ГПУ) – политическая спецслужба в РСФСР. Учреждено в 1922 г. С 1923 г. ГПУ было преобразовано в ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление) уже на союзном уровне.

[4] Видимо, Шервашидзе.

УДОСТОВЕРЕНИЕ ДЖОТЫ ХУТАБА

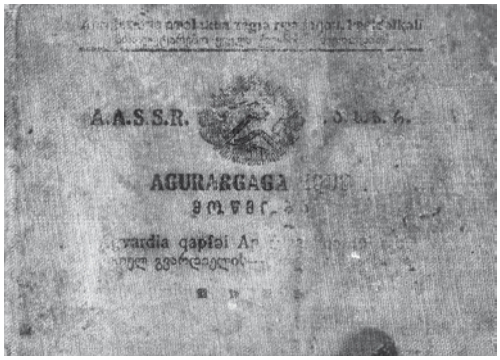
На заре советской власти, в целях выявления, систематизации и классификации материалов, на участников революционного движения собирались сведения о них из разных источников. Также составлялись анкеты, которые заполнялись самими бывшими борцами за Советскую власть и заверялись подписями не менее двух известных революционеров. Из названных документов формировались личные дела красногвардейцев и красных партизан. В Абхазии такие дела в основном были составлены в 1932–1933 гг., когда во всех республиках Советского Союза проводилась работа по их выявлению, регистрации и перерегистрации.

В Абхазии, в марте 1931 г., был образован Абхазский комитет красногвардейцев и красных партизан, почетным руководителем которого был Н.А. Лакоба, а председателем – И.Д. Вардания[1]. Под руководством этого комитета соответствующие городские, районные и подрайонные комиссии провели регистрацию красногвардейцев и красных партизан. На каждого из них было составлено персональное дело. Все эти дела хранились в Центральном Государственном архиве Абхазии, который, как известно, был сожжен грузинскими оккупационными войсками 22 октября 1992 года.

Ниже приводится удостоверение за № 1080, выданное Хутаба Джоте Абхазским Областным комитетом красногвардейцев и красных партизан 2 ноября 1932 года. В документе на трех языках – абхазском, русском и грузинском – были опубликованы два основополагающих постановления: Постановление ЦИК и СНК СССР от 13 января 1930 г. «О льготах бывшим Красногвардейцам и Красным партизанам и их семьям» и Постановление № 92 ЦИК Абхазии от 17 октября 1931 г. «О льготах бывшим красногвардейцам и красным партизанам».

Аслан Авидзба

[1] Игнатий Давидович Вардания (1894–1938) – государственный и партийный деятель; жертва сталинских репрессий.



A.A.S.S.R.

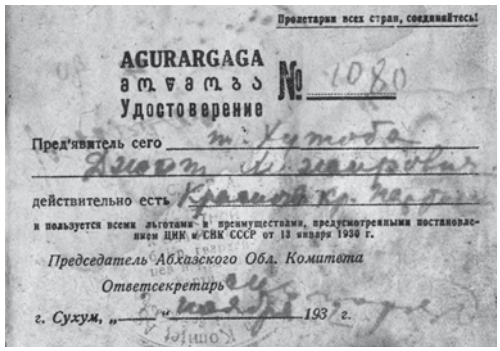
AGURARGAGA

gvardia qapʃəi Ar

Настоящее удостоверение выдано
Абхазским Областным Комитетом.

Собственноручная подпись

М. П.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

AGURARGAGA
ამაგამაა
Удостоверение № 1080

Пред'явитель сего

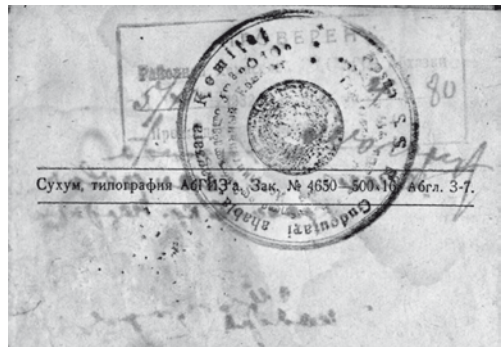
действительно есть

и пользуется всеми льготами и преимуществами, предусмотренными постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 января 1930 г.

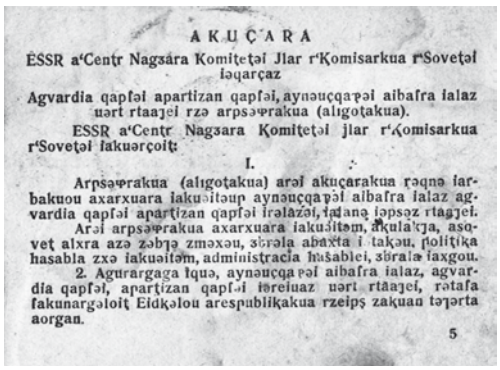
Председатель Абхазского Обл. Комитета

Ответсекретарь

г. Сухум, „ ” 193 г.



Сухум, типография АбГИЗ'а. Зак. № 4650 — 500.10 — 16 л. 3-7.



AKUÇARA

ƏSSR a'Centr Nagsára Komiteʧəi Jlar r'Komisarkua r'Soveʧəi
ləqarçaz

Agvardia qapʃəi apartizan qapʃəi, aynəuçqaᵽəi aibaʃra ialaz
uərt rtaaʒei rzə arpsəᵽrakua (alıgoʧakua).

ƏSSR a'Centr Nagsara Komiteʧəi jlar r'Komisarkua
r'Soveʧəi ʃakuərçoiʧ:

I.

Arpsəᵽrakua (alıgoʧakua) arəi akuçarakua rəqnə iarbakuou axarxuara iakuəiʧəuᵽ aynəuçqaᵽəi aibaʃra ialaz agvardia qapʃəi apartizan qapʃəi irəlazəi, ıadanə iəpsəz rtagʒei.

Arəi arpsəᵽrakua axarxuara iakuəiʧəm, akulakʒa, asqvet alxra azə zəbʒə zməxəu, sbrəla abaxʧa i takəu, politika hasabla zxə iakuəiʧəm, administracia huşablei, sbralə iaxgou.

2. Agurargaga ıquə, aynəuçqaᵽəi aibaʃra ialaz, agvardia qapʃəi, apartizan qapʃəi iəreiuaz uərt rtaaʒei, rətaʃa ʃakunargəloiʧ Eidkəlou arespublikakua rzeipş zakuan təʒərta aorgan.

5

3. Agvardia qadʃəi apartizan qapʃəi ialaz rəla akolxoz aneiᵽkaaxa, auəs zuanə akolxoz ialou rqənᵽ uərt rxəpxıasara abza açkıəs eneihaxa, uərt iərəueiʧ abart arpsəᵽrakua:

a) uərt akolxozkua iərəueiʧ azəinəi amuʒei Ar qapʃ r'kolxozkua iərəmou eipş. Egıərt akolxozkua iərʒədanə, uərt akuəiʧxoiʧ adgıəi tay ahəuʧ'karra anapə aqnə iəqouəi, jlar iərəmpəçakna iərəmouəi rqənᵽ rkolxoz azə adgıəi aiəura;

b) art akolxozkua, akət nxarra mafənakua, atrakʧorkua, napqəsarəla adgıəi arəpsəlaga (arʒəga) uac, apara, açiaa pxastaz'əaua akupaga uəbas egıərtgıə ialəueiʧ Ar qapʃ iəreiuou iəfakudərgəlaz akolxoz eipş;

v) art reipş akomunakuei, arʧelıkuei akət nxarra qazakua (laxᵽkna iərəkuərxueiʧ ianəfakugəlaz iənarknə yəşəkusausa. Asə ahaza (alaxᵽ) axıakuəugıə uaagıə iərəkuərxueiʧ uəi aᵽhara ala

4. Abatrakʒei, ananamgaʒei aynəuçqaᵽəi aibaʃra ialaz gvardia qapʃuəma partizan qapʃnə akolxoz alalara azə alaxᵽ (alaʒalaᵽ para) roueiʧ ᵽhara narxala akoperativkua rqənᵽ akəʧ kolektivᵽra iazkəu aqənᵽ. Ar qapʃ iəşroua eipş.

6

5. Agvardia qapʃəi apartizan qapʃəi iəreiuanə aynəuçqaᵽəi aibaʃra ialanə iəpsəz rtaaʒa iəraueiʧ arəpsəᵽrakua (alıgoʧakua) rənxarrakua rəqnə ar iərəiuou, iənaʒanə amaçəura ialapxıasou reipş akət nxarra aquəi, anxarra astraxra azəi—abra çaqa iarbakuou arəpsəᵽrakua:

a) art anxarrakua iərəueiʧ akət nxarra ɣəda iazkəu apara pəaxᵽ, axaᵽ mal zmou rapxıa, uərt axaᵽ mal zmou rənxarra daara iagnə iəqazargıə;

b) art anxarrakua daᵽaqa... iaxərgauazar zegı rapxıasa axgara plan aqnə iəqarçoiʧ;

v) adgıəl zmasaməi, iəmaqnə iəzmouəi, art anxarrakua rqənᵽ rapxıasa adgıəl jlar iərzeipşəuəi. ahəuʧ'karra iampəçakna iamou adgıəi aqənᵽ;

g) ananamga nxarrakua alaçaᵽə-jlakua ztaxəu iərouei zegı rapxıasa iaha iərpsəᵽnə;

d) ananamga nxarra... aunaləx maᵽa rənxarrakua rzə iərtaxəu roueiʧ daara iərəpsəᵽnə (ilgoʧəla);

e) ananamga nxarrakua astraxra rəkuərxueiʧ zənsass, mamzargıə xəqara iəşanə xuək eiçamkua.

7

6. Agvardia qapʃəi, apartizan qapʃəi ial z aqa birza aqnə rᵽananərçalakı, uərt azanaat eidkəla ia u reipşıqıa uəsura iədəkuərçoiʧ.

7. Aşkolkua, akuərskua rtalara azə agvardia qapʃəi apartizan qapʃəi iərəlaz iaha xuapşra rərtoiʧ iara uəbaşıqıa xuapşra rərtoiʧ, uərt aagləx-texnika ala (rkvalifikacia) rdərra uzərhara aangıə.

8. Zegıeidkəla a'Respublikakua r'Centr aarəx kooperacia dças iadəup iəqarçalarc arʧelıkua agvardia qapʃəi, apartizan qapʃəi ialaz uəs uərta da iəqou rəla.

9. Nasasa akalakıkua rəqnə iənxakuoua aynəuçqaᵽəi aibaʃra ialaz agvardia qapʃəi apartizan qapʃəi auada aura iakuəiʧəuᵽ auəsuja reipşıqıa.

10. Aynəuçqaᵽəi aibaʃra ialaz agvardia qapʃʒei uərt əxşarei aşkol talara azə axuapşra dəu rərtoiʧ. Uərt açara azə alaxᵽ rəkuərxueiʧ ahəntkarra aqənᵽ astependia egıərt reiha iərəueiʧ.

11. Agvardia qapʃəi, apartizan qapʃəi rəxşara xuəda psada iərədərkəloiʧ axuəɥyənkua rəqnə auəsuja rxı ɥkua

8

eipş. Iəpsəz apartizankua rxuəuykua axuəuyənkua—şkolakua rəqnə zegı rapxıasa irədərkəloit.

12. Agvardia qapfəi apartizan qapfəi uərt rtaajei iara uəbastqiagıə aynəuççqaрəi aibafra ialaz rtaajei axuəfрra roueit auəsuja astrax ialou reipş agvardia qapf ialazəi apartizan qapfjei dara rxarqala asanatoriakua rəqnə rxə rxuəfрuazır, uaagıə iəroueit arəpsəфrakua (aiıgotakua) iərəmou auəsuja astrax ialouəi uərt rtaajei.

13. Iəxarраaрəup ast. § 7 apqarra iakəu a'ət nxarra axıp iazlahoua ala iətəjəu 20 II 1929 ş. (Eizakəu azakuan SSR 1929 ş. № 67 adaqıa 629) abart aguatakua rəla:

A g u a t a: abart arəpsəфrakua Iərəmou ar qapf r'komunakuei, r'artelıkuei reipşqıı iəroueit akomunakuei artelıkuei agvardia qapfəi apartizan qapfəi iəfakudərgəlakuaz, uərt rxəpxıasara auəs zua raxıp abza açkıəs eihazar.

14. Iəxarраaрəup ast. § 12. apqarra asə laxp azə iətəjəu 24 iiul mza 1929 ş. (aizak. azak. Eidkəla SSR 1929 ş. № 67 adaqıa 629) abart aguatakua rəla:

9

A g u a t a: abart arəpsəфrakua Iərəmou ar qapf r'komunakuei r'artelıkuei raipşqıı iəroueit akomunakuei artelıkuei agvardia qapfəi, apartizan qapfəi iəfakudərgəlakuaz, uərt rxəpxıasara auəsura zəlşaua rqəup abza açkıəs eihazar.

ESSR a'Centr Nagsara Komitet
axanрayə M. KALININ.
ESSR jiar r'Komisarkua r'Sovet
axanрayə Iəxatəpuoyə V. ŞMID
ESSR a'Centr Nagsara Komitet
amasanəqugayə A. ENUKIDZE.

Moskva Kremi. 13 ianvar 1930 ş.
(Agazeta „Izvestia" 4 fevralı mza 1930 ş. № 34 alyəa).

AKUÇARA a'№ 92.

Apsnəp ASSR a'Centr Nagsara Komitet agvardia qapfjei, apartizan qapfjei apsəфrakua irəmou rzə 17 okt. 1931 ş. rzə iqanaçaz.

Kərtрəlanрəi SSR a'Centr Nagsara Komitetəi, jiar r'Komisariatkua r'Sovetəi, „agvardia qapfjei apartizan qapfjei apsəфrakua irəmou" azə 13 iiul 1931 ş. rzə akuçara iqarçaz iaфərpsnə, Apsnəрəi ASSR a'Centr Nagsara Komitet iftnaxəueit abri eips akuçara:

1. Kərtрəlanрəi SSR a'Centr Nagsara Komitetəi, jiar r'Komisariatkua r'Sovetəi, apartizan qapfjei agvardia qapfjei apsəфrakua irəmou ha akuçara 13 iiul 1931 ş. rzə iqarçaz aфə iahaua rədagıə agvardia qapfjei, apartizan qapfjei, dara rtaajarei, Apsnə ateritoria iaçanakua ikuənxaua irəmazarour abart reipşzarрəga psəфrakua:

1. Aynəuççqaрəi aibafra ialaz agvardia qapfjei apartizan qapfjei, uərt rtaajei zəynou auada alaxp aqənp 10 inarkna 50% rqənsa irəgdərxoit, akalakı aqnə auada alaxp ifakugəlanə iqou aqənp; ari alaxp agərxa zaqarou fakudərgəloit,

11

akalakı sovetkuei, araion Nagsara Komitetkuei. Arəi arpsəфra iaçanakuoit hantkarəa irədərkəlaxıou ayənkua, irzeipsnə Iəqaçou ayənkua, xap mal zəmpəçakəu yənkua iara ubasqıa auəshartakua irədkəlou yənkuagıə.

2. Agvardia qapfjei, apartizan qapfjei akomunalrp cxəraarakua (aзaatara, akanalizacia, aelektriyestvo-muy—alaşarei, zbzazafei rzə axə arxuarazə, azeips banakua rxə arxuara ubas içagıə) rəxu şərlaua atəpanрəi asovetkua arpsəфra tarifkua ifakudərgəlaua rəqnə.

A g u a t a: atəpanрəi asovetkua irəlşoit agvardia qapfjei, apartizan qapfjei zənsak, ma abzala akomunalrp cxəraarakua rəxu alara aquəxra.

3. Aynəuççqaрəi aibafra ialaz agvardia qapfjei, apartizan qapfjei ahəntkarrap (acentranрəikuei, atəpanрəikuei) muzeikua, avistavkakua, abahqakua, nasgıə akulıtrura - rçarta uashartakua uha zegıə rıpə iakuaitəup xuəda aneira (aynalara), abara. Ahəntteatərkuei, akinokuəei rıpə aneiraan, agvardia qapfjei, apartizan qapfjei, abiet axu 50% rəla iəlarqunə irərtauazaroup.

12

II. Xəxı iarbou—SSSR a'Ç. N. K-əi. ji. r'K. r'S. rəkuçara, 13 ianvar 1930 ś., ast. ast. 9—12 işərhaua eips.

1. Ahəntkarra iaрəu axəbrakua, ma фəc iqaçou, ma zxə iakuaitxaz axəbrakua auaa rəynaçara atəpanрəi asovetkua irualəup, tap zmou, aynəuççqaрəi aibafra ialaz agvardia qapşjei, apartizan qapfjei, dara rtaajei irəkunagaxaşa, irəzxaşa atəp,—auəsuja reips irərtaracə, nasgıə auəsuja auada izguaquanə iqaz rqənp zaqa rouəz aqara artgıə (agv. qaqf., apart. qapf.) irouroup.

2. Jiar r'Komisariat aguabziara azə iadçaрəup auəsuja astrax iamou reipş agvardia qapfra ialazəi, apartizan qapfra ialazəi, nasgıə dara rtaajagıə axuəfрərei, akurortəi cxəraarakua rnatalaracə.

3. Asocialrp eikuərlara (обеспечение) aquşei, araionp nagsara komitetkuei irədçaрəup agvardia qaqf xəmxuajei, apartizan qapf xəmxuajei, nasgıə agvardia qapfrai, apartizan atriad ialanə aibafraan ipsəz rtaaja rıpə i ou axəmxuajagıə narədkə anə, socialrp hasabla acxəraarakua rouracə. nasgıə alquə rançara naparkra.

13

III. Art apsəфrakua, abra akuçara aфə iarbou zxə lazərxuaracə zəlşaua, apqara, Aaxəç Kavkazrəi a'CNK: 16 dekabr 1930 ş, rzə (S. Uz. 1931 ş.) izəkuşahatxaz işahaua eipş agurargaga Iəquəkua zmou auaa roup.

Apsnə ASSR a'CNK N. LAKOBA.

Apsnə ASSR a'CNK amasanəqugayə XABURZANIA.

დადგენილება

ცენტრალურ აღმასრულებელ კომიტეტისა და სახკავშირო სახალხო კომისართა საბჭოსი, ყოფილ წითელგვარდიელთა და წითელპარტიზანელთა და მათ ოჯახებზე შეღავათების მინიჭების შესახებ

ცენტრალური აღმასრულებელი კომიტეტი და სახალხო კომისართა საბჭო ადგენენ:

I

1. უფლება შეღავათებზე, გათვალისწინებული აღნიშნული დადგენილებით, აქვს მოქალაქეთ, რომელნიც იმყოფებოდნენ წითელი გვარდიის და წმთელი პარტიზანების რაზმებში და აგრეთვე გარდაცვლილ წითელგვარდიელთა და წითელპარტიზანელთა ოჯახებს

კულაკები და ყველა ის მოქალაქენი, რომელთაც ჩამორთმეული აქვს საბჭოში არჩევნების უფლება, მოკლებულნი არიან აღნიშნულ შეღავათებს. შეღავათებზე უფლებას მოკლებულნი არიან აგრეთე მოქალაქენი, რომელთაც მისჯილი აქვთ თავისუფლების აღკვეთა,

15

პოლიტიკური უფლების აყრა, გაძევება ან გადასახლება სასამართლოს ადმინისტრაციული წესით; ასეთი პირები არ სარგებლობენ შეღავათებით მთელი იმ ვადის განმავლობაში, რა ხნის განმავლობაშიაც მათ აქვთ მოხსნილი ასეთი ზომები.

2. მოწმობების გაცემის წესი ყოფილ წითელგვარდიელებზე, წითელ პარტიზანელებზე და მათ ოჯახებზე, შეღავათების უფლებების შესასებ, თანახმათ აღნიშნული დადგენილებისა, წესდება საკავშირო რესპუბლიკების კანონმდებლობით.

3. კოლექტიური მეურნეობები, რომლებიც მოწყობილია ყოფილ წითელგვარდიელების და წითელ პარტიზანების მიერ, თუ ისინი შეადგენენ კოლმეურნეობაში მყოფ წევრთა შრომის უნარის მქონე მამაკაცთა სერთო რიცხვის ახა ნაკლებ ნახევარს—სარგებლობენ შემდეგი შეღავათებით:

ა) ასეთ კოლმეურნეობებს, გათანასწორებულთ წითელარმიელთა კოლმეურნეობებთან უპირატესობა ეძლევა სხვა კოლექტიურ მეურნეობებთან შედარებით, მიიღონ საადგილ-მამულო სახოგადოების განკარგულება მიარსებული სახელმწიფო ან თავისუფალი მიწებიდან დასამუშავებლად მიწა;

ბ) ასეთი კოლექტიური მეურნეობები უნდა იქნენ მომარაგებული მანქანებით, ტრაქტორებით, მინერალური სასუქით, მავნებელთა

16

წინააღმდეგ საბრძოლველ იარაღებით ისევე, როგორც წითელარმიელთა კოლექტიური მეურნეობები;

გ) ამგვარი კომუნები და არტელები მთლიანად თავისუფლდებიან ერთიანი სასოფლო-სამეურნეო გადასახადისაგან ორი წლის განმავლობაში, დღიდან მათი დაარსებისა იმ ადგილებში, სადაც შემოღებულია წყალთა გადასახადი, ისინი ამავე ხნის განმავლობაში თავისუფლდებიან ამ გადასახადისაგანაც.

4. მოჯამაგირეებს და ღარიბ გლეხობას, რომლებიც წინად ყოფილ წითელგვარდიელების და წითელ პარტიზანელებისა რაზმებში ყოფილან, ეძლევათ სესხი კოლმეურნეობებში და აგრეთვე სასოფლო მეურნეობის და სარეწაო კოოპერატიულ გაერთიანებებში შესატანი საპაიო თანხა, კოოპერატიულ და ღარიბთა კოლექტივიზაციის ფონდებიდან პირველ რიგში და ხანგრძლივ ვადებში, ისე როგორც სამხედრო მოსამსახურეებს.

5. ყოფილ წითელგვარდიელთა და წითელპარტიზანელთა მეურნეობებს და აგრეთვე წითელგვარდიელთა და წითელპარტიზანელთა ოჯახებს, ისევე როგორც ძირითადი შემადგენლობის სამხედრო მოსამსახურეთ ეძლევათ შეღავათები სასოფლო მეურნეობის დარგში და დაზღვევის სავალდებულო გადასახდებში:

17

ა) ამ მეურნეობებს ეძლევა ყოველგვარი მიზნობრივი სესხი სასოფლო მეურნეობის საკრედიტო დაწესებულებიდან პირველ რიგში ყველა დანარჩენ ერთეულ მეურნეობებთან შედარებით, რომელსაც აქვს ასეთივე ქონებრივი მდგომარეობა;

ბ) ამ მეურნეობებს ეძლევა უპირატესობა ყველა სხვა მეურნეობებთან შედარებით და ჩაირიცხებიან გადასასახლებულ კონტინგენტში გეგმიურ გადასახლებასთან დაკავშირებით;

გ) ასეთ მეურნეობათა რიცხვიდან მიწის არ მქონე ან მცირე მიწის მქონე მეურნეობებს აქვს უფლება ყველა სხვა ერთსახიან მეურნეობებებთან შედარებით, უპირატესობით მიიღონ დასამუშავებლად მიწა სახელმწიფო ან თავისუფალ ძიწებიდან, რომელიც კი მოიპოვება საადგილ-მამულო საზოგადოებათა განკარგულებაში;

დ) ღარიბი მეურნეობები, რომელნიც საჭიროებენ სათესლე ფონდს აქვთ უფლება მიიღონ იგი პირველ რიგში ყველა სხვა ერთსახიან მეურნეობებზე ადრე და ამასთან უფრო მეტ შეღავათიან პირობებში;

ე) ღარიბი მეურნეობები ტყის და სატყეო მასალას ღებულობენ თავისი მეურნეობის საჭიროებისათვის შეღავათიან პირობებში;

ვ) ღარიბი მეურნეობები ან განთავისუფლებული უნდა იქნენ დაზღვევის სავალდებულო გადასახადისაგან ან ღებულობენ შეღავათს გადასახადის არა ნაკლებ ერთი მესამედის რაოდენობისას.

18

6. ყოფილი წითელგვარდიელები და წითელ პარტიზანელები, რომელიც გატარებულნი არიან შრომის ბირჟის რეგისტრაციაში იგზავნებიან სამუშაოთ პროფესიონალურ კავშირის წევრებთან თანასწორად.

7. ყოფილ წითელგვარდიელებსა და წითელ პარტიზანელებს არა აქვთ უპირატესობა, ყველა დანარჩენ მოქალაქეებთან შედარებით, მიღებილ იქნენ კურსებზე და სამოსწავლო პუნქტებზე საწარმოო-ტექნიკურ გადასამზადებლად არა კვალიფიკაციურ მუშებისა და აგრეთვე მათ კვალიფიკაციის ასაწევად.

8. საერთო საკავშირო რესპუბლიკანურ ცენტრების სარეწაო კოოპერაციას წინადადება ეძლევა მიიღოს ზომები სარეწაო არტელების მოსაწყობათ უმუშევრად მყოფ ყოფილ წითელგვარდიელთა და წითელ პარტიზანელებისათვის.

9. მუდამ ქალაქებში მცხოვრები წითელგვარდიელები და წითელი პარტიზანელები, თუ ისინი ბინის საჭიროებას განიცდიან, აქვთ უფლება მიიღენ საბინაო ფართობი თავის მუდმივ საცხოვრებელ ადგილებზე ადგილობრივი საბჭოს საბინაო ფონდიდან მუშებთან გათანასწორებით.

10. ყოფილი წითელგვარდიალები და წითელი პარტიზანელები და აგრეთვე მათი შვილები მიიღებიან ყველა სასწავლო დაწესებულე-

19

ბაში მუშებთან და მუშათა შვილებთან გათანასწორებით ისინი თავისუფლდებიან სწავლის ფულის გადასახადისაგან და სარგებლობენ უპირატესობით სხვა მოწაფეებთან შედარებით, სახელმწიფო სტიპენდიების მიღებაში.

11. ყოფილი წითელგვარდიელებისა და წითელპარტიზანელების შვილები უფასოდ უნდა იყვნენ მოთავსებული საბავშვო სახლებში, კოლონიებში და ამგვარ დაწესებულებებში, იმავე საფუძველზე, როგორც მიიღებიან მუშის შვილები. გარდაცვლილ წითელგვარდიელების და წითელპარტიზანელების შვილები მით ვსებული უნდა იყვნენ აღნიშნულ დაწესებულებებში პირველ რიგში.

12. ყოფილი წითელგვარდიელები, წითელპარტიზანელები და მათი ოჯახები და აგრეთვე გარდაცვლილ წითელგვარდიელთა და წითელ პარტიზანელთა ოჯახები სარგებლობენ ყველა სახის მედიცინურ დახმარებით იმავე საფუძველზე, როგორც დაზღვეული მუშები და მათი ოჯახები. ყოფილ წითელგვარდიელები და წითელპარტიზანელები და მათი ოჯახის წევრები, რომლებიც მკურნალობენ თავის ხარჯზე სანატორიებსა და კურორტებზე, სარგებლობენ შეღავათიან პირობებში მკურნალობის საფასურის გადასახადში დაზღვეულ მუშებისა და მათი ოჯახის წევრებთან გადანასწორებით.

20

II

13. დაემატოს მუხ. 57 დებულებას ერთიან სასოფლო-სამეურნეო გადასახადის შესახებ 20/II—29 წ. (საკავშირო ს. ს. რ. კანონთა კრებული 1929 წ. № 67 გვ. 629 შემდეგი შენიშვნა:

შ ე ნ ი შ ვ ნ ა: ასეთივე შეღავათით, როგორც წითელარმიელთა კომუნები და არტელები, სარგებლობენ კომუნები და არტელები დაარსებული ყოფილ წითელგვარდიელთა და წითელპარტიზანელების მიერ, თუ ეს მოქალაქენი შეადგენენ შრომის უნარის მქონე—კომუნის ან არტელის წევრ მამაკაცთა საერთო რიცხვის არა ნაკლებ ნახევარი რაოდენობისას.

14. დაემატოს მუხ. 12 დებულებას წყალთა გადასახადის შესახებ 24 ივლისის 1929 წ. (საკ. ს. ს. რ. კანონთა კრებული 1939 წ. № 67 გვ. № 629) შემდეგი შენიშვნა:

შ ე ნ ი შ ვ ნ ა: ასეთივე შეღავათებით, როგორც წითელარმიელთა კომუნები და არტელები, სარგებლობენ კომუნები და არტელები დაარსებული ყოფილი წითელგვარდიელთა და წითელპარტიზანელების მიერ, თუ ეს მოქალალაქენი შეადგენენ შრომის უნარის მქონე—კომუნის ან არტელის

21

წევრ მამაკაცთა საერთო რიცხვის არა ნაკლები ნახევარი რაოდენობისას

საკავშირო სსრ ცენტრ. აღმასრულებელი კომიტეტის თავმჯდომარე მ. კ ა ლ ი ნ ი ნ ი.

საკავშირო სსრ სახალხო კომისართა საბჭოს თავმჯდომარის მოადგილე ვ. შ მ ი დ ტ ი.

საკავშირო სსრ ცენტრალური აღმასრულებელი კომიტეტების მდივანი ა. ე ნ უ ქ ი ძ ე.

მოსკოვი, კრემლი, 13 იანვარი 1930 წ. (ამონაწერი გაზეთ „იზვესტია"-დან 4 თებერვალი 1930 წ. № 34).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народн· Комиссаров Союза ССР

О льготах бывшим Красногвардейцам и Красным партизанам и их семьям.

Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляют:

I.

Право на льготы, предусмотреные настоящим постановлением, имеют граждане, состоявшие в отрядах и дружинах Красной гвардии и в красных партизанских отрядах, а также семьи умерших красногвардейцев и красных партизан.

Кулаки и все граждане, лишенные права выбирать в советы, не имеют права на эти льготы. Равным образом не имеют права на льготы граждане, которые подвергнуты лишению свободы, поражению политических прав, высылке

23

либо ссылке в судебном или административном порядке; они не пользуются льготами в течение срока, на который к ним применены эти меры.

2. Порядок выдачи удостоверений бывшим красногвардейцам и красным партизанам и их семьям о праве их на льготы согласно настоящему постановлению устанавливается законодательством Союзных Республик.

3. Колхозы, организованные бывшими красногвардейцами и красными партизанами, если эти граждане составляют не меньше половины общего числа трудоспособных мужчин—членов колхоза, пользуются следующими льготами:

а) эти колхозы имеют право, наравне с красноармейскими колхозами, преимущественно перед другими колхозами получить в трудовое пользование землю из состава государственного земельного запаса и свободных земель, состоящих в распоряжении земельных обществ

б) эти колхозы снабжаются сельско-хозяйственными машинами, тракторами, минеральными удобрениями, сред-

24

ствами и приборами по борьбе с вредителями наравне с красноармейскими колхозами;

в) такие коммуны и артели освобождаются полностью от единого сельско-хозяйственного налога в течение 2-х лет со времени их учреждения. В тех местностях, где введен водный сбор, они на тот же срок освобождаются от водного сбора.

4. Батракам и беднякам из бывших красногвардейцев и красных партизан ссуды для уплаты вступительных и паевых взносов в колхозы, а также в сельско-хозяйственные и промысловые кооперативы выдаются из фондов кооперирования и коллективизации бедноты в первую очередь и на наибольшие сроки наравне с военно-служащими.

5. Хозяйствам бывших красногвардейцев и красных партизан, а также семей умерших красногвардейцев и красных партизан предоставляются наравне с хозяйствами военно-служащих кадрового состава нижеследующие льготы в области сельского хозяйства и обязательного окладного страхования:

25

а) этим хозяйствам всякие целевые ссуды выдаются учреждениями сельско-хозяйственного кредита в первую очередь перед другими единоличными хозяйствами с таким же имущественным положением;

б) эти хозяйства включаются преимущественно перед всеми другими хозяйствами в переселенческие контингенты по плановому переселению;

в) безземельные и малоземельные из числа этих хозяйств имеют право преимущественно перед всеми другими единоличными хозяйствами получить в трудовое пользование землю из состава государственного земельного запаса и из свободных земель, состоящих в распоряжении земельных обществ;

г) бедняцкие хозяйства, нуждающиеся в семенной ссуде, имеют право получить ее в первую очередь перед другим единоличными хозяйствами и притом на более льготных условиях;

д) бедняцким хозяйствам лес и лесные материалы на удовлетворение нужд хозяйства отпускаются на льготных условиях;

26

е) бедняцкие хозяйства или освобождаются полностью от внесения платежей по обязательному окладному страхованию или получают скидку с оклада не менее, чем на одну треть.

6. Бывшие красногвардейцы и красные партизаны, зарегистрированные на Бирже Труда, посылаются на работу наравне с членами Проф. союзов.

7. Бывшие красногвардейцы и красные партизаны, имеют преимущество перед всеми другими гражданами при приеме на курсы и учебные пункты для производственно-технической подготовки неквалифицировнных рабочих и для повышения квалификции.

8. Всесоюзному Совету Республиканских Центров Промысловых Кооперацй предлегается принять меры к организации промысловых артелей из безработных бывших красногвардейцев и красных партизан.

9. Проживающие постоянно в городах бывшие красногвардейцы и красные партизаны, если они нуждаются в жилой площади, имеют право получить жилую площадь

27

по месту своего постоянного жительства из жилищного фонда местных советов наравне с рабочими.

10. Бывшие красногвардейцы и красные партизаны и их дети принимаются во все учебные заведения наравне с рабочими и детьми рабочих. Они освобождаются от платы за учение и пользуются преимущественно перед другими учащимися правом на государственную стипендию.

11. Дети бывших красногвардейцев и красных партизан помещаются на бесплатные места в детские дома, колонии и т. п. учреждения на одинаковых основаниях с детьми рабочих. Дети умерших красногвардейцев и красных партизан помещаются в перечисленные учреждения в первую очередь.

12. Бывшие красногвардейцы и красные партизаны и их семьи, а также семьи умерших красногвардецев и красных партизан пользуются всеми видами медицинской помощи на одинаковых основаниях с застрахованными рабочими и их семьями. Бывшие красногвардейцы и красные партизаны и члены их семьи, которые лечатся за свой счет

28

в санаториях и на курортах, пользуются льготными условиями платы за лечение наравне с застрахованными рабочими и членами их семьи.

13. Дополнить ст. 57 положения о едином сельскохозяйственном налоге от 20/II—1929 г. (сборн. зак. Союза ССР 1929 г. № 67, ст. 629) следующим примечанием:

Примечание: Такими же льготами, как красноармейские коммуны и артели, пользуются коммуны и артели, организованные бывшими красногвардейцами и красными партизанами, если эти граждане составляют не меньше половины общего числа трудоспособных мужчин-членов коммуны или артели.

Дополнить ст. 12 положения о водном сборе от 24 июля 1929 г. (сборн. зак. Союза ССР 1929 г. № 67 ст. 629) следующим примечанием:

Примечание: Такими же льготами, как красноармейские коммуны и артели, пользуются коммуны

29

и артели, организованные бывшими красногвардейцами и красными партизанами, если эти граждане составляют не меньше половины общего числа трудоспособных мужчин-членов коммуны или артели.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР **М. Калинин**

Зам. Пред. Совета Народных Комиссаров Союза ССР **В. Шмидт**

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР **А. Енукидзе**

Москва, Кремль, 13 января 1930 года.

(Выписка из газ. „Известия" от 4 февраля 1930 г. № 34)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 92

Центрального Исполнительного Комитета АССР Абхазии
17 октября 1931 года

О льготах бывшим красногвардейцам и красным партизанам.

В соответствии с постановлением Центр. Исполнит. Комитета и Совета Народных комиссаров ССР Грузии от 13-го июля 1931 г. „О льготах бывшим красногвардейцам и красным партизанам", Центральный исполнительный Комитет АССР Абхазии постановляет:

1. Предоставить бывшим красногвардейцам и красным партизанам и их семьям, постоянно проживающим на территорчи АССР Абхазии, помимо льгот, предусмотренных постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 13 января 1930 г. (С. З. СССР 1930 г. № 6 ст. 64), следующие дополнительные льготы:

31

1. Оплата занимаемой бывшими красногвардейцами и красными партизанами и их семьями жилой площади в национализированных, муниципализированных и частновладельческих домах, а также в домах закрепленных за ведомствами, учреждениями и предприятиями производится со скидкой от 10 до 15% с действующего в городах и городских поселениях квартирного тарифа. Размеры этой скидки устанавливаются городскими советами и районными исполнительными комитетами.

2. Оплата бывшими красногвардейцами и красными партизанами коммунальных услуг (водоснабжение, канализация, электроэнергия для осветительных и бытовых надобностей, пользование городскими прачечными, общественными банями и т. п.) производится по льготным тарифам, устанавливаемым местными советами.

Примечание: Местные советы могут вовсе освобождать бывших красногвардейцев и красных партизан от платы за пользование коммунальными услугами или некоторыми их видами.

32

3. Бывшим красногвардейцам и красным партизанам предоставляется право бесплатного входа во все государственные (центральные и местные) музеи, выставки, сады и иные культурно-просветительные учреждения. При посещении государственных театров и кинематографов, бывшие красногвардейцы и красные партизаны пользуются скидкой в размере—50% с цены билета.

II. В соответствии со ст.ст. 9—12 указанного выше постановления Центрального Исполнительного комитета и Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 13 января 1930 года:

1. Предложить местным советам при заселении жилой площади в муниципализированных строениях, как вновь возведенной, так и освобождающейся, предоставлять нуждающимся в жилище бывшим красногвардейцам и красным партизанам и их семьям необходимую жилую

площадь на равных основаниях с рабочими в соответствующем процентном отношении к общему числу нуждающихся в жилой площади рабочих.

2. Предложить Народному Комиссариату Здравоохранения — обеспечить бывших красногвардейцев и красных партизан и членов их семей лечебной, санитарной и курортной помощью на равных основаниях с застрахованными рабочими.

3. Предложить Отделу Социального обеспечения, районным Исполнительным Комитетам и городским советам принять меры к первоочередному зачислению на социальное обеспечение инвалидов красной гвардии и партизанских отрядов, а также нетрудоспособных членов семей красногвардейцев и красных партизан, погибших в гражданской войне.

III. Льготами, указанными в настоящем постановлении, могут пользоваться лишь лица, получившие соответ-

ствующие удостоверения в порядке, предусмотренном правилами, утвержденными Закавказским Центральным Исполнительным Комитетом 16 декабря 1930 года. (С. Уз. 1931 г. № 1 ст. № 3).

Председатель
Центрального Исполнительного
Комитета АССР Абхазии **Н. Лакоба**

Секретарь
Центрального Исполнительного
Комитета АССР Абхазии **Хабурзания**

(Опубликовано в газете „Советская Абхазия", № 236, от 27/X 1931 г.).

В.П. ВЕРХОВСКИЙ[1]

ВЕРХОВСКИЙ Владимир Петрович, родился в 1882 г. Получил военное образование, офицер русской императорской армии, с 1914 г. – на фронте, служил в инженерных войсках в чине полковника. С 1918 г., после демобилизации, проживал в Сухуме, был мобилизован большевиками, работал начальником административного отдела военкомата; через девять месяцев по сокращению штатов уволен; работал в других учреждениях; с 1935 – техником Горстроя в городе Микоян-Шахар Карачаевской автономной области[2]. 20 декабря 1937 г. арестован, в январе 1938 отправлен в Черкесск и заключен в местную тюрьму. О дальнейшей его судьбе ничего не известно.

В конце января 1938 года его жена, Софья Верховская, обратилась с заявлением к наркому Н.И. Ежову[3]. Ниже приводится текст этого письма.

<27 января 1938>

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР тов<арищу> ЕЖОВУ
от ВЕРХОВСКОЙ Софии Николаевны, жив<ущей> в гор<оде> Микоян-Шахар Карачаевской Автоном<ной> области

ЗАЯВЛЕНИЕ

20 декабря 1937 года арестован мой муж Владимир Петрович ВЕРХОВСКИЙ, работавший техником Горстроя г<орода> Микоян-Шахара Карачаевской Автономной Области в течение 2-х лет.

Причины ареста я не знаю, по наведенным справкам, не из-за служебных дел. По службе у него за время его работы при Советской Власти не было ни одного выговора, взыскания или судимости.

Думаю, что причина заключается в том, что он бывший офицер старой армии, служил в инженерных войсках. Во время германской войны он получил чин полковника. После демобилизации с 1918 г<ода> мы безвыездно жили в Сухуме вплоть до 1935 г<ода>.

В Сухуме гражданской войны не было, и в белых войсках муж не служил. После водворения Советской Власти в Сухуме, он был мобилизован и назначен

[1] Материал взят с сайта: pkk.memo.ru.

[2] Ныне г. Карачаевск (Карачаево-Черкесская республика).

[3] Николай Иванович Ежов (1895–1940) – советский партийный и государственный деятель. В 1936–1938 гг. был народным комиссаром внутренних дел СССР.

нач<альни>ком административного отдела военкомата, где проработал 9 месяцев.

Сам этот факт показывает, что на ответственную должность начальника отдела не могли назначить непроверенного человека. Затем по сокращению штатов он ушел из военкомата.

Работал затем по строительству в других учреждениях и работал честно. Своего прошлого он НЕ СКРЫВАЛ, оно значится в его трудовом списке и во всех анкетах.

Добиться причины ареста не могла, если не прошлое, то возможно ложный донос. Не знаю, что думать.

Ему 56 лет, мне 54 года, мы совершенно одинокие старики, ни родных, ни близких нет. Вместе мы прожили 33 года.

Вот из-за этого, из-за старости нашей, обращаюсь к Вам с большой горячей мольбой: ускорьте разбор дела моего старика (сейчас он находится при НКВД г<орода> Ежово Черкесска[1]), разберите со всех сторон его дело, спросите о нем его начальство, сотрудников, в корне разберите его дело: твердо говорю, что он не виноват.

Но, если все же найдете, что по каким-либо причинам нам здесь жить нельзя, то сжальтесь, не разлучайте стариков, дайте вместе дожить нам последние годы, разрешите и мне следовать за мужем и жить и работать вместе с ним.

Я машинистка и буду работать также, где и он. Кроме того, учтите нашу старость, не ссылайте на Крайний Север.

Молю Вас, не откажите. Своей работой докажем Вам свою горячую благодарность.

27/1-38 г<ода>

<подпись> (С. Верховская)[2]

Подготовка текста и примечания – А. Дбар

1 В 1937–1939 гг. город Черкесск носил название Ежово-Черкесск.

2 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1662. С. 42. Машинопись, подпись – автограф.

ГАЛИНА СЕРЕБРЯКОВА

О ДРУГИХ И О СЕБЕ

Фрагменты

Галина Иосифовна Серебрякова (1905–1980) – советская писательница и журналистка. В 1936 г. она была арестована вместе с мужем, Г.Я. Сокольниковым[1], в 1937 г. сослана в Казахстан, где вскоре ее приговорили к восьми годам заключения как «жену врага народа». В 1945 г. она была освобождена, но в 1949 г. повторно арестована и приговорена к 10 годам лишения свободы по обвинению «в контрреволюционной агитации и участии в контрреволюционной организации». В 1955 году она была снова освобождена, а через год полностью реабилитирована и восстановлена в партии, что позволило ей возобновить писательскую деятельность.

Книга воспоминаний Г. Серебряковой «О других и о себе» впервые увидела свет в 1968 г. в Москве; в 1971 г. она была переиздана с дополнениями. В ней автор вспоминает о людях прошедшей эпохи, в т.ч. и о тех, кто стал жертвой сталинских «чисток» 1930-х годов. Мы публикуем небольшие фрагменты из этой книги, в которых Г. Серебрякова рассказывает о своих поездках в Абхазию в 1930-е годы, о впечатлениях от встреч с тогдашним лидером Абхазии Нестором Лакоба.

Фрагменты печатаются по изданию: Серебрякова Г. О других и о себе: новеллы. – М.: «Советский писатель», 1971. – С. 64, 176–179.

Из главы «Г.К. Орджоникидзе[2]»

<…> Серго познакомил меня с несколькими близкими ему людьми, удивительными, как и он, по внутренней безупречности и ясной идейной цели. Один из них был абхазец Нестор Лакоба, человек больших знаний, отличной партийной биографии, огромной воли и принципиальности. Он сразу же очень понравился мне проявленными в беседе чувством юмора, находчивостью, простотой обращения. Впоследствии я видела его много раз, жила в его

[1] Григорий Яковлевич Сокольников (1888–1939) – советский государственный деятель.

[2] Григорий Константинович Орджоникидзе (1886–1937) – советский государственный и партийный деятель, революционер; партийное прозвище Серго́.

семье в Сухуми и проникалась все большей симпатией и уважением к этому талантливейшему, строгому партийному руководителю, знавшему так много, что после каждой встречи я должна была учиться, читать, расспрашивать близких, чтобы разобраться в богатстве новых мыслей и сведений. <…>

Из главы «Полководцы»

<…> Традиция участия военачальников в каждой области социалистической ежедневности и строительства создавалась Фрунзе[1], который был столько же виднейшим партийным работником, сколько и военным. Ее продолжила плеяда его соратников. Многие были коммунистами задолго до Октябрьской революции, профессиональными революционерами, образованнейшими марксистами, готовыми к любому делу. По воле партии они стали первыми полководцами Великой Революции пролетариата. Они уподобились тем стратегам, появление которых предвидели Энгельс и Маркс. Своим становлением они обязаны были Ленину.

Одним из самых талантливых самородков той же рати остается Василий Константинович Блюхер[2]. Его я узнала близко в условиях, когда могла видеть иногда весь день.

В самом конце двадцатых годов в одной из дач сочинского санатория поселились интересные люди: С. И. Гопнер[3], А. В. Галкин[4] и В. К. Блюхер. Мы с мужем также занимали там одну из комнат. Все отдыхавшие издавна знали друг друга и рады были провести около месяца в близком соседстве. Но Серафима Ильинична расхворалась и слегла в постель, Галкин после мацестинских ванн, как сам говорил, «скорбел ножками», и на дальние прогулки отправлялись только Блюхер и мы. Василий Константинович оказался рекордсменом в ходьбе и лазанье по горам. В пути разговоры велись обычно непринужденно и не всегда значительные.

В то время комдив, позже маршал, Блюхер чем-то напоминал мне Фрунзе. На отдыхе носил он штатское платье, белые рубашки, соломенную шляпу. Предрасположенный к полноте, пухлолицый, с добродушным выражением темно-серых глаз, он походил на ученого агронома или земского врача. Его все интересовало, и он мог подолгу слушать санаторского садовника, знавшего особенности цветов и растений в субтропиках, бывшего монаха, водившего нас по часовням, ризнице и кельям Нового Афона, дегустатора вин и речистого абхазца, повествующего о прошлом Сухуми. То было не просто любопытство, а стремление собрать побольше сведений. Мозг Блюхера остался молод и ненасытим. От людей он шел к книгам, которых привез с собой большой чемодан,

---

[1] Михаил Васильевич Фрунзе (1885–1925) – революционер, советский государственный и военный деятель, военный теоретик.

[2] Василий Константинович Блюхер (1890–1938) – советский военный, государственный и партийный деятель. Маршал Советского Союза. В 1938 г. был арестован и вскоре умер в тюрьме; посмертно реабилитирован в 1956 г.

[3] Серафима Ильинична Гопнер (1880–1966) – советский политический деятель, Герой Социалистического Труда, доктор исторических наук.

[4] Александр Владимирович Галкин (1877–1936) – революционер, юрист, писатель. Репрессирован в 1936 г. Расстрелян. Реабилитирован в 1959 г.

и перебрал все, что нашел в библиотеке. Вставал он на рассвете и после морского купания и долгой зарядки появлялся розовощекий, яркоглазый, спокойный до такой степени, что хотелось взять у него часть этой нервной отрегулированности. Всегда был он готов к дальним походам и беседам. О себе говорил скупо, о местах, где бывал, – с явным удовольствием. Особенно полюбился ему Дальний Восток. Не юг с его утомительной пестротой и обнаженностью богатства, а сумрачный, скрытый север привлекал его все сильнее. О тайге, Байкале, Амуре мог говорить часами.

– В Сибири люди вынуждены бороться с природой ежеминутно, а это хорошо, очень хорошо. Где труднее, там и лучше. – Таков был смысл его выводов.

Уже через несколько дней праздность курортного существования начала угнетать Блюхера, и сколько ни спорили с ним врачи, он начал собираться в обратный путь. Тогда-то, чтобы продлить его отдых, мы собрались путешествовать по Абхазии и направились в Новый Афон. Необычность бывшего монастыря увлекла всех нас. Мы поселились в пустом патриаршем домике, где все напоминало прошлое, и занялись богословскими книгами, которые там отыскали. Блюхер оказался превосходным чтецом. Он прочитал нам Экклезиаст[1].

– Да ведь Соломон-то настоящий материалист! – восклицал он неоднократно.

«Песнь песней» – чувственное, эпическое произведение – заставили читать меня.

В эти странные вечера мы много спорили о теологии, и Блюхер с моим мужем, знавшие работы Ленина против богоискательства, обрушивались на меня, вышучивая и обвиняя чуть ли не в мистицизме. Я отбивалась с кошачьей яростью.

– Чего ждать от писателей, – смеясь, вступался Блюхер, – они ведь выдумщики, фантазеры. Без волшебства, видно, и не напишешь романа.

Напыщенные и большей частью по сути незначительные люди умеют постоянно «подавать» себя окружающим и долго могут оставаться неразгаданными.

Все значительное – просто в поведении. Столь искренней была скромность Блюхера в повседневности, что казалось, его тяготило чрезмерное внимание окружающих. Его знали как выдающегося стратега, отважного революционера, талантливейшего организатора и знатока людей, – без этих качеств немыслим великий военачальник.

Все мы помнили его бесчисленные подвиги в гражданскую войну, то, что орден боевого Красного Знамени № 1 был вручен именно Блюхеру, восхищались генералом Галиным, как назывался Василий Константинович в Китае[2], где создал первые воинские части по образцу Красной Армии. Блюхера чтили и преданно любили единомышленники и однополчане. Любили его и абхазские наши товарищи.

Не раз виделись мы с Нестором Лакоба, партийным руководителем Абхазии. Небольшого роста, глуховатый, с волосами серебристо-золотыми и все замечающими быстрыми глазами, он был интереснейшим собеседником и

---

[1] Экклезиаст – название книги Ветхого Завета; в христианской Библии помещается среди Соломоновых книг.

[2] В 1926–1927 гг. Блюхер, под псевдонимом Галин З.В., исполнял обязанности главного военного советника в Китае.

гостеприимнейшим хозяином. Я редко участвовала в беседах его и Блюхера, касавшихся значительнейших событий. Днем было тягостно жарко даже в тени могучих дубрав Нового Афона. Вечером мы купались в море, варили уху, катались на лодках, пели песни и читали вслух книги.

Часто вечерами ездили в горы. Лакоба знал легенды и поверья своего края. Сидя у костра в вековом лесу на Военно-Сухумской дороге, мы часами слушали его размеренные рассказы, затем, укрывшись бурками, укладывались спать, чтобы встать перед рассветом и увидеть первые сигнальные огни восходящего солнца.

Сейчас, когда прошло более сорока лет, я вздрагиваю, вспоминая эти сновидения наяву. Природа была так прекрасна, как люди, и люди были достойны ее. То была гармония, о существовании которой на земле возглашают музыка, море, небо.

Последний раз я видела Блюхера, приехавшего поздней осенью с юной, тоненькой, похожей в строгом синем костюме на робкого отрока, женой Глафирой[1] в «Барвиху». Был 1935 год. Маршал носил форму. Таким я его видела только на портретах. Но лицо с веселым, широким «русским» носом, глаза, большой, ораторский рот, свежесть кожи были те же, знакомые и приятные. Мы припомнили с ним Абхазию, наши чтения, походы в горы и пожалели, что, как писалось в Экклезиасте, «все проходит». Блюхер шутил:

– Но что было – будет.

Он, однако, ошибся. С ним мы больше не встречались. <…>

Подготовка текста, вступление, примечания – А. Дбар

[1] Глафира Лукинична Безверхова-Блюхер (1916–?) – третья жена В. Блюхера; поженились они в 1932 г. Она была осуждена, вскоре после ареста мужа, на восемь лет за «недоносительство о преступной деятельности мужа».

ГЕОРГИЙ ОСИПОВ

ОЧЕРКИ

Георгий Осипович Осипов (Айзенштоκ) (1915–1993) – русский советский писатель, журналист.

Четыре небольших очерка Г. Осипова на абхазскую тему – «В старой усадьбе»; «Именем республики...»; «Пять секунд на размышление...»; «Мария из Гвады»; «Сыновья идут дальше», – публикуемые здесь, взяты нами из его сборника «Товарищ Т.». – Москва: «Известия», 1976. – С. 144–150, 166–171, 181–197.

В СТАРОЙ УСАДЬБЕ

...Темное южное небо, синие горы, рокот морского прибоя. Живописно спускающиеся террасами к морю улицы, где круглый год в пышной зелени садов и парков утопают дворцы прославленного курорта. Это – Гагра.

На невысокой горе, под сенью пальм, магнолий и цитрусовой рощи, едва приметны белые строения старой усадьбы. Над воротами надпись «Картинная галерея имени А.К. Симонова». Тишина и покой окутывают усадьбу в эти зимние дни. Тяжелые дождевые капли причудливо повисают на гладких, словно отполированных листьях магнолий, снежинки-звездочки осторожно садятся на кусты благородного лавра, таинственно шелестят на ветру пальмовые кроны.

Всякий раз, приезжая сюда, я думаю о человеке, чьим именем назван белостенный особняк, из окон которого видны сейчас седые буруны, вздыбившиеся над штормовым морем.

Симонов А.К... Кто он?[1] Прославленный летчик или бесстрашный капитан, здешний знаменитый медик или полководец? Что сделал для людей этот человек, чем обессмертил доброе имя свое?

---

[1] Александр Корнильевич Симонов (28 октября 1875, с. Капустенец, ныне Полтавская обл. – 12 июля 1957, г. Гагра) – живописец. Окончил Московское училище живописи, скульптуры и архитектуры (1896–1901), Парижскую академию искусств (1907). Член Ассоциации революционного искусства Украины (с 1928), Ассоциации художников Красной Украины (с 1928), Общества им. И.Е. Репина (Москва), член Харьковской организации Союза художников Украины (с 1938). Участник республиканских и всесоюзных выставок (с 1927). Преподавал в Харьковском художественном институте (1922–1934; 1943–1944; профессор с 1922); Харьковском инженерно-строительном институте (1930–1941; 1944–1948). В последние годы жизни переехал на постоянное место жительства в г. Гагра, где на своей даче создал картинную галерею. Автор ряда полотен, посвященных Абхазии, – «Вечер в Гагре», «Жоэквара», «В парке», «Абхазский домик», «У озера Рица», «Берег моря», «Мыс Пицунда» и др.

«Если бы каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша!» – мечтал некогда Антон Павлович Чехов.

Вся жизнь Александра Корнильевича Симонова была посвящена тому, чтобы прекрасна была земля наша, чтобы счастливо жилось на ней людям.

Я надеюсь, что, прочтя эти строки, многие из его питомцев вспомнят высокого, чуть сгорбленного человека с пышной седоватой шевелюрой, с добрыми близорукими глазами, над прахом которого вырос недавно могильный холм у синего моря.

Но вряд ли кто знает, что, переезжая лет двадцать назад из родного Харькова в Закавказье, известный украинский живописец профессор Симонов оставил в дар Харьковской школе глухонемых детей все свое имущество, нажитое честнейшим трудом в течение полувека.

«Я не имею своих детей, – писал он в дарственном акте, – но я и моя покойная жена очень любили детей, и, если у нас не было своих, то мы воспитывали чужих детей, которые сейчас уже выросли и работают на благо Родины… Будучи преисполнен большого чувства к детям, а к глухонемым особенно, я решил сделать им подарок, которым они смогут пользоваться долгие годы: принадлежащий мне двухэтажный дом общей площадью 480 квадратных метров со всеми надворными постройками и большой фруктовый сад, собственноручно посаженный моей супругой, я дарю школе. В этом доме они смогут учиться, заниматься пионерской работой, в этом саду они смогут получить знания на основе мичуринской науки, пользоваться плодами и, ухаживая за ними, трудиться…»

Я роюсь в архиве художника Симонова в его гагрском доме и среди многих бумаг нахожу пачку писем великого русского художника Ильи Ефимовича Репина, адресованных из Куоккала в Чугуев[1] художнику Д.М. Левашову[2]. В них речь идет о создании на репинские средства так называемого «Делового двора» – художественно-ремесленной школы для детей – и сооружении в безводном Чугуеве артезианского колодца, идеи, которая всю жизнь не оставляла художника, но так и не была осуществлена в условиях царизма.

Эти письма, как указывает в своих заметках Симонов, были переданы ему вдовой Левашова, бывшего ученика и ближайшего доверенного И.Е. Репина, Ольгой Александровной Левашовой. И все они до единого аккуратно переписаны с оригиналов рукой профессора Александра Корнильевича Симонова и сопровождены его комментариями.

«Десятки раз, – пишет он, – я перечитывал эти послания великого художника и чем больше вдумывался в содержание этих писем, тем ближе и понятнее становился наш Илья Ефимович, художник и гражданин, художник – патриот своей Родины, своего города Чугуева».

С какой же целью Александр Корнильевич, уже старый и больной человек, переписывал, перечитывал и вдумывался в содержание широко известных писем Репина? Об этом я расскажу ниже.

---

[1] Куоккала (с 1948 года – Репино) – поселок, муниципальное образование в составе Курортного района города Санкт-Петербурга; Чугуев – город областного подчинения в Харьковской области, Украина.

[2] Дмитрий Митрофанович Левашов (1873–1936) – художник, земляк И. Репина; был его доверенным лицом.

Нелегко прошли детство и юность Симонова. Потеряв в раннем возрасте родителей, он воспитывался на средства тетки-швеи, проживавшей в Гадячском уезде на Полтавщине. Почувствовав призвание к живописи, юноша укатил на свой страх и риск в Москву, где ему посчастливилось поступить в художественное училище. Не имея ни родственников, ни знакомых в Москве, он ютился в нищих кварталах «Драчевки», в знаменитых ляпинских общежитиях для бедных студентов. Его учителями были Коровин, Врубель, Сергеев-Иванов, Жолтовский[1]. Закончив с отличием училище, Симонов стал учителем живописи в художественной школе, а затем на собственные сбережения отправился в Париж, в Академию художеств Франции. После Парижа – Москва, Петроград, Симбирск, Харьков. И всюду самоотверженная преподавательская работа, и всюду разделенный пополам со своими студентами кусок нелегко заработанного хлеба.

С первых же дней установления Советской власти на Украине Александр Корнильевич, забросив на время палитру, ездит по поручению украинского правительства из города в город, из поместья в поместье, настойчиво разыскивая и собирая бесценные сокровища культуры: картины, гравюры, скульптуры великих мастеров, становится государственным хранителем знаменитой Харьковской картинной галереи, переданной народу.

Страна строит Днепрогэс, и уже немолодой Александр Корнильевич Симонов отправляется туда, чтобы запечатлеть в портретах первых строителей, обуздавших днепровские пороги. На его полотнах возникают донецкие шахты, новостройки Харькова и Запорожья, он пишет панно и панорамы светлых городов будущего. Его жанр – пейзаж, но пейзаж тематический, с участием человека. «Всюду человек, – пишет он в одной из своих заметок, – человек хозяин природы».

Свыше пятидесяти лет родоначальник советского индустриального пейзажа профессор Симонов отдал воспитанию молодежи в художественных и архитектурных вузах страны. И всюду сеял доброе, вечное, мудрое…

Не успев эвакуироваться во время войны из Харькова, художник, оставаясь в оккупированном городе, становится незаметным, но грозным обвинителем и обличителем фашистского режима. И только самые близкие ему люди знали, что в дни гитлеровского разбоя на Украине, в тихом холодном особняке на окраине города, скрытно от врага, создаются полотна, одно название которых свидетельствует об отношении автора к войне и фашизму: «Воздушная тревога», «Старик в убежище», «Развалины», «После бомбежки», «Оккупанты», «Фашисты ушли», «Голова партизана»… Я смотрю сейчас на одну из картин Симонова из серии «То, что не должно повториться», и передо мной возникает опаленное войной небо Харькова, небо 1942 года. Обугленные руины, зияющие воронки, распростертые тела убитых. И на переднем плане, в отблесках пожарищ, одинокая фигура удивленного мальчика, чудом уцелевшего после варварской бомбардировки. Его полные немого укора глаза устремлены в небо. Прислушиваясь к нарастающему гулу вражеских самолетов, он судорожно прижимает к груди лохматого щенка, своего единственного, оставшегося в живых друга…

---

[1] Константин Алексеевич Коровин (1861–1939) – живописец, театральный художник, педагог и писатель; Михаил Александрович Врубель (1856–1910) – русский художник; Сергей Васильевич Иванов (1864–1910) – живописец; Иван Владиславович Жолтовский (1867–1959) – архитектор, художник, просветитель.

Сколько чувства и мысли, экспрессии и таланта, любви к человеку, ненависти к войне и фашизму вложено в этот небольшой холст!

Годы и тревоги, потеря любимого человека – жены, недуги заставили старого художника удалиться на покой, навсегда поселиться в тени кипарисов и магнолий, в благодатной Абхазии.

– Сидеть у моря, сложа руки, в ожидании погоды и… спокойной смерти. Нет, пока во мне теплится хоть немного жизни и глаза не потеряли ощущения мира, я хочу быть полезен людям, не томить их своей старостью, а доставлять радость, – говорил восьмидесятилетний Александр Корнильевич.

В одном из своих этюдных альбомов старый художник сделал следующую запись: «Я все так же, как в самой ранней юности, люблю свет, люблю истину, люблю добро и красоту, как самые лучшие дары нашей жизни. И особенно искусство…»

Чьи эти слова? Знаменитые репинские строки из его переписки со Стасовым[1]!

С появлением Симонова в Гагре его тихий особняк над морем превратился в шумный и оживленный художественный салон. Кто только не побывал здесь! Москвичи, ленинградцы, харьковчане, тбилисцы, сибиряки, одесситы. Его настежь раскрытые двери охотно принимали здешних учителей, врачей, рабочих, колхозников. Но чаще всего на даче престарелого профессора собирались начинающие художники. Безвозмездно и бескорыстно, вкладывая всю душу, Александр Корнильевич передавал свои знания и опыт молодежи. Спартанская жизнь, неимоверное трудолюбие, строжайшая экономия во всем, что касалось его лично, но необыкновенная щедрость и доброта к другим.

Сколько раз местные жители видели: едва забрезжит рассвет над морем, художник с неизменной палитрой появляется на берегу. Может быть, в эти тихие предутренние часы, наполненные прохладой гор и морской негой, и зародилась у него мысль основать в городе новый культурный очаг.

И вот в местной газете появляется следующее письмо Александра Корнильевича: «Я – старый художник, профессор, выйдя на пенсию, обосновался на постоянное жительство в Гагре. Руководимый искренним желанием быть общественно полезным, я, в порядке личной инициативы, задумал основать здесь уголок по изобразительному искусству. У меня создались условия и материальная возможность собственными силами, на базе моих работ, осуществить это начинание. Наряду с творческой стороной я подготовил для экспозиции помещение, сделав пристройку в моем доме. В настоящее время у меня имеется около ста моих работ по живописи, картины старых русских мастеров, уникальная библиотека по искусству и некоторое количество предметов индустриального искусства – фарфор, бронза, мебель. Я мыслю и верю, мое скромное начинание, мое творчество, став общественным достоянием, послужит зерном, из которого коллектив вырастит плодоносящее дерево культуры, имя которому будет картинная галерея в Гагре. Это – моя мечта».

Инициатива Симонова встретила самую горячую поддержку общественности. Абхазские художники предложили передать в дар вновь создаваемой галерее по одной своей работе. В редакцию посыпались письма с такого же рода предложениями из других городов страны. Ученики Симонова и мест-

[1] Владимир Васильевич Стасов (1824–1906) – музыкальный и художественный критик, историк искусств, архивист, общественный деятель.

ные жители взялись безвозмездно благоустроить территорию, подремонтировать усадьбу.

Нотариальным актом он немедленно передал в дар Союзу художников Грузии не только свои художественные работы, коллекцию ценных картин и старинных икон, но и дом с садом, уникальную библиотеку, редкие художественные костюмы, мебель, а также фамильное серебро и личные денежные сбережения.

– Пусть в этой усадьбе разместятся Дом творчества и картинная галерея. Пусть дар мой послужит упрочению традиционной дружбы между украинским, грузинским и абхазским народами, – сказал Александр Корнильевич, вручая свой дарственный акт.

Но как часто в жизни нам еще приходится встречаться с парадоксами, когда рядом с бескорыстием соседствует корысть, а порыв доброй души одних натыкается на душевную скаредность других. Так случилось и здесь. Некоторые местные владельцы безразмерных курортных особняков и садов восприняли благородный поступок Симонова как вызов, как опасный прецедент, покушение на их личное благополучие, мещанскую сытость от сдачи в наем хором и сараев, реализации даров мандариновых деревьев и виноградных лоз.

Особенно неистовствовал здешний крупный домовладелец Коробочкин. Его прямо-таки коробило от того, что «плодоносящим деревом культуры» Симонов считал не мандариновые и косточковые, имеющие цену на рынке, а картинную галерею безвозмездного посещения. Дело в том, что еще раньше он приобрел в аренду смежную с домом профессора мандариновую рощицу, которую предполагалось присоединить к усадьбе Симонова, передаваемой в дар городу.

И, разумеется, у дачника нашлись адвокаты, затеявшие постыдную судебную тяжбу. Их, чинуш и крючкотворов, поощряемых владельцами особняков, больше устраивала мандариновая безмятежность, чем новый многолюдный очаг культуры.

Так реализация идеи профессора Симонова стала натыкаться на препоны и баррикады, искусственно сооружаемые Коробочкиным и его местными покровителями.

Неожиданно о благородном поступке Симонова узнает Александр Фадеев[1]. Одно за другим приходят в старую усадьбу письма из Москвы.

«Дорогой Александр Корнильевич!

Пишет Вам писатель Фадеев, Александр Александрович, и вот по какому поводу.

Одна любительница живописи из Ростова-на-Дону, Евфросиния Николаевна Янчевская, прислала мне вырезки из газеты «Гамарджобис дроша», из которых я узнал о Вашем добром намерении передать весь Ваш фонд картин городу и создать на базе этого фонда картинную галерею.

По словам Янчевской, это Ваше предложение не реализуется, несмотря на поддержку общественности.

Мне кажется, дело могло бы сдвинуться с места, если бы органы Министерства культуры дали общественно-художественную оценку картинам и помогли бы осуществить Ваши намерения.

---

[1] Александр Александрович Фадеев (1901–1956) – русский советский писатель, общественный деятель.

С этой целью я направил весь материал, присланный мне Янчевской, Министру культуры СССР с просьбой, чтобы он поручил позаботиться в этом вопросе компетентным людям.

Желаю Вам доброго здоровья, успешной работы и крепко жму руку.

А. Фадеев.

25.IV.55 г.»

И второе письмо, датированное 27 июля 1955 года.

«Дорогой товарищ Симонов!

Простите, что я запамятовал Ваше имя и отчество и не мог восстановить их в памяти, так как письмо Евфросинии Николаевны, по которому я познакомился с Вами, было направлено мною вместе с другими материалами Министру культуры СССР.

Я чувствую себя виноватым в том, что не смог лично проследить, какие меры были приняты Министром культуры по поводу моего письма: в начале мая я заболел обострением полиневрита, пролежал в постели почти полтора месяца и, едва поправившись, уехал в Хельсинки на Всемирную ассамблею мира.

В настоящее время я проверяю, какие меры были приняты Министром культуры по моему письму, и надеюсь через некоторое время сообщить Вам о результатах.

С сердечным приветом А. Фадеев».

Трудно передать радость старого художника. Он пишет писателю ответное взволнованное письмо, указывая, что хлопоты любимого народом писателя, депутата и видного общественного деятеля, и поддержка общественности возымели действие.

В посланной затем телеграмме Александр Корнильевич пригласил Александра Фадеева присутствовать на открытии новой картинной галереи.

Такова история одной жизни. Так на воротах старой гагрской усадьбы появилась скромная вывеска «Картинная галерея имени А.К. Симонова».

* * *

Прошло несколько лет. Недавно мне довелось вновь быть в Гагре, и я побрел к старой усадьбе. Стояла глубокая осень. Ветер с моря гудел в листве сада, по крыше барабанили тяжелые дождевые капли. В середине сада на невысоком постаменте стоял бронзовый бюст человека с высоким лбом и откинутой назад шевелюрой. Этот памятник бессмертия поставлен профессору А.К. Симонову его благодарными учениками – скульпторами и художниками Грузии.

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ…

«Именем… Советской Социалистической Республики…» – с этой фразы оглашается приговор в народном суде… С председателем Гагрского народного суда Львом Дорофеевичем Черкезия[1] я впервые познакомился при весьма огорчительной для него ситуации. В процессе судебного разбирательства, на котором

[1] Лев Дорофеевич Черкезия – заслуженный юрист Абхазии, кандидат юридических наук. Автор книги «Война в Абхазии: [События в Абхазии в 90-е годы]». – М., 1995.

рассматривался иск двух работниц о незаконном увольнении, ответчик – руководитель учреждения выразил судье личное недоверие и заявил ему официальный отвод. Мотив: судья не беспристрастен, еще ранее он отказался привлечь этих работниц к судебной ответственности за совершенный ими служебный проступок. Ответчик не внял разъяснению о том, что ошибка этих работниц заслуживает лишь административного взыскания, и настоял на отводе.

Отвод есть отвод. Это право гарантировано процессуальными нормами. Народный суд в ином составе иск работниц удовлетворил. Его поддержали и последующие кассационные судебные инстанции. Однако ответчик не пожелал прислушаться к закону и вступил с ним в жесточайший конфликт. Он настолько дорого ценил свое самодурство, что не пожалел даже личных средств – нескольких сотен рублей, удержанных с него судебными исполнителями в пользу истиц за вынужденный прогул.

За годы следственной и судебной практики Лев Дорофеевич познал многих людей: честных и бесчестных, правых и неправых, виновных и невиновных, раскаявшихся в своих проступках и упорствующих в них. И все эти годы, перебирая собственные эмоции, симпатии и антипатии, он стремился к объективности, строжайшему исполнению закона. Нет, не уязвленное самолюбие судьи, пережившего громогласный публичный отвод, двигало его помыслами. Речь шла не о личном авторитете – об авторитете суда, закона, восстановлении истины и справедливости.

И вот в республиканской газете появилась статья «В обход закона». В ней судья и депутат городского Совета Л.Д. Черкезия, идя глубже конкретного конфликта, напомнил ленинский тезис о необходимости «абсолютно соблюдать» единые для всех законы, противостоять «местным влияниям, местному и всякому бюрократизму». Он едко высмеял тех, кто тешит себя иллюзиями о двух законах: одном – для себя, другом – для подчиненных, аргументированно положил на лопатки «оппонентов», игнорирующих положение о том, что все учреждения, должностные лица и граждане обязаны неуклонно исполнять законы, обеспеченные правовыми и политическими гарантиями нашего строя.

Статья вызвала большой общественный резонанс. Но она пришлась явно не по вкусу тем, кто пытался действовать в обход закона, контратаковать судью протестами и «опровержениями», тщетно пытаясь сохранить «честь мундира». Позицию Льва Дорофеевича поддержали партийные органы, республиканская прокуратура, газета «Известия». Нарушители закона были наказаны.

Эту историю я вспомнил много позже, встретив неожиданно Л.Д. Черкезия на новом посту – он был избран председателем исполкома городского Совета в Гагре, городе-курорте, известном далеко за пределами Советского Союза. Думая об этом несколько необычном у нас избрании юриста на такой пост и беседуя с людьми, хорошо знающими Льва Черкезия, я пришел к выводу, что утвердившаяся за ним репутация человека объективного, справедливого, принципиального, гуманного сыграла решающую роль при избрании нового мэра города. Разумеется, в условиях Кавказа, особенно абхазского быта, где живы многие хорошие традиции горцев, большое значение при избрании человека на общественный пост играют и такие факторы, как авторитет семьи, рода, личная храбрость, цена слова. Здесь выбор тоже оказался безошибочным. В Абхазии хорошо знают отца

Черкезия – Дорофея Константиновича[1]. В двадцатые годы он служил в отрядах ЧОН[2] и милиции, самоотверженно отстаивал законность и порядок в селениях и на кавказских перевалах. Позже был избран председателем Гудаутского райисполкома. На этом посту в послевоенные годы за успехи в сельском хозяйстве ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Супруга Льва Дорофеевича – Галина Кирилловна – известный в городе врач-педиатр, ее знают в каждой семье, где есть дети. У них самих трое детей. Семья дружная, гостеприимная, интернациональная, что очень ценится в Абхазии, где живут абхазцы и грузины, армяне и греки, русские и украинцы, осетины и эстонцы…

Уже будучи на посту председателя исполкома городского Совета, Л.Д. Черкезия, несмотря на огромную занятость, защитил в Москве кандидатскую диссертацию о воспитательном воздействии судебного разбирательства уголовных дел. Эта работа получила высокую оценку на заседании ученого совета Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Так на ответственном посту мэра одного из популярнейших городов-курортов впервые стал профессиональный юрист, тесно связанный многими узами со своими избирателями.

Для курортников и туристов Гагра – это солнце, море, горные тропы, увлекательные путешествия. Для местных работников – это город со всеми его заботами и треволнениями, десятками предприятий и служб быта, курортной, жилищной, торговой и транспортной проблемами, новым дорожным строительством и благоустройством.

Одно дело удовлетворить запросы отдыхающих в комфортабельных санаториях, пансионатах, домах отдыха, другое – «неорганизованных» отпускников, которых порой и сосчитать невозможно. Сто тысяч гостей за сезон без путевок и курсовок – это минимум, учтенный городским Советом. И всех нужно разместить, накормить, обеспечить транспортом, создать им элементарные условия для отдыха и досуга. Помимо них, город ежедневно посещают тысячи иностранных туристов и экскурсантов из Сочи и других соседних курортов, чтобы полюбоваться красотами Авадхары, Пицунды, высокогорного озера Рица.

Не секрет, что южные курорты привлекают и лиц, явно не желательных, так называемых «гастролеров», любителей легкой жизни, тунеядцев, «промышляющих» в атмосфере праздности и беззаботности. Еще в своей следственной и судейской практике Лев Дорофеевич сталкивался с подобными субъектами с темным уголовным прошлым. В иной сезон именно они чаще всего занимали места на скамьях подсудимых.

«Гагра должна стать городом образцового правопорядка» – такую задачу поставили перед собой депутаты горсовета и его новый председатель. Опытный юрист и криминалист, он лично возглавил эту работу. На борьбу с пьянством, хулиганством, тунеядством и другими антиобщественными проступками в помощь органам милиции был мобилизован городской актив – работники предприятий и здравниц, офицеры в отставке, комсомольцы. Широко развернулась профилактическая работа по предотвращению преступлений и пропаганда

[1] Дорофей Константинович Черкезия (1906–1976) – юрист, Герой Социалистического Труда.

[2] ЧОН – части особого назначения.

правовых знаний среди местного населения и гостей курорта, особенно на турбазах и в молодежных домах отдыха. Эту работу городской Совет поручил юристам – работникам прокуратуры, суда, райотдела внутренних дел, адвокатуры и нотариальной конторы. На курорте заметно снизились такие преступления, как хищения и воровство, злостное хулиганство, вымогательство, азартные игры, пьянство.

Опыт местных Советов, приобретенный в последние годы, показал, что их надежные помощники – постоянные депутатские комиссии и привлекаемый ими актив. Такой опорой в укреплении общественного правопорядка в Гагре служит Комиссия социалистической законности. Она ведет исследовательскую работу, анализирует преступления, подготавливает вопросы для обсуждения на очередных сессиях городского Совета, совместно с административными органами разрабатывает конкретные мероприятия по борьбе с преступностью.

– Еще работая в прокуратуре и нарсуде, – рассказывает Лев Дорофеевич, – я знал, что наиболее распространенные виды правонарушений в курортной зоне – это самовольное строительство частных домов, кража личного имущества, обсчеты в торговой сети, нарушения правил вождения машин. В городском Совете мы изучили и обобщили эти вопросы, сделали представления в различные инстанции и ведомства, стали строже контролировать ранее принятые решения. На наших сессиях постоянно рассматриваются вопросы о повышении роли городского Совета в борьбе с нарушителями законов о землепользовании, взяточничеством, хищением социалистической собственности. Мы навели порядки в общественных местах: парках, клубах, ресторанах, на пляжах. А проверка соблюдения законности на предприятиях, помощь уличным комитетам и товарищеским судам стали повседневным делом.

Автор этого очерка присутствовал при обсуждении в городском Совете вопроса о дорожных происшествиях. Небывалый приток советских и зарубежных автотуристов, теснота трасс, а главное – автолихачество, приводят нередко к человеческим жертвам. Говорили долго и горячо, называли имена конкретных виновников зла, приводили факты, вносили предложения. Подводя итог обсуждению, Лев Дорофеевич проявил глубокое знание вопроса и твердость: потребовал от автоинспекции лишить прав нерадивых водителей, наказать недобросовестных автоинспекторов, отремонтировать опасные участки автострады, улучшить их освещение. Депутаты проявили полное понимание того, что отдых на курорте не должен быть омрачен несчастными случаями.

Как-то я спросил Льва Дорофеевича, почему он выбрал профессию юриста, чем она привлекла его?

– С юношеских лет, – ответил он, – я увлекся юриспруденцией, с интересом читал произведения и речи прославленных юристов Кони, Плевако, Карабчевского[1], выдающихся советских адвокатов. Но решающим, вероятно, было влияние моего родного дяди – одного из первых советских юристов в Абхазии, бывшего прокурора республики Григория Алшунба[2]. По его совету поступил на

---

[1] Анатолий Федорович Кони (1844–1927) – юрист, судья, государственный и общественный деятель, литератор, судебный оратор; Федор Никифорович Плевако (1842–1908) – адвокат, юрист, судебный оратор; Николай Платонович Карабчевский (1851–1925) – адвокат, судебный оратор.

[2] Правильно: Алшундба.

юридический факультет Ростовского-на-Дону государственного университета и закончил его в 1958 году.

Начинал со следователя прокуратуры в районе, потом – в городе. Приходилось вникать в экономику, изучать производство, финансовый учет, торговые операции. Часто сталкивался с нарушением законов, вызванных их незнанием не только отдельными гражданами, но и руководителями колхозов, совхозов, промышленных предприятий, строек. Я все более убеждался на практике, что юрист нужен обществу не менее, чем агроном, инженер, учитель, врач. Значительную часть времени я посвятил ознакомлению населения с элементарными юридическими нормами, пропаганде правовых знаний.

Сейчас я часто вспоминаю о своей работе в народном суде. Там я познал многие стороны жизни, огромную ответственность за судьбы людей. Этот юридический и житейский опыт помогает мне в решении многих проблем жизни города.

Городской Совет в Гагре – своеобразный штаб. Сюда приезжают по делам курортного строительства представители профсоюзов и ведомств из разных городов и республик СССР. Здесь же приходится решать уйму вопросов, связанных с проблемами курорта в целом и нуждами города. Всех надо выслушать, кому-то помочь, кому-то отказать… Одним словом, хлопот у городских властей всегда по горло.

Я приехал в Гагру в разгар подготовки курорта к новому сезону. Уже были закончены ремонт здравниц, благоустройство парков и пляжей. Председатель исполкома городского Совета, члены постоянных депутатских комиссий по здравоохранению и благоустройству придирчиво проверяли санитарное состояние города, предприятий торговли и общественного питания.

И лишь в воскресный день мне удалось отвлечь председателя от текущих хлопот и походить с ним по городу. Он с гордостью показал мне дворцы-санатории «Колхида», «Кавкасиони», «Гагра», вступившие недавно в строй, новые молокозавод и завод фруктовых вод, серию ажурных кафе-павильонов. Мы побывали на строительных площадках, где будут воздвигнуты двенадцатиэтажная гостиница, современный торговый центр, крытый рынок, новый широкоформатный кинотеатр.

Кругом белым и розовым цветом оделись сады. Город благоухал свежестью и чистотой, был готов к приему тех, кто, заслужив отдых повседневным трудом, устремился к синим горам, золотым пляжам, ласковому морю…

– За годы Советской власти, – сказал Лев Дорофеевич, – Гагра из небольшого села и летней резиденции царских родственников и фаворитов превратилась в цветущий курорт международного значения, где лечатся и отдыхают сотни тысяч людей. Мы видим свою главную миссию в том, чтобы им было радостно и уютно в этом райском уголке у Черного моря…

И вот совсем недавно, когда эта книжка сдавалась в набор, я вновь, в третий раз, встретился с Львом Черкезия. Не в Гагре – в Сухуми. На очередной сессии Верховного Совета Абхазской АССР его, опытного юриста и уважаемого в Абхазии человека, избрали членом Верховного суда. «Именем… республики…» – с этой фразы вновь оглашает приговор суда Лев Дорофеевич, вернувшийся к любимой профессии…

Гагра – Сухуми.

Исполнялся обычный рядовой рейс по маршруту Батуми – Сухуми – Симферополь – Одесса. Самолет АН 24 № 46586 имел на борту 45 пассажиров, пять членов экипажа и двух стажеров. Легко пробив нижнюю кромку облачности, машина вышла на курс, уверенно набирая высоту.

Внизу промелькнул Сочинский морской порт с пассажирскими лайнерами у причалов, рыбачьими сейнерами и парусами яхт. Тысячи часов налетал по этой трассе командир корабля Харитон Гвинджия, но ни разу не пришлось ему путешествовать морем. Неоднократно он давал себе слово провести отпуск в Ялте или Одессе, но всегда эти планы неожиданно рушились. Нелегко пилотам наших воздушных трасс в разгар летнего сезона. Плановые и внеплановые рейсы, командировки, спецзадания…

Вот и сейчас, пролетая над морем, он вспомнил, что несколько лет назад, когда он собрался наконец с семьей в Одессу, неожиданно был получен приказ слетать в турецкий город Трабзон. Ему, тогда второму пилоту, поручили совместно с командиром экипажа Владимиром Ельсуковым принять и доставить в Советский Союз угнанный бандитами в Турцию самолет АН-24, на борту которого была убита бортпроводница Надя Курченко[1] и ранен в схватке командир корабля.

Это спецзадание, как и многие другие, Харитон Гвинджия выполнил образцово. Летая в гражданской авиации более десяти лет и придя сюда после шести лет службы в ВВС, он привык к дисциплине, беспрекословному выполнению приказов. После демобилизации из армии Гвинджия пилотировал юркие самолеты АН-2, прокладывал трассы в высокогорные селения, ходил сквозь туманы Сванетии и снежные бураны Клухора, нередко с риском для жизни перевозил тяжело заболевших жителей гор, доставлял продовольствие и грузы в самые отдаленные районы.

Сын абхазских колхозников-чаеводов из селения Старые Киндги, он со школьной скамьи увлекся авиацией, закончил военно-авиационное училище и в двадцать лет был допущен к самостоятельным полетам. В гражданской авиации прошел переподготовку, после АН-2 летал вторым пилотом на АН-24, потом стал командиром корабля, сколотил дружный, крепко спаянный интернациональный экипаж.

В его составе старшими по возрасту и опыту были бортмеханик Григорий Левтеров, в прошлом солдат противотанковой роты, а в конце войны бесстрашный летчик, прошедший путь от Дона до Берлина, увенчанный многими боевыми наградами, и штурман Василий Бушумов, высокообразованный специалист, выпускник Ленинградской воздушной академии. На борту находились и молодые члены экипажа, но о них я скажу ниже.

И кто мог предвидеть, что через несколько минут все эти люди, объединенные железной волей командира, собрав воедино весь запас нравственных и фи-

[1] Надежда Владимировна Курченко (1950–1970) – бортпроводница самолета Ан-24. 15 октября 1970 г. самолет, на котором она работала, захватили террористы, угнавшие его за границу. Курченко попыталась преградить им путь к кабине пилотов и погибла в борьбе с вооруженными бандитами.

зических сил, отстоят в чрезвычайных условиях жизнь полсотни пассажиров, уберегут от катастрофы многотонную машину с неработающими двигателями.

Где-то на траверзе Сочи, в удалении примерно сорока километров от аэропорта, на высоте шести тысяч метров в пилотской кабине тревожно завыла пожарная сирена и налились светом все четыре сигнальные лампочки-кнопки, предупреждающие о загорании. И сразу же автоматически стали разряжаться баллоны с огнегасящей жидкостью.

Пожар! Пожар в обоих полукрыльях, где расположены топливные баки, и в двух мотогондолах, в которых находятся двигатели! Если бы на воздушный корабль обрушился удар молнии или произошло столкновение с другим кораблем в небе, это поразило бы командира меньше, чем внезапно загудевшая сирена и световой сигнал лампочек. Пожар сразу в обоих двигателях и мотогондолах?! Такого никогда не было. Пилот знал, что в случае пожара флюгируются (выключаются) винты одного из двигателей. А что делать, если загорелись оба двигателя? На этот вопрос должен ответить командир корабля. Только он. И никто другой. Только ему по инструкции предоставлено право «принимать решение и действовать в соответствии со сложившейся обстановкой»…

На какой-то миг в голове Харитона Гвинджия мелькнула мысль – нет ли ложной сигнализации о пожаре? Но густой дым, проникший в кабину, рассеял сомнения. Командир попытался обнаружить огонь визуально, но это ему не удалось. Самолет окутала густая облачность. Он знал также, что, если экипаж допустит распространение огня до открыто полыхавшего пламени, погасить его будет трудно даже на земле. Пожар в полете надо локализовать немедленно.

Что же делать? Баллоны с огнегасящей жидкостью на исходе. Если не принять решение тотчас же, они разрядятся преждевременно. В этой трагической ситуации пилот имел три выбора. И пять секунд на размышление. Он мог отдать приказ бортмеханику зафлюгировать винты обоих двигателей и попытаться заставить машину спланировать и приводниться на акватории моря рядом с рыбачьим сейнером, который виден был на локаторе. Можно было попытаться дотянуть до аэропорта в Адлере с выключенными двигателями. Он мог идти на вынужденную посадку, не выключая двигатели, и продолжать борьбу с огнем в полете. Но в этом, последнем случае не исключена выброска масла в атмосферу и заклинение моторов, что сделает машину неуправляемой.

Пилот сознательно пошел на меньший риск – на борту люди, пятьдесят два человека, женщины, дети… Гася на большой высоте скорость, он приказал бортмеханику зафлюгировать оба двигателя, надеясь все же сесть на суше. Принимая это трудное решение, командир был уверен в летном мастерстве экипажа, уверен в конструкции корабля, который, несмотря на огромный вес, заставит спланировать, словно безмоторный летательный аппарат. Команда отдавалась четко, спокойно, безоговорочно. Это подтвердит потом магнитофонная запись.

Вираж за виражом, и машина, распластав могучие крылья, устремилась вниз. Пилот рассчитал, что с высоты шести тысяч метров планирование займет не менее 12–15 минут. Об этом он и доложил диспетчерам Сочинского аэропорта в Адлере. «Земля» не подвела отважного летчика. За несколько минут была подготовлена запасная грунтовая полоса, поднята в воздух спасательная вертолетная авиация. К месту посадки устремились пожарные и санитарные автомобили.

Аэропорт затаил дыхание…

После флюгирования винтов двигателей в салоне и кабине наступила леденящая тишина. И в этот момент перед пассажирами появились штурман-стажер Федор Хомутов, сотрудник авиаотряда Юрий Твилдиани, стюардесса Белла Благидзе. Молодые улыбающиеся лица, спокойный непринужденный разговор. Да, по техническим причинам самолет садится в Сочи, но впереди весь день, поэтому пассажиры еще сегодня будут отправлены в Симферополь и Одессу. Командир экипажа просит всех оставаться на своих местах, не суетиться и не нарушать центровки.

При снижении корабля отказали электроприборы, прекратилась радиосвязь, работал лишь авиагоризонт. На высоте 1200 метров АН-24 вышел из облачности в район четвертого разворота и пошел на посадочный курс. Пилот вздохнул.

Начали выпуск шасси, но автоматический выпуск отказал, – самолет был обесточен. Это предвидел бортмеханик Григорий Левгеров. Он открыл люк в пассажирском салоне и за считанные секунды до посадки выпустил шасси аварийным способом.

Еще несколько напряженных мгновений – и машина коснулась земли. Гвинджия вдруг почувствовал страшную физическую слабость. Сели плавно, легко, словно на воду. Едва закончилась эвакуация пассажиров с аварийного самолета, как десятки рук подхватили командира корабля и стали подбрасывать в воздух. Возгласы «ура» потрясли летное поле. Членов экипажа обнимали, целовали, засыпали цветами. Тут же в аэропорту кто-то принес сувенирную пластинку с выгравированными золотом словами: «От благодарных пассажиров командиру корабля АН-24 Гвинджия Харитону Чхутовичу и всему экипажу за благополучную посадку в аэропорту Сочи». А через несколько дней нарочный доставил Харитону в Сухуми макет его самолета с надписью: «Командиру корабля Харитону Гвинджия за проявленные мужество и находчивость от Генерального конструктора О.К. Антонова[1]».

Мужественный поступок Харитона Гвинджия воодушевил весь летный состав Сухумского объединенного авиаотряда Грузинского управления гражданской авиации. В адрес экипажа беспрерывно шли поздравительные письма и телеграммы пассажиров, авиаторов.

Но, как бывает в таких случаях, чрезвычайное происшествие в воздухе вызвало и различное толкование. Некоторые считали, что Харитон Гвинджия должен был избрать третий вариант, то есть посадить машину, не выключая двигателя. Высказывались и другие соображения. После благополучной посадки самолета провидцем мог стать каждый.

Конечно, легко рассуждать и примерять на земле разные варианты спасения аварийного самолета в воздухе. Но попробуй теоретизировать на высоте шести тысяч метров за штурвалом в окутанной едким дымом кабине, когда на твоей ответственности пятьдесят с лишним жизней, когда световая и звуковая сигнализация властно зовут тебя действовать немедленно и решительно, а на размышление отведены секунды?!

Автор этих строк решил обратиться к Генеральному конструктору и к опытным пилотам с просьбой прокомментировать этот удивительный случай в небе над Черным морем.

[1] Олег Константинович Антонов (1906–1984) – авиаконструктор, академик АН СССР.

Родион Таркил, летчик, командир Сухумского объединенного авиаотряда[1]:

– Эпизод, о котором идет речь, уникальный, беспрецедентный в нашей практике. Срабатывания пожарной сигнализации сразу на две мотогондолы и обе плоскости никогда не было. Здесь все зависело от находчивости и мастерства командира. Менее опытный пилот упал бы в море.

Виктор Грошев, командир корабля АН-24:

– В подобной обстановке я поступил бы точно так, как Харитон Гвинджия. На высоте шести тысяч метров ждать появления открытого огня равносильно катастрофе. В сложных для данной ситуации метеорологических условиях при обесточенном самолете командир повел тяжелую машину, словно это был легкокрылый планер.

Владимир Ельсуков, пилот, заместитель командира эскадрильи:

– Я участвовал в работе комиссии по расследованию этого летного происшествия. Весь полет от старта до вынужденной посадки отличался поразительной четкостью. В аварийной обстановке Харитон Гвинджия проявил хладнокровие и мужество. В его приказаниях, записанных на пленку, нет и тени растерянности, паники. Он предусмотрел все – от проникновенных слов, обращенных экипажем к пассажирам салона и успокоивших их, до вызова аварийных служб к посадочной полосе. Сказалась военная выучка, он действовал, как в бою.

Дмитрий Осия, бывший заместитель командира объединенного авиаотряда по движению[2]:

– Я старый военный летчик, летал и дрался с врагом на многих типах самолетов, бывал в разных ситуациях. Но одно дело рисковать своей жизнью, другое – жизнью пассажиров и экипажа. Независимо от причин, из-за которых в пилотской кабине появился густой дым, командир принял верное решение, взял на себя всю полноту ответственности. Его подвиг видели сотни людей: работники служб аэропорта в Адлере, вертолетчики, пассажиры, находившиеся на летном поле в момент посадки. Он проявил твердость характера, летное мастерство, поднял репутацию самолета АН-24, еще раз доказал его замечательные планерные качества.

Резо Коява, пилот, командир летного отряда:

– Командир корабля действовал на свой страх и риск, но пошел на риск сознательно, со знанием дела, выбрав наиболее безопасный для пассажиров вариант. Не каждый из нас, опытных пилотов, смог бы так виртуозно спланировать, сохранить машину без единой царапины. Мягкая посадка и выпуск шасси в аварийной обстановке стоили экипажу огромного напряжения сил и воли.

Николай Антоников, пилот, командир корабля АН-24:

– Свыше десяти лет я знаю Харитона Гвинджия, учился с ним в летном военном училище. Скромный, принципиальный товарищ, надежный и добрый друг. Его отличают точность, обязательность, знание техники и умение работать с людьми. Он с честью вышел из сурового испытания.

И, наконец, ответ на мой вопрос Генерального конструктора О.К. Антонова:

---

[1] Родион Жагович Таркил (1927) – заслуженный пилот СССР.

[2] Дмитрий Константинович Осия (1919) – летчик, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

– Единственным правильным решением было то, которое принял Харитон Гвинджия, то есть зафлюгировать (выключить) винты двигателей и идти на посадку. Что это решение принято обоснованно, свидетельствует мастерски выполненная им посадка с применением всех мер предосторожности. Считал и считаю, что тов. Гвинджия и весь остальной экипаж заслуживают самой высокой похвалы. Народ должен знать своих героев…

Все, кто знаком с Олегом Константиновичем Антоновым, знают, что он не щедр на похвалы. Тем более ценно признание подвига скромного абхазского летчика в устах прославленного конструктора.

– В памяти многих жителей нашей республики, – сказал мне первый секретарь Абхазского обкома КП Грузии Валерий Михайлович Хинтба[1], – сохранились воспоминания о героическом поступке экипажа самолета АН-24 под командованием пилота Валерия Томашвили, обезоружившего в воздухе трех бандитов и благополучно совершившего вынужденную посадку в Поти[2], бессмертный подвиг сухумской бортпроводницы Нади Курченко. И вот теперь Харитон Гвинджия…

* * *

После опубликования этого очерка в «Известиях», в редакцию поступило много писем читателей с выражением признательности Харитону Гвинджия и его экипажу за проявленные хладнокровие и мужество в чрезвычайных обстоятельствах в воздухе.

Вот что пишет старший диспетчер аэропорта города Кирова Борис Бачерников:

«Я, бывший летчик-истребитель, участник Великой Отечественной войны, а затем инструктор и пилот гражданской авиации, воспитавший многие десятки военных и гражданских летчиков, склоняю свою седую голову перед подвигом Харитона Гвинджия и его славного экипажа. Желаю им чистого неба и долгих лет жизни! Так держать, ребята!»

Письмо рабочих Кировоградского завода тракторных гидроагрегатов:

«Мы восхищены мужественными действиями экипажа АН-24. Считаем, что командир и экипаж заслуживают высокой награды…»

Отклик из села Поквеш Абхазской АССР:

«Летчику – спасителю 52 жизней Х. Гвинджия. Ваш поступок – пример для подрастающего поколения, которое мы, учителя, воспитываем в духе отваги, любви к нашей Родине. Не скупимся сказать Вам отеческое спасибо. Педагогический коллектив Поквешской средней школы».

Из Казани:

«Передайте сердечное спасибо и наш низкий поклон отцу и матери Харитона Гвинджия, воспитавшим такого мужественного сына! На такие поступки способны только советские люди. Супруги Матвеевы».

И таких писем – сотни!

Сухуми – Сочи – Москва.

---

[1] Валерий Михайлович Хинтба (1940) – государственный, партийный деятель.

[2] В 1966 году вооруженные бандиты пытались угнать в Сухуми АН-2, но командир экипажа Владимир Шленов и второй пилот Валерий Томашвили обезоружили нападавших и совершили посадку в г. Поти.

МАРИЯ ИЗ ГВАДЫ

О знаменитой сборщице чайного листа Марии Коциевне Адлейба[1] я слышал и раньше; говорили, что она может напоить собранным ею чаем в течение года город с 125-тысячным населением, что в республике нет женщины, популярнее ее.

И вот журналистская тропа привела меня в горы Абхазии, и я вспомнил, что Гвада находится где-то поблизости.

– Чай будем пить у Марии, – сказал шофер, как бы угадывая мои мысли.

В стороне от больших дорог, у подножия высоких заснеженных гор приютилось селение Гвада – центр колхоза имени Суворова. 160 дворов, школа, клуб, фермы, лесопилка, контора, а вокруг необозримые зеленые ковры чайных плантаций. Только за один год скромная Гвада поставила стране до пятисот тонн сортового чайного листа. Из них почти десять тонн собрала Мария. Может быть, эта цифра для непосвященных весьма абстрактна. Но если иметь в виду, что один килограмм чая складывается из двух тысяч лепестков, можно представить титанический труд сборщиц.

– Вероятно, она очень молода, полна сил и энергии? – спросил я председателя колхоза, когда мы шли к ее дому.

– Конечно же, – лукаво усмехнулся он. – Сейчас познакомитесь. И муж у нее под стать.

У порога нас встретили хозяева. Маленькая седая женщина с озорными юношескими глазами дружески протянула руку.

– Заходите, заходите! Гость для абхазца – праздник, – сказал муж Марии, прочный коренастый горец, один из организаторов колхоза в Гваде и его первый председатель.

Мы долго сидели в их уютном небольшом доме, пили душистый чай, смотрели семейные альбомы, газетные вырезки, пожелтевшие документы. И перед нами предстала жизнь двух колхозных ветеранов – Марии и Такуя Адлейба, жизнь удивительно простая и в то же время на редкость яркая.

…Стоял трудный 1929 год. Только семь лет прошло со дня установления Советской власти в Абхазии. В деревне шла ломка вековых традиций. Беднота Гвады – абхазцы, грузины, армяне объединялись в колхоз. Богатые горцы сопротивлялись. В окрестных лесах разгуливали лихие вооруженные всадники – их оплот и надежда. В селении два-три коммуниста и двенадцать комсомольцев. Из двенадцати – одиннадцать парней и одна девушка – Мария. Ни вражеская агитация, ни угрозы, ни бедность не сломили их боевого духа – колхоз был создан. Выращивали табак, кукурузу, овощи.

Восемь лет Мария Адлейба была секретарем комсомольской ячейки Гвады. «Не девчонка – джигит», – говорили сельчане, поражаясь, как же это горская женщина, покорная и домашняя, командует парнями? И они следуют за нею всюду: в поле, на пастбище, организуют ликбез, читальню, драматический кружок.

Однажды они узнали, что в соседней Аджарии выращивают чай и что это доходно. Значит, есть возможность экономически укрепить колхоз. Но чайным плантациям нужен простор, а где взять его в Гваде, если кругом лесная чаща,

[1] Мария Коциевна Адлейба (1900–1992) – новатор сельского хозяйства, Герой Социалистического Труда.

а на склонах гор колючий кустарник?! Мария и ее парни повели за собой все селение. Одни корчевали пни, другие вырубали кустарник, третьи плантажировали почву.

…Пришла война. Все годные носить оружие ушли на фронт. Опустела Гвада, замкнулась в себе. Война войной, а жить надо. Чайные лепестки – флеши собирают в год по много раз, а рабочих рук – кот наплакал. И тогда Мария, ставшая к тому времени парторгом колхоза, создала женские и подростковые бригады. Фашисты уже были на перевалах этих синих гор, которые видны из окон ее дома. Их егеря и снайперы вели прицельный огонь по абхазским селениям. Эхо орудийных раскатов поднимало облака пыли, сбивало листья в садах. Но работа продолжалась. Всюду на дорогах патрулировали старики и подростки, они охраняли труд колхозниц, следили, чтобы фашистские лазутчики не проникли в тыл. Чайный лист нередко собирали ночью. Его везли для переработки на фабрики, а оттуда в армейские склады фронтовой полосы, а порой и прямо в окопы.

Первый орден – Трудового Красного Знамени – Мария получила в 1941 году из рук Михаила Ивановича Калинина[1]. Потом ей торжественно вручили медали «За трудовую доблесть», «За оборону Кавказа».

С войны не вернулись многие. Сложили головы за Родину и товарищи комсомольской юности Марии – Джавдет Ашуба, Леван Гопия, умер от ран и болезней Григорий Квадзба. А где же остальные – Шалва Ашуба, Михаил Багдасаров, Гидж Ашуба, Вартан Матуа и другие из славной дюжины, те, кто создавал колхоз в горах? Одни из них уже на пенсии, другим – тоже за семьдесят. Но все при деле – на плантации, в садах, огородах, лесопилке, ферме.

Растет, богатеет колхоз имени Суворова. Сейчас чайные плантации раскинулись на склонах Гвады на площади семьдесят пять гектаров. Доход от них составляет миллионы рублей. В предгорное селение давно пришел электрический свет, в домах – телевизоры, холодильники, автомобили. За время, прошедшее после создания артели, выросли новые поколения жителей Гвады, но комсомольцы двадцатых и тридцатых годов, зрелые и мудрые, по-прежнему составляют золотой фонд колхоза.

В 1966 году Мария стала Героем Социалистического Труда, а в 1969 – делегатом Третьего Всесоюзного съезда колхозников. Еще бы, это ее руками собрано более 250 тонн чайного листа! Это тот чай, которым в течение года можно поить большие промышленные города.

За все эти годы Мария Коциевна Адлейба могла стать председателем колхоза или райисполкома, уехать на работу в республиканский центр, поступить в сельскохозяйственную академию – ее всюду приняли бы с распростертыми объятиями, об этом известно в республике. Но нет. Никакие соблазны не могли оторвать ее от родного селения, от этих пышных изумрудных ковров чая, – основы общественного богатства Гвады. Ежедневный труд на плантации, постоянное общение с людьми, общественные дела – вот что, по ее словам, не дает ей состариться и позволяет сохранить задор юности.

Супруги Адлейба живут в просторном доме одни. Дети выросли, разбрелись кто куда. В Сухуми живет с семьей старший сын Шали, майор милиции, у озера

[1] Михаил Иванович Калинин (1875–1946) – советский государственный и партийный деятель.

Рица трудится семья сына Андрея; в промышленный город Ткварчели уехала с мужем-горняком дочь Валентина.

Есть у Марии Коциевны еще одна дочь Валя – приемная. Интересна ее судьба. Однажды колхозная девчонка из села Баловнево Липецкой области прочитала в журнале «Крестьянка» мой очерк о Марии из Гвады. И вот в далекое горное абхазское селение пришло письмо.

«Дорогая Мария Коциевна, здравствуйте! Пишет Вам русская девушка Валя Паршина. У меня есть мама и младшая сестра, а отца нет. С детства я мечтала увидеть, как выращивают чай, знать почему он такой душистый, нежный. А еще больше хочется самой вырастить пару кустиков. Напишите, можно ли приехать к Вам?»

Абхазская колхозница была очень растрогана и незамедлительно пригласила Валю к себе. Девушке полюбились изумрудные чайные плантации, синие горы, сердечные добрые горцы, особенно Мария Коциевна и ее муж. Так и осталась в Абхазии. Колхозные заботы, хлопоты по дому не дают скучать ветеранам. Но порой, особенно длинными зимними вечерами, им бывает немного грустно. Тогда они шлют телеграммы сыновьям и дочери, просят прислать в Гваду внуков.

Жарко топится печь, весело трещат в ней поленья, и дети слушают неторопливые рассказы бабушки Марии о днях давно минувших, о юности комсомольцев двадцатых годов…

* * *

Как-то я спросил управляющего трестом «Чай-Грузия» Отара Григорьевича Абесадзе, что отличает Марию Адлейбу от других чаеводов и много ли она воспитала учеников и последователей.

– В Грузии Марию Коциевну Адлейбу знают как одного из выдающихся мастеров республики, воспитателя нескольких поколений чаеводов. Ее труд – подвиг.

Гвада – Очамчира.

Вступление, подготовка текста, примечания – А. Дбар

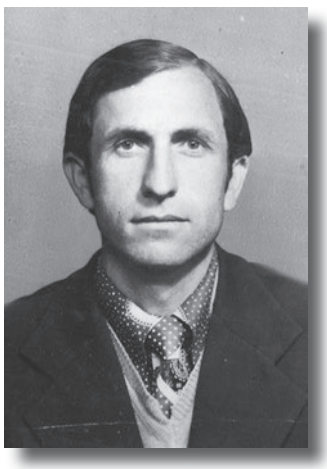
ЗАУР ГИНДИЯ

ИДУ НА ВЫ

Записки политзаключенного

Для того чтобы написать свои воспоминания, вовсе не надобно быть ни великим мужем, ни знаменитым злодеем, ни известным артистом, ни государственным чиновником, – для того достаточно быть просто человеком, иметь что-нибудь для рассказа.

Александр Герцен



Заур Махазович Гиндия (род. 11 июля 1944 г., с. Пакуаш, Очамчырский р-н) – активный участник национально-освободительного движения абхазского народа, правозащитник. Окончил Пакуашскую среднюю школу с производственным обучением. Проходил воинскую службу в Советской Армии в Польской Народной Республике (1964–1967). Окончил юридический факультет Кубанского государственного университета (1976). Работал преподавателем истории, обществоведения и основы советского права в Пакуашской средней школе № 1 (1977–1978), юрисконсультом колхоза в с. Пакуаш (1978–1979).

14 октября 1979 г. З. Гиндия был задержан сотрудниками КГБ Грузии и Абхазии и заключен в Тбилисскую спецтюрьму КГБ Грузинской ССР. Сначала обвинялся в антисоветской агитации и пропаганде (ст. 71 УК ГССР). В третьей декаде апреля 1980 г. Коллегией по уголовным делам Верховного Суда ГССР (председатель суда – Луковин, государственный обвинитель, заместитель прокурора ГССР – Читлов) был осужден к двум годам лишения свободы за нарушение национального и расового равноправия (ст. 75 УК ГССР) без права заниматься юридической практикой. Таким образом, З. Гиндия – первый абхаз, репрессированный после хрущевской оттепели.

После выхода на свободу работал директором ДК в с. Пакуаш (1981–1995). По его инициативе был создан первичный комитет Народного форума Аб-

хазии в с. Пакуаш (секретарь – Мушни Пахвалович Гиндия), в руководящий состав которого он входил. Во время Отечественной войны в Абхазии (1992–1993 гг.) З. Гиндия был заместителем начальника штаба батальона «Пакуаш», а затем и комиссаром этого подразделения. Воинское звание – капитан. Награжден Орденом Леона (2009).

З. Гиндия – ветеран национально-освободительной борьбы абхазского народа, публицист, автор литературно-критических статей, пишет стихи и по сей день принимает деятельное участие в общественно-политической жизни Абхазии.

Предлагаемый текст является первой частью воспоминаний З. Гиндия.

Сидим друг против друга, с глазу на глаз. Он – в середине стола, а я слева от него, за приставным столом. Он молча смотрит, пристально вглядываясь в лицо затухающими серыми старческими, но аспидскими глазами. На вид ему около семидесяти лет. Низкорослый толстяк, с громадной лысой головой, с длинным лошадиным лицом. Он молча, испытующе смотрит холодными, коварно-серыми глазами, как может смотреть голодный удав на свою жертву. И я не отстаю от него: отвечаю ему тем же самым, что и он. Проходит примерно полминуты и он заговорил, блеснув злыми огоньками серых, безжизненных глаз.

– Та-а-ак, это ты и есть диссидент Гиндия?.. Скажите, пожалуйста, чем вам не угодила наша социалистическая система?.. Система, на которой зиждется наше великое Советское государство?..

– Гражданин генерал-полковник[1], наоборот, эта система мне по душе, против, разумеется, не имею ничего. Социализм придуман не большевиками, не Лениным, да и не Марксом. Социализм имеет глубокие корни в истории человечества. Равноправие, свобода, справедливость и всеобщее благоденствие – давнишняя мечта всех трезвомыслящих людей с древнейших времен до наших дней. Даже монах Кампанелла мечтал о свободе и благоденствии человечества.

– Кто, кто?! – удивленно уставился он на меня своим высокомерным взглядом.

– Кампанелла…

– Кампанелла?! – прищуриваясь, спросил он.

– Да, Томмазо Кампанелла[2]… Итальянский философ и монах, один из виднейших представителей раннего коммунизма. Автор знаменитой книги «Город Солнца»[3]. Кстати говоря, первые коммунисты, как об этом свидетельствуют исторические анналы, это ранние христиане. Другое дело, насколько эти гуманные идеи реально претворены в жизнь Советского государства. Так что, я с большой симпатией отношусь к идее социализма. Но при этом должен заметить, что я ненавижу всеми фибрами своей души тех высокопоставленных лиц, которые, прикрываясь тогой социализма, под видом защиты и строительства коммунистического общества, чинят зло честному народу, разрушая единство нации и

---

[1] Алексей Николаевич Инаури (1908–1993) – советский военный и государственный деятель. Генерал-полковник, Герой Советского Союза (1985). С июля 1953 г. – министр внутренних дел, а с марта 1954 г. – председатель КГБ при Совете Министров Грузинской ССР (с 1978 г. – КГБ Грузинской ССР).

[2] Кампанелла Джованни Доменико (1568–1639) – итальянский философ и писатель. В 15 лет становится монахом и принимает имя Томмазо.

[3] «Город Солнца» – утопический рассказ об одноименном прекрасном государстве.

народов нашего государства. Так сказать, сея между ними раздор и недоверие. В этом аспекте вопроса, да, действительно, я диссидент, в хорошем понимании этого слова.

Он немного ошарашено посмотрел на меня. Судя по выражению его лица, генерал, вероятно, ждал от меня слова, разоблачающие идею социализма и политику советской власти. Затем, полуулыбнувшись своей холодной, заученной, профессиональной улыбкой, выдавил медленно, растягивая слова по слогам.

– Да-а, интересно слушать вас, продолжайте, продолжайте, – произнес он сухо.

– Простите, гражданин генерал-полковник, я не знаю, насколько это интересно вам, но это точно так. Это мое жизненное кредо. Я весь в этом принципе. Таким я был, таким и останусь до конца своей жизни. Всю свою сознательную жизнь я был, так сказать, своего рода, правозащитником, искателем истины, за что, кстати, и страдаю…

Генерал на этот раз не дал высказаться до конца, перебив меня своим приглушенным старческим голосом, сверкая как глазами, так и вставленными зубами из благородного цветного металла. Лицо его выражало недовольство и внутреннее смятение, но старался внешне выглядеть спокойным, сдерживая в себе ярость злобы ко мне, он отыскивал в уме наиболее подходящие слова и глухим хрипловатым голосом заметил:

– Правозащитники, борцы за правду и справедливость и прочие искатели истины в стране всеобщего благоденствия, каковым является великая держава Союз ССР, получают радость жизни и великое счастье, а не страдание, как вы изволили выразиться. Страдание и бесправие – это непременная атрибутика жизни капиталистического общества.

Этот низкорослый, старый толстяк, с большой лысой бычьей головой, слегка перекошенным одутловатым лицом, с массивным носом, довольный своим тривиальным ответом, сверлил меня старыми чекистским глазами, готовясь для очередного «остроумного» ответа.

– Однако, несмотря на огромное различие между капиталистическим и социалистическим обществами, признавая стопроцентное превосходство социалистической системы над капиталистической системой, в то же время я не склонен очернить все капиталистическое, как, впрочем, нельзя обелить и все социалистическое. Да, я согласен, в нашей стране нет антагонистических классов – буржуа и пролетариев. Но, на мой взгляд, не менее страшен, для нашего общества, «класс» чванливых коммунистов, взяточников и прочих разношерстных чиновников – бюрократов, которые творят свои черные неблаговидные дела от имени народа против самого народа. Да и с политической точки зрения, если глубоко проанализировать и изучить действие и бездействие этих особ, мы волей и неволей обнаружим антинародность и ренегатство. Вспомним Ленина, он ведь не зря, не для красного словца, сказал в свое время, что там, где имеет место коммунистическое чванство, получение и дача взятки, там и конец советской власти. Мы не можем отрицать наличие взяточничества среди высокопоставленных, ответственных работников, включая и партийных, так что и в хваленом советском обществе не все гладко, как об этом оповещают средства массовой информации. Вот эти и подобные вещи имел я в виду, говоря о справедливости, истине, о защите прав граждан, – монотонно завершаю свой ответ.

– Если я правильно понял вас, вы не доверяете средствам массовой информации – официальным органам партии и правительства, значит, выходит так, что вы не верите в социалистическую сущность советской власти…

– Лучшая информация – это жизнь, труд и быт трудового народа, а все остальное второстепенно. Что касается моего антисоветизма, то уверяю вас, я против недостатков советской власти. Только в этом и заключается весь мой антисоветизм. В целом, я патриот своей страны. При этом я должен заметить, что, насколько мне известно, прежде чем решить вопрос о предъявлении обвинения лицу, необходимо первым долгом выяснить есть ли состав преступления в его действиях, и по какой статье УК их надо квалифицировать. Мои действия Ваши следователи квалифицируют по ст. 71 Уголовного Кодекса – антисоветская агитация и пропаганда. Я считаю такое решение вопроса совершенно несправедливым. Поскольку антисоветская агитация и пропаганда должны представлять по своим объективным признакам распространение идей антисоветского содержания, клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение, изготовление, хранение антисоветской литературы и т.д., причем, обязательным элементом является прямой умысел. Надо также отличать критику от политических высказываний и измышлений. Исходя из этих соображений, в моих действиях нет антисоветской агитации и пропаганды, поскольку нет и состава преступления!

– Как так, нет состава преступления?!

– Очень просто. Нет, потому что к составу преступления закон относит следующие признаки, характеризующие то или иное деяние как преступление: объект преступления; объективная сторона деяния; субъект преступления; субъективная сторона содеянного. При отсутствии одного из этих признаков, естественно, будет отсутствовать и преступление. Словом, в моих действиях нет объекта преступления по ст. 71 Уголовного Кодекса республики, если учесть, что мое выступление не было направлено против Советского государственного и общественного строя.

– А как понять ваше публичное выступление перед многочисленной аудиторией на сходе села, против главы Советского государства Леонида Ильича Брежнева[1]. По достоверным данным, имеющимся в нашем распоряжении, вы заклеймили его, обвиняя в неспособности руководить государством. Это что, по-вашему, не вредит советской власти? – произнес он, откинувшись назад на спинку стула.

«Вот оно что», – подумал я про себя. Да, действительно такой «инцидент» имел место с моей стороны.

Было это осенью, 23 сентября 1979 г., в нашем селе (надо заметить, что наше село является заводилой по национальному вопросу по всему Абжуйскому региону), где в то время я работал юрисконсультом колхоза, проходил сход жителей села, посвященный острой проблеме – восстановления абхазской топонимики.

Приехавший на сход секретарь Очамчырского райкома партии Бигвава Дмитрий Алхасович, огласил Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1979 г. «О практике применения законодательства, о порядке

[1] Брежнев Леонид Ильич – Генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель Президиума Верховного Совета СССР (1964–1981).

наименования и переименования административно-территориальных единиц и населенных пунктов»[1]. Меня содержание Постановления привело в отчаяние, т.к. по сути дела оно не давало возможности восстановления исконной абхазской топонимики, измененной волюнтаристским методом руководством Тбилисской метрополии.

Я попросил слова для выступления. Мне разрешили. В своем выступлении подверг резкой критике деятельность Брежнева на посту Генсекретаря и главы государства. Я, в частности, сказал (привожу по памяти): «Уважаемые участники схода! Глубокоуважаемый народ! Вы сегодня здесь воочию убедились в том, что глава нашего государства Леонид Ильич Брежнев ведет антисоциалистическую, антинародную политику. Свидетельством тому является содержание Указа, который зачитал нам сегодня здесь, в этой аудитории, секретарь райкома партии Бигвава Дмитрий Алхасович. Он грубо, в нарушение Ленинской национальной политики "О праве нации на самоопределение", стал волюнтаристским методом решать насущные интересы и проблемы малочисленных народов Союза ССР. Не потому, что Брежневу чужда Ленинская теория "О праве нации на самоопреде-

---

[1] Текст названного документа воспроизводим в полном объеме: «Президиум Верховного Совета СССР отмечает, что в союзных республиках на основе Постановления Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1964 года значительно стабилизировалась практика наименования и переименования административно-территориальных единиц и населенных пунктов. Вместе с тем эта практика требует дальнейшего совершенствования. Так, в некоторых случаях переименования производятся без особой в том надобности, иногда наименования выбираются недостаточно обоснованно. Не всегда учитывается, что переименование административно-территориальных единиц и населенных пунктов влечет за собой дополнительные расходы, порождает трудности в работе предприятий транспорта и связи, создает неудобства для населения.

В целях дальнейшего упорядочения практики наименования и переименования административно-территориальных единиц и населенных пунктов Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Президиумам Верховных Советов союзных республик при рассмотрении вопросов наименования и переименования административно-территориальных единиц и населенных пунктов обеспечить строгое соблюдение законодательства Союза ССР и союзных республик по данному вопросу, глубокое и всестороннее изучение каждого предложения о наименовании и переименовании административно-территориальных единиц и населенных пунктов, не допуская в этом деле поспешности и субъективизма. При этом исходить из того, что переименование административно-территориальных единиц и населенных пунктов должно производиться лишь в исключительных случаях, с учетом общегосударственных интересов, а также географических, исторических, национальных, бытовых и других местных условий, мнения местного населения, задач коммунистического воспитания граждан.

2. Рекомендовать Президиумам Верховных Советов союзных республик рассмотреть вопрос о создании при Президиумах Верховных Советов союзных республик комиссий по названиям административно-территориальных единиц и населенных пунктов с возложением на эти комиссии предварительного рассмотрения каждого предложения о наименовании или переименовании административно-территориальной единицы, населенного пункта и подготовки заключений для Президиума Верховного Совета союзной республики.

3. В целях совершенствования порядка рассмотрения вопросов наименования и переименования административно-территориальных единиц и населенных пунктов установить, что возбуждение ходатайств по этим вопросам исполнительными комитетами районных (в союзных республиках, не имеющих областного деления), краевых, областных Советов народных депутатов и Президиумами Верховных Советов автономных республик может производиться лишь при наличии решений, принятых на сессиях соответствующих нижестоящих Советов народных депутатов» (http://legal-ussr.narodru.org/data02/tex13821.htm).

ление", а потому что он немощен, стар, одряхлел как физически, так и умственно, и мало соображает, что к чему. Медицинская наука доказывает, что с физическим одряхлением непременно приходит и умственное, таков естественный закон природы. Брежнев стал невменяемым, полоумным человеком. Многие из вас, я надеюсь, видели по телеэкрану его поездку в Днепродзержинск. Было это 22 сентября сего года. Так вот, он в сопровождении свиты осматривал город, где, по его словам, прошло его детство и юность. На Октябрьской площади он остановился перед бронзовым памятником и спросил: "Чей это памятник"? Ему ответили, что это его изображение в бронзе[1]. Тогда он, не сказав ни слова, вынул бумажку из кармана и зачитал следующее: "Как-то странно видеть свое изображение в бронзе. Хотя это и положено у нас по закону для тех, кому высокое звание Героя присвоено более одного раза. Но с другой стороны, скажу откровенно: мне приятно, что я как бы нахожусь постоянно здесь, среди своих дорогих земляков, в городе, где прошли детство и юность, где начиналась моя трудовая жизнь". Вот вам и глава государства. Разве можно держать на посту главы государства великой державы такого человека…»

Мне не дают заканчивать свое выступление. Перебивают. С президиума раздаются испуганные голоса советских партийных крольчат:

– Остановите его!..

– Заткните ему рот!

– Он сошел с ума!

– Он погубит нас всех!..

– Нас могут выселить из-за него в Среднюю Азию!..

– Ой, батюшки, что он говорит?!..

– Нас, абхазов, обвинят в предательстве!..

– Врача вызывайте, врача!..

– Чтобы тебе пусто было!.. Гад!..

– Типун тебе на язык, неисправимый отступник!..

В зале шум-гам. Одни хохочут во весь голос, другие молча улыбаются, третьи – с передних сидений – испуганно мямлят в поддержку членов президиума собрания. Это активисты, мы их в узком кругу называем подхалимами или блюдолизами. Я вынужден оставить собрание.

Больше всех неистовствовали блюдолизы, мямля нечленораздельно. Людишки типа их, во все времена, были опаснее даже высокопоставленных госчинов-

[1] Это был последний визит Брежнева на свою малую родину. В Днепродзержинске, где прошли детство и юность генсека, он осмотрел новенький бюст самому себе и старый двухэтажный дом на улице Пелина, где некогда жила вся семья Брежневых. Он вошел в свою бывшую квартиру, где жили новые хозяева, внимательно ее осмотрел, вышел во двор и сфотографировался с жителями двора. В стене дома была размещена мемориальная табличка, а в здании корпуса № 1 ДГТУ был размещен барельеф, который сообщал о том, что «в этом здании с 1931-го по 1935-й год учился выдающийся деятель компартии и советского государства международного коммунистического и рабочего движения Леонид Ильич Брежнев». Однако в рамках закона «о декоммунизации» украинскими властями были демонтированы: 22 февраля 2016 г. – мемориальная доска с дома, а 23 февраля 2016 г. – барельеф в здании корпуса № 1 ДГТУ. На заседании сессии Днепродзержинского городского совета 26 февраля 2016 г. было принято решение об исключении памятника Брежневу из списка памятников тоталитарной эпохи, подлежащих демонтажу в рамках закона о декоммунизации.

ников. Размышляя об этом, мне на память приходят слова выдающегося гуманиста Европы Дезидериа Эразма Роттердамского[1]: «Есть людишки совсем ничтожные, но злобные, также черные и докучливые, а также презренные. Пользы от них никому из смертных не может быть ни малейшей, а упорной своею злокозненностью они часто умудряются причинять неприятности. Они запугивают чернотою, оглушают жужжанием, дурманят смрадом, кружат неотступно подле, строят козни. Так что, намного лучше враждовать с большими людьми, чем раздразнить этих скарабеев, которых и побеждать-то неловко, и отогнать невозможно, и борьба с которыми тебя и поганит и замарает».

Выхожу из зала. День клонится к вечеру. Смеркается. Кругом ни души. Решил не идти домой, ждать окончания схода. Сижу и жду: на лавочке, в углу двора, под кипарисом. Проходит полтора-два часа. Темно. Собрание окончено. Участники собрания, обсуждая между собой повестку дня, расходятся по домам. Районное начальство, во главе с Д.А. Бигвава, в сопровождении руководства села и блюдолизов, направляется на банкет, устроенный руководством села в честь гостей из района. У меня на душе кошки скребут, отвратительно жутко, в голову приходят разные мысли. В темноте отчетливо слышу разговоры людей, проходящих мимо меня.

– Не зря в старину говорили: курица рыла, рыла, и смерть свою вырыла…

– Это ты о чем?

– Сам себя погубил, баламут, вот я о чем.

– Да-а…

– По-вашему, его за это посадят?

– Как пить дать.

– Шутка ли, катить на Генсека бочки? И вообще, кто он такой? Кто ему позволил критиковать, охаивать всемирно признанного лидера великой державы? Слюнтяй!

– То-то!..

– Могут и укокошить, и дело с концом…

– Запросто…

– Зазнался, подумаешь, юрист… видели мы таких юристов.

– Шею свернет…

– Так он уже свернул!

– Неужели Дмитрий Алхасович доложит об этом?

– А как же! А как же! Обязан!..

– Как бы там ни было, а все-таки жалко парня. Молодой, способный, с образованием, мог сделать себе хорошую карьеру.

– Не образование главное, а прирожденный ум. Как это Дмитрий Иосифович Гулиа сказал? «Ум – хозяин, знание – гость», так что ли?..

– Точно.

– Возомнил себя великим правдолюбцем…

– А может, он страдает манией величия?

– Все может быть. Только это надо доказать.

---

[1] Дезидерий Эразм (Эразм Роттердамский) (1469–1536) – крупнейший ученый Возрождения, прозванный «князем гуманистов». Филолог, богослов. Педагог, сатирик. Пользовался огромным влиянием на современников.

– Тогда его невозможно будет привлекать к уголовной ответственности…

– Ничего! Упрячут в психушку, там, насколько мне известно, далеко не курорт.

– Это они виноваты во всем, они – Ачба Отар[1] и Гиндия Мушни – они подбили его на это дело. А он, бедолага, клюнул.

– Их тоже «приголубит» наш КГБ.

– Думаешь?

– Тут и думать-то нечего. КГБ – это КГБ. Сейчас его возьмут за шкирку, запоет родименький соловьем, а потом постепенно, помаленьку по следам выйдут на них и получат сполна.

– Говорят, он получал инструктаж из Абхазского госмузея.

– Да, получал. Мы это знаем. Он тесно связан с этим логовом.

– Как он снюхался с ними?

– Через этого очкарика. Как его зовут, Кесуга Аджинджала сын[2]?

– Ермолай.

– Да, да, Ермолай! С ним приезжал еще некий Николай Шенкао[3], северокавказец. Они часто гостили у него дома.

– Выходит так, что их тоже могут зацепить?

– Обязательно зацепят! Да еще как зацепят. КГБ – это тебе не клуб благородных девиц. КГБ, дорогой ты мой человек, могуч и всесилен.

– Что там ни говори, он резал правду-матку, стоял горой за трудовой народ, защищал их законные права.

– Законные права наших граждан, милый человек, защищены советской властью. Зря ты это так!

– Он больше кляузник, чем правдолюб.

– Женщины наши его здорово уважают, особенно беременные.

– Хи-хи-хи! Беременные, говоришь?

– Да. Боролся с администрацией, убеждал, доказывал им, когда ущемляли их трудовые права, в случае неправильного определения размера пособия или отказа пособия по беременности и родам, и он всегда добивался своего.

– Между прочим, Администрация наша хворала аллергией от него.

– Теперь сам будет хворать, и надолго.

– Интересно будет посмотреть на него на судебном процессе, как он себя будет вести?

– Будет сидеть и глазеть, как полугодовалый ягненок.

– Не думаю. Он человек фанатично одержимый правдой. У него своя правда жизни.

– Как только отобьют почки, не то что правду жизни, забудет, как звали его самого.

---

[1] Ачба Отар Джотович (1926–2013) – участник национально-освободительного движения абхазского народа.

[2] Аджинджал Ермолай Кесугович (1933) – историк. Начиная с 60-х гг. XX века являлся одним из активных участников национально-освободительного движения. Имеет непосредственное отношение к подготовке ряда важных политических документов, направлявшихся высшему руководству СССР. Подвергался преследованиям за свои политические убеждения и активную правозащитную деятельность.

[3] Шенкао Николай Константинович (1937–2002) – археолог, деятель национально-освободительного движения абхазского народа.

– Неужели его там будут бить?

– Тюрьма не детсад и не тещина дача. Она призвана карать провинившихся. А как же иначе? Каждому свое.

– Бедный человек.

– Кто виноват? Надо было держать язык за зубами. Лично я нисколько его не жалею! Пусть пеняет на себя!

Этот недавний эпизод на мгновение промелькнул у меня со скоростью света в голове. Я стряхнул головой, взял себя в руки и спокойно-преспокойно отвечаю на вопросы генерала.

– При чем тут советская власть? Я всего-навсего поделился своими соображениями гражданина относительно отдельной личности. И еще, насколько я понимаю, марксисты-ленинисты неуклонно должны, обязаны следовать ленинским заветам о развитии критики и самокритики. Ленин писал: «…если мы не будем бояться говорить даже горькую и тяжелую правду напрямик, мы научимся, непременно и, безусловно, все и всякие трудности побеждать». Я критиковал генсека Брежнева, а не советскую власть.

– Но я так не думаю. Олицетворение советской власти – это, прежде всего, жизнедеятельность трудового народа. К тому же мое выступление зиждилось на Основном законе государства – Конституции СССР. Согласно ст. 50 Конституции СССР гражданам СССР гарантируются свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций и т.д. А в ст. 49 той же Конституции говорится, что «преследование за критику запрещается».

– Ладно, я вас понял. Как вы думаете, ваши действия укрепляют или ослабляют государство?

– Я уверен, что частые выступления с критикой в адрес руководства страны со стороны народа только укрепят наше государство, поднимет гораздо выше престиж Союза ССР перед мировым сообществом. Не секрет ведь, что у нас уйма вопиющих, нерешенных первостепенных государственных проблем.

– Что именно?

– Ну, например, национальный вопрос, за что, кстати, разгорелся вокруг меня весь этот сыр-бор.

– По-вашему, есть упущения в положительном решении национального вопроса?

– Есть, конечно.

– Назовите конкретно!

– Неравноправие народов Союза ССР.

– Неравноправие?!

– Да, неравноправие.

Он, сделав выдох, вздохнул глубоко, лицо его выражало недовольство и скептицизм, уставшего от жизненной круговерти, старого прожженного человека.

– Разве в Конституции не говорится, что «граждане СССР равны перед законом независимо от происхождения, расовой и национальной принадлежности»?

– Знаю, ст. 34 Конституции, но беда в том, что все это на бумаге. На деле, на практике, я вижу иное. Да и на бумаге не все приемлемо для меня.

– Что именно неприемлемо для «великого» юриста-государствоведа Абхазии?! – язвительно, с пренебрежением, сверкнул он вставленными зубами.

– Хотя бы национально-государственное устройство СССР. Ее четырехступенчатая иерархия: Союзная республика, автономная республика, автономная область, национальный округ. Что это? Чуть ли не на касты разделены граждане внутри одного государства. Разве это не дает нам повод говорить о неравноправии наций, населяющих СССР. Абхазия тоже хочет иметь такие же политические права, что и Грузия.

– Но это незаконно. Да и не логично. Вас мало. Крохотная Абхазия, видите ли, захотела иметь такие же политические права наравне с Союзной республикой Грузией. Ну и фантазия же у вас. Куда вы лезете?!

– Если четырехмиллионной Грузии дарованы такие права, которыми обладает Союзная республика Украина с ее пятидесятимиллионным населением, то почему же Абхазия со своей самобытной культурой и древней историей не должна получить самостоятельный статус хотя бы в пределах СССР? И второй мой аргумент: четырехмиллионная Грузия имеет статус Союзной республики, а семимиллионная Татария живет под крышей автономной республики. Спрашивается, где же справедливость, где равноправие?

– Но у татар нет общей границы с иностранным государством, Татария находится внутри России.

– Понимаю. Но не татары виноваты в том, что Россия окружила их, взяв в кольцо. Однако, даже дело не в том, что Татария находится внутри России. Здесь другие причины. Пахнет империализмом. Здесь имеет место древний принцип империализма: «divide et impera». Вот, например, есть в Европе на Апеннинском полуострове, государство Сан-Марино, площадью 61 кв. км, с населением около 25 тыс., окруженное территорией Италии[1]. Тем не менее, Сан-Марино является независимым, суверенным государством Европы. Таких примеров уйма. В конце концов, и у нас тоже есть Ленинская теория «О праве наций на самоопределение», уж не говоря о естественном праве народов. «Свобода соединения предполагает свободу отделения». Нельзя упускать из виду эти ленинские слова, когда речь заходит о национальном вопросе.

– Молодой человек, – повысив голос, заговорил он, – я вызвал вас сюда не для защиты диссертации о государственном праве. Где вы находитесь! Чересчур много позволяете себе! Не вам меня учить уму-разуму! Я в вашем возрасте командовал дивизией! Я вижу, вы напрашиваетесь на пятый угол! Да! Да! Это очень легко устроить! Здесь учреждение КГБ, а не дискуссионный клуб!

После таких слов, как «пятый угол» и т.д., я немного приуныл и посмотрел на него в упор, молча, изображая из себя наивного несмышленыша. А он продолжал наш диалог, нисколько не обращая внимания на мое апатическое настроение.

– К счастью, не все абхазы думают так, как думаешь ты…, таких отщепенцев мы без особого труда поставим на место и… надолго!

– Чтобы другим неповадно было, так что ли, гражданин генерал-полковник?..

– Вот именно!..

– Гражданин генерал-полковник, не знаю, как сказать, не вызывая вашего гнева, но… но вы плохо знаете абхазов…

---

[1] Сан-Марино – одно из самых маленьких государств в мире. Находится в Южной Европе, со всех сторон окружено территорией Италии. В своих нынешних границах Сан-Марино – самое старое государство Европы.

– Нет, я достаточно хорошо знаю абхазов, ведомство, которое я возглавляю, не дает мне право знать плохо вашу маленькую нацию!..

– Чем жестче будут меры метрополии против нас, тем больше сопротивления и ненависти вы получите от абхазов.

– Я еще раз повторяю тебе: грузин там уважают и любят, и они не представляют себе Абхазию без Грузии и абхазов без грузин… Вот, к примеру, мой давнишний друг, И.Т.Л., знаете его?..

Он назвал по имени и фамилии одного уважаемого в Республике человека, но поскольку его уже давно нет в живых, я ограничусь здесь инициалами, т.к. не хочу переступить каноны абхазской этики. Я, может быть, нарушил бы нормы этого канона по некоторым принципиальным соображениям, но мои близкие друзья и товарищи посоветовали не делать этого, т.е. не уподобляться подобным людям, быть в нравственно-этическом отношении гораздо выше их. Ибо, по мнению моих друзей, «о мертвых следует говорить хорошо или ничего не говорить». Ну что ж, постараюсь быть нравственно выше своих, так сказать, политических оппонентов из плеяды грузинофилов Советской Абхазии.

Честно говоря, тогда, да и после я этого человека не знал, но соврал, сказав: «Да, я его знаю хорошо, отставной офицер, ныне – культработник…»

– Точно!.. В дивизии, которой я в свое время командовал[1], он занимал должность начальника особого отдела полка. Был образцовым офицером. Джентльмен. Настоящий абхаз… А настоящий абхаз не может враждовать с грузинами.

– Судя по вашим словам, генерал-полковник, выходит, что И.Т.Л. обожает грузин и их политику в Абхазии…

– И.Т.Л., уважая братский грузинский народ, обеспечил и себя уважением… Я встретился с ним на многотысячном митинге в Сухуми, в мае 1978 г.[2], на мой вопрос «в чем мы, грузины, провинились перед абхазами, чтобы ставить вопрос об отделении Абхазии из ГССР?», он с возмущением заявил, что такая постановка вопроса является позорнейшим актом для Абхазии и абхазов…

– Неужели он так и сказал?! – незаметно, так сказать, для себя перебиваю я его. Это было, разумеется, некорректно с моей стороны, но что было, то было.

---

[1] Алексей Николаевич Инаури за свою военную биографию командовал тремя дивизиями: с 16 января по 30 июля 1942 г. – 34-й кавалерийской дивизией (5-й корпус, 37-я армия, Южный фронт); с августа 1942 г. по февраль 1946 г. – 1-й кавалерийской дивизии (15-й корпус, Закавказский фронт). С апреля 1948 г. по 1953 г. – 18-й механизированной дивизией (9-й стрелковый корпус, ГСВГ).

[2] 10 декабря 1977 г. в адрес ЦК КПСС было направлено т.н. письмо «ста тридцати». Главным требованием абхазов на тот момент являлось включение в Конституцию Абхазии статьи о праве свободного выхода республики из состава Грузинской ССР, что, естественно, в Грузии было воспринято в штыки. Письмо было переслано в Абхазский обком для соответствующей его оценки, что вызвало дополнительное недовольство абхазов. Совсем проигнорировать это в Москве посчитали недопустимым, однако устами прибывшего в Абхазию секретаря ЦК КПСС Капитонова центр 21 мая заявил: «У нас в стране 20 автономных республик… Нигде, ни в одной из автономных республик не выдвигается подобных требований или каких-либо других вопросов, идущих вразрез с Конституцией СССР, конституцией союзных республик. И это высоко оценивается в ЦК КПСС и в Президиуме Верховного Совета СССР». На второй день, 22 мая в Сухуме состоялся 25-тысячный митинг абхазов, на котором тот же секретарь ЦК КПСС Капитонов заявил о нецелесообразности менять статус Абхазии.

– Да, он так и сказал… – продолжил он совершенно спокойно, – более того, он заверил меня, что готов приложить, как всегда все свои силы за территориальную целостность ГССР…

– Подобные И.Т.Л. – единицы, они не могут делать погоду в нынешнем абхазском обществе…

– Их не так уж мало, как это представляется тебе, и пользуются они к твоему сведению уважением больше, чем достаточно, и они как ты выразился, абхазские грузинофилы, не допустят отторжения Абхазии от Грузии. Кстати, почему же ты, грузинофоб, носишь грузинское имя Заури, ты ведь не любишь ничего грузинского?..

– Что касается того, почему я ношу имя Заур, об этом надо спросить у моих родителей, поскольку они нарекли меня именно так, Зауром, но, как не досадно, отца уже давно нет в живых, скончался в 1966 г., а мать живет далеко отсюда, в Абхазии. Но насколько я осведомлен о генеалогии этого антропонима, он далеко не грузинский, наоборот – абхазский. Антропоним Заур свое генеалогическое начало берет от абхазского слова «адзаур» или «дзаур», что означает в переводе с абхазского на русский «пират».

– Вот как?! А я-то думал, что это имя грузинское… Ну, да, да… всегда были, есть среди ученых – фальсификаторы, допускаю, допускаю… есть они и среди грузин…

– «Для достижения истины надо раз в жизни освободиться от всех усвоенных взглядов и заново построить всю систему своих знаний», – полуулыбнувшись сказал я в ответ, затем, сделав паузу, добавил по латыни, – Эрраре хуманум эст… (человеку свойственно ошибаться).

– Ошибка ошибке – рознь…

– Совершенно верно, однако…

– Ладно, мы увлеклись, давайте по существу… – он не дал договорить и перевел наш разговор в иное русло…

Я чувствовал, что мои ответы явно не по душе были ему. Несмотря на это, угрюмо, молча выслушивал меня, но, наконец, не выдержав (может, и я переборщил) выплеснул свой гнев. Его бледное, холеное лицо чуть-чуть заметно порозовело. Чего греха таить, мне стало от этих слов неловко, и я, не сказав в ответ ни слова, стал молча, с грустью в глазах, смотреть в никуда. Мое такое душевное состояние, естественно, не ускользнуло от него. И он, смягчившись, более мягким тоном продолжил.

– Вы должны понять, что вопрос национально-государственного устройства СССР решен окончательно и бесповоротно. И решен он положительно, и поэтому не подлежит ревизии. Это во-первых. Во-вторых, хотите Вы этого или нет, Абхазия была и будет всегда в составе Грузии. Судьба Абхазии решается не в Москве и не в Нью-Йорке, а здесь, в Тбилиси.

– Прошу прощения, гражданин генерал-полковник, но судьба Абхазии должна решаться ее народом – в Абхазии, точно так же, как судьба Грузии решается в Грузии. С кем нам быть, с кем нам жить и дружить – это неотъемлемая прерогатива абхазов. По причине нашей малочисленности, принимать судьбоносные решения за нас никому не дозволено. Великий французский писатель XIX в. Виктор Гюго[1] писал: «Величие народа не измеряется его численностью, как

[1] Виктор Мари Гюго (1802–1885) – французский писатель (поэт, прозаик и драматург), одна из главных фигур французского романтизма. Член Французской академии (1841).

величие человека не измеряется его ростом». Судьба Абхазии – прерогатива абхазов, это наше естественное право.

– Прерогатива абхазов слушаться вышестоящие государственные эшелоны. Вы понимаете, это закон. Законы надо исполнять, а не обсуждать.

– Но есть же еще и другой закон!

– Какой?! – редкие седые брови генерала поползли вверх, его ледяной взгляд впивался в меня.

– Нравственный! – ответил я коротко и четко.

– При чем тут – нравственный. За нарушение нравственного закона, слава богу, у нас еще не привлекают к уголовной ответственности. Мы живем в цивилизованном государстве, где правосудие и другие государственные дела осуществляются в соответствии с буквой писаного закона. Или ты хочешь вернуть нас к феодализму? – ехидно усмехнулся он, довольный своим ответом. – Тоже мне юрист, кстати говоря, то, что ты говоришь, древние римляне называли «ad hominem». Надеюсь, ты знаешь, что это значит.

– Знаю. Но правильнее будет не «ad hominem», а «argumentum ab hominem», – возразил я этому старому самоуверенному толстяку с изворотливым умом. Короткая, толстая шея чуть заметно вытянулась, его серое одутловатое лицо стало багровым. Я понял, что допустил оплошность, но было уже поздно.

– Однако, больно ты уж грамотный, – нахмурился генерал. – Трудно будет тебе, ох как трудно, – удивительно короткими пальцами нервно постучал он по столу. – Между прочим, – продолжал он, – правильно поступили те полномочные органы, которые не устроили вас по специальности.

– Это почему?!

– Попадись к вам в качестве подследственного, грузина по национальности, невзирая ни на что вы накатили бы ему на всю катушку, вылив на него всю желчь ненависти.

– Это точно, товарищ генерал, – выпалил следователь Кудашев, сидевший напротив генерала, с левой стороны от меня.

– Однажды Маркса спросили: «Недостаток, который внушает вам наибольшее отвращение?» – и он ответил: «Угодничество», – промолвил я спокойно, тихо как бы про себя. А затем, медленно, с достоинством, не теряя самообладания, оборачиваюсь я к следователю Кудашеву, с презрительной усмешкой смотрю, уставившись на него. Все мое лицо выражало отвращение, за подхалимаж и угодничество перед генералом. Старый вышколенный шеф КГБ, мгновенно сообразив, в чем дело, тихим, но властным тоном сказал:

– Товарищ старший лейтенант, ждите в приемной.

Тот, выпрямившись в струнку, отчеканив казенное: «Есть, товарищ генерал!» – направился к выходу, краснея от неудачной реплики.

– Итак, молодой человек, – продолжил шеф КГБ начатый разговор, – Абхазия никогда не получит самостоятельности вне Грузии, пока существует советская власть. Грузия не мыслит себя без Абхазии, это, во-первых. Во-вторых, Москву устраивает существующее национально-государственное устройство СССР. В-третьих, отход Абхазии от Грузии приведет к вхождению Абхазии в состав Российской Федерации и к тесному союзу с Северокавказскими республиками. Это будет первой ступенью. Второй ступенью будет создание так называемой

Черкесской Республики, под протекторатом Турции[1]. В эту Черкесскую Республику по замыслам ваших националистически настроенных лидеров, войдут все народы абхазо-адыгской группы. Таким образом, вы, абхазы, вынашиваете планы отторжения Кавказа от СССР. А этого никто вам не позволит. Об этом знают и в Москве. А таких, как ты, националистов и антисоветчиков, мы в силах утихомирить без особого труда, если надо будет, – скрестив руки на груди, кисловатой улыбкой глядя в упор, покачал головой.

– Ложь! Клевета на абхазов, бериевский метод чернения народов, – психуя, воскликнул я. – Это неправда!

– Нет, это – правда! Наше ведомство располагает достоверными документами. Подобный план отторжения Абхазии от Грузии, затем от Союза ССР вынашивали еще в 20–30-х годах тогдашними лидерами Абхазии во главе с Нестором Лакоба. Если у вас будет желание, пожалуйста, я могу ознакомить вас с этими документами.

– Нет, не хочу! Я уверен, что эти документы состряпаны злейшими врагами абхазского народа, бериевцами и необериевцами.

– Нам уже известны и первые руководители этой вашей будущей Черкесской Республики.

– То есть как?!

– Да! Да!

– Кто же они, эти мифические руководители Горского государства? Знаю ли я их?

– Знаете, конечно. Президентом будет Мархолиа Игорь[2], премьер-министром – Аджинджал[3].

Он так и сказал «Аджинджал», без имени и отчества. От этой новости я начал хохотать. Надо заметить, что хохотал я довольно-таки долго и неудержимо, а он молча смотрел на меня, как могут смотреть умудренные жизненным опытом сердобольные аксакалы на безумного, безнадежно больного человека. Потом, успокоившись, я нарушил молчание генерала.

– Гражданин генерал-полковник, угроза Абхазии всегда исходила от Грузии, независимо от того – меньшевистская это Грузия или Советская. Грузия была, есть и будет всегда для Абхазии врагом номер один. Боже мой, на какие подлости способны люди! История осудит всех своим жестоким судом. Это точно. Ничто не проходит в этом мире безнаказанно. Рано или поздно непременно настанет божий суд!

Не знаю, отчего и почему, но эти последние мои эмоциональные обвинения в адрес врагов абхазского народа, генерал воспринял, как мне показалось, хладнокровно.

Он встал медленно, чинно посмотрел своим холодным взглядом на меня и сказал:

---

[1] Это было провокационное заявление. Ни о чем таком в среде национально-освободительного движения абхазского народа ни тогда, ни после не было и речи. Абхазы добивались права на отделение Абхазии от Грузии и восстановления ее статуса союзной республики в составе СССР.

[2] Мархолиа (Марыхуба) Игорь Ражденович (1946) – общественный деятель, историк, 1960–80 участник национально-освободительного движения абхазского народа 1960–80-х годов.

[3] Имеется в виду, очевидно, Аджинджал Ермолай Кесугович, о котором речь шла выше.

– Не губите себя, вы еще молоды. Вам надо думать о будущем! Впрочем, я могу оказать вам помощь, если будет на то ваше согласие.

– Что от меня требуется? – спросил я, понимая, куда и к чему клонит этот старый жук Комитета Госбезопасности.

– Совсем немного. Официально отказаться от борьбы за вывод Абхазии из состава ГССР… Выступите по телевидению, и вы будете на свободе…

– Это что, сделка?

– В некоторой степени – да, но учтите, от этого может зависеть ваше будущее.

– Как быть со ст. 71? Помимо статьи 75, мне инкриминируется еще антисоветская агитация и пропаганда?

– Это уже не твои заботы!

– Гражданин генерал-полковник, Ваше предложение заманчивое, но, к сожалению, это выше моих сил.

– Подумайте хорошо!

– Тут и думать нечего. Я могу лишить себя всего на свете, но отказаться от агитации и пропаганды за свободу Абхазии, скажу честно, не в моих силах. Что делать? Это у меня в крови, видно, от Всевышнего. Да, в этом вопросе, я действительно националист…

– Слушай, безумный мальчишка, ты по образованию юрист и тебе должно быть ясно без комментариев, чем это чревато для тебя, между прочим, и для твоих близких родственников. Для юриста тут все как на ладони, если, конечно, не юрист тяп-ляп.

Меня больше всего задело «юрист тяп-ляп», но, не теряя себя от гнева, я надменно бросил в лицо генерала колючие слова, мстя ему за «тяп-ляп».

– К вашему сведению, гражданин генерал-полковник, я получил образование в российском вузе, а не в грузинском…

В ответ я услышал короткий, совершенно в спокойном тоне ответ:

– Вы свободны. Идите. Что посеял, то и пожнешь.

Я направился к выходу и через несколько секунд был в приемной, где меня ждал следователь следственного отдела Кудашев Алексей Николаевич.

В сопровождении следователя Кудашева выхожу из приемной Председателя КГБ Союзной республики в коридор, ведущий к лифту. Через полторы-две минуты я уже сидел в служебном кабинете следователя Кудашева. Он возбужденно, с превеликой радостью для себя рассказывал своим коллегам, что, благодаря мне, и он удостоился чести посидеть, как он выразился, около получаса в кабинете генерала. Что касается лично меня, то, оказывается, и я тоже должен гордиться, ибо, по словам Кудашева, за шесть лет его работы в этом учреждении генерал принимал на личную беседу всего двух заключенных – Звиада Гамсахурдиа[1] и меня. Наблюдая в его поведении раболепный характер и трепет перед вышестоящим начальством, я с отвращением заметил:

– Экая радость – беседа политзаключенного с его палачом, если вам это доставляет радость и удовольствие, то могу пожелать и вам такой участи в ближайшем будущем.

---

[1] Звиад Константинович Гамсахурдиа (1939–1993) – грузинский общественный, политический и государственный деятель; писатель, ученый, диссидент, националист, доктор филологических наук; председатель Верховного Совета Грузинской ССР (1990–1991) и первый президент Грузии (1991–1992).

– Ого, мне незачем желать такой участи. Кто тебя просил вступить на такой путь?..

– На какой путь, Алексей Николаевич?

– На путь чуждого коммунистическому обществу, на антисоветский путь.

– Алексей Николаевич, я патриот своей Родины, неужели до сих пор вам это не понятно.

С первого дня знакомства (я в качестве его подследственного, а он – в качестве следователя по моему делу) он изъявил желание величать его по имени и отчеству, вместо официального обращения «гражданин следователь». И поступил он так, как я полагаю, неспроста. Это был своего рода следственный прием, примитивный, конечно, но все-таки прием, рассчитанный на доверчивого простачка.

– Это еще надо доказать, что вы не враг советского общества, а патриот.

– Вы юрист, и вам должно быть известно, что бремя доказательств возлагается не на обвиняемого, а на орган, производящий расследование. В уголовно-процессуальном праве прямо сказано, что «суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, не вправе перекладывать обязанности доказывания на обвиняемого».

– Я не нуждаюсь в вашей консультации. Это мне и без Вашей подсказки известно, для каждого юриста это аксиома и только.

Не успел я ему ответить, как в кабинет зашел сотрудник КГБ Абхазии Майсурадзе Гоги, подошел ко мне, подавая руку, поздоровался. Затем, повернувшись, улыбаясь, подошел к Кудашеву. Они о чем-то поговорили тихо между собой, чтобы мне не было слышно. Кудашев взял из сейфа какой-то бумажный пакет и передал Майсурадзе, и тот, извинившись, быстро вышел из кабинета.

– Сегодня мы с тобой, кажется, не пили кофе. Сейчас мы быстро исправим этот пробел в нашей жизни сегодняшнего дня. Ничего не поделаешь, бывают иногда и перебои, по независящим от нас причинам. Кофе – прекрасный напиток, эликсир бодрости. Лично я всегда чувствую прилив сил и энергии от употребления этого прекраснейшего напитка из напитков. Да здравствует кофе, да скроется тьма! – так шутливо заключив свое «вступление» в кофеварение, он включил свою электрическую кофеварку и быстро сварил кофе по-европейски. Наполнил два чайных стакана – себе и мне.

Во время допросов Кудашев всегда угощал меня горячим чаем или кофе. Он был заядлый любитель выпить кофе, да и не только кофе. И я, как истинный абхазец, не брезговал этим напитком. Не отказываясь от угощения, с удовольствием составлял ему компанию. Это стало для нас правилом жизни. После допроса или перекура – обязательно кофе.

– Сейчас выпьем кофе, расслабимся немного, а потом приступим к делу, продолжим допрос, – не переставая, тараторил он.

Но на этот раз я отказался от угощения, выражая недовольство и презрение всем своим видом, отрицательно покачав головой, сказал ему:

– Я не буду пить кофе, уберите стакан с моих глаз!

Как бы я не старался выразить повежливее свой отказ, он все-таки прозвучал чересчур грубовато, в резком тоне. Он, удивленно вытаращив глаза, рассеянно посмотрел на меня, не понимая, что со мной происходит, и спросил:

– Что случилось, чем вы расстроены?

– Мне, подследственному, крайне неприятно говорить вам это, Алексей Николаевич, но вынужден… вы оказывается большой подхалим, а подхалимов я брезгую с детства, вот почему отказываюсь от вашего кофе.

После этих моих слов его глаза от неожиданности застыли на мгновение, а шея его неестественно вытянулась, лицо его преобразилось неузнаваемо, удивляя меня. Однако, переборов себя, от полученного психологического удара, через некоторое время он прервал молчание.

– Ты что, негодяй, оскорбляешь меня! Кто дал тебе право говорить такие вещи в мой адрес? Забыл, где ты находишься?!

– Бог свидетель тому, кто из нас негодяй, неужели так быстро запамятовали ваше поведение у генерала? Вспомните вашу реплику. Это что, не подхалимство? – парировал я, в свою очередь.

– Ах, вот оно что! – басисто протянул он. – Я к тебе отношусь как к другу, а ты!..

– Amicus Plato, sed magis arnica est veritas, – отвечаю я со степенным видом.

– Чего?! Чего?! Что ты там по-абхазски клекочешь? Переведи-ка, что ты сказал!

– Платон мне друг, но истина еще «больший друг» – сказал древнегреческий философ и ученый Аристотель.

– Гм… Признаться, я не сразу уразумел греческого языка от абхазского, еще немного времени, и я начну думать и мыслить по-абхазски, – подавленно усмехнулся он.

«Вот так тебе и следует, твердолобому невежде! Ну, подожди, подожди, и я посмотрю, как ты себя поведешь», – подумал я про себя и добавил: – Однако смею вам заметить, Алексей Николаевич, прозвучала эта фраза не на греческом, а на латыни.

– Ну ты даешь, – засуетился Кудашев, – с каких пор Аристотель стал римлянином?!

– Аристотель – грек, но дело в том, что это крылатое выражение, в цивилизованном мире, по традиции, всегда звучало и звучит на латинском. Прозвучала она и здесь в соответствии с установившейся традицией, на латыни.

– Да иди ты со своими Платонами и Аристотелями! – гневно стукнул он кулаком по письменному столу.

Но потом, видимо, осознав свое положение следователя КГБ, во всяком случае, внешне успокоившись, добавил:

– Ладно, черт с тобой, не хочешь, как хочешь. Я к тебе с уважением, а ты…

Он встал, подошел к решетчатому окну и выплеснул содержимое стакана на улицу. Потом, сев на свое место, раздраженно буркнул:

– Продолжаем допрос! Итак, мы вчера остановились…

Но я, упредив его, не дал докончить фразу:

– Какой такой еще допрос, после той вашей позорной реплики во время аудиенции у генерала, вы хотите, чтобы я вам дал показания? Нет, не получится.

– Слушай, перестань дурака валять, пошутили и хватит.

– А мне не до шуток! Я стою перед дилеммой: быть или не быть. Поэтому решил дать вам отвод.

– Что-о-о?! – он даже привстал инстинктивно.

– Я решил дать вам отвод, – со всей серьезностью повторил я свое решение.

– Та-а-ак, – сказал он сокрушенно, – значит, решил кляузничать на своего следователя?!

– Это не кляуза, Алексей Николаевич, это – правда.

– Ну, чего ты хочешь добиться этим?

– Ничего особого, всего-навсего объективности следствия.

– По-вашему, выходит – я необъективный следователь.

– К сожалению, это так.

– К сожалению?!

– К сожалению!

И пустился он нарочито в саркастический смех, приговаривая:

– Ой, ой, братцы, не могу, прямо курам на смех! Ой, Гиндия, ты меня насмешил. Зря ты все это затеял. Вышестоящее начальство все равно не удовлетворит! Для отвода необходимо серьезное основание, его у тебя нет. Смешно, смешно, – повторял он сквозь «смех».

– Зря вы так думаете, Алексей Николаевич. Вы – подхалим и карьерист, хотите быть распрекрасной служанкой перед начальством. Подхалимы, как известно, испокон веков не могут быть объективными, преследуя свои личные интересы, вредят правому делу.

– Ничего у тебя не получится, сверху не дадут «добро».

– Дадут, не беспокойтесь! Никуда они не денутся.

– Как дадут?!

– Очень просто. Давать показания, как известно, это мое право, а не обязанность. Принуждать вы не можете, поскольку это является грубейшим нарушением законности. Но самое главное, в своем заявлении об отводе, я в обязательном порядке укажу, что вы страдаете серьезным образом пороком, – не унимался я.

– Каким?! Каким?! Повтори еще раз! – он волновался.

– Повторю с удовольствием: пороком, то есть, вы – пьяница.

– Сволочь! – свирепея, крикнул он. – Я тебе покажу! Да! Да! Я тебе покажу!

– Алексей Николаевич, у вас есть жена?

– Не ваше дело! Ты смотри, что он вытворяет!

– И все-таки, есть жена? Вы женаты?

– Хочешь в любви объясниться? – сострил он. – Да, есть! Работает здесь в МВД, капитан. Между прочим, дагестанка.

– Так вот, Алексей Николаевич, – совершенно спокойно говорю ему. – Вы лучше покажите ей, совместите приятное с полезным, это пойдет на пользу вам обоим. Так что, не робейте, Алексей Николаевич…

– Наглец! Гад недобитый! – заорав, он, как бешеный зверь, вскочил с места. – Голову размозжу, убью! – и замахнулся своим огромным кулачищем на меня.

Я перехватил обеими руками его руку. Надо сказать, что испугался я не на шутку, и это дало мне прилив силы и сопротивления.

Кудашев был гораздо сильнее меня. Здоровый молодой человек, с атлетическим телосложением. Мог свободно, без особого труда избить не только меня, физически более слабого человека, но и посильнее.

Вероятно, он быстро сообразил, что рукоприкладство может сослужить ему плохую службу по линии начальства, видимо, поэтому, оттолкнув меня к стенке, быстро отскочил назад и сел на свое место. По его внешности было видно,

что у него внутри клокотала ярость. Не находил себе места, скрипел зубами, но молчал упорно. Тем не менее, постепенно приходил в себя. Полагаю, что он находился в состоянии аффекта, на почве нервно-психического возбуждения. Аффект, как известно, проходит быстро. В это время, два его товарища (коллеги по работе) из следственного отдела, с шутками да прибаутками врываются в кабинет Кудашева. И прямо, как говорится, с места в карьер, фамильярно заявляют:

– Леха, после работы, сегодня вечером пойдем на ночной пикник.

Леха молчит, уставившись ненавидящим взглядом на меня.

– Леха, ты слышишь, Леха? Пойдем, аа? Леха? Что с тобой, Леха? Заболел что ли?

– Чего вам?! – недовольным взглядом посмотрел он на них.

– Что с тобой?

– Ничего…

– Тебе плохо? – коллеги его уставились удивленно на него.

– Не знаю, плохо или хорошо, но этот человек, – он показал на меня, – точно сведет меня с ума.

Коллеги Лехи молча переглянулись, а затем равнодушным взглядом окинули меня.

– Что случилось, Леха?

– Он оскорбил меня, понимаете, оскорбил. Непристойными словами.

– Оскорбил, говоришь?

– Да, оскорбил.

– Так перевоспитывай его.

– Гм, как перевоспитывать-то?!

– Дай ему по башке, Леха, так чтобы мать родная не узнала, – с улыбкой на лице начали его консультировать, – ты же в конце концов из бывших милицейских. Тебя этому не учить.

– Дашь ему по башке, а потом?

– Что «потом»?

– Ладно, сам разберусь, а вам чего надо?

– Организуем после работы ночной пикник, аа?

– Где?

– В гостинице «Иверия» [1].

– Пикник в гостинице?!

– Да. Там на последнем этаже нелегально ребята арендуют несколько номеров под публичный… За соответствующую плату можно всласть побаловаться с девчонками.

– Я женат и не голоден по женскому телу.

– Так и мы тоже женаты и не голодны по женскому телу.

– А в чем же дело тогда?

– Дело в том, Леха, там можно совершенно безопасно т… несовершеннолетних девчонок-подросточек, а это очень интересно.

---

[1] В дальнейшем диалоге между следователем Кудашевым и его коллегами есть моменты, которые, вероятно, следовало бы опустить по цензурным соображениям, но, по согласованию с автором, решили ограничиться многоточиями в некоторых местах текста и словах после заглавной буквы. Это сделано, чтобы лишний раз показать недобропорядочность сотрудников и атмосферу, царившую в тогдашнем грузинском КГБ, от которого зависела судьба автора воспоминаний – Заура Гиндия – в частности и всего абхазского народа в целом.

– И не жалко вам девчонок-подросточек лишать невинности.

– Мы, Леха, не лишенных невинности, против их воли не….

– Ее, ребята вы схлопочете на свои грешные головы прескверную заразу…

– Ерунда, Леха… Волков бояться – в лес не ходить… Леха, генацвале, неужели, ты никогда не т… несовершеннолетних девчонок… Ей-богу, ты нас удивляешь…

– Нечего удивляться…

– Как можно не удивляться, Леха, «шени чириме», у тебя там, на родине, в Пензе, где столько огненных путан, чтоб ты ни разу не т… несовершеннолетних девчонок… Кто этому поверит…

– Ну, это уже ваше право, верить или не верить, а у меня такого желания не возникало и не возникнет.

– Как может не возникать такое желание у мужчины! Леха, это же высший кайф.

– Ну, вас на …! – и посмотрел на меня смущенно.

Леха был родом из города Пензы, путан там действительно, хватает, впрочем, как и в любом уголке земного шара. Но Леха искренне доказывает им, этим безнравственным извращенцам из КГБ, что у него не было и нет желания соединяться с несовершеннолетними девчонками… а эти растленные негодяи упрямо не хотят верить этому.

«Чудны дела твои, Господи!» – подумал я про себя.

– А зря, Леха, ты так заупрямился… – не унимаются они, – это так интересно, ты не представляешь, что это такое: она пищит, стонет, плачет, вся в слезах, просит, умоляет вылезать с нее, а ты ее… Это такое удовольствие, нельзя словами передать…

– Ну, вы даете! Мазохисты!..

В ответ они хохочут, по-дружески насмехаясь над Лехой.

– Ну, так придешь ты? В 22:00 будем ждать у входа в гостиницу «Иверия».

– Да хватит вам, ребята, я на работе, не отвлекайте.

– Мы будем ждать, Леха, приходи, не пожалеешь, – хохоча, оставляют они кабинет Кудашева.

– Слыхал?! – кивком головы он показал на дверь, имея в виду только что ушедших от него плейбоев грузинского КГБ.

– Не сближайся с людьми, у которых слишком гибка совесть, – ответил я ему словами Эжена Делакруа[1].

– Работаем в одном отделе, так сказать, коллеги по службе, – краснея, пролепетал он.

– Вот, что я вам скажу, Алексей Николаевич, не для протокола, конечно, а просто так, чисто по-человечески, коли уж в КГБ начали принимать таких аморальных, нравственно растленных личностей, то не миновать развала нашего государства в недалеком будущем.

Справедливости ради надо заметить, что в то время мне вовсе не приходила в голову мысль о возможности развала Союза ССР, мне тогда казалось, что Союз ССР будет вечным, незыблемым государством, пока будет существовать человечество на этой планете. Прозрение относительно неминуемого развала СССР ко мне пришло гораздо позже, после внесения в Конституцию СССР изменений

[1] Эжен Делакруа (1798–1863) – французский живописец и график.

относительно статьи 6. Такое, для того времени беспрецедентное, решение для государств с «социалистической» системой правления убедило меня, что СССР твердо и уверенно вступил на путь развала и анархии. Поэтому тогда, во время беседы с Кудашевым в 1980 г., мои слова «о неминуемом развале государства в недалеком будущем» были сказаны не всерьез. А просто так, с целью поддеть и позлить его и заодно выразить свое отвращение к сотрудникам КГБ.

– Довольно об этом! Давай по существу! Значит, ты все-таки решил вопрос об отводе. Будешь давать мне отвод или передумал?

– Я подумаю. Нелегко мне, Алексей Николаевич, тяжело, сами понимаете…

– А ты думаешь, мне легко! Я все понимаю, все, но… Ты вот что скажи мне. Предположим, там вышестоящее начальство удовлетворило твое требование об отводе и что с этого, вместо меня дадут следователя-грузина, а ты против грузин. Небось, не легче будет.

– Представьте, что будет легче.

– Интересно, чем?! – оживленно спросил он.

– Хотя бы тем, что они теоретически меньше вас подготовлены в юриспруденции. Я их обведу вокруг пальца.

Он, распылавшись в улыбке, произнес:

– Вот какие планы, оказывается у тебя?! – и разразился гомерическим смехом. Но на этот раз без притворства, искренне, от души, и больше, не сказав ни слова, нажал на кнопку и вызвал конвой, и меня, в сопровождении, повели по коридорам и этажам вниз, в свою камеру.

Нашим соотечественникам, думаю, будет небезынтересно, если я приведу здесь один из множества частных бесед с Алексеем Николаевичем. Так вот, однажды в «частной» беседе (в беседе не для протокола) серьезным тоном он заметил:

– Мы, кстати сказать, все знаем, все, что у вас там, в Абхазии происходит, вплоть до того, кто над вами осуществляет идеологическое руководство из верхнего эшелона власти вашей автономной республики.

– Вот как!

– Да, да!

– А кто нами руководит? Никто… Народ поднялся стихийно в ответ на произвол националистов-самодуров, – стараясь не оказаться в проигрыше в этой словесной поединке, возразил я.

– Об этом знают и в ЦК КП Грузии, – продолжал он начатый разговор, приглушенным голосом.

– Простите, не понял! А что именно знают в ЦК? – «уточнял» я, насколько это возможно было вежливо, строя из себя несмышленыша.

– Что вами руководит известнейшая личность в Абхазии.

– Вы в этом уверены?

– Абсолютно!

– Так чего же тянете резину, коли у вас есть неопровержимые факты?.. Возьмите его… – медленно, тихим голосом, бесстрастно ответствовал я.

Говоря «у вас», я, естественно, имел в виду не Кудашева, а то ведомство, который он представлял в тот момент, т.е. КГБ.

– Это не так просто, – с задумчивым выражением лица произнес он, – есть на то веские причины.

– А кто этот рыцарь-идеолог?.. Назовите, если не секрет… Я горю от любопытства.

– Ну что ж, могу. Пока еще, так сказать, конфиденциально, но могу: Баграт Шинкуба…

Он спокойно взял из ящика письменного стола роман «Последний из ушедших», изданный в серии «Библиотека журнала "Дружба народов"»[1], и, подняв правой рукой на уровне головы, продемонстрировал ее и опять спокойно добавил: «Автор этой книги».

Признаться, я ждал всего, что угодно от сотрудников этого проклятого ведомства и был готов ко всему, но услышанное ошеломило меня.

– Этого не может быть, – как бы про себя, невнятно, рассеяно промолвил я в ответ.

– А почему не может быть? – он посмотрел на меня в упор.

– Потому, что этого не может быть никогда.

– Это неубедительно и банально.

– Что неубедительно?

– Ваш ответ.

– Возможно. Но коли начистоту, скажите, пожалуйста, откуда у вас такие сведения?

– Ну, мне сказали… – съеживаясь, он пожал плечами, – авторитетные люди.

– Конкретно кто?

– Деви Стуруа… Он дословно так и сказал: там воду мутит этот Баграт Шинкуба[2].

– С какой стати он вам это сказал? Как к нему попали?

---

[1] Шинкуба Б.В. Последний из ушедших: Роман. – М.: «Известия», 1979. – Серия: Библиотека «Дружбы народов».

[2] В связи с этим, думается, уместно привести следующий эпизод, имевший место в преддверии четырехдневного (7–11 апреля) схода абхазского народа против грузинского произвола в Сухуме. 28 марта 1967 г. Первый секретарь Абхазского обкома В. Кобахия, председатель Президиума Верховного Совета Б. Шинкуба и председатель Совета Министров Абхазии М. Чиковани в письме в ЦК КПГ писали: «В последнее время появляются разного рода сочинения, в которых неверно трактуются коренные вопросы исторического прошлого абхазского народа». Далее в письме, наряду с книгой П. Ингороква и статьей Н. Бердзенишвили, приводились и другие факты извращения истории абхазского народа в грузинской историографии и констатировалось, что «истории абхазского народа в учебных пособиях по истории и географии Грузии почти не уделяется место или допускается необъективное произвольное отношение». 31 марта в ходе обсуждения названного письма на бюро ЦК КПГ секретарь ЦК КП Грузии по идеологии Д. Стуруа заявил: то, что случилось в Абхазии, объясняется прежде всего тем, что «ряд лиц фактически выступают в роли организаторов волнений среди части абхазцев, и они не получают достойного отпора ни со стороны Абхазского обкома партии, ни со стороны отдельных его членов, в том числе и уважаемого товарища Б.В. Шинкуба». Сам Б. Шинкуба в своем выступлении отреагировал на это следующим образом: «Я согласен с тем, что научные споры не решаются митингами, сходками и прочими в этом духе. Я такие методы не одобряю и не могу согласиться с упреком по своему адресу, что чуть ли не поддерживаю и поощряю подобные явления и факты. Думаю, однако, что следует прекратить выступления в печати, в которых бы снова и снова поднимался давно уже решенный вопрос». Второй секретарь ЦК КП Грузии П. Родионов, обращаясь к Б. Шинкуба, сказал: «На вас никто не собирается возвести поклеп. Речь идет лишь о том, чтобы впредь были исключены такие факты». А первый секретарь ЦК КП Грузии В. Мжаванадзе многозначительно упрекнул Б. Шинкуба: «У вас некоторые из организаторов акций, имеющих националистическую направленность, ищут поддержку, и ваш долг давать им самый решительный отпор».

– Я ходил к нему на работу для консультации, хотел узнать поглубже у сведущих людей корни грузино-абхазского конфликта.

– И что же? Узнали?

– Узнал! – глухо отрубил он, завершая наш разговор на эту тему.

После такого разговора, я сделал для себя вывод: все видные деятели абхазской творческой интеллигенции находятся под колпаком КГБ Грузии, что в их ведомстве хранится готовый компромат на них.

Еще до грузино-абхазской войны, я рассказал об этом нашем разговоре в узком, дружеском кругу некоторым сотрудникам Абгосмузея. Присутствовавший при этом научный сотрудник Ермолай Кесугович Аджинджал в порядке реплики, но на полном серьезе заметил: «Это говорит о том, что они работают крайне плохо, непрофессионально!»

Не мне судить, непрофессионально они работали или профессионально, но, если верить следователю Кудашеву, то получается, что наш Пушкин абхазской литературы Баграт Васильевич Шинкуба, независимо от высокой должности, которую он в то время занимал, тоже находился под колпаком КГБ Грузии.

Уставший от психологической нагрузки и нервотрепки, я медленно опустился на железные нары в душной камере с затхлым, тяжелым воздухом. Нервы мои были возбуждены до предела. Что со мной, плохо владея собой, – думал я. Неужели заболел тяжелым недугом? Боже всемогущий, ведь справедливость должна восторжествовать – таков естественный закон природы. Я должен живым и невредимым выйти из этого адского обиталища, где добро и справедливость ставят ни в грош. Здесь свои волчьи законы, своя правда, свои ценности. Говорят, что в тюрьмах США применяются двадцать четыре метода физического и психического воздействия по «вразумлению» заключенного. Не знаю, насколько это верно, но я ответственно могу утверждать, что в тюрьмах КГБ СССР чуть ли не в два раза превышает количество бесчеловечных дьявольских методов, а изощренность «научных опытов» есть неописуемый для нормального человека, зловещий ад.

Смогу ли я выдержать ждущие меня впереди испытания: тяготы, лишения заключенного, где господствуют дикость и произвол. При желании они могут прикончить меня и до суда, например, с помощью псилосибина и ряда других химических средств и препаратов, имеющихся у спецслужб КГБ. В этом учреждении и не такое делается. Не зря ведь в народе КГБ именуют государством в государстве. А я – правдоискатель-одиночка, что я могу противопоставить этой зловещей миллионной армии, громящей безжалостно свободу и инакомыслие. В книгах пишут, что не страшно умереть за свой народ, за свободу и справедливость. Возможно, это так (хотя я не до конца уверен в этом). Каждый рожденный боится смерти, разумеется, если он полноценный, нормальный человек.

«Смерть за родину, – утверждает Робеспьер[1], – это дорога к бессмертию». Но, как мне кажется, как бессмертие, так и бесстрашие перед смертью может иметь место лишь тогда, когда твой народ всецело понимает тебя, сочувствует, поддерживает и словом, и делом твое начинание. Все ополчились против меня, словно я какой-то прокаженный. Почему жизнь так безжалостна и несправедлива ко

[1] Максимилиан Робеспьер (1758–1794) – французский революционер, один из наиболее известных и влиятельных политических деятелей Великой Французской революции.

мне? В чем я провинился перед Всемогущим. Всю свою сознательную жизнь по мере своих сил и возможностей жил, трудился и мечтал о хорошей жизни, разумеется, не только для себя, но и для нашего многострадального народа. Разве я не страдал, не мучился, обделяя себя многим в жизни, во имя прекрасного будущего собственного народа, во имя счастья трудового народа. Разве я не творил добро, защищая простых неграмотных крестьян от самодурного начальства, вступая в неравный поединок с ним. Говоря словами Жана де Лабрюйера[1], при виде нищеты многих людей мне всегда стыдно было чувствовать себя счастливым молодым человеком.

Возможно, я – новоявленный Дон Кихот? Видно, это так, ибо все идет насмарку. Почему? Ну почему же стали меня так ненавидеть все? Даже те честные труженики-крестьяне, как говорится, истинные дети природы, тоже отзываются неблагодарно обо мне. Что касается начальства – современных местных князьков, то с ними все ясно: карьеристы, жулики, хапуги и прочее отребье… Но и простые труженики-работяги, для которых честность и справедливость были превыше всего, богоугодным, святым делом, тоже стали открещиваться от меня. Что это? Как все это понимать? Дьявол, что ли, вселился в их душу? Откуда такое равнодушие к судьбам Родины и ее народа? Я всегда с благоговением смотрел на простой трудовой люд, как на живительную влагу, как на эликсир жизни нашего народа и Отчизны. Неужели я ошибался в определении человеческих ценностей? Не может же быть в жизни все так гадко и отвратительно!

Жизнь – есть борьба, утверждали испокон веков передовые, светлые умы человечества. Да, это точно так – это непреклонная правда. Значит, я должен продолжить борьбу, а не сдаваться, бороться, несмотря на все трудности, бороться покуда живой, пока теплится в моих жилах кровь. О, Всевышний ты мой, будь ко мне благосклонен, одари меня неуемной энергией, терпением, дай мне силы, чтобы я смог перебороть, выстоять, хотя бы морально против черных сил, жаждущих проглотить меня кегебистской крокодильей пастью. Нет, нет, не бывать этому. В конце концов, мир не без добрых людей. У меня все впереди. Я еще молод, не должно быть так, черт побери, чтобы преступники безнаказанно вершили свой черный, зловещий суд. Всему есть свой конец на свете. Я буду бороться, утраивая силы, бороться всем смертям назло. Это моя обязанность, мой долг.

Впав в апатическое состояние, я невнятно и незаметно для себя пробормотал свои обиды и недовольства, и бог весть сколько времени продолжалось бы это так, если бы не голос моего сокамерника Цверава, выведшего меня из плена тяжких, туманных раздумий. Когда я с безучастным, равнодушным лицом, отрешенно поднял голову, передо мной стоял солидный мужчина, 55 лет, с интеллигентным лицом, в очках, держа в левой руке объемистую книгу в черной обложке, а правой рукой тормошил меня:

– Заур! Заур! Что с тобой? Тебе плохо? Плохо тебе? – спрашивал он, волнуясь, не сводя с меня тревожные глаза. – Не температура ли у тебя, а? – переспрашивал участливо Заза Цверава. – Возьми себя в руки.

К счастью, я быстро сообразил, что к чему. Встал, посмотрел, чуть ли не безумными глазами на серые стены камеры и улыбнулся кислой улыбкой невме-

[1] Жан де Лабрюйер (1645–1696) – французский писатель, моралист.

няемого человека. Потупив взор, я начал медленно прохаживаться по камере. А Заза сел на свои железные нары, положив рядом свою объемистую книгу, вкрадчиво следя за моими действиями. Спустя некоторое времени, он, окончательно успокоившись, выругался по-русски нецензурной бранью в адрес советского гестапо и добавил, обращаясь ко мне.

– Ну, как сейчас? Лучше?

– Да ничего, прошло. Нервы подводят. Видно, я сильно устал. Небось, напугал тебя? – с улыбкой спросил я его.

– Честно говоря, мне стало не по себе, было у тебя лицо безумного человека, и я решил, что ты помешался. В этом учреждении были неоднократные случаи, когда вполне уравновешенные люди сходили с ума, не выдержав психологического давления и изощренные пытки этого проклятого ведомства. Здесь сам дьявол может шею свернуть, не то, что мы. – Но довольный, что я все-таки нормальный человек, а не помешанный, расплылся в доброй улыбке. – Что тебя так огорчило сегодня, за тобой подобное не наблюдалось раньше? Да, кстати, какое впечатление произвел на тебя генерал?

– Ну, как тебе сказать, Заза, генерал как генерал, обыкновенный советский кегебист, с довольно устоявшимися собственными убеждениями о добре и зле, с характером, вышколенный чекист, со старой советской закалкой. Для таких, как он, не существует другой правды, кроме собственной. Было бы странно, не будь он таким. В его возрасте, да к тому же с его стажем работы. Чего больше можно было ждать от него. Упрямый, старый циник. Но вот что обидно, Заза, от меня отказались даже мои близкие друзья-единомышленники, более того, дают против меня «разоблачительные» показания. Почему мир так несправедлив?

– Видно, мир так устроен, – сняв очки, протер он глаза. – Но в итоге добро должно побеждать, как показывает жизненная практика, непременно и побеждает, это естественный закон природы, – сказал Заза. Затем, выдержав паузу, он продолжил: – Заур, я давно хотел спросить тебя, но как-то все не решался. Не прими за нескромность с моей стороны, только без обиды и только честно скажи, пожалуйста, почему абхазы хотят отсоединиться от Грузии? В частности, вот ты, например, борешься за отсоединение? Разве так плохо жить вместе с грузинами? – перевел он наш разговор в иное русло.

Нисколько не кривя душой, я должен сказать, что для меня его вопрос не был неожиданностью. Это обычное заразное явление у грузин, и был готов к этому с первых дней своего пребывания в тюрьме.

– Заза, – сказал я ему, – ты человек просвещенный, образованный, поэтому, думаю, что не отрицаешь существования такой нации, как абхазы?

– Ты что, как можно отрицать то, что существует. Это же самоочевидная истина, более того, у меня много друзей-абхазов в Сухуми. Сам я уроженец Абхазии, детство провел там, у вас…

– Об этом ты уже рассказывал, Заза, но все дело в том, что раз есть на свете такая нация – абхазы, то у них должна быть и своя собственная Родина, не так ли?

– Несомненно! – подтвердил Заза, уставившись сквозь стенки массивных очков на меня.

– Тогда почему же, Заза, ваши видные ученые, средства массовой информации Грузии называют Абхазию не иначе как Западная Грузия или Черноморское

побережье Грузии? Где же логика этих деятелей? Тебе, например, не будет обидно, если Грузию будут именовать частью России? Случись такое, уверен, что ты пойдешь в атаку с оружием в руках. Не так ли, Заза?

Не знаю, смог ли я аргументированно, буквально в двух словах изложить свои мысли и взгляды по этому вопросу, но одно я твердо понял, что попал в точку в самое чувствительное место национал-патриота.

– Ты знаешь, Заур, – поправляя свои массивные очки, начал Заза, – конечно, все это глупо, что Абхазия – это Грузия. Грузия – есть Грузия. Вся разница в том, что Абхазия и абхазы – меньше, а Грузия и грузины – больше. В этом вопросе обоим сторонам не хватает конструктивного, братского, добрососедского взаимопонимания. Не обессудь меня, пойми, как хочешь, но без Абхазии я не представляю себе солнечной Грузии.

– Точно так же, Заза, и я не представляю Абхазию в составе Грузии, – ответил я в унисон моему оппоненту. – Ты когда-нибудь задумывался над тем, почему абхазы тянутся к России? Отвечу тебе, Россия – федеративная республика. Отношения между республиками строятся на равноправии субъектов. Возможно, это равноправие есть формальность, но, что там ни говори, федеративная республика по сравнению с унитарной республикой, согласись со мной, Заза, это уже немалый прогресс в наших советских условиях. Я далек от мысли идеализировать форму российского федерализма, хотя, признаться, отношу я себя к русофилам. (В ту пору я был убежденным русофилом, но после русско-чеченской войны мои взгляды по отношению к России изменились, и я стал «русофобом».)

– Во-во! Здесь у тебя промелькнула мысль, над которой следует серьезно подумать. А почему, и в самом деле, нам не создать федеративную республику? Ну, скажем, под названием Грузино-абхазская Федеративная Республика, – выпалил скороговоркой мой оппонент Заза Цверава.

– Не знаю, Заза, ты задаешь этот вопрос не по адресу. Об этом надо спросить у твоих соотечественников. Давай прекратим бессмысленное пустословие на эту тему, – добавил я, с видом почтенного старейшины, – кто из нас прав, а кто ошибается – покажет будущее. Время – лучший судья для решения этой проблемы. Ты согласен со мной, Заза?

Ничего не сказав, кивнул Заза головой в знак согласия, его сероватые глаза заблестели чуть заметной искоркой на его бесстрастно-бледноватом взоре. Однако непонятно, согласен ли он полностью со мной. Да Бог с ним. В конце концов, не он делает погоду в этом щепетильном, архиважном национальном вопросе.

Я продолжал ходить взад-вперед по тесной и душной камере. На душе жутко, мысли мои витают далеко-далеко в сторону лучезарной, родной, доброй Абхазии. Словно с экрана возникают передо мной переполненные разношерстным людом золотые пляжи Отчизны. Чуть поодаль высятся горы-великаны, увенчанные вечной серебряной белизной. Под ними в зеленых альпийских лугах, покрытых разноцветным бархатом, звучит, ублажая, лаская слух, сладкозвучная пастушья свирель. А на петлистой горной тропинке, укутанный черной мохнатой буркой, мчится на коне потомок великих нартов джигит-горец. Меня опять охватила ностальгия, тоска по Родине. Я, разумом понимая чреватость подобного явления, особенно в застенках тюрьмы, давал отчет себе, чем это может

кончиться. Поэтому нельзя допустить малейшей слабины с моей стороны. Я должен, обязан держаться, крепиться назло врагу, несмотря на трудности и невзгоды тюремной жизни, поскольку мне еще предстоит тяжелая борьба, впереди неравный поединок с громилами КГБ. Стараюсь отбросить от себя груз раздумий и воспоминаний, нахлынувших на меня. Надо смело, мужественно уйти от душераздирающей тоски по Родине и близким людям. Иначе это может привести к личной катастрофе. Останавливаюсь, гляжу на Зазу, он, уткнувшись на страницу своего пухлого романа, продолжает безмолвно читать.

– Заза! – отрываю я его от чтения полюбившегося ему исторического романа «Тяжкий крест». За давностью времени ее автора уже не помню, но кажется фамилия его Джапаридзе, возможно и Анджапаридзе[1].

– Да, слушаю, Заур, – медленно он поднялся и сел на железные нары, положил книгу на тумбу, которая стояла с левой стороны от него. Затем, сосредоточившись, стал внимательно, пристально смотреть на меня. В этот момент он был похож на человека, который по долгу службы был готов выслушать длинный, предлинный монолог, хоть на несколько часов без суеты и раздражения.

– Ты любишь поэзию? – ни с того ни с сего спрашиваю напрямик.

– О, я да! А ты, Заур?

– Говоря словами великого русского лирика Тютчева, я больше всего любил, люблю, и буду любить в мире Отечество и поэзию.

– Вслед за Тютчевым и за тобой, тоже самое могу повторить и я, – выпрямившись и расправляя плечи, улыбнулся он мягкой своей улыбкой.

– Инженер любит поэзию?

– Да, я инженер по образованию, но родился и вырос в семье писателя, разве я не рассказывал тебе об этом? Юность моя была тесно связана с тбилисской литературной богемой. Да, было время, чудное, беззаботное время, – вздохнул он глубоко, лицо его озарила мягкая, добрая улыбка, – и по сей день питаю слабость к литературе, истории, музыке и живописи.

– Тогда, вот что, Заза! Слушай меня внимательно, я прочту одно великолепное стихотворение. Просто так, для разрядки, для души. Идет?

И я сразу перешел к чтению стихотворения великого поэта и гражданина Венгрии. Стихотворение, которое я помнил наизусть с юных лет:

Мужчина, будь мужчиной,
А куклой – никогда,
Которую швыряет
Судьба туда-сюда.

Отважных не пугает
Судьбы собачий лай, –
Итак, значит, не сдавайся,
Навстречу ей шагай!

[1] «Тяжелый крест» – исторический роман грузинского писателя Реваза Джапаридзе.

Настроив себя на роль актера-чтеца и вкладывая всю свою душу и любовь, и весь свой талант к гениальным строкам гениального человека, плененный содержанием и музыкой стиха, я продолжал:

Мужчина, будь мужчиной!
Отважным будь в борьбе
И ни судьба, ни люди
Не повредят тебе!

Будь словно дуб, который
Попав под ураган,
Хоть выворочен с корнем,
А не согнул свой стан!

Торжественно завершаю я свое чтение.

– Ну, как? Нравится? Великолепная вещь, неправда ли? – обращаюсь я к Зазе.

– Еще бы! – задумчиво отвечает Заза. – Талантливейший поэт Венгрии.

– Шандор Петефи[1], поэт и герой. Борец за свободу Венгрии от колониального ига. Сложил свою буйную голову за счастье своего народа, – вношу я «поправку».

– Признаться, мне также очень понравилось твое мастерство по художественному чтению. У тебя прекрасный талант актера-чтеца, – похвалил он меня, – пожалуйста, прочти еще что-нибудь, ну, например, из ваших. Я знаю, у вас много прекрасных поэтов.

Я с удовольствием принял просьбу Зазы и начал читать:

Не развеют боль мою
Ни коньяк, ни чай.
Черным кофе разгоню
Черную печаль.

Старики вокруг сидят,
Четки теребят,
Ни о чем не говорят,
На меня глядят,

Цедят кофе по глотку,
Греются в тепле…
Чем же разогнать тоску,
Жанна, по тебе?

Девушка, я закажу
Чашку или две,
Девушка, я погляжу
В гущу, что на дне.

[1] Шандор Петефи (1823–1849) – национальный поэт Венгрии.

Надо черный кофе мне
Молча пригубить.
Надо, словно бы во сне,
В прошлое уплыть.

Дым надежд – нестройный рой
Предо мной парит,
Принимает облик твой,
Что-то говорит

Словно пьяный, я смотрю
На прозрачный дым,
И вот-вот заговорю
С призраком твоим.

С пафосом, с большим чувством, я заканчиваю чтение стихотворения нашего талантливого поэта-мэтра Мушни Ласуриа[1] «Черный кофе», сначала на языке оригинала, а затем на русском языке, в переводе мастера русского поэтического слова Станислава Куняева[2].

– Ого, это необыкновенно удивительное стихотворение, каждая строка облачена живописью, дышит богатой музыкой, такое стихотворение не пропеть. – грех, – заметил Заза многозначительно.

– То же самое говорил и Чернышевский, – солидаризируюсь я с его мнением.

– Чернышевский?.. И что же говорил он, этот Чернышевский?

– Чернышевский утверждал, что «стихи, которых невозможно пропеть, едва ли заслуживают имени стихов», – отвечаю я Зазе.

– Да-а, пожалуй, он прав, – сияя лицом, блеснул он своими грустными глазами.

Действительно, как можно не восхищаться наимузыкальнейшими строками этого высокохудожественного лирического стихотворения, которое благородным образом оттачивает вкусы читателей, «внушая им любовь к прекрасному, которая сама найдет себе применение без всякой пропаганды»[3]. Вот что значит настоящее, истинное искусство. Метр абхазского поэтического слова Мушни Ласуриа отлично осилил эту труднейшую задачу перед требовательными читателями. Доказательством тому служит и превосходное стихотворение «Черный кофе». Стихотворение, которое, говоря словами Белинского, «есть выразительница и жрица красоты».

– А теперь послушаем тебя, прочти ты тоже что-нибудь,– сказал я Зазе.

– С удовольствием, но я плохой чтец, – скромничая, отнекивался Заза.

Тем не менее, я настоял на своем. И начал он читать знаменитое стихотворение гениального грузинского поэта Галактиона Табидзе[4]. Читал он не так уж

---

[1] Мушни Таевич Ласуриа (1938) – Народный поэт Абхазии, переводчик, литературовед, критик. Академик АНА.

[2] Станислав Юрьевич Куняев (1932) – русский поэт, публицист, литературный критик, переводчик.

[3] Цитата из «Литературной исповеди» русского писателя А.К. Толстого (1817–1875).

[4] Галактион Васильевич Табидзе (1892–1959) – грузинский поэт.

плохо, с достоинством, медленно, спокойно, выразительно, со вкусом. Магическая сила чудных строк Галактиона господствовала в тюремной камере. Опять я мысленно перенесся в родную Абхазию. Образ Родины то возникал, то исчезал предо мной. Все смешалось в голове, словно в кошмарном сне. Воистину прав поэт, написавший пророческие слова: «Теряющий надежду – теряет все». Нахожусь во власти тяжелых дум без конца и начала. Невольно приходит в голову афоризм известного французского поэта Буало[1]: «Могуча власть слов, стоящих там, где надо». Заза заканчивает чтение «Мери». Молчит. Молчу и я. Полная тишина в камере. Каждый из нас думает о своем. Верно сказано, что своя рубашка ближе к телу.

Сегодня многим, небось, известно, что прекрасное стихотворение Табидзе «Мери» посвящено очаровательной абхазской княжне, красавице Мери Чачба (Шервашидзе). Однако, справедливости ради, следует заметить, что в то время я, естественно, об этом ничего не знал. Узнал об этом и о ней позже, спустя годы.

– Ну, хватит на сегодня, будем временно закрывать наш литературный салон, продолжу чтение своего романа, – весело шутит Заза.

– Слушай, Заза, о чем этот роман?

– О чем?.. Очень интересный роман. Речь в ней идет о борьбе грузинского народа против иноземных поработителей. Да, кстати, много теплых, добрых слов сказано здесь в адрес абхазского князя Хутуни Шервашидзе, – не без гордости заявляет Заза.

Мне было отрадно и приятно, что абхазский князь из области Самурзакан Абхазского княжества с большой теплотой упоминается грузинским писателем наших дней в своем историческом романе, посвященном борьбе грузин против своих поработителей. Абхаз Хутуни Чачба-Шервашидзе внес свою большую лепту в борьбу грузин за свободу и независимость. Он, как об этом свидетельствуют исторические анналы, с абхазским отрядом участвовал в битве грузин с турками в местечке Хресили. Отважно сражаясь, погиб молодой абхазский князь в жестоком бою, зарубив собственноручно шестнадцать вражеских воинов[2]. Об этом, вычитанном мною когда-то в исторических анналах, я с гордостью рассказал Зазе.

Итак, незаметно для себя, мы вышли из «литературного» салона и вошли в салон «исторической» науки. Говорили долго и много. К вечеру, мы завершили свой «семинар» по истории Абхазии и Грузии вничью, в неплохом настроении, без победителя и побежденного. Заза был благовоспитанным человеком. Джентльменом. Инженер по образованию, с широкими знаниями в области литературы, истории и искусства. По его словам, грузинский писатель Симон Цверава (отец Зазы) одно время работал и в Союзе писателей Абхазии. Затем был переведен в секретариат Союза писателей Грузии. Хороший рассказчик, умный, рассудительный, Заза много говорил мне о Константине Гамсахурдиа и его сыне Звиади, о нравах и чудачествах клана Гамсахурдиа, с которыми он был близко знаком через своего отца Симона. Был женат Заза на сухумчанке из рода Хабур-

---

[1] Николя Буало (1636–1711) – французский поэт, критик.

[2] Событие это имело место 14 декабря 1757 г. на Хресильском поле. Хутуни Чачба-Шервашидзе собственноручно уничтожил 16 вражеских воинов, а сам смертельно был ранен. Как отмечают многие грузинские историки, благодаря его мужеству был спасен грузинский царь Соломон Первый. – *Прим. авт.*

зания. Да и сам он детство свое провел в Сухуме. Он всегда тепло отзывался об Абхазии и абхазах.

В частности, среди его близких абхазских друзей он с особой симпатией вспоминал некоего Рому Агрба и просил, если я освобожусь раньше его из мест заключения, зайти к нему домой и передать привет от него – от Зазы Цверава. Но, к сожалению, первые месяцы, после освобождения, я не смог исполнить просьбу Зазы по объективным причинам, а потом, что греха таить, вовсе и забыл об этом. Дело в том, что после выхода из спецтюрьмы КГБ, на шестой, кажется, день я сильно занемог тяжелым недугом. Вследствие этого попал надолго в лечебное учреждение. Почечные колики, аритмия сердца, невыносимые головные боли замучили меня, разрушая нервные клетки и в целом весь организм. Дело дошло до того, что врачи поставили диагноз: депрессивный астенно-невротический синдром. Благодаря моим близким друзьям и родным, я попал в руки прекраснейшей пожилой русской женщины, врача-невропатолога Кашавцевой. Добрая русская женщина с большим знанием дела, взялась за восстановление пошатнувшегося моего здоровья. Долго и упорно, не щадя сил, она исполняла не только свой профессиональный долг, но и обогревала меня материнской любовью и лаской.

Словом, это она, благороднейшей души человек, выходила меня и поставила худо-бедно на ноги. За что я премного благодарен во веки веков ей, чудной русской женщине, сеятельнице добра и человеческого тепла.

Так завершилась моя первая встреча с шефом КГБ Грузии. Впрочем, была и вторая встреча, но об этом впереди.

Мой добрый читатель! В своих записках я буду рассказывать тебе о многих других гражданах, причастных прямо или косвенно к моему аресту и осуждению. Кое-кто из них целенаправленно, с умыслом, охотно сотрудничал ради своей выгоды и корыстной цели, совершал предательство и подлость. Вторая категория – это мелкие душонки и несчастные трусы, которые из-за своего ничтожества предавали и будут предавать. Предают они и сегодня. Их может исправить только могила. К третьей категории я отношу эгоистов и подхалимов с черной и пречерной душой. Их надо ставить в один ряд с изменниками Родины. К четвертой категории принадлежат, – на мой взгляд, они страшнее других – равнодушные к жизни нашего общества и страны.

Число лиц, допрошенных по моему делу в качестве свидетелей, составляет 83 человека, а косвенно причастных еще больше. Обо всем этом и обо всех я буду рассказывать тебе, основываясь на следственных документах. Ты встретишься здесь со многими твоими знакомыми: с бывшими работниками Очамчырского райкома партии, исполкома, КГБ района и прокуратуры, с работниками КГБ республики, Абхазского обкома, Совмина и Верховного Совета, прокуратуры Абхазии и Грузии, а также с интеллигенцией и крестьянами.

Да, есть люди, которые говорят мне, что не стоит ворошить прошлое. Мол, что было – то прошло. Но, как же быть, если без прошлого нет будущего. Прав поэт, который написал: «Тот, кто вчерашние жертвы забудет, может быть завтрашней жертвой будет»[1].

---

[1] Цитата из поэмы Евгения Евтушенко «Фуку».

Мой добрый любезный читатель. Я буду рассказывать тебе не только об отрицательных персонажах, но и о положительных героях – честных, искренних в своих помыслах и деяниях. Хотя, к сожалению, их не так уж много в моих записках. А жаль. Но, что делать, если «лучше горькая правда, чем сладкая ложь». Еще Адам Смит[1] советовал: «Чтобы научить людей любить справедливость, надо показать им результаты несправедливости». Я решил руководствоваться этим. Народ должен знать, кто есть кто.

После развала СССР с превеликим удовольствием прочел книгу «крамольных» стихов (книга «Стихи из стола»[2]) известного русского поэта Алексея Маркова[3]. Они не оставили меня равнодушным, мне навсегда запомнятся близкие мне по духу, великолепные строки:

Нет, мне своей не жалко жизни,
Я больше думал о другом,
Что я погибну за Отчизну,
А назовут меня врагом.

И я, уроженец и житель абхазского села, сын неграмотных крестьян, находясь в тюрьме КГБ, больше всего на свете боялся, что в сознании моих односельчан я останусь врагом народа. Но, благодаря Господу Богу, этого не произошло. Спустя 15 лет абсолютное большинство людей, которых я знал и которые знали меня, убедились в том, что я никакой не враг народа, а всего-навсего маленький патриот маленькой страны – Республики Абхазия. Известный русский поэт Анатолий Жигулин[4], репрессированный в годы культа личности Сталина, еще в 1963 г. писал:

Трудная тема,
А надо писать,
Я не могу
Эту тему бросать.

Трудная тема –
Как в поле блиндаж:
Плохо,
Если врагу отдашь.

Если уступишь,
Отступишь в борьбе, –
Враг будет оттуда
Стрелять по тебе.

---

[1] Адам Смит (1723–1790) – шотландский политэкономист, экономист, философ и один из основоположников современной экономической теории.

[2] Стихи из стола: Стихотворения, поэмы. Москва: «Советский писатель», 1989 (1990).

[3] Алексей Яковлевич Марков (1920–1992) – русский поэт и переводчик.

[4] Анатолий Владимирович Жигулин (1930–2000) – советский российский поэт и прозаик.

Я трудную тему
Забыть не могу.
Я не оставлю
Окопы Врагу.

Да, действительно, тема эта, о «людях и «зверях» эпохи тоталитарного режима тяжела и сложна. Тем более, что, если ты, пишущий на эту тему, сам являлся жертвой этого бесчеловечно жестокого режима, имя которого советизм. Тем не менее, как бы она ни была тяжела и сложна, надо писать, писать и писать. Писать правду, не стыдясь, не утаивая ничего. Это нужно, это необходимо для катарсиса общества, для реабилитации наших душ. Словом, для облагораживания растленного политическим распутством общества, униженного до крайности, растоптанного сапогами лжекоммунистов. «Кто имеет право писать свои воспоминания?» – спрашивал писатель и мыслитель, революционер-демократ, основоположник народничества, Александр Герцен. И сам ответил на поставленный вопрос: «Всякий». И далее пояснял: «Всякая жизнь интересна, не личность – так среда, страна занимает, жизнь занимает…»

Мы, хлебнувшие сполна тяготы и лишения тоталитарного режима, мы, оскорбленные и униженные на долгие годы в глазах собственного народа – из нас старались делать отщепенцев, изгоев, манкуртов нации. Одни страдали за верность Родине и вере, в поисках высших общечеловеческих идеалов и справедливости, жертвуя собой и жизнью своих близких. Другие, пользуясь ситуацией, обустраивали свои личные дела, создавая себе роскошь и благодать, отправляя в кромешный ад ни в чем неповинных людей, дабы подняться еще выше по служебной лестнице на костях своих единокровных соотечественников.

Размышляя о пройденном, тяжелом времени, невольно на ум приходят мудрые слова известного абхазского писателя Михаила Лакербай[1]: «Нельзя строить свое счастье на несчастьи другого». Я считаю, что молчание в этом очень важном вопросе равносильно предательству, продолжением политики тоталитарного режима в иной, модернизированной форме. Мы должны, обязаны говорить и писать о тяжелом былом нашего народа смело, открыто, невзирая ни на кого и ни на что. Абхазская пословица гласит: «Правду скажешь – мертвого воскресишь».

Без правды нет, не было и не будет нигде, никогда никакого движения вперед, к добру, к прогрессу. Где нет правды, естественно, там нет и достойной жизни. Мой добрый, любезный читатель! Время силенциума[2] прошло. До сих пор по воле преступного меньшинства выслушивалась одна-единственная сторона. Как говорили древние римляне – да будет выслушана и другая сторона. Та самая сторона, которая незаслуженно была загнана в угол.

Как бы там ни было, что бы про нас не говорили и противники, и наши друзья, мы умудрились уцелеть в этой адской круговерти благодаря Народному форуму Абхазии и Конфедерации горских народов Кавказа. Я твердо уверен в том, что без вышеперечисленных антиколониальных патриотических организаций

[1] Лакербай Михаил Александрович (1901–1965) – абхазский писатель, поэт, драматург, сценарист, театровед.

[2] Силенциум – от латинского silentium (силентиум) – «молчание, безмолвие.»

и без воистину великого сына всего Кавказа Владислава Ардзинба не было бы свободной Абхазии. Об этом наш народ обязан знать и помнить всегда.

Гей, вы, партсикофанты! Гробы повапленные, и вы, лакеи их! Трепещите, ждите от меня грозы! Моя месть будет для вас хуже дантовского ада, но зато вполне справедливым, богоугодным актом. Вслед за Монтескье,[1] я готов сегодня повторить без малейшего угрызения совести, что «каждый достоин своей участи». Готовьтесь: иду на вы!

Итак, я начинаю действовать!.. Действовать не топором, а пером! Я хочу сказать тем, кто не понимал и не понимает нас до сих пор, перефразируя слова Владимира Солоухина[2]. Да, мы уцелели, но живем по сей день вне закона цивилизованного человечества, по вине Организации Объединенных Наций и аморальных стран гнилого Запада.

Я убежден, и в этом меня никто не может переубедить, что о прошлом нашего народа и нашей страны, об их тяготах и лишениях надо говорить и писать, ничего не утаивая, невзирая ни на кого и ни на что… Ибо, как совершенно верно заметил один из виднейших русских поэтов, «это нужно не мертвым, это нужно живым»[3].

Вступление и примечания – А. Авидзба

---

[1] Шарль де Монтескье (1689–1755) – французский философ права и истории.

[2] Владимир Алексеевич Солоухин (1924–1997) – писатель и поэт, представитель «деревенской прозы».

[3] Классическая фраза из легендарной поэмы Роберта Рождественского «Реквием (Вечная слава героям…)».

БОРИС ТАПАГУА

ЗАПИСКИ КОМАНДИРА[1]

Борис Андреевич Тапагуа – уроженец и житель села Кутол Очамчырского района. Родился 21 декабря 1955 г. С первых дней Отечественной войны он в рядах защитников Абхазии. Примерно к осени 1992 г. собранная им из жителей с. Кутол группа (бригады 5, 6, куда затем влились некоторые бойцы из с. Тамыш и г. Ткуарчал) стала называться «Стрелец». Поначалу она состояла из нескольких человек, но уже в середине осени 1992 г. ее численность достигала примерно до 25–30 ополченцев. Впоследствии группа имела значение ротного подразделения, численностью около 45 человек.

Бориса многие называли Баро. Известно, что это имя часто упоминали в годы войны вражеские солдаты. Они всячески стремились уничтожить командира Баро и неоднократно пытались заманить его в ловушку, но он со своими бойцами умело опережал противника. Благодаря избранной им тактике и методам ведения партизанской войны (он использовал язык противника и проникал вглубь позиции врага) Борис брал в плен т.н. языков, владевших ценной информацией. К сожалению, жизнь командира оборвалась в июльской наступательной операции 2 июля 1993 г. В жестоком бою в с. Лабра Баро и его друг Бено Колбая погибли смертью храбрых. До этого 16 марта погиб на Гумистинском фронте его брат Тариэл Тапагуа. После гибели Баро его группа не распалась и победоносно завершила свой боевой путь.

В группу «Стрелец» также входил родной брат Б. Тапагуа – Денис («Пушкин») Тапагуа, который ушел из жизни 30 декабря 2017 г.

В публикуемом ниже блокноте Б. Тапагуа отражен небольшой отрезок времени и хронологически охватывается период в основном с 9 января по 8 апреля 1993 г. Записи не дают всей полноты информации о боевых действиях подразделения, и лишь частично воспроизводят некоторые события,

[1] Эти заметки, судя по всему, всего лишь небольшая часть дневниковых записей основателя и командира группы «Стрелец» Восточного фронта Бориса Тапагуа. По воспоминаниям его однополчан, он вел записи в общей тетради и блокноте. Мы сегодня располагаем только записями блокнота (которые воспроизводятся здесь), а тетрадь потеряна – *Прим. ред.*

относящиеся к периоду февраля-марта 1993 года, весьма сложного для бойцов Восточного фронта. В основном описывается занятие новой позиции в Верхней Лабре бойцами группы «Стрелец», приводятся некоторые данные о количестве личного состава группы, боеприпасах и т.д. Интересными являются также сведения о подготовке и самом наступлении на Лабру 1 марта 1993 года. Здесь дается оценка операции и указываются некоторые детали, ставшие причинами ее неудачи. В целом дневниковые записи Бориса Тапагуа имеют немаловажное значение для изучения истории Отечественной войны в Абхазии 1992–1993 гг.

14.08.92 г. началась война. В этот [день] наши ребята взяли оружие, кто, чем мог, встал на защиту своей Родины[1].

9.01.93 г.:
1. Место жительство временно отменяется.
2. Хождение. Решено.
3. Стрельба. Решено.
4. Строгость и порядок. Решено.
5. Гранатомет и оружие. Решено.
6. Топка домов. Решено.

Февраль[2]:
Смену приняли
2 авт[омата] АКС – 4 шт.
1 авт[омат] АКМ. Маг[азин] – 5 шт.

Гранат[омет] 1. Сн[арядов] – 5 шт.
Муха – 1.

***
1. Мука пш[еничная][3].
2. Сахар.
3. Солярка.
4. «АКС»
5. Мины.
6. Рожки.
7. Рация.
8. Бинокль.
9. Снайпер.
10. Кепка.
11. Сигареты.

---

[1] Данная запись сделана позднее.

[2] Скорее всего, данная запись осуществлена одним из заместителей Баро. Возможно, Пипи (Рома Чавчавадзе).

[3] Перечень вопросов, требовавших решения (боеприпасы и продовольствие, провиант).

6 февраля 1993 г.: Я со своей группой заступил на новый пост в районе конца Лабринской новостройки со стороны Кутол (Керекен) в количестве 19 солдат, в том числе и одна медсестра. Состав оружия: 4 автомата, 1 муха, 1 танковый гранатомет, ***3 повара*** (?).

7 февраля 1993 г.: Приводили в порядок наше место жительство, а также велось наблюдение в сторону противника. Я ездил в шт[аб] за получ[ением] «гранатомета». Итак в наш «арсенал» добавилось еще одно оружие и 5 снаряд[ов].

8 февраля 1993 г.: К 16:00 часам вечера противник обнаружил место нахождения нашей позиции (с точной уверенностью). Позиция обстреливалась из пулеметов и танковыми снарядами, но все обошлось нормально. С наступлением темноты мы решили «прогуляться», сходить в «гости». Подойдя на максимальное расстояние, мы «почесали» их немного. Был выпущен 1 снаряд из гранатомета в качестве испытания нового гранатомета, перестрелка была 35–40 минут. Конец был эффектен для новой (нашей?) группы.

9 февраля 1993 г.: Была произведена пересменка. 1-ая группа ушла отдыхать на 3-ое суток. В 12:00 часов во время пересменки обсуж[дали] 6 вопросов.

1. Переход на нов[ое] место жит[ельство], (единог[ласно], вр[емя], отмена.)
2. Хождение.
3. Стрельба.
4. Дисциплина и порядок.
5. Гранатомет, гранаты и ост[альное] оруж[ие]. (Их расположение).
6. Топка домов.

Все было решено единогласно. Ост[альное] время ребята несли свою службу. Приходили реб[ята] из Ткварч[ала]. Обсуждали некоторые вопросы о совместной работе в военном деле. 10 чис[ла] в 11:00 час[ов] должны вновь встретиться и обсудить важные вопросы для общ[его] дела.

***

1. Идти орг[анизованно], держ[ась] сообща[1].
2. Смотреть во все стороны.
3. Смотреть под ноги, выбирать протоптанные тропинки.
4. Обращ[ать] внимание на верхние этажи.
5. Не входить в дома без проверки, обстрела и т.д.
6. Не остав[лять] раненых и уб[итых]…
7. Без команды не отходить и не наступать.
8. Не бросаться на трофей.
9. Стрелять одиноч[ными] и прицельно, в случае необходимости авт[оматическими] короткими и прицель[но].
10. Предохранитель.
11. В случае (необходимости) мет[ать] гранатами…
12. При замене «рожка»…

[1] Здесь и далее речь, скорее всего, идет о подготовке и участниках наступления на Лабру.

1. Я.
2. Бондо[1].
3. Омар[2].
4. Зурик[3].
5. Пика[4].
6. Гуляд[5].
7. Шила[6].
8. Марина[7].
9. Рома[8].

***

25 (февраля, 1993 г.): Противник с 4:00 часов утра вел интенсивный обстрел по наш[им] позициям всего Очамчырск[ого] р-на из миномета, уст[ановки] «Град», пушек и бронетех[ники]. В результате чего, было организ(овано) крупномасштабное наступление. Наши ребята проявили стойкость и героизм. Сторона против[ника] понесла большие [потери] в технике (8 единиц), танков и «БМП». Были жертвы ок[оло] 80 чел[овек] и раненых со стор[оны] прот[ивника]. С нашей стороны 8 чел[овек] и неск[олько] ранен[ых]. Позиции прежние.

В Сухуме наши ребята бомб[или] с воздуха, в результ[ате] много жертв со стороны против[ника] (120 уб. и мн. раненых).

26 (февраля, 1993 г.): С утра на нашей поз[иции] относительно спокойно. Против[ник] обстреливает из крупнокал[либрного] пул(емета) нашу позицию. Ведем обычный досмотр нашей поз[иции]. Заним[аем] оборонит[ельную] позицию.

27 (февраля, 1993 г.): Обычный день: наблюдение, разведка.

28 (февраля, 1993 г.): Подготовка к наступлению на с. Лабру. Поздно вечером было решено, кто пойдет в бой, в количестве 9 человек: 1. Я. 2. Бондо. 3. Омар. 4. Зурик. 5. Пика. 6. Гуляд. 7. Шила. 8. Марина. 9. Рома. Все добровольцы.

1 (марта, 1993 г.): В 7:00 ч. утра началась операция. Танковый обстрел позиции противника и атака пехотой. В течение 1 часа у против[ника] была отбита большая часть занимаемой его позиции в с. Лабра. Был подбит и сожжен БМП вместе с экипажем в кол-ве 9–10 человек. Были взяты трофеи: миномет (ротный), зенит[ка] 2-ух стволь[ная] и много боеприпасов. Против[ник] закрепился в 1100-1200 м от цент[ра] с. Лабры. Пошла тяж[елая] тех[ника] (танки) с 2-ух сторон. До появл[ения] танков с моей груп[пы] был ран[ен] Зурик в голову снайпером. При его отправке на трак[торе] «Т-16» сопр[овождали] Омар и Бондо по собств[енному] желанию. Трактор наскоч[ил] на мину, в резуль[тате] [чего] Зурик и Бондо были мертвы, а Омар ранен (лежит в Ткварчели).

---

[1] Бондо Бебиа. Погиб 1 марта 1993 г.

[2] Омар (Джьуда) Кварандзиа. Получил ранение 1 марта 1993 г., единственный, кто остался жив на тракторе. Умер 11 августа 2017 г.

[3] Заур Кварандзиа. Погиб 1 марта 1993 г.

[4] Пика Колбаиа.

[5] Гуляд Мебониа.

[6] Валерий Шакаиа. Погиб 13 марта 1993 г.

[7] Марина Аршба.

[8] Ремзи (Пипи) Чавчавадзе. После гибели Б. Табагуа и до конца войны являлся командиром группы «Стрелец».

1 [марта 1993 г.]: ***P.S.:***

I. На тракторе были еще Кот[1], Темур[2], тракторист и еще один чел[овек]. Кроме Омара и трак[ториста] все были мертвы. Перед их отправкой в больницу, Кот просил меня не оставлять его ребенка без вним[ания]. Я обещал ему, что с ним будет все хорошо.

II. Кроме того, мы взяли 1 автомат (трофей). Одним словом, как всегда, из-за нашей неорганиз[ованности] мы вынужд[ены] были отступить на наши позиции. На всем фронте мы потер[яли] около 10 чел., а прот[ивник] – около 50 чел. Прич[ина] отхода – нехватка горючего на бронетехнике и снарядов. Кол-во оружия 5 автоматов, 1 гранатомет (5 снаряд[ов]), 1 муха. Ждем утра.

2 [марта 1993 г.]: Были намерения повторно атаковать против[ника], но ничего не вышло. В этот день похорон[или] Бондо. Мы даже не смогли салютовать над могилой, т.к. должны были вернуться на позицию. Операция не состоялась. Многие ребята оставили позицию и засели в своих домах. Страх победил разум. Дежурство ведем 6 человек. 1. Я. 2. Пика. 3. Рома. 4. Нодар[3]. 5. Сергей[4]. 6. Марина.

Против[ник] оставил крайние дома своей позиции, возле нашей, т.к. они были нами сожжены. Ведут интенсивный обстрел с центра с. Лабры.

3 [марта 1993 г.]: Пика уехал в г. Ткварчели, проведать своего двоюродного брата, который впоследствии скончался. Вечером к нам присоединился Чача[5]. Итак нас опять 6 чел.

4 [марта 1993 г.]: С утра поздравили друг друга с праздником, хотя, не оправдались наши надежды, встретить 4 марта с победой. 6 чел[овек] на позиции.

5 [марта 1993 г.]: В ночь была обширная бомбежка по всему нашему фронту. К счастью жертв нет. Дежур[им] 6 человек. Утром ребята пришли на службу в колве 4 чел[овек]. Уже нас 10 чел[овек], 5 авт[оматов], 1гр[анатомет], 7 снаряд[ов] (3+4 ак.). Ведется наблюд[ение] на стор[ону] противника и запись их поведения.

Я ходил в штаб за боеприп[асами], взял кое-что. В 17 час[ов] с воздуха против[ник] бом[бил] наши позиц[ии] из больш[их] бомб. О рез[ультатах] неизвестно.

6 [марта 1993 г.]: С утра относительно спокойно. Я иду в штаб с Мар[иной], в надеж[де] получить оружие. Оружие я не получил. Сигареты взял паек 25 пачек и раз[дал] ребятам. По пути на поз[ицию] зашел к сест[ре]. Зять дал мне свою машину (03). На позиц[ии] все нормально. Ведется обыч[ный] досмотр. Вечером начались обстрелы из минометов и тан[ков] по нашим поз[ициям] и селу. Вечером поруг[ались] перв[ый] раз с Мар[иной], но потом помирились.

7 [марта 1993 г.]: С утра частичные обстрелы [снарядами]. Ночью груз[ины] кричали в нашу сторону и руг[ались] матом. Собираюсь в штаб… Не успел в штаб… Пришел снайп[ер] с 2 дв[умя] авт[оматами] и мы пош[ли] обстрелив[ать] поз[ицию] против[ника]. В кол[ичест]ве 5 чел[овек] (один из них Гул[яд]). Снайпер их обст[релял] с мет[ров] 750–800. Одним словом, хорошо почесали их, в теч[ении]

---

1 Кот Кутарба.
2 Темур Джалагониа.
3 Нодар Берзениа.
4 Сергей Кантариа из с. Тамыш.
5 Чача (Юра) Берзениа.

40–45 мин. О жерт[вах] неизвестно. Пос[ле] подъехал «Газик», прикр[ылся] за дом и что-то выгруз[ил]. Груз[ины] тоже обстреляли. Послыш[ался] гул техники (танка), мы ушли сразу. Успели отойти и начали пус[кать] снаря[ды] из тан[ка]. Мы ушли по позициям.

***

Апрель [19]93 г[1].

1. Рома + 5 бр[игада].
2. Зурик[2] + 5 бр[игада].
3. Замбе[3] + 5 бр[игада].
4. Бено[4] + 5 бр[игада].
5. Адгур[5] + 5 бр[игада].
6. Темур[6] + Там[ыш].
7. Чача + 6 бр[игада].
8. Заур[7] + Тку[арчал].
9. Едик[8] + 5 бр[игада].
10. Джам[бул][9] + 5 бр[игада].
11. Славик[10] + – Очам[чыра].
12. Гено[11] + – 5 бр[игада].
13. Мамкуа[12] + – 5 бр[игада].
14. Гулад + – 6 бр[игада].

8 [апреля 1993 г.]:

1. Бено + 5 рож[ков].
2. Даур[13] + 4 рож[ка].
3. Зурик + 5 рож[ков].
4. Гулад + 5 рож[ков].
5. Славик + 5 рож[ков].
6. Бетка[14] + 4 рож[ка].
7. Рома + 5 рож[ков].
8. Заур + 5 рож[ков].
9. Нодар + 3 рож[ка].

---

1 Здесь и далее записи ведет Ремзи Чавчавадзе, Баро ранили, и он был отправлен в Гудауту.

2 Зурик Чавчавадзе.

3 Замбей Табагуа, боец-радист.

4 Бено Колбаиа, погиб вместе с Баро.

5 Адгур Колбаиа.

6 Темур Лагвилава («Темчик»).

7 Заур Кварандзиа.

8 Едик Чкадуа.

9 Джамбул Ласуриа.

10 Славик Цулая.

11 Гена Гурчиани.

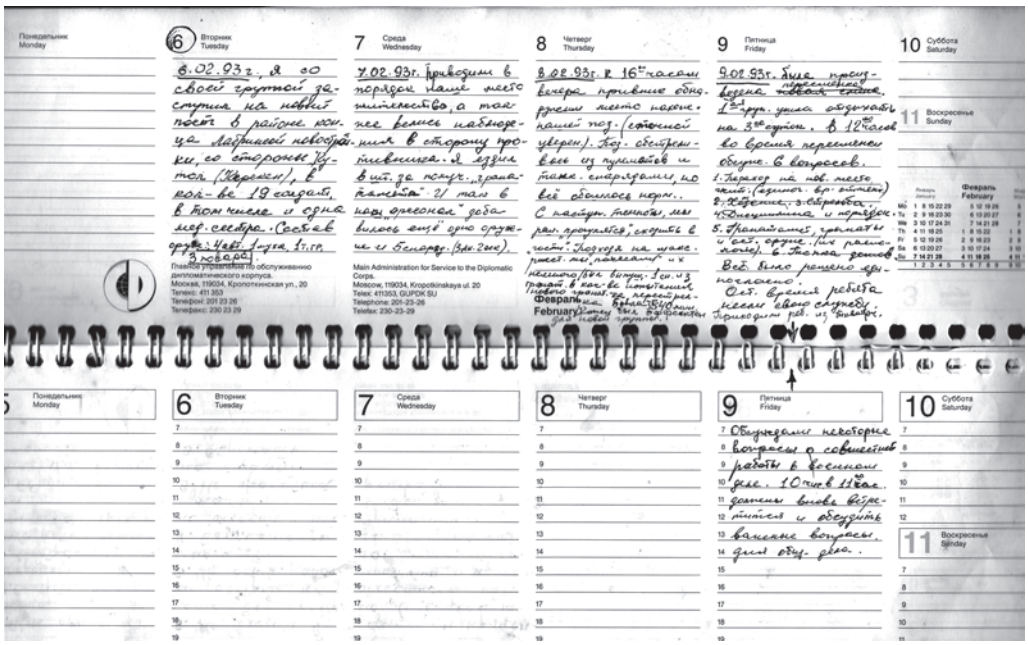
12 Мамкуа Дзидзигури.

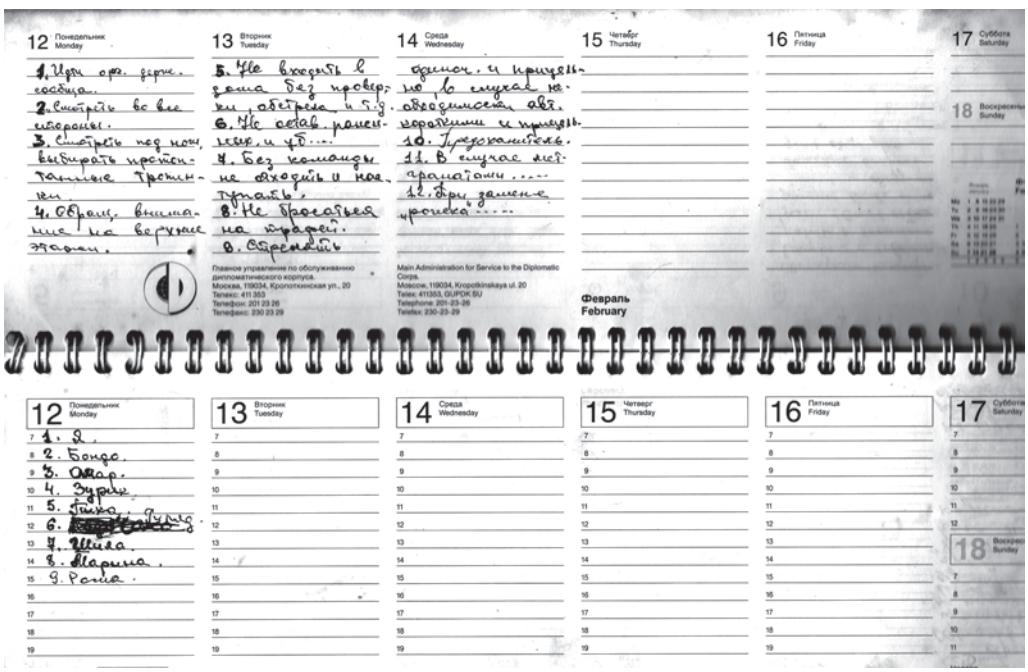
13 Даур Колбаиа – после войны трагически погиб.

14 Коба Гогохьиа, племянник Б. Табагуа.

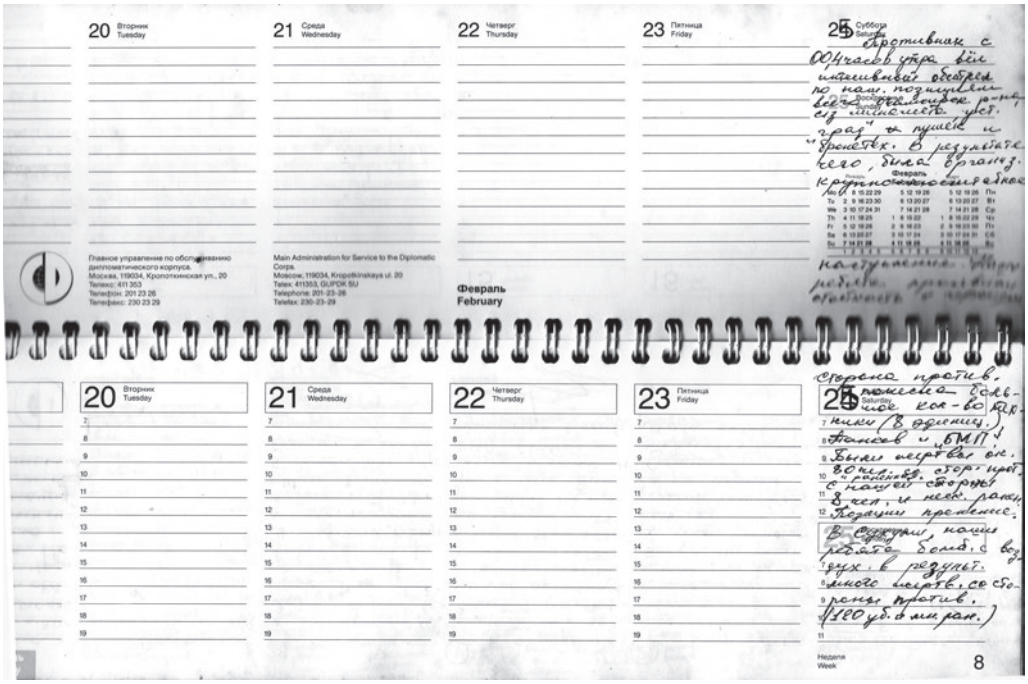
10. Мурман[1] – АКС № 288 1 рож[ок].
11. Гено –
12. Мамкуа –
13. Марина –

Подготовка к печати, вступление и комментарии – Г. Цулая





[1] Мурман Лакашиа.



20 Вторник Tuesday

21 Среда Wednesday

22 Четверг Thursday

23 Пятница Friday

25 Суббота Saturday

Противник с 00 часов утра 8/II интенсивно обстрел по нам, подкрепил [illegible] из минометов, арт. [illegible] и пушек и [illegible] в результате чего, была [illegible]

Главное управление по обслуживанию дипломатического корпуса. Москва, 119034, Кропоткинская ул., 20 Телекс: 411 353 Телефон: 201 23 26 Телефакс: 230 23 29

Main Administration for Service to the Diplomatic Corps. Moscow, 119034, Kropotkinskaya ul. 20 Telex: 411353, GUPDK SU Telephone: 201-23-26 Telefax: 230-23-29

Февраль February

[illegible] наступление [illegible] обороняющегося [illegible]

20 Вторник Tuesday

21 Среда Wednesday

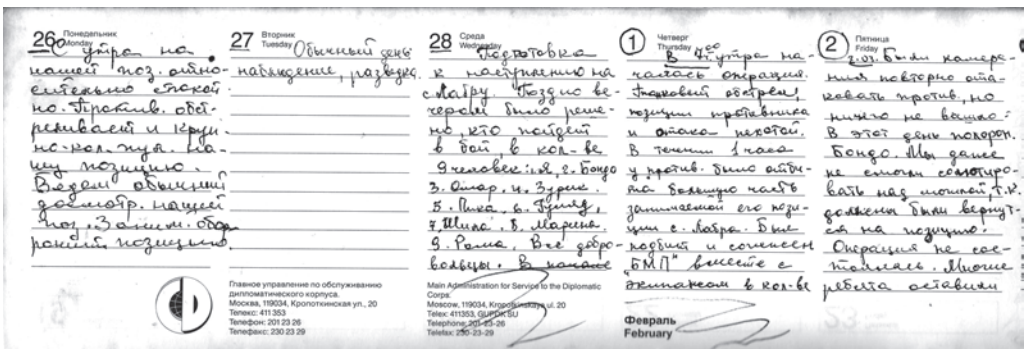
22 Четверг Thursday

23 Пятница Friday

25 Суббота Saturday

сторона против в. [illegible] пехота больш. кол-во [illegible] ники (в одежде). [illegible] танков и БМП. Были несут. вс. [illegible] в последн. отор. [illegible] с нашей сторон. 8 кол., и неск. ран. [illegible] Подошли [illegible]. В [illegible] сутки, наши [illegible] бомб. с воздух. в резулт. много несут. со сбр. [illegible] против. (160 уб. в мин. рам.)

Неделя Week 8



26 Понедельник Monday

Утро на нашей поз. отно- сительно спокой- но. Против. обст- реливает и круг- лос. кол. туда. на- шу позицию. Ведем обычный досмотр. нашей поз. Замен. обор. ранений, позицию.

27 Вторник Tuesday

Обычный день наблюдение, разведк.

28 Среда Wednesday

Подготовка к наступлению на с. Шабру. Поздно ве- чером было реше- но, кто пойдет в бой, в кол-ве 9 человек: я, г. Бонго З. Омар, 4. Зуриф. 5. Пика. 6. Ринад, 7. Шилас. 8. Марина. 9. Рома. Все добро- вольцы. В начале

Главное управление по обслуживанию дипломатического корпуса. Москва, 119034, Кропоткинская ул., 20 Телекс: 411 353 Телефон: 201 23 26 Телефакс: 230 23 29

Main Administration for Service to the Diplomatic Corps. Moscow, 119034, Kropotkinskaya ul. 20 Telex: 411353, GUPDK SU Telephone: 201-23-26 Telefax: 230-23-29

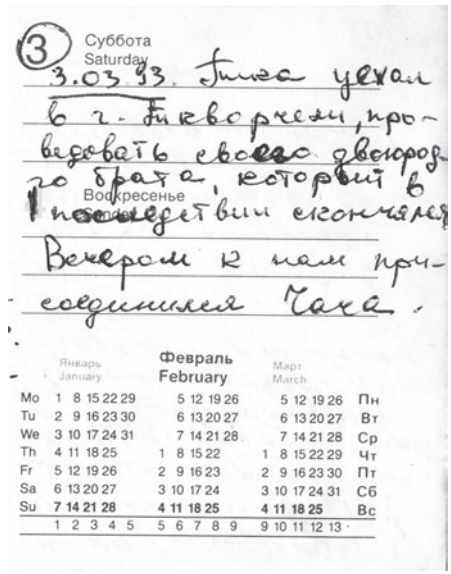
1 Четверг Thursday

В 4 ч. утра на- чалась операция. Танковый обстрел позиций противника и атака пехотой. В течении 1 часа у против. было отби- то большую часть занимаемой его пози- ции с. Набра. Бы- ло убито и сожжено „БМП" вместе с экипажем в кол-ве

2 Пятница Friday

2.03. Были контрата- ки повторно отка- тывать против, но ничего не вышло. В этот день погиб. Бонго. Мы даже не смогли сфотогра- фировать над могилой, т.к. должны были верну- ться на позицию. Операция не состоялась. Многие ребята остались

Февраль February



3 Суббота Saturday

3.03.93. Гина уехал в г. Тквварчели, про- ведовать своего двоюрод- го брата, который в последствии отключился

Воскресенье Sunday

Вечером к нам при- соединился Чача.

	Январь January					Февраль February					Март March					
Mo	1	8	15	22	29	5	12	19	26		5	12	19	26		Пн
Tu	2	9	16	23	30	6	13	20	27		6	13	20	27		Вт
We	3	10	17	24	31	7	14	21	28		7	14	21	28		Ср
Th	4	11	18	25		1	8	15	22		1	8	15	22	29	Чт
Fr	5	12	19	26		2	9	16	23		2	9	16	23	30	Пт
Sa	6	13	20	27		3	10	17	24		3	10	17	24	31	Сб
Su	7	14	21	28		4	11	18	25		4	11	18	25		Вс
	1	2	3	4	5	5	6	7	8	9	9	10	11	12	13	

1.03.93.

27 Вторник Tuesday

Р.С-П. 1.03.93г.
Всё хорошо,
кроме того, мы взяли
1 автомат (трофей).
Одним словом, как
всегда из-за нашей
неорганиз. мы вынуждены
были отступить на
наши позиции. На 1
всем фронте ан
тер. около 10 чел.
а прот. около 50 чел.
Прот. сбежал, неуспев
горючего на бронетех.
и снарядов.

1.03.93.

28 Среда Wednesday

Всем всё хорошо,
кроме всего остального.
Кол-во оружия:
5 автоматов, 1 гра
нат-ёт (5 гранат),
1 пулемёт,
Утром 1.03.93г. Штурм не был
Вся прошла мимо не
сделал для ребенка
Вчера, что с ним будет

1 Четверг Thursday

9-10 человек. Были
против трав.
минами/гранат/
дней. 2ая сторона и много
быстрее. Трёх в
закрепился 1100-1200
Зам. ней. Лазры. Лошад
ение. тех (танк) с 2ая
сторон. На нас
Все было танков с
Всего уже вне рат. Зуры
Всего 3 снайпер. 3ур
Три их штурме на Зуры
Все четыре. танкист. Труд
котор. нанят. на шахту в
разрез. Зуры и Бонго. Из
их мирно, а сами домой
Шахта в Зимбабве.

2 Пятница Friday

назначено и здесь
в своих домах.
Страх в победах
разум.
Центурево везем
в часовню. Я, с
Рома. 4. Кодр.
5. Сергей. 6. Марина
Против. оставим
крайние дома
своей позиции, возле
нашей, т. к. они были
наши сочувствены.
Видно, нанесем
как обстреляем с
центра с Лайры.

3 Суббота Saturday

Итак нас опять
6 чел.
4.03.93г. С утра
поздравили друг
друга с праздником,
хотя, не отдавая
Воскресенье, 7 мар
Четверг 4 марта с по
Вечер. 6 чел. на
позиции.

Неделя Week 9

---

5 Понедельник Monday

93г. В ночь была
обширная бомбежка
в восьмую нашему
К сожалению жертвы
ней. Дежур. 6 чел.
Утром ребята прии
ли на службу в
кол-ве 4 чел. Уже
нее 10 чел. 5 авт.
1 гр.-т. 4 снаряд.-(3+40ч).
Ведется наблюд. на
стор. противника и
записью их поведения.

6 Вторник Tuesday

93г. С утра отно-
сительно спокойно.
Я иду в штаб с
Мар., в наделе кол-
учить. оружие. Оружие.
я на покупке. Сигареты
взял пайк 25 пачек
+ раз. ребятам. По пути
на наз. зашел к ней.
Зять дал мне свою
машину (03). На позиц.
все нормально.

7 Среда Wednesday

93г. С утра
частичное обстрелы
из снарядов. Почью
груз. прилами в
нашу сторону и дур.
на „мобъ". Собираюсь
в штаб... Не успел в
штаб... Артёл снабж.
с 2дв. авт. и мы пол.
обстрелив. поз. против.
Все-ва были годны из моих
Тур.). - Снайпер их обст.

Главное управление по обслуживанию дипломатического корпуса.
Москва, 119034, Кропоткинская ул., 20
Телекс: 411 353
Телефон: 201 23 26
Телефакс: 230 23 29

Main Administration for Service to the Diplomatic Corps.
Moscow, 119034, Kropotkinskaya ul. 20
Telex: 411353, GUPDK SU
Telephone: 201-23-26
Telefax: 230-23-29

8 Четверг Thursday

Март
March

---

5 Понедельник Monday

Я ходил в штаб
за бсепит. Взяя
чек-что. В 14 час.
с воздуха против.
Бом. наши позиц.
из боевых. Больш. О раз.
не известно.

6 Вторник Tuesday

Весёлся обыч. досмотр.
Вечером начались
обстрелы из минометов
и тяж. по нашим
поз. и сему.
Вечером наруш.
перв. раз с Мар.,
но потом повторились.

7 Среда Wednesday

с нас. 750-800. Орудия
словом хорошо почеса.
ли их, в тех. 40-45 мин.
О снарб. не известно. Все.
пор'ехал „Газик" прикр-
за дом и что-то выгруз.
Груз. тоже обстрелян.
Косвен. туд. техники
(танка), мы ушли сразу.
Успели отобрать и на-
чали пус. снаряд. из
тан. Мы ушли по
позициям.

8 Четверг Thursday

---

2 Апрель 93г.

1 Рома + 5 бр. →
2 Зурик + 5 бр. —
3 Замбя + 5 бр. —
4 Бено + 5 бр. —
5 Адгур + 5 бр. —
6 Гемур + 5 бр. —
7 Гага + 6 бр. —
8 Заур + 5 бр. —
9 Едик + 5 бр. —
10 Фукам + 5 бр. —
11 Славик + - отам —
12 Гено + - 5 бр. —
13 Мамуда + - 5 бр. —
14 Гулад + - 6 бр.

3 Вторник Tuesday

7 Рома +
8 Зури +
9 Замбя +
10 Бено +
11 Адгур +
12 Гемур +
13 Гага +
14 Заур +
15 Едик +
16 Фукам +
17 Славик +
18 Гено +
19 Мамуд +
Гулад +

Апрель April

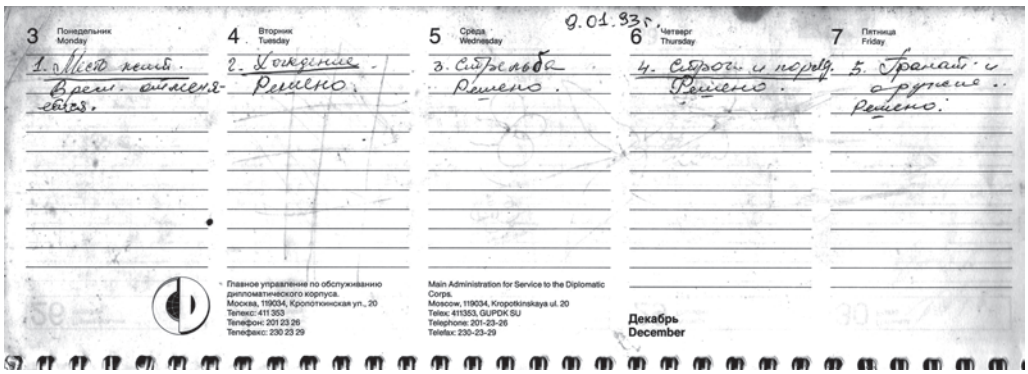
4 Среда Wednesday

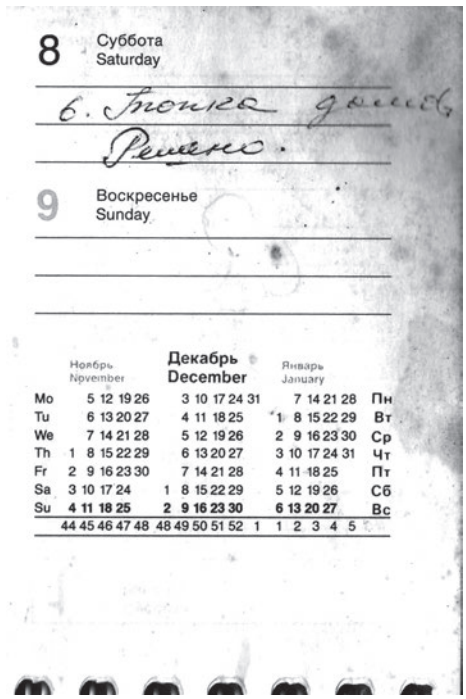
7 Рома
8 Зури
9 Замбя
10 Бено
11 Адгур
12 Гемур
13 Гага
14 Заур
15 Едик
16 Фукам.
17 Славик.
18 Гено
19 Мамук.
Гуляд.

5 Четверг Thursday

6 Пятница Friday

9 Понедельник Monday
10 Вторник Tuesday
11 Среда Wednesday
12 Четверг Thursday
Главное управление по обслуживанию дипломатического корпуса.
Москва, 119034, Кропоткинская ул., 20
Телекс: 411 353
Телефон: 201 23 26
Телефакс: 230 23 29
Main Administration for Service to the Diplomatic Corps.
Moscow, 119034, Kropotkinskaya ul. 20
Telex: 411353, GUPDK SU
Telephone: 201-23-26
Telefax: 230-23-29
Апрель
April


3 Понедельник Monday
4 Вторник Tuesday
5 Среда Wednesday
6 Четверг Thursday
7 Пятница Friday
Главное управление по обслуживанию дипломатического корпуса.
Москва, 119034, Кропоткинская ул., 20
Телекс: 411 353
Телефон: 201 23 26
Телефакс: 230 23 29
Main Administration for Service to the Diplomatic Corps.
Moscow, 119034, Kropotkinskaya ul. 20
Telex: 411353, GUPDK SU
Telephone: 201-23-26
Telefax: 230-23-29
Декабрь
December


8 Суббота Saturday
9 Воскресенье Sunday
Ноябрь November
Декабрь December
Январь January
Mo 5 12 19 26 3 10 17 24 31 7 14 21 28 Пн
Tu 6 13 20 27 4 11 18 25 1 8 15 22 29 Вт
We 7 14 21 28 5 12 19 26 2 9 16 23 30 Ср
Th 1 8 15 22 29 6 13 20 27 3 10 17 24 31 Чт
Fr 2 9 16 23 30 7 14 21 28 4 11 18 25 Пт
Sa 3 10 17 24 1 8 15 22 29 5 12 19 26 Сб
Su 4 11 18 25 2 9 16 23 30 6 13 20 27 Вс
44 45 46 47 48 48 49 50 51 52 1 1 2 3 4 5

САИДА ВОЗБА[1]

ИСТОРИЯ УСТАМИ «ДЕТЕЙ ВОЙНЫ»

Война. Сколько боли хранит в себе это слово. Сколько детей со страхом и ужасом вспоминают о тех трагических днях, которые пришлось им пережить. Сколько детей лишились права на беззаботное детство.

Помню, еще в студенческие годы, на одной из лекций, мы проходили тему, посвященную «детям войны». Во время обсуждения этой проблемы, наш преподаватель рассказал нам историю девочки Златы из Сараево, которая, в 1991 году, во время военных событий в Боснии, вела дневниковые записи. Родной город Златы бомбили, а она переносила на бумагу свои мысли и ощущения. Часто вспоминаю, как нас, однокурсников, которым во время грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. было по пять-шесть лет, сильно затронула ее история. Ведь каждого из нас в той или иной степени коснулась война. Ее жизнь разделилась на до и после, как и наша. Война забрала у нее беззаботное детство, и она в один миг стала взрослой. Наступило время слез, горя, печали, уныния. Мне особо запомнились ее слова о том, что политики – это «дети». Они, словно дети, играли с людьми, как с живыми игрушками. Наверное, именно эти ее слова из дневника заставили меня задуматься о нашем украденном детстве. Спустя двадцать пять лет со дня окончания войны, общаясь со сверстниками, либо с теми, кто был постарше, узнаешь об их мыслях, воспоминаниях, переживаниях, боли. И понимаешь, что ты такая не одна. Война украла у нас наше беззаботное детство. Тогда как наши сверстники в странах, где не было войны, жили и получали от жизни все, что должен иметь ребенок.

Своими воспоминаниями, связанными с войной, поделились со мной «дети войны» – Эсма Пилия, Лолита Пилия, Владимир Джоджуа и Джумбер Гуния. Первая бомбежка, как вспоминает Эсма Пилия, самая ужасная и незабываемая. «Запомнился тот момент, когда я бежала по цитрусовому полю, в момент обстрела, и оказалась под деревом. Никогда не забуду, как, сидя под деревом, просила Господа: "Спаси и сохрани!". Это был, наверное, самый первый жуткий момент. Позже к бомбежкам привыкла, но все равно боялась», – говорит Эсма. «Мысль о том, что война может закончиться, как-то не приходила в голову, даже когда сообщили об освобождении Абхазии, мне как-то в это не верилось. Стоял передо мной вопрос: а что же ждет меня завтра?»

[1] Саида Возба – кандидат исторических наук, зав. отделом источниковедения АбИГИ им. Д.И. Гулиа АНА.

Тяжело говорить о войне, даже сейчас. Сегодня, будучи мамой троих детей, Эсма, бывает, рассказывает им о войне, чтобы они понимали, какое это ужасное явление. Даже сейчас, спустя много лет, Эсме снятся сны о войне. «Часто во сне обливаюсь холодным потом, мне становится страшно и, наверное, самый большой страх в жизни – это война», – говорит Эсма. Сегодня большое счастье для Эсмы – это ее дети, окружение, работа.

В беседе с Лолитой Пилия, которой на момент войны было 15 лет, я узнала о ее страхах и переживаниях. «Я ненавидела день, мне хотелось, чтобы всегда была ночь, мне казалось, что ночь нас как-то спасет, что мы можем ночью не так легко погибнуть, как днем. Поэтому я всегда просила Бога, чтобы всегда была ночь. Я ложусь спать, а мне все равно: умру или нет. Мне было страшно. Обстрелы могли быть и в 5, и в 6 утра. Мы вскакивали и прятались. Это было воистину ужасно», – говорит Лолита. Сегодня для Лолиты, как и для Эсмы, важным является мир. Они не хотят, чтобы их дети теряли детство. Они хотят, чтобы их дети, как и все дети мира, жили под безоблачным мирным небом.

В беседе с еще одним «дитем войны», Владимиром Джоджуа, которому на момент начала войны было всего пять лет, я узнала об его воспоминаниях. «Находясь во дворе с друзьями, мы услышали грохот, взрывы. Я это воспринял как нечто отдаленное, хотя слышал, как взрослые кричат: "Война, война!" Но при этом не испугался. Я не знаю почему, может, потому, что я не знал, что это такое, и продолжал во дворе бегать», – говорит Владимир. «Никогда не забуду одну картину, которую я по сей день отчетливо помню, – продолжает он. – Я помню, как приехал в сухумский порт… Не могу вспомнить, о чем я думал, но эмоции свои помню, я находился в каком-то ступоре, потому что там толпилось огромное количество людей. Эту картину я отчетливо помню. Весь порт, прилегающие дороги были заполнены людьми, абсолютно не было свободного метра. Везде люди, крики, и все куда-то стремятся. Не знаю, каким образом, но мы оказались у катера. Он был переполнен. Из-за веса вода захлестывала на палубу. Каким-то чудом я с мамой и сестрой оказались на этом катере. Я на тот момент не осознавал того, что покидаю свой дом навсегда или на какой-то долгий срок. Мне казалось, что это все временно».

Оказавшись в Москве, Владимир впервые в жизни услышал салют. Он вспоминает о том, как испугался от взрывов салюта и спрятался под стол, выкрикивая, что началась война. «Я ощутил на себе, что такое война, что она может принести. И наверное, люди, которые не испытали на своей шкуре, что такое война, не поймут меня в полной мере. Если бы я имел такую возможность, старался бы всеми силами предотвратить войну», – отмечает Владимир.

Своими воспоминаниями о войне также поделился Джумбер Гуния, к началу войны – трехлетний мальчик. Сегодня, будучи взрослым человеком, он часто вспоминает о тех страшных днях. Хотя, казалось бы, о чем можно помнить в таком юном возрасте? «Помню, как мы, когда начиналась бомбардировка, прятались в гроте. Недалеко от нашего дома есть грот. Может быть, я воспринимал это как игру, но когда начиналась бомбардировка, отчетливо помню, как мне

было страшно. Но понимал ли я, что меня могут убить? Нет, все-таки не понимал, наверное. Но мама говорила, что у меня на лице было написано, что мне было очень страшно».

Многие «дети войны» на вопрос, что они понимают под счастливым детством, отвечают: дети не должны испытывать голод, они должны иметь все, что положено ребенку, счастливое детство должно проходить в кругу семьи.

Война – это разрушение, уничтожение, гибель тысяч детей. К сожалению, отголоски войны доходят до нас и по сей день. Каждый из нас по-своему перенес и переносит войну, у каждого своя боль. Но одно нас объединяет, «детей войны», – желание жить в мире, любви и согласии.

▫

ЖАН-ПОЛЬ ЛЁ БИАН

НА СУХУМСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ

Жан-Поль Ле Биан – археолог из Франции. Родился в 1944 г. в Сен-Брие, департамент Кот д'Армор. Работал учителем в лицее г. Кемпера, департамент Финистер. С 1970 г. занимается археологией. С 1990 г. возглавляет Исследовательский археологический центр Финистера. С 1995 г. регулярно приезжает в Россию, участвует в раскопках в Донском регионе, сотрудничает с местными археологами. В 2011 г. участвовал в научной археологической конференции в Абхазии. После этой поездки он написал небольшую книжку – «На сухумской набережной», которую мы предлагаем вам с некоторыми сокращениями.

Перевод с французского, вступительное слово, примечания (за исключением особо оговоренных) Марии Карапец. Редакторы русского текста – Денис Бондаревский, Валентина Карапец.

Вступительное слово

Книгу, которую вы держите в руках, можно было бы назвать путевым дневником. Пусть так. В 2011 г. мне посчастливилось сопровождать автора в качестве переводчицы на археологическую конференцию в Сухум, и в книге я обрела свои воспоминания – о пейзажах, о встречах, а также, как ни покажется это удивительным, мои ощущения и почти те же впечатления.

Вместе с автором и двумя друзьями-археологами я впервые поехала в Абхазию. Мы видели одно и то же, слушали те же слова, потому что переводчик всегда и всюду со своим подопечным. Я, со своей стороны, имела определенные ожидания, хотя бы потому, что родилась в СССР, в начале 1990 гг. смотрела репортажи с войн новых независимых республик, слышала рассказы моих родителей и друзей о каникулах на абхазской ривьере в советское и новое время, да и в Ростове немало абхазов. В общем, для меня это была скорее поездка к близким соседям, несмотря на расстояние в 700 км между Ростовом и Сухумом и разность культур. Тогда как Жан-Полю Ле Биану предстояло знакомство с незнакомой и неизвестной страной. И, однако, благодаря почти полному совпадению восприятия и реакции его рассказ показался мне очень близким.

Разумеется, не каждому приезжающему в Абхазию везет так, как специально приглашенному гостю, особенно если он приглашен на конференцию истори-

ков и археологов. Им-то не нужно рассказывать историю места и обманывать друг друга небылицами. Однако они охотно дадут коллеге комментарий, лишенный прикрас путеводителей. Так Жан-Поль Ле Биан оказался в среде, где ему предоставили пожить так, как его российским и абхазским коллегам. И автор взглядом историка и географа наблюдает погоду, рельеф, географическое положение, ничего не оставляя незамеченным и всему находя связи с фактами и образом жизни.

Быть гостем – это еще и разделить лучшее, что могут предложить хозяева. Хотя кавказское гостеприимство вошло в поговорку, оно не перестает поражать, особенно тех, кто не ожидает такого градуса душевной теплоты. Участники конференции были приняты в трех семьях: в семье народной, поскольку конференцию открывала Министр культуры и репортаж шел по национальному телевидению; в семье научного сообщества и, наконец, в семье покойного Георгия Шамбы, абхазского археолога, памяти которого была посвящена конференция. Каждая из трех семей широко распахнула свои двери гостям: в Доме правительства, в институте и дома у Шамбы. Какой другой путешественник был бы еще так принят? Можно было и удовлетворить профессиональное любопытство, и отдохнуть душой.

Стимулируя возрождение гуманитарных наук, эта маленькая гостеприимная страна старается излечить раны, полученные в войне за независимость 1992–1993 гг. Следы этой войны видны повсюду в Сухуме, а люди не перестают сравнивать свою жизнь до и после, во всех комментариях о жизни страны чувствуется боль. Жан-Полю Ле Биану хочется, чтобы эта боль утихла; он проводит параллели с другими республиками, отвоевавшими свое право жить, как им хочется, и признанными международным сообществом. Сложность признать простой факт, что существуют иные точки зрения на способ бытия, что возможны иные политические центры, а не только Запад – все эти размышления макрогеополитического порядка рождаются на сухумской набережной, прекрасной своей природой, но пустынной из-за недавней разрухи в стране. А ведь достаточно было бы малого, чтобы по набережной гуляли только отдыхающие…

История не знает сослагательного наклонения. И автор не призывает занять одну, «правильную» точку зрения. Напротив, задаваясь тем или иным бытийным вопросом, он не спешит давать ответ. Он разворачивает перед читателем портреты встреченных людей, зарисовки из жизни конференции.

Я же снова проделала путешествие в Абхазию, на сухумскую набережную, где люди верят, что золотые годы (оставим Золотое Руно аргонавтам) непременно вернутся.

Мария Карапец

К ГРАНИЦЕ

Шесть утра. Под толчки поезда я просыпаюсь на своей полке. Пора вставать. Через дверь купе просачивается свет из коридора. Дмитрий снова лег; мне кажется, что он то выходил в коридор, то возвращался в купе всю ночь. Оно уже должно быть близко. Приложив левую руку козырьком к окну и прижавшись к

нему лбом, я всматриваюсь во тьму. Какое-то отражение, серебристое, бледное, чуть мерцающее; ночь еще темна. Но поскольку мы едем на восток, очень скоро рассвет должен явить первые лучи. Ну и пусть, оно тут, у вагона, который чуть раскачивает ветер, кажущийся мне морским. Потому что оно – это Черное море. Наконец. Отроческая мечта. Железная дорога так близка от кромки моря, что можно представить, будто стоишь у леера круизного теплохода. Пока я не знаю, что этот образ будет долго меня преследовать, потому что я еще не осознал, что Абхазия вся лежит на берегу Черного моря. Разумеется, я ничего особенного не испытываю. Когда, наконец, воплощается желание, долгожданный план, всегда стараешься привязать чувства, особенные ощущения к событию и его образу. И никогда не выходи – во всяком случае, так, как ожидал. Та же история сегодня утром. Но все-таки я в ночном российском поезде, еду вдоль северо-восточного побережья Черного моря. Вспоминаю карту. Мы движемся к Сочи, столице зимних Олимпийских игр 2014 года. Скорость небольшая, я могу рассмотреть темные галечные пляжи, бетонные волнорезы, молы, различные сооружения, выступающие из воды. Конец ноября. Вчера вечером в Ростове-на-Дону был жуткий холод; сейчас, несмотря на ограниченный обзор, я чувствую, что погода сменилась.

На платформе ростовского вокзала все звало в путешествие. Административные здания ярко-желтого цвета купались в тусклом свете, подсвеченном тонким слоем снежка. Это погружало меня в мир путешественников XIX века. Не искажая сообщения, несущиеся из громкоговорителей, снег смягчал звуки маневровых поездов, колесиков наших чемоданов. Не хватало только вздохов паровозов. Четкая проверка билетов крепкими служащими железной дороги, которые ночью будут проводницами, мужчина в футболке и широких шортах, разминающий по перрону ноги в шлепанцах – все они были частью сцены из танцев ансамбля Моисеева, где молчаливые танцовщицы движутся скользящими шажками. Толстой, Тургенев, помогите!

Это моя первая поездка на российском поезде. Впрочем, я часто наблюдал в дельте этих упорных гусениц, тянущихся порой на километр, и неизменно удивлялся.

Сегодня ночью я прочувствовал, как продолжительны путешествия в России. Двадцать четыре часа на расстояние в тысячу километров от Ростова до Москвы. Нам потребуется ночь, чтобы покрыть пятьсот верст, которые отделяют нас от абхазской границы. У меня будет много времени. Скорее, какое-то время. Медленно укладываю я вещи в металлический ящик, служащий опорой для нижней полки. Безопасность обеспечена. Документы я всегда держу в кармане, сплю чутко. Наташа и Галина разместились в соседнем купе, вместе с монашкой, а в этом мы будем с Дмитрием вдвоем, здесь же все и поужинаем. Наташа, жена Дмитрия, все предусмотрела; начинается теплый дружеский ужин. Галина переводит. Я не говорю по-русски, выхватываю лишь кое-какие слова из этого чарующего меня языка. Четверо друзей общаются и искренне смеются. Уже окончательно стемнело, мы давно проехали скованные холодом знакомые пейзажи окрестностей Ростова, и Дмитрий начинает знакомить меня с содержанием своего выступления на конференции, на которую мы едем. Он будет говорить об изменениях ландшафта на археологических памятниках, которые он изучает в

дельте Дона, рядом с Азовским морем, со времени их существования. Такое-то городище, сегодня стоящее на берегу реки, могло вполне быть городом посреди полей, на которых мирно паслись огромные стада коров. Другое, сегодня утонувшее в песках, было, напротив, оживленным античным портом, третье, ныне ушедшее под воду, могло выдаваться на сотни метров в море. Его выступление стало случаем или поводом пригласить в нашу компанию человека, который будет вместе с нами в четыре последующих дня, – Георгия Шамбу, недавно ушедшего абхазского археолога и академика, чьей памяти посвящена конференция, на которую Дмитрию так хотелось пригласить меня.

Дмитрий знал Георгия Шамбу – своеобычного исследователя, упорного, убежденно отстаивающего свои доводы, подкрепляя их находками, не соглашающегося, если нужно, с общим мнением. Дмитрий указывал на большую прозорливость своего умершего коллеги в части истории ландшафта и целостности, образуемой археологическими памятниками и их географической средой. В некоторой степени он явился предтечей научной школы, которая в данном регионе не была ни популярна, ни развита. Так, во всяком случае, я понял, слушая моего друга. Я не мог не проникнуться симпатией к человеку, которому я обязан этим прекрасным путешествием – именно ему я посвящу краткое обращение в статье по результатам работы конференции. Но пока я отдаюсь убаюкивающему доброму настроению друзей, ровным толчкам на стыках рельс, время от времени более сильным. Здесь еще не применяют наши восьмисотметровые бесшовные рельсы. Все хорошо, мне нравится спать в поездах. В полночь гасится свет.

Увидев море, я не перестаю ходить от окна купе к окну коридора, где началось движение. Проводница предлагает чай-кофе, семьи просыпаются, пробираются к туалетам. Я отодвигаю занавески, пытаясь рассмотреть пейзаж со стороны Кавказа. Поезд едва не касается горы, подрубленной для железной дороги; иногда над нами тянутся мостики, по которым жители ходят на пляж или на мол удить рыбу. С первыми лучами зари я начинаю различать покатые склоны с пристроившимися на них домиками. Вот этот образ Черного моря, советского Лазурного Берега, который будит столько добрых воспоминаний юности у большинства моих ростовских друзей.

Под серым небом спокойное, фиолетово-металлическое море. Сменяются вокзалы станций-курортов с их театральными фойе в бледном свете, перед ними замирают почти пустые электрички, проплывают спящие лица. На поворотах, когда поезд отъезжает, огибая вертикально нависающие скалы, показываются замершие краны и стройплощадки, которых становится все больше. Приближаются станция Сочи и дата начала Олимпиады. А также конечная поезда. На последних станциях сходят несколько семей. Сегодня воскресенье. День на берегу ноябрьского моря, возможно, семейный выходной. Матери с дочками, пакетами, куклами под мышками. Мужчины, в одиночку шагающие на стройку. Тут работают.

Адлер, конечная. Все выходят. Дорога идет до Грузии вдоль абхазского побережья, но из-за ремонта или по другим причинам, в частности, войны и разрушений, дальнейший проезд невозможен. Мы увидим немало обветшалых, даже заброшенных, закрытых станций вдоль всего пути до Сухума, который мы проделаем на микроавтобусе. А пока нужно проехать на такси несколько киломе-

тров до границы. Немаловажный источник дохода для этого маленького городка, который на пути существенных перемен все из-за той же Олимпиады. Адлер – это город-аэропорт Сочи, а также пункт прибытия для всех, кто хочет с запада проникнуть в Абхазию. Вокзал, сеть автодорог – все меняется и всюду извечный спор: кто будет платить, кому пойдет доход и проч. Песня, знакомая от Лондона до Пекина, от Альбервиля до Гренобля…

Граница. Около 9 часов утра. Оживленность восточного базара. Машины запросто ездят, где хотят. Приехавшие знают, что делать. Небо прояснилось, воздух свеж и влажен. Все взяли свои сумки. Мечтать, строить теории больше невозможно, пора действовать. Меня все-таки сверлит мысль об одной фотографии. Признаюсь, до отъезда я ничего не читал ни об Абхазии, ни об ее истории. Меня больше беспокоила российская виза, чем въезд в эту маленькую страну. Впрочем, именно тут все и могло усложниться, поскольку само существование Абхазии отрицается международным сообществом, за исключением России и еще нескольких государств. Благодаря «Гуглу Земля», мне все-таки удалось прогуляться по абхазскому побережью, и я нашел и посетил единственный доступный с территории России пограничный пункт – Адлер. Помимо этого, Галина, которая рассказала мне порядок получения необходимых документов, объявила, что мы пройдем несколько сотен метров границы пешком, неся багаж. И я увидел мост из Интернета, это пространство между Россией и Абхазией, речку, которую переходили по узкому, забранному решеткой проходу вдоль автомобильного моста. Выкрашенному в изумрудно-зеленый цвет. Я пообещал своей семье привезти фото этого моста, такое же, как в Интернете, память о необычном способе проникновения в другую страну. Сколько надо мной подшучивали… Что, мол, я не смогу вернуться, застряну между двух стран.

И вот я тут, нельзя терять время. Нас ждут по другую сторону потока. Прежде чем ступить на мостик, я позирую с друзьями – два снимка готовы. Первая задача выполнена. Первая проверка документов, без проблем; не без волнения иду я с сумкой по мосту, над потоком, видя в первый раз заснеженные вершины Кавказских гор. Вот тут-то и случился инцидент. Мы на пограничной территории. Я оборачиваюсь и вижу цветное панно с гербом России. Ярко светит солнце. Галина вкрадчиво: «Красивая будет фотография…» Сказано – сделано, но немедленно засечено и отсечено пограничниками; ну не совсем, потому что моей верной переводчице позволили остаться при мне. К счастью. Бесполезно спрашивать почему, пытаться оправдаться. Единственный выход – удалить все снимки. Без разбору. Да вот загвоздка: аппарат новый, сложноватый для меня, я не знаю, как удалять снимки. Возня с ним займет добрые пятнадцать минут, которые покажутся мне вечностью. Я действительно опасаюсь неприятностей, конфискации и возможной задержки на пограничном посту… К счастью, молодой пограничник, которого к нам приставил сурового вида начальник поста, обладал ангельским терпением, а Галина неплохо разбиралась в фотоаппаратах. Нас отпускают. Теперь никаких шуток. Я сжимаю ценный пропуск, копию которого мне очень быстро и любезно выслало посольство Абхазии в Москве.

Но и с ним нужно пройти в отделении полиции. Там хорошо, натоплено, нас даже приглашают присесть, пока идет проверка. Таможенник улыбается. Ему первый раз довелось держать в руках французский паспорт.

Двумястами метрами далее перспектива расширяется. Площадка, на которой группками то там, то здесь стоят приехавшие, собирающиеся уезжать, местные, сдающие внаем свои руки и длинные железные тачки, что-то вроде станины с одним колесом и двумя ручками. Они носят или возят до площади, или к таможне вещи, приехавших на автобусе или собирающихся в путешествие. Тут же стоянка такси и миниавтобусов. Площадка с покореженным асфальтом лежит между неиспользуемой железной дорогой и зубчатой, сияющей цепью Кавказа. Остолбенев перед этим величественным зрелищем, но, памятуя горький опыт, я не фотографирую. Я сосредотачиваюсь на людях. Путешествие в несуществующую землю началось. Российские археологи собираются в группки, обнимаются, радуясь встрече. Я их быстро вычисляю по возрасту, одежде, манерам. Фуражка, куртка — это они. К тому же, я с удивлением приметил Евгения, у которого я работал два сезона подряд пятнадцать лет назад. С тех пор мы не встречались. Даже немного избегали друг друга. Пусть. Его изумление еще больше моего. В его присутствии здесь нет ничего удивительного, тогда как в моем – да. Мы обнимаемся. Сдержанная вежливость, по девятнадцати причинам. Дмитрий и Наташа знают бóльшую часть археологов, собравшихся на этой случайной парковке. Нужно еще дождаться коллег из Санкт-Петербурга и Москвы, которые прилетят к обеду. Мы отправляемся на прогулку. Проходим под железнодорожным мостом и оказываемся на рыночной площади поселка, с которой только что разошлись почти все торговцы. Однако магазинчики с разноцветными прилавками еще открыты. Наташа покупает хурму, пока еще не знакомый мне фрукт, но которому суждено сыграть свою роль в этом рассказе.

Сухум находится примерно в двух часах езды. За нами приехал на микроавтобусе один из организаторов. Нас пятнадцать человек и багаж. Ко мне возвращаются знакомые в таких ситуациях характерные ощущения. Что я тут делаю? Среди неизвестных коллег, которые изучают очень далекие от меня научные проблемы, да и я сам буду выступать с докладом не по теме конференции. Мое присутствие неуместно, и я то и дело чувствую на себе вопрошающие взгляды. Кто он? Конечно, Дмитрий и Наташа – надежные поручители. Привезя меня в эти незнакомые земли, они взяли меня под свою защиту, но все-таки! Терпеть не могу занимать не свое место – я так же неуютно чувствую себя на больших собраниях, совещаниях, светских приемах. Абхазия пока отходит на второй план. Я стараюсь не выпячиваться. В пути одна коллега угостит меня четвертинкой хурмы в знак благодарности: я помог ей загрузить сумку. Фрукт еще не поспел, он не производит на меня никакого особого впечатления. Ничего особенного.

БЕЗМОЛВИЕ ПУСТЫННОЙ НАБЕРЕЖНОЙ

Микроавтобус трогается, устремляясь по прибрежной дороге, единственному полноценному пути от российской границы до грузинской, на юго-восток. Я сел с Галиной с левой стороны – той, что там, чуть севернее, будет выходить на Кавказский хребет. Таким образом, панорамного обзора не получится. К тому же и окна невысоки, и, как это часто в общественном транспорте в России – по-

ездах либо автобусах, – занавески задернуты. От слишком ли яркого солнца? От недостатка интереса к пейзажам и географии? По иным причинам? Кто его знает. Я уже давно привык не получать ответа на многие вопросы, не понимать того, что предстает взгляду. Тогда я внимательно смотрю и истолковываю как могу, что вижу.

Залитая солнцем дорога, местами она становится горной. Мы проезжаем мимо гор, но среди них ни одной впечатляюще высокой. Наоборот. Конечно, много кустарника, лесной поросли на прилегающих известковых скалах. Но их сменяют окультуренные зоны, еще зеленые долины с маленькими домиками под четырехскатными крышами. Конец ноября, но не все листья облетели – это больше похоже на раннюю, даже пламенеющую осень. Если вы откроете путеводитель, то прочтете, что находитесь в субтропической зоне. Я ищу в памяти сведения о зональной географии. Субтропический… южно-средиземноморский… я ничего такого не замечаю, настолько атмосфера мне кажется умеренной, атлантической, влажной, армориканской[1]. Крутые спуски, с открывающейся местами перспективой на море, время от времени спускающиеся до уровня пляжа. Дремлющие курорты, парки и пальмы, скрывающие богатые виллы, множество маленьких дворцов, переделанных под санатории. Мне еще не рассказывали о резиденциях Сталина, но они тоже тут укрытые, невидимые среди холмов. Мне, конечно, вспоминается снимок с Ялтинской конференции, но в политику меня введет другая дверь.

Галина обращает мое внимание на большое количество заброшенных домов и садов. Действительно это так. Они принадлежат грузинам, бежавшим и так и не вернувшимся из Абхазии после войны 1992–1993 гг. Абхазы не хотят их занимать, оставляют в распоряжение владельцев, если те пожелают вернуться. Но они не возвращаются. Эту версию истории мне будут рассказывать в течение всей поездки. Какова доля бежавших жителей этих ласковых полей? Десять, двадцать, тридцать процентов? Трудно сказать. Позже из статистических данных мне станет известно, что в результате конфликта в Грузию бежали пятьдесят процентов населения[2]. После нашей быстрой поездки в автобусе такая цифра могла бы показаться преувеличенной. К тому же, мы в западной части страны, самой удаленной, – во всяком случае, по расстоянию, – от Грузии. Как бы там ни было, я еще не готов к рациональному анализу проблемы. Прежде я изучу ее через общение с людьми, наделенными полномочиями в культуре и политике, а, значит, пристрастными и лишенными объективности. Помимо всего прочего, должен признаться, что я нахожусь в определенном статусе. Меня пригласили, я гость в бедной стране, которая десять лет назад взяла себе независимость от Грузии против воли последней[3]. Так же поступила Южная Осетия в 2008 г.[4]

Кроме удовольствия провести несколько теплых дней с моими лучшими друзьями, эта поездка дает мне уникальный случай походить, собственными но-

[1] Армориканский массив – область на западе Франции, входящая в регионы Бретань, Нижняя Нормандия, Пэи де Луар.

[2] Это не так. Абхазию покинули те, кто воевал против нее, и те, кто убежал от послевоенной разрухи. – *Прим. ред.*

[3] Абхазия завоевала независимость от Грузии 30 сентября 1993 г. – *Прим. ред.*

[4] В 2008 г. независимость Южной Осетии (как и Абхазии) была признана Россией. – *Прим. ред.*

гами, по кавказским Альпам, от одного упоминания которых у меня с давних пор мурашки. К тому же, я был в Ростове в 2008 году, когда Южная Осетия была атакована грузинскими войсками, во время олимпийского перемирия.

Я не забыл неподдельное волнение Дмитрия, жившего ребенком в Грузии, испытывающего бесконечную нежность и восхищение этой страной и ее народом, у которого немало друзей среди коллег-исследователей из Тбилиси. Впервые мой друг высказывался без обиняков по этому важному для России политическому вопросу. Вернувшись во Францию, я был поражен разницей сведений, выдаваемых Западом, и восприятием событий россиянами, прекрасно могущих отличить действия грузинского президента и чувства народа этой республики. Грузинский коридор представляет для американцев отличную зону для беспокойства и потенциального контроля; подозреваю, что их интерес к населению страны и ее соседям тут ни при чем. В подобных обстоятельствах близость России, Ирана, Ирака, Баку и Каспия не стоит ни сравнивать, ни противопоставлять правам человека: слезы испуганных дев никого не волнуют. По возвращении во Францию я был возмущен однобокой подачей событий, естественно, подогнанной под версию США. Стоит ли говорить о впечатлении от обвинительных статей нашего крупного философа-гуманиста, историка, географа, политолога, аналитика и великого репортера, я имею в виду БАЛ[1], который видел Грузию в огне, но который, кажется, не знает, что в августе, после сбора урожая, все поля на Юге России горят, просто потому что есть такой традиционный сельскохозяйственный прием? С такой меркой, увидев дым вокруг Ростова, мы могли бы утверждать, что русские снова, охваченные с иногда характерными для них разрушительным безумием и жестокостью, подожгли даже собственную землю. Теперь каждый знает, что наш выдающийся мыслитель смотрел издалека, а потом все домыслил. Мои русские друзья уверены, что это Саакашвили разбомбил осетинские школы и больницы во время олимпийского перемирия. Точка. Таким образом, я приехал в Абхазию с убеждениями и предубеждениями против западной точки зрения, но, не потеряв способности анализировать.

Дорога делает поворот, потом еще один. Недалеко от Сухума попадается вход в настоящее ущелье, которое мы переезжаем по легкому подвесному мосту прежде, чем спуститься на равнину, где раскинулась столица. Именно здесь география страны предстала передо мной во всей своей простоте, строгости и одновременно красоте. Это ущелье-ворота приведет через несколько кабельтовых к отвесному склону гор, к затерянным – населенным и нет – удаленным долинам высокогорий. Оно ведет к сияющим снегам, которые служат границей, а также зеркалом всей стране. Ниже под мостом поток резко разливается, растекается по узкой прибрежной равнине. Заваленный камнями, которые из-за быстрого осыпания с горных круч не успели обтесаться, поток мешает свои ледяные воды с сернистыми водами Черного моря, темными и теплыми. Вот почему мне в первую очередь представлялся галечный пляж. Просто география, география простых элементов. Вот так Кавказский хребет подарил Абхазии непревзойденное число прямых рек, перпендикулярных берегу. Здесь гордо показывают официально самую короткую реку в мире, впадающую в море. Длиной всего в не-

[1] Бернар-Анри Леви, журналист.

сколько метров. Мне вспоминается карта Чили с Кордильерами. Только здесь, не нужно забывать, благожелательная и щедрая природа расставила то там, то тут у подножья гор лесочки, холмы в лугах и садах, на которых устроилась и живет, глядя на море, бóльшая часть населения. Именно здесь я открыл то, что станет для меня жемчужиной Абхазии – рождественское дерево с золотыми яблоками, плод которого я недавно вкусил, – хурма. Странное дерево в наготе своих черных изломанных ветвей с висящими крупными блестящими шарами. Оно растет в каждом дворе, а также выращивается в садах. Я боюсь, что не смогу подойти поближе, сфотографировать, увезти снимок как ценный трофей, непреложное свидетельство.

Но вот мы в Сухуме, плоском и прямоугольном, с прямыми улицами, образующими правильные кварталы, с местами потрескавшимся асфальтом, с бегущей из прорвавшегося водопровода водой, но и с деревьями, на которых еще держится листва. Если точнее, город чуть наклонен к морю. На вершине террасы – заброшенные и забытые виллы и парки. Пальмы недолго вводят в заблуждение. За набережной течет обычная жизнь. Сегодня воскресенье.

Таким я его и видел в «Гугле». Город, от которого, похоже, нельзя ожидать особых архитектурных богатств, но где нам предстоит прожить ближайшие несколько дней. Не страшно, мы ведь сюда не на экскурсию приехали; я знаю по опыту, что конференция – это время ухода из мира, полного отсутствия, самоизоляции. В такие дни с утра влезаешь, как крот, в темную галерею. А вылезаешь только вечером, моргая от внешнего света, мозг напряжен, загружен, захвачен темами, странными и нелепыми всякому человеку вне конференции. Одно утешение – в среду целый день экскурсий. Тогда я смогу посмотреть, увидеть. А пока нужно разместиться в номере «Интер-Сухума», самой новой и современной гостинице города, расположенной в двух шагах от моря. Там мы будем питаться и собираться. Отсутствие интерфона, телефона и интернета только сплотит маленькое сообщество, которое стало складываться немедленно.

Подавляющее большинство участников конференции, живущих в гостинице, хорошо знают черноморское побережье. Первый французский археолог, приглашенный в Абхазию, находящийся в научном и культурном вакууме, я чувствую всю уязвимость моего положения. Я останусь за гладкими фасадами, которые будут окружать меня, перед отчужденными взглядами, которые будут скользить по мне без всякого интереса, не выдавая своих секретов. Таково правило игры.

После обеда мы идем вчетвером на прогулку-знакомство с городом. Маршрут складывается сам собой, даже не надо ничего придумывать. Гостиница находится в западной части города, рядом с большим рынком. Значит, нужно пойти на восток вдоль проспекта, обсаженного деревьями и кустарниками всех видов и зон, лиственными и хвойными, кленами, олеандрами, а потом вернуться по набережной, которая совсем рядом. Конец дня, воскресенье, все тихо, несколько редких машин, старуха, молодая мать с маленькой дочкой. Сложно поверить, что ты в столице, скорее, в маленьком русском городке в несколько тысяч жителей. Я думаю об Азове, где жил неделями в начале осени. Открыты некоторые продуктовые магазины, улыбки. Наташа и Дмитрий знают город, потому что бывали тут раньше. До или после войны, не знаю, но в воспоминаниях Наташи это красивый город, гостеприимный курорт. Для

Галины это первая поездка в Абхазию, но, как и многие россияне, она помнит о радостях черноморского отдыха, его удовольствиях, солнечных пляжах, как моя подруга Татьяна вспоминает о веселых студенческих вылазках на выходных: «Мы возвращались в понедельник в тринадцать часов, а в четырнадцать сидели на парах, красные, как раки». Курортное место, символ всего радостного из прошлого. Ностальгия.

Действительность же иная. Вскоре появляются следы войны. На очень высоком сгоревшем здании с фасадом, иссеченным пулеметными очередями, оставившими на бетоне запятые и восклицательные знаки, обдирая и отслаивая пластами штукатурку. На здании учреждения культуры, архива или администрации университета, заброшенного, с разбитыми и отсутствующими стеклами, зияющими окнами. Всплывают картинки других мест. Я видел такие шрамы на зданиях окраин Будапешта и на жилых домах Ростова. События 1956 года, Великой Отечественной войны – разные причины, но одинаковые результаты. Далее торчит лишь фасад сгоревшего дома. Корпус и интерьеры этого прекрасного здания исчезли. В разверстых проемах растительность. Естественно, что на память приходят картины Грозного и Чечни. Из-за гор. Ведь мы на Кавказе. На лицах моих друзей читается грусть. Когда я чуть далее фотографирую красивый заброшенный дом, Наташа выразит эту боль, может, немного с упреком. Что я фотографирую лишь нищету и уродство. Я должен ее успокоить. Горевшие, порушенные фасады, свидетели неизвестных мне насилий, прекрасны, неповторимы; в их архитектуре заложена могучая сила напоминать. Сила, которую я обнаруживал на Юге России или в Болгарии, но которую я еще не встречал на Черном море, если не брать в расчет несколько телерепортажей, в частности, с улиц Одессы. Всякий раз их поэтичность вызывала сильнейшую ностальгию по чему-то недостающему или по ушедшему. Я вообще люблю дома: их объемы, материалы, связи, которые их соединяют с человеком, окружающими пейзажами, природой. Я всегда жалел, что мне не довелось несколько часов побродить по улицам Новочеркасска, столице Донского казачества. Там, вдоль улиц-линий, вытянулось столько разнообразных домов! Настоящее сокровище, культурное наследие, которому явно угрожает опасность, как и ростовским домам, смотрящим на Дон. Кирпич и известняковые блоки сухумских фасадов хранят тонкие, изящные узоры. На боковых сторонах запечатлено прошлое, перестройки, своего рода искусство жить. То, что мы называем продолжением фасада, которое в нашей современной архитектуре мне кажется убогостью приемов и бедностью фантазии, обнаруживает здесь, на этих старинных лицах (как минимум столетних) классические влияния с примесью византийского и турецкого периодов. Красно-кирпичные пятна скромно прикрыты густой зеленеющей или уже пылающей осенней листвой… Местами отметка красивым белым пятном. Я не задаю вопросов об этом разнообразии стилей, но не волнуйся, Наташа, я фотографирую не запустенье.

История и политика станут неотъемлемой частью путешествия; религия – почти нет, и это уже добрый знак. У входа в новенькую, в ярко-зеленых и одновременно сдержанных тонах мечеть мне сообщили в ответ на мой вопрос, что в Абхазии примерно 20% мусульман, но все живут мирно. Жители – по большей части православные – не фанатичны, даже при том, что здесь с гордостью

указывают на древность христианства. Галина и друзья описывают абхазов как людей спокойных, умеющих довольствоваться малым. Политическая картина проста. После распада Советского Союза и обретения Грузией независимости абхазы потребовали отделения от этой республики. В течение ужасной войны 1992–1993 гг. они, при помощи России[1], выгнали грузин со своей территории. Международное сообщество, кроме России, отказывается признать это новое государство и держит население запертым в его анклаве между гор и моря… При этом Россия выдает желающим свои паспорта. С ними абхазы могут перемещаться. Правда, выезды за пределы большой страны-сестры остаются проблематичными, потому что отказы в визах, особенно европейских и шенгенских, по-прежнему часты. Таково нынешнее положение дел, однако, чувствуется, что оно имеет отношение к сведению счетов между былыми сверхдержавами. Между хорошей и плохой. На это накладываются старые и новые ссоры, например, недавний югославский конфликт. Россия не приняла признание Косово. Сравнения с ситуацией в Грузии легко просматриваются и удобны в аргументации. Если оставаться в том же регионе мира, вспомним русскую кампанию в Афганистане и беспощадность обвинений Запада в адрес СССР, когда тот ввел туда войска, чтобы сместить феодальные режимы. Насмешки, порочение и сомнения в эффективности русской армии не были забыты; нынешнее положение дел должно бы дать пищу к размышлению.

Все это оказывает свое влияние, когда начинаешь анализировать ситуацию. Моим друзьям нравится, когда я вспоминаю подобные факты или привожу события, которые давно истерлись из избирательной памяти наших руководителей, СМИ или большей части граждан. На самом деле, мне еще не ясны природа и теснота связи, существующей между политической ситуацией в Абхазии и нашей конференцией. Я также стыдливо гоню прочь собственные мысли по поводу обретения независимости регионами. Я счастливо живу в Бретани[2], глубоко к ней привязан, не испытываю ни малейшего желания уезжать из родного края, но я отнюдь не убежденный регионалист.

И вот мы на сухумской набережной. Я поражен тишиной, пустынностью. Никого. Бездомный пес принимает нас в хозяева. Атмосфера как после дождя на разорившейся Английской набережной[3], серое море с ласковым плеском, последняя волна с тихим вздохом. Широкая набережная вдоль галечного пляжа, лежащая между двух мысов. Брошенное великолепие знаменитого курорта. Сухум славился своим климатом, даже признанным лучшим во всей России[4], но состояние известняковых торшеров и перил не оставляет сомнений. Плитка тоже местами попортилась. Война, последствия войны, экономическая вялость… И все же. Дмитрий с Наташей предаются воспоми-

---

[1] Это распространенная грузинская версия событий в Абхазии тех времен; позиция России не была однозначной. – *Прим. ред.*

[2] Бретань – регион на западе Франции, официально перешедший под власть французских королей в 1532 г. С конца XIX века активисты возрождают бретонский язык и культуру. С середины XX в. иные бретонские политики выступают за независимость Бретани от Франции ввиду принадлежности первой к кельтскому миру (1-е тыс. до н.э.), а второй – к римской культуре.

[3] Английская набережная – набережная в Ницце, где обычно гуляет курортная публика.

[4] Сухум не является российским городом, если не считать царских времен. – *Прим. ред.*

наниям. Наташа вспоминает, как ездила в окрестности на склон горы смотреть сталактиты и сталагмиты в карстовых пещерах поразительной глубины. Свои страхи и головокружения на экскурсии. Подчеркивает ощущение потерянного рая.

Несколько барж неподвижно стоят на якоре в море, задумались, вздернув нос и принюхиваясь к воздуху. Что делать? Выйти в море, остаться в бухте? Ради какого фрахта, какого дела? Позже я узнаю, что корабли, подходящие к абхазскому берегу, рискуют быть обстрелянными грузинской артиллерией. А сидящие на бетонных волнорезах рядком рыбаки и в ус не дуют. Может, у них больше иллюзий? На улов, кажется, никто не надеется. Главное, что время течет. Черные бакланы, укрывшись в вертикально развешанных поперек моря сетях, оказываются, несомненно, более удачливыми хищниками. Мелкой рыбешке на мелководье не улизнуть.

Но все-таки мы на пляже, на море, о котором столько мечталось. Пора установить настоящий, физический контакт. Наташа и Галина не могут удержаться. Нужно взять эту воду руками. Я тоже предаюсь обряду. Я так делал и с водой Восточно-китайского моря, движимый постоянным желанием сравнить ее температуру с атлантической на Уэссане[1]. Впрочем, моим друзьям она тоже знакома. В нашей компании четырех – мне радостно, это подлинно счастливый момент.

Прогулка завершится обходом рынка, большого павильона из бетона, окруженного площадью, на которой размещаются всевозможные лавки. На прилегающих улицах тоже есть лавки, простые магазинчики, наверняка открытые в будни. Но сейчас по-прежнему воскресенье, вечер.

Мы расходимся по номерам, чтобы отдохнуть и поработать. Я только что узнал, что выступаю завтра утром – значит, нужно подготовиться. Кроме того, Дмитрий попросил меня приготовить небольшую речь, вступительное слово, потому как я иностранец; меня точно попросят что-нибудь сказать на церемонии открытия.

ПОСЛУШАЙ, ФРАНЦУЗ, С ТОБОЙ ГОВОРЯТ

После ужина мы собираемся подняться в номер 513, где остановились два друга Дмитрия, Борис из Санкт-Петербурга и Иван, забыл из какого города. На коньяк. Но в холле гостиницы нас перехватывает Константин, организатор и великий распорядитель нашей конференции. Француза, разумеется, зовут распить бутылку шампанского. Я с удовольствием принимаю приглашение. Разумеется, бокалы звенят под приветственные тосты. С Константином друг из Южной Осетии. Архитектор. Федор, представительный мужчина, в темном костюме, с легкой сединой, худой, сдержанный. Тональность наших посиделок скоро меняется. Константин, хоть и кажется веселым, явно устал, вымотан, напряжен, серьезен. Он явно уже произнес немало тостов, и, несмотря на стойкость в любом испытании, это обстоятельство лишь добавляет волнения, подпитывает тонкую

[1] Уэссан – остров в 20 км к западу от Бретонского п-ва.

чувствительность этого человека, в котором я сразу и безоговорочно вижу силу, огромную волю. Лидер, вожак. Он представился советником президента Республики, которому он обещает меня представить завтра.

Мы сразу вступаем на территорию политики и истории. Независимая Абхазия. Независимая Южная Осетия, где сегодня состоялись выборы, и ожидание их результатов сопровождается некоторой нервозностью. Я недостаточно хорошо знаю ситуацию в Осетии, чтобы задавать точные и актуальные вопросы. Я не знаю, что после войны 2008 г. ситуация куда сложнее простого вопроса о независимости или противостоянии Грузии, хотя мне ее представили как социологически устоявшуюся. Компоненты не так очевидны: тут и роль молодой пророссийской поросли, обвинения в коррупции, возможное избрание женщины на пост президента и, на заднем плане, вероятность оранжевой революции; что, почти автоматически, приведет к оспариванию результатов голосования. К тому же несколько недель назад Николя Саркози подтвердил основные положения третейского суда 2008 г., за который его превозносят на Западе, хотя сами положения плохо работают. Поэтому я молчу. Да и Галина считает, что так лучше: «Выслушай его, он выпил, устал, он хочет выговориться». Она права. Слезы вот-вот навернутся на глаза Константина. Он дал волю чувствам. Братское присутствие и моральная поддержка друга-осетина придали уверенности, только обострив чувства. И заговорил не историк, а абхаз, мужчина, возможно, солдат, участвовавший в событиях 1992–1993 гг., полностью погруженный в современную политическую жизнь, глубоко опечаленный кончиной президента Сергея Багапша в мае этого 2011 г. Константин – настоящий абхазский и кавказский боец. Со всем, что входит в это понятие и чего я не понимаю. Со всем, чего я не могу представить, находясь слишком или недостаточно далеко от сути дела. Константин, как и Федор, неприязненно относится к Грузии, спрашивает, заметил ли я брошенные грузинами дома, «дома, которые абхазы не занимают и не трогают, оставляют бежавшим, если они пожелают вернуться в страну». Что это – официальная речь, история из лоскутов, в которую в конце концов веришь, или реальность? Здесь нет места неопределенности, что совсем не мешает ей существовать.

Сегодня вечером я не буду смотреть в Интернете французские сайты. Я это сделаю позже, но все они в основном благоволят Грузии. Все путешествие я буду просто впитывать сетования абхазов. Константин эмоционально описывает ситуацию, с каким-то детским простодушием, что могло бы вызвать улыбку. Он устал. Он говорит свою правду, созданную подле значительных людей, свою горячую правду, которую я не могу и не хочу воспроизводить на этих страницах. Он мне доверился, и я тоже не могу ему не верить. Мы на Кавказе, по одну сторону хребта, а по другую лежит Чечня, территория Шамиля Басаева до его смерти, Рамзана Кадырова, а раньше его отца Ахмата… Территория двух жутких войн, репортажи с которых я видел по российскому телевидению во время своих приездов, земля, где худшие зверства уживаются с самыми темными глазами и самыми прочувствованными взглядами. Земля, где частые и невообразимые смены союзников превращают правду в калейдоскоп. Это сложно понять западному человеку картезианской и гуманистической культуры. Я люблю парадоксы, и я получил их сполна.

Федор подтверждает, кивая головой. Оба мужчины делятся наболевшим. Я же молчу. Изредка нарушая молчание уверением, что позиции народа необязательно совпадают со взглядами руководителей, в частности, это верно для меня. У меня большего и не спрашивают. Я в самом деле не очень осведомлен о ситуации в Абхазии, зато мне известна сомнительная роль, которую могут играть в Грузии и округе США, используя аппетиты, раскол, вражду тех или иных народов, манипулируя тем или иным политиком, президентом, продажным или нет, для проведения своей антироссийской политики или ради попытки лучше контролировать ситуацию в мусульманском мире и при распределении нефти и газа. НАТО, военные базы и проч. Что касается подстраивания Франции под американские принципы и тонких объяснений великого философа БАЛ, то я о них уже писал.

Наша беседа-монолог прекратилась из-за ряда настойчивых телефонных звонков Константину. По работе, от президента, оргкомитета и даже от жены. Мы обнимаемся при прощании. Что останется от этой встречи? Будет ли он сожалеть о сказанном? Вряд ли он будет раскаиваться – слишком он мне кажется увлеченным своим делом. Он ушел к другим горизонтам; нет, он живет все под тем же. Под Кавказским хребтом, на полоске прибрежной земли, покрытой садами в узорах из хурмы и мандаринов, в независимой Абхазии.

Прежде чем уснуть, я все это вижу снова. Не могу избавиться от чувства важности пережитого момента и впечатления собственной глупости, будто я золотая рыбка в банке. Проплывают образы, чередуются звуки, слова, сведения, но я странно чужд их значению, их глубокому смыслу, непроницаем; мне не удается войти в мир, который они обозначают. Я не чувствую, чтобы во мне текла кровь бесланских детей. Я не готов. Я это понял, когда гулял вдоль фасадов разрушенных войной домов. Сегодняшняя жизнь улицы мне гораздо интереснее, даже если вечером в воскресенье она не очень активна. Зато мне вспомнились исследования Марлены Ларюэль[1] и то, что я читал о евразизме. Восприятие, прочтение и разделение мира по принципам, совершенно непонятным западному человеку. Мир, каким он видится из Москвы, центра этого огромного скопления земель, над которыми пекинским рейсом летишь несколько часов. От Немана до Китайского моря, от Арктики до песчаных морей Казахстана. Как бы ни рассуждали, ни судили, вес истории России, Советского Союза, снова России предопределяет особую географическую точку зрения, от которой не уйти. Это структурный подход, который имеет столько же прав на существование, как и доктрина Монро с его «Америкой для американцев, или мечты о Срединной Европе после Священной римской империи германской нации. Человеческий ум свободно ищет, изобретает, выстраивает. А результаты – это уже другое дело. Русские на Кубе, американцы в Тбилиси – торгуйтесь. Независимость Косово, непризнание Абхазии, ищите целесообразность. Ищите, скорее, газ и нефть, военные базы, близость к пороховому погребу. И не пытайтесь меня убедить в том, что США или Франция хоть немного интересуются конкретной обстановкой, повседнев-

[1] Марлена Ларюэль (р. 1972 г.) – французский историк, работает в Центре изучения русского, кавказского и центрально-европейского миров (CERCEC). Ее исследования посвящены главным образом политической философии и националистическим идеям в современном русском мире.

ной жизнью населения Абхазии, Грузии или Осетии. Пусть это будет записано раз и навсегда, потому что сегодня вечером это единственное, в чем я уверен. Когда я засыпаю, Осетия, Ингушетия, Абхазия мне кажутся совсем маленькими у подножия их прекрасной горы, чью белую, шелковистую вершину я видел. Мне бы просто хотелось, чтобы Константин и Федор обрели внутренний покой. Они дарят мне свое гостеприимство.

ДОРОГИЕ КОЛЛЕГИ, ПОПРИВЕТСТВУЕМ ИСТОРИЮ И ПАВШИХ

Дождь шел большую часть ночи. Воды пролилось щедро. Лужи. Градусов восемь тепла. Атлантика. Еще темно. Вдоль тротуара у входа в гостиницу припаркованы два белых внедорожника ООН. Небольшие порывы насыщенного мелкими капельками ветра колеблют их грязно-желтый свет и омывают крышу. Чернокожий мужчина, элегантный, высокий, спортивный, очень похожий на Уэсли Снайпса[1], ходит от автомобилей к холлу и обратно. Черный кейс, бежевый плащ под пояс с идеальными складками. В командировке, но какой? По защите, но кого? Оценка ситуации, чтобы дать Абхазии шанс существовать? Контроль степени военного присутствия России? Официально задачей ООН является обеспечение мира и безопасности населения, наблюдение за соблюдением перемирия, подписанного летом 1994 г. … Вот секретарь хлопочет у чемоданов. Мужчина проглатывает завтрак и исчезает. Он будет ходить поблизости всю нашу поездку, и я так точно ничего и не узнаю. Кроме того, что миссия наблюдателей ООН завершилась летом 2009 г. А потом?

Дождь прекратился, археологи садятся в автобус, наш автобус с шофером, в котором мы будем потом все время ездить. Но прежде, чем отправиться в зал заседаний, нужно пройти церемонию. Это было в программе. Нас ждет телевидение у подножия мемориала, памятника павшим в войне с выбитыми лучами именами мучеников. Четырнадцать тысяч погибших, нестарых мужчин, убитых за два года войны за защиту независимости Абхазии. Ужасное кровопускание. Пропорционально превышающее как минимум в два раза число французов, погибших за четыре года Великой войны 1914–1918 гг. Я этого не знал. Но вот уже начинается церемония; молчаливыми волнами, по пять-восемь человек в ряд, мужчины поднимаются, останавливаются в нескольких шагах от монумента, молча замирают, склоняют головы, потом отходят вправо, оставляя место следующим. Странный танец, который удивляет меня и оставляет относительно равнодушным, не горящим так, как должно бы. Я, конечно, тронут отношением людей, но не мертвыми, которых мы поминаем. Все-таки не в моей воле заполнить в себе пустоту. Я пойду поклониться в окружении пяти женщин; возможно, странноватое соседство, тем более что, но я пока этого не понял, у меня, хочу я или нет, особый статус среди этого международного собрания археологов, которые разделяют горе, кланяются, отдают дань памяти. Единственный француз из страны, не признающей Абхазию и официально поддерживающей Грузию. Я обхожу мемориал, медленно. Мне показывают списки, называют семьи, в кото-

[1] Уэсли Снайпс – американский киноактер.

рых десятки погибших. Это было менее двадцати лет назад. Ребенком я играл в салки с детьми моей деревни на памятнике павшим в Великой войне[1], декорированном 400-миллиметровыми снарядами.

Автобус привозит нас к залу конференции. В просторном здании, где работают несколько министерств, среди которых министерства культуры и сельского хозяйства. Нам выделен один зал. Такое временное положение касается только археологии или всех министерств? Я не получу ответа, но начинаю понимать суть проблемы. Я слышал, что после войны не уцелело ни одного здания университета или учреждения культуры. Вчера вечером об этой стороне беды упоминал Константин. Нас принимают в просторном, светлом зале, в котором могут разместиться все участники конференции и явно на открытие, другие лица, не считая тележурналистов. На эстраде стоит трибуна и все необходимое оборудование для видеопроекции. Очень профессионально. Зал заполняется; скоро не остается свободных мест. Я должен выступить в начале заседания. Так легче, потому что потом я могу быть спокоен. Я особо не волнуюсь. Мы хорошо подготовились с Галиной, она уже давно перевела мой текст.

Присутствуют премьер-министр, его заместительница по культуре. Можно получить представление о политической значимости конференции. Это третий конгресс подобного рода за последние несколько лет. Это не рядовая конференция, на нее съехались главным образом российские археологи, один немецкий и одна молодая американка, которая учится в Оксфорде, работает в Берлине и приезжает на раскопки в Абхазии. Добавим вчершнего осетинского архитектора и нескольких абхазских историков; но где абхазские археологи, студенты? Они отсутствуют. Поскольку их, увы, трижды увы, попросту нет. Из-за нехватки образовательных структур, денег, всего. Но тихо! Слово берут для приветственной речи официальные лица. Благодарность за наше присутствие и несколько слов о Георгии Шамбе, памяти которого посвящена конференция. Он появится в зале благодаря двум видеозаписям. На первой он показывает журналистам раскоп. Он так и лучится энтузиазмом, увлеченностью, покоряя своей харизматичностью и силой убеждения. Я не понимаю, что он говорит, но сразу включаюсь, слежу за объяснениями, даю себя убедить. Дмитрий меня предупреждал. Георгий до конца отстаивал свои идеи, если был сам убежден, и не боялся атаковать текущую официальную позицию. Второе видео меня в этом убеждает и очаровывает. Георгий выполняет довольно комичный ритуал – заклинание засухи – после того, как деревенские священники совершили молебен по дождю для получения урожая. Этот дождь затопил раскоп, и пора бы ему прекратиться, потому что он мешает экспедиции. Абхазское вино наведет порядок, я же увидел замечательного человека.

Я выступаю на пленарном заседании. Потом нас распределят по секциям. За мной на трибуну поднимется Федор, осетинский архитектор, который, по словам Галины, говорил вовсе не об археологии, а о поэтике и символизме в архитектуре. Он кажется воодушевленным, но я не уверен, что его речь строго научна. Очевидно, что помимо того, что они должны быть услышаны всеми, доклады пленарного заседания имеют определенную цель – убедить каждого,

[1] Так во Франции называют Первую мировую войну.

что он на международной конференции, показать, что Абхазия и ее правительство способны организовать мероприятия, вызывающие подлинный интерес со стороны научного сообщества, в том числе и зарубежного. И тогда не важно, что древний морской путь вдоль атлантического побережья вкупе с канонами осетинской архитектуры не главные предметы изысканий моих дорогих коллег. Важно, что Южная Осетия – это сестра по несчастью, а затем по успеху в трудной ситуации, которую переживает также и Абхазия. Важно присутствие археолога из страны Саркози, который не признает власть Сухума, из страны, чей президент сильно поддерживал курс Саакашвили. Дмитрий знал об этом. Он-то меня и попросил приготовить маленькую речь, потому что знал, что меня как иностранца обязательно попросят выступить сегодня утром или позже. Приготовил. Галина выполнила перевод. Мы готовы, но утром мы не выступаем. Партия отложена.

Что до откликов на мой доклад, то нужно еще подождать. Наташа заверила, что он вызвал интерес и внимание. Видео подтверждает. Премьер-министр как будто действительно внимательно слушает, но иные коллеги спят. Закон войны. Первым откликнулся Андрей, российский археолог, работающий на черноморском побережье к западу от Сочи; сосед в какой-то степени. Бывший моряк, двадцать лет прослуживший на морском и торговом флотах, ему интересна работа, проделанная на Уэссане и бретонском побережье. Он хотел бы больше знать о способах обнаружения античных портов на наших берегах. Хороший вопрос, осторожный ответ. Завязывается беседа о варьировании уровня моря и сложностях подводного обследования в этом регионе. Море не всегда достаточно прозрачно. Мы говорим и об океанской навигации. Он проплывал Бретонский полуостров и часто бывал в страшном Бискайском заливе. У нас будет еще случай пообщаться с Андреем. Я обращаю внимание Галины на его позу: «Смотри, как он стоит. Расставил ноги пошире. Он все еще на мостике своего корабля».

Дождь прекратился. Свежо. После обеда – смена декораций, прекрасное здание вековой давности, эклектичного стиля, роскошь былых времен; предоставлена в распоряжение правительством. Нам действительно некуда идти, война разрушила все здания учреждений культуры, библиотеки, архивы… Ничего не осталось. Как и отопления в этой большой зале с затейливыми люстрой и потолком, большими столами, чьи столешницы сделаны из тонких дощечек. Из окна открывается перспектива на кроваво-красное здание правительства, полностью выгоревшее, посреди парка, чью яркую зелень лишь подчеркивает сырость. Доклады следуют один за другим под наблюдением председателя. Каждый выбрал себе место, которое попытается сохранить за собой на протяжении всей конференции. Евгений сидит напротив. В мою сторону смотрит редко. Я стараюсь быть приветливым. Думаю, что он настороже, но явно отошел от удивления. Петербургская школа берет дело в свои руки посредством председателя сеанса Бориса, в чьем номере 513 мы соберемся сегодня вечером. Дмитрий представляет его доклад. Тема мне знакома, я полностью поддерживаю моего друга. И я отдаюсь собственным мыслям. Кто эти мужчины и женщины? Самым молодым и малочисленным уже тридцать; они не абхазки. Я брожу по городу, его истории. Второй отклик на мой доклад. Директор Южноосетинского научного центра говорит, что очень заинтересован моим выступлением и сожалеет, что у него нет публикаций по моей теме. В Осетии все тоже сгорело, все было раз-

рушено. Нет больше ни библиотек, ни книг. К счастью, в моем портфеле остался последний номер журнала «Археология», в котором опубликована моя статья на данную тему, текст с хорошими снимками. Я могу, почти что чудом, поделиться им с этим серьезного вида решительным мужчиной. Трудности и повседневная борьба часто скрываются здесь за непроницаемыми лицами.

После ужина в гостинице курс на номер 513, где нас ждут два товарища, с которыми мы уже общались и фотографировались днем. Уже упомянутый Борис и Анатолий, который копает неподалеку от черноморского региона, нас ждут в отведенном им номере. Начинается вечер среди друзей. Каждый принес свою колбасу, свой сыр, свой коньяк, свою водку, свое красное вино и еще апельсин, который поделится на всех. Остатки дорожной провизии. Дмитрий, знакомый с обычаем, сделал необходимые закупки в одном из магазинчиков, открывшихся после обеда на главной улице. Общее веселье. Ведь это встреча. Продолжение студенческого времени, посиделок, на которых делились мечтами и разочарованиями. Да, в самом деле, можно говорить о настоящем товариществе, в том смысле, который во Франции вызовет лишь насмешливо-презрительную усмешку. Во Франции мы, наверное, утратили эту свежесть бытия, как балованный, пресыщенный ребенок. Мне хорошо. Мне нравится на них смотреть, слушать. Мне переводят какие-то обрывки разговоров. Неважно. Главное, что люди разговаривают. Кто-то из коллег любезно говорит о моем выступлении, Дмитрий вспоминает Уэссан, что очень нравится Наташе и Галине. Они знают остров. Дмитрий и Наташа участвовали в международной конференции, которую мы там провели в 2007 г. Галина копала с нами этим летом. Глаза женщин хитро блестят. Речь как раз о конференциях, в частности, в Нижнем Новгороде в следующем году: «Жан-Поль, надо ехать». – «Почему бы нет?» – «Было бы здорово». Ничем не ограничиваемые мысли сталкиваются, парят, подталкиваемые мечтами и добрыми ветрами. «А почему бы не провести еще одну конференцию на Уэссане в 2014 г. финальным аккордом и отметить четвертьвековой юбилей сотрудничества?» – «Да, но нужна тема, которая бы нас всех объединила». Общее воодушевление: «Найдем!» Вдруг темно. Замыкание или отключение электричества. Полное. Во всей гостинице, но также и во всем районе и набережной не видать. Не страшно. Беседа продолжается в свете вспышки фотоаппарата, зажигалки и экрана телефона. Прежде чем разойтись по своим номерам, мы еще успеваем произнести несколько тостов. Зажигалка Наташи не выдерживает на лестнице; номер комнаты на двери я различу благодаря тусклому свету ее мобильника. Теперь мне все нипочем. Я нащупываю кровать… Я выступил, теперь свободен как ветер и сплю как ребенок.

И СНОВА НА НАБЕРЕЖНОЙ

Ночью опять шел дождь. Несмотря на отсутствие ветра, влажность и относительно мягкая температура сохраняют свой морской характер. Машины ООН по-прежнему на месте, чиновник тоже. С серьезным видом. Нам пора садиться в автобус и ехать на базу конференции. Пока я болтаю с Галиной у входа в здание, где мы будем заседать, к нам подходит Леонид, друг Дмитрия, университетский

преподаватель из Москвы. Он хочет лично похвалить мои «Воображаемые беседы», небольшую книжку-размышление о нашей профессии, которой Дмитрий любезно нашел издателя в Ростове. Книга вышла двуязычным изданием. Помимо признания в том, что ему было приятно ее прочесть, Леонид любопытствует, что побудило меня выпустить ее в России. Я признался, что несколько французских издательств отказали в публикации, поскольку этому жанру они не благоволят. «Возможно, их не устраивали мои речи, впрочем, отнюдь не протестные и не подрывные. И мне пришлось эмигрировать к вам!» – «Точно, как диссиденту, ты французский диссидент, печатающийся в России!» Эта несуразица меня насмешила, но, однако, понравилась. В конечном итоге, Леонид просит меня прислать ему экземпляр этих бесед, вот мы и подружились.

Мне не удается принять участие в утреннем заседании – необходимо срочно зайти в Министерство иностранных дел для оформления визы. У меня на руках только временное разрешение на въезд, полученное по электронной почте из Посольства Абхазии в Москве. Я обязан официально оформить свое пребывание, в том числе для повторного въезда в Россию. Нас сопровождает один из членов оргкомитета. Археолог из Америки, которую я считал сначала англичанкой, потому что она учится в Оксфорде, работая в Германии, должна выполнить те же формальности по аналогичным причинам. Я узнаю об ее настоящем гражданстве позже, когда уже весьма нелицеприятно выскажусь по поводу дипломатических позиций Америки и Франции в регионе. Совершил ли я промах? Не думаю. Раз она копает под Сухумом и дружит с Гавриилом, абхазским коллегой, который нас сопровождает, она должна как минимум разделять мои взгляды. Впрочем, не похоже, чтобы мои слова ее шокировали. В четверг, уезжая, она поцеловала меня в щеку и спросила, будет ли моя экспедиция работать на Уэссане и можно ли ей будет приехать. Поход за визой – это повод пройтись по городу, вдоль президентского дворца, где меня не примут: президенту пришлось отъехать по делам. Началось оформление. Заход в Министерство, потом в банк для уплаты госпошлины, возвращение в Министерство за визой. Она, против обыкновения, вкладывается, а не вклеивается в паспорт. Вероятно, чтобы не доставлять хлопот ее владельцам, если те вдруг пожелают отправиться в Грузию. Иначе их бы заподозрили в сомнительных симпатиях. Все процедуры выполняются очень просто. Между тем, о моем присутствии сообщили министру, который выразил желание принять меня и пообщаться.

Он уделяет нам четверть часа. Очень учтиво интересуется целью моего приезда, которую явно знает, спрашивает о моих впечатлениях, которые превосходны, и сообщает, что он вузовский работник, историк. Я подтвердил ему, что он правильно понял и перевел вступительную статью к одному ученому труду по средневековой истории, написанному по-французски. Мне снова некомфортно, из-за официальной позиции Франции и Европы не в пользу абхазского государства, Европы, которая играет в кошки-мышки с Грузией, суля членство в ЕС. Что я могу? Только напомнить в очередной раз, что французский гражданин вовсе не обязательно разделяет оппортунистическую позицию своих правителей. Мне не нужно добавлять, что я совсем не понимаю логику в признании Косова, но непризнания Осетии с Абхазией, нами, чемпионами по праву народов на самоопределение, освободителями Ливии и проч. Министру все это известно,

предполагается, что раз я здесь, так это потому, что мои взгляды лежат в иной плоскости. Это вовсе не уменьшает моего смущения, тем более, что мои центристские воззрения остались при мне.

Когда мы оказываемся на улице, возвращаться на заседание уже поздно. Тогда, все так же в сопровождении Гавриила и под его предводительством мы отправляемся в гостиницу через набережную. Я больше смотрю, чем говорю. Мы заказываем традиционный кофе по-турецки, приготовленный на горячем песке под широким зеленым пластиковым навесом, предназначенным больше защищать от солнца, чем от дождя. Один столик занят игроками в домино. Мужчинами. Впрочем, набережная почти пустынна. Мы в межсезонье. Между летом и зимой, между войной и миром, между независимостью и ее подобием, между разрушениями и медленным, очень медленным восстановлением. Вновь откроется театр на берегу, но самая красивая гостиница Сухума, гордость и роскошь ривьеры, одета в сетку в ожидании возможной реставрации. Надолго? Стоящие на якоре в заливе пустобрюхие корабли все так же не решаются зайти или уйти. Они по-прежнему рискуют быть обстрелянными грузинской артиллерией. Сидящие на сетях бакланы все так же поджидают рыбу, а над совершенно пустым морским вокзалом развевается только зелено-бело-красный флаг Абхазии. «Вокзал мы разлюбили», – делится Гавриил, ничего более не объясняя, но я чувствую глубокое смятение у этого человека убеждений и, возможно, боя. Друг Георгия Шамбы. Он был на видео. Грустный, как мне кажется, несмотря на доброжелательность и готовность посвятить все свое время участникам конференции. Он приехал нас встречать на границу, он же нас и проводит. Будет заниматься каждым гостем, пока тот не покинет территорию, его территорию. Он в некотором роде архетип хозяев, которые меня принимали на юге России с самой первой моей поездки пятнадцать лет тому назад. Внимательные, они всегда рядом, они следят за тем, чтобы все прошло хорошо, чтобы я не подвергался риску или испытывал какие-то неудобства. Таково их понятие гостеприимства, которое нам напоминает что-то античное и исчезнувшее, о чем почти грустишь.

Кажется, что окружающему застою сопротивляется одна растительность. Пальмы, эвкалипты, платаны, хвойные. Тяжелая влажная зелень. Слишком обильная листва для только начинающей желтеть осени, только начинающей пламенеть на иных улицах и углах скверов. Трава и деревья захватили взморье. На гальке лежат водоросли, которых почти не отличить от осенних листьев. Трава захватила и средневековый форт, построенный на берегу и теперь выдающийся на бульвар набережной. Тут проводятся раскопки, но сейчас не сезон; состояние заброшенности меня поэтому не беспокоит. Копают в том числе российские исследовательские организации из Москвы и Санкт-Петербурга. Прогулка заканчивается, мы присоединяемся к нашим коллегам в гостинице. Говорят, тележурналисты хотели взять у меня интервью. Ну что ж. Но я осознал, что сегодня я не задал ни одного личного вопроса нашему сопровождающему. Из-за врожденной сдержанности. Но также из-за роли и места, которые мне были отведены на конференции или которые я сам себе подсознательно определил. Может быть, потому что я чувствовал, что я здесь лишь проездом. Не пускать корни. Не могу предложить ни одного серьезного объяснения, только сожаления.

После фото с коллегами-археологами с черноморского побережья мы садимся в автобус, чтобы ехать на последнее заседание. Один за другим идут интересные доклады. Не то чтобы их темы меня касались напрямую, но мне любопытно, как они описывают роль вина, использование той или иной детали вооружения или снаряжения, боевой конской упряжи (поножей, фалер и проч.), стилистическую эволюцию звериных узоров, в частности, с верблюдом. Это классически устроенное заседание, где вслед за бесспорными мэтрами российской археологии выступают молодые аспиранты, их ученики, а председательствует признанный ученый. Само выступление, методы анализа, интерпретации не оставляют меня равнодушным, и порой мне даже кажется, что я мог бы вставить пару слов, по крайней мере, попробовать. Я делюсь некоторыми соображениями с Галиной. Прекрасный рабочий день, сразу виден уровень конференции. Хорошо. После заседания я даже подхожу в частном порядке к петербургскому коллеге по поводу римских фибул, очень распространенных в начале нашей эры везде в римском мире, а значит, и на западе Галлии. Каким путем они прибыли на юг России, на Западный Кавказ? Через Польшу? Спорно. В общем, вторая половина дня весьма приятна, я пойду поздороваться с Евгением, поболтать о прекрасных новинках археологического музея Азова, которым он руководит. Я признаюсь, что, к сожалению, из-за визы не смог послушать его доклад утром. Разрядка. Наташа предлагает вернуться в гостиницу пешком. Прогулка по городу под только что умытым дождем голубым небом, между теплым и холодным фронтами, так и хочется сказать: чувствуется атлантический ритм смены погоды. Воздух чист, свет ярок. На душе спокойно. Мы гуляем.

Первый этап, переход через площадь перед Домом правительства, сожженного грузинами во время войны. Почти пустую, обрамленную парком, где соседствуют пальмы и клены. Здание, чей фасад еще рдеет от пожара. Симметричная конструкция, которая должна доминировать; своими пропорциями она напоминает мне Московский университет или президентский дворец в Бухаресте. В центре, застыв и ощетинившись пиками, пчелиное гнездо с тысячей черных глаз, ослепленный фасад, мозг, раплавленный огнем; даже камни сохранили розовый оттенок мозга. Эта квадратная постройка стоит на черных арках, какие можно встретить на сюрреалистических полотнах Поля Дево или в архитектуре Квартала Всемирной выставки времен Муссолини в Риме. Такие картинки приходят мне в голову на этой пустой площади, чей пострескавшийся асфальт еще отдает жаром пожарища. Боковые крылья здания распластаны у земли. Итальянский ренессанс, обогащенный черными проемами, хромыми балюстрадами и каменными яйцевидными украшениями, которые выделяются на фоне голубого неба и розовых облаков. Habemus papam[1]. Я путешествую из Рима во Флоренцию, заезжая в Центральную Америку с ее послеколумбовскими дворцами. Где я витаю? Бегу ли от реальности? Большой пустой корпус, все окна и двери которого выгорели. Коробка, мозг которой вытек на фасады через глаза, через рот. Я фотографирую. Потеряв способность к объяснению. Словно это не я. При этом мы стоим далеко от здания, внизу эспланады. В перспективе видна простая памятная стелла в виде усеченной пирамиды из полированного камня

[1] Лат. «У нас есть Папа» – формула, возвещающая об избрании нового папы.

и кремового цвета мерседес, стоящий прямо посреди площади. Я фотографирую. Это единственное, на что я способен. Позже, посмотрю позже. Может быть, по снимкам, через зияющие проемы я смогу, благодаря объективу, проникнуть в огромный пустой каркас и подняться на этажи по бетонным лестницам, обрамленным металлическими перилами.

Наташа и Дмитрий никак не комментируют, а я мог бы стоять тут часами. Зажигаются первые фонари. На краю парка огромный рекламный плакат политического толка напоминает о пожаре восемнадцать лет спустя. Черно-белый снимок, на котором молодые вооруженные люди, красивые и решительные, водружают флаг со стрелами на фоне разрушенного здания; возможно, они отобраны среди семнадцати героев, признанных Абхазией и награжденных за войну 1992–93 г.[1] На первом плане надпись на абхазском, красными буквами на зелено-белой ленте, на заднем фоне логотип Аквафона, главного мобильного оператора Республики. Это он оплатил плакат и место? Я снова удерживаюсь от вопросов.

Мы возвращаемся в жизнь по одной из торговых улиц Сухума. Конец дня, середина недели, немного оживления. Скорее лавки, а не магазины, в один уровень – первый этаж. Нужно запастись провизией для № 513. Коньяк, шоколад, сыр. Вполне обычные продукты, но продавщицы широко улыбаются, обрадовавшись, что имеют дело с иностранцами. Особенно с французом, потому что русские – больше, чем соседи. Их язык привычен, он так же в ходу, как и абхазский. Затем мы проходим мимо нескольких разрушенных домов, мимо фасада из белого камня с выступающими панелями и классическим антаблементом. Остался, к сожалению, лишь фасад, прислоненный к зияющей дыре, над которой свисают несколько несчастных электрических или телефонных проводов. Балкон из кованого железа выдержит разве что призраков. Идем дальше. Сегодня вечером мы сядем у Бориса и Анатолия, будем говорить о греческих поселениях и крепостях, о строительных приемах и местах заселений –между колбасой и отключением света, которое нас снова разведет по номерам. Я не смотрю, который час, но вполне может быть, что как вчера.

В ВИСЯЧИХ САДАХ ГЕОРГИЯ

Вандалы XX века

Абхазия в советское время была сущей коммунистической колонией унитарной Грузии. Колониальный режим тбилисской метрополии в Абхазии во многих отношениях отличался от аналогичных форм тоталитарных структур тем, что здесь колониальное усиление было направлено исключительно против этнических абхазов. Помимо того, что в 30-е годы XX века в Абхазии была расстреляна наиболее сознательная и образованная часть абхазского народа, абхазский алфавит был заменен грузинским, абхазские школы были переведены на грузинские, было строго запрещено преподавание абхазской истории в школах. Была тотально огрузине-

[1] В Абхазии героев войны, разумеется, гораздо больше, чем 17 человек. – *Прим. ред.*

на вся абхазская топонимика. История Абхазии была приписана истории Грузии. Абхазские фамилии и имена подверглись сплошной грузинизации. Самое главное – в Абхазии было организовано переселение (через трест «Абхазпереселенстрой») огромного количество грузин с Западной Грузии. Это было сделано для ассимиляции абхазов. Поэтому абхазов у себя на родине оказалось 17% от общего населения страны.

Апогеем всей колониальной идеологии Грузии в Абхазии стала захватническая война грузин против абхазов 1992–93 гг. У этой войны тоже была своя специфика. Дело в том, что из-за планомерного демографического освоения Абхазии со стороны Грузии к началу войны на территории Абхазии, почти во всех населенных пунктах страны, грузины жили наравне со всем остальным населением: абхазами, армянами, русскими, греками, евреями и другими. Так вот, грузинская диаспора в Абхазии, на основе интенсивной нацистской пропаганды, кто добровольно, кто принудительно, берет оружие и принимает участие в войне, поддерживая тбилисские оккупационные войска. Эти квислинги воевали против своих соседей, знакомых, сослуживцев-сограждан и т.д. Так что здесь, в течение 14 месяцев происходила соседоубийственная гражданская война. О жестокости и бесчеловечности поведения грузинских оккупационных войск в этой войне говорят слова главнокомандующего грузинской армии Каркарашвили о том, что он поголовно уничтожит всех абхазов, а для этого не пожалеет жизнь ста тысяч грузин…

Война есть война. Она не всегда обходится без жестокости, несправедливости и даже без преступлений. Но в этой войне произошло одно странное, необъяснимое событие, которое не имело аналогии в истории всех войн всех времен. Дело в том, что по инициативе ученых Тбилиси, грузинское военно-оккупационное и гражданское руководство в Сухуме, без всякой военной необходимости, далеко от линии фронта, в центре города, совершило беспрецедентное варварское преступление. Речь идет о том, что в окружении вооруженных солдат по команде высших офицеров и крупных гражданских чиновников, 22 октября 1992 года, в четыре часа дня, одновременно подожгли здания Абхазского архива и Абхазского института гуманитарных исследований! И были за сутки сожжены дотла!!! Так как это преступление – беспрецедентное явление в истории человечества, хочется более подробно поведать читателю, как все это случилось.

Согласно достоверным данным, представители грузинского оккупационного руководства заранее, до 22 октября, в здания Госархива, Гостеатра, Госмузея и Абхазского института заблаговременно занесли канистры с горючим, для одновременного их поджога. Однако здания Гостеатра и Госмузея были спасены по настоянию двух грузин. Один из них – актер по фамилии Джаяни – уверил поджигателей, что нет необходимости жечь здание театра, так как абхазская труппа убежала в Гудауту, что в театре остались одни грузины и что, мол, абхазы уже никогда не вернуться обратно и т.д. А здание Музея было спасено тем, что оно стояло впритык к жилому корпусу, в котором жил один грузин по фамилии Ахалая, который так же, как и Джаяни, доказал поджигателям, что если поджечь здание Музея, то обязательно сгорит и дом, в котором он живет… А как были сожжены остальные здания?

Спустя два месяца после того, как город Сухум был оккупирован войсками Госсовета Грузии (как выше было сказано), 22 октября 1992 года вокруг зданий Го-

сархива и Института появились вооруженные солдаты, высшие офицеры и гражданские чиновники. По одновременной команде солдаты вошли в эти два здания и подожгли их. Когда дым поднялся и появилось пламя, народ начал стекаться к горящим объектам и начал выражать свое возмущение. Например, против возмущенных людей у здания Института солдаты начали стрелять. Даже был ранен сотрудник Музея (археолог) Николай Шенкао. Словом, всех разогнали. Что же касается здания Госархива, то оно было потушено жителями соседних кварталов. Однако, как и в случае с Институтом, здесь тоже всех разогнали выстрелами из автоматов. И с помощью специально приставленных солдат, которые ворошили золу длинными железными баграми (чтобы не остался ни один лист архивного материала), за сутки были сожжены эти два здания!!! Кстати, хочу отметить, что накануне сожжения этих зданий я был в Сухуме и как-то тайком сумел проникнуть внутрь здания Института. Картина была такова. Все двери были выломаны. И самое главное, книжные ряды были обстреляны. А пустые гильзы были рассыпаны по полу. Здесь же на полу валялись пустые бутылки из-под портвейна. Видимо, вандалы отпраздновали план своего варварского «мероприятия» Как только я сумел перейти через реку Гумысту, которая была линией фронта, я б этом написал и опубликовал в местной абхазской газете.

Е.К. Аджинджал, сотрудник отдела истории сожженного Абхазского института гуманитарных исследований АНА Абхазии

(В письме сохранена авторская стилистика, письмо написано автором по-русски.)

Последний официальный день конференции. Экскурсия. До нее мы собираемся в последний раз на пленарное заседание. Объявлено об официальной церемонии награждения медалями, в конце любой участник сможет высказаться о конференции. Предполагается свободное выступление, что непривычно для французских конференций. Мы на Кавказе. Дмитрий хочет, чтобы я выступил. Для него это важно, и я его понимаю; у него есть послание, и он мне на него намекнул. Которое должно быть сказано моими устами. И все-таки мне кажется невозможным просто взять и выйти на сцену, хотя я очень охотно соглашаюсь выступать, если меня приглашают. Дмитрий, разумеется, сделает необходимое. Текст готов, уже переведен Галиной. Подождем. Телевидение снимает целиком все собрание, на котором также присутствуют политики, в частности, госпожа вице-премьер по делам культуры. Она пробудет с нами целый день, но ни разу не заговорит. Сдержанная, строгая, внимательная к каждому выступлению, проявлению чувств и отданию почестей погибшим, она отмечает день своим присутствием-отсутствием и придает ему смысл, смысл политический, если не драматический, который далеко выходит за рамки просто археологии. Нужно утвердить существование страны через ее прошлое, через статус независимого государства. И присутствие тут иностранных археологов и историков более чем символично. Оно свидетельствует о живой истории, чей новый фундамент опирается на войну и еще не высох от обильно пролитой крови. Днем мне вдруг захочется подойти к этой женщине. Хоть слово, хоть знак. За ее прием – слово благодарности, по поводу предстоящей работы – слова ободрения. Галина меня

отговорит. Зря? Я последовал совету. Сегодня, рассматривая фотографии, оказываясь под влиянием силы взгляда министра, я сожалею, что не ослушался друга. Такое больше никогда не скажешь…

И вот меня пригласили выступить. От своего имени, от имени Дмитрия и его университета, а также, хочу ли я или нет, но таково правило игры, от имени Франции. Как справедливо отмечал Жан-Соль Партр (мне нравится эта версия Бориса Виана[1]), мы живем в ситуации. Я знаю, что меня слушают, что мои слова наверняка будут переданы по абхазскому телевидению. Так, в вечерних новостях мы посмотрели репортаж о вчерашнем дне. Многоминутный репортаж о том, что здесь стало событием. И вот я, разумеется, благодарю; хвалю качество и уровень конференции, как сделал каждый, кто выступал утром; говорю о Георгии Шамбе, признаваясь, что по-настоящему познакомился с его трудами только в последние три дня. Говорит сердце. Я сожалею, что не был лично знаком с человеком, чей характер мне бы пришелся по душе и с кем я разделяю немало археологических гипотез. Но обратимся к будущему и конкретным проектам. Я предлагаю, через Ростовский университет, работы Дмитрия, расширить сотрудничество нашего исследовательского центра и развивать контакты с Абхазией, к примеру, принять в следующую нашу экспедицию одного сухумского студента. Это, может быть, призрачно, и каждый здесь это, конечно, понимает, потому что вряд ли абхазский студент сможет получить шенгенскую визу. В конце принято признаваться и обещать. Признаваться в том, что до этой поездки я не был знаком с Абхазией и не осознавал ее исторические и политические реалии. Что я многое увидел и прочувствовал. Я довольно торжественно обещаю рассказывать, делиться увиденным.

Константин жмет мне руку, я сажусь. Госпожа вице-премьер кажется каменной. Потом, на видеозаписи я увижу, что она мне поаплодировала. Сдержанно, как ей это подобает по рангу. Я понял, что мне важно ее мнение.

Главным событием утра было вручение медали. Российскому археологу, посвятившему большую часть своей жизни исследованию каменного века в Абхазии. За книгу, венчающую его исследования, а это значит, что у края древнее прошлое. Естественно, что близость моря, обилие природных гротов, известняковый характер пород способствовали раннему зарождению культур и сохранению их следов. Другой козырь – прибрежное расположение равнины. Если оставить в стороне профессиональные замечания, то нужно главным образом отметить особую значимость абхазской публикации в нынешнем политическом контексте. Кажется, вопрос о том, где присутствие человека древнее, в Грузии или Абхазии, вызывает такие же бурные споры и соперничество, как, вероятно, и тема добычи и перевозки золота в Средиземноморский бассейн. В Грузии, где только что объявили о находке костей самого древнего европейца. Тут уж нельзя дать себя провести! Это то, что я терпеть не могу в археологии, но не об этом речь. И если мне не удается испытать каких-то особых чувств во время вручения награды и ответного слова российского ученого, то я все же подмечаю взволнованность моих абхазских коллег, искренность и значимость момента.

[1] Жан-Поль Сартр (1905–1980) – французский философ и писатель. Борис Виан (1920–1959) – французский писатель, поэт и певец.

Меня гораздо больше потрясло выступление одного необыкновенного человека, маленького, старого, живого, возбужденного, взволнованного до последней точки. С бородкой, в черной тюбетейке, постоянно в движении. «Я вам расскажу», «Я вам скажу». «Один раз и, может быть, последний». «Мне нужно вам сказать», «что произошло», «что они сделали», «что я видел». Кто осмелится усомниться в словах этого человека? Он рассказывает о пожаре в здании абхазского правительства во время войны за независимость. Со слезами на глазах. Когда грузинские солдаты окружили это центральное здание, главное как по назначению, так и по роли в архитектурном облике города, когда они принесли «горючее», подожгли, сожгли до основания[1]. Не только здания, но и абхазского народа. А ведь официальные власти, в частности, ответственные по вопросам культуры, опасаясь худшего, перевезли в это, по их мнению, неприкасаемое святилище, все архивы. Рана была смертельной. Тут меня охватило волнение. Разумом этого не постигнешь. Речь идет о культурном геноциде, пережитом людьми, моими коллегами, моими приятными хозяевами в последние дни и доверяющими мне товарищами. Во мне все перевернулось. Вчера вечером мы ходили по площади дома правительства, именно ходили, ногами по земле. Но понимал ли я вес и цену разрушения этого здания огнем? Нет. Я просто листал учебник истории, скользя профессиональным взглядом. Под впечатлением от образа, от чистого воздуха вокруг этого дворца, напоминающего постколумбовский памятник где-нибудь в Южной Америке. История сохранила его цвет глянцевой бумаги. Сегодня утром, пока все надевают куртки, фуражки, маленький человек направляется ко мне. Он держит в руках свиток бумаг с напечатанным на них своим рассказом. Он горячо благодарит меня за мое выступление и, к моему величайшему изумлению, протягивает мне документ, разворачивает его и говорит: «Вот, это вам!» Потрясение достаточно сильно. Вот я и хранитель. Оторопевший, немного ошалевший. Как ласковы его глаза, как честен взгляд! Ни на секунду я не задумался об отказе, но и не подумал о том, что буду делать с этим документом, не спросил ни себя, ни его, зачем и для чего. Мое внутреннее Я принимает свиток как подарок. Как он есть. Взволнованный взгляд, сдавленный голос. Ну не совсем. Не раздумывая, я говорю, что приму его документ, только если он его подпишет, поставит свое имя, больше – свое существование. Кто, с точки зрения Истории, когда-либо доверял мне больше, чем этот человек? Насколько я знаю, галлы и галло-римляне, чьи могилы я вскрываю, никогда не давали мне своего согласия. Что до моих дорогих коллег (кроме нескольких)!.. А он живо и с удовольствием подписал эти документы. Смысл задан. Теперь мне нужно его понять и действовать. Я представляю, как отдам их Дмитрию на хранение в библиотеку или архив университета, в надежное и официальное место. Может быть, позже. А пока хранитель я. Договор между Ермолаем Аджинджалом и мной, между Абхазией и мной. Этого у меня никогда не отобрать. Все меняется.

Позже, когда Галина переведет текст Ермолая, я узнаю, что пожары, о которых он говорил, были, на самом деле, в Архиве и Исследовательском институте гуманитарных наук, умышленные пожары. Эта путаница ничего не изменит между нами.

[1] Грузинские оккупационные власти целенаправленно сожгли здания Абхазского института и Государственного архива. – *Прим. ред.*

Не успели мы выйти из зала, как к нам подошла женщина с книгой в руке. Взволнованная, почти как гимназистка. Она мне дарит книгу, свою книгу, труд по музыковедению. Она музыковед, но будучи студенткой, несколько десятков лет назад, съездила в учебную поездку в Западную Европу, Англию, Италию. Она была во Франции, несколько дней в Париже. В Париже, да, в Париже… «Мы были студентками и гуляли по Парижу». Слышал ли я за последние дни, чтобы кто-нибудь говорил так счастливо? Не с ностальгией, а со счастьем. «Набережные Сены, Латинский квартал…», она еще живет тем Парижем. Она видит его здесь и сейчас, даря мне свою книгу. И вот у меня на руках новое свидетельство, которое мне везти во Францию. Главное, не потерять его в пути. Мэри – ее зовут Мэри[1] – живет неподалеку отсюда, у ботанического сада, красоту которого она расхвалила, но мы его не успеем посетить. А ведь из-за бретонской серой погоды я и забыл, что мы в субтропическом, самом мягком климате бывшей Российской империи. Мэри подписывает мне свою книгу, а мне нечего подарить ей взамен, разве что дать возможность повторять снова и снова, как был прекрасен Париж в глазах счастливой девушки. Нужно ли больше? Работа ее значительна. Она собирала традиционные мелодии и песни как Абхазии, так и всего Кавказа, попытавшись уловить то особое, о чем поется в песне каждым народом, каждым краем, каждой долиной. Первые песни охотников, старинные песни моряков. Она собирает, таким образом, общее и специфическое, подчеркивает, насколько музыка может быть выразительницей Истории, чуть не способом постичь Историю. Мэри, я часто буду вспоминать о вас. Я многому учусь в абхазском саду.

По поводу места экскурсии ходили разные слухи. На археологический памятник, возможно, один из тех, которые копал Георгий Шамба; но туда невозможно добраться из-за дождя и грязи. Возможно, в крупный монастырь или же знаменитые пещеры, о которых нам рассказывала Наташа, или же – было бы здорово – на одну из летних дач Сталина, роскошных, загадочных, где неизвестно было, в какой комнате он ночевал. Но вот мы в трясущемся под возобновившимся дождиком автобусе едем через самые грустные районы Сухума на запад от города. Только золотая хурма подсвечивает монохромно серые заборы, вытянувшиеся вдоль неухоженных улиц. Автобус заносит, но курс он держит. Мы едем вдоль железной дороги, проезжаем под мостом. Медленный, с одышкой и насморком мотор временами захлебывается. Дорога начинает уходить вверх среди кустов и туманов. Шофер колеблется в выборе маршрута. Обсуждение, разворот – ловкий маневр на ограниченном пространстве. Пассажиры наблюдают, не вмешиваются. Мне нравятся такие ситуации, когда ты больше ни за что не отвечаешь, а отдаешься течению. Ты доверяешь, и все будет хорошо. Приехали, стоп. Все выходят. Это уже не город, но и пока не поле. Дождь, стремительный ручей на дороге, по которой идти, она ныряет, поворачивает, потом резко поднимается. Моя морская фуражка очень кстати. Наша процессия растягивается, поскольку не все могут шагать одинаково быстро. Все-таки в группе немало пожилых людей. У автобуса несколько машин, среди которых внедорожник госпожи вице-премьера.

Завязываются разговоры. Дежурная вежливость. По-английски или по-русски, но Галина всегда рядом и готова переводить. Мое присутствие явно ин-

[1] Очевидно, имеется ввиду Мери Мушниевна Хашба – доктор исторических наук. – *Прим. ред.*

тригует. За более подробными сведениями обращайтесь к Дмитрию, главному организатору. Вымокшие, мы купаемся во влажности мира, в котором видимость немного ограничена высокой травой и кустарником, вернувшимся без ухода к дикому состоянию. Дорога поднимается, еще раз поворачивает и выходит на первый отрог над морем, которое видно менее чем в двух километрах отсюда, если по прямой. Вдруг возникает из зарослей огромное здание. В пять высоких этажей, построенное из кирпича и железобетонных плит. Разбомбленное, распотрошенное, сожженное, ободранное, поросшее кустарником и сейчас опадающими олеандрами. Окна без рам, зияющие балконы; колючие куртины украшают остов из кирпича и металла. Жестокость войны в чистом виде. Это была школа, она стояла как раз на линии фронта. Президент Сергей Багапш[1] был учеником этого заведения. Все символы сходятся в одном месте. Меня опять охватывает волнение. Мне больше ничего не будут рассказывать. Разве я что-нибудь спрашивал? Нет. В какой-то мере мне достаточно. Но вот мой абхазский маршрут круто меняет тему.

Археологическая цель экскурсии достигнута, потому что в парке у школы, в нескольких десятках метрах от разбитого здания мы обнаружим любопытный кромлех, один из тех загадочных каменных кругов эпохи неолита и бронзового века, примерно возраста Стоунхенджа, если соотносить эпохи грубо. Это мне интересно, потому что на острове Уэссан, который я изучаю, тоже есть карликовый и очень плохо сохранившийся кромлех, но в замечательном месте, а потому способный выводить мои исторические поиски на новые направления. Сухумский кромлех[2] примечателен еще и тем, что сохранил три кольца камней, центральный из которых выложен из девятнадцати блоков-братьев. Мой коллега, астроном и археолог Ивон Жоржелен убежден, что этот тип связан с лунным циклом и, кроме всего прочего, позволял жрецам-астрономам того времени рассчитывать и точно предсказывать затмения, что, естественно, давало огромную власть хранителям знаний. Этот памятник не одинок. Другие кромлехи дремлют в мокрой траве. По меньшей мере, два, если я правильно понял. Блестящие, свинцового цвета макушки камней их кругов торчат из вороха светло-зеленой и ржавой листвы. Оставим их наедине со своей тайной. Мы быстро обходим кромлех кругом. Я поищу в «Гугле» его координаты и передам их своему коллеге. Визит окончен, мы снова проходим мимо разрушенной школы. У подножия здание мне кажется еще больше. Следы разрушения видно лучше, я фотографирую; случайно я перехватываю взгляд госпожи вице-премьера. Каменный. Полное самообладание. Впечатляет. Я перестаю фотографировать, не в силах понять ее мысли, не в силах рискнуть ей не понравиться. Кто я такой, чтобы позволять себе? Правительство моей страны не признает ее существование. Какая личная история у этой женщины, супруги, матери? Жестокое противостояние истории народов и истории людей, попавших под власть событий и обстоятельств. На обратном пути я буду идти перед ней, переживая в душе древнегреческую трагедию. Молча.

Следующий пункт – это также поклон, но на сей раз президенту Республики, который скончался этой весной[3]. Он покоится в очень простой могиле у подно-

---

[1] Автор ошибается, здесь речь идет не о С. Багапше, а о В. Ардзинба. – *Прим. ред.*

[2] Речь идет об эшерском кромлехе. – *Прим. ред.*

[3] Имеется в виду Мемориал В. Ардзинба, который скончался 4 марта 2010 г. – *Прим. ред.*

жия холма, на котором высится здание его бывшей разрушенной школы. Могила расположена на полувысоте, под линией фронта, под школой, в одном из самых разоренных районов Сухума, на выступе, с которого открывается вид на город, откуда видно море, куда каждый может прийти подумать, поскольку тут собраны все символы. Здесь, перед могилой, просто обозначенной еще свежей землей, никто не стал выступать с речами, собираться группами. Тишина. Каждый склоняет голову. Люди подходят поодиночке, каждый вопрошает дух президента, каждый надеется на какой-нибудь знак, но ведет себя сдержанно. Тишина и сдержанность. Под холодным и мокрым оком телекамеры. Я стою в стороне, достаточно далеко от могилы, и ко мне подходит какой-то мужчина старше меня. Он заговорил о Наполеоне, о русской кампании. Я не вспомню уже точно нашего разговора. Я его отвлекаю каким-нибудь приятным ему ответом на вопрос, суть и контекст которого я совсем забыл. Помню только, что речь шла об изрядном невежестве и ужасно небрежном отношении к географии со стороны завоевателя. Собеседник доволен. Почему он ко мне обратился? Он не участвовал в работе нашей секции в предыдущие дни, но присутствовал на моем утреннем выступлении. Слово постороннего человека, иностранца, кажется здесь редким. Гостя слушают. Это все, что я могу сказать.

Мы снова пускаемся в путь. Не зная, куда направляемся. Время за полдень. Дождь прекратился. Мы выезжаем на высоты Сухума, едем на запад, к России, по направлению к границе. Я снова вижу почти знакомые пейзажи, но на этот раз мы сидим в автобусе со стороны моря, и на окнах нет занавесок. Таким образом, побережье видно. Море меняющихся оттенков сливается с небом, а происхождение эпитета Черное становится источником византийских дебатов и бесконечных прений: присутствие сернистых соединений, признак северных широт по отношению к Средиземному морю и другие предположения… мы получаем вместе с сухим пайком. Поездка продолжается, мы проезжаем даже мимо подножия горы Афон, где мы коротко останавливались в день приезда. Как раз можно бросить взгляд при солнечной погоде на одну из древнейших православных церквей Абхазии, построенную в VII веке на еще более древнем фундаменте, который сейчас расчищают. Очаровательное место, где маленькая плотина образует озерцо у подножия горы и романтический водопад. Ежедневные отключения света показывают, что электричество не так уж и доступно. Только отъехав на несколько километров от горы Афон, мы сворачиваем с прибрежной дороги и направляемся в горы, к волнистым пейзажам из мелких холмов. Мы едем вдоль горного потока, который, спускаясь под прямым углом к морю, превратил свое русло в ленту камней и гальки всех размеров. А куда вообще мы едем? Достаточно было бы спросить, ну да ладно. Я думаю, что Галина еще фаталистичнее меня. В любом случае, мы туда приедем, а наш вопрос не изменил бы места назначения. Во Франции, если во время путешествия делается десятиминутная остановка без объяснения причины, люди вызывают телевидение для проведения соцопроса и громко возмущаются: «Безобразие!»

Между тем резкий поворот выводит нас на сужение дороги и в конце на непреодолимый перевал, слишком узкий для автобуса. Несмотря на многочисленные попытки и упорство шофера, переезд отказывается раздвигаться вширь. И мы идем остаток пути по дороге, метров сто до двора дачи, устроенной на вер-

шине холма и развернутой к восходящему солнцу. Деревенские постройки, сады с хурмой и лимонными деревьями. Мы у Георгия Шамбы, в гостях у его семьи, нас встречают его братья, дети, внуки и даже пес Барон, который так радуется, что приходится его привязывать. Конечно, мне все в диковинку. Северная стена дома возвышается над долиной, которая поднимается небольшими уступами к высокой гряде с почти вечными снегами. Посредине стоят заснеженные леса, еще не успевшие сбросить листву, что придает им странное сходство с поседевшими неграми. Понятие поясной зональности тут воплощено в полной мере. Менее чем за четверть часа мы проехали от прибрежной зоны с пальмами и олеандрами до холмов с лиственной растительностью умеренного пояса, точно под которым растут хвойные и лиственные вечнозеленые породы. Но важнее всего прием. Я еще не знаю, что меня ждут несколько лучших часов моей жизни.

Каким-то чудом вернулось солнце, небо расчистилось. 30 ноября – но погода как в начале осени. Почтительно иду я по двору, уже радуясь, что деревья хурмы рядом. Эти плоды меня завораживают с самого приезда. Детская реакция. Наташа угостила меня ими в первый день, на рынке, потом коллега в автобусе сразу после границы. Ничего особенного… А вот висящие на деревьях с черными ветвями эти великолепные плоды меня покорили, золотые яблоки, да и только! Золотые рождественские яблоки. Дальше можно не описывать. При условии не забывать обо всем чудесном, сказочном, обязательно радостном. Черные, изломанные, угловатые ветви, в изгибах которых сверкают эти елочные шары. Для народившихся детей, для женщин, омывших свои раны, для больше не воюющих мужчин. Я так боялся, что уеду из Абхазии, так и не подойдя к деревьям, без фотографии, которую бы показывал друзьям и говорил: «Видите, такое существует». На побережье прошел дождь, у подножия гор выпал снег, зимняя белизна уже легла на макушки деревьев, а хурма осыпает искорками поля, изгоняя всякую грусть. Но нужно идти – «не волнуйся, будут тебе фото».

На поляне у обрыва наши спутники уже заняли места вместе со всей семьей Шамбы. Вокруг двух знаковых мест. Могилы Георгия и великолепного сельского стола. Могила академика от археологии появилась за оградкой семейной усыпальницы в 2006 году. Тут же покоятся его родители. Сегодня на могиле горят свечи, и каждый может зайти в оградку из металлической решетки. Как и на президентской могиле, поклон от каждого. Я чувствую себя не вправе зайти за ограду. Я просто смотрю на Георгия поверх решетки, всматриваюсь в его честный, открытый взгляд. Красивый портрет достойного человека в костюме и галстуке на черном полированном камне. Это останется между нами.

Люди потихоньку собираются у стола. После первых тостов развязываются языки. Течет вино с семейного виноградника, бокалы поднимаются, звенят. И Константин здесь, он близок к семье. Подъехала и госпожа вице-премьер. Общается с женщинами – дочкой и внучкой Георгия. Я держу стакан вина и бутерброд, когда меня окликают. Нужно выступить. Я не ожидал. Конечно, это будет тост в честь Георгия и всей, принимающей нас, его семьи. Я снова выражаю сожаление, что не знал ученого лично, утверждаю, что мы бы с ним отлично поладили. Мои слова и искренни, и официальны. Я говорю ровно то, что каждый хотел услышать. Мне почти стыдно, что я так расчувствовался. Где я? Стаканы снова звенят. Я отхожу от стола, хочу забрать свою тарелку, которую пришлось поставить,

когда меня позвали, у забора вдоль птичьего двора. Куры все съели. Наташа и Галина дружно смеются. И тут, хотя я совсем не почувствовал ее приближения, меня берет за руку, улыбаясь, молодая, цветущая белокурая женщина. Это дочка Георгия – она благодарит меня за мои слова. Она хочет сфотографироваться со мной, ее дочка тоже к нам присоединяется; ее куртка-дождевик напоминает одежду нью-йоркских спасателей. Встречал ли я ранее более чистую и искреннюю радость? Я потрясен. Потом к нам подходит ее брат. Новые фото. Новое счастье. Встречал ли я ранее детей, которые были бы так горды, так счастливы поминать и чествовать своего отца?

Это незабываемый день для этой семьи. К ней приехали со всего света. Есть даже одна американка и один француз. Такое почтение. Пора есть. Мою обворованную курами тарелку снова щедро наполнили. Говорим о лимонах и хурме. Нашу маленькую группу ведут под волшебные деревья. Наташа играет с плодами на высоте вытянутой руки, на высоте рта. Я не могу скрыть своей радости при виде золотых яблок. «Сколько у тебя детей?» – «Четыре сына», – «Замечательно, возьмешь для каждого еще четыре хурмы». Я знаю уже, что они будут лежать в моем чемодане. Мне объясняют, что прежде, чем есть, нужно дать им улежаться. «Пусть они сначала станут мягкими. Вот тогда пора!» Мы возвращаемся к основной группе, все еще стоящей вокруг стола. И снова я не вижу, кто меня окликнул, но мне снова выступать. Должно быть, во время нашей отлучки прозвучало несколько тостов. Мой стакан сам собой наполнился. На этот раз водкой. Теперь речь пойдет об Абхазии. Я упоминаю со ссылкой на географию красоту этой страны, сидящей на берегу моря, опирающейся на великолепный Кавказский хребет, говорю об удобстве ее положения вдоль моря, способствующего движению людей и идей. Я говорю о стране, где земля может быть только плодородной, о стране с богатым потенциалом, о стране, где жизнь может быть приятной. Я снова повторяю, что никогда не забуду оказанный прием и что расскажу о том, что видел. Мне кажется, что мои слова встречены хорошо, что я говорил, как должно. Искренне ли? Да. Но что я в действительности могу сделать? Что могу сказать? Все ли я видел? Пока меня это еще не очень беспокоит. Я счастлив теплым приемом. Это в наши дни так редко. Совершенно бескорыстных людей. Даже если они сказали мне не всю правду, а только свою.

Я отхожу от группы и погружаюсь в созерцание природы, фона выездного заседания. Заснеженное подножие Кавказского хребта великолепно. Солнце начинает садиться, и проявляется слоистость оттенков – сначала блестящих листьев лимонных деревьев, а под ними деревьев хурмы. Как-то окрашены даже куры с индюками, гуляющие по большому птичьему двору, где связки кукурузных бодыльев напоминают индейские вигвамы. Отдав дань памяти покойному, семья собирается вокруг организаторов конференции и госпожи вице-премьера. Она общается с дочерью Георгия, это дело женской солидарности, и нас не касается. Археологи, со своей стороны, разбиваются по группкам в соответствии с научными и дружескими связями, тихо беседуют. Момент умиротворения, жизни, которая мне кажется знакомой по множеству других конференций. Вплоть до деталей отъезда. Все попрощаются, снова поблагодарят. Последние обнимания. С сыном и дочерью Георгия. Глубокие, доверчивые взгляды. Я бы хотел обещать, но что? Успокоить. Но как? Сказать, что вернусь, что война кончилась? Я столько

получил сегодня. Но, собственно, что получил? Это-то я знаю: доверие, если не побояться сказать, счастье и безмятежность. Сидя на берегу Черного моря, на большой светло-зеленой подушке, расшитой золотыми пуговицами.

Мы пешком идем до автобуса. Он дожидается нас в великолепном обрамлении. Солнце село еще ниже; теперь оно почти лежит на высоких вершинах гор, обрисовывая рельеф. Белая рябь облаков пролегла с запада на восток, потихоньку синеют и розовеют горы. У подножия курчавится белая шевелюра леса, нежно так завивается, а на переднем плане пламенеют в ярком свете травы и кусты. Возвращается влажность. Долина отдает влагу, образуются тучки, которые искрятся на склонах. Какая-то упрямая коровка, однако, прекрасно знающая дорогу, сама возвращается домой, тогда как другая задерживается в бурьяне. Мимо, тяжело шаркая, проходит мужчина в сапогах. Стадо ждет его на другом конце выложенной камнем дороги. Археологи садятся в автобус. Заводится двигатель. Мы будем молчать весь обратный путь.

Теперь нужно приготовиться к прощальному ужину. Нас ведут в ресторан, расположенный недалеко от моря, в восточной части города. Современный, светлый. Большой зал, который может быть преобразован в танцплощадку благодаря архитектуре в виде амфитеатра и маленькой эстрады для пианино и музыкантов, а также небольшой отдельной балюстрады. Мы не можем заполнить весь зал. Наши столы стоят по краю; маленькие круглые, как раз чтобы принять четверых ростовчан и их приятелей из номера 513. Длинный стол в глубине зала для важных лиц, то есть госпожи вице-премьера, посвятившей, очевидно, весь свой день нашей конференции, Константина, который будет распорядителем вечера, а также для друга-архитектора и одновременно директора южноосетинского НИИ, что напоминает о характере целей этой конференции. Атмосфера не напряженная, дружеская. Конечно, накладывается и усталость, тем более, что все уже сказано. Завтра все разъедутся; возможно, уже думают об отъезде. Борис выглядит уставшим. Анатолий по-прежнему улыбается; нужно расслабиться и разделить радость встречи. Ведь неутомимый Константин взял дело в свои руки; это его работа тамады, конферансье или диск-жокея, если бы мы были на более массовом мероприятии. Галина поясняет, что, согласно кавказскому обычаю, он будет руководить вечером, обращаться к гостям и произносить тосты, на которые непременно нужно отвечать.

Внимания заслуживает каждый стол, каждая группа, каждый музей или университет. Очень быстро очередь доходит и до нас, Константин снова поднимает бокал в мою честь, обращаясь ко мне по имени. Он подчеркивает, что мое путешествие в Абхазию открыло мне глаза и многому научило, показывая тем самым, что он слушал мои речи. Мой ответ сложился естественным образом. Да, я многое узнал, да, меня тепло принимали, да, я очень тронут. Когда я произношу эти слова, они мне уже кажутся затертыми – столько раз я их повторял. Привыкнув к тостам в Ростове, обученный и натренированный моим другом Дмитрием, который сам из Грузии, я тем не менее знаю, что подобное повторение не страшно и никого не смущает. Можно говорить и повторять, даже выучить любимые обороты своих друзей. Оригинальность не особо нужна, от вас требуется сердечность. На этот раз, как мне кажется, нужное количество бокалов я поднял. Миссия выполнена, Франции не придется за меня краснеть. В глубине души я

надеюсь, что сумел показать, что французы могут говорить искренне в ситуациях, которые не так просты, как кажутся. И тут меня трогает за плечо тот милый человек, который подходил ко мне у могилы президента Багапша[1] и говорил о Наполеоне, здесь он поднимает большой палец вверх и, улыбаясь, напоминает мою утреннюю шутку об императоре и географии и снова смеется. Между тем, за официальным столом Константин продолжает благодарить каждого и поднимать бокал с абхазским вином.

Чуть позже нас в ресторан пришла группа молодежи, в которой была беременная женщина, и разместилась в маленьком кабинете за балюстрадой. По слухам, они отмечали день рождения. Когда наш ужин подходил к концу, приближаясь к десерту, когда госпожа вице-премьер нас покинула, нам сказали, что молодежь интересуется, можно ли выйти в зал. Впрочем, уже послышалась музыка, и вот на танцпол выходят две девушки. Девушки стройные, на высоких каблуках-шпильках, с длинными развевающимися волосами, одна блондинка в облегающих бежевых брюках, другая брюнетка с декольте и в черных лосинах. Они раскинули свои крылья и начали кружиться в танце, который я за незнанием культуры не могу назвать точнее, чем кавказский. Ритм и занятие пространства отлажены великолепно, их тела колеблются с рассчитанной жесткостью и необходимой гибкостью, руки повторяют изгиб крыльев горного орла, подрагивая временами как при парении. Это танец обольщения и обездвиживания. Для мужчины, которого нет на танцполе, но который стоит перед глазами, то закрытыми, то смотрящими куда-то в бесконечность. Может, они участницы коллектива народных абхазских танцев? Не исключено – так отточено их мастерство. Между двумя молодыми женщинами и нашим собранием археологов быстро устанавливается контакт. Точнее, между этими женщинами, которые, казалось, оставили друзей, и нашими абхазскими коллегами. После нескольких фигур, исполненных девушками, начинается действо.

Мужчины, участвующие в нашем ужине, завлечены, они спускаются с эстрады, выходят из-за главного стола и попадают в сети. Начинается балет, гандаган, кавказский танец, основы которого мне неизвестны, но где всем движут обольщение и преследование. Каждая женщина образует крутящуюся ось все убыстряющегося танца, она вовлекает в свою орбиту мужчину, который подпрыгивает, скачет, как козленок; покоренный, с онемевшей головой и обезумевшими ногами. И вот начинается что-то вроде смены танцоров, потому что на танцполе должны остаться только две женщины. Даже беременная присоединяется на короткое время к празднику. Слишком уж велико искушение. Пересматривая видеозапись, я замечу, что одна из женщин откажется покидать сцену. Позабыты конференция, иностранные гости, начались танцы среди своих, как тут умеют и любят. Мужчины-археологи, много старше этих молоденьких женщин, разворачиваются вовсю, демонстрируя ловкость и энергичность. Задействованы последние силы, люди кружатся, подпрыгивают, парят, а потом обнимаются, целуются – все счастливы. В этот момент мы четверо решаем уходить из зала. Гардероб. Мы отказываемся ехать машиной до гостиницы. Это наш последний вечер, Наташа любит ходить, Галина тоже. Мужчины согласны. Мы оставляем

[1] Имеется в виду не могила С. Багапша, а Мемориал В. Ардзинба.

Константина среди его друзей и тостов, когда нас застигает привычное выключение электроэнергии, точнее, более не застигает. Черная ночь, по-настоящему черная во всем городе. Не страшно, главное, идти вдоль берега.

Странная прогулка, в тишине, когда мы едва видим друг друга. Нас оставили даже собственные ноги и тротуары. Единственный источник слабого света исходит от моря и фар машин, стоящих вдоль набережной. Молодежь собралась на встречу, слушает музыку из машин. Некоторое время мы идем бок о бок с красным огоньком сигареты. Парень идет быстрее нас и скоро исчезает в тишине. Остается шелест моря и волн, плещущихся на гальке. Сложно даже различить контур нашей гостиницы, и мы вынуждены ее обойти вокруг, чтобы обнаружить вход, потом снова разыскивать двери наших номеров. Укладываться наощупь. Привычка. Мне кажется, что я бодрствую несколько дней. Проваливаюсь в сон; пусть идет дождь, снег, дует ветер. Мне все равно, я счастлив.

ПУСТЬ ПОКОЯТСЯ С МИРОМ ДУШИ ДИОСКУРОВ

Чемоданы собраны рано, хотя выезд на автобусе к границе назначен на 11 часов. У нас достаточно времени для прогулки. Зайти на рынок. Посмотреть, выбрать, купить. Дмитрию нужна дорожная сумка. Я хочу купить сыра и сушенной на веревочке хурмы, которую можно есть как инжир.

Сегодня утром повсеместное оживление. На подступах стоят миниавтобусы, которые наверняка ждут как торговцев, так и покупателей. Одни приносят, другие уносят. Сразу после полудня большинство из них разъедется по близлежащим полям и холмам. А пока торговля ведется либо в бетонном павильоне рынка, большом грязно-белом строении, второй этаж которого отдан под продукты питания: мясо, рыбу, сыры, хурму и прочее, либо на площади, прямо с земли, но больше с рыночных прилавков. Конечно, тут есть все: во что одеться, с чем путешествовать, чем починить дверной замок, отремонтировать мотор машины или запаять колесо тачки, купить радио и всю музыку мира, телефоны… В какой-то степени это похоже на ростовский базар или Растро, воскресный рынок в самом центре Мадрида. Туда, куда надевают традиционную одежду и джинсы по последнему слову моды. Рынок, где не фотографируешь, где растворяешься, где лучше молчать, чем обнаружить свое незнание русского и абхазского. Но никакого страха нет. Тут я должен сказать, что в Сухуме во время прогулок у меня ни разу не возникло какого-либо тягостного ощущения или боязни. Конечно, со мной мои друзья, которые общаются и ведут себя самым естественным образом. Наташина уверенность и ее необыкновенное умение устанавливать контакт с любым человеком творят чудеса. Но все же. Вот уже пятнадцать лет я наблюдаю довольно выраженное, сильное напряжение на Центральном и районных рынках Ростова, как на аллеях, так и между прилавков. С фотоаппаратом или без, в сопровождении моих друзей, мужчин и женщин, я чувствовал цепкие, нейтральные либо недоброжелательные, но настойчивые взгляды. Хоть я и просто одет, меня немедленно отличали и определяли как иностранца; я не мог удержаться, чтобы не следить за кошельком и паспортом. Прошло пятнадцать лет, но я бы никогда не осмелился написать, что я расслабился, потому что мы в Аб-

хазии, а не в России. Это было бы бессмысленно. Но констатирую: я гуляю, смотрю по сторонам уверенно и безмятежно. Может быть, изменились мой взгляд и поведение? В достаточной мере, чтобы больше не вызывать ответную реакцию.

Покупки сделаны. Дмитрий – при дорожной сумке, я – при хурме и сырах. Я купил два вида, представленные на всех прилавках, сыры из коровьего молока: один сулугуни, белый, мягкий, даже эластичный, острый, который называют сыром-корнишоном из-за его кислоты, а второй тоже мягкий, но подкопченный, с охристого цвета корочкой. Наташа заботится об ужине в поезде. Возвращение в гостиницу, в холле которой мы встречаем спутников. Люди группками, чемоданы островками, первые прощания, последние беседы. Легкая неразбериха. Когда мы отъезжаем? Подходит автобус, мы садимся вместе с Анатолием и Борисом, их ждут тридцать часов поезда, правда, без пересадок. Пробую представить себе бесконечный состав на станции Адлера, к которому методично цепляют вагоны на все возможные направления России, европейской и азиатской, вагоны, которые отцепят, а потом при необходимости прицепят к другим составам. Совершенство организации в масштабах российской огромности, среди ее просторных замерзших равнин… Но приходится выйти из автобуса. В нем остаются только два наших спутника. Прощайте, друзья. До свидания. До скорой встречи. Точность, требуемая только западными путешественниками. Наш отъезд отложен на послеобеденное время. Наш поезд отбывает действительно поздним вечером. Я пользуюсь моментом, чтобы пригласить Наташу и Галину выпить последний кофе на песке, у пляжа, пока Дмитрий общается с коллегами.

Вот мы снова на тихой набережной. Утром у подножья гор выпал снег, но мало-помалу горизонт расчищается вслед за струей воздуха, которая штурмует вершины. Перескакивая с пальм и памятника героям Отечественной войны, взгляд опускается до серого, металлического моря, на котором видны все отблески меняющегося неба – от самого бледного до самого робкого. На воде залива стоят, носом к юго-востоку, только два танкера. Другие грузовые суда снялись с якоря ночью, как беглецы, но опорожнив бока. На взморье падает сияющее лезвие волны, расстилается со скрипом по гальке, отходит и рассыпается под журчание и шепот. Нет ни одного рыбака с удочкой, зато бакланы на посту из железных опор под сети. Просто сидят, ни один не ныряет. Под зеленым навесом снова собрались мужчины вокруг стола с любимой игрой. Четверо сидящих игроков и круг зрителей. Довольно пожилые мужчины, одни среди сиротливых столиков и пустых стульев в месте без женщин и детей. Во что они играют? В шахматы или иную игру? Я не могу позволить себе подойти ближе, но восьмой чемпионат мира по домино состоялся прошлым летом в Сухуме… Определенно, мы в центре мира. Это одна из последних картинок жизни на черноморском побережье, которую я увезу с собой.

Мы медленно идем к гостинице, но по пути Наташа заводит нас в маленькое неприметное кафе, где хозяйка готовит хачапури, что-то вроде бурбонского пирога с картошкой, которая заменена очень горячим сулугуни, объеденье, тем более что мы уже немного проголодались. Затем нужно зайти в сувенирную лавку. Безделушки, наклейки и даже маленький путеводитель по Абхазии, который мне дарит Галина и очень пригодившийся впоследствии; всего этого как раз достаточно, чтобы сожалеть о не посещенной полностью стране. Назад вдоль всей

знакомой набережной. Железобетонные волнорезы, совершенно пустые и бесполезные, по-прежнему вдаются в море. Грустные, темные против света, они напоминают больше о войне и бомбардировках, чем об увеселениях и курортной жизни, для которых они были поставлены. Когда я сворачиваю к гостинице «Интер-Сухум», я ничего особенного не чувствую. Мне так полюбилась эта набережная. Наверное, я ее больше никогда не увижу. Надеюсь, что насыщенная программа, которая ожидает меня в Ростове в три последних дня поездки, восполнит пустоту этого отъезда.

На сей раз точно. Вот мы и в автобусе с Гавриилом. Мы выезжаем из Сухума в направлении границы, следуя мимо железнодорожного вокзала. Это почти развалины, а в лучшее время – красивое белое здание с резным фасадом, теперь покрытое пылью и строительным мусором. Мы снова едем по дороге полухолмов-полугор, с которой вдруг открываются чудесные виды на ставшее привычным фиолетовое море. Климатические условия меняются каждые десять километров – солнце, дождь и даже снег на всем пути от дворца и парка князя Александра Ольденбургского и великолепно легкой Гагры – античного Триглифа – до заметенных снегом деревушек предгорий. Если мне и показали экзотический парк князя, то ничего из тяжелого прошлого города во время жестоких эпизодов новой российской истории 1905 г., 1917 г. и времени войны за независимость 1992–93 г. рассказывать не стали. Как бы там ни было, спустя несколько минут, среди петляющей дороги, мы переносимся в мир легких кружащихся снежинок и побелевших ферм, курящихся синеватым дымком. Абхазия – сад, континент.

У нашего дорогого погранпункта нас встречают мягкая температура и солнце. На площади автобусов, такси и грузовых тачек все так же оживленно. Но нужно расставаться; первый сеанс объятий. Большая часть коллег торопится к границе. Мы остаемся в Абхазии в компании небольшой группы московских археологов, среди которых улыбчивый Борис, оценивший мою шутку о французском диссиденте. Как и в наш приезд, мы проходим под железной дорогой, чтобы выйти на окруженную ларьками рыночную площадь поселка. Нас принимает маленький ресторанчик, где нам подают восемь тарелок очень острого и требующего нескольких тостов под чачу борща по-абхазски. Собравшиеся четверо мужчин и четверо женщин веселы. Разговоры обо всем и ни о чем. Одна коллега из Москвы, которая во время конференции не отличавшаяся во время конференции особой приветливостью, оказалась, напротив, жизнерадостной. Она везет хурму для мужа, а я – для жены; это нас сближает, требуется непременно поднять еще стопочку. Смех и общее благодушие. Бутылки пустеют; немного навеселе и в компании порозовевших улыбающихся лиц я покидаю эту скромную площадь, которая останется моим последним пунктом привязки к стране, чьи образы будут долго меня преследовать. Все еще смеясь, я являюсь на погранпункт; кажется, Галина даже вынуждена мягко призвать меня к серьезности и респектабельности. Может быть, ей вспомнился наш умопомрачительный въезд всего четыре дня тому назад. Заразительным ли было мое хорошее настроение, не знаю, но в первый раз за все время, что я въезжал или выезжал из России, пограничница мне улыбнулась открытой доброй улыбкой, когда я протянул ей свой паспорт.

Мост перейден. Теперь все происходит очень быстро, без задержек, даже если здесь расставаться последним группам друзей. Москвичи полетят самолетом из

Адлера, вечером они уже будут дома. Мы же сначала сядем в такси до вокзала, но прежде необходимо напоследок всем вместе сфотографироваться. Увидимся ли снова? Будет ли Леонид перечитывать французского диссидента? Мы ни о чем не думаем. Ничего не говорим. Просто смотрим друг на друга счастливо и доверительно. Рассаживаемся, утрамбовываем сумки, хлопаем дверцами, стараясь не защемить полу куртки или пальто. Небо действительно очень светлое; летает пыль над строящимися развязками и дорогами, но не выше бледного, постепенно размывающегося силуэта заснеженных Кавказских гор. Приходится пробираться через объездные пути, между заграждениями, съездами. Экономика набрала полные обороты, а Дмитрий начинает лекцию по истории Кавказа для нашего водителя-армянина. У человека соображения, у Дмитрия знания. Один жаждет узнать, другому нравится преподавать и быть полезным. Оба довольны. Если поездка по желанию таксиста была слишком быстрой, то причина не в том, что поездка будет стоить слишком дорого. Ему явно хотелось бы слушать и слушать профессора, который говорит спокойно, терпеливо и мягко, но при этом настойчиво. А вот и зал ожидания. У нас еще два или три часа. Евгений со своей азовской коллегой тоже заходят, садятся в другом конце зала, спиной. Я иду поздороваться. Мы едем одним поездом, «значит, увидимся позже, конечно», таким образом, состоялось наше импровизированное прощание. Российские поезда так длинны и так ловко устроены! Вагон Евгения отделится от нашего состава в нужное время и высадит его прямо дома. Ночь наступает очень резко. Как раз можно сесть на террасе, выпить чего-нибудь перед отъездом. На перроне и на перестраивающихся путях температура падает. Мы переходим по пешеходному мостику и оказываемся у нашего вагона.

Обратная дорога не принесла никаких открытий. Тот же вагон, те же полки. Ночь. В окне проплывает название города – Сочи; краны олимпийской стройки становятся последней картинкой путешествия до холодных огней дельты между Батайском и Ростовом перед мостом через Дон и въездом в ростовский вокзал. Но Дмитрий уже вернулся из поездки. Мысленно он уже в своей лаборатории на третьем этаже университета среди своих сотрудников и в делах. Последние безотлагательны, важны, если не жизненно необходимы для работы его коллектива и выполнения краткосрочных и долгосрочных проектов. После ужина, заботу о котором взяла на себя Наташа, именно Дмитрий задает направление разговору. Он хочет, чтобы я рассказал о способах финансирования спасательных раскопок во Франции, о возможных рисках злоупотребления, о более или менее явной коррупции среди археологов, об уводе выделенных на раскопки и их обеспечение средств на «левые» нужды или в пользу сторонних организаций. Мое видение ситуации, в общем и целом положительное, кажется, не вполне его убеждает. Несомненно, он мог бы мне предъявить и печальные контрпримеры. Ведь правда, что… Пора спать.

Перрон и вот уже площадь перед вокзалом, все такси заняты. Расставание. До скорого, Дмитрий, встретимся на собрании, до завтра, Наташа, встретимся на прощальном обеде! Короткое ожидание с дорожной сумкой в руках. Мы с Галиной едем в центр на автобусе в сумраке ленивого утра, не очень понимая, начало ли это дня или конец. Каждый пассажир сам молча договаривается со своими внутренними часами. А нас ждет насыщенная программа. Ближе к обеду, до ра-

бочей встречи с Дмитрием, я читаю студентам иняза лекцию на тему «Бретань и море». Потом мне выпадет невероятная удача посетить выступление ансамбля Игоря Моисеева. Мои дорогие подруги Татьяна и Галина успели забронировать билеты. Волнительно до слез. Завтра утром, в субботу, провожу мастер-класс по средневековой археологии для студентов-историков, а потом прощальный обед, приготовленный Наташей, в квартире семьи. Там мне посчастливится пообщаться по телефону с профессором Кудрявцевым, видным специалистом по археологии Северного Кавказа. Он не смог к нам приехать из-за парламентских выборов. Он желает сотрудничать. Мое сердце бьется чуть быстрее. Жизнь продолжается. Воскресенье начинается как раз с быстрого захода на избирательный участок Татьяны. Тихий район, по улицам и паркам которого льется транслируемая музыка. В районной же школе и установлены урна из плексигласа, кабинки, здесь встречаются избиратели, члены избиркома и возможные контролеры от разных партий. Мягкая обстановка, кофе, булочки, круассаны и пирожки в награду избирателям, но те что-то не торопятся. Разумеется, Татьяна меня представляет международным наблюдателем. Вежливые улыбки, поклон подружке, наблюдающей за ходом голосования по поручению своей партии. Избиратель должен взять один лист, на котором напечатаны имена всех кандидатов, и отметить в нем своего чемпиона. И все. Не нужно было рассчитывать на подобного рода свидетельство, чтобы судить о качестве выборов. Остаток дня будет посвящен другим моим ростовским друзьям. Все говорят по-французски. Конечно, много вопросов будет об Абхазии. Я начинаю путешествие заново, обкатываю свои слова, мысли, тестирую их в меру собственного разумения. Каждый отправится в воспоминаниях на чарующие черноморские берега. Даст советы по поеданию хурмы. Я еще не решил вымочить ее в водке, сахаре и меде с острова Уэссан, но уже охотно делюсь с моими дорогими друзьями впечатлениями и воспоминаниями. Когда рано утром самолет оторвется от ледяной взлетной полосы, я не премину посмотреть на гаснущие огни города с чувством, что это в последний раз.

И все-таки, десять, сто раз – я буду возвращаться на сухумскую набережную.

СЕГОДНЯ

Взгляды и суждения о мире обычно вытекают из двух противоположных подходов. Это может быть документальный подход, подход историка, который высказывается только после того, как ознакомится с материалом. Либо чувственный взгляд, основанный на впечатлениях и опыте, сразу сложившемся или пересмотренном утверждении, не подкрепленным никаким серьезным исследованием, ни фактами, ни цифрами либо иными достоверными свидетельствами. Я активно использую оба подхода. Меня убеждают парадоксы и нравятся несовместимости, и я не вижу тут противоречия. И в этот раз так было. Неполная неделя, проведенная в Абхазии в ноябре 2011 года, позволила применить эту установку. Краткосрочный визит в страну, о существовании и сущности которой я не знал за год до поездки. И я пообещал тогда моим хозяевам, коллегам из неведомой страны, которые тепло меня приняли и осчастливили своим доверием,

рассказать миру, что́ я видел, узнал и получил за пять дней и четыре ночи, проведенные в их обществе.

О данном обещании мне напомнила через некоторое время после моего возвращения франко-квебекская поэтесса и писательница Лора Морали, ценительница разнообразия культур и их форм, как бы между прочим, но, как это она умеет выверенными и всегда насыщенными смыслами словами. А что мог сделать и что мог написать археолог-историк, стремящийся к правдивости, к научности, атеист и безбожник, который терпит только святого Фому, но отчаянно сентиментален, влюбчив и к тому же гражданин мира?

С 1996 года я довольно регулярно приезжаю на юг России. Это связи через археологическую практику, конференции, разного рода обмены и издание моей книги. И все это не зная русского языка, что может удивить, что составляет большое неудобство, но заставляет раскрыть глаза. Они, на высоте метр семьдесят пять от земли, смотрят на будни и повседневность, но при этом и на жизнь, дружбу и искренность в равной мере, как и на непонятные ситуации. Хотите верьте, хотите нет.

Только благодаря случаю и необходимости я совершил эту короткую поездку в Абхазию, совсем не подготовившись, по самым разным более или менее благовидным причинам. Из-за избытка ли работы в предшествующие месяцы, из-за лени ли или потому что доверял моим русским друзьям и сопровождающим. Я был уверен, что организация будет великолепной, без всяких импровизаций в краю, куда не слишком смелому французу непросто въехать и выполнить за несколько дней точную программу. Кроме того, мне представлялось, что эта экзотическая экскурсия для гурмана, подумайте только, – кто хоть знал, где эта страна, – будет всего лишь приключением на один вечер и источником историй.

Я чувствовал себя далеким от научных проблем, обсуждаемых на конференции, я не знал археолога, которому посвящено международное собрание с моим участием.

Теперь я очень рад, что не стал погружаться до отъезда в цифры и литературу по Абхазии. С одной стороны, я бы ничего и не нашел.

Жонглирование цифрами увлекательно тем, что их крайне недостает за последние десять лет. Источники либо устарели и предшествуют эпохе независимости, либо недостоверны, не важно, грузинские ли они, российские, западные или абхазские. С другой стороны, я бы вряд ли нашел свидетельства, объяснения, толкования в пользу движения Абхазии за независимость, с которым я познакомился. Не поймите меня неправильно: это не моя позиция в пользу сторонников этого движения. Но нужно же все-таки их выслушать, услышать, дать им слово. Речи президентов Медведева, Саакашвили и Саркози не истина в последней инстанции. Американские интересы и аппетиты не имеют силу законов. И вот с чистым сердцем и доброй волей я собирал чемодан. С простой целью — оправдать качеством моей работы доверие, которое мне оказал Дмитрий, позволив быть приглашенным и осуществить отроческую мечту. Увидеть, наконец, вершины и побережье Кавказа.

На раскопе, когда я разрешаю проблему стратиграфии, организации или истории памятника, меня всегда охватывает сомнение, и я всегда вслух и гром-

ко заявляю, что нужно быстренько пересмотреть цепочку рассуждений и подойти к вопросу с другой стороны. Что тогда сказать, когда завершаешь рассказ о путешествии, который соткан из чувств, увлеченности и незнания истории и политической игры, путешествии, в котором были только исключительные встречи, каким бы ни был градус их теплоты.

Можно ли поверить в то, что война бела только с одной стороны?

Должно ли верить, что земля принадлежит только первому заселившемуся?

Абхазия – это скамейка, сидя на которой нужно любоваться морем. Какое место на ее побережье уделено гостеприимству? И кого в этом случае принимать?

Вернувшись из поездки, я прочел «Невероятную Абхазию» Леона Кольма[1]. Как и положено ее читать – по кусочкам. Потому что это красивые, сшитые вместе лоскуты, которыми начинаешь пользоваться, только когда чувствуешь необходимость, и которые оказываются ужасно полезными. Берешь наугад, порядок не имеет значения. Сам его задаешь. Постепенно я понял, насколько Дмитрию и его друзьям удалось внушить мне, что я посетил страну, являющуюся совершенно, ну или почти, обычным государством. Через его организации, самодостаточную и самообеспечивающую экономику, через рассказы об истории.

С Леоном Кольмом и всеми теми, кто ходил по этой полоске земли, наклоненной к морю, я имею общее клише. Символичное клише, которое подводит всему итог. Это фото Дома правительства, сожженного грузинами. Сосуществуют три версии. Первую дает «Гугл Земля»: еще дымящееся здание, черный горячий фасад; площадь, по которой вышагивает грузинский пехотинец с автоматом на плече, не обращая внимания на простертые тела молодых абхазских бойцов. На второй – то же место и тот же ракурс: фасад, красный от крови воспоминаний, маленькая девочка, вылезающая из машины популярной и недорогой марки. Опубликовано у Леона Кольма. Третья – моя: снова то же место и тот же ракурс; розовый, как мозг, фасад, серебристый «Мерседес» с тонированными стеклами в тишине занял место. Но и тут тишина. Абхазию можно свести к этим трем фотографиям и этим довольствоваться.

Если я легко даю себя убедить качественными аргументами, то я ненавижу быть заложником и в принуждении. Тягостное воспоминание о поездке в Квебек в 1976 году, как раз перед приходом квебекцев к власти, незадолго до того, как Феликс Леклерк[2], распевавший «Лучший способ убить человека» в старом театре Кемпера, узнал, что его партия победила. Пятинедельная поездка в рамках обменов с Франко-квебекской службой по делам молодежи, которая, после призыва генерала де Голля «Да здравствует свободный Квебек», отдала нас в руки ярых сторонников независимости Прекрасной Провинции. Отстаивание

---

[1] Леон Кольм, профессор Оксфордского университета, ездил и писал об отделившихся вследствие разрушения СССР государствах. Привлекается международными организациями как специалист и переговорщик.

[2] Феликс Леклерк (1914–1988) – поэт, композитор, исполнитель, радио- и телеведущий; убежденный сторонник квебекского национализма.

независимости было их неотъемлемым правом, но нужно признать, что наши хозяева-активисты вовлекали нас в свои демарши чересчур энергично либо потому что были убеждены, что мы разделяем их кредо, либо потому что хотели нас обратить в свои убеждения. В Сухуме было по-другому. Я не чувствовал этой необходимости убеждать. Мои хозяева просто жили, приглашая меня разделить их жизнь в течение нескольких дней. Они никогда не отводили меня в какой-нибудь дальний угол, а просто спрашивали, заметил ли я; они ничего не демонстрировали, не отстаивали. То, что они говорили, было предназначено для внутреннего потребления с целью самоутверждения и передавалось по национальному телевидению между морем и горами. Они жили и будто говорили мне: «Видишь, это так». Однако я знаю, что они тоже меня разглядывали, слушали. Я до сих пор чувствую их взгляды на себе. Загадочный взгляд госпожи вице-премьера, постоянные и ничего особо не выражающие взгляды Константина, а еще больше братские объятия семьи Георгия… Мне кажется, что иным понравился мой взгляд на них. Может быть, это-то меня больше всего и потрясает.

Я хорошо помню, что мне рассказывали о приеме на Кавказе. Если ты приезжаешь по собственному почину, если ты вмешиваешься, не будучи приглашенным, то тебе необязательно обрадуются, и никто не может гарантировать твою безопасность. Если ты гость, то твоя особа священна, и ты ничем не рискуешь. Я был приглашенным. Конечно, не потому что атлантическая торговля бронзового века — это главный вопрос для понимания абхазской истории. А больше потому, что Абхазии требовалось убедиться в собственном существовании, требовалось быть признанной через ее древнюю историю, через способность продолжать свой путь. В какой-то степени было важно, чтобы представитель Евросоюза приехал и поработал несколько дней, а потом мог свидетельствовать. Чтобы он мог сказать, что видел историю в развитии, мог утверждать, что Абхазия – отдельное государство с нормальными органами культуры и дипломатии – открывает свои двери даже тем, кто ее не признает, даже этаким грузинам Запада. Может быть, знакомство с этой политической подоплекой мне бы и не пришлось по вкусу до отъезда из Франции, но я бы был согласен. Мне, кстати, говорили, что иные российские коллеги старались не попадать под фотокамеры. Я не знаю, так ли это или нет. Тем не менее, причина такого поведения заслуживает внимания. Эти исследователи, намереваясь также съездить в Грузию, а, значит, обратиться за визой этой страны, не хотели, чтобы их заметили, а потом отказали во въезде из-за «связи с врагом». Это наводит на размышление, подтверждает обоснованность моего согласия. Исследователь должен соглашаться выезжать на любые территории для сбора материала, если речь не идет о манипуляции, откровенной фальсификации его взглядов и признания его сочувствующим. Кроме того, если эти территории – места бедствий, то очень важно, чтобы их жители, часто жертвы событий и не подвластной им истории, не чувствовали себя брошенными на произвол судьбы. Необходимо, чтобы местная интеллигенция чувствовала поддержку, доверие, надежду. Это так просто. Я уверен, что немало коллег разделяют мою точку зрения. Несмотря на кривые ухмылки и высокомерное пожатие плечами, которые могли бы вызвать такие речи у наших элит.

В Абхазии я жил обычной жизнью на обычной конференции. Было интересно. Зачем тут искать любой ценой что-то странное и сенсационное и почему так уж необходимо все переводить в область символичного? Действительно, Абхазия – это страна с особой географией. Полоска взморья, вдоль которой тянутся дорога, тупиковая железнодорожная линия, частично обрубленный нефтепровод, от которого перпендикулярно к морю отходят боковые дороги, но быстро упираются в труднопроходимый горный хребет и закрытые границы. Несколько бархатных подушек у белой стены и люди, чья численность точно не известна, около двухсот тысяч. Государство, чья площадь не превышает размеров крупного французского департамента, населенного не гуще, чем город Ренн, со столицей меньше города Кемпера. Карликовое государство, вымысел, скажут одни, но другие относятся к нему с большим сочувствием.

Абхазия – это также особая история, легендарная, таинственная и сложная, это климат мечты, одновременно субтропический, средиземноморский и умеренный, исключительное, всегда привлекавшее расположение. Из-за золота или металлов Кавказа. Не будем здесь углубляться в историю, мы уже упоминали, что легенда о Ясоне и аргонавтах приводит последних на берега Колхиды, что древнее название Сухума – Диоскурия, по имени двух греков-близнецов, которые отправились с аргонавтами на поиски Золотого Руна. Современная археология показывает роль поиска руд в истории древних обществ, все более настаивая на том, что он стал, как на Востоке, так и на Западе, одним из мощнейших двигателей сближения народов в эпоху металлов — бронзового и железного веков. Ускорение обмена происходит скорее всего во время первого (европейского) железного века, то есть в VI в. до н.э., когда завязываются и усиливаются связи между средиземноморскими народами Италии и Греции с теми, кого греки назовут варварами. Появятся дипломатические подарки, и вскоре Геродот напишет образную версию этих встреч. Но не странно ли и не симптоматично ли, что показанный в январе 2012 г. каналом Арте[1] документальный археологический фильм, посвященный поиску золота в Колхиде, ни разу за сорок минут не упомянет топонимы Абхазия и Сухум-Диоскурия? В фильме говорится о работах коллектива немецких коллег, работающих в Грузии, Сванетии и даже Турции, коллектива, который, конечно, связан договором о научном сотрудничестве с грузинскими властями. Не буду больше ничего об этом писать, я совсем не хочу выступать с осуждением. Однако я отметил короткий комментарий, который оставлял сомнение в научной ценности факта, рьяно отстаиваемого Грузией, что производство золота в древние времена велось исключительно на территории Грузии в ее нынешних границах… древнейшего золота мира… Было ли это бутылкой, брошенной в море через плечи политических и научных властей Грузии? В то же время, по любопытному стечению обстоятельств, Галина обнаруживает на российском телеканале другой документальный фильм, также посвященный Ясону и поиску Золотого Руна. В нем наш коллега археолог-моряк из Сочи ищет следы Руна в своем городе и северо-западнее него, то есть в России. А Сухум, наш дорогой Сухум?

[1] Канал Арте (ARTE) — франко-немецкий государственный канал, выпускающий и показывающий передачи и фильмы, посвященные культуре, науке и образованию.

Важны ли все эти замечания? Нет, если пользоваться только критериями научного исследования. Да, если учесть ту долю абсурда, иррациональности, являющейся непременной составляющей человеческого поведения и, отчасти, суждений об истории. В рамках рассказа о подобном путешествии и при чтении этих замечаний, каждому захочется ответить на вопрос: оправдан ли бой абхазов? Имеют ли право сторонники независимости, представляют ли они все население, чисты ли у них руки, и прочие вопросы. В рамках подобного путешествия хорошо бы пересмотреть дела не для того, чтобы отделить правду от лжи, что напрасно и тщетно, но чтобы лучше увидеть все грани, почувствовать навязанные страдания, бесчинства, совершенные в Ткварчели, Гагре, Камане и Сухуме. Справедливости ради надо бы вспомнить о несчастных грузинах, также попавших против своей воли в роковую историю. Было бы необходимо разобраться в менявшихся и сложных отношениях между Шамилем Басаевым, Джохаром Дудаевым, Владиславом Ардзинбой, Звиадом Гамсахурдией, Эдуардом Шеварднадзе, Михаилом Саакашвили. У меня нет к этому ни призвания, ни умения. В том, что мне раскрылось, нет ничего научного или объективного, но…

Я посетил красивейший регион на планете, я даже не говорю государство, а землю, с которой вид на мир может быть прекрасным. Где климат приятен, растительность разнообразна, пышна и обильна, где вдоволь воды.

Я встретил учтивых людей, способных быть гостеприимными, запускать воду, газ, электричество, умеющих обходиться довольно скромными благами, не дающих религии морочить им головы. Конечно, наверняка найдутся и такие, отпущение грехов которым потребует серьезной предварительной проверки совести, но я не критик и не счетовод. А разве найдется такой? Хочу вам сказать: оставим этих людей в покое. Они накопили усталость и надежду. Я часто думаю о Сен-Жюсте, Робеспьере, Дантоне, Марате и Демулене, которые в течение четырех-пяти лет не спали больше двух часов в сутки, но от которых требовали ясности ума и мягкости души в борьбе за справедливость и братство. Поэтому давайте доверять нашим абхазским друзьям, напомнив при этом, что за разрушения войны никогда не расплачивается бывший враг. Это-то мы знаем. Упорствовать обходится дороже. Это мы тоже знаем.

На рассвете, кристальном и легком, в час, когда нет ничего неосуществимого, я предлагаю отделить сады Абхазии от остального мира. Вернемся сюда, на девственную землю, такую, какой ее подарили олимпийские боги… Попробуем провести эксперимент с историей человечества с самого начала, но умно, избегая ошибок, непременных перемещений народов, которые довели нас до ада, в котором мы сейчас оказались. В конце концов, обозначенные утопия и поэтическое видение – всего лишь отражение и постоянное свойство реальности, положения дел, допускаемого уже два десятка лет; то ли от бессилия, то ли по дипломатическим соображениям.

А теперь сядем на сухумской набережной и поразмышляем спокойно. Национальность, отличия. Я приехал в регион, который переживает один из не-

простых моментов своей истории, расставание с одним из ее эпизодов. Разрыв, деление территории по ее контурам, пересмотр границ, изменение идеологии, культурный сдвиг. Необходимость очередной перестройки. На каком фундаменте? На каких исторических, языковых, экономических основаниях?

Кавказ на самом деле является одним из тех особенных, показательных, символических, как сейчас принято писать, регионов, где накладываются, поедая себя изнутри, местные, если не местечковые проблемы и интересы планетарного масштаба, где могут противоборствовать семейные кланы и сильные мира сего под прикрытием националистических, экономических или религиозных идей. Так рождаются личные и человеческие драмы, а также попытки раздела мира и его богатств. Как смотреть на такой регион, если вы обычный гражданин, а не социолог, политолог, языковед и проч.? Я живу в регионе Франции, где есть микронациональный вопрос. Иные могли бы, наверное, подумать, что в Абхазии меня особенно заинтересует тема независимости. Честно сказать, нет. Моя привязанность к Бретани ограничивается глубокой радостью, которую мне доставляют темно-серые сланцевые крыши (я серьезно), влажность воздуха, природная стыдливость и сдержанность населения. На этом моя «бретонскость» заканчивается. Тем более, что моя биография больше тяготеет к спокойному востоку, чем воинственно-бретонскому западу, и тем более, что ни один из регионов не заявлял на меня свои права.

Общение в течение четырех дней с мужчинами и женщинами, твердо стоящими за независимый курс Абхазии, не помогло мне составить окончательного мнения о причинах отделения или об отношении негрузинского населения к этому разрыву… Несмотря на огромную симпатию и глубокое уважение, вызванные искренностью и радушием приема, так же как и болью и разрушениями войны, которые я увидел. Разумеется, я не буду раздавать хорошие и плохие оценки по поведению ни мирным гражданам, ни абхазским, ни грузинским солдатам. Недостаток цифр (ох уж эти цифры!), двусторонних исследований, глубокого знания исторических прецедентов (ох уж эти исторические прецеденты! что только ими не оправдывают). Этническое разнообразие населения, собранного на земле бывшей Колхиды – абхазы, армяне, грузины и русские – не упрощает дело. Сложно на участке с такими географическими данными, как у Абхазии, на таком замечательном проходе, созданном самой природой, избежать смешения культур и мужчин и женщин разных народностей. Интересы и вмешательство супердержав не уладят дело. Короче, я могу только выразить мое, уже сформулированное выше, глубокое желание, продиктованное чувствами и личным мнением: оставьте в покое населенье этого взморья. Не слишком ли коротко? Наверно. Не слишком ли просто? Нет, точно нет.

Л. М.-Б.

Н. ДЖАНАШИЯ. АБХАЗСКИЙ КУЛЬТ И БЫТ. – «ХРИСТИАНСКИЙ ВОСТОК», ИЗД. АКАДЕМИИ НАУК, Т. V (1916 г.), ВЫП. 3, СТР. 157–208

Л. М.-Б. (Левон Меликсетович Меликсет-Беков) (1890–1963) – историк, филолог, профессор, доктор исторических и филологических наук. Автор многочисленных научных работ, в том числе небольшой книжки «Древнейшая Пицунда у Понта Эвксинского» (Одесса, 1914). Публикуемая ниже рецензия на работу Н. Джанашия перепечатывается с издания: «Известия Кавказского Отдела Русского Географического Общества». Том XXV, № 2–3. – Тифлис, 1917. – С. 359–360.

Н. Джанашия[1] – природный абхаз, известный своими работами специально по абхазской этнографии, каковые работы печатались им в издававшемся одно время в Тифлисе в грузинском журнале «Моамбэ»[2], а равно в т.н. «Сборнике Акакия»[3] за 1897 и 1898 гг. Ныне он занят систематизацией накопленного им в течение многих лет этнографического материала путем пересмотра и перевода на русский язык ранее опубликованных очерков с возможными исправлениями и дополнениями таковых.

Года два тому назад в выпуске тома IV (1915 г.), издаваемого Российской Академией Наук, под редакциею академика Н.Я. Марра, журнала «Христианский Восток»[4] помещена была (стр. 72–112) интересная статья г. Джанашия «Религиозные верования абхазов. (Из материалов по абхазской этнографии)». Статья эта, предварительно печатания, доложена была Н.Я. Марром в заседании Восточного Отделения Русского Археологического Общества[5] в Петрограде, причем

---

[1] Николай Семенович Джанашия (1872–1918) – краевед, историк, просветитель, публицист.

[2] «Моамбе» («Вестник») – журнал, выходивший на грузинском языке до революции.

[3] Журнал «Акакис твиури кребули» («Ежемесячный сборник Акакия»), издаваемый известным грузинским поэтом Акакием Церетели в 1897–1900 гг.

[4] «Христианский восток» – научный журнал, созданный Б. Тураевым, Н. Марром и В. Бенешевичем в Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук в 1911 г. В 1920 г. редакция переехала в Тифлис, но вскоре журнал был закрыт.

[5] Императорское Русское Археологическое общество (первоначально Археологическо-нумизматическое общество) было основано в Санкт-Петербурге в 1846 году. В 1924 году вошло в состав Академии истории материальной культуры.

самому чтению реферата докладчиком предпосланы были некоторые замечания, которые и составили собою особый очерк под заглавием «О религиозных верованиях абхазов. (К вопросу об яфетическом культе и мифологии)», появившийся в том же выпуске «Христианского Востока»[1] вслед за статьею г. Джанашия (стр. 113–140).

«Абхазский культ и быт» – под таким заглавием помещена ныне в только что вышедшем в свет выпуске 3 тома V (за 1916 г.) «Христианского Востока» вторая по счету работа г. Джанашия из серии предпринятых им на русском языке очерков по абхазской этнографии; причем как здесь, так и в вышеупомянутой первой статье[2] этнографическое описание абхазов ограничивается лишь пределами Абжу, т.е. Абжува или Абжуи[3], расположенной в средней части Абхазии, именно в Кодорском участке Сухумского округа, самый же использованный г. Джанашия фактический материал проверен специально созванною им для этой цели комиссией из природных абхазов, состав которой указывается в предисловии к первой статье[4].

В то время, как первая работа г. Джанашия, посвященная вопросу о религиозных верованиях абхазов, касается лишь почитаемых абхазами божеств, а равно соблюдаемых ими праздников в порядке годичного цикла, в настоящей статье замечается попытка представить вообще сведения о тесно связанных с религиею обычаях и общественных играх абхазов.

Вся работа г. Джанашия состоит из 4-х частей, причем в первой из них восполняется изложение о религиозных верованиях новыми данными о божествах и их переживаниях (стр. 157–174), во второй трактуется о культе мертвых, а также о болезнях, их причинах и способах их лечения (стр. 174–189), в третьей – о свадебных обычаях (стр. 189–203), и, наконеп, в четвертой – об обычаях, соблюдаемых при рождении и воспитании детей (стр. 203–208).

В дальнейшем г. Джанашия, как мы узнаем из той же работы, предполагает восполнить пробел, который получается у него за отсутствием описания юридического быта абхазов, путем подготовки к печати особой работы об абхазских адатах и вообще о народном суде и праве[5].

Подготовка текста и примечания – А. Дбар

---

[1] Марр Н.Я. О религиозных верованиях абхазов: (К вопр. об яфетич. культе и мифологии). – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1915. – [23] с. – Отт. из: Христиан. вестн. 1915, т. 4, вып. 1, с. 113–140.

[2] Джанашия Н.С. Религиозные верования абхазов // Христианский Восток. Т. IV. Вып. I. М., 1915.

[3] Абжуа, нынешний Очамчирский район Абхазии.

[4] Н. Джанашия в работе «Религиозные верования абхазов» писал: «Получив предложение от Н.Я. Марра пересмотреть и перевести на русский язык мои заметки „Материалы по этнографии абхазов", печатавшиеся лет 16–17 тому назад в грузинских повременных изданиях, преимущественно в журнале „Моамбе", я вновь проверил весь собранный материал, как печатный, так и рукописный. Для этой проверки я пригласил особую комиссию из абхазов сел. Адзюбжа, где именно собран весь материал. В комиссию вошли: моя мать Гыча Джанашиа, со слов которой первоначально был сверен весь материал, Харихан Ченгелиа, восьмидесятилетний старик Келамат Делба, прекрасный знаток абхазского языка, и оратор Абдахв (Абдаху) Лолуа, знаток сказок и легенд Алексей Допуа, Мушагу Ченгелиа и Алексей Джанашиа. Комиссия эта два дня – 2 и 3 июля 1914 года – работала со мною…»

[5] Видимо, скорая смерть помешала Н. Джанашия завершить эту работу.

ОМАР МААН[1]

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ГЕНЕАЛОГИИ АБХАЗОВ В ТРУДЕ И.В. КУЗНЕЦОВА И Р.Ш. КУЗНЕЦОВОЙ «АКАДАК: ЕЖЕГОДНОЕ МОЛЕНИЕ ЛИДЗАВЦЕВ»

В сборнике «Археология и этнография Понтийско-Кавказского региона»[2] опубликована объемная (с. 28–335) работа И.В. Кузнецова и Р.Ш. Кузнецовой «Акадак: ежегодное моление лидзавцев». Работа посвящена одному из религиозных культов Бзыбской Абхазии, а именно традиционному культу Акадак[3] в сел. Лдзаа. При этом авторы рассматривают различные вопросы духовной истории Пицунды, в частности, язык, на котором проходило богослужение, храмовые праздники, предания о Лдзаа-ных, этимологию термина Лдзаа, этноисторию села и др. Нужно сказать, что И.В. Кузнецовым и Р.Ш. Кузнецовой в пос. Лдзаа и его окрестностях в течение многих лет полевой работы собрана определенная информация. Вместе с тем, когда они касаются ряда других вопросов, не имеющих отношения к сел. Лдзаа, и вообще Бзыбской Абхазии, то создается впечатление, что они не всегда владеют точной информацией. Такое мнение возникает при знакомстве с их интерпретацией вопросов истории и генеалогии адзюбжской ветви фамилии Маан. Нельзя при этом, правда, сказать, что они вообще не собирали историко-этнографического материала в Юго-Восточной Абхазии, так как, по словам И.В. Кузнецова и Р.Ш. Кузнецовой, они, например, проводили обследование храма в сел. Лашкендар в Ткуарчалском районе республики[4]. Поэтому стоило ожидать, что они располагают материалами и по интересующему нас вопросу, в данном случае, хотя бы о некоторых фамилиях села Адзюбжа. Но, к сожалению, как можно судить по материалам И.В. Кузнецова и Р.Ш. Кузнецовой, они, вряд ли имея какую-то полевую информацию, а главное не встретившись и не поговорив с представителями этой фамилии из Адзюбжи, делают свои выводы на основе предположений. Поэтому вопросы истории данной фамилии, как и ряда других, получили в работе И.В. Кузнецова и Р.Ш.

[1] Омар Владимирович Маан – старший научный сотрудник отдела этнологии АбИГИ им. Д.И. Гулиа АНА, доктор исторических наук, доцент АГУ.

[2] Археология и этнография Понтийско-Кавказского региона. Выпуск 4. – Краснодар. 2016.

[3] В грузинском «кадаги» означает «проповедник», «прорицатель». Ср. с абхазским ақьадақьра «болтать, пустословить, трепаться»; ақьадақьюы «болтун, оратор» (Касландзия В.А. Абхазско-русский словарь. – Сухум. 2005. Т. 1. С. 536).

[4] Кузнецов И.В., Кузнецова Р.Ш. Указ. раб. С. 164–165.

Кузнецовой, мягко говоря, неудовлетворительное объяснение, что и заставило меня взяться за перо.

И.В. Кузнецов и Р.Ш. Кузнецова моей фамилии посвятили целый раздел (с. 99–122) под названием «Маан (письменный документ vs. нарратив)». В нем авторы достаточно подробно пишут о разных ветвях фамилии – мгудзырхвинских, псырцхинских, адзюбжских, затрагивая, в частности, вопрос о соответствии форм Маргания и Маан: по их мнению, «*абхазский вариант фамилии представляет собой упрощение мегрельского, а не наоборот* (? – *О. М.*), *либо мы имеем дело с простым отождествлением двух совершенно разных имен со своими собственными историями возникновения*» (? – *О. М.*)[1].

И.В. Кузнецов и Р.Ш. Кузнецова предпринимают также подробнейший этимологический разбор фамилии Маан – Маргания. Чтобы не быть голословным, приведу достаточно длинную цитату из их работы «Акадак: ежегодное моление лидзавцев»: до конца не ясно «*как соотносятся друг с другом обе параллельные формы* (Маан и Маргания. – *О. М.*) *этого фамильного имени. Одна обычно признается исконно абхазской, тогда как другая – мегрелизированной, а значит вторичной. Такой подход только констатирует более позднее появление форманта-ia (сейчас это связывается с ассимиляционной политикой грузинских властей в отношении абхазского меньшинства), но совершенно бессилен объяснить, почему форма, принимаемая за производную, богаче корневыми, чем сам оригинал: в ней присутствует дополнительная консонантная группа rg.*

Объяснений может быть два: либо абхазский вариант фамилии представляет собой упрощение мегрельского, а не наоборот (? – *О. М.*), *либо мы имеем дело с простым отождествлением двух совершенно разных имен со своими собственными историями возникновения* (? – *О. М.*). *Акад. Н.Я. Марр видел в фамильном имени Маргания два форманта, помимо мегрельского, еще и сванский – ап, а также яфетическую (хайскую) основу marg-, якобы отразившуюся в грузинском языке в корнях со значением ‘звезда’, ср. груз "мемарге" 1. волхв; 2. звездочет (у Марра)’ (1938, с. 64–65, 108). Предложенная им этимология малоубедительна, поскольку не объясняет перехода груз. g>абх. ğ. Более того, на самом деле не существует никакого груз. марг ‘звезда’, кроме упомянутого, реконструированного Марром же. Куда с большей очевидностью напрашивается другое сопоставление: абх. Марганиа // груз. Марг-ан-иа – прозвище от груз. марг-и ‘белоглазый, косоватый’ (Чубинашвили, 1984, с. 674). Труднее продемонстрировать закономерный характер выпадения r и ğ на абхазском материале, хотя языковые среды, для которых оно свойственно, известны-таки в контактной зоне: l, r > v, ø, š – в зап. картв., амш.-арм.; ğ > о – в турецком. Косвенным подтверждением возможности хотя бы одного из этих переходов (r > ø) служит вариант <Маргания > , засвидетельствованный Нордманом (1838, с. 404–405, 412, 414–415, 418–428), если это не просто ошибка.*

Едва ли не более обоснованно второе объяснение: Парные формы фамильного имени различаются между собой, как устная домашняя и письменная официальная. При введении последней в документооборот мегрельские писцы, обычно священники, в качестве письменного заменителя подбирали по звучанию близкую, как им казалось фамилию, осуществляя, по сути, "культурный" перевод. Наиболее вероятно,

[1] Кузнецов И.В., Кузнецова Р.Ш. Указ. раб. С. 101.

что в роли такого изобретателя выступил… протопоп Иоанн Иосселиани, который и составлял "Всеподданнейшее прошение" Георгия Шервашидзе о вступлении в подданство России (1809) – первый источник, содержащий форму <Маргания>. До него в более раннем тексте (1805/6), находим образованное по иной модели, непривычное сейчас <Маанидзе> (АКАК, т. 2, с. 872–873; ПСЗРИ, 1830, т. 40, с. 74–75; АВПР, ф. СПб. Главный архив. 1–7, оп. 6 (1827), д. 2, лл. 11–14 об.; МИА, 2008, т. 1, с. 250–254)»[1].

Прежде всего хочу сказать, что в приведенной здесь пространной выдержке все поставлено с ног на голову. В первую очередь, считаю абсолютно не соответствующей действительности предположение И.В. Кузнецова и Р.Ш. Кузнецовой о том, что Маан является производной от Маргания. Наоборот, от первичной Маан производна Маргания, и, значит, последняя форма никак не является не связанной с Маан, а только лишь образованной от нее основой. Такого же мнения придерживаются и языковеды (см. ниже). В данном контексте следует особо подчеркнуть, что Маан у абхазов является, как известно, дворянской фамилией, тогда как Маргания в Грузии не является таковой[2]. К сказанному добавлю и то, что старшее поколение абхазов никогда не говорит Маргания, а только Маан.

Тема соотношения Маан и Маргания в абхазоведческой историко-этнографической литературе достаточно хорошо освещена и она не нуждается в пересмотре. Хорошо известна, например, точка зрения С.П. Басария, отмечавшего о «переделке» Маан в Маргания (как и других абхазских фамилии) «*на мингрельский лад*»[3]. Еще ранее о том же говорилось в книге «Абхазия – не Грузия» и в труде К. Мачавариани[4]. Совершенно согласен с мнением и З.В. Анчабадзе по данному вопросу. «*Грузинские формы абхазских дворянско-княжеских фамилий, – подчеркивал З.В. Анчабадзе, – как правило, непосредственно исходят из соответствующих абхазских фамилий. Примеры: Маршания – Амаршан, Иналишвили – Инал-Ипа, Анчабадзе – Ачба, Дзяпшишвили – Дзяпшипа, Маргания – Маан*»[5]. Словом, абсолютно ясно, во всяком случае, для меня, что фамилия Маргания является оформленной по-грузински и происходящей от Маан, но никак не самостоятельной формой, введенной мегрельскими священниками.

Мегрельские священнослужители не только и не столько подбирали абхазским фамилиям близкие им по звучанию грузинские фамилии, сколько меняли абхазские родовые имена на не имевшие к ним никакого отношения грузинские фамилии. Но чтобы распространить это положение на фамилию Маан и ее форму Маргания, которые якобы не связаны друг с другом, не имеется никаких объективных оснований.

В предпринятом И.В. Кузнецовым и Р.Ш. Кузнецовой этимологическом анализе фамилии Маан – Маргания не было необходимости, так как и на сей счет в абхазоведении имеется соответствующее исследование. Имею в виду работу доктора филологических наук В.А. Чирикба[6], в которой дается анализ и фами-

---

[1] Кузнецов И.В., Кузнецова Р.Ш. Указ. раб. С. 101–102.

[2] См.: Князь Сергей Игоревич Жагат-Дадиан. Дворянство Мегрелии и Имеретии (Западной Грузии). – Тольятти. 2013. С. 7.

[3] См.: Басария С. Самурзаканцы или мурзаканцы // Материалы по истории Абхазии. Выпуск I. – Сухуми. 1990. С. 30.

[4] Там же.

[5] Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). – Сухуми. 1959. С. 194.

[6] Чирикба В.А. Абхазские заимствования в мегрельском языке // Абхазоведение. Выпуск 3. – Сухум. 2009. С. 64–125.

лии Маан – Маргания. Данную работу абхазского языковеда И.В. Кузнецов и Р.Ш. Кузнецова почему-то также проигнорировали. Скорее всего, авторы не были знакомы с этой работой В.А. Чирикба. Для определения соотношения Маан и Маргания обратимся, однако к самому В.А. Чирикба, который пишет: Из абх. *аа* идет мегр. Ɣa. В нескольких случаях современному абхазскому *аа* соответствует мегрельское *v,* что отражает более старую фонетическую форму *аа*, а именно *ħ, сохраняющегося в абазинском, ср. абх. Маан (<*Маħан)>мегр. МагƔan-ia ‘дворянское фамильное имя’ (с эпентезой -r- и добавлением обычного мегрельского фамильного суффикса –ia), абх. аанда > мегр. Ɣанда ‘ограда’; ср. также мегр. архаза ‘абхаз’, через *абƔаза <*абазƔа, из др.-абх. *абаз(а) ħа[1].

Аналогичного мнения относительно Маан – Маргания придерживается и другой абхазский языковед Б.Г. Джонуа[2]. Еще ранее о происхождении Маргания от Маан (как, например, и Сотишвили от Шат-ипа) писал и языковед В.А. Касландзия[3]. Очевидным является и факт наличия в письменных источниках более ранней, нежели Маргания, формы Маан в грузинском оформлении – Маанидзе, что признают и сами И.В. Кузнецов и Р.Ш. Кузнецова [4]. Нужно при этом только отметить, что рассматриваемая фамилия фиксируется в письменных источниках гораздо раньше XIX века.

В этом отношении привлекают внимание материалы, содержащиеся в анонимном сочинений рубежа XII–XIII веков, известном под условным названием «Истории и восхвалении венценосцев»[5]. В этой летописи историк времен царицы Тамар приводит ценные сведения о правителях средневековых политических единиц на территории нынешней Западной Грузии и Абхазии. Среди них фигурируют: «*Барам Варданис-дзе – эристав сванов; Кахабер Кахаберис-дзе – эристав Рачи и Такуери и Отаго Шарвашис-дзе – эристав Цхуми; Аманелис-дзе – Аргветский эристав и Одишский эристав – Бедиани*»[6].

Фамилия князя сванов, приведенная в этом документе – Варданис-дзе, по мнению иследователей (в том числе и грузинских историков), происходит от корня древних «Марушианов», т.е. абхазских «Маршанов»[7]; фамилия Шарвашис-

---

[1] Чирикба В.А. Абхазские заимствования в мегрельском языке… С. 73.

[2] Устное сообщение канд. филол. наук Б.Г. Джонуа. Записано 22 июля 2016 г. в АбИГИ им. Д.И. Гулиа АНА в г. Сухум.

[3] Касландзия В.А. Миротворчество или опять фальсификация? // Газ. «Республика Абхазия». 19 и 20 мая (№№ 88, 89). 1992 г.

[4] См. также: Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839). Сборник документальных материалов. Т. 1. Составитель Г.А. Дзидзария. – Сухум. 2008. С. 23.

[5] Картлис цховреба. Т. II. – Тб. 1959. С. 34 (на груз. яз.); Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Тексты собрал, перевел на русский язык, предисловием и комментариями снабдил Г.А. Амичба. – Сухуми. 1986. С. 49–50; Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и примечаниями снабдил Г.А. Амичба. – Тб., 1988. С. 89.

[6] Там же.

[7] См. об этом: Инал-Ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. – Майкоп. 2002. С. 153. Сравн. Варданисдзе с ветвью Марщан, называемой Варданыжвлара, т.е. рода Вардан (Лавров Л.И. Абазины // Кавказский этнографический сборник. I. – М., 1955. С. 29; Инал-Ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов… С. 153). Вообще же, как известно, первым (в X в.) из представителей абхазских феодалов в грузинских источниках фигурирует наместник абхазского царя в центральной Картли Иване Марушисдзе (Маршан) (Инал-Ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов…С. 153). Абхазской же формой Варданисдзе является Юардан (в официальных документах пишутся Вардания).

дзе соответствует абх. Чачба. Фамилия же Аманелис-дзе, согласно имеющимся данным, происходит от родового имени Амаан – Маан. Такое мнение было высказано и грузинским историком З. Папаскири. Таким образом, еще в грузинском письменном источнике зрелого Средневековья фамилия Маан зафиксирована в грузинском оформлении – Аманелисдзе.

Один из исследователей абхазской антропонимии, акад. А.Э. Куправа «*образование в Картли абхазской колонии из фамилии Маргания (Маан)*» относит к периоду феодальной миграции (колонизации), имевшей место с X в. со стороны Абхазского царства на территорию нынешней Восточной Грузии[1]. «*В с. Лиси[2], –* пишет А. Э. Куправа, *– ныне проживают значительное число Маргания (Маргания), происходящие от абхазской фамилии Маан*»[3]. С этой абхазской фамилией связывается «*происхождение сванской фамилии Маргани (Маргани)[4] и грузинской – Марганадзе, у которых в устной традиции сохранилось предание об их абхазском происхождении*»[5].

В целом же абхазская фамилия Маан была известна грузинским письменным источникам начиная, очевидно, с эпохи раннего Средневековья и как видно, получила грузинское оформление в виде Маанидзе (ср. с. Чачасдзе)[6], а также Аманелисдзе . Позже, очевидно, к ней добавляются варианты: груз. Марганадзе, мегр. Маргания, сванск. Маргани.

Совершенно неправдоподобной называют И.В. Кузнецов и Р.Ш. Кузнецова выдвинутую мной версию о возможном происхождении фамилии Маан, «*в таком случае самостоятельного, а не производного от мегрельского… хетт. <ма> "великая богиня-мать богов" м абх. "ан" мать, ср. теоним <нан>, связанный с "культом великой матери плодородия" (Маан, 2006, с. 386)*»[7]. Однако, если то или иное положение подвергается сомнению или критикуется, то должен быть предложен какой-то другой вариант. Но у И.В. Кузнецова и Р.Ш. Кузнецовой его нет. Что касается меня, то по роду своих занятий, разумеется, не могу претендовать на единственную и верную этимологию фамилии Маан, так как веское слово в этом вопросе, безусловно, должно принадлежать лингвистам.

Чтобы напомнить о моем предположении относительно возможного происхождения фамилии Маан, еще раз обращусь к своей прошлой публикации по данной теме, где, в частности говорится: Если во второй части антропонима Маан видеть сванское «ан» (о чем писал Н.Я. Марр),[8] не отрицая факты языковых встреч сванского с абхазским, частица «ан» присутствует в целом ряде фамилий у абхазов – Ануа, Нанба, Званба, Анба, Андырбыуа, Тванба, Миканба, Бганба, Барканаа, Барганджиаа и других. В абхазском языке «ан», как известно, обозначает «мать». В этой связи «ан» сопоставим с теонимом «нан» – культом великой

---

1 Куправа А.Э. Из истории абхазской антропонимии. – Сочи. 2003. С. 36.

2 Вблизи г. Тбилиси.

3 Куправа А.Э. Из истории абхазской антропонимии. Там же.

4 Другим сванским вариантом этой фамилии является Маргиани.

5 Куправа А.Э. Указ. раб. С. 36–37.

6 Форма фамилии Чачас-дзе (производная от абхазской Чачба) впервые зафиксирована в «Картлис цховреба», составленной во второй половине XI в. (Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии… С. 44).

7 Кузнецов И.В., Кузнецова Р.Ш. Указ. раб. С. 102.

8 Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. – М. – Л. 1938. С. 64–65, 108.

матери плодородия, существовавшим в Малой Азии во времена хаттов и хеттов (III–II тыс. до н.э.) (у абхазов «нан» – мать, богиня, аныха – святилище, нанхэа – языческий праздник в честь великой животворящей матери, Анана-Гунда – богиня пчеловодства и др.). При этом и первая часть антропонима «Маан» – «Ма» являлась, как известно, у хеттов названием великой Богини-матери богов, образ которой также связан с представлениями о производительных силах природы. О том, что культ малоазийской богини «Ма» был широко распространен, в частности на территории проживания древних синдов (от нынешнего г. Анапы до г. Новороссийска) свидетельствуют археологические данные[1]. По-видимому, культ богини «Ма» был, почитаем и в среде абхазов[2].

В связи с вышеизложенным необходимо, как представляется, обратиться к тем немалочисленным примерам, которые свидетельствуют о ближайшем сходстве и тождественности, в особенности в области некоторых религиозных верований, теонимии, ономастики и других форм этнографического быта абхазо-адыгов и древнего населения Малой Азии. Множество сведений подобного рода уже приводилось, например, в работах Ш.Д. Инал-Ипа, В.Е. Кварчия и других авторов. Я же лишь хочу указать на ряд ономастических и мифологических параллелей между абхазами и древнейшими аборигенами Малой Азии. Так, имя хаттского владетеля Баргайе, по мнению проф. Ш. Д. Инал-Ипа, соответствует абх. Бага (Барга), Барганджия, Абрагь; имя царя страны Хатти Памба – абхазской фамилии Памба; Таттас – имени Татташь, что является сугубо княжеским именем, восходящим к абхазскому слову и имени Татта, означающим «мягкий», «добрый», «добродушный»[3]; имя малоазийского царя II тыс. до н.э. Раша тождественно абх. Рашь (Решь) (ср. также древнейший песенный рефрен «рашьа», «ерашьа»). Титул хеттских царей (и имя) Лабарна, происходящий от царского имени хаттского происхождения, сопоставим с абхазским именем Барна и топонимом Лабра, а также с названием древнего родоплеменного святилища Лапрныха (с. Блабырхва Гудаутского района), где «аныха» означает святилище». Личное имя Апимарда напоминает старинное лично-патронимическое имя Мард, Марда-Соу, весьма популярное в абхазском фольклоре. Абхазские имена Астана, Тархуна и другие также уводят в древневосточный мир[4]. Основу хеттского слова «дару» «Тару» (Daru), означавшего бога грома и молнии, встречающаяся и в некоторых каскских названиях местностей с локативным суффиксом «-ка» – Дарука (Darukka, Garukka) Ш.Д. Инал-Ипа сравнивает с абхазским именем Даруква; абхазские патронимиальные имена Агр-ба, Хат-ипа с названиями некоторых хаттских племен: Хутпа (Hutpa), Касипа (Kasipa)[5]; название страны «Хатти»

[1] Крушкол Ю.С. Древняя Синдика. – М. 1971. С.177–180. Синды, как принято считать, являлись одним из непосредственных предков современных адыгов.

[2] См.: Маан О.В. Из истории фамильных имен абхазов // Абхазоведение. Вып. II. – Сухум. 2003. С. 195–196.

[3] Кварчия В.Е. Из этнической истории абхазского (апсуа//абаза) народа, или о языке и истории абхазов и абазин. – Сухум. 2015. С. 98.

[4] Инал-Ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов… С. 46.

[5] Исследователь антропонимии абхазов Д.М. Дасаниа в этой связи отмечает: «Модель, напоминающая современную абхазскую структуру образования фамильного имени, бытовала несколько тысяч лет назад на территории древней Анатолии. В частности, отметив модель образования абхазских патронимических имен путем сочетания имени родоначальника рода с формантом "-ипа", означающим "его сын", Ш.Д. Инал-Ипа обратил внима-

сравнивается с абхазским мужским именем Хатхэа и адыгскими племенными и личными именами: Хатукай, Хатхе, Хатажук. Хатхаху[1]; этот же термин «Хатти» В.Е. Кварчия сравнивает с местностью Хатхэуа в Абхазии (Хатхэы – букв. «царского (или княжеского) места гора»); у абазин существует также фразеологизм « «ХIаты дцатI», что значит «ушел в Хатты»; имя хеттского героя-защитника бога (богини) Инара (Инары), сопоставляется с абхазским фамильным именем Инарба, означающем «сын Инара» и др. Обращают на себя внимание и такие топонимы как Аяш, сопоставимая с абхазским дворянским родовым именем Аяш (Аяшба, Аиашба, Аиешба), встречающееся также и в абхазском эпосе об Абрскиле; город Ходжалы ср. с горой в Абхазии Хуаджал, Карачал с абхазским городом Ткуарчал, Чине с сел. Чин, город Кечи-барлу с р. Кечпсы (рукавом р. Кубань) и Кеч, Геч – абх. княжеско-дворянским родовым именем; топоним Табал (юго-восток Турции) сравн. с Цабал (названием села в Кодорском ущелье); г. Чамарды – у истока р. Чакыт – сравн. с Ачмарда/Чамарда – горой в Гагрском районе Абхазии; место и р. Чакыт ср. с Чааркыт в сел. Кутол (букв. «село Чаовых»), город и река Козан ср. с пос. Куазан в абхазском Ткуарчале; город Мараш – у подножья хр. Ахыр (так же на юго-востоке Турции) сравн. с основой имени абхазского княжеского рода Мар(ы)ш-ан. В названии р. Кяхта (правый приток Евфрата) можно усматривать абхазо-абаз. гидронимальный суффикс «та» и древнеродовое имя «Кяхь», восходящее к кабардинскому Кехь – названию адыгейцев и букв. означающему «низовые»[2]. Хетто-сирийский город Кадеш ср. с Кодош – приморским селом и бухтой в исторической Западной Абхазии вблизи г. Туапсе. По замечанию Дж.Н. Кокова, «*вряд ли есть смысл рассматривать топоним Кодош (Кадош) на Западном Кавказе в отрыве от переднеазиатского Кадеш… Эта параллель не должна быть исключена хотя бы потому, что не является единственным кавказско-малоазийским ономастическим сближением*»[3]. Уместно также отметить, что в абхазском фольклоре Куадашь-пха (пха – «дочь») происходила из рода Куадаш[4]. Ш.Д. Инал-Ипа посчитал также возможным отождествить р. Оронт с именем рода абхазо-абазинских князей Аран/Арин // Арын (Арын-ба, Арынд-ба)[5].

Своеобразным подтверждением приведенных исторических данных может служить точка зрения фольклориста С.Л. Зухба. В своей монографии «Типология абхазской несказочной прозы», он пишет: «*Характерно, что наиболее устойчиво приписывание аборигенности к таким абхазским родам, как Ануа, Абганба, Инапшба, Арлан, Джопуа и др.* (К приведенному списку добавим и фамилии, причисляемые Ш.Д. Инал-Ипа к аборигенным, – «*Званба, Маан, Когониа (абх. Куагуа-*

ние на характерное сходство этой модели с формой образования хаттских племенных названий типа Хутпа и Касипа, обитавших в Малой Азии в IV–III тысячелетиях до нашей эры. А хатты, как известно, являлись древнейшими предками народов абхазо-адыгской языковой группы: абхазов, абазин, убыхов, адыгейцев, кабардинцев и черкесов» (Дасания Д.М. Институт фамилии у абхазов // Первые Международные Инал-Иповские чтения. – Сухум. 2011. С. 198).

[1] Инал–Ипа Ш.Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. – Сухум, 1976. С. 141–144, 256–281.

[2] Кварчия В.Е. Из этнической истории абхазского (апсуа//абаза) народа, или о языке и истории абхазов и абазин… С. 100.

[3] Коков Д.Н. Адыгская (черкесская) топонимия. – Нальчик. 1974. С. 198–199.

[4] Инал-Ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов… С. 35.

[5] Там же. С. 160.

ниа. – О. М.). и другие»)[1]. ***По всей вероятности не случайно то, что роды Ануа, Абганба, Инапшба и Арлан*** *(*а также – Званба, Маан, Когониа. – *О. М.*), ***считаются автохтонными и наиболее древними. Как видим, в названиях этих родов содержится элемент «ан» («мать»). Не исключена возможность, что генетически они связаны с хеттско-ассирийско-шумерским миром*** (выделено мною – *О. М.). В пользу такой гипотезы говорит факт совпадения ряда абхазских и хеттско-ассирийско-шумерских божеств и их имен. (Ср. абх. «анцэа» (верховный бог) – хеттский «Анцили» (небесный бог); абх. «адыд» (гром) – хеттский «Адад» (божество небесной стихии); абх. «амза» (луна) – хеттский «Армаз» (бог луны»; абх. ан, анана, нан (мать) – Ан, Инана, Энцу (образы хеттско-ассирийско-шумерского пантеона) и др.»*[2] Следует наконец, обратить внимание и на такой важный для абхазской антропонимии момент: при образовании фамилий женщин в абхазской среде, к ним, как известно, прибавляется -пха, что означает в абхазском языке дочь (так образованы, например, фамилии Амчпха, Тарпха, Андарпха и др.). В этой связи заслуживает внимания то, что о древности суффикса –х как показателя женского рода в группе западно-кавказских и некоторых древних малоазиатских языков говорит следующее: в хаттском языке царь назывался katte, katti, а царица – kattah, где h выступает в качестве суффикса образующего имена женского рода, причем, по мнению специалистов, по-видимому, тот же суффикс в том же значении наличен и в именах северо-восточных соседей хеттов – касков[3].

Считаю нелишним провести в качестве примера и термин «меот», часто объединявшим в античную эпоху предков адыгов, содержащий ту же основу «ма». Исследователь истории формирования и культурно-этнических контактов адыгов Р. Бетрозов в связи с этим названием пишет: «В хеттских религиозных легендах большое место отводится культу великой богини-матери Ма, которая нередко называлась аккадским именем Иштар… Установлено, что древние меото-синдские племена поклонялись богине, в культе которой соединялось древнее поклонение Матери-земле и образ малоазийской богини Ма, т. е. местный культ Матери-земли, подвергся влиянию религии Малой Азии… Можно предположить, что греческие авторы именовали предков адыгов, т.е. синдо-меотов, по названию главного религиозного культа – богини Ма или же «маиты». В этом убеждает и тот факт, что в некоторых надписях на территории Боспорского государства племена Северо-Западного Кавказа обозначены именем «маиты», а не «меоты»[4]. Этимология термина «маит», по предположению Р. Бетрозова, выглядит следующим образом: Ма (имя божества) +

[1] Там же. С. 148.

[2] Зухба С.Л. Типология абхазской несказочной прозы. – Майкоп. 1995. С. 150. Здесь отметим и следующее замечание Ш.Д. Инал-Ипа: «В Абхазии немало древних фамилий, части бывших родов, восходящих по происхождению к эпохе первобытно-общинного строя с его своеобразными магическими представлениями, господством мало теперь нам понятной общественной и религиозной системы, пережитки которой сохранились здесь до нашего времени, например, Амзцба, может быть, означает «люди лунного огня»; Амзалакьиа – «люди ущербной луны» и т.д.» (Инал-Ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов… С. 151).

[3] Гиоргадзе Г.Г. К вопросу о локализации и языковой структуре каскских этнических и географических названий // Переднеазиатский сборник. Вопросы хеттологии и хурритологии. – М., 1961. Вып. I. С. 206.

[4] Бетрозов Р. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. – Нальчик. 1991. С. 83–86.

и – (аффикс со значением принадлежности) ее + т (суффикс множественного числа или значение места)[1].

Приведенных доводов, как представляется, вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что между древними культурными терминами, в том числе ономастическим материалом и исторической топонимией Малой Азии и абхазо-адыгов имеется масса совпадений и сходств, что, надо полагать, является далеко не случайным. Они должны свидетельствовать о широких культурных и исторических связях в целом кавказских народов, в том числе абхазов, с древними цивилизациями Передней Азии[2].

Как мне кажется, фамилию Маан (или его части, «ма» или «ан») также можно отнести к тому ряду аномастического материала, о которых шла речь выше. Ведь основа «ан» (наличествующая и в целом ряде фамилий абхазов), как я отмечал, действительно сопоставим вообще с переднеазиатским миром (теоним «ан», «нан»). И не исключено, что впоследствии мог произойти синтез компонентов «ма» и «ан». Вряд ли такое отождествление является фантастическим, и оно не может рассматриваться в качестве одной из гипотез. Но, конечно, возможно, что этот антропоним своими корнями вовсе не связан с Передней Азией, и может быть так, что и приведенные выше параллели и аналогии (во всяком случае, многие из них) могут быть случайными и не состоящими между собой в какой-то генетической связи. Но однозначно ответить на этот вопрос, вряд ли будет возможно. Поэтому я говорю лишь о сопоставлении или допустимости связи с терминами древней Анатолии, и это один из возможных вариантов происхождения данного ономастикона. Не случайно, подводя итог к предполагаемой этимологии рассматриваемой фамилии, я отмечал: «*Трудно сказать, насколько приведенное выше суждение о происхождении фамилии Маан соответствует действительности. И над этими вопросами исследователям еще придется поразмышлять, хотя связь данного ономастикона с древним населением Малой Азии исключать полностью, видимо, не следует*»[3]. Данные же об абхазо-адыгских и малоазийских этнокультурных параллелях в науке с каждым годом пополняются, что, очевидно, является дополнительным аргументом в пользу теснейших культурно-исторических контактов древнего населения Западного Кавказа с Малой Азией и все эти сведения уже не выглядят фантастичными.

В работе И.В. Кузнецова и Р.Ш. Кузнецовой рассматривается и вопрос о «*т.н. балкарских и кабардинских родственниках рода Маан. Так, балкарцы Апсуваевы,* – пишут они, – *ведут свое происхождение от сына некоего Омара, со странным тюркским именем Огурлу, якобы переселившегося во второй пол. XIX в. из Адзюбжи в Приэльбрусье*»[4]. Наличие подобных родственных связей вызывает у И.В. Кузнецова и Р.Ш. Кузнецовой сомнение, и это является, по их мнению, «*примером тяги к сшиванию плохо стыкующихся между собой ветвей генеалогии*»[5].

Продолжая рассуждать об адзюбжской ветви Маан, а также имея в виду автора этих строк, И.В. Кузнецов и Р.Ш. Кузнецова далее отмечают: *«В ранней своей*

---

[1] Бетрозов Р. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. – Нальчик. 1991. С. 83–86.

[2] Более подробные сведения об этих связях см. также: Кварчия В.Е. Из этнической истории абхазского (апсуа//абаза) народа, или о языке и истории абхазов и абазин… С. 69–133.

[3] Маан О.В. Из истории фамильных имен абхазов… С. 196.

[4] Кузнецов И.В., Кузнецова Р.Ш. Указ. раб. С. 120.

[5] Там же.

рукописи О.В. Маргания (и ссылающийся на него А.Э. Куправа), приводит слова Ш. Апсуваевой, согласно которой Омар – брат некоего «абхазского дворянина Мырзы Маан» (Маргания, б. г.; цит. по: Куправа, 2003, с. 30–31).

Но в более поздней публикации (Маан, 2006, с. 387, прим.1) данная деталь опущена (подправлена и соответствующая цитата во втором издании работы Куправы – 2008б, с. 336). Можно предположить, что причина, заключается в том, что эта версия не нашла соответствия в счете родства, который ведут сами адзюбжинские Мааны, не помнящие ни о каком Мырзе. Попытку примирить обе генеалогии, трудно сказать, самостоятельно или под влиянием О.В. Маргания, предпринимает Денис Чачхалиа – Омар становится у него не братом, а сыном какого-то Мырзакана. Но Мурзакан довольно редкое имя, и мы помним, что оно принадлежало одному из мгудзырхвинских, а не адзюбжинских Маргания»[1].

Справедливости ради здесь следует сказать, что, несмотря на наличие у меня собственного полевого этнографического материала из сел. Бедык Эльбрусского района Кабардино-Балкарской Республики от представительницы рода Апсуваевых – Шамсии, первым статью о происхождении Апсуваевых от адзюбжских Маанов, на основе материалов полученных от той же Ш. Апсуваевой, опубликовал историк И.Р. Марыхуба в газ. «Хасэ» от 3 сентября 1994 г., и на которую у меня есть ссылка в книге[2]. В работе я также опубликовал предание рода Апсуваевых, основываясь и сверяясь с материалами И.Р. Марыхуба, сделав при этом некоторые свои дополнения[3]. Другими словами, этот материал я опубликовал в основном в том виде, каком он был передан И. Марыхубе Ш. Апсуваевой[4]. При этом, конечно, не исключено, что сама Ш. Апсуваева при изложении материала о своих предках могла ошибиться, перепутать имена. Однако в реальности существования Мырзы Маан И.В. Кузнецову и Р.Ш. Кузнецовой не следует сомневаться, и он не является «*неким абхазским дворянином*». Во-первых, по генеалогии адзюбжской ветви Маан, относящейся к семье, к которой принадлежит и автор этих строк, Мырза (православное имя – Николай), по отчеству – Квадж евич, является отцом моего родного деда Алмасхана, т.е. Мырза Квадж евич мой прадед по отцовской линии (если И.В. Кузнецов и Р.Ш. Кузнецова заинтересуются родословной схемой моей семьи, с удовольствием предоставлю в их распоряжение наше генеалогическое древо). Во вторых, Мырза Квадж евич был женат на дочери другого адзюбжского дворянина, народного просветителя Андрея Георгиевича Курцикидзе – Мине (Нине), родившей ему восьмерых детей[5]. По информации, переданной мне внучкой Мырзы Маан, ныне покойной Хутой

[1] Там же. С. 120–121.

[2] См.: Маан О.В. Абжуа. Историко-этнологические очерки Очамчирского района Абхазии. – Сухум. 2006. С. 387–388.

[3] Об этом см. напр.: Маан О.В. Из истории фамильных имен абхазов… С. 196.

[4] Кстати, как следует из той же публикации И. Марыхуба, «ныне балкарский фамильный род Джапуевых – тоже абхазского происхождения» (Марыхуба Игорь. «О балкарских родах абхазского происхождения Апсуваевых, Джапуевых…» // Хасэ». 3 сентября 1994 г. №22 (45).

[5] Отец же Андрея Курцикидзе – Георгий Давыдович Курцикидзе (род. в 1824 г.) участвовал в комиссии И.А. Бартоломея по составлению первого «Абхазского букваря» в 1865 г. и много содействовал П.К. Услару в составлении «Грамматики абхазского языка» (Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. – Сухуми. 1979. С. 66).

Цыба (1920 г.р.), Мырза был участником первой мировой войны. Человек он был строгий («илеишэа цэгьан»), голубоглазым, выше среднего роста. Мырза (Николай) был отцом, упоминаемого в рассматриваемой работе И.В. Кузнецова и Р.Ш. Кузнецовой, пятого сына – Мышьи (который в официальных документах значится как Василий Николаевич Маан – педагог и просветитель, по-абхазски имя и отчество Василия Николаевича – Мышьа Мырза-ипа Маан). Информация об этом есть в моих книгах: «Очерки истории и культуры населения низовьев реки Кодор» (Сухум, 2004), стр. 75–78; «Проблемы этнического развития и традиционно-бытовой культуры абхазов» (Сухум, 2014), стр. 311. Работа же И.В. Кузнецова и Р.Ш. Кузнецовой «Акадак: ежегодное моление лидзавцев» была опубликована в 2016 г.! То есть при желании авторы без труда могли найти нужные материалы о Мырзе Маан, и вообще убедиться в существовании такого человека из моих работ. Но, к большому сожалению, эти вопросы в очередной раз прошли мимо внимания И.В. Кузнецова и Р.Ш. Кузнецовой и вопреки реальным историческим фактам они построили свой материал об адзюбжской линии фамилии Маан на основе догадок.

Исходя из вышеизложенного, И.В. Кузнецову и Р.Ш. Кузнецовой не стоило ничего предполагать и считать, что адзюбжские Мааны «*не помнят ни о каком Мырзе*», так как это совершенно не соответствует действительности. К сожалению, из среднего поколения сегодня уже мало кто знает о Мырзе, а из старшего поколения почти никого не осталось в живых, и единственными, возможно, людьми у кого сохранились сведения и материалы о Мырзе является автор этих строк и некоторые мои близкие родственники[1]. Должен сказать, что о Мырзе сохранились и письменные свидетельства, о чем скажу ниже. Кроме того, если о той или иной личности не помнят, то разве это может означать, что его вообще не было? Причиной появившегося недоразумения, явилось, очевидно, то обстоятельство, что у поэта, литературоведа и историка Д.К. Чачхалиа произошла небольшая путаница (от которого, разумеется, никто не застрахован), так как, во-первых, Омар в действительности был не сыном, а братом Мырзы и, во-вторых, Д.К. Чачхалиа вместо имени Мырза пишет Мырзакан. Нужно сказать, что в абхазской антропонимии Мырза и Мырзакан имеют самостоятельное значение и являются отдельными именами: так, в списке имен абхазов в монографии «Антропонимия абхазов» Ш.Д. Инал-Ипа раздельно пишет «Мырза» и «Мырзакан»[2]. И.В. Кузнецов и Р.Ш. Кузнецова полагают, что имя Мырзакан довольно редкое, и значит, очевидно, получается, что если оно принадлежало одному человеку, то не могло принадлежать другому, тем более представителям разных линий фамилии Маан из Мгудзырхва и Адзюбжи (И.В. Кузнецов и Р.Ш. Кузнецова, как мы помним, писали: имя «*Мурзакан… принадлежало одному из мгудзырхвинских, а не адзюбжинских Маргания*»). Однако это утверждение не соответствует истине, так как именем Мырзакан звали одного из представителей не только мгудзырхвинской, но и адзюбжской ветви, а именно, родного брата Кычына Сасрыкковича Маан (генеалогия хранится в моем домашнем архиве). Об этом известно ныне

[1] Например, потомки Чычына – отца заслуженного мастера спорта СССР по футболу, вратаря Владимира Маргания (Тыгуа Чычын-ипа Маан). Чычын являлся родным братом моего деда Алмасхана и третьим сыном моего прадеда Мырзы Кваджевича.

[2] Инал-Ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов… С. 110.

здравствующими старожилам пос. Ахыуаа села Адзюбжа, где и проживал Мырзакан. В том же поселении Ахыуаа и в настоящее время существуют топонимы: «Мырзакан Маан инхарта», что значит «место жительства Мырзакана Маан»; «Мырзакан Маан иааптра» («весенне-осенняя стоянка (для мелкого рогатого скота) Мырзакана Маан»[1] (возможно, наличие в среде адзюбжских Маанов как имени «Мырза», так и «Мырзакан», принадлежавшие двум разным людям, ввело в заблуждение и Д.К. Чачхалиа). Таким же образом, судя по логике И.В. Кузнецова и Р.Ш. Кузнецовой, сомнительно, чтобы «*странное тюркское имя Огурлу*» принадлежало одному из адзюбжских Маанов[2]. Но хорошо известно, что у абхазов немало подобных необычных и непонятных тюркских имен, их было особенно много в XVIII–XIX вв. Например, Алтоурым, Атто, Бакь, Бирам (Берам), Татластан, Элькан (Елкан), Сагатгерий, Исхан, Едрыс, Камсаркан, Карча (Карач), Наварбий (Наварбей), Паго, Шагабан, Уаздамыр, Джгыт, Хазгерий (Хадзгери) и т.д.[3] (К сказанному добавлю и то, что моего сына, 2000 г. р., его дедушка, то есть мой отец, назвал именем Сулейман, а младшего своего внука – Сафарбей).

Наличие у абхазов таких имен не должно вызывать удивления, так как с отдаленных времен между абхазами и тюркскими народами Северного Кавказа наличествовали тесные этнокультурные контакты[4]. Исследователи отмечают, что карачаево-абхазские отношения в историческом прошлом отличались ярко выраженной взаимной симпатией[5]. Как подчеркивал карачаевский этнограф К.М. Текеев, абхазов «*из закавказских соседей карачаевцы исстари выделяли, выказывая к ним самое уважительное отношение, до того даже, что своих детей нарекали абхазскими именами… И абхазы питали к карачаевцам те же возвышенные, добрые чувства*»[6].

---

[1] Кварчия В.Е. Топонимические материалы Очамчирского района Абхазской АССР. Часть первая. – Сухуми. 1988. С. 22 (на абх. яз.); Маан О.В. Очерки истории и культуры населения низовьев реки Кодор. – Сухум. 2004. С. 84. В той же моей книге см.: «Историко-топонимическую карту низовьев реки Кодор XIX – начала XXI вв.», где дается фиксация интересующего нас (и других) топонимов села Адзюбжа. Хотя сведения о Мырзакане Маан опубликованы в указанной книге В.Е. Кварчия, изданной еще в 1988 г., И.В. Кузнецов и Р.Ш. Кузнецова, как видно, вновь не воспользовались этими материалами.

[2] Вариантами имени Огурлу являются Огурли, Угурли. В переводе с тюркского Oyurlu означает «удачный», «приносящий удачу», «счастливый», – от Oyur – «удача», «счастье».

[3] Подробнее о тюркских именах у абхазов см. в книге: Апсуара: Материалы и исследования. Первый тематический сборник. – Сухум. 2014. С. 276–277 (на абх. яз.). Следует вместе с тем подчеркнуть, что приведенные выше общие для абхазов и карачаево-балкарцев антропонимы (многие из которых арабизированные) могут свидетельствовать и о связях абхазов с собственно турками.

[4] Археологи допускают начало абхазо-тюркских взаимоотношений с периода Майкопской культуры эпохи раннего металла (конец IV–III тыс. до н.э.) (Подробнее см.: Бжания В., Джопуа А. Культурные контакты Абхазии и Турции по материалам раскопок в городе Сухум // ThirdInternationalCongressofEurasianArchaeologi. Ethno Cultural History of the Turkic Speaking People of Eurasia. 23 rd – 25 thMai 2011, Demirci, Manisa, Turkiye. С. 63, 64; Они же. Археологические материалы как дополнительный источник изучения абхазо-турецких взаимоотношений // Абхазоведение. Вып.VII. – Сухум. 2012. С. 26–29).

[5] Из-за территориальной близости больше чем балкарцы с абхазами и абазинами были связаны карачаевцы (Алиев У.Б. О происхождении балкарцев и карачаевцев. Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. 22–26 июня 1959 года. – Нальчик. 1960. С. 242).

[6] Цит. по: Баразбиев М.И., Бегеулов Р.М. Этнокультурные взаимосвязи карачаевцев и абхазов в досоветский период // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып.

Возвращусь к предположению И.В. Кузнецова и Р.Ш. Кузнецовой о том, что в своей поздней публикации за 2006 г. я не пишу о Мырзе… В данном случае, для меня более важным было отметить не от какого конкретного человека происходил переселившийся на Северный Кавказ Огурлу, а то, что вообще балкарские Апсуваевы происходят от Маан из Адзюбжи, тем более, что о происхождении Огурлу от Омара и Мырзы я писал ранее в своей рукописи «Адзюбжа», и на которую как уже отмечалось, есть ссылка в книге А.Э. Куправа «Из истории абхазской антропонимии» (Сочи, 2003, с. 30–31).

«*Еще более умозрительным,* – полагают И.В. Кузнецов и Р.Ш. Кузнецова, – *представляется отождествление с Маан кабардинского фамильного имени Ягановы. У самих Ягановых сохранились лишь очень туманные представления об их происхождении – от абаза (абазин), проживавших в Черкесии в районе современного Усть-Лабинска (Чачхалиа, 2004)*»[1].

В связи с этим фактом следует подчеркнуть, что, как мне представляется, если даже у представителей рода Ягановых за давностью срока сохранились «*очень туманные представления*» о своем происхождении, то это не может отрицать их генезис от Маан[2]. Ведь Д.К. Чачхалиа, на которого ссылаются И.В. Кузнецов и Р.Ш. Кузнецова, ясно говорит, что Ягановы происходят от абазин. Абазины же сложились на Северном Кавказе из мигрировавших туда абхазов (которые переселялись на Северный Кавказ на протяжении почти всего Средневековья, в основном же начиная с XIV–XV вв.). В противном случае, авторы отрицают, что абхазы и абазины в прошлом являлись одним народом. Следует еще раз в этой связи напомнить, что от весьма древнего термина «абаза» производны ее варианты абазг, абаск, абазх, апсил, апсуа, которыми называли иностранцы и именовали сами себя абхазы. Безоснавательно «*полагать какое-либо различие между названиями абаза, абазинцы и абхазцы*»[3]. Следуя логике Кузнецовых, если происхождение Ягановых от Маан сомнительно, то тогда под сомнение следует поставить и другие варианты этой фамилии, принятые в зависимости от места проживания – Аныраа, Аан, Агановы. Хочу заметить, что представители Маан, как справедливо об этом пишет Д. Чачхалиа, в XVIII – середине XIX в. проживали как в княжеской Абхазии и в Малой Абхазии (Джигетии), так и в верховьях Кубани (Ащхаруа). В настоящее время представители этого рода проживают также в Кабардино-Балкарии. В разных местах фамилия Маан произносилась, как сказано, по-разному. Например, проживающие в Турции и Сирии представители

№ 1 / 2012. С. 23. К мужским и женским именам абхазского происхождения, встречающимся среди карачаевцев и балкарцев, относятся: Шханука (буквально, «идущий в гору»), Мза («луна»), Аха (от абхазо-абазинского «ах» – «аха» в значении «царь, князь, господин»), Апсуа («абхаз», ср. напр. «князь Апсуа Крым-Шамхалов»), Джаппу (от фамильного наименования абхазского рода Джопуа-Аджапуа) и Маршан (от фамильного наименования абхазского рода Амаршьан) (См.: Апсуара: Материалы и исследования. Первый тематический сборник… С. 239).

[1] Кузнецов И.В., Кузнецова Р.Ш. Указ. раб. С. 121.

[2] У Ягановых, однако, сохранились не такие уж «туманные представления» о своем происхождении, так как об этом прекрасно осведомлен, например, кабардинец Ибрагим Хасанбиевич Яганов, – Герой Абхазии, бывший командир батальона «Кабарда» и один из лидеров черкесского движения.

[3] Люлье Л.Я. Черкесия (Историко-этнографические статьи). – Краснодар. 1927. С. 9.

этого рода пишутся Яган[1]. В частности, ответвлением от рода Маан является фамилия известного деятеля абхазского зарубежья, «философа из Вернона», ныне покойного Мурата Ягана, предки которого выселились в Турцию как раз из области Ащхара, что на Северном Кавказе[2]. А Мурату Ягану, должно быть, точно было известно, откуда происходил его род[3].

Хочу наконец отметить, что «*общее происхождение Маанов, живут ли они в Абхазии или в Карачаево-Черкессии под фамилией Аганов или в Кабарде и Турции под фамилией Яган, подтверждается одинаковыми или схожими тамгами, которыми пользовались различные ответвления этого рода, чтобы метить свои табуны и стада. Все эти тамги являются легко узнаваемыми вариациями главной тамги-прародительницы*» (Д.К. Чачхалиа).

«*В нынешних условиях,* – пишут далее И.В. Кузнецова и Р.Ш. Кузнецова, – *потомки Хасана и других ветвей и линиждей предпочитают отмежеваться от фамильного имени Маргания, как им кажется, мегрельского, и заменяют эту форму в паспортах и официальных документах на Маан. Так поступили уже сын Беслана Леонид и упомянутый этнограф-адзюбжинец*»[4]. Во-первых, уважаемым авторам еще раз хочу заметить, что старожилы говорят только Маан и никогда Маргания, во-вторых, мы исходим из первичности Маан (как об этом свидетельствуют письменные источники), поэтому следует придерживаться оригинала и изначальной формы фамилии. В-третьих, свои исконные фамилии восстановили не только «*сын Беслана Леонид и …этнограф-адзюбжинец*», но и другие представители фамилии: правнук Кычына Сасрыкковича Маан из Адзюбжи – Беслан; представитель другой адзюбжской ветви, поэт, покойный Владимир Тарасович Маан; Денис Маан из мгудзырхвинской ветки рода, и еще некоторые представители фамилии из Ткуарчала, Псырцхи, Лыхны. На приведенную выше цитату И.В. Кузнецова и Р.Ш. Кузнецовой хочу также отметить, что, если дело обстоит таким образом, как об этом они пишут, то есть происходит возвращение фамилии Маан, то это является большой справедливостью. И этот процесс неверно называть «*предпочтением отмежеваться от фамильного имени Маргания*»: это является восстановлением исторической истины путем написания исконной фамилии Маан.

Что касается меня, то свою фамилию я восстановил не в «нынешних условиях», а 14 июня 1983 года. Еще раньше, в 1959 году восстановила исконную фамилию народная артистка Республики Абхазия Виолетта Владимировна Маан. Приведу пример и с фамилией Лакрба, одному из представителей которых Олегу (ныне заслуженному тренеру Республики Абхазия по волейболу) также в со-

[1] Ответвлением от Маан является и фамилия Ламырцэаа, вышедшая из «племени» Ахчипсоу в верховьях р. Мзымта и представленная среди абхазской диаспоры в Турции.

[2] См.: Чирикба В.А. Абхазский мудрец из Вернона // Мурат Яган. «Я пришел из-за гор Кавказа». Духовная автобиография. – Краснодар. 2002. С. 306.

[3] Небезынтересно отметить и то, что «в 1920 и 1926 годах главой правительства политически независимого Египта, хотя де-факто и находившегося под протекторатом Великобритании, дважды был выходец из абхазского (абазинского) рода Адлей-паша Яган» (Кадырбаев А.Ш. От Османского подданства к союзу с Россией: правление мамлюка абхазца Али-бея аль-Кабира в Египте. 1757–1773 // Войны на Кавказе – уроки истории. Материалы Международной научной конференции, посвященной 20-летию начала Отечественной войны народа Абхазии 1992–1993 гг. – Сухум. 2014. С. 53).

[4] Кузнецов И.В., Кузнецова Р.Ш. Указ. раб. С. 121.

ветские годы удалось, по его же словам, вернуть свою фамилию (фамилия Лакрба была изменена на Лакербая, как говорит О. Лакрба, в 1918 г.). По словам О. Лакрба, в те годы нельзя было каким-то образом помешать насильственному процессу грузинизации абхазских фамилий. В 1979 г. в СССР населению выдавались новые паспорта, и у них появилась надежда воспользоваться этой возможностью, и попробовать вернуть свою фамилию. В те годы, – говорит О. Лакрба, – решения об изменении фамилии рассматривали правительства Абхазии и Грузии. Свою фамилию в 2012 г. удалось вернуть и Тенгизу Инал-Ипа (ранее писался Иналишвили), который сегодня живет в Галском районе республики[1].

И.В. Кузнецов и Р.Ш. Кузнецова, делая вывод о том, что я отмежевался от фамилии Маргания в нынешних условиях, очевидно, исходили из того, что А. Э. Куправа в своей работе «Антропонимия абхазов», при ссылке на рукопись моей работы «Адзюбжа», мою фамилию написал не как «О.В. Маан» (как она значится в рукописи книги), а «О.В. Маргания». Но это было желание А.Э. Куправа, посчитавшего почему-то написать именно так (может быть потому, что эта была всего лишь рукопись?). Кстати, сам А.Э. Куправа в интересующей нас работе И.В. Кузнецова и Р.Ш. Кузнецовой объявлен «*ныне уже покойным*», разумеется, по какой-то ошибке: это тем более вызывает сожаление, что И.В. Кузнецов и Р.Ш. Кузнецова во вводной части своей работы благодарят А.Э. Куправа за «*ценные советы и замечания*» (данное обстоятельство служит еще одним доказательством того, как важно всегда перепроверять информацию). А что касается абхазского долгожителя, академика АНА А.Э. Куправа, то он не только жив-здоров, но и продолжает плодотворно работать, и я желаю ему еще много лет доброго здравия.

Но чтобы самим И.В. Кузнецову и Р.Ш. Кузнецовой снова не впадать в ошибку в вопросе о том, как пишется моя фамилия, для этого необходимо было лишь поговорить с самим О.В. Мааном, то есть со мной, и все стало бы понятно. Небрежное отношение к материалам, касающихся линии Мырзы Маан, привело к грубым искажениям генеалогии и истории данной ветви фамилии. В таких случаях, что хорошо должно быть известно и И.В. Кузнецову и Р.Ш. Кузнецовой, абхазы говорят: «Дад, почему ты рассуждаешь о моей фамилии, какое это твое дело!» (Дад, сыжэла узалацэажэозеи, уусыс иалоузеи!)[2] Справедливости ради должен отметить, что мои адзюбжские предки в исторических документах выступают то как Маргания, то как Маан. Тот же мой прадед Мырза, о котором, как я отметил, сохранились и письменные свидетельства, значится, например, в списках «Сухумского общества сельского хозяйства» как «*Мурза Маргания*»[3] (кстати, в том же номере «Черноморского сельского хозяйства» в числе новых членов СОСХ названы жители Адзюбжи, абхазским фамилиям которых приданы мегрельские формы: «*Екуб Долбая* (должно было быть Делба. – *О. М.*), *Григорий Долбая, Иван Карчава* (абх. Карчаа. – *О. М.*), *Хусре Пищбая* (по-абх. Хусреб Апшцба, Апшыцба. – *О. М.*), *Сулейман Пищбая*» и др.). Но если Мырза Квaджевич записан в указанном документе как «Маргания», то его сын, упомянутый Васи-

[1] В 2014 г. восстановили исконную фамилию, например, и представители рода Чамба, которые ранее были записаны под грузинской фамилией Есава.

[2] Куправа А.Э. Из истории абхазской антропонимии… С. 10.

[3] См.: Черноморское Сельское хозяйство. Орган Сухумского О-ва Сельского хозяйства. 1917 г. Январь – Февраль. № 1–2. – Сухум. 1916 г. С. 2.

лий Николаевич (1898 г. р.) во всех своих личных документах (которые хранятся в моем домашнем архиве), пишется «*Маан*». Кстати, Василий Николаевич И.В. Кузнецовым и Р.Ш. Кузнецовой отнесен к тому же линиджу, что и Иван Николаевич Маргания (Кудж Маан)[1]. Нужно сказать, что если представители нескольких «абипар» (патронимий) не знают, связаны ли их отцы между собой по родству, то вряд ли их можно отнести к одному линиджу. Члены же линиджа могут проследить свои генеалогические связи друг с другом, ведущие к одному реальному предку. Иван Николаевич Маргания принадлежит к той ветви рода Маан, которая является потомком вышеназванного Кычына Сасрыквовича Маан (в официальных документах – Александр Сасрыквович Маргания)[2], который по происхождению является выходцем из Самурзакани (ныне Галский район Абхазии), тогда как Василий Николаевич Маан относится к ветви Квадже Маан (отца Мырзы), предки которого вышли из Лдзаа[3]. О том же, к какой ветви принадлежал Иван Николаевич Маргания могут сообщить, например, правнучки Кычына – Валентина[4] и Лиана Анатольевны.

Однако представители разных ветвей Маан из Адзюбжи, разумеется, чтили принадлежность к одной фамилии, называя друг друга «братьями и сестрами». Об этом, например, говорит тот факт, что после завершения воспитания моего деда Алмасхана по обычаю аталычества в семье его бывшей кормилицы, старухи Софьи Абашидзе (кстати, из адзюбжских негритянок), и его возвращения в отчий дом, родители ребенка, при отъезде Софьи из дома Мырзы, по ее словам, «*тоже хорошо наградили меня: пару буйволов (их подарил мне отец моего ахупха* (воспитанника. – *О. М.*), *две коровы (одну из них выделил дядя последнего – Куджмахан, другую – **Маан Кичин**)…*» (выделено мною. – *О. М.*)[5].

Вообще же, следует признать, что в настоящее время среди абхазов остро стоит вопрос исправления нарушений, которые имели место, в частности, в области ономастики, особенно в период проведения сталинско-бериевской ассимиляторской политики по отношению к абхазам. Главная цель такой политики грузинских коммунистических властей состояла в том, чтобы путем искажения абхазских фамилий (например, абхазское окончание фамилии на «аа» неправомерно заменялось на «ава», так, Бармышьаа записывали как Бармышава, Агумаа – Агумава, Бигуаа – Бигвава и т.д.), придать им мегрельский вид и причислить к картвельскому фамильному фонду, а их носителей – к грузинам. Для абхазов,

---

[1] Иван Николаевич Маргания, социал-демократ, окружной комиссар, член Народного Совета Абхазии и один из лидеров независимцев. С 1933 г. – руководитель Госстраха Закавказской Федерации.

[2] Иван Николаевич являлся родным племянником Кычына Сасрыквовича, и после смерти матери с двух лет воспитывался в доме последнего.

[3] Маан О.В. Из истории фамильных имен абхазов… С. 192. Родство же между указанными ветками Маан из Адзюбжи прослеживается в том, что первая жена Кычына Маан принадлежала к роду Дзяпшипа из сел. Тхины; супруга моего деда Алмасхана (сына Мырзы) – Цур (Татьяна) также происходила из рода Дзяпшипа из того же села Тхина. Когда Цур приходила в дом Кычына Маан, то первая дочь Кычына – Хикур (по матери Дзяпшипа) встречала мою бабушку словами: «Ты пришла, моя мать!» («сан баайт!»)

[4] Кандидат биологических наук, выпускница МГУ, ныне живущая и работающая в Германии.

[5] Цит. по: Инал-Ипа Ш.Д. Воспитание ребенка по обычаю аталычества // Труды. – Сухуми. 1988. С. 110.

как и вообще для всех других народов Кавказа знание о своей фамилий, принадлежности к тому или иному роду всегда имело особое значение, так как оно позволяло понять самого себя и чтить память о своих предках. Должен сказать, что надо мной фамилия Маргания висела как обуза, так как родственники и вообще окружавшие меня абхазы старшего поколения, естественно, прекрасно зная, что исконная наша фамилия Маан, настойчиво советовали, чтобы я ее восстановил[1]. К такому же выводу приводило меня и знакомство с источниками по истории и этнографии абхазов. И это восстановление фамилии было мною сделано, как сказано, в советский период, когда решение подобного вопроса вообще считалось трудно осуществимым.

И.В. Кузнецов и Р.Ш. Кузнецова, в числе других фамилий, рассматриваемых в книге, касаются и происхождения фамилии Камкия из сел. Адзюбжа. Они пишут: «*В июле 1963 года Лилии Акаба удалось записать в селе Члоу у одного из представителей этой фамилии (председателя колхоза)[2] следующую историю (Маан, 2006, с. 378–379): «Когда Камкиевы приехали в Абхазию, у них не было никакой аныхи, и однажды один из них заболел. Пошли к прорицательнице. Она сказала, что надо поехать на прежнее местожительство и пожертвовать Клюшкар-ныхе золотую модель люльки. Они так и сделали. Кроме того, они отдали три рубля серебром и одного поросенка. Камкия (Очамчирский район) и Канкия (Гудаутский район) – это одна и та же фамилия. Они приехали из Одиши (прадед современных представителей этой фамилии из с. Кулишкари). Они пришли сначала к Маан в Адзюбжу. Затем младший брат отправился в с. Гуп к Маршану. Средний брат отправился в с. Кочара»*. Далее И.В. Кузнецов и Р.Ш. Кузнецова сообщают: «*Но когда через тридцать пять лет (весной 1998 года) с потомками все того же кузнеца О. Камкии беседовал О. Маан, выяснилось, что те настаивают на садзском, а не мегрельском происхождении своего предка*». Из этого авторы делают следующий вывод: «*Очевидно, на выбор Камкиевых повлияли события Грузино-абхазской войны 1992/93 годов*»[3].

Здесь, к сожалению, мы опять сталкиваемся с ошибочными предположениями И.В. Кузнецова и Р.Ш. Кузнецовой, тогда как в них не было никакой необходимости (если бы они основывали свои выводы на непосредственных полевых разысканиях в Адзюбже), ибо существуют прямые исторические сведения, свидетельствующие о том, кем по происхождению являются потомки Османа Камкиа. Прежде чем обратиться к этим материалам, хочу сделать некоторые предварительные замечания.

В Абхазии имеется целый ряд фамилий, представители которых в настоящее время считают себя абхазами, среди которых и грузины (главным образом в Галском районе Абхазии и в Мегрелии). Например, Жвания, Каджая, Кация, Мирцхулава, Чежия, Камкия, Дочия и др. Нередко это объясняется, как пишет московский этнограф Л.Т. Соловьева, ассимиляцией: «*обычно существуют предания о том, что предки этих фамилий лет 150–200 тому назад пришли в Абхазию. По народным представлениям, члены таких фамилий (например, Дочиа – аб-*

---

[1] Так же, например, и представитель джирхвинской ветви этого рода, ныне покойный, глубокоуважаемый старейшина Володя, призывал своих потомков и родственников оставить фамилию Маргания и перейти на Маан.

[2] Команды Камкия.

[3] Кузнецов И.В., Кузнецова Р.Ш. Указ. раб. С. 290.

хазы и Дочиа – грузины) считаются родственниками. Браки между ними были безусловно запрещены, представители этих фамилий считались в народе братьями и сестрами. В прежние времена (до начала 1990-х годов) между многими из подобных фамилий существовало общение: взаимные посещения, особенно в случае похорон и поминок. Война практически прервала все подобные контакты. Тем не менее, представление о родстве с этими фамилиями сохраняется и осознается»[1].

Необходимо однако заметить, что наличие одинаковых фамилий, не означает, что их носители состоят между собой в родственных связях. «*Фамилии,* – пишут в работе «Народные традиции кабардинцев и балкарцев» А.И. Мусукаев и А.И. Першиц, *– существующие в настоящее время у всех народов мира, у крупных этносов вовсе не указывают на общее происхождение. Русские Петровы или Кузнецовы, немецкие Петерсы или Шмидты, как правило, не являются, да и не считают себя родственниками. Несколько иначе обстоит дело у народов сравнительно небольших. У них также имеются фамилии, различные ветви носителей которых не состоят в родстве*»[2].

Мы также должны сказать, что не во всех случаях носители одной фамилии – мегрелы и абхазы являются происходящими от одного корня и считаются родственниками. Также не всегда носители одной фамилии – мегрелы и абхазы – признают себя родственниками. Например, фамилия Кация (по груз. «каци» – человек), как известно, распространена в Имеретии, Мегрелии и других территориях Западной Грузии. С другой стороны, на территории нынешнего Гулрыпшского района вплоть до махаджирства существовало село Кацикыт (ныне восстановлено). В районе Бабышьира по сей день известен топоним «Кациаа рынхарта», т.е. «место жительства фамилии Кациа»[3]. В Турции проживают представители фамилии Кац, Кацаа, Кациа, Акацба (в селе Хасандере, близ г. Биледжик), которые принадлежали к территориальной группе абхазов – Цвыджьа, занимавшей до выселения территорию в ущелье притока реки Мзымта – Цвыдзыпсы. Поэтому, сложно утверждать, что мегрельские и абхазские носители фамилии Кация одного корня, так как они образовались, скорее, самостоятельно, независимо друг от друга. С разрастанием фамилии от ее древа отделялись самостоятельные семьи (сыновья вступали в брак и переселялись на новые места жительства). Одна из отделившихся ветвей фамилии, по имени ее родоначальника образовала патронимию Кац-ипацэа, то есть «сыновья Каца» (создание же хозяйств и очагов вне пределов родовых владений являлось достаточным основанием для смены фамильного имени именем главы семьи). Впоследствии название патронимии Кац-ипацэа превратилось в Кацаа, Кация. Надо отметить также, что между носителями фамилии Кация – мегрелами и абхазами – еще до грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. отсутствовали какие-либо родственные связи.

То же самое можно сказать и о фамилии, например, Карчава (ныне проживают в сел. Куараш (Уарче) Гулрыпшского района, а также Адзюбже, Сухуме и

---

[1] Соловьева Л.Т. Семейные и фамильные традиции в современной Абхазии // Современная сельская Абхазия. Сб. статей. – М. 2006. С. 178–179.

[2] Мусукаев А.И., Першиц А.И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. – Нальчик. 1992. С. 109–110.

[3] См. историко-топонимическую карту в кн.: Маан О.В. Очерки истории и культуры населения низовьев реки Кодор. – Сухум. 2004.

других местах). Если часть представителей этой фамилии – грузины, то другая часть – абхазы проживали в районе Пицунды (сел. Алахадзы) и первоначально носили фамилию Акаюба (Кове)[1]. Относительно же фамилии Дочия, грузин и абхазов, нужно сказать, что они, вопреки утверждению Л. Соловьевой, также не являются родственниками, а только однофамильцами. Сами носители фамилии Дочиа-абхазы прекрасно знают о своем происхождении, в прошлом они были Мцэагуачаа: об этом может сказать И.В. Кузнецову и Р.Ш. Кузнецовой любой, мало-мальский знающий историю житель Адзюбжи, даже среднего поколения[2]. Такие же истории о трансформации фамилий известны и среди других родов сел. Адзюбжа[3]. О фамилии Мцэагуачаа – Дочиа упоминает и Ш.Д. Инал-Ипа[4]. Он же пишет еще об одной фамилии из Адзюбжи – Бзиава, которые в прошлом *«были носителями фамилии Мазлоу»*[5].

Возвращаясь к вопросу о происхождении патронимии Османа Камкия, и вообще различных ветвей фамилии Камкия, следует сказать, что носители этой фамилии в настоящее время проживают в сс. Члоу, Адзюбжа, пос. Гулрыпш, г. Сухуме и других местах. Одна из ветвей данной фамилии, по патронимии Осман-ипацэа (сыновья Османа), проживающие в селе Адзюбжа, как было сказано, считаются выходцами из Садзена. Более того, они первоначально и фамилию носили А-садзуа (носители фамилии Асадзуа – Садзба встречаются или встречались в сс. Кутол, Акуаскьа, Аразадзых, Охурей), что говорит о их садзском происхождении. Однако впоследствии их фамилия в силу каких-то причин была изменена на Камкия. Ш.Д. Инал-Ипа даже называет год преобразования Асадзуа в Камкия, – 1911[6]. В этой связи отметим и такой интересный факт, что на карте *«План имения «Новые Гагры» в Черноморской губ. Сочинского округа доктора Сергея Ниловича Нахимова»* значится «*земля Петра Камкия*»[7]. Если рассматриваемая нами семья Камкия происходит от родоначальника Османа (данная семья, являющаяся потомками Османа в указанном селе, является единственной), то другие абхазские семьи Камкия в том же поселке сел. Адзюбжа в количестве шести хозяйств, являются потомками Якоба, то есть потомки Османа и Якоба – это две совершенно разные ветви фамилии Камкиа, не состоявшие в родстве. По свидетельству внука Якобы Камкия – Милорда (1952 г. р.), «*то, что Якоба и Осман*

[1] Их потомки и ныне проживают в сел. Адзюбжа и могут подтвердить свою родословную.

[2] Кстати, эти Мцэагуачаа (фамилия которых букв. переводится из абхазского языка как: «не пашущие, но едящие, питающиеся») являлись морскими разбойниками. По информации, сообщенной мне старожилами Адзюбжи, «Мцэагуачаа грабили турецкие суда».

[3] Так, Цаава в прошлом писались Цахажэаа; Мирцхулава – Алхорба; Жвания – Жван; Яшвили – Адгуа-ипа; Сабекия – по версии носителей фамилии из сел. Тхина происходит от абх. Апакиа; по другой версии носителей фамилий Сабекия из сел. Адзюбжа – от Согум-ипа; фамилия адзюбжских негров – Абаш также была заменена грузинскими церковнослужителями на Абашидзе (собственно Абаш происходит от Хабаш, Хабеш – арабского названия Абиссинии (неофициальное наименование Эфиопии), откуда и считаются выходцами абхазские негры.

[4] Инал-Ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов… С. 146.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 308.

[7] План имения «Новые Гагры» в Черноморской губ. Сочинского округа доктора Сергея Ниловича Нахимова. СПб., начало XX в. Из фондов Российской Государственной библиотеки. Материал был предоставлен автору этих строк кандидатом философских наук, заведующим кафедрой теории и истории Сочинского института РУДН, доцентом Б.А. Камкия.

были братьями могу судить по тому, что между их участками не было забора» (дальше этого взаимное родство между ними не прослеживается). В среде последних, то есть потомков Якоба Камкия хорошо известно, как об этом свидетельствовал и Команда Камкия, откуда они являются выходцами. О том что это было очень давно свидетельствует, очевидно, и тот факт, что отца Якобы звали Коблыху (Кэаблыхэ)[1], деда – Гыд[2] (этим именем в первой половине XIX в. звали и сына абжуйского удельного князя Алибея Чачба (Шервашидзе)[3]. Ныне представители Камкиевых проживают в среде абхазской диаспоры в Турции,Сирии, Иордании, Германии.

В общем, по приведенным выше материалам и другим источникам можно сказать, что вопрос о происхождении в целом абхазских фамилий является достаточно сложным, вопреки представлениям некоторых авторов, основывающих свои выводы на домыслах и предположениях.

Труд И.В. Кузнецова и Р.Ш. Кузнецовой «Акадак: ежегодное моление лидзавцев», состоит, как было сказано, из более чем трехсот страниц. Я не ставил себе целью проанализировать содержание всей работы, да и вряд ли возможно было это сделать (исходя из объема) в настоящем отзыве. Хочу отметить, что И.В. Кузнецов и Р.Ш. Кузнецова в целом проделали большой объем работы, думается, что их труд будет полезен как специалистам, так и всем, кто интересуется историей и культурой абхазского народа. Поэтому отмеченные выше существенные огрехи и пробелы, касающиеся фамилии Маан, содержащиеся в их работе, привлекают внимание, для чего необходимо их устранение в дальнейшем, что сделает работу лучше. В то же время, как представляется, другие, не менее важные положения, в том числе вопросы духовной культуры абхазов, поднимаемые в работе «Акадак: ежегодное моление лидзавцев», также нуждаются в отдельном и более обстоятельном анализе.

---

[1] Инал-Ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов… С. 103.

[2] Гыд доводился родным братом деду Команды Камкия – Багыру (т. е. Команда Камкия из сел. Члоу являлся троюродным братом Якобы Камкия из сел. Адзюбжа).

[3] Инал-Ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов… С. 65. По сообщению того же Милорда Камкия, «если проживавшие в сел. Адзюбжа Камкиевы являлись абхазами, то еще в советские годы в Адзюбже проживала и семья Амбако Канкия, выходца из г. Гегечкори, кочевавшего по Абхазии в поисках работы. Он был усыновлен одним из Камкиевых, который не записал его абхазом, в силу чего по национальности тот остался грузином».

ПИСЬМО РАУФА КЛЫЧЕВА КОНСТАНТИНУ ШАКРЫЛ

Ниже приводится письмо Р.Н. Клычева, адресованное К.С. Шакрыл. Публикуется впервые.

Рауф Нухович Клычев (1934–1993) – абазинский языковед, специалист по словообразованию, морфологии, диалектологии и истории абхазо-адыгских (в частности, абазинского) языков, кандидат филологических наук. Константин Семенович Шакрыл (1899–1992) – абхазский языковед, специалист по абхазо-адыгским языкам, кавказовед, доктор филологических наук, профессор.

25 июля 1986 г.

Дорогой наш Константин Семенович!

Получил «Аҧсуа бызшәа ажәар»[1], что стало для меня большой приятной неожиданностью (хотя я знал, что Вы работаете над ним, но я не знал, что он уже на выходе).

Уже после первого знакомства видно, что проделана огромная работа.

Хочу сердечно поздравить Вас с выходом I тома, пожелать Вам хорошего здоровья на радость науки и близких Вам сотрудников и родственников.

Научно-исследовательскому институту (Табуловой Н.Т.[2]) я уже сообщил о получении для нее и библиотеки по одному экз. Словаря, которые с удовольствием на днях передам.

Дорогой Константин Семенович! Подтверждаю, что любое Ваше внимание к моей персоне я рассматриваю как Вашу любовь к нашему народу, как Вашу преданность ему[3]. Поэтому я очень рад выходу в свет Словаря; поэтому я прошу аллаха, чтобы наделил Вас силой и бодростью и на многие другие добрые дела во имя народа.

Свои сердечные поздравления, пожелания новых удач посылаю и Валентине Конджария[4].

Спасибо Вам за Словарь. Жду очередного тома.

Ваш Рауф Клычев

Из домашнего архива Л.Х. Саманба

---

[1] К.С. Шакрыл, Л.П. Чкадуа, В.Х. Конджария. Словарь абхазского языка. В 2 томах. Сухуми, 1986–1987.

[2] Нурья Татлустановна Табулова-Мальбахова (1922–2002) – языковед, фольклорист, педагог, кандидат филологических наук, заслуженный деятель науки Карачаево-Черкесской республики, почетный член Международной Адыгской (черкесской) Академии наук.

[3] В 1951–1955 гг. К.С. Шакрыл работал в Черкесске зам. директора, а затем – директором научно-исследовательского института.

[4] Валентина Хаджметовна Конджария (1933–1994) – языковед, кандидат филологических наук.

▫

РИТА ПАЦИЯ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ КИНО В АБХАЗИИ

Рита Анатольевна Пация – историк кино.

Ниже приводятся четыре статьи Р. Пация об истории раннего кино в Абхазии и предисловие к ним, а также в качестве приложения – статья киномеханика В. Яковлева «Кино в деревне», опубликованная в феврале 1925 г., с послесловием Р. Пация.

Кинематограф в Абхазии имеет свою историю. Возможно, недостаточно изученную к настоящему времени, но весьма интересную. Основная информация по теме была сосредоточена в ЦГА Абхазии и АбИГИ им. Д.И. Гулиа. Однако, после намеренного поджога вышеназванных учреждений спецподразделением войск Госсовета Грузии в октябре 1992 г., эти документы, как все прочее хранившееся в них, и собственно, сами учреждения, оказались утраченными. Так, факт наличия данного направления искусства в Абхазии рисковал остаться почти без источников (за исключением некоторых разрозненных свидетельств в архиве Государственного музея).

Но у меня еще теплилась надежда. На моей квартире на «кинопрокате» оставался переписанный от руки в течение 1985–1988 гг. довольно большой объем материалов, несколько папок, по данной теме, из ЦГА Абхазии. В те годы, помнится, копировальная техника еще не была в широком доступе, и все документы, как правило, переписывались обыкновенно руками. Благо, я переписывала тексты целиком, предпочитая выписке, т.к. это давало возможность дальнейшей работы с первоисточником без уже посещения Архива. В результате, получилось так, что, после сожжения ЦГАА, эти копии нескольких дел остались едва ли не единственными документами по теме…

После освобождения города Сухума, когда удалось посетить квартиру, я застала удручающую картину. Оказалось, моими архивными копиями разводили огонь во дворе дома, о чем свидетельствовали большой черный радиус горевшей травы и застывший скелет высокой кучи пепла. Вокруг валялись разорванные папки, рваные, грязные, скомканные листы. Такие же грязные и разорванные листы валялись на лестничных пролетах трех этажей. Разбросаны они были даже на противоположной улице…

Похоже, что произошло это (к счастью) под самый конец войны. Иначе разве втоптанные в грязь писчая бумага и тетрадные листы могли целый год оставать-

ся хоть как-то читабельными. Выбора не было. Собрали все, в том числе и безнадежные, грязные обрывки… Далее была «большая стирка». Но ошибкой было **класть** бумагу в воду, «чтобы отмокла грязь», т.к. она размякала очень быстро. Да так, что текст расползался, не дав себя дочитать. Бережное прикосновение губкой, ватой под медленной струей воды тоже не всегда приводило к желаемому результату. И здесь уже на моих глазах на ладони растворялась, утрачивалась часть и без того небольшой части спасенного…

Незабываемое и особенное чувство обиды, боли, утраты. Острота этих ощущений не ушла «во время» и по сегодняшний день… Неоднозначность данного обстоятельства заключается еще и в том, что я часто помню, что в тот или иной период (или ситуации) имели место те или иные события, но не могу построчно процитировать, т.е. сослаться на хранившийся в Архиве первоисточник. Он растворился на моих руках, расплываясь по буквам в воде… Навсегда…

Несмотря на то, что спасти не удалось и третьей части архива, все же, даже то, что осталось, дает возможность рассказать о замечательном поколении абхазской интеллигенции конца XIX – начала XX в., их упорстве, титаническом труде, вложенном в дело создания первых художественных, документальных фильмов, и в целом, в создание основ собственного кинопроизводства. Если конкретно, то речь идет об отдельных листах из дел Совнаркома ССР Абхазии за 1925 г., Наркомпроса ССР Абхазии за 1926 г. (ф. 8., оп. 1., д. 224; ф. 8., оп. 1., д. 255) и 1929–1930 гг. (ф. 8., оп. 1., д. 404). В основном именно эти спасенные материалы и легли в основу исследований, которые будут предложены ниже.

О кинокартинах «Покорение Кавказа» 1913 года

Изучая историю кинематографа начала XX века невозможно не обратить внимания на две картины 1913 года под названием «Покорение Кавказа». Чтобы рассказать о них, необходимо обратиться к истокам русского национального кинопроизводства, к фактам из жизни и деятельности первых кинопредпринимателей. Одним из них был одесский фотограф, учитель танцев, затем петербургский фотограф Александр Дранков, учредивший в 1907 г. Акционерное общество «Дранков и Ко». Он начинал как оператор-хроникер (в т.ч. первым снял Л. Толстого), затем наступил черед художественных лент. 15 октября 1908 г. на экраны вышел его фильм «Понизовая вольница» («Стенька Разин»), ставший первым русским фильмом. Этот день, собственно, и считается днем рождения русского кинематографа. Он был смелым экспериментатором и как положено первому, делал многое из того, что до него не делал никто. Особенно преуспел в области рекламы.

Его следующие съемки ознаменовались появлением первой русской кинокомедии – «Усердный денщик». Позже будет первым снимать детективные сериалы, которые только успели войти в моду во Франции, революционные фильмы…

Другой – Александр Ханжонков – отставной офицер из обедневшего дворянского рода (из Макеевки), оказавшийся пленен первым же увиденным сеансом «движущихся картинок» в 1905 г. в Ростове-на-Дону. Уже в 1906 г. он организует собственное ателье в Москве «с целью произведения торговли кинематографи-

ческими лентами, волшебными фонарями, туманными картинками…». Или, для проката в России зарубежных кинофильмов и создания российских кинолент… Ханжонковым было сделано очень много для создания базы русского национального кино. С начала 1910 г. его компания становится бесспорным лидером российского кинопроизводства. Да и проката. В частности, в 1911 г. он выпускает первый полнометражный фильм – «Оборона Севастополя», открывает «Научный отдел», выпускающий продукцию познавательно-образовательного характера, в 1912 г. – на его фирме Владислав Старевич создает первый в мире мультфильм в объемной технике… В 1913 г. построил кинофабрику (после национализации – «Мосфильм»), в августе т.г. в Москве у Триумфальных ворот заложил фундамент нового кинотеатра…

Как пишут историки кино, появление Александра Ханжонкова вызвало «острую ревность» Александра Дранкова. Однажды, в беседе с Ханжонковым, Дранков узнал о его планах постановки фильма «Песнь о купце Калашникове». Чтобы сорвать премьеру, сам стремительными темпами начал снимать фильм с таким же названием. Узнав об этом, Ханжонков успел-таки, снять и вывести свою продукцию на экран раньше Дранкова. С тех пор и повелось. «Разведчики» Дранкова «пронюхивали» о планах Ханжонкова и в результате в прокате появлялись картины с одинаковыми сюжетами и названиями. Так было и с «Воцарением Дома Романовых» Ханжонкова и «Трехсотлетием царствования дома Романовых» Дранкова в 1913 г. и др. К этому времени на счету каждого были свои победы, поражения и… все обострявшаяся конкуренция.

В 1913 году Романовы масштабно отмечали свой юбилей. Случилось так, что Ханжонков обмолвился о своем замысле снять к торжествам фильм, посвященный 50-летию окончания Кавказской войны. Идею, уже по традиции, подхватил Дранков, решив первым представить фильм на ту же тему Николаю II. Ханжонков, узнав о намерениях Дранкова, не отказался от замысла, к тому же, похоже, он оставался спокоен и приступил к съемкам намеченного по плану и смете. Ставил фильм режиссер Василий Гончаров (тот самый, который по своему сценарию снял у Дранкова первый русский фильм «Понизовая вольница», а теперь работал ведущим режиссером у Ханжонкова). На главную роль был приглашен Аршо Шахатуни…

Как будто и Дранков начинал без спеха. Но это была вынужденная задержка, связанная с ожиданием выпрошенной у царя «большой армии для войны на Кавказе». Ханжонкову дали – ему нет. Хотя, как отмечают многие историки, обладая на редкость обостренным самолюбием, Дранков считал себя более заслуживавшим того, чтобы его поддержали. После двух месяцев томительного ожидания, Дранков начал снимать своими силами, как он сам говорил, «грандиозную киноэпопею «из истории кавказских войн»», причем, с небывалыми доселе в кино расчетами. Огромный гонорар был выложен за режиссуру Людвигу Черни. Оператор Николай Козловский (между прочим, в 1926 г. будет приглашен в Сухум на киностудию «Абкино» для съемки совместно с В. Пате-ипа первого абхазского художественного фильма), художник, живописец Франц Рубо (тоже, ранее работавший на Ханжонкова, в частности в «Обороне Севастополя», «Бородинской битве»)… Специально, для консультаций приглашен полковник царской армии С. Эсадзе (несомненно, хорошо знавший факты!..). Так на Кавказ

снова на несколько месяцев вернулась война. Война, восстанавливавшая недавние события. Царские армии опять «билась» за горы и перевалы… Такое «кино» могло сниматься где угодно на Кавказе. Места хватало. А вот в финале обе «армии», вероятно, «брали» одну и ту же местность – Красную поляну…

Так «война на Кавказе» стала открытой схваткой в непримиримой борьбе за кинорынок между двумя первыми русскими фильмпороизводителями. Эти съемки не только окончательно обнажили сам факт конкуренции, но и показали всю ее жестокость.

Дранков своим «Кавказом» отметил 5-летний юбилей выхода собственного и первого русского фильма «Понизовая вольница». А т.к. на рынке оказалось два «Покорения Кавказа», Ханжонков дал своей исторической драме подзаголовок «Пленение Шамиля». 21 ноября 1913 г. этой картиной он открыл новый кинотеатр, который был заложен в августе у Триумфальных ворот – «Пегас». Его построили за 4 месяца (в советские годы станет – «Горном», ныне «Москва»)…

Дранков, в продолжение ставшей традиционной конкурентной борьбы, в 1914 г. удачно снимет фильм «Слезы», детективный сериал «Сонька – золотая ручка», «Маскарад»…

(Кстати, в главной роли с популярным актером дореволюционного кино В. Кривцовым. 12 лет спустя Кривцов возглавит в Сухуме русский театральный коллектив, затем абхазскую труппу для очередной организации постановки первого абхазского художественного фильма…)

Немало интересных, значимых находок для развития русского кинопроизводства было и у Ханжонкова.

Далее по хронологии событий – союз «Дранков и Талдыкин» распадется, а для Ханжонкова наступило «время подлинного расцвета кинокомпании и безраздельного права демонстрации собственных фильмов для императорской семьи…».

Недавно стало известно, что тогда в 1913 г. Ханжонков не впервые снимал на Кавказе. Еще в 1911 г. его Научным отделом был выпущен систематически составленный образовательный киноматериал. Среди тех съемок были достаточно подробные киносведетельства об Абхазии» (см. «Фильмы об Абхазии начала XX в.»).

P.S. В контексте изучения вышеупомянутых фильмов, безусловно, интересно узнать и то, каково было самим кавказцам спустя пять десятков лет наблюдать, как на их глазах разворачивались события, небезразличные для них. А также, как впоследствии воспринимались сами фильмы. Конечно, за давностью срока восстановить достоверные факты того времени, уже маловероятно. И все же. 21 января 1914 г., ровно через 2 месяца после ханжонковской премьеры, в газете «Отклики Кавказа» появляется статья под названием «Горцы Кавказа и кинематограф». Вот строки из этой статьи:

«…Казалось, кинемо должен был оказать большую услугу в деле действительной фотографии удивительных, многообразных проявлений разнообразных особенностей жизни горцев Кавказа, но на деле театр мимики пока оказывает обратную услугу, извращая и преподнося публике все то, чего нет и не было в жизни горцев… В литературе авторы сознательно допускали предвзятые взгля-

ды в описании жизни "горцев", кинемо же воспользовалось горцами, как более сенсационным материалом, ему нет дела до точности копирования передаваемого события или происшествия»…

Встретить столь смелый критический анализ, сделанный в далеком 1914 г., было для меня совершенно неожиданно. (Эти замечания актуальны для кино последующих лет, включая, к сожалению, и настоящее время). Речь, безусловно, шла не только о вышеназванных картинах. Следует учитывать всю кинопродукцию того времени, в котором «образ кавказца» уже практически сложился. Головорез в красочном костюме, увешанный оружием, скачущий на лошади, на фоне исключительной природы… Все это привлекало зрителя. А борьба за зрителя посредством создания кассовых фильмов началась с самого появления кино… Так, независимо от воли самих кавказцев их экранный «образ» (которому предшествовала известная письменная традиция – «мемуаров» некоторых царских генералов…) «пошел в эксплуатацию». Вышеназванные картины, в числе прочих, похоже, «переполнили чашу терпения», что по сообщению вышеприведенной статьи вылилось в собрание группы интеллигентов Северного Кавказа (имена которых, к сожалению не приведены). Здесь интересно другое. На названном собрании не только предъявляются обвинения, но и предлагается конкретный выход из сложившейся ситуации:

«…Учитывая весь нежелательный вред превратного освещения биографии жизни горцев и желая дать русской публике более точные сведения, доступные зрительному ощущению, группа интеллигентов Северного Кавказа нашла желательным инсценировать выдающиеся творения народного эпоса»… Т.е. принято решение о необходимости показать себя самим так, как это отвечает моральным и эстетическим нормам своих народов. Для этого признано «возможным и необходимым инсценировать», в частности, исторический роман из абхазской жизни Д.Л. Мордовцева «Прометеево потомство. Роман из последних дней независимой Абхазии». Было решено также привлечь к финансированию вышеназванной экранизации крупные фирмы России или заграничные «через издателя журнала "Мусульманин" в Париже». Для создания сценария намечено обратиться к «высокообразованному» писателю Георгию Шервашидзе (Чачба) и просить его «указать способ точной реставрации культа горцев с соблюдением всех старейших церемоний». А сделать это обращение князю уполномочен автор цитируемой статьи, учитель из Армавира Симон Басариа.

Обращался ли Басариа к Георгию Чачба, писал ли последний что-либо для кино, увы, не знаю. Но интересен сам факт того, что прогрессивной кавказской интеллигенции, еще на ранних этапах зарождения кинематографа, было небезразлично, как их народы были представлены в кинемо. А дальше?

А дальше, как известно, кинематографии малых кавказских народов не сложились. Но были и другие, кому повезло. Кому досталась дореволюционное наследство (в их числе следствия деятельности бельгийца Пироне в Тифлисе и т.д.).

А что же мы?

На мой взгляд, статья С. Басариа «Горцы Кавказа и кинематограф», написанная в начале 1914 года (более 100 лет назад!), должна показаться нам хотя бы интересной! **Чтобы более ста лет ситуация оставалась без изменений?** Своей дальнейшей непроницаемостью мы рискуем еще сотню лет и далее продолжать

рассуждения о том, насколько тот или иной режиссер удачно или неудачно снял очередной фильм о нас… (К тому же, и съемки-то эти происходят, если повезет, раз в десятилетие.)

Жаль, что в то время, когда во всем мире отпраздновали 120 лет кино я не имею основания закончить статью воодушевленно, ссылаясь на реальные положительные тенденции… Более того, возникает вопрос: почему же то, что так беспокоило наш народ еще век назад перестало иметь сегодня ту остроту и ту необходимость?!

Фильмы об Абхазии начала XX в.

Обычно, в процессе изыскания старых кинолент в течение десятка лет в лучшем случае удается найти одну или две картины, а тут неожиданная удача – подвернулись сведения сразу о нескольких. Сообщения о них имеются в Российском Государственном архиве литературы и искусства. Эти картины познавательного характера сняты в 1911–1916 гг. (!) на одной из первых российских кинофабрик – Акционерном обществе «Ханжонков и Ко».

Следует заметить, что к названным годам еще не совсем сложилось жанровое деление, но относительное разделение на развлекательные фильмы и познавательные, уже случилось. Более того, назрела ситуация, по которой кино было признано необходимой частью образовательного процесса. Так, в частности, в печати появлялись материалы, свидетельствующие о возрастающем интересе педагогов, подобные нижеизложенному: «со стороны школы постоянно раздаются жалобы на то, что кинематографические картины дают хотя и ценный в научном отношении материал, но случайный. Дайте что-нибудь цельное». В этом направлении имелись немалые успехи Московской городской комиссии по организации кинематографических сеансов. Но все же, как писали газеты: «усилия и требования педагогических обществ встречают полную неподготовленность со стороны кинематографических фирм». Одним из тех, кто хорошо знал и понимал образовательное значение кинематографа был кинопредприниматель Александр Ханжонков. В 1911 г. при организованном им «Торговом Доме» был открыт Научный отдел для производства научных, видовых и этнографических картин. Руководителями Научного отдела были А.Л. Дворецкий и Н.В. Баклин. Для съемок научных лент были приглашены консультанты – известные специалисты из числа преподавателей и профессоров Московского университета. Вскоре, Ханжонков преобразует свою фирму в Акционерное общество, а Научный отдел расширяет. Производство научных и популярных лент было нерентабельным из-за высокой себестоимости съемок и ограниченности сбыта, потому акционеры покрывали убытки за счет общей прибыли фирмы. Так, в планах «ханжонковского» Научного отдела предполагались фильмы по сельскому хозяйству, промышленности, химии, физике, медицине. Были сделаны первые шаги в области географии и начались они со съемок на Кавказе. В результате большой работы Научного отдела Акционерного общества выпускается кинематографическая лента «Географический очерк Кавказа» длиной в 1000–1500 м. Материал был разработан на высоком уровне, а сама идея, спустя

более столетия, вполне может считаться образцом современного наглядного пособия, применимом и для нынешней системы образования!

Кино к этому времени, как известно, было немым, отсутствие звука в этом проекте было компенсировано весьма оригинально. Материал был подобран сообразно требованиям педагогики и располагался в следующем порядке: моря, горы, реки и озера, растения, животные, население, занятия жителей, пути сообщения, города и курорты. Для связи отдельных картин в одно целое и сопровождения необходимыми пояснениями, Ханжонков выпускает особый текст в виде удобной картотеки, иллюстрированный теми же фотографиями, которые зритель видел на экране. Получался такой параллельный комментарий.

По такому принципу расположения абхазский материал вполне мог наличествовать, например, в обобщенных лентах: «По Кавказу» (364 м), «Промышленные и технические растения Кавказа» (130 м, где учитывались табак, клещевина, индиго, китайская крапива, гуттаперчевое дерево, каучуковое дерево и др.), «Лекарственные растения Кавказа» (140 м, где речь шла о магнолии, эвкалипте, плакучем кедре, папирусе, лотосе, банане, кактусе, опунции и др.), «Животные Кавказа» (80 м, – буйволы, мулы, верблюды, овцы, козы), «Фруктовые сады Кавказа» (80 м) и т.д. Так это или нет, выявит только нахождение и просмотр самих лент (если таковое уже возможно!).

Самое же ценное и интересное, что несет для нас эта информация – тогда, в 1911 г., фирма Ханжонкова снимала непосредственно в Абхазии. Этот год мы и раньше считали годом первых киносъемок в нашей стране, подразумевая хроникальные съемки другой кинофирмы, французской, братьев Пате. Теперь же, судя по списку картин, датированных 1911 г., отдававшихся в прокатное пользование в 1918 г., мы можем утверждать, что в том году (1911) у нас снимала и фирма Александра Ханжонкова. Ниже приводится перечень абхазских сюжетов из того списка:

– «Сухум» (184 м. Вид на город с моря. Главная улица в туземной части. На центральной улице в праздничный день. Приморский бульвар среди тропических растений),

– «Сухум и его жизнь» (110 м),

– «Новый Афон» (125 м. Общий вид монастыря. Пруд при монастыре…),

– «Клухорский перевал» (197 м, Истоки Клыча, Клычский водопад. Пихты, ели. Глубокий провал. Альпийские травы. Панорамы…).

– «Вверх по лесистому Кодору» (88 м. Военно-Сухумская дорога. Мост через р. Джампал. Узкие ворота Джампала. На 60 версте от Сухума. Вид с древней крепости. Река Чхалта. Берега Кодора…).

Возникает и ряд вопросов. Например, еще следует выяснить, картины «Сады Сухума» (100 м) и «Сады Сухума» (90 м), а также «Военно-Сухумская дорога» (216 м) и «Военно-Сухумская дорога. Куначкирское (так в оригинале. – *Р.П.*) ущелье» (800 м) – это одни и те же сюжеты или все-таки разные?

Или, скажем, в картине «Зеленчук» (183 м) помимо описаний долины Зеленчука есть и упоминание о «снеговых вершинах у Сухума».

Среди работ Научного отдела фирмы Ханжонкова упоминаются «множество очерков» этнографического характера, активно снимавшихся в ряде регионов Кавказа. Кто знает, может, был среди них и собственно абхазский.

В целом временной охват очерков – с 1908 г. (хотя датой организации самого Научного отдела считается 1911 г., возможно в циклы вводились более ранние киносъемки) по 1916 гг. и, как было выше замечено, «Географический очерк Кавказа» явился первым шагом в данном направлении. Вслед за «Кавказом» фирма Ханжонкова выпускает систематически составленные ленты, посвященные Сибири, Москве, Волге… Они были «средактировны» в т.н. программы – географические очерки целых областей и краев. В дальнейшем, таким образом, предполагалось издать на экране полный курс географии России. Были подготовлены ленты, посвященные другим регионам («Туркестан» (1400 м) и др.).

Упущением было бы не сказать здесь несколько слов о самом кинопредпринимателе Александре Ханжонкове (1877–1945). Он был отставным офицером, родом из обедневшего, но уважаемого дворянского рода донских казаков. «Движущиеся картинки» впервые увидел в Ростове-на-Дону в 1905 г. и был очарован ими. Уже в следующем году стал организатором и руководителем компании по производству и прокату кинофильмов… В год начала работы Научного отдела Ханжонковым был выпущен и первый полнометражный русский фильм «Оборона Севастополя», в 1912 г. – первый в мире мультипликационный фильм, снятый в объемной технике и т.д. Им выпускались киножурналы, строились кинотеатры, кинофабрики… Он «зажег» многих первых звезд русского немого кино среди которых В. Гончаров, П. Чардынин, В. Полонский, В. Холодная, Б. Михин… Однако, годы шли и настали другие времена… В 1919 г. компания была национализирована, на ее базе впоследствии созданы «Мосфильм», Ялтинская киностудия…

О таких людях говорят – незаурядная личность, великий организатор. Он был из тех, кто умел реализовать мечту, быть первым. Известно, что вышеприведенные научно-популярные съемки на Кавказе для Ханжонкова были не единственными съемками здесь. В 1913 г. он снимает картину, посвященную 300-летию воцарения Дома Романовых и 50-летию окончания Кавказской войны, однако, это уже другой разговор.

Абхазия – Татарстан. 1929 год

Под впечатлением последних политических, экономических и культурных контактов с Республикой Татарстан, как-то недавнее пребывание президента Абхазии Р. Хаджимба в Казани, прибытие президента Татарстана Р. Минниханова в Абхазию, выступление Татарского симфонического оркестра в Сухуме, вспомнились и другие факты соприкосновений с этой дружественной республикой. В частности, события имевшие место в конце 20-х годов XX в. в области кино.

***

Сложилось так, что не всем советским народам повезло получить щедрое дореволюционное кинонаследство. В некоторых республиках становление кино было сложным и затяжным. Как ни старались организовать собственную киностудию в середине 20-х г., не получалось это и в Абхазии. Желание же снять свой первый фильм было очень велико. Так, правительство ССР Абхазии, наряду с

усилиями в области создания своей киностудии, параллельно и всячески поддерживало идею создания общей кинобазы для народов Востока, не имевших собственного кинопроизводства. В марте 1928 г. была организована киностудия «Восток-кино». Картины на абхазские темы предусматривались в числе первых плановых фильмов. Однако, как показали исследования, этот «**путь в Абхазию» начался из Казани**, где после съемки первого татарского художественного фильма «Булат батыр» (1927–1928) оказался готов еще один сценарий по пьесе Рахманкулова «Пучина». К его постановке приступили на киностудии «Восток-кино», режиссером картины стал Валериан Инкижинов.

Валериан Инкижинов – первый профессиональный бурятский кинематографист. С 1915 г. занимался в студии Мейерхольда. Он был заметен с первых шагов актерской карьеры. Современники отмечали его «сверхъестественную виртуозность, пластичность, ловкость, акробатичность», «…напоминающие пластику тигра». В 1920 г. учился в мастерской Льва Кулешова и был ассистентом Мейерхольда. В 1924 г. был режиссером и актером Харьковского театра «Березиль». Его первой режиссерской работой должен был стать фильм «Базар похоти» по сценарию Тараса Немчинова (общий псевдоним Г. Александрова и С. Эйзенштейна), однако съемки не были осуществлены. В 1925–30 гг. в качестве режиссера работал на киностудиях «Пролеткино», «Совкино» (Москва), «Восток-кино» (Ялта). Снял в качестве режиссера фильмы «Расплата» (1926) и «Вор» (1927). В 1928 г., исполнив главную роль в фильме В. Пудовкина «Потомок Чингисхана», (вошедший в золотой фонд советского и мирового кино), стал всемирно известным актером. Следующая его работа в кино снова была режиссерская – постановка того самого фильма, о котором мы говорили выше – на татарскую тему, по пьесе Рахманкулова «Пучина». Таково было и первое рабочее название фильма, однако более известна картина под названием «Комета».

Фильм рассказывал о тяжелой доле простого татарского народа. Снимали его два оператора. Справедливее будет сказать – два замечательных оператора. Один из них, представитель старшего поколения профессиональных советских кинооператоров – Б. Франциссон (в кино с 1916 г. Среди снятых им к рассматриваемому периоду фильмов: «Дневник Глумова» (1923 г., реж. и сцен. С. Эйзенштейн), «К надземным победам» (1924 г., реж. Ал. Анощенко), «Веселая канарейка» (1925 г., совм. с П. Ермоловым, реж. Л. Кулешов, в ролях были заняты **В. Инкижинов, Г. Кравченко, В. Пудовкин**), «Эх, Яблочко…» (1926 г., сцен. **В. Туркин**, реж. Л. Оболенский, М. Доллер), «Девушка с коробкой» (1927 г., сцен. **В. Туркин**, В. Шершеневич, реж. Б. Барнет).

Выше мы сказали, что в фильме было два оператора, так вот другой, стоявший рядом с маститым Франциссоном был – В. Патэ-Ипа. Так написано в титрах. Вернее, конечно, «Пате-ипа», но непривычная для неабхазского уха фамилия (и до этого и после) не раз писалась искаженно. Скажем, в титрах картины «Два ключа» было написано «Пате-Иппа» (или иной раз вообще писали «Пате – Инна»…). Был документ, в котором за фамилией в скобках следовало следующее пояснение: «…возможно речь идет о кинооператоре Пате». Лично мне «кинооператор Пате» неизвестен. Думаю, из-за совпадений в годах и созвучия фамилий – путали с известными братьями, стоявшими у истоков французского и мирового кино. (Т.е. были и те, кто думал, что В. Пате-ипа есть кто-то

из Пате). Так, мы уже с вами беседуем о другом операторе фильма «Комета», о Викторе Пате-ипа.

Виктор Дмитриевич Пате-ипа родился (22.04.1898 г.) в с. Лыхны Гудаутского участка. Работал на кинофабриках Харькова, Одессы, Киева. В конце 1924 г. вернулся в Абхазию. В январе 1925 г. был командирован в Москву в Техникум кинематографии. Многие годы снимал кинохронику в Абхазии, в разных регионах Кавказа, Поволжье. Известные снятые им фильмы: «Под властью адата» (совм. с Н. Козловским, реж. В. Касьянов, Ленинградское отд. Госкино, 1926), «Потомок араба» (сцен. Н. Шпиковского, реж. Я. Морин, перемонтаж Григ. Васильева, 1926), «Абхазия на экране» (автор-оператор, «Абкино», 1926), «Закон гор» (совм. с А. Поликевичем, реж. Б. Михин, 3-я фабр. Госкино и Госкинопром Грузии, 1927), «Секрет секретов» (автор-оператор, Промыслово-кооператив. товарищество «Межрабпром Русь», 1928), «Марийцы» (реж. Н. Прим, «Восток-кино», 1929) и др.

Мы не знаем всего, что он снимал в эти годы и, лишь опираясь на воспоминания родственников, можем попытаться восстановить хотя бы приблизительную фильмографию. Среди этого предварительного списка выявляются и картины, снятые за пределами СССР, – такие как «Афганистан», «Монголия» (тут возможно речь идет о регионе, который тогда назывался как «Бурят-Монголия»?). Для оператора киностудии «Восток-кино» это была нормальная, обычная работа.

Кратко хотелось бы остановиться на последнем фильме – «Монголия». Полагаю, что съемка этого фильма могли осуществляться не по текущему тематическому плану кинофабрики, а по сложившейся необходимости. Похоже, что по жанру это была культурфильма, включавшая в себя и хроникальный материал, и этнографию, и географию… Сопоставляя с событиями, последовавшими сразу после этих съемок, невольно приходит мысль или создается впечатление, что между «Монголией», который снял В. Пате-ипа и «Потомком Чингисхана» Пудовкина, есть какая-то связь?

Можно ли предположить, что появление картины на тему монгольской этнографии, природы… могло понадобиться для наглядности, чтобы лучше ознакомиться с интересующим материалом, с монгольским народом, чью среду следовало воспроизвести, отобразить Пудовкину и всей творческой группе? Тем более, что съемки «Потомка» проходили далеко не в самой Монголии и сохранились воспоминания авторов о реальных съемках натуры, обряде в дацане в Бурятии… Чтобы, несмотря на близость культур, не терять собственно монгольской струи фильма. Однако, мы уже говорим о режиссерской постановке исполнителя главной роли «Потомка Чингисхана» В. Инкижинова. Вскоре, он сам как режиссер ставит фильм на «Восток-кино» – «Комета». В качестве помощника, а также одного из операторов он приглашает Виктора Пате-ипа. (Знакомство их состоялось еще в Харькове на театральных подмостках. Затем у обоих была работа на «Совкино» и, наконец, «Восток-кино»). Как сложилось уже по традиции, Виктор на съемочной площадке успевал быть немного и актером тоже (насколько позволяла ситуация). Он хорошо знал этнографические особенности не только кавказских, но и многих восточных народов, и режиссеры высоко ценили это. Тут следует сделать отступление и заметить, что среди кинорежиссеров, которых предполагалось пригласить в Сухум для постановки первого абхазского фильма в середине – конце 20-х гг. были В. Пудовкин, Б. Михин, С. Эйзенштейн,

Валериан Инкижинов. Полагаю, что есть основание считать участие Виктора в татарском проекте не случайным (как скажем было с фильмами «Закон гор», «Два ключа»).

В некоторых версиях сведений о фильме «Комета» имени Виктора Пате-ипа нет, указывается только Б. Франциссон, но документальных свидетельств об участии Виктора более чем достаточно. Приведу некоторые.

Многие родственники Виктора, из тех, с кем мне довелось беседовать, включая его дочь Софью Викторовну Хомутову, неоднократно сообщали об его участии в съемках «Кометы». Писала об этом и супруга Виктора, Софья Ивановна Иванова в письме от 28 ноября 1968 г. на имя первого секретаря Абхазского обкома КП Грузии В. Кобахия: «…Им как кинооператором были засняты к/картины… "Комета"…».

Приведу так же цитату из письма директора «Госфильмонда» СССР В. Привато от 16 апреля 1969 г. (кстати, это был ответ на запрос начальника архивного управления при СМ Абхазской АССР Тулумджана от 7 марта 1969 г.):

«…По имеющимся у нас сведениям, он как оператор принимал участие в создании фильмов Комета (совм. с Б. Франциссоном, 1929 г., производство Ялтинской студии Востоккино, это о дореволюционной Татарии), Марийцы (1929 г., Ялтинской студии Востоккино, этнографический очерк)…» и т.д.

Надо сказать, что именно в те годы, Виктор Пате-ипа был в наилучшей профессиональной форме. Он стоял за камерами разных модификаций рядом со многими именитыми дореволюционными и начинающими, молодыми, активно ищущими советскими кинематографистами. Это были яркие личности, которые собственными поисками, находками, умением и дерзанием утверждали методы и средства выражения нового советского кино. Одним словом, создавали язык кино. Он был не просто одним из них. Образованный, изобретательный – мастер своего дела. О его высокой квалификации свидетельствовали многие. Наряду с рассказами о профессиональной деятельности, как правило, следовали многочисленные примеры его человеческих, особо гуманных качеств, необыкновенной коммуникабельности. На съемочной площадке он был незаменим: мог одинаково хорошо работать за и перед камерой, правильно установить свет, фон (часто изобретая его из подручных материалов), внести поправки в сценарий…

Кстати о сценарии. Его к фильму «Комета», по пьесе Рахманкулова «Пучина», написал уже известный к тому времени сценарист – **Валентин Туркин**.

В.К. Туркин (06.02.1887 г. – 10.01.1958 г.). В 1923–1924 гг. – ответственный секретарь Художественного отдела Госкино, в 1924–1927 гг. – зав. сценарного отдела киностудии «Межрабпомфильм», в 1927–1928 гг. – зав. учебной частью киноконкурсов Б. Чайковского, с 1928 г. – преподаватель ГТК (позже, благодаря и его участию ставший ВГИКом). Автор сценария многих известных и популярных фильмов: «Венецианский чулок» (1915), «Грезы» (1917), «Сердце ищет его в одинокой тоске» (совм. с М. Басовым), «Без исхода» (1918), «Не пойман – не вор» (1923), «Долина слез» (1925), «Закройщик из Торжка» (совм. с Б. Марковым, 1925), «Коллежский регистратор» (1926), «Эх, яблочко…» (совм. с Ф. Оцепом, 1927), «Девушка с коробкой» (1929), «Привидение, которое не возвращается» (1929), «Комета» (1929). Это краткий перечень созданных им киносценариев до

1929 г. Останавливаемся здесь не случайно. Следующий написанный им киносценарий мы особо упомянем ниже.

Туркин был одним из лучших советских профессиональных киносценаристов, умевших писать в соавторстве. Особенно значимы его работы с национальными авторами, что было бесценно для становления национальных киностудий.

В «Комете» были заняты многие известные актеры, востребованные в кино тех лет: Б. Бугаев (учитель медресе), **Галина Кравченко** (Хаят), **Петр Репнин** (Габидуллин), **Михаил Яншин** (Савва), Каюм Поздняков (кучер), З. Баязедский (Самат-Хальфа), Н. Беляев, И. Бобров, В. Вод.

С точки зрения сегодняшнего дня картину, бесспорно, следует назвать легендой. Несмотря на то, что она не дошла до наших дней – дошло понимание ее значимости. Т.е. за прошедшие десятилетия не перестала быть событием. Об этом свидетельствует и тот факт, что упоминания о ней, как одной из знаковых, имеются у всех историков советского кино (Н.А. Лебедев, Х. Абул-Касымова, Я. Айзенберг и др.). И все же предстоит многое изучить, перепроверить. Например, в журнале «Казань» (№ 9, 2004 г.) было сообщение о том, что фильм создан на Казанской Студии «Восток-кино», хотя ранее принято было считать, что постановка осуществлена на Ялтинской студии «Восток-кино». Одним словом, работа по изучению картины продолжается, а значит, появляются новые сведения о сопутствовавших картине фактах. В т.ч. из творческой биографии ее создателей… Скажем, разве не интересен такой: сценарист фильма Валентин **Туркин** следующим после «Кометы» пишет сценарий первого абхазского полнометражного художественного фильма «Ткварчелы». По либретто Михи Лакрба, между прочим. В этом году исполняется 85 лет с момента выхода фильма на экран. Интересно и то, что среди тех, кто приглашался на съемки «Ткварчел», были актеры из «Кометы»: **Петр Репнин, Михаил Яншин, Галина Кравченко**. Принято считать, что эти фильмы не сохранились, потому достоверно говорить что-либо сложно. И все же оговорю, что если вышеназванные актеры были заняты в абхазском фильме, то получается, что, например, Галина Кравченко на съемки в Абхазию прибывала уже во второй раз. Первый раз ее приглашали на главную роль (Щазины) в «Махаджирах» в 1926 г., но тогда по сложившимся обстоятельствам съемки не состоялись. (Кстати заметить, Кравченко тогда в Сухуме познакомилась с другим, приглашенным на те съемки актером, Н. Сановым, который спустя годы стал ее супругом.) Значит, Кравченко (род. 11.02.1905 г. в Казани), которая в 1927–1928 гг. была исполнительницей главной роли в первом татарском фильме «Булат батыр», затем в «Комете», могла исполнить главную роль в первой абхазской картине еще за 2 года до «Булат батыра»? И возможно участвовала в съемках «Ткварчел»? Они с Виктором Пате-ипа учились в одно и то же время на натурном факультете (как тогда называли актерский) Техникума кинематографии, куда между прочим, Кравченко, попала по настоятельной просьбе В. Пудовкина (режиссера фильма «Потомок Чингисхана»).

Какое переплетение судеб!

К этому времени сценарист В. Туркин (вышеупомянутый автор сценария татарской «Кометы») уже написал сценарий абхазского фильма и уже прочел свою версию в Сухуме. Сохранился протокол той первой читки от 28 октября 1929 г. с

исправлениями Д. Гулиа, А. Чочуа, С. Басариа, К. Дзидзариа и др. К счастью, хоть и с немалыми проблемами, но съемки этого фильма в Абхазии состоялись.

Состоялись без Инкижинова и Пате-ипа!

Т.е. по непонятной причине, после окончания «Кометы», Инкижинов в Абхазию не попадает, хотя ведущая часть творческой группы его татарского фильма, похоже, прибывает сюда. То же и Пате-ипа. Вместо того, чтобы единственному профессиональному кинематографисту прибыть на родину на съемки первого национального фильма (!) – он продолжает съемки в Поволжском регионе…

Вскоре, по все той же непонятной причине картина «Комета» исчезает из всесоюзного проката.

Отсутствие архивных материалов затрудняют исследование. И все же не отпускает ощущение того, что было какое-то препятствие приезду Инкижинова в Абхазию. (То же можно сказать и о Фрелихе, согласившемся после Инкижинова снимать «Ткварчелы»). А Инкижинов не принял и предложение Л. Курбаса руководить театром в Харькове. Он продолжал преподавать клоунаду в цирке… Последняя информация, связанная с именем Инкижинова в прессе, была в газете «Кино» в ноябре 1929 г.: «Режиссер Валерий Инкижинов закончил постановку картины "Комета" и выехал в месячный отпуск в Париж, где он познакомится с работой по звуковому кино».

Обратно он не вернулся. «Комета» стала последней работой в кино в СССР. Злые языки судачили о разном. Он же лишь в 1954 г. в интервью советскому журналисту рассказал: «…Случилось нечто непоправимое, что в корне перевернуло мою собственную жизнь. Я получил из Парижа сообщение от моей жены, что там умерла моя дочь. Я должен был ехать…»

Так или иначе, о «невозвращенце» в СССР «забыли». Имя его было запрещено и даже выведено из титров «Потомка Чингисхана»! (Это исполнителя главной роли!). Есть мнение, что все фильмы Инкижинова были уничтожены. Остается догадываться, какова могла быть судьба картины «Комета»?! Хотя в душе, конечно, есть надежда, что хоть одна копия могла случайно уцелеть…

Инкижинов прожил долгую (71 год) плодотворную жизнь, на протяжении которой снялся, кажется, у всех значимых кинорежиссеров Франции, Англии, Германии. Вот имена некоторых: Фриц Ланг, Жюльен Дювивье, Роббер Виен, Вернер Клингер, Петер Хаген, Кристиан – Жак, Кармино Галлоне, Ален Дэно, Жорж-Вильхельм Пабст, Вейт Арлан… Есть сведения о съемках в Голливуде. Вот такой Валериан Инкижинов!

Сегодня его имя постепенно возвращается на Родину, в родную Бурятию. Как постепенно возвращается и имя первого абхазского профессионального кинематографиста Виктора Пате-ипа. Хотя пути их разошлись тогда, в конце 1929-го, спустя годы, в 1941 г., грузинское НКВД, приписывая Виктору «предательство родины и шпионаж», в числе прочих земных и неземных грехов вменяли ему в вину дружбу с Дмитро Бузько, Владимиром Нильсеном, Валерианом Инкижиновым… А также то, что возил по всей Абхазии на арбах кинопередвижки, показывая в числе прочего и заграничные фильмы (понятное дело, «идеологически враждебные»!). Вероятно, были среди них фильмы, в которых снимался популярный европейский актер – Инкижинофф…

Вернемся к тому, с чего начинался наш разговор. «Пройдя» сквозь годы и события, мы проследили, как налаживались контакты в области кино, как перекликались съемки первого абхазского и одного из первых татарских фильмов. Или это было повествование о том, как первые бурятский и абхазский кинематографисты снимали один из первых татарских фильмов. Эти факты сами по себе являются замечательными страницами истории многонационального советского кино.

Страница из истории цветного кино

Изучая историю кино в Абхазии, я довольно часто сталкиваюсь с фактами, значение которых выходит за пределы нашей страны. Так, ниже предлагаю сведения об одном из таких событий, имевшем место осенью 1939 г., связанное с первыми шагами в области разработки цветной киносъемки в СССР. И, чтобы лучше разобраться в сути вопроса, окинем взглядом историю: что вообще было к этому времени цветное кино.

Первый полноценный фильм – был короткометражный «Кукарача», выпущенный в 1934 г. В следующем году вышел полнометражный – «Бекки Шарп», юбилей которого в прошедшем году широко отмечался мировой кинообщественностью.

В Советском Союзе первый цветной художественный фильм был снят в 1936 г. режиссером Н. Экком и оператором Ф. Проворовым. Он назывался «Груня Корнакова» («Соловей-соловушка»). Но советские кинематографисты, как и их коллеги во всем мире, были далеко не довольны ни техникой, ни цветом, получаемым на пленке. Цвета, собственно, не хватало…

С другой стороны, если обратиться к хронологии развития цветного кино, то есть специалисты, которые склонны считать, что цвет в кино был всегда. Имеется в виду окрашивание Мельесом копий анилиновыми красками, а за ним и прочих производителей фильмов. Позже на фирме «Пате» придумали способ массового окрашивания уже готовых фильмов по трафарету в 3–4 краски… Конечно цвета были условные, декоративные, а сам процесс – достаточно сложен и дорог, но цветной фильм пользовался большим зрительским успехом, поэтому усилия множества изобретателей были направлены на получение на пленке естественных цветов. Теоретически такую возможность обосновали еще в середине XIX в. Были предложены и способы воспроизведения натуральных цветов – аддитивный, основанный на смешении трех основных цветов (синего, зеленого и красного) и субтрактивный – на вычитании из белого цвета дополнительных цветов (желтого, пурпурного и голубого). Позже создание эмульсий чувствительных ко всем лучам спектра, позволило начать обширные эксперименты по получению цветоделенных изображений и их проекции на экран… Идей и патентов было немало. Первый широкий показ «цветных» кинолент был осуществлен в 1909 г. компанией «Кинемаколор»…

Теперь кратко о киноаппаратах, т.к. наш разговор о технологии и технике – параллельный.

Для съемки таким способом, понятное дело, должны были создаваться специальные киноаппараты. За всю историю кино только несколько десятков мо-

делей киноаппаратов выпускались массовыми сериями более 1000 экз. Чаще число аппаратов в одной серии не превышало нескольких сотен, иногда же ограничивались десятками. Известны случаи создания единичных экземпляров. Из наиболее известных аппаратов массового производства назовем «Аймо», «Белл-Хауэл», «Митчелл»… В Европе так же использовали аппараты фирмы «Дебри», «Аскания» и, конечно же, «Техниколор». Всеобщее признание к последнему пришло в 1935 г., после выпуска той самой «Кукарачи» (хотя было известно и то, что за два года до этого события Дисней снял им – «Глупые симфонии» и «Цветы весной»). Широкий показ вышеупомянутой «Кукарачи» стал поворотным пунктом в истории развития цветного кино. Рассказывали, что Сталин, посмотрев фильм, рекомендовал начать разработку советского способа цветного кино.

Т.к. в нашу задачу не входит подробное исследование настоящего вопроса, мы обобщенно упомянем основные вехи этого процесса. Сложилось так, что в советском кино с самого начала имелись свои интересные разработки. По некоторым источникам, 18 октября 1931 г. в Научно-исследовательском кинофотоинституте (НИКФИ) под руководством Н. Агокаса, **Ф. Проворова** и П. Мершина была развернута съемка фильмов по двухцветному методу. 31 августа 1932 г. было начато оборудование лаборатории по цветному кино на к/с «Межрабпромфильм». 24 ноября 1932 г. в Ленинграде, на открытии первой всесоюзной конференции по научной фотографии, впервые были показаны цветные киносъемки лаборатории цветного кино НИКФИ. 1 января 1933 г. состоялся просмотр экспериментального фильма «Симфония мира» – звуковой цветной мультипликации по методу рисованного звука Е. Шолпо. К этому же периоду специалисты относят несохранившиеся цветные эпизоды, снятые осенью 1933 г. оператором Г. Кабаловым на «Межрабпромфильме» для «Великого утешителя» – игрового фильма Кулешова. А эксперименты в 1934 г. для следующего фильма А.И. Медведкина «Счастье» (кстати, были первыми цветными съемками на «Мосфильме»), провалились. Тогда такое случалось часто. У каждого оператора были свои секреты… Но наступил 1935 г., режиссер Н. Экк и оператор Ф. Проворов снимают на «Межрабпромфильме» экспериментальный фильм «Карнавал цветов». В следующем году – вышеупомянутый первый советский цветной игровой фильм «Груня Корнакова». Картины снималось по двухцветному субтрактивному виражному методу, или просто двухцветному методу, или еще короче – «двухцветке». Два последних фильма отличались максимально возможным для этого метода совершенством. На киностудиях «Межрабпромфильм» и «Союзкинохроника» эту технологию разрабатывал **Ф.Ф. Проворов,** на «Мосфильме» – Н.Н. Агокас, А.Н. Иорданский, на Киевской студии – Д.М. Золотницкий. Несмотря на схожесть разработок этих исследователей, специалисты особо отмечают, что, анализируя разные фильмы, следует быть предельно внимательными, т.к. каждая лента может быть единственным сохранившимся образцом той или иной авторской технологии.

Вернемся к съемочным аппаратам. Часть вышеназванных работ производилась камерой ЦКС-1, разработанной в Союзе. Возможно, она была не столь совершенна, но позволила начать съемки цветных полнометражных художественных фильмов. Вместе с тем помимо своих разработок использовались и киноаппараты, которыми пользовались в Европе, фирмы «Дебри» и «Аскания», но

в переделанном виде. Так, в 30-е годы заграничными аппаратами были сняты несколько фильмов. В их числе, упомянутая нами «Груня Корнакова», позже, в 1939 г. «Сорочинская ярмарка», того же режиссера **Н. Экка**. Затем была «Майская ночь» режиссера Н. Садковича, а также десяток документальных и анимационных фильмов. Но до естественного отображения цвета, цветов все не хватало. Все еще не совершенны были киносъемочные аппараты. Самые смелые новаторы продолжали упорные эксперименты в области производства съемок уже трехцветным способом.

К 1938 г. изобретателю и оператору П.М. Мершину удается разработать трехцветный субтрактивный способ (параллельно ему того же достигнет и другая группа разработчиков). Наконец, получить нужное количество копий как будто уже было можно, но сложность заключалась в проведении самой съемки.

Одним из самых смелых, настойчивых, с характером, я бы сказала, операторов советского кино был, не раз нами упомянутый **Ф. Проворов**. Свои поиски он не оставлял никогда и всегда был в лидирующей группе разработчиков – экспериментаторов цветного кино. Осенью 1939 г. Проворов прибывает в Абхазию. На дворе был октябрь, а оператору нужны были яркие естественные природные цвета. Как тут не вспомнить пророческие слова одного из основоположников советской операторской школы Ю.А. Желябужского, первым высказавшегося о природе Абхазии как благоприятном фоне для круглогодичных съемок. **Проворов** прибыл в Сухум от киностудии не один, а вместе с режиссером, что означает уже киноэкспедицию. Этим режиссером был **Николай Экк**. Да, речь идет о том самом Экке и о том самом Проворове, снявшими в 1936 г. первый советский цветной фильм «Груня Корнакова». А еще раньше, в 1931 г., именно их творческим дуэтом создан первый советский звуковой фильм «Путевка в жизнь» (в текущем году исполняется 85 лет со времени выхода фильма на экраны СССР). (Забегая вперед заметим, что придет время, когда Экк создаст первый советский стереоскопический фильм для безочкового метода – «Человек в зеленых перчатках»). На тот момент на экранах большой страны, в т.ч. и абхазских кинотеатров, с большим успехом шла их последняя картина – «Сорочинская ярмарка». Во время их пребывания, в санатории «Синоп» состоялась встреча с отдыхавшей здесь публикой и многими сухумцами, организованная В. Пате-ипа.

Итак, шел 1939 год, Проворов и Экк разворачивались в Сухуме. О Проворове мы выше сказали несколько слов, хочется заметить, что и Экк был из тех режиссеров, которые имели обыкновение реализовывать свои замыслы технически качественно. Потому очередная встреча этих двух кинематографистов была не случайна. Их сотрудничество не раз принесло успех советскому кино. Полагаю, за экспедицией следили с трепетом: что на этот раз? Нет сомнений, что выезд был не рядовым апробированием лабораторных разработок. 15 октября Н. Экк сообщал газете «Советская Абхазия», что они прибыли для «сбора материалов, выбора натуры, установки места съемок нового большого многоцветного фильма». Фильм посвящался труду и отдыху в Советском Союзе. О самих съемках со слов Экка газета писала:

«… До сих пор цветные фильмы снимались в двух красках. Недоставало лилового, зеленого и ярко-желтого цвета. Сейчас изготовлена специальная съемочная советская камера для многоцветной съемки в натуральных цветах». Под

небольшой статьей дана фотография Экка, сделанная фотокорреспондентом Сергеем Коротковым. А 18 октября в той же газете была размещена фотография Ф. Проворова, подписанная: «Кинооператор Ф. Проворов, снимавший первый цветной фильм, сейчас находится в Сухуми, где будет снимать первый многоцветный фильм».

Т.е. Проворов и Экк снимали первый советский художественный фильм методом «трехцветки» на базе новой (в чем-то первой) советской камеры, разработанной для этого способа. И речь следует вести о том случае, когда испытывался единичный специализированный экземпляр съемочного аппарата. Мы уже говорили о том, что у каждого экспериментатора были свои секреты. И камера эта, конечно, была как-то по «проворовски» усовершенствована.

И еще. В прибытии экспедиции именно сюда имелась и другая особенность. К тому времени в Абхазии жил и работал известный в операторских кругах человек, хорошо знавший съемочные аппараты – Виктор Пате-ипа. Он мог организовать все необходимые условия для столь важного эксперимента, который должен был быть больше, чем просто эксперимент. По сути, с этого фильма начинался новый этап освоения цветной съемки в СССР. О Викторе говорили, что на съемочной площадке он был богом. Многие годы Пате-ипа проработал в лабораториях практически всех киностудий Москвы и Ленинграда. Судя по письменным свидетельствам (справкам, отзывам, выданным киностудиями, конкретными кинооператорами) хорошо владел киноаппаратами известных к тому времени модификаций. Это подтверждают и сохранившиеся фотографии. Виктор очень любил кинематографическую технику и сам был смелым экспериментатором. Немаловажным являлось то, что он, будучи оператором, ассистентом многих ведущих советских кинооператоров и кинорежиссеров, умел профессионально организовать съемочный процесс. Чего-то стоила, например, помощь В. Нильсону в съемках фильма «Веселые ребята», где впервые в советском кино были осуществлены столь масштабные транспортные съемки. Известны его старания в продвижении метода фундусных декораций Михина и пр. и пр.

Не следует забывать и о том, что не так давно в кинематографических кругах поговаривали о строительстве в Абхазии центра для советского кино, т.н. «Советского Холливуда»… Одним из оснований последнего, являлось наличие здесь круглый год света, цвета… А ведь шел октябрь. Точнее, уже была середина октября. И куда же было ехать, как не в Абхазию для съемки цветного фильма?! Тем более, здесь был Виктор Пате-ипа!

Виктор, как настоящий абхаз, безусловно, всегда был рад гостям. Они были друзьями еще с Техникума кинематографии: Экк (Ивакин) и Пате-ипа. В 1928 г. оба работали на киностудии «Межрабпрофильм». Виктор снял в том году на этой киностудии, как автор-оператор, фильм «Секрет секретов». По возвращению в Абхазию Пате-ипа звукофицирует в 1933 г. к/т «Апсны», и есть сведения очевидцев, что первый фильм, который он показал абхазскому зрителю, была «Путевка в жизнь» Экка и Проворова.

О том, что Виктор был хорошим организатором и хорошим оператором – факт общеизвестный. До войны была фотография, на которой он стоял с камерой КСМ. Кто знает, может в означенные годы область его интересов распространялась и на это направление? Тогда, возможно неслучайно, именно сюда

ехали Проворов и Экк, минуя Крым и прочее Причерноморье? К сожалению, нам многое о нем неизвестно. В том числе и то, чем Виктор по существу вопроса помогал Проворову. А та фотография Виктора, с камерой КСМ – этого периода или раньше (позже)?…

Что же касается тех сухумских съемок, похоже, они не удались… Сведения об этом еще нужно изыскивать в соответствующих архивах.

Поиски «трехцветного» метода (или трехцветного субтрактивного способа, или «трехцветки») в кино вообще были трудными и долгими. Хотя этим способом и были сняты цветные неигровые ленты с 1939 по 1943 гг., но на большой метраж, на игровое кино, как-то не решались. Проблему «законсервировала» начавшаяся война. Только в 1943 г. Проворов таки добивается своего! Уже с другим режиссером, И. Савченко, на вернувшейся из эвакуации студии «Мосфильм» осуществит съемки первого советского трехцветного художественного фильма, о котором говорили, мечтали в Сухуме он, Экк, Пате-ипа. Теперь этим фильмом стал – «Иван Никулин – русский матрос». Несмотря на огромные трудности военного времени в 1944 г. фильм вышел на экраны.

***

В. Яковлев

«Кино в деревне». Из дневника кино-механика

Сегодня жарко… Еле, еле тянутся буйволы. Жалобно скрипит несмазанная арба.

Колхозница усердно настегивает, прикрикивает:

– Ей, дицейт, дицейт, пошли, пошли!

Подъезжаем к деревне. Гурьбой высыпает детвора.

Цирк, цирк, приехал – несется восторженные возгласы и выкрики собравшихся крестьян

– А когда будет цирк? Почему ты один приехал? – спрашивают, думают, что я цирк.

– Нет, я один. Это не цирк, а кино.

Объясняю задающим вопросы, но не знаю, поняли они меня.

Меня зовут подкрепиться.

За обедом хозяин не смог побороть свое любопытство. Расспрашивает: а что там у тебя за инструмент?

– Это кино-аппарат, объясняю я. Вот вечером увидите, что это такое.

Наступил вечер.

Темно на стропилах балкона. Висит в рамке экран. Некоторые из любопытных подходят к нему, пробуют руками, спрашивают – что это такое, почему так блестит, серебряный, что ли, из чего он сделан. Объясняю, что это простое полотно, покрытое алюминием.

– А что такое алюминий? – спрашивают.

Объясняю, что алюминий – легковесный металл.

Начинаем сеанс.

На полотне картина сменяется картиной. К экрану подходит крестьянин. Пробует поймать ходящих людей. Потом обращается ко мне – спрашивает:

– Как это люди ходят, а ничего не говорят.

Объясняю, как все делается, удовлетворенный ответом, садится на место и объясняет уже своим соседям.

Появляется картина «Жизнь Ленина». Раздаются восторженные аплодисменты. Долго не смолкают они.

Комсомолия восторженно выкрикивает непонятные мне слова по-абхазски. Конец картины. Просят еще раз показать – показываю два, три раза одно и то же.

В антрактах молодежь танцует, поет. В общем, этот вечер надолго останется в их памяти. Просили еще раз приехать. Привезти другие картины: больше сельскохозяйственных и комических.

Так изо дня в день. Ходит Великий Немой по деревне.

Будит ее. Хоть и нем. А язык его красив и могуч.

Кино прокладывает дорогу в деревню.

Кино завоюет деревню.

Газета «Трудовая Абхазия», № 198, 3 сентября 1925 г.

Послесловие

Републикованная выше статья появилась 92 года назад в предшественнице газет «Советская Абхазия» и нынешней «Республики Абхазия» – газете «Трудовая Абхазия» № 198 за 3 сентября 1925 г. Автор статьи В. Яковлев. Пояснить, кто был этот человек, пока не представляется возможным. Вся информация о нем ограничивается заголовком статьи – «из дневника кино-механика». Название статьи очень лаконичное и показательное. В духе, или точнее, в струе времени. Именно того конкретного этапа. Поясню, что это значит.

Если скажу, что всевозрастающее значение кино и его идеологическая польза были оценены еще на заре создания нового советского государства, то вряд ли сообщу что-то новое. А вот проследить (даже в самых общих чертах), как создавалась эта идеологическая система, через которую стало возможным нести в массы нужные идеи, думаю, будет достаточно интересно. На примере использования кино, именно, линии кинофикации деревни, на примере отдельно взятой советской республики – Абхазии.

Само кино на тот момент становилось все более «самым массовым и зрелищным» идеологическим инструментом, а потому и не могущим быть упущенным. Этап, когда удивлял сам факт того, что на экране каким-то образом двигаются живые люди, да еще несут эмоции, прошел быстро. Потребовалось более действенное и значимое наполнение содержанием. С появлением же фильмов с нужной установкой – активно принялись их внедрять в массы. Анализ документов тех лет показывает, что с каждым годом действия в области проката становились все более и более продуманными.

Так, уже в 1920 г., более чем серьезно говорили о необходимости большего внимания внедрению кинематографа в массы, в частности, в деревню. Об этом

свидетельствует, например, резолюция II Всероссийского съезда Всерабиса[1], в которой замечалось: «…недостаточно широкое и нецелесообразное применение кинематографа в целях пропаганды агитации и просвещения народных масс в городе и деревне». В одном из документов от 21 июня 1921 г. кино признавалось средством «…могущее сразу встряхнуть нашу деревню, насытить абсолютный духовный голод городских и сельских масс». Или вот еще, для привлечения внимания к кинематографу (прокату) как «… делу, которое единственно даст нам полную возможность завоевания крестьянских масс в период нового пополнения пролетарских сил, сейчас подорванных и распыленных…». Или в том же ряду следующий факт. X съезд Советов РСФСР, который проходил 27 декабря 1922 г. принял (по докладу А.В. Луначарского) постановление о работе Наркомпроса, в котором, в частности, указывалось на «огромное агитационное и просветительное значение кино… для широких масс населения» и предлагало Наркомпросу немедленно принять меры к развитию этого дела «в духе, соответствующем интересам культурного и политического развития рабочих и крестьян». Так, деревенский кинопрокат становился методом активной советизации крестьянства путем повсеместной кинофикации (позже, конечно, в купе с избами-читальнями и радиоточками).

В развитии кинодела советской страны особую роль сыграл XIII съезд РКП(б) (проходил в Москве 23–31 мая 1924 г.), отметивший в своей резолюции об агитпропработе «необходимость усиления внимания» к нему и то, что «до сих пор партии не удалось подойти вплотную к надлежащему использованию кино и овладеть им». Он наметил ряд организационных мер по улучшению кинодела.

Все эти резолюции и прочие документы не только доходили до Абхазии, причем напрямую, т.к. известно, что на совещаниях, съездах принимали участие представители соответствующих ведомств союзной республики Абхазии, но и сыграли (т.к. и должно было) свою роль. (С точки зрения повышения культурного уровня масс, во многом положительную). Действительно, при изучении вопросов, связанных с кино в Абхазии, мы видим реальную оперативную реакцию. Так и сейчас, после XIII съезда партии, через три месяца, в сентябре отдел агитации и пропаганды Абхазского обкома партии в своем обращении к уездным политпросветам писал: «… резолюция XIII съезда партии настоятельно требует направить усилия на то, чтобы дать кино в деревню, приблизить его к самой толще деревенского населения, дав действительно культурный и политико-просветительский подбор картин, использовать это мощное оружие так, как оно этого заслуживает… Абхазия и здесь не останется позади, Совнаркомом отпущены средства на приобретение одной передвижки и в скором времени она выедет для обслуживания деревни. Все кино-дело будет сосредоточено в руках Главполитпросвета, который при содействии мест предполагает, как открытие кино в уездных центрах, так и расширение сети **передвижек**». И на самом деле, в **октябре 1924** г. **первая** кино-передвижка с аппаратурой «ГОЗ»[2] **отправилась в деревню**. Затем **было приобретено** еще четыре кинопередвижки.

---

[1] Всерабис – Всесоюзный профессиональный союз работников искусства.

[2] «ГОЗ» – кинопроекционная аппаратура производства Государственного Оптического Завода в Ленинграде.

Или вот еще, о «реакции на местах», на примере Абхазии. Ответом на очередное всесоюзное совещание по киноделу стал созыв такого же совещания в Сухуме в октябре 1924 г. Главполитпросветом по организации фотокинодела в Абхазии, на котором было принято решение организовать бюро для засъемки материалов исторического, политического, этнографического и производственного характера. Речь идет о создании студии хроникально-документальных картин или первой абхазской национальной кинофабрики[1] «АБГОСКИНО» (или «АБКИНО», как чаще встречается в документах). Так, решение о создании кинофабрики являлось одновременно и ответным реальным делом на требования отрасли в союзном масштабе, и результатом естественного хода уже запущенного процесса создания кинематографии в республике. Начались подготовительные работы к написанию киносценариев для съемок собственных художественных и хроникальных картин. А сами хроникальные съемки, хоть и выполнялись по заказу Совкино, но вполне могли демонстрироваться на месте тоже. Хотя, конечно, пока не повсеместно.

Ниже еще один пример интенсивности работы самой центральной системы, являвшейся локомотивом всего этого глобального идеологического процесса. Судить об этом можно даже по перечню обязательных к исполнению и сведению документов и мероприятий, имевших место в следующем, 1925 году. Причем, не углубляясь в суть вопроса, обобщенно, вспомним более важные события и только, и именно, в направлении организации деревенского проката: 15–19 февраля – состоялось всероссийское совещание по политпросветработе в деревне; 9 марта – оргбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление, в котором в п. 4 было сказано: «…Одной из очередных задач всех киноорганизаций и Совкино считать расширение киноустановок для рабочих районов и **для деревни**, увеличение производства соответствующих киноаппаратов, улучшение их качества и широкое распространение на льготных условиях»; 20 марта – на заседании Кинокомиссии ЦК обсуждались вопросы «**продвижения кино в деревню**, укрепления кадрового состава киноорганизаций работниками-коммунистами…»; 24 марта – при Главполитпросвете РСФСР состоялось совещание с участием представителей киноорганизаций и культотделов ЦК профсоюзов по работе в деревне; 30 июня – при ЦК ВКП(б) состоялось совещание по деревенской киноработе; 13 июля – после неоднократного обсуждения в Кинокомиссии ЦК РКП(б) вопроса о продвижении кино в деревню он был вынесен на заседании Оргбюро ЦК. Сформулирован вопрос был следующим образом: «К содержанию создаваемых новых картин для деревни необходимо на ближайший период принять следующие основные требования: а) картины для деревни должны быть идеологически выдержаны, художественно-действенны без упрощения агитационных приемов, без грубого навязывания агитационных лозунгов; б) картины из деревенского быта должны отражать конкретные интересы деревни и, будучи пропитаны советской идеологией, не должны приукрашивать деревенскую действительность; в) темы картин для деревни не должны быть ограничены одним деревенским бытом, но и знакомить крестьян с жизнью рабочих СССР и за границей, а также с промышленным производством, показывая

[1] Кинофабрика – название киностудий, примерно до 1935 г.

увязку города с деревней; г) считать особенно желательным создание картин исторического характера, рисующих борьбу крестьян за свое освобождение, в частности, эпоху крепостничества, опираясь на исторические факты и документы; д) в области популярно-научных картин **особое внимание должно быть уделено картинам сельскохозяйственным,** которые должны создаваться исходя из реальных условий отдельных местностей СССР. Важно также знакомить деревню с географией и населением Союза под углом зрения национальной политики и экономики Союза; е) принимая во внимание особенности деревенского зрителя, считать необходимым, чтобы картины для деревни были короткометражны, с несложным монтажом и небольшим количеством действующих лиц и несложной фабулой». На следующий день, 14 июля, было издано постановление Кинокомиссии ЦК РКП(б) об организации при Совкино отдела деревенского проката и т.д. Как мы уже заметили выше, все это совершенно действенно сказывалось и на Абхазии.

Фильмами республика снабжалась через Абхазское агентство Госкинопрома Грузии. Но известны случаи, когда, бывало, абхазскую сторону не устраивала работа партнера. По этому поводу высказывались официальные претензии Госкинопрому и желание самостоятельно решать этот вопрос через Совкино.

К рассматриваемому в статье «Кино в деревне» времени в нашей стране, несомненно, уже была проделана немалая работа по внедрению идей советской власти. Это подтверждает и сама публикация: реакция на появление на экране Ленина (даже если они ранее не видели его фотокарточку в газете, сообщения киномеханика могло вполне хватить). Все говорит за то, что они о нем хорошо знали (со смерти последнего на тот момент прошло полтора года). Из текста также следует, что кинопередвижка была не звуковая. Люди смотрели немое кино. Несмотря на это (если только механик не озвучивал текст, который «говорил» Ленин), получается, зрители явно знали, о чем была его речь. До них уже донесли. Они поддерживали это, потому и «принимали на ура», пели, танцевали. (Не будем забывать, и то, что именно тогда, в определенной мере, был восстановлен статус абхазской государственности.) Описанный восторг подтверждает приятие безусловное. И трудно сказать, что их больше обрадовало: «живой Ленин» или суть «двигающиеся картинки»?! А возможно, и то и другое. (Тут подумалось, а что если киномеханик и в Чегем привозил картину о Ленине. Пусть не эту, другую. Тогда, тем более понятно беспокойство чегемцев (возможно, хоть раз видевших его на экране) о том, «который хотел хорошее, но не успел»…)

И еще хотелось бы обратить внимание на то, что в описанном выездном показе видно, что механик действует по предписанию. Им соблюдены все утвержденные в стране установки показа, в т.ч. сочетание кино хроникального и художественного, т.н. кинопропорции. В основе этой установки лежала директива В.И. Ленина Наркомпросу по киноделу (письмо Е.А. Литкенсу от 17 января 1922 г.), в котором твердо отмечалось, что «…для каждой программы кинопредставления должна быть установлена определенная пропорция: а) увеселительные картины, специально для рекламы и для дохода (конечно, без похабщины и контрреволюции) и б) под фирмой «из жизни народов всех стран» – картины специально пропагандистского содержания, как-то: колониальная политика Англии в Индии, работа Лиги Наций – голодающие Берлина и т.д. и т.д.».

Хронике вообще всегда придавалось особенное значение. Немного позже описанного здесь сеанса (через месяц, 14.10) состоялось заседание Кинокомиссии ЦК РКП(б), о котором А.Л. Курс писал: «Вопрос о хронике и содержании киносеанса непосредственно связан с агитационными задачами кинематографии. Умело показанная кинохроника является лучшим проводником агитационного воздействия. Она может играть такую же, если не более сильную, роль, как иллюстрированный журнал или газета».

Ну и, конечно, все, о чем мы говорили, предполагалось быть «пропущенным» через идеологические установки с восточным ракурсом. Кино для работы на Востоке требовало особого отдельного внимания и действий, прописанных в директивах В.И. Ленина, например, все в том же письме-обращении Наркомпросу по киноделу (письмо Е.А. Литкенсу от 17 января 1922 г.), в котором указывалось: «…Специально обратить внимание на организацию кинотеатров в деревнях и на Востоке, где они являются новинками и где, поэтому, наша пропаганда будет особенно успешна».

В обобщенное понятие «восток» включали весьма обширные этнические и географические регионы: Кавказ, разумеется с Абхазией, Средняя Азия.

В статье можно обнаружить некоторые любопытные свидетельства, которые для наших дней могут быть весьма интересными. Тем более, похоже, здесь описывается первый приезд кинопередвижки в конкретный населенный пункт, который, на мой взгляд, не указан нарочно, т.к. у автора задача в обобщении. И в то же время, сеанс первый, несомненно (если бы сельчане хоть раз в жизни видели кино, то уж запомнили бы надолго. А то и навсегда: «…Это не цирк, а кино. Объясняю задающим вопросы, но не знаю, поняли они меня»).

Из описания начала достаточно живо представляется типичная картина, ощущается местный колорит: «Сегодня жарко… Еле, еле тянутся буйволы. Жалобно скрипит несмазанная арба…» А вот следующая строка заставляет призадуматься: «Колхозница усердно настегивает, прикрикивает…» О чем это может говорить? О том, как трудно живется крестьянству, что женщина вместо традиционной езды верхом на лошади вынуждена громко с бранью погонять буйволов? Мне кажется, такое положение женщины несколько выпадает из традиционного контекста, если конечно не заставила крайняя нужда. Этот фрагмент говорит об отдельно взятой колхознице или и о других женщинах деревни на тот момент? Т.е. естественно ли видеть абхазку в те годы управляющей арбой? Да еще дико прикрикивающей… А если речь идет о веянии нового времени (когда вовсе незазорно стало овладевать мужскими профессиями, одевать мужскую одежду…), то изменение поведения есть следствие тех процессов… (Возможно, потому эта колхозница чем-то напоминает ту бабушку-сторожиху из Мухуса с очками и ружьем.) И тогда следует понимать так, что параллельно с приходом прогрессивных штрихов в быт, жизнь – уже началась девальвация ценностей. Хотя чаще, возможно, (повторяюсь) вынужденная…

Обращаю внимание еще на два показательных фрагмента из статьи:

«Висит в рамке экран. Некоторые из любопытных подходят к нему, пробуют руками, спрашивают – что это такое, почему так блестит, серебряный, что ли, из чего он сделан. Объясняю, что это простое полотно, покрытое алюминием.

– А что такое алюминий? – спрашивают.

Объясняю, что алюминий – легковесный металл».

И еще:

«…На полотне картина сменяется картиной. К экрану подходит крестьянин. Пробует поймать ходящих людей. Потом обращается ко мне – спрашивает:

– Как это люди ходят, а ничего не говорят.

Объясняю, как все делается, **удовлетворенный ответом, садится на место и объясняет уже своим соседям**».

Эти цитаты выписаны специально для тех исследователей истории кино в Абхазии, которые, не утруждаясь изучением первоисточников, пишут, скажем, так: «…Вскоре это «киночудо» появилось и в Абхазии, где на первых сеансах негодующие зрители в порыве гнева стреляли в полотно экрана, на котором «герой» посмел поднять руку на женщину…» Причем, одно такое «исследование» уже 12 лет «висит» в Интернете, «рассказывая» посетителям имевшие и не имевшие место, разрозненные, домысленные истории… Возможно, и есть какое-то свидетельство того, что (как) абхазы «стреляли в полотно экрана…» …Может это и имело место как единичный случай. Но где он описан? Надо ссылаться на документы. На протяжении более 30 лет изучения темы мне ни разу не приходилось ни слышать, ни читать о подобных фактах. Это я считаю необходимым заметить особо, как и то, что, пока мной не найдено ни одного свидетельства о жертвах, как-то связанных с кино в Абхазии. Останавливаюсь на этом вопросе не случайно, т.к. в мире существует весьма трагичная статистика массовых жертв на первых киносеансах, особенно тех первых десятилетий. Для примера, ниже приведу небольшую подборку характерных для рассматриваемого периода публикаций:

«В кинотеатре станции Ходынец Воронежской области от невыясненной причины во время сеанса воспламенилась лента… В зале поднялась суматоха, усилившаяся еще тем, что на сеансе присутствовало много детей. Родители, находившиеся возле кино, бросились спасать детей и этим самым закупорили все выходные двери… Пожар, длившийся более часа, прекратился только тогда, когда здание кинотеатра было уничтожено дотла. На месте пожара обнаружены обуглившиеся трупы… Количество погибших точно еще не установлено, но уже и сейчас насчитывают около 20 человек» (23.11.1928 г., журнал «Кино»).

«В селе Малое Иголкино Владимирской губернии произошел пожар. 11 часов ночи, во время сеанса вспыхнула кинофильма. В течение 15 минут пожар уничтожил все помещение… В панике люди выскакивали через огонь. Удалось спастись только 50 человекам, которые получили тяжелые ожоги. 130 человек погибли в огне» (15.03.1929 г., журнал «Кино», «Правда», «Бюллетень Центросоюза»).

Или вот еще: «Нардом был переполнен зрителями. Противопожарные меры не были приняты… Фильма вспыхнула. Механик растерялся и выскочил в окно. Произошла паника. Запасные двери оказались закрытыми – забитыми, замотанными проволокой и веревками. В результате сгорело 18 женщин и детей. Около 30 человек получило тяжелые ожоги, и 10 – легкие. Нардом сгорел дотла. Механик арестован, ведется следствие» (О пожаре, случившемся в нардоме деревни Налимовой Шадринского округа 25.03.1930 г., журнал «Кино»).

Бесспорно то, что кино удивило наших соотечественников. Безусловно, с нетерпением ждали новых фильмов. Конечно – полюбили. Кто ж в этом сомневается!

Отдельно взятая статья киномеханика достаточно субъективна. Он все-таки работник «идеологического фронта», с поставленной задачей. И писал он в центральной газете, как положено информационно, показательно и популярно. Но радость, восхищение от увиденных картин, думаю, описаны правдиво. (Первые сеансы кинематографа во всем мире производили фурор, и это отдельно взятое село вряд ли было исключением). Даже если на тот момент в крестьянском абхазском обществе и имело место некоторое (не до конца еще осознанное) неприятие нового времени, из данной статьи это не вытекает. Более того, говорит об активно выраженном поддерживающем молодом поколении – «комсомолии»: «…Комсомолия восторженно выкрикивает непонятные мне слова по-абхазски. Конец картины. Просят еще раз показать – показываю два, три раза одно и то же…»

Не это ли, в частности, показатель торжества колхозного строя… Четыре года советской власти, которая понимается как свобода, т.к. завоевана с оружием в руках. Но идет к концу 1925 год, а за ним последует следующий, 1926, затем – «дурипшский сход» и другие известные события… А пока, в деревне праздник, потому как появление кино в мире однозначно ассоциируется именно с праздником (о том, что он заряжен идеологией, люди вряд ли думают). Они его теперь будут ждать. И как ведь интересно, что просят привезти (прямо совпадает с установками, сделанными на съездах партии и кинематографических совещаниях): «больше сельскохозяйственных» (!) картин. Ну и с комическими, как и во всем мире…

Конец статьи патетичен и говорит сам за себя. Другое дело – ракурс. Автор вполне мог закончить словами: «Кино завоюет мир!», но у него своя задача и он сознательно останавливается на покорении деревни, на примере абхазской действительности, согласно выполняемой им идеологической установке.

Такова редкая и не случайная статья на данную тему в прессе тех лет о том, как «Великий Немой» начинал свой путь в отдельно взятой деревне на «востоке». Или одно из свидетельств первых встреч кино с абхазским зрителем. И, надо сказать, достойное!

ОЛЬГА ВОЙЦЕХОВСКАЯ-БРЕНДЕЛЬ[1]

ПОЭЗИЯ ТРУДА

Сила подлинного искусство в том
и состоит, чтобы в самом простом,
кажется, обычном показать высокую поэзию,
раскрыть внутренние тайники народной жизни.

Ткачевы

Судьба деревни с давних пор волновала души писателей. Более ста лет назад И. Бунин писал: «…мне казалось, что только в деревне и можно заметить, что начинается весна. Мне казалось, что только там бывают настоящие светлые солнечные дни. И правда, ведь в городе мы забываем о солнце, редко видим небо, а больше любуемся на вывески да на стены домов»[2].

Изучая произведения художников Абхазии на протяжении полувековой истории, легко можно увидеть стремление большинства отразить на языке изобразительного искусства судьбу деревни.

И если писатель говорит о силе солнца в деревне, деревне российской, то что можно сказать о художниках и их восприятии солнца в абхазской деревне. Только в абхазской деревне можно заметить, что начинается осень. Именно там светлые, солнечные дни – бархатный сезон – придают многообразному растительному миру обилие неповторимых цветов и оттенков. В этот период в большинстве случаев созревает обильный урожай тех или иных культур. Плоды по своему «цветовому звучанию» зачастую превосходят материнские растения.

Живописцев влечет неповторимая красота осеннего периода, и они стремятся представить зрителю свое восприятие осени в деревне Абхазии.

И, конечно, возникает вопрос: чем это объясняется? Большинство художников являются выходцами из деревни. Детство, юношество каждого из них связаны с укладом жизни абхазского села. Именно они, все кто их окружает, являются героями их будущих произведений.

Обращаясь к теме, связанной с судьбой деревни, художник как бы выхватывает эпизод своей жизни и переносит его на холст или бумагу. Ему, конечно,

---

[1] Войцеховская-Брендель Ольга Евгеньевна – искусствовед, научный сотрудник отдела искусств АбИГИ им. Д.И. Гулиа АНА.

[2] И. Бунин. В деревне // Рассказы. М.: Правда, 1983. С. 160.

запоминаются те, с кем он встречался, кто окружал его, в связи с чем возникает желание запечатлеть просто их портрет.

При этом, изображая какой-либо момент, художник достигает максимальной натурности. Автор как бы смотрит на окружающий его мир изнутри его шумного, деятельного многолюдства, он неотделим от своих односельчан.

«Именно этой особой позицией из центра, из сердцевины объясняются сдвиги и фрагментарность больших композиций художников, порождающих ощущение перехлестывающей за раму холста жизни, поток которой и не пытается удержать или до конца подчинить себе художник»[1].

Нам не трудно представить их в ряду сборщиков кукурузы, чая, винограда и других культур. Да, порой они ими и являются, помогая своим старикам в деревне.

Этот особый взгляд не на объект, а «от» или «из» объекта делает изображение покоряюще достоверным.

Рассматривая произведения, посвященные судьбе деревни, под героями мы будем разуметь тот персонаж, к воссозданию внутренней полноты и внешней определенности которого направлены основные творческие усилия автора. Речь пойдет о том, всеположенном авторскому «я» начале, которое представляет для художника «другой» и «другие», реальная цель и конечный результат его искусства.

Этим «другим» или «другими» как бы противостоящими личности самого художника, может стать не отдельно взятый персонаж, а люди вообще, их отношения, общая для многих ситуация (время действия, место действия).

Произведения художников Абхазии можно рассматривать в том же аспекте, что и произведения Сезанна после его сближения с Гаске[2].

«Самоощущение стоящего на земле крестьянина углубило чувство конкретности у Сезанна… Сезанн тяготел к конкретному объекту, в этом он разделял потребность вещности, составившей сильную сторону голландского искусства и воплотившейся в существенных аспектах искусства французского, которое всегда сохраняло тесные связи с полукрестьянским и полуремесленным средним классом (например, Шарден). Глубинные силы, которые заставили Сезанна трансформировать импрессионизм в искусство взаимодействия пространственных планов разной глубины, были тесно связаны с подспудной крестьянской основой художника»[3].

Возможно предположить, что художники Абхазии (Х. Авидзба, С. Габелиа) продолжали трансформацию искусства Сезанна в искусство еще более прочных форм в связи с все той же крестьянской основой художников; а В. Гамгия является следующим за ними поколением по причине все той же крестьянской основы, которые продолжили начатый процесс создания искусства взаимодействия пространственных планов разной глубины.

---

[1] А. Ягодовская. Автор и герой в картинах советских художников. М.: Советский художник, 1987. С. 150–151.

[2] «Жоашим Гаске (1873–1922) вошел в жизнь Сезанна в 1896 г. после личного кризиса Сезанна» (Дж.Линдсей. Поль Сезанн. М.: Искусство, 1989. С. 295).

[3] Дж. Линдсей. Поль Сезанн. М.: Искусство, 1989. С. 310.

* * *

Если каждый труд осознается как благо
для человечества, значит он и будет
тем самым желанным праздником духа.

Н. Рерих

Рассматриваемая тема данной работы является сюжетом произведений абхазских художников.

Сюжет – это «совокупность действий, событий, в которых раскрывается основное содержание художественных произведений»[1]. Совокупность действий события изменяется во времени, поэтому можно с уверенностью говорить о том, что сюжет художественного произведения подвластен той же динамике. В связи с этим, прежде чем обратиться к рассмотрению творчества художников Абхазии, посвященного труду крестьян, сделаем анализ данного сюжета во временном и территориальном масштабах.

Труд современника-крестьянина уже более 435 лет является актуальной темой творчества художников.

Достаточно обратиться к циклу работ Питера Брейгеля «Времена года» (1565), изображающих разное состояние природы и разные занятия крестьян («Сенокос», «Жатва»). Крестьяне, их труд, их заботы занимают в этих картинах центральное место. Брейгель, несомненно, связывал свой замысел с календарем сельскохозяйственных работ.

Церковь Ильи Пророка в Ярославле расписана Гурием Никитским (с артелью) и на фреске зритель видит хлеборобов, убирающих урожай с тучной нивы («Жатва», 1681).

А. Венецианов в начале XVIII века стал основоположником народного бытового жанра в русской живописи. Его творческая программа изложена им самим: «Я решился победить невозможное, уехал в деревню и принялся работать. Для успеха в этом мне надобно было совершенно оставить все правила и манеры, двенадцатилетним копированием в Эрмитаже приобретенные, а приняться за средства, употребленные Гранетом, – и они мне открылись в самом простом виде, состоящем в том, чтобы ничего не изображать иначе, чем в натуре является, и повиноваться ей одной без примеси манеры какого-нибудь художника, то есть не писать картину a la Rembrandt, a la Rubens и проч., но просто как бы сказать a la Натура»[2].

Произведения А. Венецианова «На пашне. Весна» (1820), «На жатве. Лето» (1820), «Гумно» (1822–1823), «Утро помещицы» (1823) и ряд других – художественное открытие крестьянской России.

А. Венецианов оставил после себя венецианцев – своих учеников и последователей, который каждый по-своему ощущали и воплощали совершенную гармонию родной земли (Г. Сорока «Рыбаки», 1840; Н. Крылов «Земля», 1927).

«На передвижной выставке 1878 года зритель знакомится с картиной Г. Мясоедова «Засуха». В «Засухе» перед нами пустынное поле, с потрескавшейся зем-

[1] С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1983. С. 669.

[2] А.Г. Венецианов. Статьи. Письма. Современники о художнике. Л.: Искусство, 1980. С. 49.

лей и неумолимо раскаленным небом. Почва изныла от бездождья, бедные люди – тоже. Эти работяги, которые только своим полем и живы, совсем, наконец, выбились из сил, всякую бодрость и надежду потеряли, пошли, сложились своими медными пятаками и позвали попа – молебен служить на поле. Вся картина – один стон и вопль наболевшей души.

Первое место занимает «Рожь» г. Шишкина – мотив им, кажется, еще никогда не пробованный и мастерски нынче исполненный. Эта рожь кажется сам – восемьдесят, такая она тучная, роскошная; она наполняет золотистыми отливами всю картину, и только в середине разгибается в обе стороны; чтобы пропустить вьющуюся тропинку с бредущими по ней крестьянами»[1].

Принято считать, что художники на протяжении значительного времени сами отвыкли задаваться сюжетом. «Такая отвычка получилась главным образом под влиянием импрессионизма и всех проистекших из него учений. Дело дошло даже до того, что творчество некоторых очень больших мастеров сложилось целиком из более-менее разработанных и удачных этюдов с натуры, а на выставках целые километры вставленных в рамы холстов и целые леса статуй не изображают ничего иного, как случайно выхваченные куски натуры, или же просто какие-либо комбинации пятен и линий.

Сюжет в общем был объявлен литературной ересью, «литературщиной» и горе тому художнику, который все же каким-то сюжетом задавался. Это на общем фоне бессюжетия представлялось ужасным vieux jeu (старомодностью) и какой-то наивной goffe (оплошностью), а то и смеялись, жалели автора»[2].

Но позвольте не совсем согласиться с А. Бенуа, обратившись к произведениям В. Ван Гога – постимпрессиониста. Его рисунки «Мальчик, копающий землю» (1881), «Землекоп» (1881), «Крестьянин с бороной» (1883), «Вязальщица снопов» (1885), «Женщина, складывающая снопы» (1885), «Жатва» (1885) никак не наводят зрителя на мысль о том, чтобы жалеть автора. Сколько динамики в фигуре женщины, складывающей снопы. Чувствуется, что она с трудом нагнулась и движением левой руки показывает, что делается все возможное, чтобы совершить действие.

Картина «Сеятель» (1888), о ней очень красочно сказал А. Перрюшо: «Труд человека и его смысл приобрели в глазах Ван Гога иную, нежели в Голландии окраску. Он воплотил эти свои новые мысли в почти символической фигуре сеятеля, бросающего в тучную землю семена пшеницы. Шаг сеятеля уверен и тверд. Он такой же творец, как и сам Ван Гог: объект его творчества – земля, а результат – новая жизнь. Он работает под солнцем «так же естественно, как поет соловей…»[3].

Эту работу можно дополнить: «Жнец» (1889), «Красные виноградники в Арле» (1888).

Ван Гог был тем живописцем, который доказал образованной парижской публике, «что художники модернистских тенденций вполне способны соединить «технические дерзания и вкус с более широкой (plus ample) композицией и сюжетами, требующими большее воображение, нежели натюрморты, фигуры, пейзажи»[4].

---

1 В. Стасов. Передвижная выставка 1878 года / Новое время. 29, 30. 1878.
2 Александр Бенуа размышляет. М.: Советский художник, 1968. С. 425.
3 Там же.
4 Там же. С. 426.

В развитие пейзажа, отражающего труд земледельца, внес вклад и Э. Мунк. Основной его работой в этом направлении является картина «Весенняя пахота» (1916), которую можно назвать и пейзажем и жанром.

«Пологую равнину, за которой виден фьорд, вспахивает крестьянин, идущий за плугом, в который впряжены две крупные, сильные лошади. Эти кони, как сказочные богатыри, поднимают тяжелые пласты земли. В самих красках картины, написанной… уверенными длинными мазками желтого, синего, лилового и зеленого заложена огромная эмоциональная сила воздействия. Это как бы символ первой борозды, проложенной ярким весенним днем, после долгой и холодной зимы»[1].

И нельзя забывать о том, что живя в начале девятисотых годов на острове Елийя, Э. Мунк пишет луга и поля, создавая картины «Пахари», «Уборка урожая», «Мужчины на капустном поле».

А. Бенуа в 1934 году задается вопросом: удастся ли «возвращение к сюжету»? И считает, что возвращение это произойдет не сразу. И для того, «чтобы добиться каких-либо положительных результатов и в искусстве «вольную художественную идеологию» придется сменить соответствующей духу времени идеологией более «дисциплинированной»[2].

Но уже в 1927–1934 годах Петр Кузнецов пишет «Отдых пастухов». «Творческая энергия, исходящая от автора-наблюдателя, согревая теплом постоянных привязанностей, той «любовью к действительности», без которой… не может быть реалистического искусства. Авторское свидетельство отнюдь не беспристрастно – в нем ощущается постоянная заинтересованность, личное влечение к персонажу, словно отвечающему взаимностью своему создателю»[3].

А вот, к примеру, искусство А. Пластова – «Жатва» (1945), «Сенокос» (1945). Крестьяне, написанные этим художником, стали для многих родными, близкими, как свои, хотя это очень конкретные лица.

Такова краткая предыстория развития данного сюжета к моменту, когда абхазские художники заинтересовались трудом крестьянина и это стало темой их творчества.

Советские искусствоведы, отражая тему труда в произведениях соотечественников, начинают свое повествование с конца 50-х – начала 60-х годов, хотя и отмечают, что тема труда занимает видное место с начала революции.

Отсюда можно заключить, что в советской живописи к теме труда относились лишь жанровые (сюжетные) картины. Но тема труда находит свое воплощение и в других жанрах живописи. Поэтому я в своей работе не буду ограничиваться сюжетной картиной.

В центре внимания художника очень часто оказывается мир чувств и переживаний человека, его отношения к трудовой деятельности. В настоящее время живописцы для их отражения обращаются к жанровым картинам. Однако в конце 20-х – середине 30-х годов прошлого века для этих целей использовались и другие жанры живописи.

---

[1] И.Я. Цагарели. Послесловие к Р. Стевенсон. Эдвард Мунк. М.: Искусство, 1972. С. 148.

[2] Александр Бенуа размышляет. М.: Советский художник, 1968. С. 428.

[3] А. Ягодовская. Автор и герой в картинах советских художников. М.: Советский художник, 1987. С. 90.

Рассмотрим этюд «Табачный сарай» (1929) В. Контарева, где представлена холмистая местность, у основания которой стоит табачный сарай. Несколько нарушено пространственное построение – увеличение размеров строения и уменьшение деревьев за ним. Лучи солнца сконцентрированы на боковой части сарая. Следовательно, можно говорить о том, что цветовое и объемно-пластическое построение были подчинены композиции, ее смысловой доминанте. А смысл – цель, заложенная живописцем в этюде, может быть в желании направить мысли зрителя на воссоздание в памяти последовательности попадания табачных листьев в сарай, очередности деятельности людей, занятых табаководством.

Данное произведение написано в очень приятном серо-зеленом и охристом колорите. Оригинален рисунок заднего плана: стройные кипарисы и деревья с раскидистой кроной. Живопись наполнена теплом и жизнью.

Человек трудится на земле и итогом его работы всегда служит собранный урожай. Этот показатель в постоянной зависимости от силы и качества приложенного труда. И если кто-либо видит перед собой великолепный арбуз и дыню, плетеную корзину, полную персиков, он всегда думает о том, что прежде чем эти плоды попали на усладу человека, было затрачено много усилий и трудовой энергии человека. Так можно интерпретировать «Натюрморт с арбузом» (1935) В. Контарева.

Художник положил фрукты на белой скатерти, лежащей на траве, и видит в этом не только цветовое решение, но и выражает свою любовь к земле, на которой создается такая сочность и спелость. Фоном служат деревья со свисающими гроздьями винограда.

Несколько преувеличенные размеры собранных плодов подчеркивают их «величие». Картина написана в приглушенных тонах, поэтому не делается акцента на доминирование того или иного предмета.

Если читающий принял вышеприведенную интерпретацию пейзажа и натюрморта В. Контарева, то можно говорить о следующем.

Художнику незачем было представлять множество людей, занятых табачным, арбузным и другими делами. Это сделало индивидуально воображение каждого, и задача, которую решает живописец, в этом случае, значительно сложнее, чем в жанровой картине. В последней, хочет, не хочет, но зритель видит то, что ему представлено. В пейзаже, натюрморте художник должен так отразить их составляющие, чтобы восприятие зрительской аудитории направить именно в то русло, которое он задумал, но не раскрыл.

Живописные работы В. Контарева «Табачный сарай» и «Натюрморт с арбузом» отнесены мною к первым произведениям художников Абхазии, отражающих поэзию труда, а одной из первых жанровых работ была картина Халваш «Чистка кукурузы» (1941).

Нам представлена крупноплановая многофигурная композиция, которая дает возможность увидеть национальные особенности данного действия.

Кукуруза на протяжении многих веков является основной культурой, кормящей абхаза, поэтому зерно злака окружено особой любовью и уважением. И это отношение к кукурузе представителя абхазской нации чувствуют все, кто их окружает.

Живописец постарался отразить на холсте свое восприятие взаимодействия «кукуруза – абхаз».

Собранные початки люди приносят на собственный двор и раскидывают их около дома; художник запечатлел фигуры мужчин и женщин между жилым домом и «домиком» для птиц. В правом нижнем углу картины индюк, что также говорит о близости дома.

Герои заняты очисткой кукурузных початков. Художник подчеркивает, что данным действием заняты не все присутствующие: молодой парень и девушка, расположенные справа от центральной пары, запечатлены «вне кукурузных початков». Молодой парень представлен весь в движении (наклонился в правую сторону, левая рука вытянута). Он явно беседует с молодой девушкой, которая стоит несколько поодаль от него; стоит, смеется, улыбается.

Все, кто занят обработкой кукурузных початков, зависят от одного человека – центральной мужской фигуры, – записывающего в блокнот количество корзин с очищенной кукурузой, поэтому все взоры героев обращены именно к нему. Но взаимоотношение «сдающий – записывающий» у каждого индивидуума разное.

Рядом со «статистом» стоит женщина средних лет, которая только что сдала корзину очищенной кукурузы и старается увидеть в блокноте: как далеко до плана?

Перед ним на согнутых ногах мужчина средних лет, который старается в чем-то убедить записывающего; молодые женщины в правом нижнем углу не обращают внимания на «статиста», а что-то эмоционально обсуждают. Лишь старик, сидящий на бревне, беседует с человеком, записывающим результаты труда. И этот разговор не связан с происходящими в данный момент действиями, а несет в себе частицы наставления молодому поколению со стороны старшего.

Ноги мужчин и женщин утопают в початках кукурузы. Это настраивает на мысль, что чистить кукурузу будут еще длительное время. Под деревом стоят глиняный кувшин и миска; потратив много энергии, захочется пить, а через некоторое время люди и проголодаются.

В руках каждого героя «внутри кукурузы» початок или пустая корзина у ног, что подчеркивает непрерывность действия во времени прихода тех, кто осуществляет счет выполненной работы.

Национальная принадлежность народа подчеркнута вышитыми рубашками, а у старика черкеской.

Фоном служит голубое небо, по которому плывет облако. Работа выполнена в сугубо реалистическом духе.

В названии картины содержится большое обобщение. Художник заявляет о том, что он повествует не о частном, а о жизни, о действительности, которая характерна на протяжении многих лет.

Все работающие представлены «внутри кукурузы», а неработающие – вне этого «поля». И этим художник придает композиции особую динамичность: создается впечатление кадра, выхваченного из жизни.

При вдохновенном подъеме народа после исторической победы над врагом, при чувстве огромной радости и сознания своей силы, народ все с большей горечью переносит неисчислимые человеческие и материальные жертвы и разрушения, принесенные войной 1941–1945 годов. Но в небывало тяжелой борьбе

с трудностями увеличились воля и мужество людей, обострилось национальное сознание, что приобрело особое значение в обстановке, сложившейся в бывшем СССР и, в частности, в Абхазии.

Восстанавливая в памяти произведения этого периода, невольно останавливаешься на работе В. Щеглова «Передовая "Правды"» (1953) – группа сборщиц чайного листа во время перерыва слушает последние новости, которые им предоставляет сотоварищ.

Национальная принадлежность народа подчеркнута костюмом одного из персонажей.

Рассматриваемая картина В. Щеглова несет в себе все основные черты героя, которые присущи главным персонажам работ российских художников рубежа 50–60-х годов: «Плотогоны» (1961) Андреева; «Ремонтники» (1960) Салахова; «Наши будни» (1959) Никонова – это мужественные, энергичные люди.

Ежедневный труд осмыслен важностью высоких целей, участники созидательного жизнестроительного процесса, они исполнены чувства долга, сознания ответственности и серьезности своего гражданского и человеческого призвания. Эти люди, чей пароль – «прямая» действительность – «целесообразно устремленная вперед система, где не может быть лишних, неработающих, необязательных элементов»[1].

«Борьба, преодоление, атака» – вот их девиз. В центре внимания художников личность, словно предназначенная к сопротивлению и подвигу. Она «не знает опор вне себя, она весь мир чувствует точкой приложения своей воли», замечает Л. Аннинский, заключая свою мысль словами: «Это ощущение серьезной монолитной натуры, отвечающей за свою судьбу»[2].

Хочется отметить, что необычность, нетрадиционность жанровой картины В. Щеглова «Передовая "Правды"» заключается в новой для тех времен трактовке личности центральных персонажей, в новых взаимоотношениях человека с окружающим его миром, в характере той «информации к восприятию»[3], которые определяют взаимосвязь созданного на холсте образа и зрительской аудитории – иными словами можно сказать, что художник внес изменения в принципиальные основы образно-пластической поэзии живописи. «Мы как бы застаем героев произведения в момент, когда достигнув предельного напряжения, действие остановилось на рубеже различных равных возможных для данной ситуации исходов. Героизм деятельной личности раскрывается здесь не в апофеозе трудовой победы, не в кульминации борьбы и преодоления препятствий…, но в пути, в процессе поисков, в устремлении к цели»[4]. Благодаря этому становится важным не столько результат, польза дела, «степень участия» в коллективном производстве, сколько социальная ценность личной стойкости, индивидуального намерения, нравственного отношения к своим человеческим обязанностям, гражданскому долгу.

В рассматриваемой картине окружающая природа – уголок абхазской земли – предметно-пространственная среда не могут восприниматься пассивной,

---

1 Л. Аннинский. Глубина фронта // Новый мир. 1974. 4. С. 223, 219.

2 Там же. С. 222.

3 Выражение художника и режиссера Н. Акимова.

4 А. Ягодовская. От реальности к образу. М.: Советский художник, 1985. С. 24.

инертной материей, которую предстоит освоить и преобразовать. Внешний по отношению к персонажам пейзаж получает некоторую самостоятельность, он дружественен к ним, связан с героями произведения гораздо более сложными узами опосредственного родства. Природное пространство – чайные плантации, деревья – все приобретает собственное лицо, характер и смысл. Художник стремился раскрыть множественность их значений в жизни и судьбе человека.

Приглядываясь к центральным персонажам советской живописи 50–70-х годов прошлого века, легко заметить, как меняется их внешний и внутренний облик. Эта эволюция характерна и для абхазской живописи, обладает определенной последовательностью и художественной логикой.

Именно в этот период получили почти каноническую определенность монументализированная грандиозность композиции, динамика больших обобщенных форм, уравновешенность основных масс и ритмов внутри конструктивной сложности картины. Анализируя соотношение субъективного и объективного начал в образе лирического героя в поэзии этого периода, литературный критик Л. Аннинский находит определения, живо напоминающие характерные черты мироощущения живописцев, нашедшие отражение в облике их моделей; в образном строе созданных произведений. Это обычно человек, у которого «нет конфликта с миром, словно мир, завоеванный им, весь состоит из односельчан»[1].

Одним из первых художников, создавших такого героя в абхазской живописи, был Х. Авидзба. В работе «Труженики полей» (1963), изображая крестьян, возвращающихся с полей, автор строго соподчинил главное и второстепенное. Фигуры, лица, жесты героев картины исполнены строгой серьезности. Этих людей связывает общая доля, у них одна общая забота. Сама ежедневность и прозаизм сцены как бы пронизаны отзвуками всенародной страды.

Живопись Х. Авидзба не ищет «красивых слов» и в скупой аскетичности сдержанных красочных сочетаний (желтые, желто-коричневые, коричневые) также как и в обобщенной лепке форм и жестковатой ритмике линий стремится к выражению приподнятого над бытовой обыденностью образа людей долга, личной ответственности и труда, самое существование которых неотделимо и внутренне согласовано с внешним миром, органически причастно предметно-пространственной среде в целом.

Начинающий свою творческую деятельность Х. Авидзба был одним из первых художников, который не порывал связи с землей, на которой вырос. Между ним и окружающим его миром, в эпицентре которого расположилась родная деревня, не было дистанции, всегда разделявшей сельского жителя и городского. Здесь уместно привести слова Фалька (1922): «Художник, который не изучал натуру, никогда не сможет овладеть тем языком, на котором он должен говорить, никогда не услышит музыки цвета и не станет художником, так же как глухой не станет музыкантом»[2]. Вот, наверное, поэтому его искусство обладает внутренним спокойствием и уравновешенностью.

«Колхозные поля» (1964) Х. Авидзба – уголок родной деревни. Художник особо чувствует освещенность. «Именно характер освещения, световоздушное состояние природы и определяет чаще всего тот исходный общий тон, в музыкаль-

[1] Л. Аннинский. Глубина фронта // Новый мир. 1974. 4. С. 231.

[2] Р.Р. Фальк. Беседы об искусстве. Письма. Воспоминания о художнике. М., 1981. С. 19.

ном ключе которого решается пейзаж»[1]. Передачей освещения, нюансов цвета и подчинение всего единому колориту, объясняется способность живописца воссоздать на холсте национальную специфику абхазского села.

Восприятие взаимодействия «кукуруза – абхаз» отражается не только в жанровых картинах. Так, например, О. Брендель пишет пейзаж «Чала» (1965). Рисунок ярко выражен: освещенные солнцем засохшие стебли кукурузы на фоне небольшого участка земли. Художник использует очень крупные, «сочные» мазки, которые ложатся на холст и наполняют его солнцем.

В работе присутствует желтый, оранжево-желтый, темно-коричневый и черный тона. Контрастность цвета, воспроизведение светлых, ярких тонов дало возможность передать «кусочки» природы и труда человека в действительности и «заразить» зрителя радостью созерцания абхазской земли и знакомства с частицей его трудовой деятельности.

Обращаясь к теме труда, художники стремились к верности натуры. Примером может служить живописное полотно Р. Хочава «Труженики села» (1970). Идет посадка чая недалеко от берега моря (на заднем плане зритель видит море, кипарисовую рощу, здравницу).

Процесс обработки почвы включает в себя боронование, копание и тракторное возделывание земли.

В посадке чая участвует много людей и большая их часть занята поливом посаженной культуры (люди стоят у бочки и ждут своей очереди наполнить ведра водой и полить только что посаженный чай). Рассаду крестьяне также выращивают сами.

«Натуральность» картины Р. Хочава не означает фотографичности в дурном смысле, а показывает созидательность и умелый отбор в отношении образа в целом и его деталей. Правда, Р. Хочава не углубляется в психологию человека, для него не характерен философский подход к деятельности. Его картина говорит об общности труда в деревне, но никак не о том, что он приносит им радость.

Она не отражает и драматического действия.

Работа выполнена практически в единой гамме, написана довольно сухо, и эта манера исполнения усиливает «серость» отображения роли труда в жизни села.

Каждый, кто родился в абхазском селе, особо ждет прихода осени. Это время, когда земля благодарит человека за заботу о ней и награждает его урожаем. И если человек отдал земле максимум внимания, то и земля одаривает его обильным урожаем.

Но, пожалуй, абхаз больше всего ждет от земли урожай винограда и всегда готовится к этому моменту. С. Габелиа не был исключением, когда он приезжал домой в село, он смотрел на лозы винограда и искал зародившиеся гроздья, надеясь на хороший урожай; предвещая тот момент, когда из обилия ягод польется сок будущего вина. Поэтому неудивительно, что С. Габелиа пишет произведение под названием «Осень» (1971), сюжет которого знакомит зрителя с крестьянином, подготавливающим кувшины для будущего вина.

Насколько важным является это дело для абхаза, говорит то, что большая, по отношению к хрупкой фигуре человека часть холста занята сосудами.

---

[1] А. Ягодовская. Федор Глебов. М.: Советский художник, 1985. С. 12.

Живописно картина построена на контрастности цвета: красно-коричневые кувшины противопоставлены фигуре в черном. На заднем плане силуэты черных стволов деревьев на ярко красном небе, наличие зелено-синеватого пятна.

Данная работа настраивает зрителя на чувство благополучия, удовлетворенности и радости труда, жизни именно трудовой.

Жизненная правда жанровой картины А. Крайнюкова «С альпийских лугов» (1972) своей объективной достоверностью смыкается с той правдой, носителем которой был герой. Художник не ставил действующих лиц своего произведения в трудные драматические ситуации, а, наоборот, запечатлел момент, когда пастухи спускают стадо коров и коз с альпийских лугов, и основные трудности уже позади.

Широкая дорога, по которой идут животные, указывает на то, что они недалеко от населенного пункта. Деятельность героев требовала затрат и платить приходилось в полной мере, не щадя себя.

Желая показать значимость и ценность человеческой личности пастуха, А. Крайнюков представляет его фигуру непропорционально высоко над стадом. Но для пастуха, спускающегося с гор, в первую очередь, противопоказаны колебания и сомнения, и художник представил человека с мужественным загорелым лицом, не знающим страха. Герою принадлежит доминирующий тон. Он мог бы показаться обедненным и поверхностным без дополняющего предметного аккомпанемента окружения.

Внешняя природно-предметная среда не спорит, не противоречит, а лишь неинтересно конкретизирует основной замысел.

Здесь я позволю себе сделать небольшое отступление, чтобы напомнить: живопись – «вид изобразительного искусства, произведения которого создаются с помощью красок, наносимых на какую-либо поверхность»[1]. Посему художественные произведения, выполненные в цвете акварелью, пастелью, гуашью в данной работе будут рассматриваться как живописные.

Героями цветной литографии В. Гамгия «Урожай» (1974) являются две женщины и мужчина, занятые ломкой кукурузных стеблей. Композиционно они расположены в виде треугольника, но его вершина – фигура одной из женщин – является главенствующей. Ее роль в построении подчеркивает и то, что она расположена анфас. Кроме того, художник использует наибольшее разнообразие цвета в формировании рисунка героини: у нее белое платье, но художник приближает его белизну к цвету ее рук и фону за счет частичной штриховки, которая создает впечатление объемности фигуры и тонкости ткани ее одеяния. Несколько искаженный рисунок нижней части туловища обращает на себя внимание благодаря темно-зеленому фартуку.

Цветовое решение других фигур более монотонно и ближе к фону – изумрудному полю, – на котором происходит действие. Кукурузное поле представлено переходящими желтыми в черные тона и обратно.

Лист максимально насыщен рисунком: плавные линии создают стебли кукурузы, разнообразят которые различные по направлению листья.

Художник наносит тонкие «поющие» линии или «сочные» ломкие, передавая вибрацию света на поверхности то прозрачной паутиной штриховки, то ниспа-

[1] Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 441.

дающими потоками штрихов, вызывая к жизни едва уловимые тональные переходы и глубокие «басовые» пятна черного.

В целом работа выполнена в монохромной гамме.

Эта литография В. Гамгия близка по композиционному построению и цветовому решению к живописной работе В. Гагулия-Авидзба «Сбор кукурузы» (1973). Расположение фигур идет практически по той же траектории, что и у графика. Основным фоном являются стебли кукурузы.

И в литографии, и в картине почти все стебли параллельны друг другу. На бумаге сделан акцент на разнообразие линий, что создает видимость их хаоса. В то время как на холсте В. Гагулия-Авидзба применяет различные цветовые тона, что подчеркивает кукурузное поле.

Отсюда можно заключить, что цветная литография (монохромная), живопись (монохромная) достигли единой цели – воспроизвели соответственно на бумаге и холсте с одинаковым эффектом части кукурузного поля, где происходит сбор урожая.

Художники стремились показать людям, что солнце воплощено в крестьянине, и добились с одинаковым эффектом олицетворения солнца в своих героях. Но графику достигнуть этого было значительно труднее.

Познакомившись с работами В. Гамгия и В. Гагулия-Авидзба, можно сделать анализ представления художников о роли Человека во Вселенной.

На полотне В. Ван Гога «Жнец» «клубятся охваченные каким-то внутренним порывом пшеничные колосья. Под действием мощных динамических сил содрогается земля, выгибаясь у горизонта ломаной линией гор»[1]. Над горами желтое, как бы пшеничное, небо и солнце. Все действие сконцентрировано на маленьком клочке огромного поля.

Практически такую же картину представили В. Гамгия и В. Гагулия-Авидзба в своих работах за счет хаотичного нагромождения кукурузных стеблей.

Ван Гог представил на этом же поле еле заметную крошечную фигурку жнеца, серпом прокладывающую себе дорогу. «Между ним и природой происходит отчаянная схватка, исход которой предрешен. Человеку не одолеть грозных стихий земли и неба»[2].

В. Гамгия и В. Гагулия-Авидзба на кукурузное поле выводят значительные по размерам фигуры. И что немаловажно, фигуры женщин (а у В. Гагулия-Авидзба даже девочка); а, следовательно, художники уверены, что эти «нежные создания» могут быть противопоставлены природе, у которой без значительных усилий можно взять все, что нужно, и в первую очередь, урожай.

Таким образом Ван Гог рассматривал человека как жалкую песчинку перед лицом космических коллизий, помимо своей воли втянутой в страшный водоворот. Абхазские же художники рассматривали человека как силу, покорившую природу.

Почему такое различие во взглядах художников? В первую очередь, это связано со временем создания произведений. Прошло более ста лет, и изменилась роль Человека во Вселенной, немалую роль сыграла также марксистско-ленинская теория.

---

[1] В. Смирнов. Послесловие к книге А. Перрюшо «Жизнь Ван Гога». М.: Радуга, 1987. С. 374.

[2] Там же.

А также это можно объяснить и тем, что эти художники всегда были оптимистами и надеялись, что земля всегда будет плодородной и отблагодарит человека за вложенный труд. А у Ван Гога был период, когда Человек и Природа вступили в его искусстве в полосу неразрешимых противоречий.

Кукурузному злаку посвящает В. Гагулия-Авидзба и жанровую картину «Сбор урожая» (1977). Перед зрителем многофигурная композиция, а ее герои – женщины, чистящие кукурузу.

Художник расположила фигуры по кругу на переднем плане, но практически они занимают всю плоскость холста. И данное соотношение фигур с пейзажем – фоном – это избранная точка зрения автора на значимость труда тех, кто чистит кукурузу, тех, кто открывает истинный «потенциал» злака.

Женщины разделены на две группы: слева четыре фигуры, а справа – две. В центре круга стоит корзина, куда складывают урожай. Ноги тружениц утопают в неочищенных початках. Задний план представляет собой кукурузное поле, на котором продолжают сбор урожая. Стебли злака выходят за верхнюю раму холста, а разбросанные початки – за нижнюю. Тем самым автор подчеркивает, что урожай большой.

Труд женщин тяжел и продолжителен, им жарко. Об этом говорят второстепенные аксессуары: медный кувшин и гранаты в нижнем левом углу.

Лицо той, которая повернута анфас к зрительской аудитории, наполнено радостью, глаза излучают улыбку, а руки почти бессознательно выполняют монотонную работу, которая со временем принесет людям радость, так как люди будут сыты.

Художник при создании цветовой гаммы использует два основных цвета: красный и охристый. Первый – от розового до краплачного – передает образ Человека, а Природа представлена охристой гаммой, оттенки которой меняются от светло-желтого до черного.

Цветовой строй картины насыщен и богат оттенками. Достаточно обратить внимание на женщин, на обилие складок их одежды, каждая из которых несет в себе определенный нюанс цвета.

Тема труда находит свое воплощение в различных видах и жанрах живописи, в том числе и портрете.

Портретный жанр выбирается далеко не каждым художником, так как выразить в портрете отношение человека к трудовой деятельности значительно труднее, чем в жанровой картине. Поэтому такие произведения интереснее для зрителя, так как он вправе их «додумать».

Художник В. Аркания пишет картину «Женщина с корзиной винограда» (1978). Перед нами предстает фигура молодой девушки на фоне светло-голубой драпировки, у нее на плече корзина с виноградом.

Взор привлекает грациозность фигуры, пластика наклона головы и поднятых рук, поддерживающих корзину. Сквозь одежду угадывается линия тела. Но «изюминка» девушки заложена в глазах, их выражение придает особый лиризм и поэтичность образу (они представлены лишь черной полосой, но все заключено в их пластике).

Художник как бы сравнивает сладость женской красоты с кисточками спелого винограда, свисающими сбоку корзины. У ног девушки полная корзина ароматных фруктов.

В картине превалируют светло-голубые тона, они символизируют молодость и радость женщины; а урожай, к которому причастна героиня, несет тепло ее рук.

Данное полотно можно сравнивать с живописным произведением Мирзашвили «Сбор винограда» (1967). Художник также изображает ростовой портрет женщины, но в нем отсутствует красота женской фигуры, а, скорее, наоборот, подчеркивается ее уродливость.

Изображена она на фоне многочисленных лоз винограда. Правая рука ее вытянута в сторону пустой корзины, а левая тянется к грозди. Лицо выражает чувство усталости и нежелания трудиться. А сделать надо много – корзина пуста. И можно только предположить, каков будет исход данного действия. Фигура станет максимально изуродованной, как представленные живописцем лозы винограда, а лицо будет кислым, как будущий уксус из ягод.

Таков итог труда по представлению грузинского живописца. И насколько же правдоподобней образ, созданный В. Аркания. Ведь каждый, живущий в селе, ждет момента сбора винограда, ждет долго, постоянно поглядывая на кисти, и процесс его сбора не может быть не в радость крестьянину.

Картину В. Аркания «Урожай» (1978) можно представить как продолжение «Женщины с корзиной винограда» – цель, для которой предназначен собранный урожай.

«Фокусом» композиции является емкость, в которой мужчины давят виноград. Художник несколько отошел от «натурности» и представил чан в виде громадного (непропорционально большого по сравнению с фигурами людей) стеклянного сосуда. И зритель видит плоды деятельности давильщика. Мужчине делать это очень тяжело, он уже успел устать, о чем говорит максимально согбенная фигура (художник представил ее скорее красивой, чем уродливой). Подтверждением того, что проделан значительный объем работы, служат пустые корзины.

Мы видим, что рядом стоит девушка и мальчик с полными корзинами винограда, следовательно, процесс превращения виноградных ягод в сладкий благоухающий сок будет продолжаться.

Непропорционально большой чан подчеркивает значимость данной процедуры для жителей абхазского села. Виноградный сок ждет стар и млад: ребенок наслаждается сладостью чурчхелы и беломуша, у взрослых мужчин к этим сладостям прибавляется вино. Поэтому в сборе винограда и превращении его в сок участвуют почти все члены семьи.

Художник представил мужчину почти в голом виде, и зритель может трактовать это двояко: 1 – герою жарко; 2 – сока будет так много, что он будет в нем «купаться». Но самое главное то, что живописец оставил на теле мужчины «наряд», который подсказывает, что представленный труд – это история, уходящая своими корнями вглубь веков, и методика его не меняется.

Манера исполнения данного произведения такая же, как и предыдущего. Красиво переплетающаяся черная борода героя, красная кофта героини со светло-голубым уходящим вдаль пространством. Это не просто фон, о чем говорит стоящая позади лошадь.

Далеко не каждый любитель чая может похвастаться знанием того, что из себя представляет собой чайный лист; и кто тот герой, который бережно срыва-

ет его с «материнского» куста. Узнать об этом можно из многочисленных «рассказов» и «повестей» художников.

«Сборщицы чая» В. Гагулия-Авидзба (1978). Зритель видит многофигурную композицию у ручья; ее герои – сборщицы чайного листа. Художник расположил фигуры на плоскости холста так, что композицию можно интерпретировать двояко: 1 – четыре фигуры составляют круг, а одна фигура выпадает из него и стоит рядом; 2 – две фигуры на переднем плане, а три расположены на заднем. И в зависимости от интерпретации расположения героев можно по-разному читать представленное автором.

1. Левая часть холста занята сидящей фигурой – женщиной средних лет – вокруг нее стоят три девушки. Одна из них льет из кувшина воду на ноги своей старшей подруги. Лицо той, вокруг которой сосредоточено действие, выражает наслаждение. Девушка, оказывающая услугу, делает свое дело с большим удовольствием. Стоящая рядом с ней напарница поправляет огромную копну волос, голова ее несколько наклонена и тело полно истомы.

Девушка, которая выпадает из круга, стоит несколько приподняв юбку, ноги ее по щиколотку утопают в воде, чувствуется, что она устала. Стоит она напротив сидящей женщины, и автор хочет подчеркнуть, что больше всех устала молодая сборщица.

2. Если композицию интерпретировать по второму варианту, то молодая девушка стоит в кругу других, близких ей по возрасту подруг, и не наблюдается такой противоположности между старшим и младшим поколением и их физических затрат во время трудовой деятельности.

Композиционное построение заканчивается с правой стороны группой яблоневых деревьев, что приводит его к полной завершенности.

Автор запечатлел лишь момент, секунду отдыха сборщиц в период их тяжелого труда. Не пройдет и несколько минут, как придется опять брать корзину в руки и идти на плантацию.

На заднем плане картины небольшие холмы, засаженные чайной культурой, уходят за рамку холста с правой стороны; и очень-очень далеко – с левой. На плантации женщины собирают урожай.

Деревья на участке земли, засаженной чайной культурой, делают композицию более «теплой», приближая ее к дому.

Вода «вокруг» женщин полностью не удовлетворяет их, им хочется пить – об этом говорят стоящий в правом нижнем углу медный кувшин и фрукты.

В цветовом строе картины «Сборщицы чая» художник использует два основных цвета: красный и синий; первый – от розового до краплачного – используется для создания образа человека, второй – от светло-голубого, зеленого, почти черного – природы.

Однако в картине отсутствует «одушевленность». Героини произведения представлены в действии, но вглядываясь в их образ, представленный на полотне, зритель в полной мере не может почувствовать их движение. А ведь «дышать», «чувствовать», «двигаться» могут и кусты, и дерево, и дорога, тогда художественное видение живописца предстанет перед зрителем практическим выражением его гуманистического миропонимания, и раскроется еще один аспект познания действительности.

Труд крестьянина непосредственно связан с землей, и его итоги в полной мере зависят от урожая. Будет хороший урожай – будут довольны люди, в дом жителя села придет радость.

Вот почему художники в большинстве случаев стараются запечатлеть итог конечного труда жителей абхазского села и им является сбор урожая.

Наибольшую радость приносит крестьянину высокий урожай кукурузы, и поэтому, в большинстве случаев, на холсте представлено кукурузное поле, на котором происходит действие.

В 1980 году Х. Авидзба создает полотно «Сбор урожая», а в 1981 году пишет многофигурную композицию «Осень в Абхазии», на обоих холстах представлен процесс сбора кукурузных початков.

С точки зрения абхазского крестьянина на полотнах представлена обыденная ситуация, и герои, которые предстают перед зрителем, являются частными лицами, но в то же время автор доверяет им собственную позицию, действия героев исходят из чувств и мыслей художника. Герои живописи как бы фиксируют эффект осмысленной работы художника на кукурузном поле.

Чем же заняты герои в картинах Х. Авидзба? Они заняты сбором урожая. А этот процесс на картинах (так же как и в реальности) складывается из следующих действий: срезание стеблей, отделение от них початков, сбор стеблей в объемные охапки, укладка их на арбу и сооружение скирд (в работе «Сбор урожая» початки от стеблей не отделяют).

На холсте «Осень в Абхазии» представлено высокое дерево с мощным стволом и раскидистой кроной. Под ним художник запечатлел белую плоскость, резко выделяющуюся по колору от остальной части холста. Благодаря расположившимся вокруг нее женским фигурам, зрительская аудитория воспринимает это «пятно» как массу неочищенных початков, то есть автор хотел подчеркнуть – каков урожай в его «кукурузнике».

В картинах ясно видно, что специализация труда в сборе кукурузы зависит от возраста человека. Так срезают стебли кукурузы мужчины 60–70 лет; со срезанными стеблями работают мужчины 30–40 лет (они несут охапки стеблей, забрасывают или поднимают их на арбу). Для этих действий необходима сила и мощь. Составляют скирды молодые ребята в возрасте 20–30 лет, так как их труд должен сопровождаться ловкостью и смелостью (влезать на сравнительно высокое, ломкое «сооружение»).

Автор подчеркивает, что сбор урожая кукурузы не обходится без женщин. Они очищают стебли от початков и этим делом заняты женщины всех возрастов («Осень в Абхазии»).

Фигуры, жесты, лица героев картины наполнены серьезностью. Композиции картин несут в себе ежедневность, ежедневность повторяемого действия. Представленные сцены являются отголоском всеобщего сбора урожая на земле Апсны.

Художник не ставит перед собой задачи раскрытия психологии изображенных крестьян. Ему важно показать их внутреннюю общность, проявляющуюся в дружном слаженном труде. Люди связаны общей долей, у них одна общая забота – им необходимо собрать всю уродившуюся кукурузу. Можно говорить о том, что Х. Авидзба в данных картинах представил частный пример всеобъемлющей правды жизни.

Вся живописная система тяготеет к декоративно-плоскостному решению. Но сам труд мужчин и женщин, занятых различными действиями на кукурузном поле, сохраняет при этом реальный характер.

Используемая гамма цветов – красно-фиолетово-желтая – настраивает зрителя на положительные эмоции. В радостных, бодрых цветовых созвучиях, в ритме поз и движений героев, в красочном богатстве и просторе кукурузного поля выражено счастье и радость труда, кровная связь человека с родной землей. Общий эффект усиливается пастозностью живописи.

«Табаководы» Р. Хочава (1980). Перед нами огромное поле, обращенное к горным вершинам, оно разделено на обработанное и необработанное. И зритель уже по этому может судить о масштабах работы, которая уже сделана, и которую предстоит сделать. Земледельцы заняты различными видами труда: они боронят землю, копают, сажают рассаду табака. На полотне представлены теплицы, где были выращены молодые поросли этими же тружениками. А наличие больших сараев для табака настраивает на мысль, что предвидится большой урожай этой культуры.

К созданию данного полотна художник приступил после посещения плантации, когда в сознании живописца зародился не только образ поля, но и сопутствующие этому образу чувства. Он постарался отождествить себя с ним и поэтому смог создать предмет, похожий на поле, знак поля. И не такой знак, который мы видим у других художников.

Таким образом, можно говорить, что живописец выразил свои чувства, вызванные созерцанием табачной плантации. И в отличие от многих других абхазских художников Р. Хочава, подчеркивая общность труда в деревне, никак не констатирует, что он ему в радость.

И нужно отметить, что данная работа написана по прошествии десятилетия после его первого произведения на рассматриваемую тему, но взгляд автора на проблему не изменился. Осталась и той же манера исполнения. Выполнено произведение в единой гамме, написано довольно «сухо»; и эта манера усиливает «серость» отображения роли труда в жизни сельского жителя.

«Единство человека и земли, труда и радости, их неразделимость – вот главная мысль произведения»[1] В. Гамгия «Земля и люди» (1980).

Композиционное построение картины фокусируется вокруг лошади, на которой сидит мальчик, играющий на свирели. Слева от него пожилой абхаз, в руках он держит грозди винограда, а рядом женщина с гранатом в руках. Около их ног согнулся молодой парень с кувшином вина; вторая рука его как бы поддерживает имитированный стол на срубе дерева. С другой стороны от всадника зритель видит женщину с урожаем фасоли. Тут же мальчик, пальцы которого сжимают початок кукурузы, ниже него девочка, лакомящаяся спелой черешней; и перед этой группой запечатлен еще один мальчик, протягивающий яблоки юному музыканту.

Описанная композиция может создать впечатление перегруженности полотна, но нужно заметить, что его размеры достаточно велики (200×200). И даже, если бы оно было меньше, зрелищному восприятию не мешает обилие фигур,

[1] Б. Аджинджал. Песня о счастье // Творчество. 1976. 1. С. 21.

каждая из которых несет в себе особую смысловую нагрузку в построении сюжета. И перед глазами предстает монотонный «ковер».

Полотно заключает в себе не только момент радости от собранного урожая – праздника. В данной картине просматривается сущность бытия крестьян: они радуются собранному урожаю, но для этого надо трудиться в саду или поле, труд сменяет праздник, праздник сменяет труд.

Картина полностью посвящена счастью и лишь мысленно ощущается тот труд, который предшествовал этому счастью. В живописи художник подчеркивает, что труд направлен на радость, которая немыслима без участия младшего поколения.

В своей картине В. Гамгия, в первую очередь, искал формы и рисунок, а цветом усиливал эффект последних. Художник уделил значительное внимание рисунку; и только его оригинальность придала этому произведению некоторое своеобразие. Например, очертания коня. Он стоит боком и только голова, склонившись к земле, повернута к зрителю, но построен рисунок специфично.

Знакомясь с произведениями художников Абхазии, можно констатировать, что многие из них стремились не столько к воссозданию трудовых процессов, сколько к выражению идеи труда в различных ее преломлениях в современном обществе. Примером могут служить картины живописцев, представленные на выставке «Земля и люди» (1980).

С. Габелиа представил полотно «Трудовая семья». На большой площади холста художник представил уголок родного села. Художественный образ картины тесно связан со средой, окружающей человека. Состояние людей находит отклик в пейзаже, отношение художника к природе становится средством выражения замысла.

Персонажи композиции, передающие идею коллективного труда и даже большего – семейного труда – несут разную смысловую нагрузку. Женщины как бы олицетворяют «итог» – собранный урожай, мужчина и даже мальчик возвращает к «истокам», к значительности и трудности работы, давшей семье урожай.

В композиционном построении сделан акцент на деревьях, расположенных в правой части холста. Зрительская аудитория может догадываться об их величии по тому, что автор представил лишь их стволы, а кроны уходят за раму картины. Тем самым автор напоминает зрителю, что величие и красота сельского пейзажа немыслима без труда человека.

Живописца, в первую очередь, привлекает красота родной земли. Недаром говорится: «тот не художник, кто не любит природу». Поэтому основной акцент художник делает на передаче красоты и оригинальности осеннего колорита растительной среды. Яркость красок и пастозность исполнения усиливают эффект зрительного восприятия.

Художественный образ картины тесно связан со средой, окружающей человека. Состояние людей находит отклик в пейзаже. Отношение художника к природе становится средством выражения идеи.

На полотне В. Цвижба «Осень в Абхазии» можно видеть несколько деревьев с раскидистой и собранной кронами, они вправе олицетворять фруктовый сад вблизи дома. Около одного из деревьев мужчина приставляет лестницу, а две

женщины рядом с ним, согнувшись, держат мешок. Таким образом, художник представил сбор фруктов.

В картине, в первую очередь, представлена красота и праздничность осеннего периода в Абхазии, но это не значит, что художник не подчеркивает значимость труда человека. Его герои на переднем плане.

Произведение написано темпераментно, энергично, с присущей этому художнику большой экспрессией, широкими пастозными мазками, которые передают порыв. Лаконична цветовая гамма полотна, выраженная в напряженно звучащих сине-фиолетовых тонах, пронизанных бело-желтыми всполохами.

Несмотря на спокойные позы изображенных людей, картина проникнута движением. Этому ощущению способствует определенная фрагментарность композиции и раскидистая крона одного из деревьев.

Внимание художников не могут не привлекать пастухи, погоняющие скот. Автор живописного произведения «Вечер на Баклановке» (1984) З. Аджба запечатлел на ярком фоне заката – желто-розовая полоса заходящего солнца – две башни для корма животных, сарай и пастуха, погоняющего скот. Слева от центра – дерево, под которым стоят лошади.

Художественный образ картины тесно связан со средой, окружающей человека. Пастух привел стадо к уголку, где расположены башни для корма животных. И, следовательно, можно говорить о том, что он привел их в коровий дом, а поэтому дом пастуха где-то рядом. И мотив, представленный в картине, как бы соединяет труд и жизнь – стадо, которое он привел на Баклановку, и дом, который ждет его после трудового дня, а может быть и после значительно большего времени.

Окружающая природа, предметно-пространственная среда не воспринимаются зрителем пассивной, инертной материей. Внешний по отношению к персонажам пейзаж получил некоторую самостоятельность. Предметно-природное пространство, кусочек моря, заходящее солнце – все приобретает собственное лицо, характер, смысл. Художник стремится раскрыть множественность их значения в жизни и судьбе человека.

З. Аджба написал пейзаж «Вечер», на котором он запечатлел пасущуюся корову с теленком за забором, а на заднем плане – сарай. Можно констатировать, что взаимосвязь животного с растительным миром осуществляется не через человека-пастуха. Но представленные герои данного полотна указывают на то, что рядом присутствует человек, чей труд связан с пастушьей службой. Художник говорит зрителю, что рядом есть корм и не нужно уводить корову далеко от дома.

На полотне зритель видит и деревья, а, следовательно, можно предположить, что крестьянин занят не только скотоводством, но и выращиванием плодовых деревьев. Его трудовая деятельность широка и многогранна.

Живописец применяет обилие цветовой гаммы, в которой преобладают зеленые, охристые и синие тона.

Художник говорит зрителю, что на дворе уже вечер и крестьянин привел свою корову домой, она стоит на зеленой лужайке и продолжает пастись.

Обращаясь к произведениям абхазских художников, посвященных теме труда, можно говорить о заметной тенденции к созданию современной картины со

своеобразной аллегорической интонацией. При всей аллегоричности замысла сюжет конкретен – собран урожай. Но содержание этих картин выходит за рамки праздника урожая. Образы несут смысл понятнейших, сцена увеличивается аллегорическим жестом или фигурами, несущими в себе смысл иносказания. И в произведениях художников герой картины меняется и чем он меньше приближается к прототипу классической жанровой картины, тем в картине интересней нюансы и формы.

Для примера рассмотрим работы О. Брендель, отражающие труд абхазского крестьянина; обратив внимание, в первую очередь, на то, кто является основным героем, благодаря которому собирался урожай.

В середине 60-х годов художник познакомила зрителя с работой «Виноградники осенью». На картине представлена виноградная плантация, на переднем плане три мужские фигуры, несущие пустые корзины для сбора винограда. Живописец уделяет значительное внимание человеку. Каждая мужская фигура отличается индивидуальным рисунком, который отражает мощь мужчины, красоту его движений при ходьбе. Основной герой произведения значителен по величине, занимая 0,5 высоты картона.

Автор в данной картине не ограничивается тремя сборщиками, и на заднем плане запечатлел еще трех женщин, которые идут с полными корзинами на плечах, что также косвенно отражает силу кавказца – мужчины уже с пустой тарой, а женщины сзади – с полной.

Художник уделяет значительное внимание ландшафту. Представленная природа характеризуется яркой палитрой цветов с обилием всевозможных оттенков. Пастозность исполнения создает особую насыщенность цвета.

Среди посаженного винограда можно видеть два дерева. Они расположены как бы между двумя группами сборщиков. И несмотря на то, что деревья расположены сзади группы мужчин, первые превышают их размеры.

Исходя из этого можно говорить о том, что О. Брендель в данном произведении основательно и добросовестно занималась природой, но в то же время видела человека лучше и вернее. Она смотрела на него теми же глазами, что и на природу. Он значил не больше, чем дерево, но он значил много, так как дерево много значило.

В 1980 году О. Брендель пишет картину «Отдых», на которой представлена группа сборщиков чайного листа, отдыхающих под деревьями.

В данном случае человек отступил перед деревьями, превосходящими его своими размерами и долговечностью. Это не значило отказа от его изображения. Напротив, основательно и добросовестно занимаясь природой, училась видеть человека лучше и вернее.

Художник в данном случае подчеркивает величие и могущество деревьев, перед которыми представлен человек, а за ним чайные плантации, олицетворяющие труд, труд предшествующий сегодняшнему дню, труд не только человека, но и солнца, неба.

Данная картина написана в манере, присущей живописцу – яркая палитра цветов, пастозность исполнения.

Исходя из изложенного, можно заметить, что труд крестьянина художник может изображать, даже не делая его героем произведения или несколько «пре-

уменьшая» человека. Но во всех случаях язык живописи говорит о многомерности и величии процесса труда абхазских крестьян.

* * *

Крестьяне Абхазии занимаются не только земледелием, но и животноводством. Обилие горных пространств, пригодных для выпаса скота, давно привлекает человека, и он осваивает профессию пастуха – профессию трудную, связанную с риском и опасностью.

Художник, обращающийся к образу горного животноводства, старается эмоционально раскрыть поэзию его трудовых будней, и в этом большую роль играет пейзаж.

Горные массивы привлекают красотой, поэтому когда под их влияние попадает представитель изобразительного искусства, он спешит запечатлеть их величие и могущество.

Чтобы создать образ горной местности, незачем подниматься над уровнем моря, достаточно совершить восхождение в верховья Эшеры, как это сделала художница В. Бубнова. В ее линогравюре «В долине Верхней Эшеры» (1962) на переднем плане на выступе скалы запечатлен всадник на коне на фоне огромного белого облака. На среднем плане в долине зритель видит табун пасущихся лошадей; на заднем плане – горы.

Привлекает к себе внимание построение головы всадника, обращенной к небу. Рисунок утеса скалы и темени несколько перекликаются между собой и настраивают на мысль, что и неодушевленные горы, и человек, а вместе с ним и животные зависят от того, что принесет с собой облако.

Каждого жителя Абхазии с детства завораживают запахи спелого сочного винограда, груш, яблок и многих других фруктов, нравится вкус вареной кукурузы и мамалыги с сыром.

Молодое поколение знает и понимает, то это яркое ослепительное великолепие создает народ Апсны, и ему хочется сказать «спасибо» своим старшим товарищам.

Так, В. Гамгия перед окончанием Академии художеств задается вопросом: как отблагодарить Абхазию, ее народ за то, что, благодаря своим естественным ресурсам, труду ее людей, она позволила ему стать графиком? И говорит «спасибо» именно народу Апсны, частицей которого ему посчастливилось быть самому. Следствием этого явилась его дипломная работа «Абхазия сегодня» (1971), воспевающая мирный труд жителей абхазского села.

Главное, что обращает внимание – как образно интерпретировал художник пространство и время в своем произведении. Перед зрителем представлены сюжеты весенних («Весенние работы») и осенних («Сбор кукурузы», «Деревенская любовь», «Сбор урожая») забот тружеников села; итогом их труда явилась «Подготовка к свадьбе».

График выбирает одно измерение, одно направленное движение, которое определяется нуждами человека. Ради будущего урожая люди трудятся в поле. Будущее определяется «здесь» и «теперь». Построение образа позволило в одном пространственном ряду передать и подготовку события, и акт свершения, и конечный результат.

Такая интерпретация пространства и времени была характерна для работ многих художников бывшего СССР в 60-х годах. Например, так организованы композиции (триптихи) А. Никича, Т. Салахова и других. «При этом плоскостное решение и одномоментность ситуации каждой части целого в отдельности были здесь равно необходимы и выражали определенным образом понятое и эстетически интерпретированное пространство – время существования героя»[1].

В. Гамгия был первым в Абхазии, кто применил этот метод в передаче образов.

Первая работа из данной серии «Весенние работы» композиционно разбита на отдельные группы, которые связывает между собой громадное дерево. Именно оно держит все построение.

Верхняя часть графического листа представляет перед зрителем момент возделывания земли с помощью волов и посев семян. Но мужчина, который осуществляет посев, хотя и превышает размеры остальных фигур, значительно уступает масштабам животных. И тем самым график хочет подчеркнуть, что процесс обработки земли – вспашка – очень трудоемкий и требует больших физических затрат.

С левой стороны относительно центрального дерева расположена пара – мужчина и девушка, – которые боронят землю. Внизу, непосредственно под деревом, три девушки высаживают рассаду, а с левой стороны дерева трое молодых людей пропахивают уже успевшую подрасти культуру.

Художник небезосновательно запечатлевает насаждения непосредственно под деревом, стараясь тем самым еще раз подчеркнуть, что принесут людям земля и их труд.

Персонажи данной композиции передают идею коллективного труда, несут разную смысловую нагрузку: девушки как бы олицетворяют особую нежность в обращении с молодой порослью, по сравнению с теми, кто маневрирует семенами.

Фигура сеятеля говорит о том, что главная цель в этой групповой работе предать кукурузу земле; без этого действия не будет центрального дерева.

Однако в композиции художник не отводит данному герою главную роль.

Ведущая роль отведена не человеку, как таковому, а плоду его самоотверженного труда – выращенному дереву. Его можно рассматривать и как древо жизни.

В. Гамгия отличает правильный реалистический рисунок. Он делает его тонкими черными линиями, если фоном служит белый цвет, и белыми линиями, если фон черный, достигая значительной динамичности фигур. Дерево, вокруг которого фокусируются отдельные сцены, так же, как и аксессуарные композиции, представлено автором в плоскостном решении.

Хотелось бы отметить красоту отдельных составляющих, в частности, волов. Линия, которой маневрирует график, создает неповторимое, законченное, ограниченное пространство, выливающееся в особую сотворенную им красоту.

Окончились весенние полевые работы, прошло определенное время, и наступил период сбора урожая.

---

[1] А. Ягодовская. От реальности к образу. М.: Советский художник, 1985. С. 95.

Кукуруза для абхазов – это хлеб. Есть хлеб, люди будут сыты, здоровы и будут способны жить полной плодотворной жизнью, радоваться и смеяться. Поэтому художник и отводит этому злаку особую роль («Сбор кукурузы»).

График на одном листе представил все стадии сбора кукурузы – от ломки злака до его чистки. Главные герои отдельных сцен изображены в действии.

В левом верхнем углу запечатлены три женские фигуры, а в правом нижнем – две мужские и все они заняты ломкой кукурузы.

Художник подчеркивает высоту кукурузных стеблей сравнением их с мощью мужской груди и ростом человека.

В нижнем левом углу две женщины стараются поднять драгоценный груз – будущий хлеб; и рисунок тела передает усилие, необходимое женщинам в этом нелегком труде.

В верхнем правом углу главным героем является тот, кто несет собранные стебли; и как много початков в этой ноше видно по согбенной фигуре и переданном ею напряжении.

Над фигурой мужчины скирды злака. Автор изображает их так, что верхние концы уходят за раму линогравюры, а отдельные стебли кукурузы разбросаны по всей плоскости бумаги.

Такое распределение собираемой культуры дает возможность зрителю представить, что за раму бумаги уходит громаднейшее земельное пространство, заполненное данным злаком.

Выше рассмотренные отдельные сцены собраны вокруг центральной. Героями ее являются три женщины, занятые чисткой кукурузы – основной целью, на которой сосредотачиваются все действия других героев. Женщины сидят на фоне скирды, которая представлена в полном объеме; и центральным ее изображением старается художник подчеркнуть плод труда – собранная кукуруза.

Автор на сравнительно небольшом пространстве запечатлел много фигур, что может являться синонимом высокого урожая.

«Низка табака». Перед зрителем представлены все стадии обработки табачной культуры – от сбора табачных листьев до вывешивания их сушить.

В центре композиции сидят три женщины, занятые низкой табака. Они проделали уже значительный объем работы, так как аккуратно нанизанные листья лежат рядом с ними.

Взгляд зрителя после центральной композиции направляется в левый верхний угол – туда, где две женщины заняты сбором табачных листьев со стеблей, а в правом верхнем углу двое мужчин подвешивают низки табака.

Об обилии урожая можно судить не только по количеству представленной культуры, но и по тому, что автор сверху центральных фигур изобразил три пустые корзины, а внизу почти всю площадь занял порожней арбой.

Наступает осень – время сбора и давки винограда, и это является темой следующего листа В. Гамгия «Изобилие» (1972).

Изобилие может являться символом положительных итогов труда людей на земле.

В центре – в огороженном круге – запечатлен молодой человек на коленях, черпающий вино из зарытого сосуда, позади него еще такой же сосуд и кувшин, который собираются наполнить. Огороженное пространство значительно по величине, и это говорит о том, что вина в достаточном количестве.

Данная сцена представляет собой итог предварительных действий, запечатленных вне огороженного пространства.

В левом верхнем углу представлено дерево, которое обвито лозой винограда, под ним корзины. В одну корзину женщина высыпает виноград и она почти полна; а рядом стоит мужчина с пустой корзиной для сбора. Зрительская аудитория видит пустую тару, а следовательно, еще будет собрано много урожая.

Остальную верхнюю часть плоскости листа занимает длинное корыто, в котором согнувшись, стоит мужчина и ногами давит виноград.

Следующие сцены показывают цели предыдущих работ. Справа стоит мужчина, в руках у него рог для вина, а женщина с кувшином, а в левом нижнем углу стоит на огне котел, сидит женщина, держит в руках нанизанные на нитку орехи и опускает их в сок. Рядом стоит мальчик, получивший вкусную сладость – чурчхелу, а с правой стороны сидят трое детей, которые уже насладились вкусом чурчхелы.

Тем самым художник выразил на бумаге изобилие, которое приносит виноград людям любого пола и возраста.

«Сбор урожая» (1972). График запечатлел яблоневый сад в летне-осенний период, когда яблоки наполнились соком и распространяют неповторимый аромат. Именно в это время в саду те, кто является как бы связующим звеном между деревом и той частью народа, которая будет наслаждаться вкусом яблок.

В центре линогравюры расположено дерево шарообразной формы (как и все остальные), «внутри» которого явственно представлены листья и плоды. А под ними женщина, руки ее высоко подняты: она дотянулась до яблока и бережно держит его в ладонях.

Рядом с ней стоит мужчина с корзиной. Женщина повернута к зрителю боком; а тело мужчины – в фас, однако лицо в профиль. Тем самым автор старался подчеркнуть общность действия между ними.

Слева от них – около другого дерева – спиной к зрительской аудитории – расположена еще одна фигура сборщика. Мужчина тянется одной рукой к яблоку.

На переднем плане представлена мужская фигура, стоящая на одном колене; левой рукой он опирается на пустую корзину, а правой – обхватил еще одну; и женщина, сидящая рядом с ящиками, наполненными яблоками.

На заднем плане – уходящие вдаль деревья. Художник воплотил их в декоративной форме.

Композиция данного произведения явно говорит о том, что сборщикам предстоит собрать немалый урожай.

В рисунке фигур передана мощь человеческого тела за счет выделения мышц. Особенно это чувствуется в фигуре мужчины, стоящего под центральной яблоней. Таким образом художник хотел указать зрителю на трудность сбора яблок, но в то же время подчеркивал, что каков бы ни был труд, мужчинам всегда помогают женщины.

«При создании политиптиха «Абхазия сегодня» В. Гамгия использовал одну и ту же манеру исполнения (рисунок сделан тонкими линиями); композиционное построение у художника единое и преимущественно «фокусом» его работ служит человек (исключение дерево).

В его графических листах не чувствуется объемности – все решается в одной плоскости (за исключением листа «Сбор урожая»); все составляющие политиптиха максимально насыщены, что не мешает общему восприятию.

Таким образом, художник ничего не менял в манере исполнения и в композиционном построении составляющих серии «Абхазия сегодня», но внесение незначительных нюансов, отличающих их друг от друга, пускай сразу же и не увиденных зрителем, подвластно сделать их оригинальными и придать каждому листу индивидуальность, не покушающуюся на целостность восприятия всего построения графической работы.

Кроме того необходимо отметить, что образы, созданные в политиптихе, заключают в себе несомненно большее, чем момент повседневности. В серии работ «Абхазия сегодня» определена сущность бытия крестьян: они возделывают землю, чтобы посадить; посадить, чтобы собрать; собрать, чтобы радоваться собранному урожаю. В этом заключается круг их нелегкой жизни, нечто вечное и неизменное, искони им присущее.

В рассматриваемых произведениях В. Гамгия-графика художник изображает крестьян, которые возделывают землю, ломают и чистят кукурузу, давят вино; каждый в отдельности он отличается определенной характерностью и индивидуальностью. Человек-крестьянин, приступающий к тому или иному виду труда, не остается постоянным, он также несколько преображается: и тот, кто копает, ни в коем случае не будет похож на того, кто ломает кукурузу, а последний будет отличаться от человека, собирающего яблоки.

Молодой график хотел показать многохарактерность труда в своей стране, но не обратил внимания на существенные черты крестьян, которые отличают пахаря, земледельца, чистильщика, ломщика кукурузы друг от друга.

Для художников Абхазии присуща потребность черпать из народно-национальных истоков; это ощущается и в отборе как наиболее характерных самобытных черт народной жизни («Портрет колхозника»), так и в меткости образно-пластической структуры произведений («Сушка табака»).

«Портрет колхозника» (1976) З. Джинджолиа. Зритель видит перед собой небольшую линогравюру, но впечатление, которое она производит на него, огромное. График, живя среди своих земляков, отлично зная их, запечатлел старого крестьянина ярко и жизненно. Художник проник в саму суть натуры; смог показать трудности ее жизни, раскрыть ее душу и подчеркнуть умственную смекалку героя. Особенно хочется отметить глаза модели: в них чувствуется умственное напряжение и мысленные переживания. Суровое, мужественное лицо с крупными чертами подсказывает публике о тяжелой, трудной жизни героя. Нелегкость жизненного пути, в первую очередь, связана с трудовой деятельностью колхозника.

Художник воплотил в представленном образе труд прошлого дня, труд свободного человека, хозяина земли.

Литография Р. Барциц «Сушка табака» (1982). Большая часть плоскости листа занята готовыми низками табака, передний план загружен теми же листьями, но в корзинах или же просто разбросанными по земле; на заднем плане – с холмов спускаются крестьяне, несущие в корзинах собранный урожай. Тем самым автор подчеркивает: каков урожай данной культуры, каков объем работы произведен и сколько нужно еще сделать, и что именно.

Главное – нужно произвести шнуровку табака, поэтому на переднем плане представлена сидящая женщина, производящая это действие. Эстафету у нее принимают стоящие мужчина и женщина, фиксирующие эти низки на деревянные основы.

На переднем плане зрительская аудитория видит еще одного героя – паренька, который стоит на коленях и, обратившись лицом к той, кто нанизывает табачные листья, играет на духовом национальном инструменте; тем самым график наполняет свое произведение особым лиризмом и стремится показать, что как бы ни устал человек от труда, связанного с землей, он всегда готов петь песни, воспевающие благодатную землю Апсны.

Песенность труда крестьян Апсны усиливает песенный склад графики Р. Барциц, который точно отражается в основных элементах ее языка: введение контура и ритмики. Линия у графика движется плавно, певуче, гибко очерчивая границы округлой формы (особенно это чувствуется в фигуре стоящей женщины).

ВЫВОДЫ

На основании изучения картин, посвященных судьбе деревни, можно констатировать:

1. а) На протяжении 160 лет (1777–1937) наблюдалась строгая зависимость между обращением художника к теме праздничных мотивов и его принадлежность к крестьянскому сословию;

б) при обращении художников к теме труда такая соподчиненность не обнаружена.

Данные выводы не ограничиваются русской и советской живописью.

2. Художники Абхазии на протяжении полувековой истории стремились отразить на языке изобразительного искусства судьбу деревни; это связано с тем, что художники в большинстве случаев являются выходцами села.

3. История темы трудовой деятельности в деревне насчитывает более 435 лет.

4. Появление темы труда в живописи абхазских художников датируется концом 20-х – серединой 30-х годов (жанровые картины – 1941).

5. В начале 60-х годов в живописи появляется новый герой – человек, у которого нет конфликта с миром; словно мир, завоеванный им, весь состоит из односельчан. Монументализированная грандиозность композиции, динамика обобщенных форм; уравновешенность основных масс и ритмов внутри конструктивной слаженности картины (автор Х. Авидзба).

6. Художники стремились не столько воссоздать сам трудовой процесс, сколько выразить идею труда в различных ее проявлениях в современном обществе (выставка «Земля и люди», 1980 г.).

7. В произведениях абхазских художников, посвященных теме труда, наблюдается тенденция к созданию современной картины со своеобразной аллегорической интонацией. При всей аллегоричности замысел сюжета конкретен – собран урожай. Герой картины меняется, и чем он меньше приближается к прототипу классической жанровой картины, тем в картине интересней нюансы и формы (О. Брендель «Виноградники осенью», 1964; «Отдых», 1980).

▫

АЛЕКСАНДР ДРОЗДОВ

ОЧЕРКИ АБХАЗСКОЙ ПРОЗЫ

Александр Михайлович Дроздов (1895–1963) – московский прозаик, литературный критик, журналист, редактор, переводчик. Обзорная статья А. Дроздова «Очерки абхазской прозы» была опубликована в журнале «Новый мир» (1949, № 4. С. 256–269). Статья была в том же году перепечатана в газете «Советская Абхазия» (1949, №№ 99–101).

1

Дмитрию Иосифовичу Гулиа, основоположнику абхазской литературы, сейчас семьдесят пять лет: это еще крепкий седой человек, с глазами, не потерявшими ясного света, с тихой, учтивой, но далеко не бесстрастной речью. Особенно выразительны его руки. Сухие пальцы даже в спокойном состоянии производят впечатление сильных. Если же он возьмет в руки книгу, то перелистывает ее с энергией и живостью, готовый восхищаться автором или непримиримо, принципиально спорить с ним. Карандаш он держит крепко, и даже есть что-то грозное в том, как его пальцы сжимают деревянные грани; карандаш кажется в руке Дмитрия Гулиа оружием, чем он, по сути, всегда и был в его долголетней борьбе за просвещение народа.

О народном поэте Абхазии нельзя сказать: длинная жизнь прожита; эта жизнь продолжается деятельно и трудолюбиво.

Среди многих литературных и научных трудов Дмитрия Гулиа есть составленный им «Сборник абхазских пословиц, загадок, скороговорок»[1]. В нем я нашел такое речение, записанное из уст народа: «Этот человек идет по большой дороге». Слова эти хочется применить к жизни поэта.

Кипучая деятельность Дмитрия Гулиа началась давно, в девяностый годах прошлого века.

История многих народов, входящих в состав Советского Союза, знает сильные, яркие личности, духовная красота которых бросала свет в темную ночь царизма, освещая путь пробуждающемуся национальному самосознанию.

---

[1] Д.И. Гулиа. Сборник абхазских пословиц, загадок, скороговорок, омонимов и омографов, народных примет о погоде, заговоров и наговоров / Труды Абхазского научно-исследовательского института языка и истории им. акад. Н.Я. Марра. Вып. IX. – Сухуми, 1939. – 164 с. – На абхазском и русском языках.

Это были люди смелого сердца и высоко парящей мысли, люди, далеко глядящие вперед, демократы и гуманисты, великие просветители, оставившие в истории своих народов блестящий след. Они видели в русском народе старшего брата, верного союзника в борьбе за национальную и политическую свободу. Деятельность их была направлена вперед, ко благу народа, обращена к его раскрепощению, к высвобождению демократических сил из-под гнета правящих классов. Одни из них, надорвав силы, в нищете умирали на больничной койке, сходили с ума. Так погиб великий осетин Коста Хетагуров[1]. Другие по внешности благополучно завершали свой жизненный путь, не дождавшись осуществления всех своих стремлений, и все же видя, что дальний рассвет уже трогает краешек неба. Так умер казахский просветитель Абай Кунанбаев[2].

Дмитрий Гулиа, позднее выступив на общественно-просветительскую арену, дождался победы революции. Долгие годы его многосторонняя деятельность встречала тысячу препятствий и подозрительность крупных царских администраторов, которые не прочь были дать абхазам воспитание, «соответственное правительственным видам». Для этой роли Дмитрий Гулиа не годился, правительственным видам не отвечал. Первое напечатанное его стихотворение начинается строками:

Здравствуйте, трудящиеся,
В поте лица работающие,
Трудом сеющие…

Уже одно это было нехорошо и подозрительно! Поэт указывал слишком точный адрес своих читателей, и по этому адресу вскоре стал посылать такие стихотворения, как «Ходжан-Ду», «Гуляка» или «Хищник». С недюжинной сатирической силой рисуя в них образ «плута» и «хищника», он тут же предрекал ему предстоящее немирное упокоение в море народного гнева:

… Но верю я: пройдут года –
Этот хищник подлый, этот плут опасный
Будет уничтожен, сгинет навсегда!

Творческий облик поэта формировался под прямым и непосредственным воздействием великой русской демократической литературы и таких классиков грузинской литературы, как Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели[3]. С раннего детства он жил в атмосфере их могучего творчества, и был усердным переводчиком А. Церетели на абхазский язык[4].

В наши дни Дмитрий Гулиа – виднейший деятель абхазского отряда грузинских писателей[5], романист, рассказчик, поэт, истолкователь фольклора,

---

[1] Коста Хетагуров (1859–1906) – осетинский поэт.

[2] Абай Кунанбаев (1845–1904) – казахский поэт, композитор, просветитель, основоположник казахской литературы.

[3] Илья Чавчавадзе (1837–1907), Акакий Церетели (1840–1915) – грузинские поэты.

[4] См., напр., издания: Д.И. Гулиа. Воспитатель (Вольный перевод поэмы А. Церетели). Под чужим небом (Рассказ). – Сухум, 1923. – 24 с. – На абхазском языке; А. Церетели. Воспитатель: Поэма / Вольный перевод Д. Гулиа. – Сухум, 1936. – 27 с. – На абхазском языке.

[5] Не будем забывать о годе издания статьи – 1949.

ученый лингвист. Но в то же время он – и впервые забивший родник абхазской письменной литературы, ее живая традиция. Не проследить ее столь наглядного истока невозможно. Вот почему я оглядываюсь на «большую дорогу» Дмитрия Гулиа.

Литературная деятельность Дмитрия Гулиа развернулась в годы, когда Сталин создал Батумский комитет ленинской партии, в годы, когда в самой Абхазии уже сложилась в подполье большевистская организация[1]. М. Делба[2] в своей работе «Основатель абхазской литературы Дмитрий Гулиа»[3] приводит слова Басяты Агрба, старика-крестьянина из Гудаут: «батумский ветерок пробудил нас, крестьян, и в Абхазии». Нужно помнить, что и просветительную работу Дмитрия Гулиа, и его литературную деятельность овевал этот крепкий батумский ветерок.

Абай Кунанбаев был выходцем из байской среды. Коста Хетагуров – сыном прапорщика горской милиции. В противовес этим своим старшим братьям по просветительству, Дмитрий Гулиа вышел из среды бедного трудового крестьянства.

Он родился в селенье Уарча Гумистинского участка, на берегу сильной, мускулистой реки Кодор, которая, сбегая с гор, здесь, в долине, уже спокойней несет свои стремительные воды.

Детские впечатления дикого насилия, самоуправства, жестокости позднее отложились в поэме «Песнь об Абхазии». Горькое детство многое определило в дальнейшем жизненном пути Дмитрия Гулиа; и любить и ненавидеть он научился с равной силой.

Он научился упорству в достижении намеченной цели. Ни бог христианский, ни бог магометанский, миролюбиво уживавшиеся на абхазской земле, не помогали ему. Не помогали ему и люди, державшие в своих руках власть над абхазами. В своих воспоминаниях «Три школы» Дмитрий Гулиа рассказывает, как попал в школу и как учился. Этот автобиографический рассказ, при всей мрачности материала, написан с жизнерадостностью человека, который добился того, что хотел. Он написан рукой художника страстного, и может служить образчиком хорошей абхазской прозы. Очень жалко, что писатель такого исключительного жизненного опыта не написал своих «университетов».

После двухклассной школы Дмитрию Гулиа удается поступить в горийскую учительскую семинарию. Ученье его, в общем, продолжалось не свыше пяти лет. Сначала болезнь, а потом смерть отца и матери, оставивших на руках юноши четырехлетнюю сестренку, помешали его систематическому образованию. Путь ученичества оборвался; началась одинокая борьба самородка из народа. В конце концов, ему удалось сдать экстерном на звание учителя начальной, а потом и средней школы.

Беглый перечень этих событий говорит о незаурядной нравственной силе, о характере, который нелегко согнуть. Надо помнить, что в 90-х годах прошлого

---

[1] На эту тему в Абхазии была выпущена книжка: Сталин и Хашим (1901–1902 годы): Некоторые эпизоды из батумского подполья / С предисловием Н. Лакоба. – Сухум, 1934. – 42 с. Книжка эта неоднократно переиздавалась при жизни Сталина, была переведена на многие языки народов СССР.

[2] Михаил Константинович Делба (1905–1992) – председатель Президиума Верховного Совета Абхазской АССР (1938–1948), председатель Совета Министров Абхазской АССР (1948–1953). Автор ряда книг различной тематики.

[3] М. Делба. Основатель абхазской литературы Дмитрий Гулия / Под ред. А.К. Хашба / Труды Института абхазской культуры им. акад. Н.Я. Марра. Вып. VII. – Сухуми, 1937. – 63 с.

века в Абхазии были только две школы: в Сухуми и в селенье Окум. Знания юноша брал с бою.

Что же двигало им? Желание выбиться из нужды? Честолюбие? Им двигало одно стремление: просветить народ, который дал ему жизнь и который сам жил в бесправии, в темноте, среди предрассудков родового строя, порою не только жестоких, ко и кровавых. Народ был в плену такого обычая, как аталычество – князей в детстве воспитывали в крестьянских семьях, чтобы впоследствии, опираясь на молочное родство, эти князьки могли легче и беззастенчивей обирать своих абзыцвашей[1]. Народ чтил обычай кровничества. Владетели и князья держали народ в этой духовной, идеологической кабале для того, чтобы он без ропота сносил кабалу экономическую, воспринимая ее не как грабеж, а тоже как своего рода священный обычай, как извечный распорядок, установленный богом или аллахом во славу неба и гор.

Не нужно думать, что классовый механизм общественного строя тех лет был ясен молодому деятелю на пороге его сознательной жизни. Но что любовь к трудовому народу, который бился в нужде и страдал от деспотизма на его глазах, была основой деятельности Дмитрия Гулиа – это несомненно. Его деятельность самим характером своим говорит как о ее истоке, так и о дальней цели. Семнадцати лет от роду, в 1892 году, Дмитрий Гулиа вместе с К. Мачавариани садится за составление абхазской азбуки. Это большая дата в развитии абхазской культуры. Отныне рождается письменность на абхазском языке. До этого первую попытку создать азбуку (в 1862 г.) предпринял генерал П.К. Услар, человек глубоко сведущий в области горских языков, «знаменитый», по определению Н.Я. Марра, «русский языковед». Но его азбука, как и букварь абхазского языка генерала И. Бартоломея (1865 г.), до школ не дошла, в народе не привилась. Дмитрий Гулиа пишет: «Целью Услара было не обучение детей абхазцев грамоте, но изучение самих абхазцев, их обычаев и нравов, чтобы нащупать более легкие пути для полного подчинения Абхазии русскому царизму».

С работы над азбукой начинается обширная научная деятельность Дмитрия Гулиа, которая идет параллельно с педагогической, литературной и практически-культурнической его работой. Он обучает детей в начальных школах, затем преподает в учительской семинарии. Первый и единственный до революции писатель Абхазии, автор «Сборника стихов» и «Любовного письма», автор первой абхазской повести «Под чужим небом», в которой отражены страдания народа при царизме, Дмитрий Гулиа стремится разбудить в своих учениках не только потребность в знании, в чтении, но и в непосредственном литературном творчестве. В семинарии возникает литературный кружок; кружок издает «Утреннюю звезду», рукописный журнал. Поэтически робкие, но свежие голоса молодежи подымают силы одинокого учителя и поэта. «Я убедился, – записывает он, – что мой труд не пропал даром, посев показал свои всходы. Увидел я яркую утреннюю звезду; надо полагать, что скоро станет светло».

В ожидании рассвета и чтобы ускорить его наступление, неутомимо трудится этот энергичный, целеустремленный человек, издавая и собственные книги, и переводы русской, грузинской, украинской классики[2], издавая исследования

---

[1] Абзыцваш (абх. абзыцәашьа) – молочный брат.

[2] Среди них: «Слово о полку Игореве», «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели, произведения А. Пушкина, Т. Шевченко. – *Прим. авт.*

по абхазскому языку и такие практические, незаменимые в крестьянском обиходе книжки, как «Лечебник маленький», «Абхазский календарь» или «Как выбрать молочную корову»[1]. «Я не имел возможности, – пишет Дмитрий Гулиа, – развивать свою работу; кроме препятствий, поддержки ни от кого не получал. Потому моя работа шла очень медленно». Но и эта медленная работа сумела принести свои плоды.

В 1919–1920 годах Дмитрий Гулиа становится первым редактором первой абхазской газеты «Апсны»[2].

После революции не только любовь народа, но и молодая народная власть поддерживают Дмитрия Гулиа во всех его начинаниях; нет, кажется, такой области культуры и просвещения, к которой Дмитрий Гулиа не приложил бы рук. Абхазия не знала театра. Дмитрий Гулиа создает театр. Своих учеников по семинарии он делает актерами. Даже актрисы есть у него – абхазские девушки, мужественно разрушившие стену, отделявшую абхазок от общественной жизни. Нет пьес? Дмитрий Гулиа пишет пьесы, он переводит пьесы с грузинского, понятные народу и способные побудить его к общественному действию. И пока он – новоявленный режиссер и драматург – в ночные часы ведет репетиции, его жена, при свете лампы, шьет занавес из крашеных холстин. В эти горячие дни нет отдыха и почти нет сна. Труппа, декорации и реквизит грузятся на подводы. Скрипят колеса на горных дорогах, прохожие почтительно останавливаются в сторонке, приветствуя первых бродячих актеров Абхазии, которые везут в деревни революционное слово и радость нового искусства. Перед тем как разыграть свои веселые комедии, актеры поют «Интернационал», переведенный Дмитрием Гулиа на абхазский язык.

Если до революции работа Дмитрия Гулиа, по его признанию, протекала медленно, то теперь она развивается социалистическими темпами. Абхазовед и лингвист, сотрудник академика Марра[3], автор многих исследований. Преподаватель абхазского языка в Тбилисском университете, председатель Академии абхазского языка и литературы, действительный член Грузинского историко-этнографического общества, кандидат этнографических наук, деятельный член абхазского Союза писателей, автор обширного романа «Камачич» о старой деревне. Нет ничего неожиданного в том, что приезжие фольклористы, собирая в равнинных и высокогорных аулах народные песни, записали тексты, которые на поверку оказались стихами Дмитрия Гулиа.

Какая счастливая старость! Недаром самое яркое выражение его глаз, самое запоминающееся и сильное – это выражение счастья. В семидесятипятилетнем

[1] Гулиа Д.И. Как выбрать хорошую, здоровую корову = Ажәхьа бзиа зҩыда алпшаара/ Перевод с русского = Аурысшәа аҟнытә еитагоуп. – На абх. яз. – Сухум, 1919; Гулиа, Д.И. Абхазский календарь = Апсуа календар: стил ҿыцла: рапхьаза апсышәаала итытцыз: ипшьа Анцәаду ари 1920тәыи ашықәс ҿыц ауааи, апстәкәеи, апсаатәкәеи, аҽеаҩреи рзы аамта бзианы. – На абх. яз. – Сухум: тип. А. Зайдшера, 1920. – 19 с.; Гулиа Д.И. Абхазский календарь = Апсуа календар: стил ҿыцла: 1921тәыи ашықәс азы. – На абх. яз. – Сухум: тип. А. Зайдшера, 1921. – 19+6 с. «Ахушәтәра шәҟәы» («Лечебная книга»).

[2] «Апсны» – первая газета на абхазском языке, выходила в Сухуме с февраля 1919 по февраль 1921 г.

[3] В 1925 г. ученый-востоковед, один из основоположников абхазоведения Николай Яковлевич Марр (1864–1934) создал Академию абхазского языка и литературы, которую в 1927 г. возглавил Д.И. Гулиа.

поэте нет успокоенности, иначе бы его взгляд был безмятежным и тихим. Этот человек, в далекие годы, работал одиноким; теперь друзья каждый день переступают порог его дома на зеленой сухумской улице, светлого дома, в окна которого видны новое здание Правительства, горы и синее небо над ними; его руку пожимает колхозник Тарба из селения Дурипш, мастер кукурузных полей, пионер из сухумской школы и горняк с ткварчелльских шахт. С народом, вдохновляя его, оставался Дмитрий Гулиа в дни Отечественной войны, когда альпийские дивизии фашистов рвались в Абхазию через снежные перевалы и бои шли в Псху – легендарном селении, спрятанном в узкой долине среди горных ледников. В эти дни прозвучала «Песня о Сталине», живой патриотизм которой и несокрушимая вера в вождя помогали верным сынам Грузии, ставшим под винтовку, отстоять свои чайные, цитрусовые, табачные плантации, свою молодую индустрию, свои кукурузные поля, жизнь своих детей и женщин, свою социалистическую родину. После войны Дмитрий Гулиа пишет «Осень в деревне», поэму, в которой поэтический образ колхозника Смела зовет людей к трудам послевоенной пятилетки.

До революции Дмитрий Гулиа был одинок, а сейчас, на его глазах, воспитанные партией, выросли новые писатели и поэты. Им все открыто: знания, культура, искусства, возможность непосредственно наблюдать жизнь в ее чудесных изменениях и восходящем развитии, возможность быть участниками и строителями коммунизма на родной земле. Дмитрий Гулиа по праву может смотреть на них, как на свою смену, которой он, родоначальник абхазской литературы, много дал и от опыта своей жизни, и от родника своего творчества. В Абхазии нет писателя, который не учился бы у Дмитрия Гулиа активной любви к народу и строгому, самокритическому, ответственному отношению к художественному слову. Редкое сочетание: те традиции прошлой культуры, которые были плодотворными и здоровыми, вливаются в поток современной культурной жизни не только через книги, но и через живое общение нынешних писателей с создателем абхазской письменности. Дмитрий Гулиа сейчас, в дни своего семидесятипятилетия, за долгое, талантливое и самоотверженное служение народу награжден высокой правительственной наградой – орденом Ленина.

2

В упомянутом выше романе Дмитрия Гулиа «Камачич» изображены дореволюционная абхазская деревня и грустная судьба деревенской девушки: Камачич рвется к яркой, деятельной жизни, а деревня, угнетенная социальным неравенством, скованная суевериями и жестокими обычаями, цепко держит в своей власти эту пылкую душу. Умелой рукой романист показывает творческую игру воображения подростка: Камачич смотрит на облака и в летучем изменении их видит облики людей-гигантов и читает их фантастические судьбы. Вся она – сгусток энергии. Наравне с юношами она участвует в конных состязаниях. Ее, как взрослого мужчину, слушаются буйволы. Ей хочется учиться. Вместе со своим отцом, бедняком Альясом, она предпринимает бесплодные попытки определиться в сухумскую школу.

Но ничто, ничто не удается ей. На страницах романа, как птица в силках, бьется эта обреченная девушка. Единственное движение в романе и составляют

отчаянные попытки Камачич выйти из круга тесной женской судьбы, предначертанного людьми и аллахом. Но деревня неподвижна и страшна теми законами человеческого общежития, которым она повинуется. Бедняки покорны князьям и абрекам, грабящим их. Если покорность нарушена, льется кровь. Законы аталычества и кровничества, власть суеверий, мулла, лечащий женщину, «заболевшую от русалки», тем, что избивает ее кораном, всемогущая знахарка Сельма, обряд спасения души утопленника и другие дикие обряды и заклинания – весь этот уклад определяет поражение Камачич. Дмитрий Гулиа изображает этот косный, отсталый быт со всей точностью художника-реалиста, хорошо знающего тяжелое прошлое своего народа. Наконец появляется дворянин Тотластан и губит последние надежды Камачич. Она убивает его. Этот полубеспамятный порыв воспринимается, как акт предельного отчаяния, как безысходность.

Косный мир старины растоптал беспомощный протест Камачич.

Однако в романе «Камачич» выпало очень важное идейное звено. Дмитрий Гулиа писал о прошлом абхазской деревни в наши дни. Хотелось бы, чтобы художник, подымая пласты минувшего, позорче рассмотрел те социально-творческие силы в крестьянстве, угнетаемые и гонимые, которые, в конечном счете, создали советскую абхазскую деревню. Во всяком случае, нужно бы притушить чувство обреченности, возникающее при знакомстве с поэтическим образом Камачич, дать понять, что обречена – в историческом плане – не Камачич, а обречены социальное угнетение, русалочье царство и власть суеверий.

В романе другого абхазского прозаика Ивана Папаскири[1] «Темыр»[2], наоборот, люди нового времени торжествуют над стариной. События романа относятся к тридцатым годам, к годам коллективизации сельского хозяйства. Со времени установления в Грузии советской власти прошло немногим больше восьми лет. За эти восемь лет и в абхазском крестьянстве, благодаря победе социализма, уже началось «быстрое, настоящее… движение вперед, во всех областях общественной и личной жизни»[3]. Роман И. Папаскири как бы продолжает летопись о деревне, начатую в «Камачич», хотя и написан раньше, чем Дмитрий Гулиа написал «Камачич». Этнографический и бытовой материал тоже очень обширен в «Темыре» и наглядно демонстрирует, как, с утверждением социалистических форм жизни, постепенно, в острой борьбе, рушатся «извечные законы гор».

Реалист по своему методу, знаток народной жизни и в этом смысле последователь Дмитрия Гулиа, сам выходец из деревни, И. Папаскири привлекает в свой роман, как я говорил, обильнейший этнографический и фольклорный материал. Нужно близко знать Абхазию, особенно ее деревню, чтобы убедиться, как живучи в ней формы старой национальной обрядности. Я говорю – формы, потому что классовое содержание давно отлетело от них. Почитание *всякого* гостя, как лица священного, сменилось почитанием *гостя-единомышленника*, брата по общему делу построения коммунистического общества; уж во всяком случае, колхозник не посадит за пиршественный стол врага своей страны, а предпочтет скрутить ему руки.

---

[1] Иван Георгиевич Папаскир (1902–1980) – абхазский советский писатель.

[2] В русском переводе роман вышел под измененным заглавием «К долгой жизни». – *Прим. авт.*

[3] В. И. Ленин. Сочинения, т. XXI, стр. 439. – *Прим. авт.*

Некоторые близкие духу народа старые обычаи, уже наполненные содержанием новых человеческих отношений, привлекают внимание И. Папаскири, как этнографа и наблюдателя социальной жизни. Но, конечно, не они могут служить материалом для идейного конфликта. Конфликт построен на кровничестве, самом жестоком и изуверском «установлении» старой кавказской морали, весьма выгодном для таких людей, как кулак Мыкыч (что отчетливо показано в романе), и не только нравственно, но и физически опустошавшем трудовые семьи.

Темыр, молодой бедный крестьянин, – один-одинешенек на свете. Отец его, Пахуала, всю жизнь влачил ярмо крестьянина-раба и был в зависимости от князя Мурзакана. Этот разжиревший и обнаглевший кровосос с отчетливостью формулирует свое классовое отношение к крестьянам: «не только ваш скот – все вы мне принадлежите, собаки». Так Пахуала и умер в убеждении, что еще не родился на свете человек несчастнее его. Но не одиночество и даже не безысходная нищета убивают силы Темыра, трудолюбивого парня, в котором, как мы вскоре увидим, раскроются способности и потребность в общественной, партийной работе.

Камень лежит в его душе. Тяжело поднимает он веки навстречу зарождающемуся дню, без огня, без увлечения обрабатывает поле, в тяжелой душевной угнетенности валится на постель в своей сакле, сквозь дырявую крышу которой смотрит небо. Ни на минуту не покидает его чувство отверженности, сознание неискупленной, неизбытой вины. Много лет назад рука убийцы сразила его брата. Темыр не знает, кто этот убийца. Кровь брата зовет к мести, но она не отомщена. Веками прививалась Темыру ответственность за пролитую кровь родича. Резолюция уже вошла в горы; в селенье организован сельсовет и работает партийная ячейка; в трудовом крестьянстве день ото дня крепнет классовое самосознание, жизнь сдвинулась с места, подул новый ветер. Порой и в Темыре пробуждается мысль: так ли? Должен ли он убивать человека, которого, быть может, никогда и не видел в глаза? Но это лишь мимолетные проблески просветлевшего сознания. Вековой закон отцов не выпускает его из своего железного круга. Темыр доходит до галлюцинаций: он убежден, что люди чуждаются его, гнушаются им – и так будет продолжаться, пока он не прольет ответной крови убийцы.

А здесь в смятенный душевный мир Темыра входит Зина, односельчанка, дочь старика Ахмата. Она выразительно нарисована И. Папаскири: натура нежная, и вместе с тем решительная, исподволь высвобождающая себя из-под власти консервативных обычаев и готовая стать опорой Темыру в его борьбе с самим собою. Но он отвергает руку помощи, протянутую девушкой. Больше того, он готов сломить свою глубокую любовь к ней, потому что он несвободен, пока не отомстил, и ничего не может дать Зине, кроме несчастья и позора. Драматизм положения усложняется тем, что убийцей брата оказывается отец Зины, старый Ахмат. Когда-то князь Мурзакан в своих корыстных и далеко идущих целях обманул Ахмата и склонил его к убийству. На чувствах Темыра, на его терзаниях играет теперь кулак Мыкыч, у которого свои прозрачные виды на Зину и который задумал сгубить Темыра, как классового врага, непосредственно ставшего ему поперек дороги.

Как видим, И. Папаскири берет явление кровничества не только и не столько в разрезе этнографическом, не только в психологическом плане, но, главным

образом, в социальном. Из разнообразного комплекса национальных, бытовых и нравственных традиций он останавливается на кровничестве не только потому, что оно – гнусный, кровавый предрассудок, с которым решительно должна покончить социалистическая действительность, но и потому, что оно – орудие классового угнетения со стороны абхазских владетелей и князьков, со стороны хищников деревни, которые в 30-х годах еще надеялись на возврат своей власти, вредили, устраивали заговоры против народа. В судьбе Темыра, как и во всем романе, две линии: восходящая и нисходящая. Восходящая линия: подъем Темыра в гору, к социализму, к новым формам жизни, к новому сознанию; этот подъем он совершает под живым воздействием партии (в лице Михи, секретаря партячейки) и плечом к плечу с передовыми крестьянами его селения. Нисходящая линия: социальные и порожденные эксплуататорским строем бытовые и нравственные пережитки, которые, как короста, спадают с его поздоровевшего тела; влияние и власть мурзаканов и мыкычей, выродившихся, как только экономическая и политическая почва была вышиблена из-под их ног, в банду злобных головорезов, в заговорщиков и убийц из-за угла. Как горные обвалы с грохотом и шумом низвергаются вниз, в пропасти и бездны, так катится в социальное небытие навсегда ликвидированный революцией класс эксплуататоров. «Погодите, люди, погодите! – думает Темыр, новыми глазами глядя на кривые допотопные сошки, самодельные сеялки с плоскими высевными ящиками, на все эти жалкие орудия унылого подневольного труда. – У нас будет общее хозяйство, и мы добьемся зажиточности; у нас будут хорошие плуги, а, может, и тракторы, наши желания будут более дерзкими, мысли – гордыми».

Откуда ж взялась такая уверенная, твердая надежда на «дерзкое» и «гордое» будущее у одинокого, угрюмого паренька, который уже втайне приготовил оружие, чтобы отомстить за брата, и готов отказаться от любимой девушки, если эта месть не удастся? Классовое самосознание подало свой голос. И дело в том, что Темыр не одинок и не может быть одиноким. Ему кажется, что люди станут отворачиваться от него, едва он выйдет к ним, – а люди, в последовательном ходе социального переворота, все больше уважают его трудолюбие, его честность, его прямоту. Ему кажется, что Миха, секретарь партячейки, ничего не знает, ничего не видит, и дружба его – просто от хорошего сердца, от личного, что ли, расположения. А Миха все видит; партия научила его не только борьбе с классовыми врагами, но и борьбе за трудового человека. Образ Михи, наряду с образом Темыра, самый удачный в романе, что и определило ценность социально острого произведения И. Папаскири. Доставляет большое удовлетворение следить, как любовно, осторожно борется этот глубоко идейный, человечный коммунист за раскрытие большевистского сознания в Темыре. Привычным жестом сдвигая на затылок свою сванскую шапочку, потягивая табак, Миха готов говорить с Темыром до зари. Исподволь он ведет Темыра к тому, чтобы он сам определил всю меру своих невольных заблуждений. Миха приучает его ходить на собрания, и вскоре Темыр уже не может жить вне народа. Крестьяне выбирают его на работу в первом сельском кооперативе. «Он только самому себе изумлялся, начиная сознавать, что так, должно быть, и не возьмет со старика Ахмата кровавую плату… *он полюбил труд среди людей*» (подчеркнуто мною. – *А. Д.*). Труд среди людей, и труд для людей. Миха знает, какая это сила – социалистический труд, как она

распрямляет человека, как раскрывает в нем возможности, которых вчера и сам человек не мог в себе подозревать. И эти способности ярко раскрылись в Темыре. Он не только любимец односельчан, но и авторитет среди них. Ни доносы, ни прямые, ни тайные выпады Мыкыча не могут повредить Темыру, потому что каждый шаг его прям, и каждая мысль честна. Сознание и сознательность людей, орудия, обрабатывающие землю, утварь, и дома, – все изменяется на глазах Темыра. Изменяется и он сам. «Я понял, – пишет он в заявлении своем в ячейку, – что коммунистическая партия для нас хороша. Я крестьянин, человек из трудового народа. Хочу, не щадя себя, служить тому, что поручит мне партия. Прошу меня принять в кандидаты партии».

Эта просьба свободно и естественно вытекает из всей общественной деятельности Темыра на селе. Границы его мышления раздвинуты. Он настолько вырос, настолько окреп духовно, что очемчирский райком партии решает послать его в Москву, учиться в Коммунистическом университете трудящихся Востока[1]. Юноши и девушки братских народов стекались в столицу трудящихся всего мира учиться коммунизму, как руководству к действию. В первый раз отрываясь от берегов своей маленькой страны, Темыр садится на пароход, и за дымкою моря чудятся ему очертания Кремля и Красная площадь, с которой еще недавно говорил великий Ленин. Все ли спокойно в душе Темыра, все ли цельно и ясно? Еще нет. Темная жажда мести изжита, испепелена дотла, но пепел остался лежать в душе, и Темыр все еще не верит в свое счастье с Зиной. Однако и пепел скоро исчезнет.

Ошеломленный новыми впечатлениями, Темыр идет московскими улицами, останавливается у дверей КУТВ'а. Какой мир идей, потрясающих землю и меняющих ее социальную структуру, открывается перед ним! В стенах этого университета создаются кадры большевиков, призванные обслужить нужды советских республик Востока. В этих стенах 18 мая 1925 года выступал перед студентами Сталин, здесь прозвучали его слова: «Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме, – такова та общечеловеческая культура, к которой идет социализм»[2].

Но ничего этого в романе нет. Что случилось? Перо И. Папаскири слабеет вместо того, чтобы окрепнуть, стиль его тускнеет, поток образной речи сбивается на литературную скороговорку. Пока Темыр оставался на родине, И. Папаскири умел окружать его средою, показывать в самой среде, в народной жизни: картины подневольного труда сменялись картинами колхозного труда; мы видели колхозников на низке табака, на уборке кукурузы, на дорожном строительстве, у домашнего очага, на мирном пиру; мы слышали их образную речь, отражающую их раздумья, размышления, колебания и надежды перед фактом коренной революционной переделки общественных отношений. Сельму не спутаешь с Ахматом, и Чихию с Арасаной – разные ступени развития, разные характеры: народ, показанный на переломе социальных эпох и неповторимый в своем национальном своеобразии.

Но как молодой представитель абхазского народа впитал социалистическую культуру в священных стенах революционной Москвы – И. Папаскири посчи-

---

[1] Коммунистический университет трудящихся Востока имени И.В. Сталина (КУТВ) – учебное заведение, действовавшее в Москве с 1921 по 1938 г.

[2] И.В. Сталин. Сочинения, т. 7, стр. 138. – *Прим. авт.*

тал лишним изобразить, или оробел, испугался новой большой темы; между тем это не новая для романа тема, а кульминационная точка развитая главной его темы: пробуждения, под воздействием партии, социалистического сознания абхазского крестьянина, тема партии, ее ведущей роли в строительстве коммунистического общества.

Раз выпало столь важное звено, то и дальнейшее приходится принять на веру. Приходится принять на веру качественно новый облик героя. Роман заканчивается сценой свадьбы Темыра и Зины, которая (сцена), несмотря на колоритные национальные краски, могла бы показаться литературно-традиционной, если бы не удачно и свежо найденный символ становления личности Темыра.

Миха, первый наставник Темыра и первый его партийный воспитатель, берет в руки то самое ружье, из которого когда-то старый Ахмат убил брата Темыра. Красивая сцена, совсем в духе абхазских народных традиций! Миха стреляет из ружья в воздух, говоря: «Да будет навеки убита этим выстрелом кровная месть!»

Убита не только, кровная месть – убита власть мурзаканов и мыкычей, власть феодалов и все темное в сознании людей, на чем эксплуататоры абхазского народа утверждали свое могущество.

Роман написан в острой сюжетной манере, с резким и сложным развитием фабулы, что свойственно и таким рассказам И. Папаскири, как «Караульское ружье»[1] (из стародавней жизни деревни). Стремительно бегущий сюжет не мешает, тем не менее, и психологическому раскрытию образа. В этой части, пожалуй, И. Папаскири даже нарушает меру: психологические самомучительства Темыра затянуты, слишком много бессонных ночей, слишком много тяжелых свиданий с Зиной. То же увлечение психологизмом выталкивает прямо под свет рампы и фигуру Мыкыча с его присными. Песенка Мыкыча спета, это ясно уже по началу романа; поэтому затянувшееся литературное отпевание Мыкыча утомляет и просто кажется лишним.

Несмотря на далеко не безупречный перевод[2], легко почувствовать народный язык романа, его живую образность, покоющуюся на бытовых речениях, поговорках и пословицах. Роман «Темыр», таким образом, продолжает в тридцатых годах тему абхазского крестьянства, начатую Дмитрием Гулиа в романе «Камачич». Эта тема получила и дальнейшее развитие в абхазской литературе. Появилась новая повесть – «Весна в Сакене», рассказывающая о крестьянстве Западной Грузии наших, послевоенных дней. Повесть принадлежит перу сына Дмитрия Гулиа – Георгия Гулиа[3].

3

Какой легкий по своей манере художник: все, о чем бы ни писал Георгий Гулиа, освещено его улыбкой. «Весна в Сакене» начинается так: «В Сакене… Но прежде всего, я полагаю, вы должны знать, где находится эта местность, име-

---

[1] «Карвальское ружье».

[2] Перевод Л. Пасынкова вышел в 1948 г.: Папаскири И.Г. К долгой жизни: Роман: Пер. с абхаз. / Под литературной ред. [и со вступ. статьей: «О романе И. Папаскири», с. 3–4] Л. Пасынкова. – [Москва]: Советский писатель, 1948. – 243 с. (Впоследствии роман на русском языке выходил под названием «Темыр».)

[3] Георгий Дмитриевич Гулиа (1913–1989) – писатель.

нуемая Сакеном». И тут же, как тароватый рассказчик, Г. Гулиа высыпает перед вами неистощимый запас своих шуток. Здесь и Шаангери Канба, за четырнадцать десятков лет лишь дважды выезжавший из Сакена, и оба раза с уроном. И шуточные поиски даты собственного рождения, причем приметами служат небывалый снег, выпавший в 1911 году, и весть о русско-японской войне, только через три года дошедшая до затерянного в горах Сакена[1]. Что же касается самого Сакена, то автор предпочитает такие аттестации: «надо прямо сказать – не бог весть какое село!». А то и более решительно: «проклятый Сакен!».

Идет ли речь о кулацкой жадности Адамура, заведующего ларьком, или о насильственном увозе девушки пройдохой Рашитом, или о серьезной борьбе Кесоу за фосфориты и высокие нормы труда – обо всем Г. Гулиа пишет с тонким, подкупающим юмором, который не погасает ни в одном абзаце. Быть может, эта легкая веселая манера в какой-то мере приукрашивает или приглаживает жизнь, амортизирует удары ее противоречий? Но это не так! Повесть «Весна в Сакене» была сразу и единодушно введена широким читателем в его литературный обиход потому, что круг ее сильных идей нашел в ней своеобразное и яркое художественное выражение.

Русский читатель, познакомившийся с повестью в прошлом году[2], думает, что Г. Гулиа – счастливый дебютант в литературе. А между тем за плечами молодого абхазского беллетриста стоят большие годы труда. От своего отца он унаследовал универсализм культурных интересов. Практически этот универсализм выразился в том, что, получив широкое техническое и художественное образование, Г. Гулиа испытывал свои силы и как инженер на постройке Черноморской железной дороги, и как живописец и график, и, наконец, как беллетрист. Художнические работы его очень выразительны, и Г. Гулиа по праву носит звание заслуженного деятеля искусств Грузинской ССР. Но литература, как основное поле деятельности, победила, в конечном счете, – и сейчас в абхазском отряде грузинских писателей Г. Гулиа занимает одно из ведущих мест.

Своеобразие его творческого облика сложилось не сразу. Он начал писать в тридцатых годах, и часто писал не только слабо, но и неверно, увлекаясь вывертом фразы, формальной структурой образа, самодовлеющей игрой слов. Для подобных экспериментов он, естественно, искал самый «выигрышный», «колоритный» и по преимуществу неподвижный, окостеневший материал, так как материал живой действительности труднее поддается формалистической игре, сокрушая карточные домики словесных конструкций. Окостеневший и «колоритный» материал в изобилии давало прошлое Абхазии, если смотреть на это прошлое, закрывая глаза на поступательный ход истории. С этих отсталых позиций написана первая повесть Г. Гулиа «Месть»[3].

Я вовсе не хочу сказать, что вся ранняя деятельность Г. Гулиа прошла под знаком увлечения литературной игрой. У него есть много рассказов, в которых мастерство рассказчика покоится на верности взгляда, а потому и живо.

---

[1] Русско-японская война (1904–1905) – война между Россией и Японией за контроль над Маньчжурией и Кореей.

[2] В 1948 году роман Г. Гулиа «Весна в Сакене» был опубликован в журнале «Новый мир», № 5.

[3] Гулия Г. Месть: Повесть. – Сухум: Абгиз, 1936. – 78 с.

Большинство из этих рассказов вошло в сборник «Весна в Сакене»[1], только что вышедший в свет, и читатель с удовольствием познакомится с такими современными миниатюрами, как «Обида», «Кучир из Медвежьего лога», или такими историческими миниатюрами, как «Рассказы у костра». Но в этот сборник, естественно, не вошли нейтрально звучащие рассказы, вроде «Серебряной медали», не вошла и повесть «Месть». Перечитывая эти вещи сейчас, видишь, что абхазская проза, в своей борьбе за метод социалистического реализма, преодолела довольно сильные буржуазные влияния. Для Г. Гулиа повесть «Месть» характерна не только как пройденный, но и как решительно отвергнутый этап по пути к «Весне в Сакене», к социалистическому реализму.

«Месть» не была сознательной и длительной литературной позицией Г. Гулиа, а только ошибкой, которую он понял вовремя и в процессе своего идейного роста категорически исправил. В длинном ряде его рассказов отражена Абхазия, превращенная пятилетками в страну изобилия и цветущей жизни. Там, где раньше крестьянин допотопной мотыгой ковырял землю, теперь раскинулись плантации мощных колхозов, и на полях установлен распорядок социалистического труда. Вырастает индустрия. Социалистический строй, продвигающий страну к коммунизму, формирует новые характеры людей. В рассказах Г. Гулиа они проходят шумной, деятельной, жизнелюбивой толпою.

От рассказов и через рассказы шел Г. Гулиа к своей художественно зрелой «Весне в Сакене», повести, которой он начинает серьезную жизнь в литературе. Хочется верить, что это будет именно так.

Легкая, «улыбчивая» манера, о которой я говорил выше, вырабатывалась у Г. Гулиа исподволь, начиная с его ранних рассказов. Она росла органично, как проявление его природной индивидуальности, и созревание ее далось нелегко, в черной работе, которой читатель сейчас не замечает, – и это говорит об устойчивости, о зрелости литературного стиля. Читатель не замечает черной работы, в результате которой достигнута ясная, легкая, поэтическая атмосфера повествования, но он отлично замечает самого автора, как активно действующую фигуру среди активных героев повести. Г. Гулиа не прячется за кулисы, подобно режиссеру спектакля, главному возбудителю сценического действия. Оставаясь автором-режиссером своей повести, он в то же время и главный ее актер. Нужды нет, что повесть написана не от первого лица. Читатель не теряет контакта с автором ни на одну минуту. Он не только видит его улыбку и слышит прямые высказывания автора по ходу действия, слова поощрения, осуждения или восторга. Образ автора проходит с начала до конца повести, как ее лирическая тема.

Что же это за образ, каково его содержание? Автор – живой и остроумный собеседник читателя не в литературно-переносном смысле слова, а как персонаж его собственной повести. Как неизменный друг читателя, он торопится познакомить вас со своими друзьями из повести. Это знакомство осуществляется не только через пластическое изображение героев, но и путем прямых и открытых авторских характеристик. Стоит Кесоу, в гневе на лодыря Антона, яростно сжать кулаки, как автор вырастает словно из-под земли, чтобы вставить и свое слово: «Имейте в виду, что хмурый сакенец в ясную погоду – явление из ряда вон выхо-

[1] Гулиа Г. Весна в Сакене. Абхазские рассказы / Ред. и предисл. Ю. Либединского. Худ. Г. Кравцов. – М.: Советский писатель, 1948. – 292 с.

дящее». Само собой разумеется, что друзьями автора являются люди, идущие в ногу с жизнью, а порой, как Кесоу или Кама, проникающие и в завтрашний день. Шире говоря, его друзья – люди, способные к росту, хоть иные из них и медленно идут в рост. Врагами же автора-друга (а значит, и читателя-друга) являются люди косные, социально тупые, политически отсталые или вредные. Описывая их, Г. Гулиа не сгоняет улыбки с губ. Стоит безвольному, как тряпка, безынициативному Никуала заколебаться над новаторскими предложениями Кесоу, не решаясь ни одобрить, ни осудить их, как автор снова вырастает словно из-под земли и подводит свой баланс: «Положение, как говорят в Сакене, хуже перепелиного: сидеть нельзя, и взлететь опасно».

Г. Гулиа в своей легкой по восприятию, свежей, талантливой повести поднимает глубокую тему советской действительности, тему, которую можно сформулировать так: в СССР нет глухих углов; всякий глухой (географически) угол в СССР есть малая, пусть очень малая, часть страны, в которой непобедимо и интенсивно строится коммунизм на базе материального и идейного подъема народных масс.

Сакен – высокогорный населенный пункт, нанесенный, по своей малости, на карту. Он, как пишет Г. Гулиа, взят в клещи: с севера – отроги Кавказского хребта, с востока и запада – горы Гуагуа и Клыч, с юга – десять перевалов и восемь горных рек. В это «не бог весть какое село», в этот «проклятый» (или как там еще, по усмешливой терминологии автора?) Сакен возвращается фронтовик Кесоу Мирба. Он всегда был человеком активным, горячим и беспокойным, а война не только отгранила его характер, не только в боях провела его по землям нашей страны и по землям чужих стран, но и во весь рост показала могущество и величие родины (раньше-то он не выезжал из Сакена). О широком мире он знал из газет и книжек. Теперь своими солдатскими глазами посмотрел Кесоу Мирба на буржуазные страны, где государство и народ противостоят друг другу как непримиримые, враждебные силы. Советское государство, созданное народом, управляемое им, слитое с ним, еще полнее раскрылось перед Кесоу через его военный опыт. Романтик и мечтатель в том смысле, как это понимал Писарев[1], то есть человек *реальной* мечты, он вернулся в Сакен не с тем, чтобы отдыхать после войны у очага под дедовской цепью, а с тем, чтобы поднимать урожаи. Сакен не обманул ожиданий Кесоу, как и Кесоу не обманул ожиданий сакенцев. Советский народ в исторически кратчайшие сроки совершил подлинный переворот в сельском хозяйстве, осуществил культурную резолюцию. Стало быть, и сакенцы – в масштабе своего села – совершили все это. Советский народ черпал свои силы в социалистическом демократизме, законодательно закрепленном в Сталинской Конституции. Стало быть, и сакенцы черпали свои силы в новой природе советского общества. Испытания войны лишь приумножили трудовое рвение сакенцев.

Всех сакенцев? Нет. Как в грандиозном масштабе страны, так и в крошечном масштабе Сакена происходит борьба старого с новым, передового с отмирающим. Бригадир-вожак Кесоу тянется к живым носителям передового, опирается на них в осуществлении своей мечты. Происходит и обратный естественный

[1] Дмитрий Иванович Писарев (1840–1868) – публицист и литературный критик.

процесс: передовые сакенцы тянутся к Кесоу, опираясь на него в осуществлении своей мечты. Ибо у каждого из них своя реальная мечта: у подростка Смела – осветить Сакен электрическими лампочками, у Камы, невесты Кесоу, – учиться.

Кама, юная сакенская крестьянка, уже мало чем похожа на Камачич из романа Дмитрия Гулиа. Та билась, как птица в силках, а эта без труда зажмет в свой крепкий кулачок прощелыгу Рашита, задумавшего встать на ее пути. Она мало похожа и на свою литературную сестру Зину из романа И. Папаскири. Та, соблюдая верность обычаю, слишком робко борется за свое счастье. Не столько борется, сколько выжидает. А Кама? Эта постоит за себя и в малом и в большом. Рашит задумал жениться на ней силой. Следуя дедовским заветам, а также вследствие постоянной дружбы своей с чаркою вина, он совершенно всерьез, с соблюдением всех правил старины, умыкает свою мнимую невесту. Но свадьба не состоялась. Она не состоялась по одному досадному обстоятельству, которого Рашит не учел: Кама отказалась считать себя похищенной. Г. Гулиа рассказывает об этом с очаровательным юмором, который здесь как нельзя кстати: юмор подчеркивает всю нелепость претензий обветшалого обычая к новому строю жизни. Но по-настоящему Кама проявляет себя в той решительности, с которой заявляет Кесоу о своем отъезде в город. «Разве я не могу поехать? – говорит она. – Разве только ты можешь? Учиться еду… Я ничего не боюсь… Я только желала вернуться сюда года через три и посмотреть на вас всех, – и, разрыдавшись, убегает прочь». Темыр из романа И. Папаскири готов был убить свою любовь к Зине из верности обычаю. Кама решается на разрыв с любимым во имя ученья, не желая подчиняться упрямству Кесоу. Как далеко ушла жизнь!

Но тут, как из-под земли, вырастает жизнерадостный автор, чтобы утешить нас. «Кама… Что Кама? – говорит он. – Могли бы вы поверить, если бы я сказал, что судьба разлучит ее с Кесоу? Ну, конечно, нет, – и вы будете совершенно правы». Само собой разумеется, это больше, чем утешение читателя, не любящего печальных концов. Своей репликой автор выражает уверенность, что советские передовые молодые люди легко разберутся в таких пережитках, как ревность или желание мужчины господствовать в семье, и, разобравшись, заставят их умолкнуть.

Кесоу, в его неутомимой борьбе за высокие урожаи, за лучшую организацию труда на полях, окружен людьми, которые в разной степени и с не одинаковым успехом, но умеют думать и поступать государственно. Среди этих людей заметны два старика: Екуп, отец Кесоу, и Гудал, отец парнишки Смела – того, кто собственными руками смастерил на плотине маленькую электростанцию. И Екуп, и Гудал – старики ясного сознания, но, понятно, им не под силу так широко глянуть на жизнь, как глядит на нее Кесоу. Они верят таким людям, как Кесоу. Гордясь Кесоу, они идут его бороздою. Как Екуп верит в Кесоу, так Гудал верит в Смела: и точно, юный Смел, мечтатель и техник-самоучка, наперекор старосакеновскому скептицизму, все-таки взял да и зажег огни в Сакене!

Парнишка зажег огни, а Кесоу взял от скалы Милосердия ее естественные фосфориты, которые веками она праздно хранила в своей груди. Конечно, одаренный от природы Смел не мог не встретиться с инициативой сверху. И дальнейшая судьба Смела хоть не раскрыта, но ясна. Недаром автор, растолкав ге-

роев в последней главе, делает прозрачный намек: «…Смел? Его я вижу улетающим в город, есть там, знаете ли, один дом, а на дверях его – табличка: «Электротехнический институт».

Кесоу был зачинщиком того, чтобы взять у скалы ее фосфориты, и его зачин тоже не мог не столкнуться со встречной инициативой партии. Главы, посвященные путешествию Кесоу в районный центр через девять перевалов и восемь горных рек (в эту пору года не бывает самолетного сообщения), встречам с партийными людьми и обратному путешествию, говорят о рабочем стиле нашего государства: всякая ценная инициатива тут же подхватывается, включается в хозяйственный план и приобретает силу закона хозяйственного развития. Интересная подробность: нерушимо веря в свою скалу, Кесоу тем не менее принял меры на случай, если бы скала обманула: за счет рациональной организации труда на полях. Но скала не обманула. И Кесоу, надо думать, добьется рекордного урожая: тысячи пудов с га, хоть и много скептиков в Сакене на сей счет.

Есть не только скептики, но и прямые противники всякого живого дела. В первую очередь, это Адамур, заведующий ларьком, и его дружок Рашит, модельный сапожник и плут, который «отвоевался» где-то в последнем эшелоне великой армии, а теперь хочет пожить в полное удовольствие, на потребу своему желудку и обывательским инстинктам. К ним примыкает Антон, человек не столько темный, сколько откровенный бездельник. Все они со вкусом прославляют старину и, надо думать, вполне искренне: от новизны одни лишь беспокойства, а при нежелании работать и прямые неприятности.

Лицо этих обозников жизни вполне ясно, и Г. Гулиа хорошо делает, что долго не возится с ними: разоблачил, осмеял и выбросил из повести вон, расчистив дорогу натурам творческим. Пожалеем о другом: Г. Гулиа выбросил из повести, не разоблачив, не осмеяв, и такую интересную фигуру, как председатель сельсовета Никуала.

Здесь намечался принципиально важный конфликт не только двух полярно противоположных характеров, но и двух стилей, двух методов руководства. Кто такой Никуала? Это человек-перепелка. Помните комментарий автора: «и сидеть нельзя, и взлететь опасно!» Человек-перепелка не действует. Как только придут в сельсовет руководящие бумаги или колхозники выдвинут новые мероприятия, – человек-перепелка впадает в нравственный столбняк. Он не думает о директивах, он не думает о мероприятиях. Он думает о самом себе. Сидеть? Взлететь? Что безопасней? И, не решив этого волнующего вопроса, такой перепелиный гамлет берет охотничье ружье и с облегченной душой идет бить подлинных, природных перепелок, родственных ему по духу.

Нет ничего удивительного в том, что Ннкуала прозевал Каму. Современной девушке решительно не за что любить Никуалу. Но люди-перепелки, к сожалению, встречаются еще довольно часто и вольно или невольно подсыпают песочку в механизм общественной жизни, работающий на мощной скорости. К тому же, люди-перепелки мелко честолюбивы и добровольно не очищают места. Борьба между Кесоу и Никуалой намечалась интересная, принципиальная, но Г. Гулиа отмахнулся от Никуалы своей привычной шуткой: что, мол, стрелять из пушки по воробьям – «начальство пребывает на должной высоте».

Радуясь юмору Г. Гулиа, умному и ясному, я в то же время грущу, что он всегда светит ровным светом. Юмор Г. Гулиа излучает одинаковый свет, каких бы явлений жизни ни касался. Поэтому он всегда одного качества. Но если добрая, ласковая ироничность хороша там, где она направлена на людей любимых (Каму, Кесоу, Екупа, Смела), то она недостаточна, а чаще и неуместна в применении к Никуале и особенно к Адамуру и Рашиту. Здесь юмор должен терять свою доброту, злеть, подыматься до саркастического и сатирического звучания. Может быть потому, что юмору Г. Гулиа еще недостает гибкости, способности переходить из одного качества в другое, повесть его, в ее отдельных частях, кажется слишком доброй не только в отношении добрых людей, но и в отношении людей негодных, отсталых или враждебных. Юмор – не только литературный прием, он прием социальной оценки героев и явлений. С этим Г. Гулиа придется посчитаться в его дальнейшей работе художника.

Повестью «Весна в Сакене» крестьянская тема (а иной темы в абхазской романистике пока нет) доведена до наших дней и, как увидим ниже, будет разрабатываться дальше.

4

И. Папаскири закончил (но еще не опубликовал) новый роман «Судьба Химур»[1] – в нем абхазская крестьянка участвует в Отечественной войне как боевая зенитчица, а затем, вместе с мужем возвратившись в село, становится стахановкой на чайной плантации. Талантливый поэт-лирик К. Агумаа[2] пишет прозаическую крестьянскую повесть. В абхазской новеллистике, довольно оживленной, тоже почти безраздельно главенствует деревенская тема. Ей, по преимуществу, посвящены рассказы и художественные очерки Ивана Тарба[3], Ивана Папаскири, Мушни Папаскири[4], Георгия Гулиа, Киазыма Агумаа.

Рассказы, по их идейно-художественной ценности, уступают рассмотренным выше романам.

Наиболее удачные, с творческим живым «зернышком», рассказы принадлежат перу К. Агумаа и молодого, еще не окончательно сформировавшегося М. Папаскири. М. Папаскири работает усердно и хорошо знает крестьянина. К лучшим его рассказам я отношу «Воодушевление» и «Великую силу». Это рассказы о социалистическом соревновании на полях и о социалистической среде, питающей воодушевление передовых крестьян.

К. Агумаа в рассказе «Однажды ночью» повествует о том, как сын старика Сайдыка Бадра, закончив Тбилисский индустриальный институт[5], возвращается к отцу ждать назначения по специальности. Он рассчитывает, что центр назначит его на строительство электростанции в родном колхозе. Но пока это свершится, молодой инженер самым заправским образом включается в социалистическое соревнование между бригадами колхоза. Это очень характерно для

[1] Роман вышел на абхазском языке вскоре после публикации статьи А. Дроздова: Папаскир И.Г. Путь Химур: Роман. – Сухуми: Абгосиздат, 1949. – 444 с. Впоследствии выходил под названием «Женская честь».

[2] Киаазым Караманович Агумаа (1915–1950) – абхазский поэт, прозаик.

[3] Иван Константинович Тарба (1921–1994) – абхазский поэт, прозаик.

[4] Мушни Георгиевич Папаскир (1915–1999) – абхазский прозаик, литературовед.

[5] Ныне – Грузинский технический университет.

современной Абхазии, где интеллигенция, вышедшая из народа, не только не отрывается от народа, но и стремится на работу в свои родные села. (В Дурипше и агроном и учительница, с которыми я беседовал, – свои же сельчане. То же и во многих других колхозах. Уехали учиться и вернулись к своим очагам.) Молодежь не умеет сидеть сложа руки. Даже на короткий срок она не может оставаться наблюдательницей жизни. Она всегда ее участница.

К. Агумаа – один из сильнейших поэтов Абхазии, выразительные средства его самобытны, и я не сомневаюсь, что и в прозе он скоро заявит себя зрелым художником.

То обстоятельство, что крестьянская жизнь является как бы преимущественной и генеральной темой абхазской прозы, можно объяснить характером маленькой страны, по преимуществу садоводческой, виноградарской, аграрной, табаководческой и рыболовецкой. Можно объяснить это и тем, более частным, обстоятельством, что все прозаики Абхазии связаны с деревней узами родства, все они выходцы из деревни. Куда бы я ни выезжал с тем или другим писателем, всегда оказывалось, что я попадал и в родное моему спутнику село. Нас окружали родичи, и это придавало беседам ощущение семейственности в хорошем, теплом смысле слова. Но это ощущение доброй семейственности имело, конечно, более глубокий исток. Оно не покидало меня и в «чужих» селах. Самоотверженный труд передовых колхозников и колхозниц и плоды этого труда говорят со всей ясностью, что коммунизм сейчас – уже не вопрос отдаленного будущего. Каждое трудовое усилие, каждое зерно, взятое от земли, приближают нас к коммунизму. Это советское братство людей, делающих общее дело и поэтому роднящее их, возможно только у нас. Только у нас возможно и врастание литературы в повседневные интересы народа. О романах И. Папаскири и Г. Гулиа вы свободно можете говорить со школьниками, колхозниками, агрономами и представителями сельской власти горных колхозов и обсуждать с ними, что толково, а что и нехорошо в этих романах, – с большой пользой для себя.

Важность крестьянской темы и деятельная ее разработка ни в какой мере не снимают упрека, который сама развивающаяся жизнь бросает абхазскому участку грузинской литературы. Жизнь-то все-таки сильно ушла вперед и литературе, при всех ее успехах, приходится ее догонять. Жизнь не только показала новые горизонты, но и, трудами народа, закрепила новые плацдармы в борьбе за коммунизм. В Абхазии не было рабочего класса – и он появился в ходе великих сталинских пятилеток. В Абхазии появилась индустрия. «Нам нужно, – говорил товарищ Сталин в своем выступлении перед избирателями 9 февраля 1946 года, – добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти»[1].

В этой грандиозной программе создания материальных основ коммунистического общества и ткварчельский уголь, который выдают на-гора абхазские шахтеры, занимает и займет свое определенное место. Что это за люди – абхазские шахтеры? Какие черты характеризуют новых абхазских рабочих и работ-

[1] См.: Сталин И.В. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г. и 9 февраля 1946 г. – М.: «Московский рабочий», 1947.

ниц? Ведь они даже не ровесники Октябрю по своему рабочему стажу. Образы их еще не вошли в абхазскую литературу, как не вошли в нее и образы технической, культурной, научной интеллигенции, как не вошел в нее полноценный образ абхаза-воина, хотя многие писатели сражались за Отчизну, а некоторые сложили головы на полях сражений.

Народ каждый день решает все новые и новые задачи, и, ведомый партией большевиков, решает их смело, новаторски, революционно. Абхазия – страна жгучего солнца и сильно родящей земли. Земля эта – в руках человека, работающего по государственному плану и на основе передовой науки. На основе мичуринской науки[1] работают в Грузии специалисты-цитрологи, селекционеры, поставившие задачей, говоря их образным языком, найти с растениями общий язык, изменить наследственные их основы и приучить к условиям того или иного района. Они борются за морозоустойчивые сорта. На участке сортоизучения гульрипшской селекционной станции один из энтузиастов рассказывал мне о прошлогоднем мартовском морозе, сгубивнем много растений. Он рассказывал мне, как, едва мороз прошел, он кинулся в питомники и на плантации гибридных сеянцев, не замечая тех растений, которые, окоченев, погибли, – стремясь к тем, которые уцелели. Со страстью ученого он жаждал наглядно увидеть торжество своей науки: морозоустойчивые сорта выжили! Как всякий ученый, селекционер должен уметь предвидеть. Он должен найти с растениями общий язык, то есть заранее предвидеть потребности этих живых организмов.

Здесь, на территории Всесоюзной селекционной станции влажно-субтропических культур[2], наука дает бой природе, в этот бой вовлечены широкие массы колхозников-опытников, садоводы, агрономы, вовлечен народ – этот бой так драматически выразителен, исполнен такой веры в силу социалистической науки, что просто жалеешь, что борцы-селекционеры не владеют способностью художественно-изобразительного письма. Уж если селекционеры не научатся писать романы, то писателям сама жизнь велит изучить новаторский опыт этих строителей коммунизма на их особом участке труда и поведать об этом миру.

Если стахановки чайных полей, депутатки народа, не умеют рассказать о себе, не пора ли литературе сделать их своими героинями? До войны гремела слава Уши Ахубы, изобретшей новый метод сбора чайного листа. Сейчас в Чилоу работает Кардава Цаца, в Дурипше – Мария Ардзинба[3]. Путь этих женщин, их рост, их ищущая мысль, их человеческий облик – уже сами по себе конденсация, обобщение, символ расцвета социалистических сил общества.

Цель этих отступлений не в том, чтобы назвать все сферы жизни, не затронутые литературой, но в том, чтобы выразить свое читательское пожелание процветать ей в той же мере, как процветает деятельность народа на разных участках его труда. Абхазский отряд грузинской литературы, как и другие национальные литературы, добившиеся ярких успехов, должен расширить диапазон

[1] Мичуринское учение – школа в биологии, возникшая в середине XX века в СССР. Развивалась под руководством Т.Д. Лысенко. К И.В. Мичурину, умершему в 1935 г., не имеет прямого отношения. Школа эта ныне считается лженаучной.

[2] О работе этого института см.: Ашхацава С.М. Всесоюзный научно-исследовательский институт влажных субтропиков, его задачи и деятельность. – Сухум, 1935.

[3] Уша Богозовна Ахуба (1917–1992), Цаца Антоновна Кардава (1913–1987), Мария Коциевна Адлейба (1900–1992) – знатные чаеводы.

своих творческих интересов. Все общественно важное, все передовое и растущее, любые явления и факторы общественной и государственной жизни, ведущие нас вперед, должны быть отражены и не могут не быть отражены абхазской литературой, если она хочет с успехом выполнить требование партии и народа: воспитывать людей в коммунистическом духе.

У абхазской литературы есть успехи, она деятельна и талантлива. Пусть же она будет талантливей во много крат! Пожелать таланта, это значит пожелать широты взгляда, потому что в условиях нашей страны талантливое и передовое – синонимы.

Подготовка публикации, вступление и примечания – А. Дбар

АСЛАН АВИДЗБА

ПРОШЛОЕ НА СЛУЖБЕ НАСТОЯЩЕГО, ИЛИ НАСТОЯЩЕЕ В ПЛЕНУ ПРОШЛОГО

(Проблема реконструкции исторической памяти)[1]

Сейчас история становится линией фронта. Мы живем во времена, когда история перестала быть наукой о прошлом. История – наука о современности и о будущем. Историей интересуются многие, и, казалось бы, люди наконец прислушались к словам Н. Костомарова, который является автором формулы: «Кто против истории, против того – история». Однако очевидно, что такая актуализация проблемы истории вызвана ее контекстуализацией с политическими процессами.

Сегодня совместными усилиями менеджеров от политики и науки формируется историческая политика, которая становится частью государственной идеологии. В соответствии и в интересах этой политики конструируется историческая память, которая, по мнению некоторых ученых, до сих пор продолжает формировать этнос. В целях внутренней консолидации актуализируется проблема внешнего врага, ибо она является основным мобилизующим фактором нации. Также выходят на передний план противоречия в треугольнике «свой – другой – чужой». Здесь «свой» превращается в «другого», а затем и в «чужого», причем такая формула может развиваться и в обратном направлении, в зависимости от требований политической конъюнктуры и исторической политики.

Историческая память конструируется, как правило, под давлением обстоятельств. При этом, исходя из целесообразности, на первый план выходят факты или группа фактов определенной направленности, в то время когда другие факты, не менее значимые для истории, замалчиваются или отходят на второй план. Для сохранения важных событий прошлого в настоящем и последующей их передачи будущему также используется мемориальная история или коммеморация, при которой определяются «места памяти», ценные не сами по себе, а в силу своей отсылки к значимому историческому факту.

Противоположностью коммеморации является рекоммеморация – как целенаправленный и сознательный процесс забвения определенных трагических, болезненных для общества страниц истории. К примеру, с 2014 г. в Грузии 30 сентября, в день Независимости Абхазии, отмечают «Дни наследия Европы».

[1] Доклад, прочитанный на Первом международном форуме «Кавказ в контексте глобализации». Сухум, 17 ноября 2017 г.

Проект посвящен местным обычаям и традициям, архитектуре и искусству, способствуя лучшему их пониманию гражданами Европы[1]. День своего поражения в Абхазии очень многие в Грузии воспринимают болезненно, и весьма примечательно, что грузинские власти решили именно в этот день отмечать европейский праздник. Он ни к чему не обязывает и никого не провоцирует, но при этом потакает самолюбию грузинской нации в ее стремлении к культурно-цивилизационному единству с Европой.

Эрнст Нольте справедливо заметил, что «проще и приятнее иметь ясного врага в прошлом, чем в неопределенном настоящем»[2]. Действительно, иногда легче найти врага в прошлом и бороться с ним, чем противостоять вызовам современности и заглядывать в непредсказуемое будущее. В силу этого нередко прошлое становится объектом спекуляций в настоящем.

При этом люди, конструирующие историческую память, несут большую ответственность за правдивость информации, ретранслируемой ими поколениям, ибо очень важно, чтобы они знали историю такой, какая она есть, а не такой, какой хочется ее видеть.

Если историческая политика формируется в отрыве от действительной истории, то это может оказать «медвежью услугу» народу. Незнание своей истории или, что еще хуже, знание не своей, но выдаваемой за свою истории приводит к неверным оценкам и выводам. Ведь никто еще не в состоянии оспаривать постулат о том, что «история наказывает за ее незнание». В этом случае существует опасность того, что у такого народа может выработаться группа комплексов, самым значимым из которых будет неадекватная оценка своего прошлого, что приведет к неадекватной оценке своего настоящего, что, в свою очередь, негативно отразится на его будущем.

Конструкторы исторической памяти сознательно формируют эффект «исторической ностальгии», важными составляющими которого являются героизация и идеализация прошлого народа. Поэтому иногда история некоторых народов не соответствует их современным ресурсам для «доказательства» своего «великого исторического прошлого». Таким образом, настоящее народа как бы приходит в противоречие с его прошлым.

Прошлое, зафиксированное в учебниках, научных и литературных трудах, не соответствует их сегодняшним ресурсам. Это обстоятельство иногда становится предметом недоверия или даже насмешек со стороны политиков и, что самое обидное, ученых, представляющих более «удачливые» с точки зрения истории, по крайней мере ее современного этапа, народов и стран. Мол, «чем меньше народ, тем больше кинжал» и т.п. Справедливости ради, нужно отметить и то, что подобные замечания не всегда безосновательны. Однако это не дает права уничижительного отношения, пусть даже к кажущимся сегодня неадекватными историческим конструкциям. К примеру, рассуждения Люкшина о «…приподнятых до уровня «национальных историй» сюжетах исторического краеведения, модернизированных в середине XX века для обслуживания новоимперской иде-

---

[1] URL: https://www.newsgeorgia.ge/v-gruzii-30-sentyabrya-nachnut-otmechat-dni-naslediya-evropy/#t20c.

[2] Эрнст Нольте. Прошлое, которое не проходит // Франкфуртер Альгемайне Цайтунг, 6 июня 1986 г. (См. перевод на сайте: http://p-w-w.org/index.php?topic=12949.0.)

ологии сталинского "культуркампфа"»[1]. Нужно не забывать предостережение Я. Гордина о том, что «ничто так не оскорбляет сознание народа, как конъюнктурное искажение его истории»[2].

Здесь также актуализируется проблема непротивопоставления исторической политики исторической науке. Историческую политику формируют и воплощают в жизнь власти и элита, а историю как науку исследуют ученые, некоторые представители которых также могут относиться к элите. Историческая политика и историческая наука, у каждой из которой свои задачи и цели, не могут расходиться диаметрально, ибо они апеллируют к исторической памяти одного народа. Кроме того, они должны служить интересам своего народа, каковым, как уже говорилось, является адекватная оценка своего прошлого.

Здесь хотелось бы заострить внимание на следующем. Несмотря на то что историческая память конструируется, все же нельзя полностью отрицать определенную субстанциональность самой истории, когда некие существенные составляющие исторической памяти народа могут формироваться вне зависимости от конструкторов исторической политики. Критик Виктор Ховин еще в 1920 г., на мой взгляд, справедливо отмечал: «История гениальнее людей, делающих ее, а события развиваются часто с таким великолепным размахом и гениальным буйством, которые решительно неожиданны для людей, их вызывающих»[3].

Действительно, нередко создается впечатление, что исторический процесс со своими законами первичен, а творящие его люди – вторичны. Во всяком случае, мы являемся свидетелями того, что человечество в течение жизни многих поколений сталкивается с одними и теми же проблемами и не находит рецепты их решения. Современные интересы государств и конфликты между ними зародились задолго до появления самих государств. При этом одни страны являются правопреемниками интересов других, на месте которых они возникли в результате завоевания, развала или трансформации последних.

Геннадий Бордюгов полагает, что «Россия относится к числу стран, для которых прошлое так и не проходит.[4] Правда, сам автор этого выражения, Э. Нольте, считал, что «под «прошлым, которое не проходит», может подразумеваться только национал-социалистическое прошлое немцев или Германии»[5].

Тем не менее сама эта формулировка актуальна для Кавказа и России, т.к. у нас общее прошлое, которое нередко довлеет над настоящим. Этому обстоятельству в немалой степени способствует и новая историография, при которой, по замечанию Геннадия Бордюгова, «вместо господствующей нарративной истории распространение получила когнитивная (познавательная, аналитическая) история»[6]. Д. Люкшин, говоря об этих проблемах, отмечает: «Прополка

[1] Дмитрий Люкшин. Сообщества «национальных историков» // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011. С. 178.

[2] Гордин Я.А. Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб., 2008. С. 118.

[3] Василий Молодяков. Канун новой ортодоксии. Историк и власть в перестроечной и постсоветской России // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011. С. 261.

[4] Василий Молодяков. Историческая политика // https://molodiakov.livejournal.com/149893.html.

[5] Эрнст Нольте Прошлое, которое не проходит//Франкфуртер Альгемайне Цайтунг, 6 июня 1986 г. (См. перевод на сайте: http://p-w-w.org/index.php?topic=12949.0.)

[6] Геннадий Бордюгов. Сообщество историков России: от прошлого к будущему // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011. С. 11.

поля отечественной истории, характерная для историографической ситуации последнего времени, несколько затрудняет включение выводов национальных историографий в дискурс истории России, в том виде, как он формулируется научным сообществом»[1].

Но, как представляется, здесь основными конфликтогенными факторами выступают не ученые. В частности, некоторые российские чиновники, отвечающие за формирование и воплощение в жизнь «кавказской политики», не желают или не способны к проведению политики, учитывающей опасения кавказских народов по поводу сохранения своей идентичности и их стремления обезопасить себя от исчезновения в глобальном и бессердечном окружении. С другой стороны, многие на Кавказе и за его пределами, поддавшись эмоциям и красивым словам, становятся орудием в руках нечистоплотных деятелей в их политических играх. Ярким примером этого служит так называемая поддержка Грузией «черкесского вопроса», спекулятивный характер которой доказывает тот факт, что после проведения Олимпиады в Сочи о нем в Тбилиси благополучно забыли, ибо там уже ищут другие темы, которые были бы актуальны для их доноров. Краеугольным же камнем сегодняшней исторической политики Грузии служит Закон об оккупированных территориях, принятый 23 октября 2008 г., и целью которой, согласно его первой статье, является «определение статуса территорий, оккупированных в результате военной агрессии Российской Федерации»[2].

Приближению представлений о прошлом и формированию внутренне не конфликтующей, обобщенной исторической памяти России и народов Кавказа не способствует и чрезмерная артикуляция внимания на войне терминов. К примеру, события XIX века одни исследователи называют русско-кавказской войной, подчеркивая захватнический, несправедливый характер войны со стороны России. Также неоправданно, на мой взгляд, для обозначения рассматриваемых событий использование термина «кавказско-горская война»[3]. При этом нужно отметить, что у каждой из сторон есть свои аргументы. Следовательно, формируются две оппозиционные друг другу исторические политики, которые, мягко говоря, не могут соответствовать глобальным военно-политическим и стратегическим задачам и интересам и Кавказа, и России.

Однако нужно не забывать о том, что в таких войнах памяти не бывает и не может быть победителей, зато проигравшими могут быть все. Бесконечные предъявления друг другу претензий, обид, имеющих историческое происхождение, не приближают к решению задач и адекватному реагированию на вызовы современности.

Прошлое, а точнее прошлые обиды, превращенные в незыблемые постулаты, грозят стать серьезным препятствием для развития народов в настоящем и их перспектив на будущее. Другими словами, существует опасность превращения будущего, в сиюминутных целях настоящего, в заложника прошлого.

Хочу закончить свое сообщение призывом ко всем: ради своего будущего не позволяйте втягивать себя в бессмысленную и опасную войну настоящего с прошлым!

---

[1] Дмитрий Люкшин. Сообщества «национальных историков» // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011. С. 186.

[2] URL: http://constitutions.ru/?p=5247.

[3] Т.А. Колосовская. Из опыта сохранения исторической памяти военного прошлого // История и историческая память. Выпуск 10. Саратов – Ставрополь, 2014. С. 45.

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы по библиографии Абхазии. Исторические и этнологические россыпи об Абхазии и Восточном побережье Черного моря. *Сост. Руслан Агуажба* 3

Гарик Сангулия. Царь Абхазии Ахы Саулах 89

Руслан Аргун, Алик Шанава. К вопросу о принадлежности Иоанна и его сына Адарнасе к «роду Шавлиани» 92

Георгиос Григориадис. Годонимия Сухума, или История названий сухумских улиц 102

Лев Вагнер, Надежда Григорович. Айвазовский (фрагменты) 136

Иван Славин. Минувшее – пережитое. Воспоминания (фрагменты) 141

Петр Чиков. Табачное хозяйство плантатора в Сухумском округе 150

Архимандрит Дорофей (Дбар). К 100-летию провозглашения новой автокефалии абхазской церкви 156

Станислав Лакоба. Август Мартин и эстонские материалы о событиях в Абхазии (1917–1921 гг.) 168

Путевые заметки по Абхазии. *Документы из личного фонда Р.М. Кабо* *179*

Лов дельфинов в Черном море 194

Николай Вержбицкий. Курорт Псырцха (б. Новый Афон) 196

Макс Зингер. Новый Афон 221

Мариэтта Шагинян. Пальмы и кукуруза; Черноморка; Сухумская гора 232

Ив. Ермолов. Начало индустриализации Абхазии 237

Удостоверение Джоты Хутаба 245

В.П. Верховский *251*

Галина Серебрякова. О других и о себе 253

Георгий Осипов. Очерки 257

Заур Гиндия. Иду на Вы. Записки политзаключенного 275

Борис Тапагуа. Записки командира 309

Саида Возба. История устами «детей войны» 319

Жан-Поль Лё Биан. На сухумской набережной 322

Л. М.-Б. (Левон Меликсет-Беков). Н. Джанашия. Абхазский культ и быт. – «Христианский восток», изд. Академии наук, т. V (1916 г.), вып. 3, стр. 157–208. 366

Омар Маан. Вопросы истории и генеалогии абхазов в труде И.В. Кузнецова и Р.Ш. Кузнецовой «Акадак: ежегодное моление лидзавцев» 368

Письмо Рауфа Клычева Константину Шакрыл 388

Рита Пация. Страницы истории кино в Абхазии 389

Ольга Войцеховская-Брендель. Поэзия труда 414

Александр Дроздов. Очерки абхазской прозы 440

Аслан Авидзба. Прошлое на службе настоящего, или Настоящее в плену прошлого (проблема реконструкции исторической памяти) 460

ДИАЛОГ ВРЕМЕН
История. Традиции. Культура

АЛЬМАНАХ
№ 2

Редактор **А.Я. Дбар**
Корректор **Г.Н. Рыженкова**
Верстка **Н.Г. Гунба**
Технический редактор **Н. Г. Гунба**

Формат 70x108 $^{1}/_{16}$. Тираж 500. Физ. печ. л. 35,5. Усл. печ. л. 49,7.
Заказ № 27.

Республика Абхазия, РУП «Дом печати». г. Сухум, ул. Эшба, 168.